

А
Э-90

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЭТИМОЛОГИЯ
2009–2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ

2009–2011

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж. Ж. Варбот

Москва
2012

4
9-90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-00470/12*

P1880

Редакционная коллегия:

Ж. Ж. Варбот (ответственный редактор),
Д. И. Эдельман, А. Ф. Журавлев, Л. В. Куркина (ответственный секретарь)

Рецензенты:

Доктор филологических наук **Г. К. Венедиктов**
Доктор филологических наук **В. Б. Силина**

Этимология / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М.: ИРЯ РАН, 1963—

2009–2011. – М.: ПРОБЕЛ–2000, 2012. – 432 с. – ISBN – 978-5-98604-343-2

Основной корпус сборника объединяет новейшие исследования отечественных и зарубежных ученых в области этимологии. Большая часть статей посвящена этимологизации конкретной лексики славянских языков, с ориентацией на реконструкцию праславянского лексического фонда. Основой доказательной базы в значительной части статей является анализ семантики слов в синхронном и диахроническом аспектах. Специально рассматриваются семантические параллели, сближающие лексику славянских и иранских языков. Объектом анализа в ряде статей является лексика диалектов русского и других славянских языков. При этом значительное внимание уделяется обнаружению заимствований в славянские языки из географически смежных языков на различных хронологических уровнях. Критико-библиографический отдел составляют рецензии на новые публикации, существенные для этимологических исследований: очередные выпуски нового этимологического словаря русского языка, монографии о происхождении названий животных в чешском языке, о семантических изменениях в лексике славянских языков, сборник статей польского ученого, посвященный теоретическим и методическим проблемам реконструкции праславянской и индоевропейской лексики.

Для языковедов — специалистов по этимологии, лексикологии, а также этнографов, историков.

ISBN – 978-5-98604-343-2

М. Белетич

ДОПОЛНЕНИЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕРМИНОЛОГИИ
РОДСТВА В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ (ЧУКУНДЕД)*

0. Сербский язык располагает разработанной, разветвленной терминологией родства. В отличие от других славянских языков в сербском языке существуют и названия для предков четвертого колена и далее: *чукундед*; *наврдед* (*наврндед*); *аскурђел* (*аскурдјел*, *аскурдјель*, *аскунђел*); *курђел* (*курдјел*, *кунђел*, *кудел*); *куребал* (*курлебало*, *курејбало*); *курајбер*; *курула*; *сукурдов*; *сукурбал*; *парђипан*; *ажмикур*; *бели орао*¹. Кроме названия *чукундед*, которое хорошо засвидетельствовано, широко распространено и присутствует в языковом сознании современных носителей, остальные названия не имеют широкого распространения и в большинстве своем (кроме *аскурђел* и *сурдепача*) не отмечены словарями. Об этих названиях М. Барьяктарович пишет: «Эти термины повсюду уже позабыты. Можно услышать только термин *курђел(а)* по отношению к совсем старому человеку»². Итак, предметом исследования станет одна не очень хорошо засвидетельствованная и этимологически непрозрачная группа слов, очень интригующая, но вместе с тем и «незрелая» для глубокого анализа. Мы займемся названием *чукундед*, которое во всем отличается от остальных, кроме одного — оно также не имеет достоверной этимологии.

1. Славянские термины для мужского предка в четвертом колене образуются нанизыванием префикса **pra-*, в результате образуются формы типа **prapradědъ*³.

1.1. Между тем в сербском и хорватском языках широко распространены названия с начальным элементом *чукун-* / *шукун-* (см. ОС 83–84 s.v. *чукундед*). Приведенный там материал можно дополнить данными из новых диалектных источников: *чүкунђед*

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Сербия, проект № 178007 «Этимологические исследования по сербскому языку и подготовка *Этимологического словаря сербского языка*».

(Мачва)⁴, *чукун̄њед* (Загарач)⁵, *чукун̄њед* / *чукундјед* (Никшич)⁶, *чукун̄њед* / *шукун̄њед* (Прошчене)⁷, *чукун̄њед* / *шукун̄њед* (Васоевичи)⁸, *чукундида* / *чакундида* (хорваты из Бачки)⁹, *шукун̄њед* (Ускоки)¹⁰, *шукундид* (Ливно, Дувно)¹¹, *шукундйид* (Брач)¹², также *кушунд(ј)ед* (*кушумд(ј)ед*): *Познавао свакога у главу, знао му за дједа и кушумдједа* (Конавли, РСА 11, 141).

1.2. Хотя и в меньшей степени, слово находит подтверждение в македонском: диал. *(ч)укундедо* (Леуно край Гостивара)¹³, *чукун дедо* / *чок дедо* (Преспа)¹⁴, очень редкое *чукундедо* (Демир Хисар)¹⁵ и в болгарском: диал. *чукун' дѣду: Бащата и майката на родителите са деду и баба. Техните дядовци и баби са прѣдеду и прѣбаба, а техните прародители чукунъ деду и чукунъ баба* (Банат)¹⁶, *чукун' дѣду* / *чѹг дѣду: И пуштувал негва чукун' деду — И преказвал, чи негва чуг деду и был у Влашку* (Банат)¹⁷.

1.3. В болгарском языке это слово чаще всего появляется в выражениях со значением 'с давних пор, с незапамятных времен', ср. *отъ чюкунъ-дѣдо* и *от чюкунъ-бабѣ* 'от родоначальника, от основателя рода, с давних пор': *Това е останѣло отъ чюкунъ-дѣдо* (Геров)¹⁸, *ч'укун-д'адо* (Тетевен, без определения значения и с примечанием, что упоминается в притче)¹⁹, *куч'ун-д'адо: Остало му от куч'ун-д'адо* (Тетевен)²⁰, *кучун дедо: Останало от кучун дедо* (Орхан)²¹, *кочун дѣдо: (останало) от кочун дедо* 'с давних пор, с незапамятных времен' (Ботевград)²², 'с давних пор': *Т'а ги помни от кочун дедо* (Рибарица, Етропол), *Вади се (круша дивачка) есен или в началото на пролетта и от кочун дедо се засажда на Благовец* (Вакарел, София)²³, *кукун д'адѣ* 'о том, что прошло незапамятные времена': *Устѣнълу ут кукун д'адѣ* (Троян)²⁴.

1.4. Изложенный материал показывает, что рассматриваемое южнославянское слово находит подтверждение в сербохорватском, македонском и болгарском языках. По мнению С. Стойкова, болгарские банатские формы *чукун' дѣду* / *чѹг дѣду* пришли из сербохорватского языка²⁵.

1.5. Очевидно, что слово шире всего представлено в сербохорватском языке. На его территории вырисовываются два различных, частично пересекающихся ареала: ареал формы с элементом *чукун-* (Воеводина, Бараня, центральная и юго-восточная Сербия, центральная Черногория) и ареал формы с элементом *шукун-* (Черногория, Приморье с островами, Босния, Герцеговина, Хорватия). В лексикографических источниках с XVII в. появляются формы на *ш-* (Микаля, Витезович, Белла, Стулли — RJA), тогда как формы на *ч-* отмечены лишь только в XIX в. (Вук 1818).

Из этого не следует, что варианты на *ш-* более старые, поскольку источники, в которых они рано засвидетельствованы, все из западной области, где они и сейчас преобладают, тогда как из восточной части языковой территории мы не имеем соответствующих источников до Вука. Элемент *чукун-* показывает значительно большую фонетическую стабильность (разве только *чакун-*), чем элемент *шукун-* (*шакун-*, *шекун-*, *шикун-*, *кушун-*, *сакун-*, *ша-*)²⁶. Сходная ситуация и в болгарском языке, где элемент *чукун-* имеет варианты *чуг-*, *чокун-*, *кучун-*, *кочун-*, *кукун-* и это преимущественно в выражении типа (*ост(ан)ало*) *от чукун дедо*.

2. Существуют две версии иноязычного происхождения рассматриваемого нами слова: по одной версии источник в романских языках, по другой — в турецком языке. Остановимся на этих версиях.

2.1. Штрекель первым указал на романскую форму *secundo* как исходную для с.-хорв. *чукун-*, *шукун-*, *шакун-*²⁷. Скок только приводит идею Штрекеля, отмечая отсутствие романских параллелей (Skok III, 192 s.v. *sakundjed*)²⁸. Идею о романском происхождении элемента *чукун-* / *шукун-* принимают и Трубачев²⁹, и Бернекер (приведенная в словаре форма **cukun-djed*, вероятно, печатная ошибка)³⁰.

Не комментируя фонетическую сторону предложенного объяснения, подчеркнем лишь, что в итальянском языке не существует название для предка в четвертой степени с элементом *secundo*-³¹. В качестве возможной параллели можно привести венецианский термин *secondo zermàn* ‘троюродный брат’, сред.-лат. *secundus heres* ‘внук’³².

2.2. Идею турецкого происхождения элемента *чукун-* / *шукун-* поддерживают Шкалич и Стаховский. Шкалич считает, что первый компонент гибридного слова *чүкунһед*, *шүкунһед* происходит от тур. *kökün* ‘основание, основа, корень’³³. Стаховский следующим образом объясняет происхождение элемента: *šukun* < **čukun* < сред.-тур. разговор. *kükün* = современное тур. литер. *kökün* ‘семья; место рождения’³⁴.

И хотя в этом объяснении семантическое изменение в какой-то степени может быть подкреплено с.-хорв. диал. *ћок* ‘происхождение, предки’ (Вране)³⁵ < тур. *kök* ‘корень’³⁶, все же это слово относится не к какому-то конкретному предку, а к родству, происхождению вообще. Ср. еще *көрён* ‘род, семейный отпрыск, происхождение’, макед. *коренија* ‘род, корень, колено, происхождение’, болг. *кòрен* ‘происхождение, род, колено’³⁷.

С формальной стороны как будто бы отсутствуют препятствия для выведения формы на *ч-* из турецкой формы на *k-* с последующим переходом *ç-* < *k-*, известным турецким говорам: ср. тур. диал. *çükürt* < *kükürt* 'сера', *çüçük* < *küçük* 'малый' (Призрен)³⁸. Впрочем, в болгарском отмечена форма, самая близкая турецкому этимону — *кучун* в выражении *кучун д'адъ* (см. выше), но ср. другое объяснение в БЕР (см. ниже)³⁸. Значительно труднее объяснить переход начального *ч-* > *ш-* в сербохорватских примерах (как, впрочем, и обратный переход *ш-* > *ч-* в случае романской этимологии)⁴⁰. С точки зрения образования формы нужно было бы предположить, что речь идет о сложении по турецкой словообразовательной модели (так наз. турецкий изафет)⁴¹, причем первое слово турцизм, а второе исконное (тип *алем-камен*), значение было бы *основа-дед, *корень-дед и т.п., но такие образования чаще всего употребляются в народном творчестве⁴².

2.3. Проблема окажется сложнее, если примем во внимание болгарские свидетельства — *кучун дедо*, *чокун дядо* 'прапрадед', для которых авторы БЕР в разных местах дают разное объяснение. В статье на *кучун* приводится мнение Скока и Трубачева, а болг. *кучун* объясняется как результат метатезы (БЕР 3, 172). Основываясь на выражении *от дядовия ми* '*membrum virile*' жарг. 'с давних времен', БЕР (2, 690: s.v. *кочун*) форму *кочун* в синтагме *от кочун дядо* 'с незапамятных времен' связывает с *кочан* 'кочерыжка, початок' в его переносном значении '*membrum virile*'⁴³. В статье на *кучунь* (слово в синтагме *от кучунь дядо* 'с незапамятных времен') предполагается, что форма *кучунь* произошла от *кочун*, а *у* в форме *кучун* появилось под влиянием имени из тайного языка *кучуль* 'старец, старик' (БЕР 3, 105)⁴⁴.

2.4. Из всего выше изложенного становится ясным, что «Огледна свеска» не могла предложить никакого конкретного решения, кроме констатации, что речь идет о южнославянском слове неизвестного происхождения, возможно, сложении с элементом *дед* (< праслав. *dědъ), причем первый элемент остается неясным (ОС 83–84 s.v. *чукундед*).

3. В поисках возможного решения мы опираемся на ту часть «сложения», которая остается ясной, пытаемся найти в пандан нашему *чукундеду* хотя бы отчасти созвучные и семантически адекватные лексемы, которые в своем составе содержат (или так кажется) имя *dědъ.

3.1. На первый взгляд кажется заманчивой идея возможной связи термина родства *чукундед* со ст.-серб. антропонимом

*Кундѣд, от которого с помощью посессивного суф. *-jь* образован топ. *Кундѣђ*, отмеченный в 1316 г. в современной Метохии⁴⁵. Но с учетом того, что тот же антропоним, несомненно, представлен и в форме *Кьндѣд* и *Кундедат* у валашских пастухов на территории средневековой Сербии, скорее правы те, которые высказывают предположение о его романском происхождении от *candidus* 'белый'⁴⁶, несмотря на написание с ятем *-дѣд*, и считают, что это личное имя явилось результатом скрещения со славянским термином родства и что оно могло быть в сербском языковом сознании переинтерпретировано как сложение с ним в качестве второго члена. Если это на самом деле романизм, то связь с нашим *чукундедом* можно было бы принять только при условии, что в романском найдутся термины родства, которые обозначают дальнего предка как «белый», ср. выше *бели орао*⁴⁷. Представляется, что такие термины отсутствуют. Другая проблема касается формальной стороны, т. е. отсутствия начального *чу-/шу-* в *Кундѣд.

3.2. Если все-таки слово в целом славянское, то намечается сравнение с кашуб. *ku źąd* 'злой дух; дьявол' (< *ku-dědъ) при *źąd* 'злой дух, вероятно, один из древних домашних демонов, который по народным поверьям относится к категории злых духов, которыми пугают детей' (< *dědъ). Элемент *ku-* объясняют как индоевропейский пейоративный префикс, представленный в синонимичных кашубских формах *kudjabel*, *kusrăt* (SEK 3, 110)⁴⁸.

У праслав. *dědъ 'avus' (и его производных) развилось значение 'домовой, демон' под влиянием верования о духе предка как защитнике и покровителе дома. Обычно домовым считался умерший член семьи, предок рода, который обеспечивал нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие⁴⁹. Переход названия *dědъ 'демон' в пейоративную сферу произошел позднее, когда культ домашних духов начал восприниматься как отличительная особенность язычества (SEK 3, 110).

И хотя в этом случае *чукундед* оказывается в своем окружении, т. е. среди предков, негативная семантика, которую несет начальное *ku-*, и прежде всего отсутствие начального *чу-/шу-*, ставит это объяснение под сомнение.

3.3. К миру демонов относится и рус. диал. стар. *куд* 'злой дух, бес, сатана' (ЭССЯ 13, 84 s.v. *kudъ / *kudъ), польск. диал. *kudyś* 'злой дух, дьявол' (ЭССЯ 13, 83–84 s.v. *kudo), для которых открыта возможность связи с гл. *кудити*. Хотя бы формально, как будто бы можно свести название (*чу*)*кундед* к сложению с императивом *kudi-dědъ, из которого путем синкопирования могла бы

возникнуть форма *kudǰjed > *kudjed* или даже *kundjed* (если предположить диссимиляцию *ǰǰ* > *nd*). Ср. по форме *kudibaba, слово сомнительной праславянской древности, реконструируемое на основе с.-хорв. *кудибаба* ‘наговорщица, сплетница, клеветница’ и необычных чешских форм м.р.: *kudibal* ‘ленивый и глупый человек’, диал. *kudibal: my máme eště kudibala!* ‘... сумерничаем’, *kudibal s devíti hlavama* ‘свадебная загадка’, *kudrbal* ирон. ‘домосед’ (ЭССЯ 13, 82). Махек приводит без объяснения формы *kud'bal*, *ku(n)dibál*, *kudrbal* в значении ‘медлительный, вялый человек’ (Махек 412 s.v. *okouněti*)⁵⁰. Сильная модификация чешских примеров (по ЭССЯ 13, 82) могла бы свидетельствовать о древнем характере образования, но неизвестно, возможна ли для них реконструкция *kudibaba. Ср. завершение на *-bal* в *куребал*, *сукурбал* (см. выше).

Какое значение могла бы иметь предполагаемая форма **kudiděďь?⁵¹ Даже в том случае, если бы эта форма отражала некогда свойственное ей позитивное (или хотя бы нейтральное) значение гл. *кудиту* *‘восторгаться, восхищаться’⁵², все же маловероятно использование ее для обозначения далекого предка.

3.4. Чтобы снять последнее предположение о происхождении термина *чукундед*, мы должны вернуться к разделу с цифрой 0. Единственное слово этой группы, которое подвергнуто этимологическому анализу, это *аскурђел* (см. EPCJ 1, 226). В ареал этого слова входят Бачка, Банат, Славония, а из устных сообщений Книн и Цетине. Оно прекрасно сохранилось в ругательствах: *Аскурђела ти твога!* — *Аскурђела им њиховог* и т.п. Поскольку связь с формой *курђел* вполне очевидна, думается, что это образование можно было бы понять как *ас-курђел* ‘настоящий курђел’ (?) (EPCJ 1, 221–222 s.v. *ac*¹), причем сам *курђел*, конечно, не имеет решения.

Между тем форма *аскурђел*, содержащая элемент *-skur-*, могла бы быть поставлена в связь с праслав. **pra-sk(j)urь*, откуда серб.-слав. *працоуърь* ‘праправнук’⁵³, др.-рус. *працурь* ‘прапрадед, праправнук’, рус. *пращур* (Фасмер III, 356)⁵⁴, укр. *пращур* (ЕСУМ 4, 558), блр. *прашчур* (ЭСБМ 10, 25–26), польск. *praszczur* (Bogus 479–480)⁵⁵.

Среди сербохорватских слов и приведенных славянских параллелей не существует регулярных вокальных отношений, причем нельзя упускать из вида их фонетическое разнообразие⁵⁶.

3.4.1. Трубачев возводит праслав. **pra-sk(j)urь* к и.-е. *(*s*)*keur-*, *(*s*)*kur-* с тем же корнем, что и и.-е. **sue-k'uros*, но с велярным *k*⁵⁷.

Он подчеркивает, что группа *sk* присутствует во всех славянских примерах, впрочем таким же образом объясняется рус. *щ* (< *skj*). Приведенные О. Н. Трубачевым примеры в качестве неславянских параллелей (напр. греч. *kūros*) дают основание предполагать, между прочим, долгое *ū, тогда как он допускает возможность чередования **skour-* / **skeur-*.

Борысь реконструирует две праславянских формы — *praščurь (< *praskjur < **prō-skeuro-*) и, возможно, *praskurь (< **prō-skouro-*), сложение преф. *pra-* с не совсем ясным вторым членом **-skurь* / **-ščurь* (Boryś 480).

Большинство авторов, за исключением Фасмера, в качестве ближайшей параллели приводят лит. *prakūrėjas* ‘прародитель’. Для нас особенно важна комплектная семантика этого слова. Так, в «Словаре литовского литературного языка» приводятся для него следующие значения: ‘основатель (села)’, ‘тот, кто разводит огонь’ и устар. ‘прапредок’⁵⁸.

3.4.2. Тем самым в наше исследование вводится совершенно новое обстоятельство, а именно связь сербских названий далекого предка (большинство из которых содержат элемент (основу?) *-кур-*) с сербохорватским и славянским названием мужского полового органа, для которого реконструируется праславянская основа **kur-*⁵⁹. Еще Н. И. Толстой ставил под сомнение трактовку *kurьсь как диминутива от *kurь* ‘петух’, указывая на близкие по звучанию слова в значении ‘палка’ в русских диалектах⁶⁰. В дальнейшем Лома связал это название с действием разведения «живого огня», а также с созвучными названиями пениса в иранских языках и показал, что гнездо слова со значением ‘деревянный гвоздь, ось, penis’ связано с праслав. гл. *kuriti ‘разжигать, гореть’⁶⁰. В широком и.-е. контексте этому слову ближе всего стоит лит. *kūrti* ‘разжигать, разводить огонь’ при омониме *kūrti* ‘создавать, творить’⁶¹. В последнее время преобладает мнение об их этимологическом тождестве⁶².

Смочиньский также объединяет эти два глагола в один — *kūrti* ‘разводить (огонь)’, ‘создавать, творить’. Среди производных он приводит возвр. гл. *kūrtis* ‘поселяться, вселяться на новое место’, а также формы с основой **kūr-* в ступени продления: *kūrėnti* ‘топить (печь), отапливать’, *ikūrīmas* ‘создание, основание’, *kūrinỹs* ‘создание, творение’ (Smoczyński 327–328)⁶³.

Не относится ли таким образом лит. *prakūrėjas* со значениями ‘основатель’, ‘тот, кто разводит огонь’ и ‘прапредок’ к тому же гнезду слов? Не показывает ли оно, что значение ‘прапредок’ раз-

вилось из значения ‘тот, кто основывает, кто первый поселяется’, т. е. ‘тот, кто первым разводит огонь’?⁶⁴

3.4.3. С учетом этой мотивации вернемся к нашему *чукундеду*. В сербском засвидетельствованы гл. *чкати*, *чкâm* ‘ковырять, рыться, возиться’ (Вук), *зачкати* ‘заткнуть, забить, законопатить’, *зачкати се* безл. ‘попасть, упасть’, *начкати* то же, ‘набить, напихать, насовать’ (РСА 6, 585; 14, 641), которые возводятся к праслав. *čьkati, *čьkŋoti наряду с *čikati с основным значением ‘ударять, стучать, пихать, толкать’ (ЭССЯ 4, 110–111, 141; Sł. prasł. 2, 309–310, 197–198). К продолжениям формы *čikati относится рус. диал. *чикать* ‘высекать огонь’ (ЭССЯ 4, 110), ср. *чикать*, *чикнуть* ‘ударить, треснуть’: *чикать огнем* — *Чик, чик, а все нет огня!* (Даль² IV, 604).

В сербских диалектах засвидетельствован почти синонимичный гл. *чұка* 3 л. ед. ч. ‘ударять молотом по какому-то материалу’, ‘стучать, ударять’, ‘высекать огонь о кремень’: *Од кьд чукам и нече се трудав упали*⁶⁵, также имя *чұкала* м.р. ‘прибор для зажигания табака, который состоит из огнива, кремня и трута’ (Тимок)⁶⁶. Хотя эти сходные формы возводятся к праслав. звукоподражанию *čikati (ЭССЯ 4, 131–132; Sł. prasł. 2, 286–287), которое даже признается одного происхождения с *čikati, *čьkŋoti при угасании различий в вокализме по причине экспрессивной природы слова (ЭССЯ 4, 131–132), все же речь может идти о чем-то другом. Возможно, форма *чукати*, *чукнути* в значении ‘высекать огонь о кремень’ в действительности от *čьkati, *čьkŋoti (учитывая русские параллели от *čikati в ЭССЯ 4, 111)⁶⁷, и, возможно, тут только вторичное развитие -у- для устранения трудно произносимой группы, которая появилась вследствие падения слабого редуцированного (ср. *бузова* < *бзова* < *bъzova*, ЕРСJ 2, 73–74)⁶⁸. Возможно, производное от того же глагола и имя на *-ушь — **čькушь*⁶⁹, которое могло срастись с именем *dědъ. Следовательно, получаем параллель к лит. *prakūrėjas* — слав. *čькушь dědъ в значении ‘прапрадед, который первым зажег огонь в родовом доме’.

3.4.4. Если объяснение было бы точным, то изначальная форма *чкундъд — в части сербохорватской территории, где *чк* переходит в *шк*, ср. *мачка* > *машка* (Приморье, Черногория) — дала бы *шкундъд, и тогда из той и другой формы получили бы *чукундъд / *шукундъд (с вторичным восстановлением гласного -у- по следующему слогу для упрощения трудно произносимой начальной группы). Этим обстоятельством можно было бы объяснить большое разнообразие фонетических вариантов у форм на *ш-* (*шу-*

кун-, шакун-, шекун-, шикун-, кушун-, сакун-, ша-), для которых не осознается мотивация названия, тогда как у форм на ч- осознание мотивации дольше сохранилось. Более того, гл. *чукати* со своими производными развил релевантные вторичные значения, связанные с этим кругом лексики, ср. *чукати* (се), *чукнути* рф., *начукати* 'futuere', *чук*, *чукало* 'penis', *чукање* 'связь, сношение (половое)'; в связи с его изначальным значением ср. и *кресати* 'высекать огонь; futuere'⁷⁰. Но и исходный гл. *чкати* (*зачкати* 'законопатить, забить, заткнуть', *начкати* 'набить, напихать, насовать') имеет такую же коннотацию, ср. *запушити* 'заткнуть; futuere', *набити*, *набијати* то же⁷¹.

4. В свете приведенных данных становится очевидным, что название *чукундед* все еще не имеет окончательного однозначного объяснения, поскольку во всех предлагаемых решениях имеются свои не то формальные, не то семантические слабые стороны. Между тем нашей основной целью было «поколебать» утвердившееся мнение об иноязычном происхождении начального элемента *чукун-/шукун-* и обратить внимание на возможность объяснения, исходя из собственных языковых средств. В пользу этого в какой-то степени говорит и распределение рассматриваемого слова в пространстве (сербско-хорватский, македонский, болгарский). Оно указывает на то, что вероятнее всего речь идет о южнославянском слове, славянском, но не праславянском, возникшем после распада праславянского единства и получившем распространение лишь в южнославянском ареале⁷².

При том, что все южнославянские языки отличает богатая и разветвленная терминология родства, остается неясным, почему слово *чукундед* / *шукундед* только в сербохорватском языке хорошо засвидетельствовано, распространено, употребительно (хотя в повседневной жизни редко появляется, поскольку лишь немногие имеют *чукундеда*), в то время как в македонском оно очень редко⁷³, а в болгарском языке сохранилось только в составе фразеологических выражений (что, в свою очередь, свидетельствует о его архаичности)⁷⁴.

Не претендуя на окончательность предложенного решения, мы хотели только указать на возможное направление дальнейших исследований, которые должны прежде всего опираться на исторические обстоятельства, связанные с домашней организацией родственных и семейных отношений, социальной жизни, а также с домашними верованиями и культами, которые могли бы лежать в основе рассматриваемых названий.

Примечания

¹ Ср. следующие ряды: 1) *отац, дед, прадед, чукундед, наврндед, аскупњел, кунњел, куребал* (рукопись XVIII в., которая хранится в Отделе рукописей Матицы Сербской, Нови Сад); 2) *отац, дед, прадед, чукундед, курњел, аскупњел, куребалло, курцула* (Капор М. Дух Мије Љубана. Политика, 08.11.1992, с. 11); 3) *отац, дед, прадед, чукундед, наврндед, аскупњел, курњел, куребалло, сукурдов* (устное сообщение из Книна); 4) *отац, дед, прадед, чукундед, наврндед, аскупњел, кудел, куребал, сукурбал, бели орао* (надпись на одном кабаке вблизи монастыря Ковиля в районе Титела); 5) *отац, дед, прадед, чукундед, парњипан, курњел, аскупњел, куребалло, сукурдов, ажмикур, курајбер* (устное сообщение из Цетиня). Подробнее см.: *Бјелетић М. Терминологија крвног сродства у српскохрватском језику* // ЈФ 50. Београд, 1994, 200.

² *Барјактаровић М.* О сродничким називима код нас и њиховом делимичном нестајању // Гласник Етнографског музеја 50. Београд, 1986, 165. Не менее интересно то, что эти названия часто присутствуют в Интернете на форумах, на которых обсуждается родословная, где просят объяснить более редко используемые выражения, а слово *аскупњел* ушло в слэнг и обозначает человека, который отличается от своей среды (см. <http://vukajlija.com>).

³ *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, 70.

⁴ *Лазич А.* Грађа за речник говора Мачве. Шабац, 2008, 349.

⁵ *Ћупић Д., Ћупић Ж.* Речник говора Загарача // СДЗБ 44. Београд, 1997, 556.

⁶ *Ђоковић Љ.* Говорни драгуљи никшићког краја. Београд, 2005, 242.

⁷ *Вујичић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). Подгорица, 1995, 135, 139.

⁸ *Боричић Тиврански В.* Рјечник васојевићког говора. Београд, 2002, 356, 368.

⁹ *Šekulić A.* Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb, 2005, 78, 72.

¹⁰ *Станић М.* Ускочки речник 2. Београд, 1991, 531.

¹¹ *Рамић Н.* Ливањско-дувањски говорни тип // СДЗБ 46. Београд, 1999, 418.

¹² *Štimpović P.* Rječnik bračких čakavskih govora. Supetar, 2006, 577.

¹³ *Поповски А.* Македонскиот говор во Гостиварскиот крај. Гостивар, 1970, 101.

¹⁴ *Петреска В.* Систем на сродство кај македонците. Скопје, 2005.

¹⁵ *Цветковски Р., Стефаноски Б.* Речник на демирхисарскиот говор. Скопје, 2008, 761.

¹⁶ *Телбизова К., Телбизов М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // СБНУ 51. С., 1963, 254.

¹⁷ *Стойков С.* Лексиката на банатския говор // Трудове по българска диалектология IV. С., 1968, 271–272. Ср. *чуг баба и чукун 'баба 'прабабушка': Негвата чуг баба със у кълзуне искрвити дукате и душа у Баната — Тийа са шмал и чуг баба* (Там же 271).

¹⁸ В сербском языке в том же значении используется выражение *от девет деда* (*дедова*) 'от давних пор, от времен древних предков' (РСА 4, 150).

¹⁹ *Стойчев Кр.* Тетевенски говор // СБНУ 31. С., 1915, 361.

²⁰ Там же, 291.

²¹ *Иванов Г.* Орханский говор // СБНУ 38. С., 1930, 121.

²² *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика // БД I. С., 1962, 193.

²³ Известия на Етнографския институт с музей 16. С., 1975, 395.

²⁴ Болгарские примеры взяты из картотеки Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии (Институт болгарского языка БАН). Благодарю болгарских коллег за предоставленную возможность познакомиться с материалами картотеки.

²⁵ Стойков С. Указ соч., 271, 272.

²⁶ Ср. например *шакунђед* (Бока), *шекундид* (Имотски край), *шикунђед* (Баня и Кордун, Черногория), *кушундид* (Корчула). См. ОС 83–84.

²⁷ *Štrekelj K. Beiträge zur slavischen Fremdwörterkunde I // AfSIPh 12. Berlin, 1890, 457.*

²⁸ Неясно, относится ли упомянутое замечание к префиксу *шукун-* или *кон-*. «Для *праунук* нет формы *шукун-* в отличие от *кон-*: *конунук* м.р. ‘сын правнука’ при ж.р. *конунука* (Маретић). Будмани сопоставляет *кон-* с *кушун-* и *шукун-*. Этот префикс, следовательно, произошел путем редукции первого слога *шун-*. Романских параллелей нет» (Skok III, 192). Если говорить о параллелях для *кон-*, то не совсем точно утверждение об их отсутствии, ср. лат. *sobrinus, consobrinus* ‘двоюродный брат, кузен’ (Трубачев О. Н. Указ соч., 68).

²⁹ Трубачев О. Н. Указ соч., 70.

³⁰ Между тем Скок допускает существование этой формы и, исходя из формы *сакунђед* (Любиша), приводит варианты: *шакунђед, шекунђед, шикунђед, шукунђед* (последняя форма объясняется ассимиляцией *e, u – y > y – u*); форма *кушунђед* объясняется метатезой *ш – к > к – ш*, форма *цукунђед* — переходом *c > ц*, а *чукундед* — переходом *ш > ч* (Skok III, 192).

³¹ Итальянское название чукундета — *trisavolo*. Среди сербохорватских терминов родства для названия предка засвидетельствованы романские заимствования только до третьего колена, т. е. до прадеда, ср. *бижноно* (Бакарац и Шкрлево, Драчевица), *бишноно* (Орлец) < ит. *bisnonno*. Подробнее см. Бјелетић М. Родбинска терминологија у српскохрватском језику. Београд, 1993 (магистерска работа в рукописном виде), 43–46.

³² Примеры из: *Du Cange C. Glossarium mediae et infimae latinitatis I-X. Niort, 1883, 1887*, цитируется по: Berneker s.v. *čukun-*. Штрекель приводит в качестве параллели только *secundus heres* (Štrekelj. Op. cit. 457). Очевидно, речь идет о книжной форме, поскольку итальянское слово для внука *nipote*. В Приморье и на островах для обозначения внука употребляется термин *непум*, далмато-романский остаток лат. *nēpos, nepōtis* (Skok II, 511 s.v. *něpūt*; Бјелетић. Указ соч. 40). Что касается венецианского термина *secondo zermàn* (см. еще *Boerio G. Dizionario del dialetto veneziano. Venezia, 1856, 811*), то он заимствован сербохорватским языком как полукалька *дрўги зрмån* (Истра, Крк) или как полная калька *дрўѓи рђћак* (юго-вост. Хорватия, Бјелетић. Указ соч. 98). Кроме того, он используется в качестве наименования родственника по боковой линии, но не предка по прямой линии.

³³ Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979, 592.

³⁴ Стаховский С. Турцизмы в словаре Я. Микали // Этимология 1965. М., 1967, 209; Этимологический словарь тюркских языков. М., 1997, 91–92 s.v. *kӨk* II.

³⁵ Златановић М. Речник говора јужне Србије. Врање, 1998, 417.

³⁶ Škaljić A. Op. cit. 195.

³⁷ Бјелетић М. Кост кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура 4. Делови тела. Београд, 1999, 53–54: примечание 23.

³⁸ ОС 84.

³⁹ Ср. с.-хорв. *кукундета* ‘вид луговой травы’ (Лесковац, РСА 10, 796).

⁴⁰ Логичнее всего было бы предположить, что этот переход произошел в условиях сандхи, напр. при слиянии [одчукундеде] > [отчукундеде] > [отшукундеде] > шукундеда, но в сербохорватском языке нет выражений типа болг. *отъ чукуньдъдо* (см. 1.3).

⁴¹ См. *Петровић С.* Историјат и стање проучавања турцизма у српскохрватском језику // Зборник Матце српске за филологију и лингвистику 36/2. Нови Сад, 1993, 103.

⁴² Известны и примеры сложений, составленных из двух исконных имен, ср. *извор-вода, лепота-девојка, цар-девојка*. См. *Петровић С.* Указ. соч. 103–104.

⁴³ О *кочан* см. еще БЕР 2, 686–687 s.v. *кочан*; Skok I, 333–334 s.v. *čōkānj*; ЭССЯ 10, 104–105 s.v. *коцать; Фасмер II, 356–357 s.v. *кочан*.

⁴⁴ Может быть, следует принять во внимание и фразеологизмы типа с.-хорв. *од кукужека, од кукужека* ‘давно, с незапамятных времен’, *на куково лето, на куковдан* ‘никогда’ и т.п. (см. *Мршевић-Радовић Д.* Фразеологија и национална култура. Београд, 2008, 72–73), ср. БЕР 3, 93 s.v. *Куковдан*.

⁴⁵ При основании Баньского монастыря в Косове в грамоте 1316 г. («Свето-степанска хрисовуља») король Милутин, кроме прочего, дарует ему: *оу хвост'нѣ. Бело гоум'ншта. а мекк моу. шт плоужинь шт кроушьке воатик низ потокъ оу коун'дѣгъ. шт коун'дѣга оу с каменны рѣть* (fol. 20; Љ. Ковачевић. Споменик Српске краљевске академије 4. Београд, 1890, 3).

⁴⁶ *Пешикан М.* Историјска топонимија Подримља II // Ономаголошки прилози 2. Београд, 1981, 26–27; *Грковић М.* Речник имена Баньског, Дечанског и Призренског властелинства у XIV веку. Београд, 1986, 111; *Лома А.* Топономастичка сведочанства Баньске хрисовуље // Повеља краља Милутина манастиру Баньска. Светостепанска хрисовуља. Књига друга. Фототипија издања и пратеће студије / Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд, 2011, 185.

⁴⁷ Подробнее см.: *Бјелетић М.* Беле пчеле // Кодови словенских култура 6. Боје. Београд, 2001, 112–113.

⁴⁸ Подробнее см.: *Popowska-Taborska H.* Kaszubski *kudjâbel* i jego rodzina // Sławistyczne studia językoznawcze. Wrocław etc., 1987, 273–276; *Popowska-Taborska H.* Inaczej niż dotąd o kaszubskim *kudiable* // Studia lingwistyczne ofiarowane Profesotorowi K. Polańskiemu na 70-lecie Jego urodzin. Katowice, 1999, 295–298.

⁴⁹ См. Славянские древности 2, 41 s.vv. *ded, dedy*. См. еще: *Dukova U.* Die Bezeichnungen der Dämonen im bulgarischen // Linguistique balkanique XXVII / 2. Sofia, 1984, 18–20; *Dźwigoł R.* Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków, 2004, 128.

⁵⁰ Благодаря любезности коллеги Х. Карликовой из Этимологического отдела Института чешского языка Академии наук Чешской республики удалось получить еще несколько подтверждений этого слова: в значении ‘неловкий, неумелый, неуклюжий; копуша’ (околица гор. Йилемница, 1924 г.), в окрестности гор. Нови Бидзов говорят: *kdo dere v sobotu perí, na toho prý přijde kudibal*, т. е. ‘животное, похожее на корову, но только с двумя ногами, пугало’ (*Kostál J.* Lidová mluva na Buzdzovsku, 1902); *svetit kudibala ve čtvrtek od večera do rána* ‘не работает тот, кто празднует кудибала’ (Český lid 27, 1927, 74).

⁵¹ Ср. идентичную словообразовательную форму фитонима *дремидеда* ‘подснежник, Galanthus nivalis’, *дремнидеда*, *дремидеда* ‘анемон, Anemone, A. pulsatilla’. Другие названия для этого растения: *чукундед, чукундеда, шукундека* ‘Anemone pratensis, A. pulsatilla’, *шукундед, шукундеда* ‘A. pulsatilla’, *шукундјед* ‘Anemone pratensis’ (*Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура 1. Бильке. Београд, 1996, 90–91).

⁵² Подробнее см.: Лома А. Глаголи *koriti и *kuditi у словенској и српској ономастици // Оноματοлошки прилози 18. Београд, 2005, 21–30. А. Лома высказывается за связь между слав. *kuditi, греч. *kūdos*, слав. *čudo, предполагая следующее семантическое развитие праин.-е. **keu-* ‘воспринимать (как чудо)’, отсюда, с одной стороны, **keudos-/kūdos-* ‘знамение, позитивная или негативная сверхъестественная обозначенность’ > **kud(s)-* ‘вербальное указание на нечто как на чудо в негативном смысле’ (Указ. соч. 26–27).

⁵³ Трубачев О. Н. Указ. соч. 72–73.

⁵⁴ Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 г. Фототипија / Приредио Миодраг М. Петровић, Г. Милановац, 1991, 276: *w правноуцѣ и w пращоуѣ* с примечанием на другой стороне: *дѣдъ ѿць снъ внуѣкъ. ѿ правноука же родивы се гла се пращоуѣ.*

⁵⁵ Сюда же, вероятно, относится обычно употребляемое в клятвах и ругательствах (как и *аскуфел*!) болг. *оцур* ‘род, родословная’, которое производится из праслав. *otъskjurъ и объясняется как старая именная синтагма **otъ *skjura* (БЕР 4, 992–993). Ср. и *оцпер* ‘семья, потомство, поколение’ (Габрово), ‘род’ (Шумен), *ошчеп* ‘род, корень, происхождение’ (Самоков) (БЕР 4, 992).

⁵⁶ Ср. польск. диал. *plaskur, plazgur, plaskurzę, prask(u)lę, prazgulę, przasturzę* (Boryś 479–480).

⁵⁷ Трубачев О. Н. Указ. соч., 73.

⁵⁸ Wörterbuch der litauischen Schriftsprache / Bearbeitet von Max Niedermann, Alfred Senn, Anton Salys. 23. Lieferung. Heidelberg, 1954, 217. Уже Трубачев цитировал примечание К. Буги по поводу статьи *пращур* в словаре Преображенского: «... Основным значением слова было ‘основатель’, ср. *prākuriu* ...» (Трубачев О. Н. Указ. соч., 73: примечание 428).

⁵⁹ Подробнее см.: Лома А. “Петлић”, “палидрвце” или “оплодитель”? // Кодови словенских култура 4. Делови тела. Београд, 1999, 131–145.

⁶⁰ Толстой Н. И. *Чур и чушь* // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995, 364–370.

⁶¹ Автор подкрепляет это положение следующими фактами: «В Любине гвоздь у гределя плуга *курель* кладут младенцам в постель, чтобы рождались дети мужского пола ... . Эта магия основана не только на созвучности названия и сходства реалии с пенисом, но и на функциональной аналогии полового сношения с вкладыванием гвоздя в отверстие, особенно выраженной в случаях, когда соединение вызывает трение вставки в просверленной части (как у оси). Во всяком случае эта метафорика праславянская. Между тем остается открытым вопрос, обозначен ли метафорически мужской член как гвоздь или наоборот. Однако более вероятно, что в основе лежит метафора глагольного действия, а не вид орудия. Метафора пениса, который входит во влагалище, эксплицитно присутствует в архаичном обряде разведения «живого огня» из дерева путем трения чаще всего таким образом, что одно твердое дерево при помощи веревки вращалось в другом мягком, с желобом или просверленном. При этом «активное» деревце особо воспринимается и обозначается как **мужское**, а пассивное как **женское**» (Лома А. Указ. соч. 133).

⁶² Лома А. Указ. соч., 134.

⁶² Лома А. Указ. соч., 139–140.

⁶³ По мнению Смочиньского, лит.-лтш. *kur-* является рефлексом нулевой ступени **kʷr-* от и.-е. **kʷer-* ‘отнять, отрезать, делать, создавать’, ср. хетт. *kuerzi* ‘сечь’, вед. *krnóti* ‘делать, создавать’ и т. д., при этом остается проблема происхождения литовского акута.

⁶⁴ Это как будто бы согласуется с объяснением лит. *kūrti* в значении ‘жечь’ как производного от ‘создавать’ через синтагму *ūgnī kūrti* букв. ‘создавать огонь’, т. е. ‘разводить огонь’ (Fraenkel I, 319). Также очень вероятно, что большинство названий далекого предка (см. начало нашей работы) базируется на основе *kur-*, как и название мужского полового органа. Существование связи между наименованием *membrum virile* и терминами родства подкрепляется многочисленными параллелями, ср. хотано-сакск. *kūra-*, *kaurka-* ‘penis’, иран. **kur-* ‘производить, рожать’, согд. *wkwrv* < **vi-kor-* ‘родня, родственники’, др.-инд. *kūla-* ‘семья, род’ (Лома А. Указ. соч., 136–137); др.-инд. *limga-* ‘penis’, ‘рождение’, ‘род, родственники, племя’, ‘потомство, потомки’ и т.п. (Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии V (1) // Этимология 1991–1993. М., 1994, 139). Если бы лит. имя *prakūrėjas* действительно было того же происхождения, что и гл. *kūrti* ‘разогреть, зажигать (огонь); творить, создавать’, то это было бы косвенным подтверждением связи слав. названия для *penis* с праслав. гл. **kuriti* ‘гореть, жечь’ и сходно для названий *аскурфел*, *курфел*, *курбал*, *сукурдов*, *сукурбал*, *ажмикур* и т.п. связи с тем же глаголом. Их непрозрачность проистекает из того, что они с ослаблением мотивации претерпели модификацию до неузнаваемости.

⁶⁵ Также ‘кастрировать закручиванием мошонки’.

⁶⁶ Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008, 896.

⁶⁷ Возможно, в сербском языке гл. *чикати* в значении *‘палить, жечь’ вышел из употребления, чтобы избежать омонимии с турцизмом *чѝкати* ‘дразнить’, его функции взял на себя гл. *чукати*.

⁶⁸ Ср. болг. диал. *чѝкам* ‘высекать огонь огнивом и кремнем’, *чѝкна* pf. (Родопы) < **čakati*, *čaknoti* (ЭССЯ 4, 13, 14). Возможно, значение ‘высекать огонь’ — лишь результат вторичного развития значения ‘ударять, стучать’.

⁶⁹ Именно такая же форма реконструирована в: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. VII // Студії з ономастики та етимології 2011–2012. Київ, 2012, 286. Суффикс сохранил продуктивность только в вост.-слав. языках. В ю.-слав. языках лучше сохранился в словенском языке, а в сербохорватском языке представлен в словах *glādūn* ‘человек, который прихорашивается’, *boğātūn* ‘богатый человек’, *slādūn* ‘сладкий шиповник’, *krězūn* ‘щербатый (о человеке)’ (Sławski. Zarys 1, 134; Skok III, 544–545).

⁷⁰ Шипка Д. Опсцене речи у српском језику. Београд-Нови Сад, 1999, 144, 101.

⁷¹ Там же 91, 108.

⁷² Ср. аналогичный случай с ю.-слав. *хала* (Белетич М. Духовна култура Словена у светлу етимологије јсл. *(x)ala* // Dziejе Słowian w świetle leksyki. Kraków, 2002, 75–82).

⁷³ Показательно, что это наименование не упоминается в монографии, основанной на богатом материале, собранном по программе «Македонски дијалектен атлас»: Стоевска-Денцова Е. Именување на роднинските односи во македонските дијалекти од словенски и балканистички аспект. Скопје, 2009.

⁷⁴ Возможно, ответ кроется в запрете на браки между кровными родственниками. Безусловно были запрещены браки между лицами по прямой линии, а у побочной линии вплоть до седьмого колена (Иванишевић Ј. Народни називи родбине и сродбине. Сарајево, 1931, 13). Этот запрет сохранял силу и для родственников «по молоку» (т. е. детей, которых вскормила молоком одна и та же женщина), которые не могли породниться, потому что они сосали молоко одной матери. Точно так же не смели породниться с ближними родственниками крестившего кума и кумы, также избегалась женитьба с ближайшими кровными родственниками побратима.

Ранее православная церковь запрещала браки между теми, кто праздновал один и тот же праздник «слава», поскольку они были в родстве по святому, который был защитником семьи (*Барјактаровић М.* Указ. соч., 161–162). Возможно, именно эти обстоятельства принимаются во внимание в вопросе происхождения и предков, по этой причине и само название для далекого предка хорошо сохранилось.

Перевод с сербского языка Л. В. Куркиной

P1880

Е. Л. Березович

**«РАЙ ИДЕТ В ЭТОМ РАЙКЕ...»:
К ОБРАЗУ РАЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ***

Слово *рай* принадлежит к числу сакральных терминов с высокой ценностной нагрузкой, что обуславливает острую зависимость его от мировоззренческих изменений, особенно такого «геологического сдвига», как переход от язычества к христианству. При этом слово сохраняется в языке с праславянской эпохи, переплавляя мощные идеологические «потрясения» в некий целостный, хотя, разумеется, неоднородный смысловой комплекс. Кроме экстралингвистических факторов, семантика *рая* и его производных испытывает существенное влияние факторов внутрилингвистического порядка: изучаемое слово, фонетически яркое, но краткое и созвучное ряду других лексических единиц, обладает высокими контаминационными возможностями, свойством притяжения к «соседям» по языковой системе, причем процессы притяжения влияют на содержание представлений о рае. При изучении языкового образа рая кажется небезполезным попытаться отделить (разумеется, в высшей степени условно!) «книжные» представления о нем, отраженные в литературной форме существования языка, от «народных», традиционных. В настоящей статье мы обратимся к русскому народному образу рая, запечатленному в диалектной лексике и фразеологии, частично общенародном языке, а также в народной топонимии.

В языковых представлениях о рае выделяется несколько аспектов:

- пространство рая;
- «чувственный» (перцептивный) рай;
- смерть человека и рай;
- культурная символика.

Кратко опишем эти аспекты.

---

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Пространство рая

Рай — «укромное местечко». Рай воспринимается как отдельное, выделенное, нередко огороженное пространство, ср., например, забайк. *ра́йник*, *раёк* 'огороженное место, где держат телят': «Раек рядом со двором, маеты с телятами нету» (Элиасов 350; СРНГ 33, 251), костр. *раёк* 'огороженный участок леса, предназначенный для вырубki' (ЛКТЭ). Райское пространство, как правило, небольшое и укромное, это именно «местечко», — неслучайно среди дериватов слова *рай* активно функционирует уменьшительно-ласкательное *раёк* (ср. выразительный фрагмент из басни И. А. Крылова: «Лягушка на гору весной Переселилась; Нашла там тинистый в лощинке уголок, И завела домок Под кустиком, в тени, меж травки, как раёк» (ССРЛЯ 12, 85)). Подобные уменьшительные формы знакомы и другим славянским языкам: укр. *райок*, польск. *raik*, чеш. *rajek* и др. (ср. чеш. «Slastně dumalo se v tomto skrytém rájku» (PSJČ IV/2, 607)). Любопытно, что в результате калькирования некоторых значений франц. *paradis* или итал. *paradiso* (об этом ниже) в русском языке — при точной передаче заимствованной семантики — может использоваться уменьшительная форма, не употребляющаяся в романских языках (хотя семантика «укромного места» романским языкам знакома, ср. франц. *paradis* 'бассейн в порту для укрытия судов' (АВВУ Lingvo 11)). Об «укромности» рая говорит и устойчивое сочетание *райский уголок*, которое, возможно, калькирует соответствующие романские обороты, ср. франц. *petit coin de paradis*¹. Подобная пространственная трактовка рая фиксируется и вне системы языка: в славянских народных верованиях рай иногда предстает как огороженное, замкнутое пространство, обнесенное высокой стеной, что сближает его с городом, ср. также укр. (черниг.) представление о том, что в люди в раю живут в клетушках, малюсеньких комнатках (Белова, Толстая 2009, 399).

Рай находится наверху. Признак верхнего расположения лежит в основе устар. *раёк* 'галерка, верхний ярус в зрительном зале театра' (ССРЛЯ 12, 84). Значение 'галерка' калькирует франц. *paradis* 'верхний балкон (в театре)', отмеченное во французском языке с 1606 г.; французское слово мотивировано не только признаком собственно верхнего расположения², но и тем, что в этой части сцены в мистериях изображался рай (NLI 6, 665; см. также ЕСУМ 5, 18; Кипарский 1956, 136 и др.)³.

Ландшафтный облик рая. Вопрос о ландшафтном рае пред-

ставляет особый интерес, поскольку тесно связан с этимологией слова *рай*, вызывающей острые споры. До недавнего времени в этимологической литературе чаще всего встречалась версия об иранском заимствовании со значением 'богатство, счастье' (Фасмер III, 435–436; БЕР 5, 163–164 и др.), однако в последние пятнадцать лет все больше сторонников находит гипотеза, наиболее подробно разработанная О. Н. Трубачевым (вслед за Калимой, Копечным, Кипарским и др.), которая вписывает *рай* в глагольное и.-е. гнездо **rei-/ *roj-/ *rōj-* 'течь', куда входит и слав. **rěka* 'река' (Трубачев 2002, 190, 417, 421; 2004, 407–408) (сочувственно относятся к этой идее и развивают ее также (Журавлев 2005, 287–291; Snoj 600; ЭСБМ 11, 66–69 и др.)). В этом случае **рай** — «**связанный с течением = заречный, находящийся за рекой (водой)**». Расширяя смысловые рамки, заданные собственно внутренней формой слова, следует трактовать рай как потусторонний мир, заречный «тот свет», куда отправлялись души умерших – вне зависимости от того, «праведные» они или нет (Трубачев 2002, 421). Данная версия выглядит особенно убедительной с учетом культурного контекста — широко распространенных как в индоевропейских традициях, так и за их пределами воззрений на смерть как преодоление водного пространства, о нахождении страны мертвых за рекой или морем (МНМ I, 453; Седакова О. 2004, 52–53; Журавлев 2005, 290, 921 и мн. др.). М. Малец (вслед за Г. Риттер) вписывает пару **rajь < *rojiti* в ряд **gajь < *gojiti*, **krajь < *krojiti*, указывая, что в семантике всех трех слов есть сема «выделенного участка земной поверхности»; при этом «гай» предполагает локализацию в лесу, а «рай» – за водой или за горой (Malец 2000, 282).

При всей привлекательности и обоснованности «водной» версии несколько смущает то обстоятельство, что мы располагаем скудными собственно языковыми подтверждениями «заречности» («водности») рая. О. Н. Трубачев приводит (кроме предполагаемого родства *рай* и *река*) единственный пример из А. Н. Афанасьева о связи представлений о рае и водных источниках у славян: «Два братца <ведра> пошли в рай купаться» (вариант «в воду») (Трубачев 2002, 190).

В поисках решения вопроса о ландшафтном рае (и особенно — связан ли он с водой) естественно обратиться к данным топонимии, где можно предполагать наличие метафорических названий, образованных от интересующей нас основы. Обнаружилось, что изучаемая основа весьма редко служит производя-

щей для топонимов. В топонимическом массиве Русского Севера и Поволжья (Архангельская [Арх.], Вологодская [Влг.], частично Ярославская [Яросл.] и Костромская [Костр.] области) встретилось 18 «райских» названий, причем 13 обозначают поля, луга и урочища, 2 — населенные пункты, 2 — ручьи, 1 — озеро (ТЭ). Топонимы с основой *рай-* имеют, как правило, прозрачные мотивировки, обозначая красивые, удобные для использования и ценные в хозяйственном отношении объекты, например: покос *Рай* (*В Раю*) — «Уж там очень хорошо, избушки на берегу, место красивое, родник там недалеко» [Арх., Няндомский р-н, д. Лужная]; деревня *Рай* (официально *Чернухинская*) — «Хорошая в природных отношениях» [Арх., Вилегодский р-н, д. Маленькая]; урочище *Раёк* — «Место красивое, вот и Раек» [Арх., Верхнетомский р-н, д. Горка]; ручей *Раёк* — «Не замерзает никогда ручеек, интересный такой», «Там было место интересное, красивое, как прохладой тянет», «Дивно воды там, не пересыхает он», «Место это меж горами, там меньше ветер гуляет, из-за этого и названо» [Влг., Великоустюгский р-н, дд. Анциферово, Мителёво, Первомайское]; урочище *Раёк* — «Грибы росли хорошо, рай там был» [Влг., Шекснинский р-н, д. Мушкино]; урочище *Рай* (*Райская Согра*) — «Рай назвали, потому что и сенокос, и озеро с рыбой, и речка — все рядом» [Арх., Шенкурский р-н, д. Шахановская]; покос *Раёк* — «Меж горками он, место красивое. Запоют девки — рай⁴ идет в этом Райке» [Яросл., Некрасовский р-н, д. Искробол].

Подобная мелиоративная семантика отражена и в микросистеме смежных названий д. *Хорошая* — хутор *Рай-Место* [Костр., Межевской р-н, д. Никола]. Приведем примеры некоторых других названий, зафиксированных без мотивирующих контекстов: гора *Раёк*, поле *Райское Поле* [Арх., Холмогорский р-н], покос *Раеположенский* [Арх., Няндомский р-н], покос *Рай*, отмель на озере *Рай* [Влг., Кирилловский р-н], озера *Райские* [Арх., Онежский р-н], ручей *Рай-Поток* [Костр., Буйский р-н].

Райские названия, по всей видимости, могут иметь не только реальные, но и «благопожелательные» (дезидеративные) мотивировки, за которыми стоит стремление говорящего наделить объект желаемыми свойствами. Ср. свидетельство Е. М. Поспелова о том, что первый компонент ойконима *Рай-Семеновское* (во второй половине XVIII в. это была пышная усадьба Нащокиных в Московской губернии) — типичное название для помещичьих усадеб (Поспелов 1979, 128). Возможно, сходным образом мотивированы *райские* названия, зафиксированные Географическо-

статистическим словарем Российской империи П. Семенова: все семь имеющихся в словаре топонимов являются обозначениями населенных пунктов (слобода *Рай-Александровка* в Харьковской губернии, села *Райгородок* в Астраханской губернии, *Райгород* в Киевской губернии, *Райское* в Пензенской губернии и др. (Семенов IV, 270–271), а именно в ойконимии — наиболее искусственном из всех топонимических разрядов — можно ожидать появления редких для народной топонимии дезидеративов. Интересно и то, что во всех *райских* поселениях, названия которых отражены в этом словаре, есть церкви: это, возможно, имеет непосредственную связь с соответствующими топонимами.

Сходная картина обнаруживается в топонимиконах других славянских стран. Например, в польской топонимии зафиксировано 22 названия, образованных от основы «рай» (*Rajsko, Rajgród, Rajec, Rajskie, Rajewo* и др.), при этом 20 топонимов обозначают части населенных пунктов, а 2 — целиком населенные пункты. Основная мотивировка названий — «райское (т. е. положительно оцениваемое) место» (Malec 2000, 280–281). В чешской топонимии основа «рай» тоже представлена в 22 наименованиях (*Rájov, Ráj, Rajec, Rajsko* etc.), среди которых преобладают обозначения населенных пунктов (Lutterer 1968, 211)⁵.

Таким образом, топонимия не «высказывается» в пользу «водности» рая (в западнославянском материале обозначений водных объектов нет вообще; русские ручьи *Раёк* и *Рай-Поток* — единичные названия в миллионном массиве топонимии Русского Севера и Поволжья, привлеченном нами к анализу). Очевидно, подобными данными владел М. Фасмер, который использовал их в качестве аргумента против связи слов *рай* и *река*: «... в рус. гидронимии не сохранилось никаких следов употребления *рай* в знач. 'река, течение'» (Фасмер III, 436). Вот как реагирует на это О. Н. Трубачев: «Их <следов. — Е. Б.> и не нужно было ожидать, во-первых, учитывая <...>, что **rajь* — не река, а производное от такого названия, а, во-вторых, потому что перевод слова **rajь* в *termina sacra* мог уже тем самым повлечь запрет на первичные апеллативные употребления» (Трубачев 2002, 190). Авторы ЭСБМ, комментируя данное высказывание О. Н. Трубачева, замечают, что в дохристианских славянских верованиях нет однозначной связи между раем и рекой: рай может соотноситься с понятием 'край моря' и 'край неба, горизонта' (это подтверждается, согласно Безлаю, также скандинавскими, сирийскими и др. верованиями). Таким образом, скорее речь идет о понятии водно-

го простора (ЭСБМ 11, 67). Хотелось бы присоединиться к этому мнению, напомнив, что семантика **reĭ-/*roĭ-/*rōĭ-* связана не только собственно с течением, но вообще с реющим движением, парением (подробнее об этом см. ниже). Быть может, следует сделать еще один шаг в обсуждении этимологии слова *рай* — и, отказавшись от упоминания реки («место за рекой»), сделать акцент на способе передвижения души в рай («реянии» — полете, плавании)? Тогда **рай** — «место, куда реют души умерших». Ср. костромской фразеологизм *реет душа в рай* ‘о чувстве радости, удовольствия’ (ЛКТЭ)⁶, в котором отражена своеобразная *figura etymologica*. Эта идея высказывается здесь лишь только в качестве полемических «дрожжей», реплики в споре, достаточного доказательного материала еще не собрано.

Такая мотивировка действительно, снимает необходимость в неперенном присутствии основы *рай* в гидронимии и вообще при обозначении собственно воды⁷.

Заканчивая описание райского ландшафта, отметим, что в языковой традиции можно усмотреть и рефлексы представлений о **райских садах**. Они проявляются в названиях деревьев и других растений, образованных от корня *рай-*. Это обозначения душистых и красивых древесных пород — тополей (чаще всего пирамидального тополя), сирени, клещевины: *райское дерево* (*рай-дерево*) донск. ‘растение *Ricinus communis* L., клещевина’⁸: «Рай-дерево цветет маленькими беленькими цветочками, а листья большие, как гусиная лапка», таврич. ‘растение *Populus nigra* L., сем ивовых, тополь черный, осокорь’, (б.м.) ‘растение *Populus balsamifera* L., сем ивовых, тополь бальзамический’, *рай-дерево* ворон. ‘вид пирамидального тополя’, (б.м.) ‘растение *Populus laurifolia* L., сем. ивовых, осокорь, пахучий тополь’, курск. ‘растение *Syringa* L., сем. масличных, сирень’ (СРНГ 34, 85–87; Анненков 267), (р. Урал) *раёк, райна, райнка* ‘пирамидальный тополь’: «Рости-ка, моя райнка, Век ты без верха. Живи ты, моя родная мамынька, Век ты без меня»; «Раёк садовой» (Сл. яиц. каз. 3, 505; Донск. словарь 3, 81; СРНГ 33, 251) и др.

Не обходится образ рая без **райских яблок**: (б.м.) *райская яблоня* ‘вид низкорослой мелкоплодной яблони’, донск. *раички* ‘сорт мелких, райских яблок’, киргиз. (рус.) *райка* ‘сорт мелкоплодной яблони’ (СРНГ 34, 87, 84, 86); ср. также контекст «Посредине — на золотой перине, а ты на краю — в яблочном раю» (Сл. яиц. каз. 3, 505).

Показательно, что «райское дерево» не является «жестким»

ботаническим термином. На разных территориях это могут быть различные растения, главное — чтоб они радовали глаз, вкус и обоняние. Ср. польск. *rajówka* ‘разновидность имбиря’ (Варшавский словарь 5, 468), *rajskie drzewo* ‘растение *Echinosia agallocha*’ и др. (Варшавский словарь 5, 468–469), болг. *райско дърво* ‘небольшое дерево, похожее на персик, которое цветет пышно и красиво, но не дает плодов’, *райско дръвче* ‘цветок, который цветет в мае’ (БЕР 5, 163–164), укр. *рай дерево* ‘растение клещевина’ (Анненков 299), серб. *rajsko drwo* ‘растение *Aloe*’ (Анненков 25), хорв. *rajski muhar* ‘растение из семейства *Muscicaprifera*’ (RJA XIII, 9) и др.

Отметим, что «садовые» мотивы распространены только в южных говорах России (это понятно, поскольку культура садов является преимущественно южной) и не играют основополагающей роли в создании русского языкового образа рая⁹.

«Чувственный» рай

«Чувственный» аспект образа рая разработан в языке подробнее и выразительнее, чем пространственный (ландшафтный). Можно сказать, что рай — универсальный «объект чувствования», он воспринимается едва ли не всеми органами чувств: и зрением, и слухом, и обонянием, и вкусом, и даже тактильно — через температурные ощущения.

«Зрительный» рай — многоцветный и яркий. Рай раскрашен в буквальном смысле слова в радужные цвета, ср., к примеру, диал. шир. распр. *райдуга* (*рай-дуга*) ‘радуга’: моск. «Ой, какая райдуга на небе красивая»; эст. (рус.) «Какая райдуга яркая, дождя боле не будет»; карел. (рус.) «Радугу райдугой называли, дуга с рая. Райдуга така голуба, дождя больше, знать, не будет» (СРНГ 34, 85; Словарь Карелии 5, 439; Даль² IV, 56; Опыт 188; Карт. Сл. Рус. Севера и др.), ср. также *райская дуга* ‘радуга’ (Орловский словарь 12, 76). Несмотря на то, что это слово — результат вторичного сближения *рай* ↔ *радуга*, его появление весьма симптоматично и основано, в первую очередь, на признаках многоцветности, яркости. Возможность этого сближения подкрепляется народными представлениями о том, что радуга — это мост между земным миром и раем (Белова 2009: 387). Семантическая близость *радуги* и *рая* проявляется также в том, что они развивают изосемантические переносные значения, ср. *раёк* ‘радужная оболочка глаза, радужка’ (ССРЛЯ 12, 84).

Выделенный мотив развивается также в следующих словах: *райсбора* 'сборка, оборочка подола юбки из мягкой ткани': «Любят, чтоб райсборы цветастыми были: вся красота в юбке, когда райсбора красивая» (Элиасов 350), *рай* 'всякое граненое стеклышко, показывающее предметы в радужных цветах, стеклянная призма' (Даль² IV: 56), арханг. *райки* 'разноцветные картинки, открытки, кусочки бумаги, фантики': «Из райков всяких домичек склеила», «Нарежут детишки райков, друг с другом составляют» (Карт. Сл. Рус. Севера).

Последние два слова дают ключ к пониманию устар. *раёк* 'ящик с увеличительными стеклами для рассматривания картинок, показ которых (на ярмарках XVIII–XX вв.) сопровождался особыми пояснениями; кукольный театр' (ССРЛЯ 12, 84; Даль² IV, 56). Помимо идеи многоцветности, в основе этих значений лежит метонимический перенос «содержание зрелища» → «арена, где разворачивается зрелище», ср. гипотезу А. Н. Веселовского, согласно которой название *раёк* произошло от разыгрываемого в кукольном театре «райского действия», т. е. показа сцен с Адамом и Евой при помощи разрисованных неподвижных фигур. Постепенно «райское действие» было вытеснено комическими эпизодами, картинками светского содержания (излагается по (Некрылова 1988, 55–56). *Раёк* 'ящик с увеличительными стеклами...; кукольный театр' дается в Словаре современного русского литературного языка как омоним по отношению к другому театральному *райку* (со значением 'галерка'), о котором речь шла выше. Несомненна производность обоих слов от *рай*, но возникает вопрос, связаны ли эти лексемы отношениями семантической выводимости. Думается, на этот вопрос следует ответить отрицательно: рассматриваемые слова появились параллельно. Мотивировку «кукольного» *райка* мы только что обсудили, а *раек* 'галерка' калькирует французский источник.

«Слуховой» **рай** — **наполненный звуками**. Вопрос о роли звуковых признаков в языковом образе рая непрост. Дело в том, что в русском языке есть два *рая*, которые в синхронной языковой системе омонимичны — *рай*¹ 'terminum sacrum' и *рай*² костр., нижегор., яросл. 'шумный, долгий или отдаленный гул, раскаты': «В горах от грома рай стоит», «Лесы от раю стонут», волог., костр., нижегор., новосиб., яросл. 'отголосок, отзвук, эхо': яросл. «Чу, какой рай-от», костр. «Охотники гончих закинули — рай лесом идет» (СРНГ 34, 84; ЛКТЭ)¹⁰. По мнению М. Фасмера, «звуковой» *рай* не связан по происхождению с «сакральным»

и может быть соотнесен с ц.-слав. *parь* ‘звук’, укр. *parig*, чеш. *raroh*, словац. *rároh*, польск. *raróg*, в.-луж. *raroh* ‘вид ястреба’, далее с лит. *rojóti*, *rojóju* ‘тревожно каркать’, *rieju*, *rieti* ‘кричать, ругаться’ и т. п. (Фасмер III, 436). Эта версия выглядит недостаточно убедительной ни с формальной, ни со смысловой стороны. Авторы ЭСБМ поддерживают ее лишь частично: они сравнивают рус. *рай* ‘отдаленный гул’ с ц.-слав. *parь* ‘гул’, подключают в это же гнездо блр. *райкаць* ‘квакать’, квалифицируя все эти факты как звукоподражания. Исходную звуковую семантику считают неспециализированной, а сопоставление с названиями птиц, приводимое Фасмером, не принимают (ЭСБМ 11, 71).

В то же время были попытки отождествить «сакральный» и «звуковой» *рай*: такова версия Будимира (ее упоминает, не обсуждая, О. Н. Трубачев в своих комментариях к словарю М. Фасмера (Фасмер III, 436).

Хочется предложить следующее решение. «Сакральный» и «звуковой» *рай*, как представляется, действительно связаны этимологически, но это связь не «выводная», а параллельная, предполагающая независимое (хотя и с последующими сближениями) развитие на базе одного корня. Как говорилось выше, для гнезда глагольной лексики **rej-/*roj-/*rōj-*, к которому принадлежит **rajь*, восстанавливается исходное значение ‘течь’ (Трубачев 2002, 190). Очевидно, идея «течения» могла быть перенесенной на передвижение в другой среде — особенно «парение» в воздухе (или же исходно течение и парение воспринимались синкретично), давая семантику плавного распространения движения — буквально «реющего». Сам литер. глагол *реять* ‘летать плавно и легко; парить’ принадлежит к гнезду **rej-*, ср. также значения родственных слов в говорах: арханг. *ходить реями* ‘лабирировать (о судне)’, *лететь реей* ‘о птицах: парить в воздухе’ (Карт. Сл. Рус. Севера), *реять* смол. ‘струиться, течь (о крови)’, новг. ‘лабирировать (о судне)’, псков. *реяться* ‘идти навстречу, пробираться, напирать на кого-л.’, ‘бегать’ (СРНГ 35, 92), псков. *роуться* псков. ‘идти на лодке под парусом (против ветра)’ (СРНГ 35, 167) и др. Подобным образом — плавно, волнообразно — распространяется звук. Поэтому «звуковой» *рай* вполне естественным образом можно «вписать» в гнездо **rej-/*roj-/*rōj-*; в смысловом плане такое решение можно считать особенно уместным, если учесть, что *рай* — это не столько звук, сколько отзвук, гул, эхо, т. е. такие звуковые явления, которые осмысляются наиболее динамично (а их обозначения сочетаются с «пространственными» глаголами

идти, стоять и др.). Значит, оба *рая* «сепаратно» появились в гнезде **rōj-*, однако судьбы этих слов после рождения не раз пересекаются и скрещиваются. Виной тому — не только формальное тождество лексем, но и смысловая поддержка для идеи звука в комплексе представлений о рае: например, в русских духовных стихах пение — неременный атрибут рая; земное пение считается «отзвуком» <так! — Е. Б.> рая, признаком святости и праведной жизни (Белова, Толстая 2009, 397). О широком распространении подобных представлений свидетельствует устойчивое выражение *райское* (*ангельское*) *пение*. Притяжение двух *раев*, думается, чаще всего происходит имплицитно, однако в некоторых случаях оно «выходит на поверхность», ср. приведенный выше ярославский контекст «Запоют девки — рай идет в этом Райке», а также новосиб. выражение *рай идет* ‘очень хорошо, весело’ с контекстом «Так девки поют, только рай идет» (Новосиб. словарь 459). Думается, данная дефиниция неточна — и контекст предполагает именно «звуковое» веселье, обнаруживающее как раз сближение двух *раев*.

Укажем, наконец, что версию о производности «звукового» *рая* от **rōj-* не следует считать единственно возможной. Можно предполагать и собственно звуковую (звукоподражательную) мотивировку, но вряд ли стоит привлекать ц.-слав. *рарь* ‘звук’, а также словесные изображения кваканья и криков птиц. Фонетический комплекс *рай* весьма выразителен и может мотивировать «сам себя», ср. звукоизобразительное *грай*, а также ворон., липец. *рай-рай* ‘музыкальный инструмент (гармоника, балалайка, гитара)’ (СРНГ 34, 84). Эта версия выглядит вполне оправданной, хотя чуть более слабой, чем предыдущая. В любом случае *рай* звуковой и *рай* сакральный взаимодействуют друг с другом как формально, так и семантически.

«Тепловой» **рай**. О восприятии рая как «теплого места» говорят такие факты, как арханг. *райский* ‘теплый, находящийся на пригреваемом солнцем месте’: «В райском месте быстрее вырастает» (Карт. Сл. Рус. Севера), костр. *раёк* ‘место, где тепло’: «Окол печки такой раёк, быстрее забродит» (ЛКТЭ)¹¹. Думается, что на основе признака тепла произошла народно-этимологическая трансформация слова *рей* ‘рига, овин’, распространенного в западных говорах России и русских говорах Прибалтики (СРНГ 35, 43), которое, «притянувшись» к *раю*, дает *рай* ‘овин, рига’ (Даль² IV, 56).

В плане семантических параллелей интересно отметить,

что признак «теплый» отчетливо выступает и в семантике рус. диал. (волог.) *выре́ц* ‘рассадник, парник’. Это слово, по мнению В. А. Меркуловой, соотносится с вост.-слав. *вырей* (*ирей*, *ирий*) ‘теплые страны’, ‘южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна’¹²; при этом для *выре́ц* реконструируется исходное значение ‘теплица’ (Меркулова 1993, 196).

Признак тепла «рифмуется» с признаком «укромности» рая, о котором речь шла выше. Небольшое укромное местечко обычно как раз бывает теплым.

«Обонятельное»¹³ и «вкусовое» ощущение рая отдельно в языке не отражается, но соответствующие мотивы представлены в образах райских деревьев (садов, яблок), о которых речь шла выше.

Перцептивные «впечатления» о рае, которые мы описали по отдельности, предстают целостно в **общей позитивной оценке рая**, в идеях удобства, благополучия, «приятности», удовольствия, блаженства, счастья, связанных с раем. Языковых фактов, отражающих эту идею, очень много; приведем лишь некоторые: курск. *израительный* ‘погожий, прекрасный (о дне)’: «Израительная погода» (СРНГ 12, 167); ряз. *раёк* ‘хорошо, удобно’: «Щас раек — дрова близко, а то без дров намучился» (СРНГ 33, 251); *рай летают (полетели)* ‘о тихой, спокойной обстановке в доме, квартире’: «Биз ниво-тъ у доми рай литають: никто ни ругаитца, усё спакойна», «Галькя уехалъ, так домъ прямъ рай литають», Всё, вчира сын с нивескый атсилили, типерь домъ рай литають» (Орловский словарь 12, 76); *рай Христов* ‘хорошо, приятно (о благополучной жизни)’: «Сичас рай Христов народу жить» (СППП 65); *рай* ‘счастливая жизнь’: «Лето-то от рая, а зима от муки» (Сл. яиц. каз. 3, 505); ряз. *какой рай* ‘как хорошо’: «Я б на печку легла — какой рай, а не влезу», «То бывало — какой рай, получишь деньги и все», «В Москве — какой рай, ни скотины, пошел в магазин, купил»; ворон. *рай открылся* ‘началась счастливая жизнь’: «А счас уж рай открылся, жить стало хорошо»; влад. *рай* ‘удача, счастье’: «Рай такой шолде <старой, неопрятной женщине> хорошего жениха найти»; ряз. *рай* ‘о чем-л. приятном, легком’: «Весной-то — рай, в одной рубашке можно бегать, вымыл ее и иди. Вот рай-то: перемоешь, и высушишь, и одевай» (СРНГ 34, 84) и др.

Как видим, рай — в широком смысле категория состояния; соединяя грамматику с наивной психологией, можно сказать, что это категория состояния души.

«Райское состояние души», блаженство нередко связывается с

представлением об особой близости к Богу, что, в свою очередь, порождает значение **аномальности**, а затем — **интеллектуальной неполноценности**¹⁴, ср. арханг., волог. *раич* ‘юродивый, межеумок, полудурок, ненормальный, дурак’, *райка* ‘дура’ (Карт. Слов. Рус. Севера). К этому же ряду можно отнести псков., твер. *райт* ‘ходить, искать чего-то без сознания’, а также производное от него псков., твер. *райха* ‘тот, кто раит’ (ДО 228)¹⁵, поскольку здесь речь идет о пребывании в некоторой прострации, предполагающей отрешенность от земного и обращенность к небесному. Подобного рода переходы широко известны, ср. литер. *блаженный* ‘юродивый; глуповатый, чудаковатый’, влад. *Аноха-праведник* ‘о простофиле, дураке, глупце’, сиб. *Аноху строить* ‘представляться простофилей, дураком, глупцом’ (СРНГ 1, 260), арханг. *преподобный* ‘глуповатый, чудаковатый, блаженный’ (СРНГ 31, 88), арханг. *богорáдный* ‘то же’, курск., орл., псков., смол., твер. *божевольный* ‘одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный’, ряз. *божий человек* ‘юродивый, придурковатый, идиот’ (СРНГ 3, 42, 62, 64) и проч.

Здесь обрисован путь от «блаженства» к «сумасшествию» через опосредующее звено, связанное с «богоизбранничеством». Такой переход возможен и на базе «собственных ресурсов» идеи блаженства, связанной с весельем, дальше, возможно, с утратой интеллектуального контроля над поведением (ср. распространенный переход ‘веселиться’ → ‘шалить, чудить’ → ‘вести себя странно; проявлять признаки сумасшествия’).

Таким образом, канонический образ рая как блаженного состояния души весьма негативно осмысливается народным сознанием, сменяясь представлением о неадекватности отражения человеком реальной действительности, а отсюда — о его интеллектуальной неполноценности.

Смерть человека и рай

Исследователи славянской народной культуры весьма уверенно говорят о том, что в дохристианских воззрениях рай — это мир мертвых без деления на «хороших» и «плохих». На языковом уровне подтверждением тому служат, к примеру, южнославянские обозначения покойников: словен., хорв. *rajni* ‘умерший, покойный’, *rajnik, rajnica* ‘покойник, покойница’ (Белова, Толстая 2009, 307). Возможно, семантическим дериватом *rajь является и болг. диал. *рай* ‘гроб’, которое БЕР дает с пометой «неясно» (БЕР

6, 164). В русском языковом материале отражением темы смерти можно считать волог. *рай искать* 'испытывать предсмертную агонию': «Отошла от его, а вернулась — он уже рай ищет, бьётся весь», арханг. *зарайть* 'начать испытывать агонию': «Зарайла, через три минуты душа отлетела» (Карт. Слов. Рус. Севера). Интересен костр. фразеологизм *пойти раем* 'умереть мгновенной смертью или умереть во сне': «Которы не видали смерти, про тех говорят, что пойдут раем. Умер — пошёл раем. А которы петаются перед смертью, про тех не говорят»; «Мучился, петался — скажут, умёр. А если не мучился, дак пошёл раем» (ЛКТЭ). В смысловом наполнении этого фразеологизма слышен отзвук христианских представлений (во сне или мгновенно умирают праведники).

В целом собственно тема смерти редка для «райской» лексики; гораздо чаще в языке отражается тема путешествия души в рай. Некоторые языковые факты такого рода были поданы выше; приведем еще ряд фразеологизмов: *душа в рай бегаёт* 'кто-л. испытывает приятные чувства': «Намерзлися, в тепло залегли, дак прямо душа в рай бегаёт» (ФСПГ Душа), *в рай на семі лошадах* 'к чему-л. благоприятному': «Он метит на председателево место, хочёт в рай на семи лошадах. Не выйдёт» (ФСПГ Лошадь), *в рай не съездить (на ком-н.)* 'не получить помощи от кого-н.; не иметь проку': «Один старик говорил: "На мне в рай не съездишь"» (Словарь Карелии 5, 438), простореч. *понеслась душа в рай* 'о чувстве удовольствия' и др.

Культурная символика

Особую группу составляют «райские» слова, несущие символическую нагрузку в контексте разного рода обрядов.

В календарной обрядности тема рая возникает в связи с новым годом и Рождеством: вят. *рай* 'обрядовая песня, которая хором поется накануне нового года (в ней говорится о рае и Адаме)', вят. *райщик* 'тот, кто колядует, колядовщик' (СРНГ 34, 84, 87). Помимо непосредственной «сюжетной» связи с раем (о котором поется в песне), в этих словах, по всей видимости, отражены обобщенные мелиоративные коннотации, широко представленные в вербальном «оформлении» новогодней обрядности (ср. слова с корнем *весел-*, *щедр-*, *бог-/бож-*, *рад-* и др.). Лексика такого рода способствует магическому моделированию счастливого года. Ср. также польск. *rajskie drzewko* 'Boże drzewko, рождественская

елка' (Варшавский словарь 5, 469)

«Райская» тема звучит и в лексике родинного обряда: ставроп. *рай* 'обряд, совершаемый на второй день после крестин, когда гости, сидящие за столом, обвязываются лентой' (СРНГ 34, 84), арханг. *райки* 'пожелания ребенку при первом купании' (Карт. Слов. Рус. Севера), ср. также укр. харьк. *ходить в рай* 'обычай обмывания рук роженицы на второй день после крестин (после чего участники, кроме роженицы, идут в шинок угощаться за счет бабки)' (ЭСБМ 11, 69)¹⁶. Если новогодняя обрядность моделирует благополучное течение одного года, то родинная — всей жизни человека. Благопожелательные и охранные интенции пронизывают весь родинный текст, особенно обрядность после рождения ребенка (см. об этом в (Седакова И. 2007, 399–447)). К примеру, при купании белорусы пели песни с пожеланием ребенку стать счастливым и богатым (Там же, 405), — очевидно, такие же пожелания содержались в архангельских *райках*. Обычай обвязывания лентой гостей после крестин в ставропольском обряде *рай* находит переклички с обрядностью семейских Забайкалья: на сороковой день после рождения ребенка <обычно в это время происходили крестины. — Е. Б.> повитуха приносит пояс и подпоясывает им ребенка со словами: «Как шнур длинен, так жить тебе долго! И как шнур белой, так быть и тебе, рая видать и в горестях не бывать!» (Кабакова 2009: 84).

К описываемой группе примыкает также собственно церковная терминология, ср. пенз. *райские двери* 'царские врата в алтаре' (СРНГ 34, 86). Появление этого выражения мотивировано параллелизмом *райских* и *царских врат* в народных верованиях: считалось, что врата рая открываются на Пасху — и души отправляются на землю к своим близким; в это же время — в течение Светлой недели — в церкви открыты царские врата (Белова, Толстая 2009, 399). Отметим, что определенную роль здесь может сыграть аттракция *райский* — *царский*.

Итак, здесь описан смысловой комплекс, который представлен в фактах левой и правой мотивации, связанных с русским словом *рай* (т. е. в этимологическом значении *рая* и в мотивационных значениях его дериватов, а также во фразеологизмах, включающих изучаемое слово). При своей многоплановости языковая концепция *рая* весьма целостна: выделенные аспекты соединены многими перекрестными связями, которые мы старались отмечать в ходе изложения. Специфическая черта языковой концепции *рая* —

особая роль лингвокреативных факторов при формировании отдельных смысловых блоков: ср. внутрignetовые контаминации *рай*¹ ↔ *рай*², а также аттракции *рай*- ↔ *рад*-, *рай*- ↔ *цар*-. Список притяжений этим не исчерпывается, ср. притяжения в духе «нового времени»: *раёк* ↔ *ларёк* (рус. (одесск.) *раёк* ‘ларёк’: «У раёк хлеп привизли» (Словарь Одесщины 2, 133)) и даже *рай* ↔ *рай*- — в «советских» аббревиатурах от *район* (арханг. «В райпо <магазинах районных потребительских обществ. — Е. Б.> всего есть, как в раю» (Карт. Сл. Рус. Севера). «Райская» тема — как к этому ни относиться — открыта в пространстве времени и языка.

Примечания

¹ Ср. припев песенки G. Brasens’a «Parapluie»:

Un petit coin de parapluie
Contre un coin de paradis
Elle avait quelque chose d’un ange
Un petit coin de paradis
Contre un coin de parapluie
J’y perdais pas au change, pardi.

На этот текст обратила мое внимание Г. И. Кабакова, за что сердечно ее благодарю.

² Кстати, релевантность признака верхнего расположения поддерживается итал. *stare in paradiso* ‘жить на самой верхотуре’ (АВВУУ Lingvo 11).

³ Семантика театрального *райка* может поддерживаться оценочным признаком, важным для комплекса представлений о рае: сверху лучше видно театральное действо. Ср. польск. «Utrzymuje, że z raju najlepiej widać, bo kto z góry patrzy, wszystko widzi» (Варшавский словарь 5, 467).

⁴ В этом контексте фиксируется народно-этимологическое притяжение названия *Раёк* и апеллятива *рай* ‘эхо, отзвук’, которое подробнее будет рассмотрено ниже.

⁵ Отметим попутно следующее обстоятельство: в привлеченных нами западнославянских исследованиях указано, что «адские» топонимы встречаются гораздо чаще «райских» (у чехов соотношение 52: 22, у поляков – 73: 22 (Lutterer 1968, 211; Malec 2000, 280–281)). В русской топонимии обратное соотношение: на 18 «райских» топонимов на территории Русского Севера и Поволжья приходится 6 «адских» (ТЭ). Возможно, это связано с сугубо внутрilingвистическими причинами: основа *pekl-* (чеш.), *piekl-* (польск.) в большей степени «вписывается» в систему топонимической номинации, чем *ad-* (может обозначать места, находящиеся на солнцепеке?). Этот вопрос требует дополнительных изысканий.

⁶ Интересно также орл. выражение *рай летают* (полетели) ‘о тихой, спокойной обстановке в доме, квартире’ (Орловский словарь 12, 76).

⁷ Говоря про «райские» обозначения воды, приведем еще один факт: в игре в «классики» *раем* называлась одна из последних клеток, которая имеет также параллельное обозначение *вода* (а клетка рядом обозначалась как *ад* // *огонь*) [просторечие г. Екатеринбурга: личные записи автора]. Думается, что параллелизм *рай* // *вода* в данном случае не может служить аргументом в пользу исконной «водности» *рая*.

Скорее, здесь «водность» рая производна от «огненности» ада (в «огне ада» сгорают набранные участниками игры баллы). Ср. франц. *paradis / enfer* (при игре в классики) (<http://www/ac-grenoble.fr/patrimoine-education-promenade/jeu/activite/regles/marelle.htm>) (на этот факт обратила мое внимание Г. И. Кабакова).

⁸ Это растение, из которого добывают касторовое масло, носит также название *христова пальма*, которое является переводом франц. *Le Palma Christi* (Анненков 299).

⁹ Кстати, это может служить аргументом против версии А. Б. Страхова о том, что в слове **rajь* надо видеть деинтегрированную форму, родственную *росту/расти* и подобным (Страхов 2003, 115).

¹⁰ Ср. также *райко* заурал., нижегор., яросл. 'гулко, звучно, отдаваясь эхом': «В пустых покоях всегда райко», яросл. 'шумно': «Было райко, и кто шумел, разобрать было нельзя», нижегор. *райко* 'эхо, отголосок', *райкий* 'звучный, гулкий, отголосистый': «Райкое место, райкая зала» (СРНГ 34, 86).

¹¹ О том, что в раю царит тепло, свидетельствует также польск. *ciepło jak w niebie* (Бартминский, Небжеговская 1999, 65) и др.

¹² Вопрос о происхождении самого слова *вырей* (*urej*) весьма спорен; среди имеющихся версий есть такие, которые свидетельствуют в пользу родства **rajь* и **jь-рьjь* (обсуждение вопроса см. в (Фасмер II, 137–138; ЭСБМ 11, 68 ; Трубачев 2002, 190; ЭССЯ 8, 237 и др.)).

¹³ Ср. польск. «Słyszeli po trzy dni u grobu anielskie śpiewanie i wonią rajską» (Варшавский словарь 5, 469).

¹⁴ Ср. устойчивые английские сочетания *fool's paradise — live in a fool's paradise* (АВВУУ Lingvo 11).

¹⁵ Заметим, что второе значение псков., твер. *райха* – 'скородел' (ДО 228) – является результатом дальнейшего развития негативных коннотаций.

¹⁶ Ср. харьковское поверье о том, что очистившиеся от скверны после обмытия рук повитуха и роженица считаются достойными войти «в рай», т. е. приступить к праздничному застолью (Кабакова 2009: 83).

Принятые сокращения

Анненков – Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Сост. Н. Анненков. СПб., 1878.

Бартминский, Небжеговская 1999 – Бартминский Е., Небжеговская Ст. Языковая картина польского рая и ада // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 58–70.

Белова 2009 — Белова О. В. Радуга // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 386–389.

Белова, Толстая 2009 — Белова О. В., Толстая С. М. Рай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 397–400.

Журавлев 2005 – Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Кабакова 2009 — Кабакова Г. И. Повитуха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 82–84.

Кипарский 1956 – *Кипарский В. П.* [Рецензия]: *Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2. Lief.)*. — Heidelberg, 1950–1955 // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 130–138.

Меркулова 1993 – *Меркулова В. А.* [Рец.:] Словарь вологодских говоров. А–Г. Вологда, 1983 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993. С. 195–196.

МНМ – Мифы народов мира. М., 1980–1982. Т. 1–2.

Некрылова 1988 – *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — нач. XX в. Л., 1988.

Поспелов 1990 – *Поспелов Е. М.* Переименования городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М., 1990. С. 45–57.

Седакова И. 2007 – *Седакова И. А.* Лингвокультурные основы родинного текста болгар: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

Седакова О. 2004 – *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Семенов – *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1, 2. Одесса, 2000.

Страхов 2003 – *Страхов А. Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge – Massachusetts, 2003. (Palaeoslavica. XI. Supplementum 1)

Трубачев 2002 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

Трубачев 2004 – *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово – История – Культура. М., 2004. Т. 2. С. 477–478.

ТЭ – Топонимическая экспедиция УрГУ; топонимическая картотека ТЭ УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

АВВУУ Lingvo 11 – АВВУУ Lingvo 11: шесть языков. Электронный словарь [www.lingvo.ru].

Lutterer 1968 – *Lutterer I. Ráj a peklo v toponymii Čech* // Symbolae philologicae in honorem Vitoldi Taszycki. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1968. S. 209–217.

Malec 2000 – *Malec M. Ráj i piekło v toponimii Polski* // Onomastické práce. Sv. 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000. S. 280–285.

NLI – Nouveau Larousse illustré. Paris, (s.d.).

П. Вальчакова

НАЗВАНИЯ ШЕЛКА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Шелк относится к материалам, которые на славянские территории ввозились с давних пор. Он считался самым ценным из ввозных материалов, его родной страной был Китай. По самым старинным китайским письменным памятникам, в Китае начали разводить тутового шелкопряда и производить шелк уже в 2698 г. до нашей эры. Его производство было китайской монополией до 6-ого столетия нашей эры (ОтSN 10, 1024; Kybalová 1998, 12–15). В славянских языках имеется несколько названий для этой ткани.

Кажется, самыми старшими являются рус.-цслав. прилагательные *godovablenny*, *godovapleny* (от 13-ого, 14-ого вв.) ‘шелковый’; с 15-ого века известны существительные *godovaply*, *godobly*, *gъdovably* ‘шелк’, а серб.-цслав. *gъdovably* то же — с 16-ого века. Уже в 14-ом веке засвидетельствовано древнечешское существительное *hedvábíe*, из чешского языка заимствовано польское *jedwab*, из польского языка укр. арх. *едваб*, блр. *едваб*. В церковнославянский и чешский языки это сложное слово заимствовано из германских языков. Большая часть толкований считает исходным языком древневерхненемецкий язык, точки зрения на форму и семантику слова различаются.

Авторы других этимологических версий усматривают в его первой части германское *gop* ‘бог’ (нем. *Gott*). Так считают, напр., (Karłowicz 1894, 232; Kiparsky 1934, 145). (Schneeweis 1960, 15) в связи с серб.-цслав. *gъdovably* поддерживает теорию о связи 1-ой части немецкого сложного слова с названием бога тем обстоятельством, что это слово относится к области церковной терминологии и что шелковый материал, отличающийся своим видом и сырьем, используемым для производства, применялся при литургических обрядах. К версии о первичности значения ‘божья ткань, материал, служащий богу’ присоединяется и О. Н. Трубочев (ЭССЯ 7, 189).

Ф. Миклошич представил эксклюзивное толкование первой части этого сложного слова (Mikl. 1867, 90): по его мнению, она связана с итал. *cottone*, франц. *coton*, араб. *qu ‘tun* ‘хлопок’, второй

частью является ср.-в.-нем. *webbi* ‘ткань, материал’.

(Mayer 1927, 12, 15, 41, 42, 46 и 64) подробно занимается фонетическими изменениями в древневерхненемецком языке и описывает возможные изменения при заимствовании в хронологической связи. (Sławski 1, 551) приводит обзор зафиксированных и реконструированных форм в готском, древневерхненемецком, фризском и в других древних германских языках. Трубачев не допускает никаких сомнений в отношении времени заимствования: слово было заимствовано уже в праславянское время, о чем свидетельствует герм. *wabi*, известное еще до изменения *a > e*; на основе гот. **gud(a)wabi-* реконструируется праслав. **gъdovabъjъ >* рус.-цслав., др.-рус. *godovablъ* (ЭССЯ 7, 189). (Newerkla 2004, 120) приводит список этимологий ц.-слав. слов и чеш. *hedvábi*, он обращает внимание не только на большое количество германских слов, предполагаемых как исходные (чаще всего это были гот. и ср.-в.-нем. слова) при заимствовании, но и на большое количество древнечешских доказательств для *hedváb*, *hedvábie*. Но и он не определяет более точно, какое германское слово является источником заимствования. (Orel HGermEt, 145) приводит герм. сущ. (м./ср. р.) **zud(a)-wabjaz*, **zud(a)-wabjan*, сложение из **zudz ~ *zudaz* ‘бог’ и **wabjaz*, **wabjan* ‘ткань (на ткацком станке), материал’. Из родственных слов в германских языках он приводит готское **godawabi* ‘шелк’ (в соответствии со слав. **godovabъjъ*), др.-сканд. *guj-vefr* ‘хорошо сотканый’, др.-англ. *zod-web* ‘драгоценная ткань’, ст.-сакс. *godo-webbi*, ср.-в.-нем. *gota-webbi* то же.

Из германских языков заимствованы также некоторые другие славянские названия для шелка. (Schuster- Šewc 1793) исходит из праслав. **židъje* для в.-луж. *žida*, н.-луж. *žyže* и словин. *žida* ‘шелк’. Это старое заимствование из ср.-в.-нем. *sīde*, ср.-в.-нем. *sīda* то же (откуда происходит и нем. *Seide* ‘шелк’). Данные германские слова заимствованы из латинского языка — ср.-лат. *sēta* (лат. *saeta* ‘конский волос, волокно’) из словосочетания *sēta sērica* ‘волокно из коконов тутового шелкопряда’. *Sēricus* является прилагательным от латинского *Sērēs*, названия древнего народа тибетобирманского происхождения, который жил в начале 2-ого тысячелетия до нашей эры на территории северо-западного Китая и прославился введением производства шелка, от китайского названия которого (по-китайски *sei*, *sī* ‘шелк’) он получил свое название (Wolf 1984, 218; Snoj 2003, 869; Str-Temps 1963, 251; Kluge²⁴ 838). Название *Sērēs*, чеш. *Sérové* (т. е.

шелководы) и китайское название шелка являются основой для других названий в индоевропейских языках. К ним относится, например, и южнославянское *svila* (болг., макед. *svila*, сербохорв. *svila*, словин. *svila*), которое долго считалось словом славянского происхождения, производным от *sъviti (< праслав. *viti; так уже Miklosich 331; Преображенский 2, 259; Vasmer 2, 592; новее БЕР 6, 547). Другое мнение выразил уже (Младенов 527), который пишет о родстве *svila* с англ. *silk* 'шелк'. Также и (Snoj 715) считает *svila* словом, заимствованным из того же источника, что и англ. *silk*, ст.-сканд. *silki* и лат. *sērica*, которым он считает китайск. *sei*, *sī* 'шелк', монгольское *chirghek* 'шелк-сырец, жесткое волокно'. Соотнесение *svila* с *sъviti* он считает народной этимологией.

Восточнославянские названия шелка (рус. *шёлк*, блр. *шоўк*, укр. *шовк*) заимствованы из ст.-сканд. *silki* 'шелк' и далее сопоставляются с родственными ст.-англ. *sioluc* и ср.-в.-нем. *silecho* то же (Vasmer 3, 387). Эти германские названия также восходят к латинскому прилагательному *sēricus* от названия племени *Sēres* (Черных 2, 408).

Другим путем возникло серб.-цслав. *sirьkь* 'шелк', существование которого доказано уже в начале 15-ого века и относится к самым древним названиям шелка в славянских языках. Данный термин заимствован из ср.-греч. *σίρικόν* 'шелковое одеяние', происходящего из поздне-греческого *σηρικός* 'шелковый'. Греческое слово происходит из латинского *sēricus* 'шелковый', где его существование доказано с времени Августа (63 г. до нашей эры — 14 г. нашей эры). История латинского прилагательного продолжается лужицким *žida* (см. выше). Ц.-слав. *sirьkь* 'шелк' связано с англ. *silk* 'шелк', хотя английское слово возникло, как уже было отмечено, другим образом.

Из вульг.-лат. *sarica, лат. *serica* 'шелковый материал', *sēricum* 'шелк' происходит старое французское слово *sarg*, засвидетельствованное с 12-ого века, и более новое *serge* — с 15-ого — 16-ого вв. (Gamillscheg 805; Picoche 742; Walde-Hofmann 2, 521). Данное название распространилось в большинстве европейских языков: итал. *sargia*, н.-нем. *sars*, гол. *sargie*, нем. *Sarsche*, *Serge*, дат. *sars*, *serge*, швед. *sars*, англ. *serge*, рус., укр. *sárža*, польск. *serža*, словин. *sarža*, словен. *serž*, чеш. ст. *sarše* (Jungmann 4, 446), *serž*. В чешском языке (древнечешский, чеш. ст.) в качестве эквивалента французского *serge* также известно др.-чеш. *šerka*, которое (Brandl 335) определяет как «редкая шерстяная саржевая ткань, которая первоначально производилась во Франции», франц.

serge, нем. *Sersche, Sarsche*». Также энциклопедический словарь Отта соединяет *serž* и *šerka*, когда приводит для заимствованного чеш. *serge* (с оригинальным французским правописанием) значение ‘*šerka*’ (OtSN 22, 877 и 24, 589). Др.-чеш. *šerka* имеет также значение ‘грубое домашнее сукно, темное; одежда из него’. Родственным с *šerka* словом является *šeř, šeřina* то же. Среди фиксаций этих названий (Zíbrt 1891, 226) найдем и название *šeřina vlčatá, vlček, vlčka, vlčina* ‘сукно серого цвета’. Значения свидетельствуют, что это не один и тот же материал. В древнем чешском языке были две ткани с названием *šerka*. Др.-чеш. *šerka* — ‘грубое темное сукно, одежда из него’, *šeř, šeřina* то же (< *šerý* ‘темный’, праславянское *sěрь), сходное с материалом, который назывался *vlček, vlčka, vlčina*, в связи с темным ‘волчьим’ цветом. В случае *šeř* образование от прилагательного подобно другим названиям цветов: ср. *modrý — modř, šedý — šed, černý — čern*. Форма *šeřina* соответствует форме *vlčina*, а это — название шкуры животного, которая гораздо раньше, чем материал, применялась в качестве одежды, и образовано от названия соответствующего животного (*srnina* — ‘мех косули’, *sobolina* — ‘мех соболя’ и т.п.). Форма *šerka* (возможно, в соответствии с *vlčka*) имеет форму собственно славянского термина. Другое др.-чеш. название *šerka*, вероятно, возникло как преобразование французского *serge* ‘шелк’. Сходство произношения названия *serž* с названием более старого домашнего материала *šeř* стало первопричиноймены названий обоих материалов. Контаминация названий материалов разного происхождения, вероятно, возникла из-за сходства обоих названий.

Единственным названием шелка собственно славянского происхождения, наверное, является болг. *koprína*, макед. *koprina*. В данном случае убедительным представляется толкование (БЕР 2, 621), где данное название связывается с болг. *koprína* ‘крапива; *Urtica*’ (все из праслав. *kropь). Замену названий объясняют тем, что из крапивы также производился материал.

Принятые сокращения

Brandl — *Brandl V. Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes*. Brno, 1876.

Gamillscheg — *Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache*. 2. vydání. Heidelberg, 1969.

Karłowicz 1894 — *Karłowicz J.* Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, używanych w języku polskim. Kraków, 1894–1905.

Kiparsky 1934 — *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.

Kybalová 1998 — *Kybalová L.* Dějiny odívání. Starověk. Praha, 1998.

Mayer 1927 — *Mayer A.* Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen. Reichenberg, 1927.

Mikl. 1867 — *Miklosich F.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867.

Newerkla 2004 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch. Frankfurt am Main, 2004.

OtSN — *Ottův slovník naučný.* 1–28. Praha, 1888–1909.

Picoche — *Picoche J.* Dictionnaire etymologique du Français. Paris, 1983.

Schneeweis 1960 — *Schneeweis E.* Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960.

Str.-Temps 1963 — *Striedter-Temps H.* Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin, 1963.

Valčáková 2007 — *Valčáková P.* Stč. šerka 'tkanina' // Студії з ономастики та етимології. Київ, 2007.

Wolf 1984 — *Wolf J.* Abeceda národů. Výkladový slovník kmenů, národností a národů. Praha, 1984.

Zíbrt 1891 — *Dějiny kroje v zemích českých.* Sv. 1. Doba nejstarší až po války husitské. Čeněk Zíbrt. Praha, 1891–1892; Sv. 2. Od počátku století XV. až po dobu Bělohorské bitvy. Zikmund Winter. Praha, 1893.

Ж. Ж. Варбот

СЛАВЯНСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРАСЛАВЯНСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ И ЭТИМОЛОГИЯМ*

(в.-луж. *čowpać*, кашуб. *zědřec sq, zejac*,
чеш. *pachořit' sa* и словац. *pachoric še, рус. хотцы*)

В.-луж. *čowpać*

В.-луж. *čowpać* ‘карабкаться’ (Pfuhl), ‘карабкаться; сползать, скользить’ (Трофимович 22), представленное с дополнением *hora* и производным *čořpak* ‘пищуха, *Certhia familiaris*’ (Pfuhl) (особенность этой птицы — умение хорошо лазать спиралью по деревьям), истолковано в этимологическом словаре Х.Шустера-Шевца как образование звукоподражательного происхождения, близкое к в.-луж. *čumpać* ‘качаться, шататься’ и *čampać* ‘тащиться, плестись’ (Schuster-Šewc 2, 124). Более близкие структурно и семантически к в.-луж. *čowpać* ‘карабкаться; сползать, скользить’ родственные глаголы обнаруживаются, однако, за пределами лужицких языков: это укр. *човпті, човпу́* ‘плестись, тащиться’ (Гринченко IV, 468) и словац. диал. *čulpat' sa* ‘ковылять, неуверенно ходить’ (Kálal 83). В обоих праславянских этимологических словарях предложена реконструкция праслав. **čьlpti*: в (SP 2, 221–222: **čl'pti*) на основе только восточнославянского материала, в (ЭССЯ 4: 143–144) с учетом словацкого. В SP глагол признан неясным, с критикой всех существующих решений, в том числе и этимологии ЭССЯ. В последнем на основе сходства семантики восточнославянских и словацкого глаголов аргументировано их праславянское происхождение, реконструирована первичная семантика ‘плести’ и признается родства с лит. *kilpoti* ‘плести’, лтш. *silpiot* ‘плести, делать петли, складки, запутываться’ (ЭССЯ 4: 144). Лужицкий глагол не упоминается ни в SP, ни в ЭССЯ. Но именно его присоединение к учтенным в прасла-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

вянских словарях материалам одновременно и выясняет праславянское происхождение лужицкого глагола, и поддерживает и укрепляет этимологическую версию ЭССЯ.

Кашуб. *zědřec sq*

Кашубский глагол *zědřec sq, zědři* ‘гноиться (о ранах)’ (Sychta VI, 207) не анализируется в «Этимологическом словаре кашубского языка» (SEK). Представляется возможным истолковать этот глагол как родственный с рус. *зудеть* ‘чесаться, свербеть’ и блр. диал. *зудзець* ‘свербеть; нить, ломить’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 329). Семантическая близость кашубского и восточнославянских глаголов очевидна: нагноение может сопровождаться и зудом, и нытьем, ломотой. Примечательно сходение вторичных, переносных значений: ср. рус. диал. *вызудить* арханг., новг., костром., урал. ‘выпить’ (СРНГ 5, 284) и кашуб. *vězědřec sq* ‘перестать течь’: *Rena sq vězědřala* (Sychta VI, 208). Правда, пути развития этих переносных значений могут быть различны: в кашубском — через ‘перестать гноиться’, менее ясно в русском языке — через промежуточные ‘раздражать’ → ‘сильно воздействовать, продирать, продувать’ (ср. *вызудить* ‘продуть человека на пронизывающем ветру’ (беломор., СРНГ 5, 284) → ‘пить’? (ср. рус. просторечн. *выдуть целый чайник*).

В этимологических словарях русского и белорусского языков рассматриваются только восточнославянские глаголы и упоминаются различные этимологические версии; при этом высказываются сомнения или отвергаются версия звукоподражательного происхождения и заимствования и определенно предпочитается версия родства с лит. *žaudus* ‘раздражительный’ и др.-исл. *kaun* ‘нарыв’ (Фасмер 108; ЭСБМ 3, 348–349), эту версию поддержала и В. А. Меркулова, исключившая вероятность звукоподражания и заимствования как не характерные для названий болезней¹. И все-таки в итоге (ЭСБМ 3: 349) признает отсутствие надежной этимологии.

Присоединение к восточнославянскому материалу кашубского глагола усиливает версию о родстве с лит. *žaudus* ‘раздражительный’ и др.-исл. *kaun* ‘нарыв’ и обосновывает реконструкцию для праславянского языка глагола индоевропейского происхождения **zudēti* с экспрессивным вариантом **zudrēti*. Экспрессивное расширение корня *r* хорошо известно в славянском глагольном словообразовании: ср. **česrati*, **baxoriti* и др. (Sławski. Zarys I, 54).

Кашуб. *zejac*

Для кашуб. *zejac*, *zejã* ‘пачкать, мазать, марать; сорить’, *zejac sq* ‘пачкаться’ (Sychta VI, 209) в (SEK V, 286) признано родство только с польск. диал. кочев. *zejac* ‘пачкать, мазать, марать’ при отсутствии соответствий в других польских диалектах и иных славянских языках; происхождение глагола признано неясным. Возможность факультативного фонетического изменения *dz > z*, признаваемая для кашуб. *zeřaga* ‘болотное растение *Caltha palustris*’ < *derega (SEK V, 287), позволяет предположить аналогичное преобразование и в кашуб. *zejac*, *zejã*, то есть происхождение глагола из праслав. *dējati. В отношении вероятности развития представленного значения этого глагола из семантики *dējati ‘класть, делать’ существенна высокая степень обобщения этой семантики, которая может быть основой для различных более узких, конкретных значений. Для данного случая релевантны значения производных от *dējati (через ступень *dělo) рус. простореч. *обделаться* ‘обгадиться’, *уделать* ‘запачкать’, диал. псков., твер. *обделать* ‘запачкать’ (СРНГ 22,21).

Чеш. *pachořit' sa* и словац. *pachoric še*

Чеш. морав. *pachořit' sa* ‘дуться, сердиться, злиться’ (Bartoš 277)² и словац. диал. *pachoric še* ‘заноситься, зазнаваться’³ отнесены В.Махеком к числу производных от *pakost* (Machek¹ 346). Однако существенные отличия структуры рассматриваемых глаголов и некоторое отличие их семантики от предполагаемой производящей основы побуждают рассмотреть возможность иной этимологизации.

Следует обратить внимание на гнездо праслав. *xoroxoriti se. Продолжения его представлены в русском и белорусском языках со значениями, близкими к рассматриваемым западнославянским глаголам: ср. рус. литер. и диал. *хорохориться* ‘храбриться, держать себя вызывающе, заносчиво’, диал. *хорохоря* ‘задорный, хвастунишка’ (Даль² IV, 561), блр. *харахорыцца* ‘охорашиваться’ (Байкоу — Некраш. 334). Наряду с этими значениями восточнославянские лексемы зафиксированы также как обозначения топорщения, вздыбливания перьев у птиц: рус. диал. *хорохориться* ‘хохлиться, надуваться (о курице)’, волог. *хорхора* ‘растрепанная курица’ (Даль² IV, 561), а родственные имена — как обозначения различного рода тряпья: рус. диал. калуж. *хорохорка* ‘тря-

пье', курск. *хорхоры* 'нечистые отрепья, висящие в поношенном платье' (Опыт 250, 280). Совокупность последних значений позволила ранее истолковать в связи с рассматриваемым гнездом хорв. диал. *na χοχōrǫ* 'приподнято, в сборку'⁴ (как неполную редупликацию корня) и далее в.-луж. *šešer* 'пучок, клочок волос, шерсти' (Трофимович 314) (как отражение первичного вокализма корня). В результате было обосновано происхождение праслав. *хорохорити *сѣ* из гнезда и.-е. **sker-* / **skor-*⁵.

Возвращаясь к чешско-словацкой группе глаголов, следует отметить существенность их потенциального родства с праслав. *хорохорити *сѣ*: эти глаголы представляют структуру с нередулицированным корнем и значениями, практически тождественными семантике *хорохорити *сѣ*.

Еще одним производным от неруплицированного корня того же гнезда является, вероятно, словац. *náchor*: *z náchoru to urobil* 'со злости?' (Kálal 358), ср. приведено выше хорв. диал. *na χοχōrǫ* 'приподнято, в сборку'.

Рус. хотцы

Рус. диал. сиб. *хотцы* зафиксировано со значением 'запруда из прутьев для ловли рыбы' (Словарь Прииртышья 3, 270). Это значение и структура корня позволяют предположить принадлежность слова к числу производных глагольного гнезда праслав. *хотѣти / *хьтѣти / *хьтѣти / *хватѣти ('запруда' = 'хватящее устройство'). Независимо от этимологизации и определения круга индоевропейских соответствий по разным этимологическим версиям, для этого гнезда признается сочетание в семантике составляющих 'желать' и 'братъ', причем направление развития семантики реконструируется различно: от 'желать' (собственно 'желать иметь своим') к 'братъ (себе)' (Vaillant. Gramm. comparée III, 404) или от 'братъ, хватать' к 'желать, хотеть' (ЭССЯ 8, 84). Отмечается, что эти значения распределены по глагольным основам, так что *хотѣти / *хьтѣти имеют лишь семантику желания, что толкуется как свидетельство полного переосмысления основ *хотѣти / *хьтѣти 'братъ' → 'желать' (ЭССЯ 8, 83–84). На этом фоне приведенный выше русский диалектизм примечателен как потенциальное производное от *хотеть* с реликтовым значением 'братъ, хватать'.

Примечания

¹ Меркулова В. А. Народные названия болезней. II (На материале русского языка) // *Этимология* 1970. М., 1972, 183–184.

² Kazmír S. *Slovník valašského nářečí*. Vsetín, 2001, 238.

³ Buffa *Ferdinando*. *Slovník šarišských nářečí*. Prešov, 2004, 127.

⁴ Толстой Н. И. Из географии славянских слов // ОЛА. М., 1965, 141–142.

⁵ Варбот Ж. Ж. Хорохориться и хороший // *Русская речь*. 1980, №1, 138–141; *Она же*. Славянские этимологии (*opoka; *nadovъsъ и *nadovъsъnъ; **žęžel'ъ*; *ko-bica, *zakobень; *xorođъjъ и *xorxoriti sę) // *Этимология* 1979. М., 1981, 39–41.

В. Л. Васильев

ПОЛНОГЛАСНЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. **BOLG-*

Разнообразные лексические континуанты праслав. **bolg-* распространены во всех славянских языках. В основном, однако, известны неполногласные рефлексы праславянской основы (*blag-, blog-*), исконные для южно- и западнославянских языков. Будучи древнерусскими заимствованиями из ц.-слав. (< ст.-слав.), неполногласные лексемы прочно закрепились и на восточнославянской языковой территории, развив здесь немало значений, в том числе прямо противоположных, ср., к примеру, рус. *благóй* 'хороший' и 'плохой', *блáго* 'хорошо' и 'плохо', подробнее см. (Фасмер I, 170–171; Черных I, 92; ЭСРЯ 1/2, 130, 131; Аникин РЭС 3, 222–225). По материалам ЭССЯ (2, 173–175), только праслав. *bolgo имеет полногласный рефлекс в виде др.-рус. существительного *болого* и рус. диал. наречия *бóлогó*. Вместе с тем открываются все новые факты, показывающие, что на восточнославянской территории исконная полногласная основа *болог-* издревле была представлена более основательно и в разных лексико-словообразовательных формах, хотя безусловно имела территориальные ограничения. Основным источником этих новых фактов является материал русской топонимии, особенно топонимии Русского Северо-Запада¹, сохраняющей немало лексических архаизмов.

Самым известным из топонимов, интересующих нас в данном случае, является название города *Бологóе*, районного центра Тверской обл., расположенного рядом с оз. *Бологóе* бассейна Мсты со стоком в р. Нефтянка (ранее — Змейка); до 1926 г. — пос. *Бологое* (*Никифоровка*) при ж.д. ст. *Бологое-Московское* (*Бологовская*), открытой в 1851 г., а ранее село. Впервые упоминается в писцовой книге Деревской пятины Новгородской земли 1495 г. как сельцо *Бологое* в Бологовском погосте «надъ озеромъ надъ *Бологимъ*, а въ немъ церковь *Усѣкновениеі* главы Ивана Предтечи» (НПК I, 107), в межевых материалах конца XVIII в. — село *Бологое* Валдайского уезда (ИАДП 1, 109). Населенный пункт был назван по смежному озеру, которое, помимо названия *Бологое*,

издревле именовалось также *Бологовским* (см. ПКНЗ 5, 242–244, 247, 248) — уже по селу. В этом же Бологовском погосте отмечают сельцо *Бологая Гора* 1495, 1550/51 гг. (НПК I, 112; ПКНЗ 5, 243) (= *Болагая Гора* Валдайского уезда конца XVIII в., по ИАДП 1, 110; 2, 60) и р. *Боложица* под 1495 г.: «да х деревни к Сорокину на отхожих пожнях на речке на Боложицы под Великим Елником» (ПНКЗ 5, 250), = руч. *Боложивца* 1780-х гг. близ пуст. Сорокино к северу от оз. Бологое (ИАДП 1, 110; 2, 59)².

В истоках Западной Двины, на территории средневековой волости Лопастницы Новгородской земли, локализуется другое оз. *Болого(е)* и здесь же дер. *над озером Бологом*, согласно книге Деревской пятины 1495 г. (НПК II, 791, 798). Неподалеку, к западу, лежит еще одно оз. *Бологое* бассейна Ловати, стекающее в р. *Блажанка* (Шан. РЛЮ, 143; Шк. ОПск, 114) (по современным данным — оз. *Бологово*, стекающее в р. *Бологая*) вблизи пос. *Бологово* (иначе — *Серёжино*) Андреапольского р-на Тверской обл. (= *Балагой*, или *Бологое*, погост в Балагово-Наговской волости Холмского уезда 2-й пол. XIX в., по СНМРИ 34, № 14611), = село *Бологое* при оз. *Бологое* в Сережской переваре Торопецкой земли 1540 г., по ПКНЗ 4, 628). Из ойконимии сюда же дер. *Бологово* Шимского р-на Новгородской обл., = дер. *Бологово* / *Болосово* Лужского уезда Санкт-Петербургской губ. сер. XIX в. (СНМРИ 37, № 2262), которая отождествляется с дер. *Бологое* во Фроловском погосте Шелонской пятины 1498 г. (НПК IV, 38). О других соответственных новгородских ойконимах сохранились только средневековые упоминания: дер. *Бологово* в Вельевском и дер. *Бологово* / *Бологова* в Молвотицком погостах Деревской пятины под 1495 и 1538/39 гг. (НПК I, 217, 655; ПКНЗ 4, 286), дер. *Бологово* в погосте Воскресенском в Осечне Бежецкой пятины 1545 г. и в том же погосте пуст. *Бологуша* (НПК VI, 86, 93).

Перечисленную топонимию области средневековых пятин Великого Новгорода дополняют названия псковского оз. *Бологовское*, иначе *Бологово*, со стоком в р. *Бологуша* неподалеку от Великих Лук (= оз. *Бологое* в Бологоцком стане, согласно Великолуцкой писцовой книге 1625–1627 гг.³), здесь же дер. *Болого́е* Новоскольнического р-на Псковской обл. Сюда же отходит название оз. *Белогу́ли* / *Белогу́ля* (но в списке озер 1912 г. — *Балогули* в Опочечком уезде Псковской губ., по Шк. ОПск, 78) неподалеку от Новоржева со стоком в р. Сороть, которое указано в псковских писцовых книгах 1585–1587 гг. как оз. *Бологуль* (Псков. словарь 2, 87). Ранние варианты этого лимнонима произведены

от *болог-* при помощи суфф. *-ул'*-, тогда как современные варианты, при забвении семантики основы, подверглись сближению со словом *бѣлый*⁴.

Все эти топонимы на новгородско-псковской территории, зарегистрированные письменностью XV–XVII вв., безусловно отсылают к незафиксированному др.-рус. диал. **болог(ьи)* ‘хороший, добрый’, имеющему неполногласные соответствия в южно- и западнославянских языках (< праслав. **bolgъ(jь)* — ЭССЯ 2, 174). С прилагательным **болог(ьи)* находятся в деривационной связи др.-рус. существительное *болого* ‘добро, bonum’ (Срезневский I, 146), рус. диал. (брян.) *бологѣ* ‘добро, хорошее’: «Ни г бѣлагому, г дажду летають ластычки, ни г дабру» (Брян. словарь 1, 67) и, вслед за ними, укр. наречия *не-з-болѣга* ‘не с добра’ (ЕСУМ 1, 203), рус. диал. *болѣго, болѣго, болѣзе, болѣзень, болѣози, болѣозя* ‘хорошо; хорошо, что’ во многих, преимущественно севернорусских, говорах (СРНГ 3, 71, 76; Сл. Русского Севера 1, 109; Новг. словарь 1, 66) при том, что само праслав. имя *bolgo считается субстантиватом формы прилагательного среднего рода, подобно существительному *добрѣ* при *дѣбр(ьи)* (Аникин РЭС 3, 223). В отличие от усвоенных из книжного, ц.-слав., языка неполногласных лексем исконное др.-рус. **болог(ьи)* не получило широкого распространения в русском языке, вероятно, потому, что издревле его ареал был ограничен по преимуществу территорией исторических Новгородской и Псковской земель, долгое время существовавших относительно обособленно от Северо-Восточной Руси. О новгородско-псковском ареале полногласного адъектива отчетливо свидетельствует средневековая топонимия на *Болог-*, не выходящая, как будто, за пределы Русского Северо-Запада⁵. Неполногласный вариант (ц.-слав. *благыи*, давшее рус. *благѣи*) тоже находит проявление в топонимии этого региона, но существенно меньшее: можно отметить лишь современные названия маленького оз. *Благи* в пойме оз. Ильмень (с сомнением!) и руч. *Благой* в правобережье Мологи между Бежецком и Максатихой, причем не находящие древнеписьменных проявлений⁶.

На Русском Северо-Западе наблюдаются факты смешения вост.-слав. полногласного и более позднего, неполногласного вариантов основы, выраженные замещением одного варианта другим. Среди таких фактов неполногласное *Блажанка*, судя по производной форме, явно вторичный, поздний вариант названия р. *Бологая*, вытекающей из оз. *Бологое* (см. выше). Обратное замещение наблюдается на примере пск. *вологодѣть* ‘дар?’ («А

Новоторжцу въ **БОЛОГОДѢТЬ**, не вѣсити ни у которого же гостя» из документации Печорского монастыря XVI–XVII вв., см. Псков. словарь 2, 87), которое, очевидно, нужно рассматривать как местную народную трансформацию ц.-слав. заимствования **БЛОГОДѢТЬ** χάρις, grātia (Срезневский I, 98). Единично записанное пск. *бологѡй* ‘старый, больной’ («Уйдѣ атсѣдова! Ты балагѡй! Эта састарился, забалѣфшый, худѡй то исть» Самохвалово, Палк.) (Псков. словарь 2, 87) тоже скорее всего не исконно, но преобразовано из неполногласной лексемы, рано усвоенной местными говорами, ср. пск. *благѡй* ‘больной, истощенный слабый’, записанное во многих районах области (Псков. словарь 2, 28). Исконное же др.-рус. диал. (др.-новг., др.-пск.) **болог(ыи)*, похоже, вовсе не несло того сравнительно нового отрицательно-оценочного смысла, который был закреплен в народно-диалектной среде за неполногласными лексемами, ср. весьма распространенные рус. диал. *благѡй* ‘дурной, плохой’, *блѡго* ‘нехорошо, дурно’ и т.п. (СРНГ 2, 308), как и *благѣть* ‘дурить’, *благѣнѡй* ‘дурной’. В перечисленных названиях на *Болог-*, как и в других тополексемах этой основы, рассматриваемых ниже, нашла отражение положительная оценка водоемов, местности, окрестных угодий (ср. многочисленную русскую топонимию от *дѡбр(ыи)* типа *Доброе, Добрая, Добрица, Доброха, Доброзеро*)⁷.

За пределами Русского Северо-Запада на восточнославянской территории найдены лишь неполногласные формы соответственных топонимов (на *Благ-*), см. в обширном бассейне р. Оки гидронимы *Благов, Благой, Благуша / Блогуша, Благушка, Благушка / Блогушка (Благовка), Благучской, Благиновка, Благиновский* (Смол. ГБО, 28, 39, 56, 118, 120, 150). В верхнем Поднепровье отмечены гидронимы *Балгучка* п.пр. Проварищ, л.пр. Ужи, л.пр. Днепра (иначе *Гиченка*) и *Болгача (Болгачь)* л.пр. Днепра, которые считаются образованиями со слав. суффиксом от балт. основы *Valg-* и сравниваются с лтш. *Balga* р., др.-прус. *Balga*⁸ (явно родственными слав. **bolg-*). Однако днепровск. *Балгучка*, скорее и по основе является славянским названием, поскольку оно структурно сходится с *Благучской* (Поочье), равно как с чеш. мужским личным именем *Blahút*, это последнее рассматривается в (ЭССЯ 2, 174) как вероятное старое слав. причастие **bolgŏť* (до расширения суф. *-j-*), соотносимое с **bolgati* (> чеш. *blahati* ‘блаженствовать’, ‘находить удовольствие, нравиться’ и др.). В свою очередь польский гидроним *Błoga*, приток Пилицы в бассейне Вислы (НО, 293) (и при этой реке село *Błogie*, под 1412 г.)⁹

можно считать очевидной межславянской параллелью к новгородско-псковской гидронимии типа *Болого(е)*.

Кроме того, об активности полногласной основы *болог-* в вост.-слав. говорах Русского Северо-Запада свидетельствуют отдельные топонимы — дериваты с архаической суффиксальной и сложной структурой, тоже порой находящие отдаленные межславянские параллели. В названии оз. *Бологинец* в Быстреевском погосте Шелонской пятины 1571 г. («лень мочять, рыбы въ немъ нѣтъ») (НПК V, 176) = оз. *Болодинец* со стоком в руч. *Болодинец* бассейна Чудского оз., 1929 г. (Шан. РЛЛО, 566) наверняка отражена первоначальная основа с суф. *-ын'*, позднее осложненная суф. *-ец*. Она имеет праславянские истоки, ср. равноструктурное ст.-слав. *благыни* 'доброта, добро', болг. *благина* 'скоромная, жирная пища (масло, молоко, сыр и др.)', диал. *благина* 'скоромная пища (мясо, сыр)', сербохорв. стар. *благина* 'благодать, доброта', диал. 'жир для мыловарения (выжарки, топленый жир, испорченный сыр и т. д.)' и др., сюда же сербохорв. личное имя *Blàgīna*, — все к праслав. *bolgyni, производному от **bolg(ъ)ь*) (ЭССЯ 2, 174–175). Ю.-слав. личное имя с неполногласием проникло и на новгородскую территорию Обонежской пятины, см. *Благиня Петр Кириллов*, 1563 г., в Олонце¹⁰, и в иные русские земли¹¹. Основа новгородского топонима *Бологин(-ец)* < *Бологын'* / *Бологын-* семантически и деривационно приравнивается к основе весьма распространенной топонимии на *Добрын'* / *Добрын-*, которая отчасти мотивирована апеллятивом, отчасти антропонимом¹². Эту же основу можно усмотреть и в названии дер. *Болгино* Демонского погоста Деревской пятины 1496 г. (ПКНЗ 1, 87) (< **Бологын'* / **Бологын-*, к заударному выпадению *о* ср. диал. *бѣлго* = *бѣлого*, *Бѣлгов* < *Бѣлогов*), для данного ойконима исходным скорее следует считать антропоним. Не менее отчетливую деривацию от этого же личного имени, но уже в неполногласном его варианте, предполагают названия оврагов *Благиновка* и *Благиновской* бассейна Смедвы в среднем правобережном Почье (Смол. ГБО, 150) — к *Благина* (< *Благына* / *Благыня*) или *Благинов*.

Старую, еще древнерусскую, топонимическую модель деривации от апеллятива показывает название дер. *Бологѣжа* близ города Старая Русса, районного центра Новгородской обл., стоящей на руч. *Балогѣжа* (иначе — р. *Бологѣжка*¹³ или *Балогѣшка* 1929 г., по Шан. РЛЛО, 508), л.пр. Тулебли, впадающей в оз. Ильмень. Ранее пункт отмечен списками селений Старорусского уезда 1909

г.: дер. *Бологижа* на руч. *Безымянном* (СНМНГ III, 48–49). Более ранние прямые упоминания этого пункта, к сожалению, не выявлены, но в писцовой документации Старой Руссы 1611, 1615, 1624, 1647/48, 1672/73, 1678 гг. постоянно фигурируют несколько поколений посадских людей, старорушан *Бологижиных* (ППКСР, 406)¹⁴, фамилия которых явно указывает на выходцев из близлежащей дер. *Бологижа*, существовавшей по крайней мере уже в XVI в. Данная топонимическая семантика в аспекте семантико-деривационном особенно близка к днепровскому гидрониму *Добрижа*, п.пр. Свесы, л.пр. Ивота, л.пр. Десны, который В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев¹⁵ напрасно трактуют из балт., привлекая лит. *duburingas* ‘полный впадин’, др.-прус. *Dobringe* p.¹⁶

Дериватом от *болог-* с похожим суффиксом (с опорным согласным *ж*) является древнее название места *Бологъже* («*Бологъжь*»), донесенное новгородской берестяной грамотой № 390 последней трети XIII в.¹⁷ Этот средневековый пункт идентифицирован¹⁸ с селом *Бологжо* (*Баложо*), которое значилось по списку 1909 г. в Крестецком уезде Новгородской губ. (СНМНГ IV, 28–29); сегодня вместо села осталась пуст. *Бологжѳ* в среднем течении Мсты при впадении Олешонки в Холову¹⁹.

Редкое архаическое сложение адъективной основы *болог-* с преф. *с-* (< *сь-*) репрезентирует название дер. *Сболога* в среднем Помостье близ пос. Любытино, районного центра Новгородской обл. По спискам 1911 г., это дер. *Большая Сболога* Любытинской волости Боровичского уезда Новгородской губ. (СНМНГ VI, 60), отождествляемая с одним из пунктов XVI в. в волости Любытино в Ильинском погосте Бежецкой пятины, где писцовые книги указывают дер. *Збологая* под 1564 г., которая «не пахана и не кошена, а запустѣла отъ помѣщиковы худобы лѣта 7072», т. е. в 1544 г. (НПК VI, 876), и дер. *Болога* под 1501 г., иначе *Бологая*, под 1564 г. (НПК VI, 17, 871, 875, 876). В 12 км к востоку обнаруживается другая дер. *Сболога*, в нач. XX в. значившаяся в Шереховской волости Боровичского уезда (СНМНГ VI, 138), а в настоящее время признанная нежилой; она отмечена как дер. *Збологая* «при копаных колодезях» межевыми материалами 1780-х гг.²⁰ и соответствует одной из близлежащих средневековых деревень, принадлежавших погосту Никольскому в Шереховичах: дер. *Бологая*, или дер. *Болагая*, обе описывались в 1539 и 1564 гг. (ПКНЗ 3, 11; НПК VI, 877, 878, 899, 907, 910). Кроме них, опять же в среднем Помостье, старая карта-трехверстка Генерального штаба 2-й пол. XIX в. указывает пару смежных дер. *Верхняя Зболога* и *Нижний*

Зболог на правом берегу Мсты, которые в списке селений 1909 г. приведены как дер. *Верхние Тиккули (Сбологи)* и *Нижние Тиккули (Сбологи)* в Карпиногорской волости Крестецкого уезда Новгородской губ. (СНМНГ IV, 41, 42); по современным данным — это дер. *Верхние Тиккулы* и *Нижние Тиккулы* в Маловишерском р-не Новгородской обл.²¹

Тополексему *Сболог(-а,-и)* скорее всего следует трактовать как весьма архаическую структуру, в которой преф. *c-* (< *съ-*) входил в состав прилагательного для усиления качества ('очень хороший'). Такой префикс исследователи обнаруживают, к примеру, в именах *здоровый, счастье, смерть* и этимологически объединяют с др.-инд. *su-* 'хорошо, благо', авест. *hu-*, др.-перс. *u-*, галльск., др.-ирл. *su-, so-* 'хорошо' и др. (Фасмер III, 540). Похоже, эту же структуру (**sʰbolg-*), позднее сближенную с изосемантическими неполногласными лексемами на *благ-*, показывает локализуемый в истоках Волги лимноним *Собла́го*, оз. близ оз. Стерж, рядом с которым значатся пос. и ж.д. ст. *Собла́го* Пеновского р-на Тверской обл.

Другим архаическим сложением со вторым элементом *болог-*, по-видимому, семантически близким к *Сболог(-а,-и)*, предстает новг. ойконим *Веснеболук* (иначе *Яснеболук*), дер. на р. Моревка в Моисеевской волости Демянского уезда нач. XX в. (СНМНГ II, 52–53). Иных известий об этом селении не найдено, однако имеется очевидная параллель на Псковской земле — лимноним *Весне́болог* (по Шан. РЛЛО, 30 — *Веснеболото / Вескеболото*), крупное оз. в истоках р. Великой, стекающее в р. *Веснеболожка* (иначе *Веснеболот*, а по Шан. РЛЛО, 28 — *Веснеболото / Вескеболото*), л.пр. Алоли. В древности здесь был крупный погост, центр волости *Веснеболот* (по духовной грамоте Ивана III — *Веснеболото*, 1954 г.) Пусторжевской земли²², в XX в. слившийся с дер. Красное Пустошкинского р-на Псковской обл.²³ Эти топонимические архаизмы вторым своим компонентом (а, возможно, и первым) сходятся с польск. *Osobloga* (варианты *Ossobłoka, Ossa, Osa*, чеш. *Osoblaha*, нем. *Die Hotzenplotz, Ossa Bach*) л.пр. Одры в юго-западной Силезии (HW, 41) (по исторической документации *Ozobloga* под 1201 г., *Ozoblag* 1213–1217 г., *Osobloga* 1233 г., германизированная форма *Uzablace* 1107 г. и др.²⁴). В. Э. Орел, рассматривая польский гидроним и приводя известные ему польские же *Oskobłok (Osobłok / Ostrobłok / Oskobok)* из бассейна Варты, квалифицирует их все как германский композит **aska /i-baki-* 'ясеневый ручей'²⁵, что весьма сомнительно,

особенно если привлечь сюда созвучные топонимические факты Русского Северо-Запада. О. Н. Трубачев второй компонент в польск. *Osobloga*, чеш. *Osoblaha* приравнивает к праслав. *bolgъ ‘хороший, добрый’, но и в первом компоненте видит такой же смысл (и.-е. *uesu-s ‘добрый, хороший’), предполагая здесь дублетное или глоссирующее наименование с внутренней формой ‘*boпum + boпum*’²⁶, что представляется вполне убедительным²⁷. В том, что в новг. *Веснеболук*, пск. *Веснеболог(a)* тоже заключено праслав. **bolg-*, сомнений нет, но первый компонент нуждается в прояснении. В качестве этимологического наблюдения хочется заметить, что *Весне-* тоже может отсылать к тому же и.-е. корню, что *Oso-* в польск. *Osobloga*, но расширенному суф. *-n-*: к **ues-n-*. Ср. на уровне апеллятивов праслав. *veselъjъ (> рус. *веселый*) с иным суффиксальным расширением этого же и.-е. корня **uesu-* (Фасмер, I, 303) наряду с праслав. *vesna, которое некоторые исследователи связывают с *veselъjъ (Brückner, 607). Вполне вероятно, что древние названия *Веснеболук*, *Веснеболог(a)* были перенесены ранними славянами на Русский Северо-Запад из очага славянских миграций в Центральной Европе.

Примечания

¹ Используемые ниже современные формы названий населенных пунктов и водоемов Русского Северо-Запада подаются без ссылок на источники, если они почерпнуты из общегеографических карт, справочников административно-территориального деления областей и из опубликованных списков рек, озер и водохранилищ.

² От средневекового названия села и погоста *Бологое* произведена фамилия *Бологовские*, связанная с родом крупных новгородских землевладельцев (*Бологовский Василий Федоров сын Фатьянов*, *Бологовский Кузьма Семенов сын*, *Бологовский Олферий Федоров сын*, *Бологовский Степан Федоров сын Фатьянов*, *Бологовский Федор Семенов сын*, *Бологовский Федор Федоров сын*), которые владели землями в смежных Бологовском, Листовском, Еглинском и Пиросском погостах Деревской пятины, но утратили свои вотчины во времена московских экспроприаций земель конца XV–нач. XVI вв. (см. ПКНЗ 4, 108, 145, 148, 163, 352, 390, 419, 434).

³ По: Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998, 172, № 372.

⁴ См. так же: Мельников С. Е. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984, 15. Автор указывает (Там же), что озеро лежит в красивой долине.

⁵ Русские фамилии *Бологовы*, *Болговы*, *Бологие*, которые, судя хотя бы по интернет-упоминаниям, не принадлежат к числу самых редких, в отношении ареала не показательны в связи с широким расселением их носителей по просторам России. Можно лишь предполагать, что эти фамилии в целом русского северо-западного

происхождения, где они до сих пор обнаруживаются несколько чаще, чем в иных регионах. Ко времени первых московских писцовых описаний Новгородской земли конца XV в. здесь были в ходу соответственные фамилии (патронимы) как с полногласием, так и с неполногласием, см. *Бологаев Еска*, крестьянин в Сытинском погосте 1495 г. (НПК II, 473), но *Благой Василий*, помещик в Бельском погосте 1498 г. (НПК IV, 72).

⁶ В средневековой писцовой документации региона обнаружено только одно соответственное название с неполногласием: *Блажена* дер. 1564 г. в погосте Волок Держков Бежецкой пятины (НПК VI, 1003).

⁷ Г. П. Смолицкая, объясняя название города *Бологѳе* Тверской обл., без достаточной аргументации приписывает исходному апеллативу значение 'плохой, неудобный, непригодный для проживания' или 'связанный с нечистой силой, со злым духом; нечистое место' (*Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М., 2002, 35–36), ее объяснение повторено в кн.: *Воробьев В. М.* Тверской топонимический словарь. М., 2005, 41. Однако наличие негативного спектра значений для полногласной основы *болог-* ничем не доказывается, тогда как ее позитивный семантический спектр вполне обосновывается совокупностью др.-рус. и рус. диал. лексических манифестаций.

⁸ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 176, 177.

⁹ *Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, 11.

¹⁰ *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, 40; *Кюрюшова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010, 48.

¹¹ См. помещики *Блажинов Иван*, *Блажинов Яков* в уезде подмосковной Коломны, по письменности 1577/78 г. (Города XVI в., 29, 30, 42). Кроме того, В. А. Никонов находит фамилию *Блажинин* по документации 1840 г. в Астраханской губ., куда она, по его мнению, была занесена потоком южнорусского и западнорусского населения (*Никонов В. А.* Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М., 1993, 19).

¹² В качестве мотиваторов для новгородских топонимов *Добрыни*, *Добрыня*, *Добрынино*, *Добрыньское* и др. в большинстве случаев целесообразно считать личное имя *Добрыня* / *Добрына*, употребительное в восточнославянской речи вплоть до XVIII в., но, кроме антропонима, иногда могли быть использованы др.-рус. апеллативы *добрыня* (*добрына*), *добрыни* 'добро, доброе отношение', 'добродетель' (СлРЯ XI–XVII вв. 4, 271), подробнее см.: *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005, 340.

¹³ *Пылаев В. Д.* Старорусский край (природа и население) / Под общей ред. Д. О. Святого. Новгород, 1929, 37.

¹⁴ Это межпоколенные (в основном) родственники: *Григорий Бологижин*, *Ларион Бологижин*, *Семен Бологижин*, *Семен Марков сын Бологижин*, *Сергей Бологижин*, *Тимофей Бологижин*, *Яков Бологижин*, *Ларион Яковлев сын Бологижин* и его брат *Михаил Яковлев сын Бологижин*, а также *Ларион внук Якова Бологижина*, *Якуш Бологижин* (*Болосижин*), *Семен Мартемьянов сын Бологижин* и его брат *Якуш Мартемьянов* (*Мартьянов*) сын *Бологижин*, сын *Якуш*, сын *Якуша Мартемьянова сына Бологижина*, упоминаемые местной старорусской документацией на протяжении всего XVII в., см. (ППКСР, 40, 53, 89, 95, 108, 115, 121, 123, 132, 152, 203, 205, 214, 223, 226, 239, 260, 278, 283, 299, 326, 327, 363, 383, 391).

¹⁵ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Указ. соч., 184.

¹⁶ Таковую же структуру показывают многие другие старые вост.-слав. топонимы, ср., к примеру, средневековые новг. *Гостижа*, *Гарижа*, дер. в Околорусье 1498 г. (кстати, совсем рядом от *Боложижа*), *Мстижа* дер. в Полоновском погосте 1538/39 г. (НПК V, 58, 215; ПKNЗ 4, 275), *Гостижа* (*Гастижжа*) и *Гастижжа*, рр. в верхнем Поднепровье, и т.п.

¹⁷ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004, 507–508, 713.

¹⁸ См.: *Коновалов А. А.* Географические названия в берестяных грамотах // Советская археология, 1967, № 1, 92–93; *Анкудинов И. Ю.* Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М., 2000, 123–132.

¹⁹ *Анкудинов И. Ю.* Указ. соч., 129.

²⁰ Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).

²¹ Название *Тиккули* / *Тиккулы*, не имеющее лингвистического отношения к рассматриваемым фактам, связано с расселением семей карел на берегах Мсты в XVII в. Оно произведено от карельского личного прозвища *T'ikku* или *T'ikka* (ср. карел. *t'ikku*, фин. *tikka* 'дятел') при помощи посессивного суф. *-la*, характерного для прибалтийско-финской ойконимии деантропонимного образования (подобно ойкониму *Дятлово* — от прозвища *Дятел*).

²² *Янин В. Л.* Указ. соч., 150.

²³ *Мельников С. Е.* Указ. соч., 32.

²⁴ *Rozwadowski J.* Указ. соч., 11.

²⁵ *Орел В. Э.* Из этимологических наблюдений над гидронимами бассейна Варты // *Onomastica*, 1989. Т. 33, 114–115; *его же*: Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997, 347.

²⁶ *Трубачев О. Н.* Заметки по лехитской этимологии // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М., 2004, 164–165.

²⁷ Данной версии благоприятствует сама микросистема смежных названий, а именно то, что среди левых притоков р. *Osobloga* известна р. *Ossa*. Я. Розадовский привлекает этот факт для истолкования сложения *Osobloga* в значении 'Ossa dobra, sicha' (см. *Rozwadowski J.* Указ. соч., 11). Однако данное микросистемное сходение двух гидронимов целесообразно осмыслить по-другому — в качестве факта, который помогает уяснить специфику сложения *Osobloga* как сращения славянской метонимической кальки (использовавшейся вначале для смежной реки) с дославянским оригиналом. Ср. подобный случай с названием р. *Каменная Осмонька*, смежной с р. *Осмонька*, в верхнем Поднепровье; первое из них сочетает славянскую кальку с дославянским гидронимом от обозначения камня *asman-* (см. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Указ. соч., 222, 224).

Принятые сокращения

Города XVI в. — Города России XVI века. Материалы писцовых описаний: М., 2002.

ИАДП — *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.–СПб., 2008.

- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1–5. М., 1999–2004.
- ППКСР — Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / Подгот. И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов, А. А. Селин; сост. И. Ю. Анкудинов. М., 2009.
- Смол. ГБО — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VIII. Новгород, 1907–1912.
- СНМРИ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. СПб., 1885; Т. 37. СПб., 1864.
- Шан. РЛЛО — *Шанько Д. Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Шк. ОПск — *Шкапский О. А.* Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков, 1912.
- HW — *Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym* / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.

И. В. Васильева

ПРАСЛАВ. *PĚSTŮ, РУС. ПЕСТ И ПОЛЬСК. PIAST

Пест — существительное с надежной, не вызывающей сомнений праславянской этимологией (Фасмер III, 250): это производное с суффиксом *-t-* от аблаутной ступени *-o-* индоевропейского корня **(peis-?)*: *pis-* (Pokorný I, 796). Однако, несмотря на прозрачность этимологии, с этим словом связаны вопросы, которые еще ждут своего разрешения.

Производность глагола **pěstovati* от **pěstь* либо **pěsta* в последние двадцать лет была обоснована несколькими исследователями: Ж. Ж. Варбот¹, А. Баньковским (Bańkowski II, 542) и В. Борысем (Boryś 425). Происхождение этого глагола от основы **pěst-* не вызывает сомнений, однако существуют разногласия насчет производящей основы и семантических оснований, причем предпочтение **pěstь* либо **pěsta* чаще всего связано с тем, какая лексема сохранилась в родном языке этимолога. Ж. Ж. Варбот очертила историю этой дискуссии и высказалась в пользу того, что глаголы **pěstovati*, **pěstati*, **pěstiti* образованы непосредственно от **pěstь* ‘инструмент для толчения’, так как значение **pěsta* ‘втулка колеса’ вторично и присутствует не во всех славянских языках, в то время как указанные выше глаголы являются общеславянскими².

Остается открытым вопрос о том, насколько полно и всеохватно в славянских языках проходит разграничение по роду слов **pěstь* и **pěsta*. Указав на лит. *piestà* ‘ступа, пест’, В. Махек предположил, что уже на балтославянском уровне были существительные мужского и женского рода со специализацией значений ‘пест’ у м.р., ‘ступа’ > ‘втулка колеса’ у ж.р. (Machek 368). В. Борысь реконструировал для праславянского состояния даже средний род: **pěsta* / **pěstь* / **pěsto* ‘пест, ступа; втулка колеса’ (Boryś 425), но в пользу этой реконструкции среди приведенного автором материала можно найти только словен. *pěsto*/

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

pěsta ‘втулка колеса’. В этот ряд можно добавить рус. диал. бурят. *пестó* ‘пест для толчения в ступе’ (СРНГ 26, 314), но о праславянской древности существительного среднего рода этот факт не свидетельствует. Так как речь идет об инструменте, средний род может быть вторичен по аналогии с производными, образованными при помощи суффиксов *-slo*, *-dlo*. Похожий случай — рус. диал. *клѣво* ‘жало (змеи)’ (Словарь Карелии II, 362) при наличии в том же диалекте синонимов *клѣв* и *клеváло* ‘клюв у птицы’, от производящего глагола *клеváть* ‘жалить, кусать (о змеях, насекомых)’ (Словарь Карелии II, 361). Так или иначе, для признания праслав. *pěsto необходимо больше подтверждающего материала.

Ссылаясь на Махека, Х. Поповска-Таборска³ отмечает, что родовое противопоставление *pěsta — *pěstь «довольно четко делит славянскую языковую территорию (ж.р. в верхнелужицком, нижнелужицком, польском и словенском, м. р. в русском и словацком; параллельные формы *píst*, *písta* засвидетельствованы только в чешском языке, в диалектах)». Однако последнее утверждение нуждается в уточнении. Только в чешском языке существуют слова муж. и жен. рода, обозначающие пест как инструмент толчения. Что касается собственно форм, соотносимых с *pěsta — *pěstь, то русский язык предоставляет данные, нуждающиеся в более пристальном рассмотрении.

В историческом и диалектном материале русского языка зафиксированы существительные мужского и женского рода, имеющие семантический компонент ‘воспитание’ — старорус. *песть* ‘о маленьком ребенке’ (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 22), смол. *пѣста* ‘баловень (о детях)’ (СРНГ 26, 308) и урал. *пѣсты* во выражении *жить по пѣстам* ‘служить няней у чужих людей’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 402). Являются ли эти слова праславянским наследием? Возможно, здесь скрыта другая словообразовательная модель и приведенные выше слова являются гомогенными омонимами по отношению к континуантам праслав. *pěstь — *pěsta ‘пест; втулка колеса’.

Для того чтобы в этом разобраться, необходимо рассмотреть слова, входящие в семантический ряд субъектов и объектов воспитания, которые нередко, не изменяя формы, меняют значение. Это др.-рус. *пѣстунъ*, *пѣстунѣй*, *пѣстунецъ* (*пѣстуньць*), *пѣстунникъ* ‘воспитатель, дядька; руководитель, вдохновитель’, ст.-рус. *пѣстунница/пѣстунница* ‘нянька’ (СлРЯ XI–XVII 15, 26), *пестунья*, *пестун* ‘устар. тот, кто пестует кого-л., заботливый воспитатель’⁴, урал. *пестуха* ‘няня’ (Сл. Сред. Урала IV, 24),

песту́нья ‘ленивая женщина’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 402), олон. *запéстуш* ‘изнеженный парень’ (СРНГ 10, 313), новг. *пéстыш* ‘ребёнок, окружённый вниманием и лаской’ (Новг. словарь 7, 133), олон. *запéстуш* ‘1. о полном, здоровом человеке; 2. изнеженный парень’ (СРНГ 10, 313), урал. *запéстыш* ‘здоровый ребенок’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 185), пск., твер., смол. *пéстун* ‘тот, за кем ухаживают, кого пестуют || избалованный ребенок’ (СРНГ 26, 322). Очевидно, что все эти существительные — суффиксальные производные от глаголов *пестать* / *пестить* / *пестовать*, в свою очередь производных от **pěstь* / **pěsta*.

На этом фоне ст.-рус. *пестъ*, диал. смол. *пéста* и урал. *пéсты* выглядят как производные с помощью нулевой суффиксации от тех же глаголов, так что следует генетически различать *пест*¹ ‘инструмент для толчения’, **pěsta*¹ ‘втулка колеса’ и *пест*², *пéста*² ‘ребенок, объект воспитания’. Возможно, от отглагольного *пест*² с помощью суффикса *-енокъ* образовано существительное *пестёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309) (о семантике этого слова см. ниже).

Можно предложить и другое толкование: бытовавшие в русском языке слова *пест*/**пэста* были переосмыслены в соответствии с семантикой глаголов *пестать*/*пестить*/*пестовать*. Примечательно, что слова *пестъ* и *пéста* используются тогда, когда человеку дается качественная характеристика и доминирующий семантический компонент — ‘избалованный’: «*Такой пѣсть, и хлѣбъ пѣсть*» (Сим. послов., 143. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 22), «*Такой уж пэста (и такая уж пэста): только б целовала, только б лизала, только б с рук на руки переходил*» (СРНГ 26, 308). Возможность согласования прилагательного и в мужском, и в среднем роде указывает на то, что перед нами — существительные общего рода (подобно *умница*, *гадина* и т.п.). Урал. *пэсты* в сочетании *жить по пэстам* ‘служить няней у чужих людей’ тоже предполагает *пест* в значении ‘ребенок’, т. е. *жить по пэстам* ‘жить там, где живут подопечные дети’. Соответственно, упомянутые случаи вряд ли могут быть возведены к праславянскому состоянию, но исчерпывающе объясняются фактами собственно русского языка.

Приведу также дополнительные доводы в пользу трактовки рус. *пест*¹ ‘инструмент для толчения’ и *пест*², *пэста* ‘ребенок’ как гомогенных омонимов с отличной друг от друга словообразовательной структурой. В этимологическом гнезде русского глагола *пихать* такие параллельные суффиксальные образования с

закономерно отличающейся семантикой не редки. Данные приведены в следующей таблице.

Производное от <i>пест</i> 'инструмент для толчения'	Производное от глаголов <i>пестать</i> / <i>пестить</i> / <i>пестовать</i> и их префиксальных дериватов	Суффикс
арх. <i>пéстыш</i> 'речная рыба Phoxinus laevis Agas', <i>пéстыш</i> 'вещь, на пестик похожая; вид хвоща, Equisetum arvense, пупыш' (Даль III, 105), новг. <i>пéстыш</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	новг. <i>пéстыш</i> 'ребёнок, окружённый вниманием и лаской' (Новг. словарь 7, 133), урал. <i>запéстыш</i> 'здоровый ребенок' (Сл. Сред. Урала. Доп. 185)	-ыш-
новг. <i>пéстуш</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	олон. <i>запéстуш</i> '1. о полном, здоровом человеке; 2. изнеженный парень' (СРНГ 10, 313)	-уш-
новг. <i>песту́н</i> 'можжевельник' (Новг. словарь 7, 132)	новг. <i>песту́н</i> 'годовальный медведь' (Новг. словарь 7, 132)	-ун-
твер. <i>песту́нья</i> 'ступа для толчения зерна' (СРНГ 26, 322)	<i>песту́нья</i> 'устар. женск. к пестун (в 1 знач.)' ⁵ , урал. <i>песту́нья</i> 'ленивая женщина' (Сл. Сред. Урала. Доп. 402)	-ья
новг. <i>пéстух</i> 'полевой хвощ' (Новг. словарь 7, 133)	урал. <i>песту́ха</i> 'няня' (Сл. Сред. Урала IV, 24)	-ух-

Не укладывается в эту схему, однако, забайк. *песту́н* 'самая толстая балка, поддерживающая потолок' (СРНГ 26, 322). С одной стороны, эта лексема может быть свидетельством развития значения глагола *пестовать* как 'носить, поддерживать', ср. польск. диал. *piastun* 'палка, подпирающая молодое деревце' (Вогуś 426), т. е. возможно, что это случай переосмысления *песту́н* 'воспитатель'. С другой стороны, значение 'палка' широко представлено среди производных от *пест* и имеется у самой основы.

Отдельного комментария заслуживает новг. *пéстыш* '1. по-

левой хвощ; 2. ребёнок, окружённый вниманием и лаской: *Пестыша-то хоть немного побаловать брусничкой* // О ребёнке, лишенном ухода: *Растут как пестыши*’ (Новг. словарь 7, 133). Видимо, под одной словарной позицией составители объединили гомогенные омонимы. *Пёстыш* в значении ‘ребёнок, окружённый вниманием’ соотносится с *пéстать*, а в значении ‘полевой хвощ’ — с *пест*. Более того, контекст *Растут как пестыши* следовало присоединить к первому значению ‘хвощ’, потому что в нем чувствуется метафоричность: дети, *растущие* без присмотра взрослых, сравниваются с хвощом, который не является культурным растением, не требует ухода, *растет* сам по себе. Таким образом, ‘о ребёнке, лишенном ухода’ — это значение приведенного контекста, его нельзя считать устоявшимся лексическим значением слова *пёстыш*.

Итак, материал русского языка свидетельствует о том, что существительное *песта* является поздним фактом и не может быть возведено к праславянскому состоянию, что подтверждает замечание Х. Поповской-Таборской о жестком распределении по славянским языкам форм женского и мужского рода **pěstь* и **pěsta* ‘пест, ступа; втулка колеса’. Анализ также выявил регулярные соответствия словообразовательных моделей и пересечение семантики у слов, возводимых к **pěsta/ *pěstь*, но относящихся к разным семантическим сферам. “Воспитательное” значение очень активно и вступает во взаимодействие с исконным “сельскохозяйственным”. В свете изложенного материала по-новому можно взглянуть на польское имя собственное *Piast*.

В статье «О *пясте-ступице* и *пестуне*» Х. Поповска-Таборска рассмотрела гипотезы о происхождении названия династии Пястов (*Piastowie*). По ее мнению, проблематично выводить имя этого легендарного основателя польской династии из апеллатива **pěstь*, так как на территории Польши его рефлексy не зафиксированы при наличии *piasta* ‘втулка колеса’. А. Баньковский предполагает, что **pěstь* был на территории Польши, но обозначение этого предмета было заменено другим словом (*stepor*) из-за сексуальных ассоциаций (Bańkowski 541–542). Х. Поповска-Таборска предположила, что имя легендарного основателя польской королевской династии, возможно, связано с глаголами *pieścić*, *piastować*, но указала на то, «сокращенная форма от *piastun* (*piast*) не находит никаких языковых подтверждений»⁶. И снова обратимся к данным русского языка.

В русских говорах у лекси́мы *пест* есть пять основных групп

значений:

- ‘инструмент для толчения; палка’;
- ‘растение’, чаще всего ‘хвощ’ — по сходству с палкой;
- ‘вид рыб’ — по сходству с палкой;
- ‘характеристика человека’: ‘невежда; упрямый человек; глупый, тупой человек; высокий, тонкий парень’ (СРНГ 26, 308) — по сходству с палкой;
- ‘название животного’: новг. *пест* ‘медведь’ (Новг. словарь 7, 131), забайк. *пест* ‘баран-вожак стада’ и забайк. *пест* ‘грызун табарган’ (СРНГ 26, 308) — мотивации различны, и на них я остановлюсь подробнее.

Только последнее значение можно объяснить метафорическим переносом с исконного *пест* ‘инструмент для толчения; палка’, о чем свидетельствует приведенный в словаре контекст: *То сразу видно, что у норы пест стоит* (СРНГ 26, 308). Вероятно, этот грызун назван так по сходству настороженно стоящего у норы зверька со столбиком.

Новг. *пест* ‘медведь’ соотносится с обозначениями незрелого животного: *пестун* ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’⁷, новг. *пестун* ‘годовалый медведь’ (Новг. словарь 7, 132), урал. *пестун*, *пестун* ‘медвежонок в возрасте одного-двух лет’ (Сл. Сред. Урала 4, 24), урал. *опестун* ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 370), *пестенёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309), *пестёнок* ‘ласк. медвежонок’ (СРНГ 26, 309). Эти слова могут быть надежно объяснены существительным *пестун* ‘воспитатель’, что прекрасно иллюстрируют контексты: «*Пестун, которого мать оставляет присматривать за другими детенышами в берлоге. Нянька-пестун (учит), где как перелазить, что добывать*» (СРНГ 26, 322). Медвежонок в возрасте одного-двух лет — помощник для своей матери, он опекает младших, новорожденных. Похоже, что значение ‘медведь’ развилось из этого обозначения медвежонка, т. е. ядром лексического значения явилась принадлежность к виду животных, а не деятельность. Если принять такое этимологическое толкование, то придется признать, что вместе со сдвигом в значении произошло усечение основы. В таком случае есть основания считать, что усеченное *пест* могло сохранять значение ‘воспитатель, наставник’.

Подтверждение тому можно найти в забайк. *пест* ‘баран-вожак стада’: «*Наш пест знал все пастбищные места, и мог тот пест без пастуха довести все стадо до места*» (СРНГ 26, 308). Примечательна семантическая параллель между употреблением

слова *пест* в данном контексте — ‘вожак’ — и внутренней формой греч. *παῖδαγωγός*, которое в древнерусских текстах последовательно переводилось словом *пѣстунъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 26). В обоих случаях важен семантический компонент ‘вести’. В русской лексике происходит семантическое развитие от ‘воспитатель, наставник’ к ‘вожак’.

Соответственно, семантические основания есть и для толкования имени *Piast* как ‘воспитатель, вождь’, и нецелесообразно совершенно отвергать такую этимологию для личного имени основателя династии. Разумеется, желательна лексическое подтверждение (**piast*) из польских диалектов или письменных памятников. Вероятнее всего, это значение появилось не на праславянском уровне, а в истории отдельных языков, хотя материал может показать обратное.

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. Об этимологии праслав. **pěstovati*, **pěstunъ* // *Slavia*, ročn. 63. Praha, 1994. с. 135–139.

² Варбот Ж. Ж. Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка // *Mednarodni znanstveni simpozij. Praslovanska dialektizacija v luči etimoloskih raziskav*. Ljubljana, 2010. В печати.

³ Поповска-Таборска Х. О *пясте-стужице* и *пестуне* // *Этимология 1997–1999*. М., 2000. 143–145.

⁴ *Словарь русского языка*. В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984. Т. 3, 115.

⁵ Там же.

⁶ Поповска-Таборска Х., 144.

⁷ *Словарь русского языка*, 115.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ*

пырь

В круг русских диалектных названий изморози, инея входит слово *пырь* ‘изморозь, иней’; приведенное в Словаре русских говоров Карелии в контексте “Зима сей год была холодная, морозы на сорок пять градусов, деревья — то все в *пыри* стоят” (онеж., Словарь Карелии 5, 369–370). Там же зафиксировано и представлено в качестве омонима слово *пырь*¹ ж. в значении ‘трава пригодная для покоса’: “Когда для покоса хорошая, дак *пырь* она” (Там же, 369). Кажется вероятным, что это могут быть не омонимы, а одно и то же слово с развитием семантики ‘трава’ → ‘иней’. О совмещении в семантике ряда лексем значений ‘иней’ и ‘кудрявая зелень’, ‘заиндеветь’ и ‘покрываться листвою’ писала Ж. Ж. Варбот, приводя в качестве примеров рус. диал. *окунётся* ‘заиндеветь; покрыться листвою’, *окрутиться* ‘покрыться листвою, инеем (о деревьях, лесе) и др.’¹ Ср. также народное представление о снеге как о растении: подмоск. *первая роща* ‘первый снег’: “Поедем в лес по первой роще” (записано мною — Т. Г.). Предлагаемое генетическое отождествление возможно, если запись в Словаре Карелии точна и *пырь* не название растения пырей, ср. в Новгородском областном словаре *пырняг*, -у(а), м., собир. ‘заросли растения пырея’, ‘сорная высокая трава’ (Новг. словарь 9, 73), также болг. *пир* и *пирей*, с.м. ‘Раст. трава *Synodon dactylon* (*Triticum repens*), пырей’ (Геров 4, 33), сербохорв. *пир* II м. бот. ‘полба’, ‘пырей ползучий’ (Толстой² 376). В том же Словаре русских говоров Карелии находим слово *супырь* ‘небольшое возвышение на земле, обычно в лесу’, ‘холмик на вспаханном поле’, ‘сугроб’: “При вьюге наметает такие наносы, это *супырь*” (Словарь Карелии 6, 398). В таком случае и *супырь* ‘сугроб’ и *пырь* ‘изморозь, иней’ могут восприниматься как некое утолщение, сугроб как холмик, а иней как торчащие иглы и восходить к

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

одному и тому же глаголу *пырить*; *суньбрь* < *sq-pyрь, ср. *суньожка* ‘ножка стула, стола и др.’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 521). *Пырь* ‘трава, пригодная для покоса’ сюда же, как некая щетина, также нечто торчащее? В Словаре русских говоров Карелии гл. *пырить* не представлен, есть только *пырнуть* ‘быстро повернуться’, ‘быстро побежать’, ‘резко бросить, швырнуть’ (Словарь Карелии 5, 369). Приведено здесь также прилаг. *пырной* ‘толстый, упитанный’: “Я сухая больная, а она *пырнее* меня, здоровая” (Словарь Карелии 5, 369), которое также можно отнести к гл. *пырить*, если это не *порной*. В Словаре Даля приводится гл. *пырить* в значениях ‘(что) топырить, топорщить; усаживать тычками; вздывать шерсть, перья и оттопыривать’; *пыриться* ‘топыриться, топорщиться, надмеваться и вздывать на себе иглы, шерсть или перья; ошетиниться’. “Куда ты пыришься!” — ‘лезешь, тянешься и тарашисься’. Здесь же приводится слово *пырок* м. дейст. однокр. ‘бодок, толчек, удар торчком’, ‘костяной или деревянный снаряд, в виде острого колочка, пазило, для съемки коры, луба’ (Даль² III, 547). М. Фасмер сопоставляет гл. *пырить* ‘топорщить (перья)’, ‘щетиниться’ с сербохорв. *piriti*, *pirim* ‘дуть’, чеш. *piřiti*, *pořiti se* ‘надуваться’ и считает его родственным литов. жем. *išpūrti*, *išpūrstu*, *išpūraiū* ‘топорщить (перья), ошетиниться, надуваться’, *papūres* ‘взьерошенный’, *pūrstu* ‘лохматиться, делаться шероховатым’, *pūrināt* ‘разрыхлять’, норв. *føyraст* ‘становиться рыхлым’ (Фасмер III, 420). В Словаре русских народных говоров гл. *пырить* несов. перех. и неперех. представлен в значениях (перех.) ‘колоть, укалывать’, ‘прицеливаясь, стараться уколоть’ (твер., смол.), (перех.) ‘беспокоить, тревожить’ (смол.), *пырит*, безл. ‘хотеться, испытывать какое-л. желание’ (смол.), *пырить* (Доп.). ‘давать возможность роскошно, привольно жить’ (смол., Втор. Доп., 1905–1921), *пыриться*, несов. ‘поднимать торчком шерсть, иглы и т.п., щетиниться’ (Даль), ‘одевать очень нарядно’ (Иней — богатое убранство? — Т. Г.) (смол.), ‘богатеть’ (казан.) и др. (СРНГ 33, 196). Сюда же блр. *пырыць* (*пыриць*) ‘распирать, пучить’, *пырыцца* ‘надуваться, растопыривать перья, пышно одеваться’, *пыриць* ‘беспокоить, не давать покоя’ (ЭСБМ 10, 276–277). Семантику богатства (богатого убранства) у продолжений праслав. *pyriti подтверждает, возможно, и рус диал. наречие *пырято* ‘богато, зажиточно’ (влад. — СРНГ 33, 199).

Блр. *пыр*₁ ‘ветер’ “чы *пыр*, чы негода, чы будзет заўтра пагода?” (ЭСБМ 10, 272) также можно отнести к *пырь* ‘изморозь, иней’, *суньбрь* ‘сугроб’ и далее к праслав. *pyriti, если учесть наличие у

продолжений *pyriti значений ‘дуть, надуваться’, ср. сербохорв. *piriti*, *pirim* (сов. к *pirnuti*) ‘легонько дуть; подувать; веять’ “ветар *piri*” ‘веет легкий ветерок; раздувать’ (Толстой² 376, Фасмер III, 420), а также чеш. *piřeti*, *pouřiti se* ‘надуваться’ (Фасмер III, 420). Авторы Этимологического словаря белорусского языка считают слово неясным, сравнивая с рус. урал. *пырять*, *пырнуть* ‘дунуть, подуть (о ветре)’, предполагая также образование от *пыр*₂, звукоподражания, имитирующего порхание, легкое дуновение, не исключают также связи с *пурь ‘огонь’ и подчеркивают возможность древнего смешения основ со значением ‘раздувать’ (см. *пырыць*) и ‘гореть’ (см. *пырнік*₂) (ЭСБМ 10, 272–273).

Здесь же, возможно, и новг. *наsupыривать* ‘покрывать тучами’ (Новг. словарь 6, 18), если это не экспрессивное образование от *наsupить*. Т. е. ‘надуть, нанести тучи’. Наконец, к *пырить* можно отнести и новг. *пыра*, -ы, ж. ‘нижняя часть туловища человека, таз’ (Новг. словарь 9, 73), т. е. то, что оттопырено, выделяется?

Возможно также иное этимологическое толкование рус. диал. *пырь* ‘изморозь, иней’ — связь с лексемами рус. диал. *пырэй* ‘загнетка в русской печи’, *пырина* ж. ‘пепел, зола от сжигания соломы’ (СРНГ 33, 196), *пырья* ж. ‘напор, струя воздуха (из мехов)’ (Р. Урал, СРНГ 33, 199), которые восходят к праслав. *пурь ‘тлеющий пепел, жар’, вместе с укр. *пирей* ‘соломенный пепел’, *пирити* ‘загораться от гнева’, *запиритися* ‘краснеть от гнева’ и т. д., и далее, к и.-е. *рецōr ‘огонь’ (ЕСУМ 4, 372–373, Фасмер III, 419).

Среди продолжений праслав. *пурь — н.-луж. *pyrim* ‘искра, горячий пепел’ (ср. искра, блестка инея?) (ЕСУМ 4, 372–373). Семантический переход ‘жечь’ → ‘морозить’ вполне возможен, ср. ‘обжигающий, жгучий холод, мороз’.

прихомоть

Слово *прихомоть* ж. ‘суеверная примета, предрассудок, поверье’ записано в смоленских говорах, в значении ‘что-л. неестественное, связанное с чудом; колдовство’ — в иркутских говорах (СРНГ 32, 51). Здесь же приводится *прихомать*, ж. ‘то же’ (брян.) (Там же), *прихомёты*, мн. ‘то же’ (Там же), брян. *прихомати* ‘то же’, *прихомётка* (смол.) ‘то же’ (Там же), *прихомётник*, м. ‘колдун’ (смол.), *прихомётница*, ж. ‘женск. к *прихометник*’ (смол.) (Там же). Авторы Этимологического словаря белорусского языка исследуют русский материал в связи с блр. *прыхамаць* ‘каприз, нелепое надуманное желание’ (ТСБМ), ‘суеверное средство, су-

еверие', 'колдовские знания' (Нас., Гарэц.), 'суеверие, лечение наговорами' (Бяльк.), *прихамить* 'символический знак, обряд, который имеет общие черты с волшебством и непонятен для постороннего зрителя' (Мядзв.), *прихамети* 'суеверие', *прихаметы* 'то же', *прихамета* 'примета' (Бяльк.), *прихамати* 'небылицы, суеверия', *прихаматлівы* 'суеверный, который верит суевериям', *прихаматны* 'примечательный какими-либо суеверными признаками' (Нас.), *прихамётнік* 'колдун' (Бяльк.). По их мнению это "темное слово", "*при-* очевидно, приставка, ср. еще *прышамець* 'необычное явление' (Варл.), что позволяет выделить экспрессивный элемент *-ха-*, который чередуется с *-ша-* (ср. Махек², 203: под *chomrstati*). Неясной остается финаль слова (от **mēti?*), не исключено, что рассматриваемое слово — это образование от **прымха* (гл.) с суф. *-от* и *-ь* (см. о суффиксации Карски, 2–3, 30–31): **прымх-оть* и с последующей метатезой и *о* вставным — **прихомоть* > *прихамець*. Но это недостоверно" (ЭСБМ 10, 162–163).

Если в этих приведенных словах выделять префикс **pri* и экспрессивный элемент *-ха-*, то логичнее было бы финалью считать **mēta*, ср. *примета*, рус. диал. *прымётъ*, ж. 'ориентир', 'признак, предвещающий что-н.; примета' (Словарь Карелии 5, 179); возможна также контаминация *примета(ь)* с *прихоть* — ср. рус. диал. *прихоть* 'аппетит', 'лакомство', 'обычай, правило' (Словарь Карелии 5, 224), *прихотня* 'хитрый поступок, приём, уловка' (Орловск. словарь 11, 66).

Есть еще одна возможность объяснения происхождения этого слова — связь с рус. диал. *хамать* 'зевать' (Даль² IV, 1165), в Словаре русских говоров Карелии *хамать* — 'зевать, испытываемое желание поспать', 'спать', 'хватать ртом, есть, жевать', *Хам пришел* 'О зевоте, сонном состоянии' (Словарь Карелии 6, 702), которое восходит к праслав. **xamati* 'есть, хватать'. Сюда же можно отнести черепов. *хамать* 'быть усталым', *хамота* 'усталость, сонливость', *хамонье* 'то же', которые Фасмер рассматривал как неясные слова (Фасмер IV, 221). Ср. рус. диал. *хамотá*, ж. 'зевота'. "*Хамотá да тягота*" (Словарь Карелии 6, 703). Вероятно, **хамоть* 'зевота', соединенное с префиксом *при-*, дало *прихамоть*, с развитием значений 'зевота' → 'сглаз, колдовство' или же 'зевота' → 'сонное состояние' → 'чары, колдовство'. Ср. *озев* 'поверье, по которому лихой человек может своего недруга "озевать", т. е. заставить зевать до истощения сил и даже до смерти. В числе заговоров от сглаза, притки проч. есть заговоры

от озера'. (Цомакион 89). Там же записано слово *озев* в значении 'болезнь у человека или животного', приключаящаяся только от одного "дурного" взгляда одного человека на другого или человека на животное. Отсюда озевали — сделали больным через дурной взгляд или даже помысел', у Даля — *озёва* ж. арханг. *озёв* м. вост. *озёвище* вят. *озён*, *озёпище* м. вост. 'сглаз, призор, порча, притка с-глазу, напущенная бóлесть' (Даль² II, 660).

Праслав. **xamati* является глаголом "на -*ati* на базе звукоподражания", оно сравнивается с **xapati*, также глаголом звукоподражательным по своей природе (ЭССЯ, 17–18). У продолжений праслав. **xamati* есть также значения 'брать, хватать' и подобные, ср. чеш. диал. *chamati* 'щупать, трогать', *chamat* 'жадно брать, хватать' (Bartoš. Slov. 115), словин. *hamac* 'красть, воровать' (Sychta II, 8) (Там же). Возможно, **хамоть* также имело семантику хватания (ср. выше карельск. *х́амать* 'хватать ртом, есть, жевать'). Ср. блр. *ханёц* 'мифологическое существо; хапуга' (Тураўскі слоўнік 5, 229). Ср. также рус диал. *похм́атка*, ж. 'повадка, ухватка, нрав, обычай' (< *похам́атка* с редукцией гласного *a*, или из *похв́атка*? — Т.Г.) (СРНГ 30, 351).

Что касается слова *прышамець* (*pryšamić*) 'недобрая примета' (см. выше), то оно действительно связано с *прихамець* (ЭСБМ 10, 174) с экспрессивным переходом -*x*- в -*š*-. Излишне возводить слово к *шамятаць* 'шелестеть, шуршать' *шэмет* 'шум, шорох', и сравнивать его с болг. *шемет* 'головокружение' (ЭСБМ 10, 174).

микéнить

Рус. диал. *микéнить* в значении 'часто меняться (о погоде)' записано в Словаре русских народных говоров с пометой петрозав. олон. (СРНГ 18, 158). Это слово еще не привлекало внимание этимологов. Очевидно, что здесь образование довольно позднее от незафиксированного **микать*, которое восходит к праслав. **mikati* I, продолжения последнего имеют значения 'двигать, тряссти, мигать глазами, мерцать, сверкать', например, чеш. диал. *mikat* 'резко двигать, дергать' (Bartoš. Slov. 199; если не из **mykati*), *mikat* 'двигать, тряссти' (Malina. Mistř. 57), *mikat se* 'дергаться' (Kott. Dod. k Bart. 55), в.-луж. *mikać* 'мигать' (Pfuhl 361), н.-луж. *mikaś* 'мигать глазами, шуриться; мигать, мерцать, сверкать' (Muka Sł. I, 900) (ЭССЯ 19, 31). Сюда же О. Н. Трубачев относит рус. диал. *микать* 'набивать плотно (мешок)' (яросл.), но этот глагол, скорее, из праслав. **meċati* 'мять' (Там же). Праслав. *mikati* I объясняется как вариант к **migati*, "но, по-видимому,

старого, еще и.-е. возраста, ср. лат. *micō, micāre* ‘дергаться, пульсировать, мигать, сверкать’ (**mikājō*), из и.-е. **meik-*” (Там же 31–32). К праслав. **miknōti* (глаголу на *-nōti* от *mikati* I) возводится Трубачевым рус. диал. *микнуть* ‘исчезнуть надолго’ (Словарь русских говоров Мордовской АССР (М–Н) 26), с оговоркой: “если последнее не из “микнуть”” (Там же 32). Глагол **микать* в этом случае мог значить ‘*двигаться, меняться’. Сюда же, возможно, том. *замикисіться* ‘зашевелиться, показаться’ (СРНГ 10, 246). Переход значений ‘двигаться’ → ‘меняться о погоде’ очевиден. Ср. *день семером ходит* ‘о непостоянной погоде’ (енис.) (Словарь фразеол. Сибири 58), смол. *перехаживаться* ‘изменяться к лучшему (о погоде)’ (СРНГ 26, 257), *моргануть* (карел.) ‘установиться погоде на короткое время’ (Словарь Карелии 3, 256). Возможно, здесь было и развитие значения ‘двигаться’ → ‘мерцать’ → ‘часто меняться (о погоде)’. Ср. в.-луж. *šerjate wjedro* ‘ненадежная погода’ и *šerić, ~i* несов. ‘пугать, появляться, бродить (о призраках)’ (Трофимович 313). Не сюда ли, в таком случае, влад. *меклешіться, іться*, несов. ‘едва виднеться’ (СРНГ 18, 95) (**микати* → *миклати* → *миклесити* → *меклешіться*)?

Есть еще одна возможность объяснения происхождения глагола *микэнить* — как образования от *мякать*, зафиксированного в русских говорах в значениях ‘мять, уминать’, ‘есть’, ‘чавкать’, ‘набивать мешок и т. п. чем-либо мягким’ (СРНГ 19, 75) (< праслав. **mekati* — ЭССЯ 18, 240–241). Ср. кашуб. *miiki* (< **mekkьkjь*) ‘мягкий, нетвердый’, ‘слабого характера, колеблющийся’ (Sychna III, 167), а также *погода мнется* ‘о неустойчивой, переменчивой погоде’ (СРНГ 27, 298), псков. *заминаться, замяться* ‘переменяться с мороза на оттепель или с хорошей погоды на ненастье (о погоде)’ (Там же 10, 247), перм. *переминаться* ‘быть непостоянным (о погоде)’ (Там же 26, 164) *погода бьется* ‘о переменчивой, неустойчивой погоде’ (Сл. Коми-Перм. округа 49), а также *навой¹-я*, м. ‘перемена погоды’ (от *вить* — Т. Г.) (Словарь Сибири 2, 322). Ср. противоположное прииртыш. *погода тянется* ‘об устойчивой погоде’ (Словарь Прииртышья. Доп. 1, 115), а также *сильный* ‘хороший; такой как надо’: “*Сильная седни погода*” (Словарь Оби II ч., 179).

Таким образом, возможны две версии происхождения гл. *микэнить* — от **микать* ‘двигать’ и *мякать* ‘мять’. Глагол образован поздно, по типу глаголов *лупэнить* (от *лупіть*) ‘бить, лупцевать’, (осташк. твер., алт.) ‘быстро идти, бежать’, ‘идти, лить, хлестать (о сильном дожде)’ (вят.), ‘жадно есть, уплетать’

(вят.) (СРНГ 14, 200), *прудёнить*, несовер. неперех. (от *прудить*) ‘мочиться, испускать мочу (о детях)’ (калуж.) (Там же 33, 62), *наклепёнивать*, -аю, -аешь, несов., перех. и неперех. ‘бить кого-либо’ (псков., осташк. твер.) (Там же 19, 327), от *наклепать*, -аю, -аешь, сов., перех. и неперех. ‘побить кого-либо’ (Сев. Кавказ, трубч., брян., влад., ленингр., хакас., краснояр.) (Там же), *мишенить* (устар.) -ню, -нишь, неперех. ‘мешкать: вяло делать что-либо’ (влад.) (Там же 18, 180) от *мешать*?

озинна

В книге “Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья” приводится такой контекст: “На святках бегали к девятой вехе и кричали: “Ау-ау, мой миленький дружок, как на поле беленький снежок!” А он и катится, как *озинна сенная* — шар огненной, красный, как кровь, — страшно!”² Слово *озинна* составителями книги дается без толкования. Ясно, что это одно из святочных гаданий, когда часто появляется в образе огненного шара нечистая сила (ведьма?). Гадание совершалось на девятой вехе; в говорах Русского Севера *девятая веха* — ‘дорожная веха, используемая для гаданий; способ гадания по этой вехе’ (Сл. Русского Севера 3, 192–193). Вот еще одно гадание на святках, записанное также в Поволжье: “За девятой вехой бегали, задом. Подбежав, отламывали веточку и говорили: “Девятая веха, покажи жениха!” Кто приснится, тот и будет женихом”³. В. И. Даль пишет о вехе так: ‘значковый шест, жердь, поставленная стойком, иногда со значком, с флагом, веником, голиком, снопом, пучком соломы и пр. на сухом пути: для цели, для указания расстояния при метании бомб, для продолжения землемерами прямых линий, для обозначения зимних дорог в степных местах и по льду’ (Даль² I, 336).

Это гадание встает в ряд святочных гаданий, совершавшихся на перекрестках и сопровождавшихся звуковыми и зрительными явлениями в ответ на гадание. Мною записано гадание (в Подмошье) “...пошли снег полоть (снег дергать), поднялся вихорь как бочка, они бежали в проулок, как они успели спастись...” В Поволжье в святые вечера ходили “заворáживаться”, при этом гадании произносилось на перекрестке заклинание:

“Полю, полю белый снег
 За батюшкову хлеб — соль,
 За матушкину добродетель!
 Залай, залай, собачка,

На чужой сторонке
Миленький, ау!”

“При этом слушали, какие были звуки, если звенели колокольчики, то это к свадебному поезду, если скрипели сани с какой-либо стороны, “то в эту сторону замуж выйдешь”, иногда “стучали доска об доску — это что-то нехорошо, вроде гробовой доске вторили”, в какой стороне лаяла собака, туда и замуж выйдешь” и т. д.⁴

Таким образом, можно предположить, что *озинна* — ‘некий мифологический персонаж (ведьма?)’. В пятитомном труде “Славянские древности” одно из основных свойств ведьмы определяется как оборотничество: “она может принимать вид свиньи... предмета (колеса, решета, стога сена, клубка ниток или листьев, палки, ветки, корзины, куста ежевики и т.п.)”⁵.

“Вихрь, как бочка” — также одно из превращений некоего мифологического персонажа. *Озинна сенная* — возможно, нечистая сила, живущая в стоге сена, ср. *стогинья* ж. (сев.-двин.) ‘В суевеверных представлениях — дух, обитающий в стогах сена’ (СРНГ 41, 173). Интересно, что кучкой сена представляется привидение: s.v. *мутьян*, м. ‘привидение, двойник’: “Дверь открывается, гляжу: большущая, — это смуста пришла; ейный [женщины] ухажор не пришел, мутьян пришел, как кучка сена”. (Селигер 3, 316). Ср. также *подовинник*, -а, м. “По поверьям — нечистая сила, живущая под овином” (Новг. словарь 8, 43). Ср. также *огненный*, *ого*, м. в знач. сущ. ‘В суевеверных представлениях — нечистый дух, прилетающий в виде огненного шара’ (перм.) (СРНГ 22, 32).

В словаре Плетершника находим словен. *ozin* м.р. в значениях ‘кошмар, удушье; призрак, домовый’ (Plet. I, 879). Ф. Безлай связывает это слово с литов. *župū̃s* ‘колдун’, *žynė* ‘колдунья’, *žymė* ‘знак, след’, лтш. *žime* ‘то же’, далее — *žinoti* ‘знать’) (слав. ~ *znati) наряду с топонимами *Ozin*, *Ozine*, *Ozink* и *Ozim*, *Ozimek*, *Ozimič*, *Ozmes*, *Ozmič*, восстанавливая исходную форму *ozinь или *o-zinm (Bezljaj. Etim. slovar sloven. jez. II, 264)⁶. Возможно, также что слово *озинна*, если это не заимствование из литовского *žynė* ‘колдунья’, связано со словен. *ozin* в указанных выше значениях. Л. В. Куркина считает *ozin* восходящим к праслав. *obzinь и рассматривает его в связи с гл. *oziniti* ‘разевать рот’, *ozijati* ‘зевать, оглядеть’; значение ‘удушье, кошмар’ мотивировано, по ее мнению, вторичной семантикой производящей глагольной основы ‘открывать рот, тяжело дышать’: “ср. словен. *zévati*, чеш. *zátì* ‘пыхтеть’, польск. стар. *ozinąć*, *ozionąć* ‘обдать дыханием’.

По происхождению это — имя, образованное от глагола *oziniti*, с характерным для этого типа имен переразложением основы (ср. *trínek* ‘миг, мгновение’ ~ *trípniti* ‘пульсировать’, *trenutek* ‘миг’ ~ *tréniti* ‘мигать глазами’)⁷⁷. См. также И. П. Петлева, вслед за Куркиной: “*obzinь является бессуф. производным от гл. *obzinoti” (ЭССЯ 31, 192). Если принять эту точку зрения, то объясняется весь спектр значений словен. *ozín*, в том числе и значения ‘призрак, домовый’, ср. продолжения *obzinoti: чеш. *ozinouti* ‘очаровать, околдовать’ (Kott II, 458), рус. диал. *озíнуть* ‘по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. дурным глазом, сглазить’ (Сл. говоров старообрядцев Забайкалья 316) (ЭССЯ 31, 191).

В таком случае *озинна* восходит к праслав. *obzinь, словенское продолжение которого имеет значения ‘удуше, кошмар, призрак, домовый’, и образовано с суф. *-ьна*, как *кьнежьна от *кнезь, *воььна* ‘война’ от *воьь* ‘воин’ (Sławski. Zaręys. I, 137), так что может быть реконструировано как *obzinьна. Здесь следует добавить, что существовало особое славянское божество *Знич*, имя которого, предположительно, — “неправильно истолкованное *zinczius*, ср. литов. *žunys* ‘знахарь, колдун’, историч. ‘жрец’ связано с литов. *žinoti* ‘знать’, слав. *znati.”⁷⁸

лѡнка

В Словаре Селигера приводится слово *лѡнка* ж. в значении ‘палец’ в контексте “Вот такие *лонки*, пальцы-то длинные” (Селигер 3, 220). Это слово еще не этимологизировалось; его можно сопоставить с блр. *лѡна* ‘лоно’, *лѡни-*, *ней* ж.р. мн. ‘руки, охапка, охват руками, объем’ (Носович 271), *лѡні* ж.р. мн. ‘объятья’ (Байкоў-Некраш., 160), диал. *ланѡ* ср.р. ‘охапка’ (Живое слова 82), *ланѡ* ср.р. ‘положение руки для того, чтобы положить на нее охапку дров; охапка; колени’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 616), а также *улѡнкі* мн. ‘та часть руки, на которой носят ребенка’ (Фасмер II, 517), *улѡнне*, *улѡння* н. 1. охапка; 2. в выражениях: *Узяць (пасадыць, лѣзці) на улѡнне(я)* — ‘взять на руки, посадить на колени’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 5, 205), *улѡнне* н. ‘колени’ (Сцяшковіч. Грод. 514). Все эти лексемы восходят к праслав. *lono ‘грудь, пазуха, недра, внутренности’ (ЭССЯ 16, 32–34), ср. сербохорв. *lono* ‘недра, обхват руками, объятья и колени’ (RJA VI, 151; PCA XI, 574) (Там же) и др. Таким образом, мы считаем, что палец как часть руки (рук?) приобрел свое название от наименования рук, т. е. также восходит к праслав. *lono (→ *lonька),

в семантическом поле которого есть понятие ‘руки’, развившееся из значений ‘обхват руками, охапка, объятья’? Сюда же, вероятно, блр. диал. *лónка* ‘луг, покос’ “Н’амá ў нас лóнак, каб атаву мóжна было кас’йц” (Сцяшкóвич. Грод. 267). Ср. праслав. *logъ* ‘низина, долина, лог’, которое связывают с праслав. *lono через исходную форму последнего *log-sno ‘лежание’, а также *ložesno* (мн.) *ložesna* < *logesnā ‘место, где находится плод, матка’ (ЕСУМ 3, 286). К праслав. *lono В. В. Мартынов относит еще и блр. *ланó* ‘место, где лежит скошенный, но не связанный хлеб’ (“которое относится к парадигме -o- основ среднего рода с колонной окситонезой, за исключением им., вин. и местн. пад. мн. ч. (ср. *у лóнах* в том же значении). Праслав. *lono*, как известно, относится к той же акцентуационной парадигме”⁹.

раскрѣнки

В Новгородском областном словаре представлено слово *раскрѣнки*, мн. в значении ‘доска, вставляемая в пол для уничтожения щели’ “Пол рассохнется, а потом *раскрѣнки* ставят” (Новг. словарь 9, 102). Это слово еще не этимологизировалось. Представляется возможным выделить в нем префикс *рас* и существительное *крѣнки, восходящее к слову *крѣна, вероятно, в первоначальном значении ‘*край’. Это слово уже выделялось нами в существительном *закрѣна* (псков.) ‘опушка леса, поросль’ в значении ‘край’ и возводилось к балтослав. **kreiō-* ‘отделять’ (< и.-е. (*s*)*ker-* ‘резать’)¹⁰. Ср. с точки зрения семантики рус. диал. *разно́жка*, -и ж. ‘распорка, которую вставляют между ногами мясной туши при ее разделке’ (Словарь Сибири 4, 109). Возможно также образование слова *раскрѣнки* от гипотетического глагола *раскрѣнуть (ср. рус. диал. *скрѣнуть* ‘резать’ (Там же 329)), восходящего также к балтослав. **kreiō-* ‘отделять’. Словообразовательно-семантическая параллель к *раскрѣнки* в таком случае — рус. диал. *расколóтка* ‘планка, которая вбивается в щель при ремонте пола’ (Словарь Сибири 4, 120) (от *расколóться* ‘растрескаться’ (Там же)). Сюда же можно отнести и волог. *закрѣнки*, мн. -нок в знач. нареч. *закрѣнками*. ‘За плечами’ “Башмако́в раньше ма́ло бы́ло. Если идѣм ле́сом, так *закрѣнками* их и несѣм” (Вологодский словарь Д–З, с. 124). Т. е. это тоже образование от *крѣна ‘*край’. Ср. *закрѣмки* (тотем., устюж., волог., Ср. Урал) ‘верхняя часть спины, заплечье, закорки’ (СРНГ 10, 166), *закрѣмок* ‘край, граница’ (новг.) (Там же). Сущ. *закрѣнка* (псков.) ‘задвижка, засов для запора’ (Псков. словарь 11, 269) так-

же восходит к *крѣна ‘край’. Ст.-польск. *okrzynek* в значении ‘корень крапивы, *radix Urticae dioicae* L.’ (1472 г.) (Sl. stol. V, 566), возможно представляет собой продолжение праслав. *obkrinъkъ и восходит также к **krina в первоначальном значении ‘нечто вырванное, выдранное’ и далее, к и.-е. *(s)ker- ‘резать’. В этимологической литературе есть версии о происхождении праслав. *koreнь из *(s)ker- (Pokorny I, 573; Fraenkel I, 241, вслед за Егерсом). Сюда же польск. *okrzyn* бот. *Laserpitium* (Warsz. III, 757–758), которое (с сомнением) Ж. Ж. Варбот относит к *obkrinъ ‘сосуд’ восходящему также или к *(s)ker- ‘резать’ или *(s)ker- ‘плести’ (ЭССЯ 27, 179). Ср. также *коренюга*, и, ж. ‘растение *Digraphis arundinacea* Trin., сем. злаков; двукисточник тростниковидный’ (тобол.) (СРНГ 14, 324).

sova ‘mensus’

Словинское *sova* наряду со значением зоол. ‘сова’ имеет значения ‘менструация’ и ‘мелкий хворост’ (Sychta V, 123), в белорусских диалектах *савá*² — ‘гриб шампиньон’, которое трактуется как заимствование из польского *sowa* ‘вид пластинчатого гриба’, помещенного Борысем в статье *sowa* ‘птица’ и названного так, возможно, по цвету (Boryś 576, ЭСБМ 11, 284). На первый взгляд, исходя из верований славян о сове как нечистой птице, можно объяснить *sova* ‘менструация’ как ‘нечистое’ → ‘mensus’, такая же первичная мотивация содержится и в названии *sova* ‘мелкий хворост’ (‘нечистота, сор’ → ‘мелкий хворост’). Однако, здесь могут быть и другие версии — например, перенос с названия женских гениталий на менструацию. Так в белорусском эротическом фольклоре довольно широко представлен птичий код в подобных названиях: *зязюлька*, *салавей*¹¹, *тятёрка* (“забить тятёрку в чорных обёрках” — об овладении деревенской женщиной)¹², *сарока* (“забил сароку пысярэд току”)¹³ наряду с переносом названий животных на vagina: *абазьяна*, *авечачка*, *бобра*, *выдра*¹⁴.

В книге “Белорусский эротический фольклор” отмечается, что “птичий” код в символикации гениталий представлен прежде всего курицей¹⁵. Ср. также хорватское *щица* ж. обл. ‘утка’, жарг. шутл. ‘женский половой орган’, и *šéva* ‘жаворонок’, жарг. ‘совокупление’, *šéviti se* жарг. ‘совокупляться’. А. В. Гура, указывая на участие названий птиц в создании сексуальной символики (эротическая семантика клюва и клевания, птичьих, петушиных и куриных названий гениталий), упоминает о сове как женском

половом органе в загадках¹⁶.

Интересно в связи с этим отметить испанское *lechuza*, имеющее значение 'сова' и 'проститутка', итальянское *civetta* 'сова' и перен. 'кокетка', *fare civetta* — 'кокетничать'. Ср. польск. *gaska* 'гусёк м., гусыня' и 'наивная девушка', сербохорв. *sojka* ж. 'сойка', *терати сојке* — 'бегать за женщинами' (Толстой² 558), рус. жарг. *gagápa* 'состоятельная женщина', 'одинокая состоятельная женщина' (БСРЖ 119), диал. *паруха* 'курица — наседка' и шутол. 'невеста' (Словарь Сибири 3, 178), хорв. *galeb* 'чайка' и обл. 'альфонс (любовник, находящийся на содержании богатой женщины преклонного возраста)' и т. д. Интересно также бытование на Русском Севере поверья о том, что залетевшая в комнату сова знаменует свадьбу в том же доме, куда она залетела¹⁷.

Вторая версия происхождения названия *sova* 'менструация' может базироваться на возможном развитии значений 'птица сова' → 'болезненное состояние' → 'mensus'. Ср. *осоветь, осовелый*. Ср. также *кунка* 'vulva' и *кункино ненастье* — 'время регул, женские болезни' (Малеча 2, 316). В связи с этим можно привести целый ряд названий животных, рыб и птиц в испанском языке, которые совмещают биологические значения с медицинскими: *locia* f. 'скворец', разг. 'ложь, обман', прост. 'язва, рана', *loro* м. 'попугай', 'сопли', *pica* f. зоол. 'сорока', мед. 'извращение аппетита', *pollo* м. 'птенец, цыпленок', 'мозоль (на пальце ноги)', *golondrino* м. 'птенец ласточки', мед. 'фурункул (под мышкой)', *puerca* f. 'свинья (самка)', 'скрофулёз, золотуха', *gato* I м. 'кот', вен. 'сифилис', а также интересно в связи с этим *mona* I f. 'обезьяна (самка)' и разг. 'опьянение, хмель', *merluza* f. 'мерлан (рыба)' и разг. 'опьянение, хмель', *chucho* III м. 'сова' и 'испуг, страх'.

Ср. также укр. диал. *вовк* мед. 'воспаление слизистой оболочки прямой кишки' (Негрич. Скарби гуцул. гов.43).

Здесь следует косвенно упомянуть укр. диал. название *пола* 'менструация', которое дается в Этимологическом словаре украинского языка с пометой 'неясное' (ЕСУМ 4, 485). Его можно трактовать как название, возникшее в результате перехода значений 'подол женской рубашки, пола' → 'менструация'. Г. И. Кабакова отмечает, что "сами названия одежды тоже могут обозначать регулы: рубашка, сорочка, они входят и в состав словосочетаний "существительное + определение", обозначающее либо регулярность явления (месячна сорочка — Ласицк.), либо его нечистоту (грязна рубашка — Старые Боровичи)"¹⁸. Она также пишет, что "наиболее распространенные в Полесье термины (названия регул.

— Т. Г.) строятся как локативные конструкции, указывающие на те предметы женской одежды, на которых проступает менструальная кровь: *на рубашке, на рубахе, на сорочке, на одежде, на беллі*, редко — *в рубашке* (Разутино); от этих конструкций могут быть образованы существительные женского или мужского рода: *нарубашечныца* (Дяковичи), *нарубашник* (Великое Поле) и субстантивированные прилагательные (*рубашечно, рубашиное, нарубашинное, палацейная* — Бабичи, Сорочечно)¹⁹. Ср. рус. диал. *рубáшка* ‘менструация’ (Словарь Карелии 5, 572), *лопотное* эвфем. ‘то же’ (Сл. Коми-Перм. округа 140), при *лопоть* ‘одежда’.

лакотья́

Рус. диал. *лакотья́* мн. в значении ‘брюшина, мясо с перепонками’ зафиксировано в Тематическом словаре говоров Тверской области²⁰, в контексте “Меня тятка локотья есть приучил”. Оно, по всей видимости, восходит к праслав. **olkati*, среди продолжений которого др.-рус., рус.-цслав. *лакати, локати* ‘лакать’ (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 165), *лакать* ‘испытывать голод, быть голодным’ (Там же; Срезневский II, 5), рус. *лака́ть* ‘вбирать жидкость языком, о животных’, диал. *лока́ть* ‘пить жадно (больше о животных)’ (Добровольский 379), блр. *локаць* ‘пить’ (Носов.) (ЭССЯ 32, 57–58). Основное значение и, видимо, исходное, рус. диал. *лакотья́* — ‘брюшина’, а значение ‘мясо с перепонками’ вторично. Ср. праслав. **olkva?*, к которому восходит словац. диал. *lakva* ж.р. ‘складка на подбородке (у скотины)’ (Horak. Pohorel. 160), также связанное с гл. **olkati*, а также “с такими же однокоренным названием того же предмета (‘складка на подбородке у скотины, нем. Wamme’), в том же ареале, как чеш. *lalok...*” (ЭССЯ 32, 68). Праслав. **lalokъ/*laloka* ‘мягкое небо, рот и т. д.’ продолжено в славянских языках лексемами — чеш. *lalok, laloch, lalouk* ‘челюсть, подбородок, мясистое утолщение шеи, мочка уха’ (Jungmann II, 260); ... словац. *lalok* м.р. ‘обвислая кожа ниже шеи у коровы’ (Matejčík. Novohrad. 114), рус. диал. *ла́лока, лалака́* ж.р. ‘десна’ (Филин 16, 252; Доп. к Опыту 99)” и т. д. (ЭССЯ 14, 24).

Праслав. **lalok-* объясняется здесь, вслед за Немцем как сложение экспрессивной приставки *la-* с корнем глагола **lokati* (Там же), который в 32-ом выпуске ЭССЯ уже объединяется с **olkati*, с признанием древней экспрессивности (“ср. сюда лит. *lakù, làkti* ‘лизать, лакать’, но и *álkti* ‘голодать’ ” (Так Трубачев О. Н. — ЭССЯ 32, 58).

Таким образом, рус. *лакотья́* ‘брюшина, мясо с перепонками’

может быть объяснено как название части тела (восходящее к **ol(lo)kati*, как и **lalokъ* ‘челюсть, подбородок’ и др.), или как часть тела (брюшина, утроба?), которая “алчет пищи”, часто голодна, ср. *ненасытная утроба*. Ср. также рус диал. *обжорка* ‘желудок рыб хищной породы’ (Копылова. Ловецкое слово 68).

берляць

В Этимологическом словаре белорусского языка рассматривается гл. *пабэрляць* в значениях ‘подъесть’, ‘вспахать’; оно определено как неясное, возможно, связанное с *барляць* ‘переливать, взбалтывать, работать без толку’ и, далее, с *бурліць*, *бурць* (ЭСБМ 8, 86). В том же словаре *барляць* в указанных выше значениях сравнивается с рус. диал. (пск., вят., новгор.) *бурліть* ‘мутить, мешать воду, переливать жидкость’ (Там же 1, 315–316), а в ЭССЯ возводится О. Н. Трубачевым к праслав. **bьrl’ati* наряду с рус. диал. (псков.) *барлять* ‘медленно, с трудом передвигаться, ковылять’, сербохорв. *брљати* ‘возиться, рыться (пальцами, ложкой)’, словен. *brljáti* ‘рыться, искать’, ‘брызгать’, словац. *br’lat’sa* ‘рыться, искать, возиться’ и т. д., которое определяется как глагол на *-ati* от ономастопозитической основы, родственное **bьrliti* и **bьrlogъ*, **bьrloga*. При этом автор отмечает вторичность различий в огласовке, объяснимую экспрессивным характером слов (ЭССЯ 3, 167).

Сюда же можно отнести распространенное в русском жаргоне *берлять*, *яю*, *яёт*, несов. (угол.) ‘есть, употреблять в пищу’, (угол.) ‘пить спиртное’ (БСРЖ 59), а также, обратное производное от него *берл* ‘еда’, *берла́*, *-и*, ж., *берло́*, *-а́*, ср. (ССМЖ 66).

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. К этимологии русского названия инея // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 14–15.

² Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья // Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1985, 23.

³ Там же.

⁴ Там же, 19–20.

⁵ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т.1, 298.

⁶ F. Bezlaj. Iz slovenske leksike // Jezik in Slovstvo. Ljubljana, XXVIII, 1982/83, st. 1, 10–13.

⁷ Куркина Л. В. Словенские этимологии // ОЛА. Материалы и исследования 1988–1990. М., 172–173.

⁸ Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева. “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005, 396.

⁹ Мартынов В. В. (Рец.) Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 323 стр. // *Этимология*. 1968. М., 1970, 250–251.

¹⁰ Горячева Т. В. *Этимологические заметки* // *Этимология*. 1981. М., 1983, 71–72.

¹¹ Белорусский эротический фольклор / Издание подготовили Т. В. Володина, А. С. Федосик. М., 2006, 365–366.

¹² Там же, 45.

¹³ Там же, 195.

¹⁴ Там же, 365–366.

¹⁵ Там же, 44.

¹⁶ *Славянские древности*. 4, 345.

¹⁷ Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. М., 2009, 439.

¹⁸ Кабакова Г. И. *Антропология женского тела*. М., 2001, 194–195.

¹⁹ Там же.

²⁰ Тематический словарь говоров Тверской области / Гл. ред. Т. В. Кириллова, отв. ред. Л. Н. Новикова. Тверь, 2004, 101.

Х. Дейкова

ОБ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ РУМЫНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ОДНОМ БОЛГАРСКОМ ГОВОРЕ

(дополнение к „Болгарскому этимологическому словарю”)

Новосельский говор (Ново село, Видинско), бытующий в самом северо-западном крае Болгарии, на берегу р. Дунай, развивался долгое время в непосредственном контакте с соседней румынской языковой общностью. Продолжительное соприкосновение с румынскими говорами естественно привело к значительному румынскому влиянию, которое нашло отражение более всего в лексической системе этого болгарского говора. Румынские заимствования в нём многочисленны и разнообразны, охватывают почти все части речи и представлены лексическими единицами из различных лексико-семантических групп полнозначных слов. К последним относится и большое число заимствованных глаголов, количество которых, согласно М. Младенову, превышает 70 единиц¹. Среди заимствованной глагольной лексики выделяется одна группа примерно в 40–50 глаголов, отличающихся общим исходом на *-ишь(м)*, о котором Младенов специально рассуждает в грамматическом разделе своего исследования, в подразделе о глагольном виде. Согласно М. Младенову, они „почти всегда дефективны в видовом отношении, т. е. имеют форму только для несовершенного вида: *будуишьм, гуишьм, дърнуишьм, съ доспишь, изворишь, клочишьм, съ кънунишьм, копилишьм, съ нъмолишь, моишьм, поликришьм, припонишьм, пръпдишьм, съ руменишьм, съ ребейшьм, съ скоколишьм, съ стъфидишь, судомишьм, туртишьм, съ фъсулишьм, чугулишьм* и др.”². Автор приходит к выводу, что „характерной чертой этих глаголов является вполне убедительный фонетический показатель — согласный *ш* в исходе *-ишьм*, который может служить почти несомненным признаком их несовершенного вида и румынского происхождения”³. Так как это мнение М. Младенова порождает дополнительные вопросы о сущности и происхождении этого

окончания, а также и о его взаимосвязи с несовершенным видом глаголов и о румынском их происхождении, мы попытались дать ответ на эти вопросы, исходя из практики БЕР-а, где часть этих глаголов была этимологизирована⁴. В цитируемой работе было сделано уточнение, что к преобладающим глаголам с окончанием *-ишь(м)* относятся и некоторые с более редкими окончаниями *-ъшь(м)* и *-ашь(м)*, такие, как: *к'оръшьм съ, лънсъшьм, скороѡшь съ, спузъшьм съ, турташьм* (наряду с *туртйшьм*)⁵. Анализируя некоторые из конкретных этимологических толкований в БЕР [таких глаголов, как: *збндйша се (= збндйшь съ), клочйша се (= клочйшь съ), кьоръшам се (= к'оръшьм съ, под кьор), лънсъшьм, намолйша (са) (= нъмолйшь (съ), под нъмол), повестйшьм, поликрйшьм (под поликра), припонйшам (= припонйшьм), тьргуйша се (= тьргуйшь съ), скоколишам са (= скоколишьм съ)], отличающихся отсутствием единообразия относительно образования этих глаголов и характера их окончания, мы пришли к заключению, что речь идет о **единой модели адаптации глаголов, заимствованных из румынского языка**. Некоторые из включенных в БЕР глаголов неточно объясняются как отыменные образования на болгарской почве от заимствованных из румынского языка (или воспринятых при румынском посредстве) существительных⁶. Адаптация заимствованных глаголов совершалась в основном с помощью суффикса *-ишь(м)*, реже *-ъшь(м)* и *-ашь(м)*, при этом начальный гласный соответствует окончанию инфинитива исходного румынского глагола [преобладающий вариант с *-й-* соответствует, как отмечается и в БЕР, под *повестйшьм*, исходным румынским инфинитивам, оканчивающимся на *-i* (1 л. ед. ч. *-esc*), как *a povesti*, вариант на *-ѣ-* соотносится с румынскими инфинитивами, оканчивающимися на *-i* (1 л. ед. ч. *-ăsc*), как *к'оръшьм съ* от рум. *a se chiori*, а вариант на *-а-* отсылает к румынским инфинитивам, оканчивающимся на *-ă*, как **гънфашьм* (от которого прил. *гънфашьн*) от рум. *a gâmfă*]. В некоторых редких случаях наблюдается *-ишь(м)* вместо ожидаемого *-ъшь(м)* и, наоборот, *-ъшь(м)* вместо ожидаемого *-ишь(м)*⁸. Эти суффиксы тождественны по происхождению общеполгарским *-йса(м)*, *-аца(м)* и подобным, которые являются различными расширениями распространенного в болгарском языке суффикса *-са-* от греческой основы аориста, и представляют собой их варианты, образовавшиеся в результате характерных морфонологических чередований в глагольной парадигме новосельского говора. К тому же, адаптированные глаголы румынского происхождения*

в говоре бывают преимущественно двувиновными, вопреки мнению М. Младенова, согласно которому они дефектны в видовом отношении и имеют только несовершенный вид⁹.

Опираясь на полученные умозаключения, в настоящей работе мы предложим этимологические толкования нескольких новосельских глаголов, которые относятся к вышеописанной группе. Эти глаголы не включены в вышедшие донныне тома БЕР-а, и нам не известно, чтобы они были когда-либо объектом этимологического анализа. Некоторые из них представляют единичные исключения из описанной модели в том или другом отношении, но они могут получить свое наиболее точное объяснение именно в рамках этой модели¹⁰.

1. Глагол *булбучийшьм* и его фонетические варианты *булгучийшьм*, *булдуийшьм* толкуются в труде Младенова 'размешивать, нарушать порядок'¹¹. Указанное значение, по нашему мнению, неточно, что проявляется и в приведенном примере: *Нъкай дъ булбучийшьш пръз воду, къ чъ съ нъмѡкриш*, т. е. 'Не плещись в воде, а то намокнешь'. Значение, скорее, 'плескаться(ся), плюхать(ся), мараться (в воде, луже и под.)'. Глагол *булбучийшьм* произведен от рум. *a bulbucî* (1 л. ед. ч. *bulbucesc*) неперех. 'кипеть, клокотать, образовывать пузырьки, пениться', адаптирован с помощью суф. *-ийшь(м)*. Вариант *булгучийшьм* получен в результате диссимиляции *б - б > б - г*, а *булдуийшьм* — в результате диссимиляции *б - б > б - д* и ассимиляции *ч - ш > ш - ш*. Если, все же, глагол употребляется в говоре и в значении 'размешивать, нарушать порядок', то это значение развилось, вероятно, вторично на болгарской почве.

2. Глагол *гуийшьм* и его вариант *гушуйшьм* со значением 'миловать, обнимать'¹². В исследовании Младенова нет пометы о происхождении глагола, как обычно, но непосредственно выше него приводится *гуша* 'шея, ворот; горло; пищевод; расширенный пищевод курицы, в котором скапливается пища', сопровождаемое пометой о румынском происхождении этого слова (рум.). См. и БЕР (1: 297), где указывается на румынское происхождение этого общеболгарского слова, но не приводятся вышеперчисленные новосельские глаголы, как производные от него. Не объясняется их происхождение и в самостоятельной этимологической статье в словаре. Существительное *гуша* и глаголы *гуийшьм*, *гушуйшьм* находятся в очевидной этимологической связи, но можно ли предполагать, что глагольные формы образованы на болгарской почве от существительного? Если иметь в виду общеболгарские

глаголы *гүшна*, *гүшкам* ‘обнять, обнимать’, производные от *гүша* БЕР (1: 297), такое объяснение допустимо для варианта *гушійшьм*, хотя его образование отличается от предыдущих и нуждается в дополнительном разъяснении. Вариант же *гушуйшьм* трудно объяснить как производное от *гүша*. Он должен быть возведен к рум. диал. гл. *a guşui* = *a guşoi*, варианту *a guşi* (1 л. ед. ч. *guşesc*) ‘удушать, душить’¹³. Вариант *гушійшьм*, в таком случае, либо восходит напрямую к рум. *a guşi*, либо получен в результате стяжения *гушуйшьм*. При заимствовании этот глагол (в двух своих вариантах) был адаптирован с помощью суф. *-ійшь(м)* и претерпел следующий семантический переход: ‘удушать, душить’ > ‘обнимать кого-л., стискивая до удушения’ > ‘обнимать’ > ‘обнимать, ласкать, тискать, миловать’.

3. Глагол *доспійшь съ*¹⁴ обыкновенно употребляется в 3 л. ед. ч. и в значении ‘подходит, набухает, вспучивается (о тесте, хлебе)’¹⁵. В труде Младенова указывается на его румынское происхождение, без приведения исходной румынской формы. Этимон слова — рум. гл. *a se dospí* (3 л. ед. ч. *se dospéşte*) ‘подходить, созревать’, возвратная форма гл. *a dospí* (1 л. ед. ч. *dospésc*, 3 л. ед. ч. *dospéşte*) перех. редк. ‘заквашивать, делать вспученным’, неперех. ‘подходить, вспучиваться’. Заимствованный из румынского языка глагол адаптирован на болгарской почве при помощи суф. *-ійшь(ь)*.

4. Глагол *дърнуійшь съ* с указанным значением ‘ругаться, бранить’ следует отнести также к рассматриваемой группе глаголов румынского происхождения¹⁶. Его можно возвести к рум. гл. *dârnui*, варианту *dârni* (1 л. ед. ч. *dârnesc*) ‘затрагивать, задевать (достоинство) кого-л., оскорблять, обижать; останавливать, задерживать, препятствовать, сковывать; огорчать, задевать (за живое), затрагивать’, диал. (Банат) ‘атаковать, нападать, обвинять’¹⁷. Он адаптирован на болгарской диалектной почве с помощью суф. *-ійшь(м)*. Возвратная форма глагола может быть объяснена как результат межъязыковой интерференции в условиях языкового контакта. Она возникла, вероятно, под влиянием возвратной формы болгарского эквивалента *kâрам се* (на някого), так как исходный румынский глагол не имеет возвратной формы, употребляется как переходный и непереходный глагол (с предлогом *la*).

5. Глагол *куфурійшь съ* несврш. со значением ‘иметь расстройство, диарею’ (например: *Вол съ куфурійшь — сѣгур си га рънил със зълно куруште*¹⁸, т. е. ‘У вола расстройство — точно ты его кормил зеленой кукурузой’) восходит к возвратной форме *a se cufuri* (1 л. ед. ч. *mă cufuresc*) ‘укакиваться, иметь понос,

диарею' рум. гл. *a cufurí* (1 л. ед. ч. *cufurésc*) перех. 'пачкать испражнениями, укакивать', адаптирован на болгарской почве с помощью суф. *-ишь(м)*. Это один из немногих случаев среди рассматриваемой глагольной группы, в котором оформленный таким образом глагол перегружен семантикой только в несовершенном виде, потому что от него на болгарской почве при помощи префикса *из-* образован и коррелирует с совершенным видом *искуфурйишьм съ* 'хватить понос, иметь (?) расстройство' (например: *Пи мъз, пи воду и чъ съ скуфурйишьм съв*¹⁹, т. е. 'Я пил шару (виноградный сок), пил воду, и выворочусь весь от поноса'). Подобный натиск болгарской видовой системы наблюдаем и в литературном языке (чаще всего в устной речи) у глаголов иностранного происхождения на *-йрам*, которые также, как правило, двувидовые. Ср., например, *изгравйрам* сврш. в. от первоначально двувидовой основы *гравйрам*, *издекламйрам* от *декламйрам* и под.

В говоре Ново село засвидетельствовано и соотносительное с гл. *куфурйишьм съ* существительное *куфур'ала* ж. р. 'диарея, расстройство желудка'²⁰, которое заимствовано из рум. *cufureală* ж. р. разг. 'диарея, расстройство желудка'. Это пример того, что рассматриваемый болгарский глагол не может восходить к заимствованному существительному (в отличие от других подобных случаев). Он подтверждает высказанное М. Младеновым и разделяемое нами мнение, что в большинстве случаев речь идет о параллельном заимствовании глагола и существительного, которые имеют определенные словообразовательные связи в исходном языке²¹.

б. Глагол *кънунйишьм съ* 'уствовать, выполняя какую-л. тяжелую работу, мучаться, биться'²² восходит к возвратной форме *a se canoni* (1 л. ед. ч. *tă canonésc*) 'мучаться, терзаться, страдать; стараться, трудиться, прилагая большие усилия' рум. гл. *a canoni* (1 л. ед. ч. *canonésc*), нар., перех. 'мучать, пытаться, истязать; терзать', оформленной суф. *-ишь(м)*. В говоре засвидетельствовано и сущ. *кънун* м. р. 'мучение в работе, напряженные усилия; тяжелое состояние'²³. Относительно него можно допустить, что это отглагольное имя, возникшее на болгарской диалектной почве от *кънунйишьм съ*. Но оно могло быть заимствованно и из рум. *canón*, производным от которого является *a (se) canoni*. Рум. *canón* развило переносное значение 'страдание, боль, тягость, мука'²⁴ от первичного значения '(церк.) устав, канон; наложенное покаяние; правило', с которым слово заимствовано, наиболее вероятно, из староболгарского²⁵. В таком случае, однако, трудно объяснить по-

дударное *у* вместо *о*, разве что под влиянием глагола *кънунѣшъм съ*, в котором безударное *о* редуцировалось в *у*²⁶.

7. Глагол *мошѣшъм* ‘резать пуп серпом при родах’²⁷ — от рум. *a moși* (1 л. ед.ч. *moșesc*) ‘повивать (порождать, помогать при родах)’, оформлен по установленной модели суффиксом *-ѣшъ(м)*.

8. Глагол *отикнѣшъм* ‘сильно кашлять, заходиться кашлем’²⁸ — от рум. *a oticni* (1 л. ед. ч. *oticnesc*) нар. ‘тяжело дышать, делать усилие, чтобы дышать, чтобы изрыгнуть’, адаптирован посредством суффикса *-ѣшъ(м)*. Претерпел следующее вероятное семантическое развитие: ‘тяжело дышать, делать усилие, чтобы дышать’ > ‘испытывать трудности, делать усилия, чтобы дышать при сильном кашле’ > ‘сильно кашлять, захлёбываясь’.

9. Глагол *ошишторѣшъм* редк. устар. истолкован в исследовании Младенова как ‘очертить циркулем’, и приводится пример: *Онѣй колѣ си га ошишторѣшъл?*²⁹, т. е. ‘Ты очертил, (стянул ободом?) то колесо?’. В отличие от остальных глаголов в рассматриваемой группе, глагол *ошишторѣшъм* не произведён от заимствованного румынского глагола, а образован на болгарской почве от незасвидетельствованного сущ. **шишторѣ*, заимствованного из рум. *șistôr* ‘каждый из деревянных прутьев (спиц, балясин), схваченный на концах вертящимся мельничным колесом’³⁰ или напрямую от рум. *șistôr* (в условиях билингвизма), оформленного болг. префиксом *о-* и суффиксом *-ѣшъ(м)*. Относительно предполагаемого гибридного образования слова ср., например, новосельский гл. *подгѣфнѣм*, образованный на болгарской почве от рум. гл. *a gămfă* с помощью болгарской приставки *под-* в результате интерференции с болгарским глаголом *подпухна/подпухвам*³¹. Суффиксальное оформление с помощью *-ѣшъ(м)* в этом случае по модели заимствованных глаголов из румынского³².

Имея ввиду это этимологическое объяснение, предполагаем, что вышеуказанное значение либо неверно истолковано, либо развилось вторично от первичного значения ‘устанавливать *шишторѣ, охватывая, стягивая, опоясывая колесом’.

10. Глагол *прѣпѣдѣшъм* ‘уничтожать; становиться немощным’³³ заимствован из рум. *a prăpădi* (1 л. ед.ч. *prăpădesc*) ‘уничтожать, истреблять, опустошать, губить, разрушать; погубить, убивать; повреждать, разорять, рвать (одежду), подрывать (здоровье)’ и оформлен на болгарской почве формантом *-ѣшъ(м)*.

11. Глагол *руменѣшъм съ* ‘краситься красным, румяниться, раскраснеться’ в примере: *Съ руменѣшъ по ѣчи коно мѣймѣца*³⁴, т. е. ‘Красится румянами (гримируется) вокруг глаз, как обез-

ьяна', произведен от возвратной формы *a se rumeni* (1 л. ед. ч. *mă rumenesc*) 'краснеть, румяниться, краситься красным; (нар.) краситься белилами, гримироваться, краситься красной помадой (мазаться губной помадой)' рум. *a rumeni* (1 л. ед. ч. *rumenesc*) 'красить красным, румянить; выкрашивать в красный цвет'³⁵ и адаптирован посредством суффикса *-ișă(m)*. Как явствует из приведенного примера, в Ново село слово заимствованно с народным значением. Из рум. *rumeneală* ж. р. 'румяный, алый, красный, червонный цвет, краснота, румянец; (нар.) губная помада; раст. *Potentilla procumbens*'³⁶ заимствовано и сущ. *румен'ало* 'красный краситель (губная помада); плод бузины'³⁷, адаптировано в говоре по модели отглагольных существительных на *-ало*. Ср. БЕР (6: 343–344), где *румен'ало* приводится под *румен*, что предполагает, однако, что оно образовано от глагола, производного от *румен* (см. там же, например, *румен'я*), который не засвидетельствован в говоре (по крайней мере, в исследовании М. Младенова). Фонетический облик *румен'ало* (мягкость *н*) и его значение, тождественное народному румынскому значению, говорят, скорее, в пользу румынского происхождения существительного, заимствованного в говор параллельно с глаголом. Кроме того, в том же месте БЕР, в конце словарной статьи, приводятся данные о заимствовании болг. *румен* в рум. прил. *rumen*, гл. *a rumeni*, сущ.-ное *rumeneală* (без уточнения, что последние два слова произведены на румынской почве). Заимствованный из румынского носовельский глагол *румен'иш'м съ* не приводится и не объясняется.

12. Возвратный глагол *свойейиш' съ* обыкн. 3 л. 'покрывается плесенью, плесневет'³⁸ заимствован из рум. диал. *a se sfoiegi* (3 л. ед. ч. *se sfoiegește*) 'покрываться плесенью, плесневеть', производного от рум. *sfoiag* ср. р. диал. 'плесень, грибок', м. р. 'мучной червь', которое, в свою очередь, из болг. *свойяк*³⁹. При адаптации он оформлен суффиксом *-ișă*, как и все остальные глаголы этой группы. Рум. диал. *sfoiag*, развило значение 'грибок, плесень' на румынской почве, заимствовано обратно в носовельский говор как *свойяг* м. р. 'грибок, плесень'⁴⁰; значение болг. диал. *свойяк* — 'стоножка; мучной червь; древесный червь (в дереве)' БЕР (663–564). Возвратная форма глагола *свойейиш' съ* является доказательством его самостоятельного параллельного заимствования наряду с существительным. Если бы он был образован на болгарской почве от заимствованного сущ. *свойяг*, то едва ли был бы возвратным⁴¹.

13. В словаре к цитированному исследованию М. Младено-

ва приводится глагол *с कोरोѣшь съ* обыкн. 3 л., истолкованный как ‘затвердеет, станется грубым’ и с пометой о его совершенном виде, приводится и пример: *Кошул’а ми съ скорѣшьла*⁴² *нь гърбину од зной*, т. е. ‘Моя сорочка затвердела на спине от жары’⁴³. В другом месте в исследовании приводится форма *съ скорѣйшь* (с исходом *-йшь*, а не *-ѣшь*, как в словаре), которая толкуется как ‘затвердевает (о стиранном белье зимой или о жидкости, на которой образуется корка)’, т. е. как несовершенный вид, но без специального примечания об этом⁴⁴. Там же указан в качестве румынского этимона глагол *a scoroji*. Новосельский глагол образован, в сущности, от заимствованного возвр. рум. гл. *a se scoroji* (1 л. ед. ч. *mă scorojesc*, 3 л. ед. ч. *se scorojește*) ‘пропадать, повреждаться (о поверхности), сморщиваться; облупливаться, очищаться от кожуры’. Заимствованный глагол зарегистрирован в двух вариантах: *скорѣйшь съ* (с формантом *-йшь*) и *с कोरोѣшь съ/ съ скорѣшьла* (с формантом *-ѣшь*).⁴⁵ Первичным, сообразно действующей модели, должен был бы быть вариант *скорѣйшь съ* (с изменением безударного *о* в *ѣ*⁴⁶ из **с कोरोѣшь съ*), из которого в результате позиционных фонетических изменений (для которых появляются условия в безударной позиции), произошедших в рамках глагольной парадигмы, развился и вариант *с कोरोѣшь съ / *скорѣшь съ (съ скорѣшьла)*, во втором случае также с изменением безударного *о* в *ѣ*. Предполагаем, что одна такая грамматическая форма могла бы быть, например, причастием прошедшего времени (ср. *мошишала, отикнишала, прѣндишала, своейишало* и под.⁴⁷), которое у рассматриваемых глаголов образуется в основном по модели с ударением на основообразующем элементе.⁴⁸ Ср. варианты записи *ѣнголицъшь съ* ‘прорастать, выпускать росток, стручок растения, стрелку лука’ в примере *Лук съ ѣнголицъшала*⁴⁹ и *ѣнголицъшь съ* ‘давать росток, стручок (о растении)’⁵⁰ (от рум. *incolți* ‘проклѣвываться’).⁵¹ В конкретном примере здесь приводится форма *съ скорѣшьла*, которая остается изолированной среди остальных причастных форм рассматриваемых глаголов в отношении ударения (если следовать остальным преобладающим примерам, форма должна была быть **съ скорѣшала*). Если это не случайная ошибочная запись, то можем предположить, что перед нами единичный, окказиональный случай, что не исключено при заимствовании иностранных слов, в процессе адаптации которых может появиться колебание в их парадигме. Это не исключает принципиальной возможности того, что вариант *с कोरोѣшь съ/ *скорѣшь съ* возник при условиях,

подобных вышеописанным.

Приведение и толкование рассматриваемого глагола одновременно как совершенного и несовершенного вида без специального морфологического показателя этого, т. е., при идентичных формах (предполагаем, что это выполнено корректно), подтверждает одно из наших заключений относительно двузначной видовой семантики этих глаголов.

14. Глагол *спузъшьм съ* ‘нарывать, лопаться (о прыще)’⁵² образован от рум. возвр. гл. *a se spuzî* (1 л. ед. ч. *mă spuzesc*) ‘нарывать, прорываться (о прыще)’. Заимствованный глагол оформлен формантом *-ъшь(м)* вместо *-ишь(м)* в результате возможных внутридиалектных звуковых изменений, которые были описаны выше. Новосельское существительное *спуза* ж. р. ‘пепел, смешанный с маленькими горящими угольками’⁵³ могло быть параллельно заимствованно из рум. *spuză* ‘горящий пепел (с примесью углей), спуза; большое количество, толпа, куча, громада; (нар.) прыщи, нарывы на губах или около рта’⁵⁴, как предполагал и Младенов⁵⁵. Имея в виду, однако, однозначность новосельского *спуза* (заимствованный глагол имеет другое значение, соотносимое с одним из значений многозначного рум. *spuză*) и более широкое его распространение именно с таким значением в различных болгарских диалектах, он, скорее, является элементом общебалканской лексики, проникшим различными путями в отдельные балканские языки⁵⁶.

15. Глагол *стропъшьм* ‘обрызгивать, окроплять для исцеления’⁵⁷ произведен от рум. *a stropî* (1 л. ед. ч. *stropesc*) ‘орошать, поливать, опрыскивать (водой); окроплять’ и оформлен с помощью суффикса *-ишь(м)*.

Этимологизация диалектных слов, сгруппированных по своим специфическим структурным признакам, с учётом особенностей конкретного диалекта, позволяет выявить определенные внутриязыковые (внутридиалектные) закономерности, которые вносят свой вклад в оптимизацию этимологических решений. Это, в свою очередь, ведет к усовершенствованию этимологической лексикографической практики, введению единства в структурное оформление соответствующих этимологических статей. Принадлежность всякого неясного слова к подобной группе лексем могла бы направить научные изыскания этимолога в конкретном направлении, так как соответствует выявляемым внутрисистемным языковым связям и закономерностям, в рамках которых может проясниться и специфика всякой отдельной этимологии.

Примечания

¹ Младенов М. Сл. Говорът на Ново село, Видинско. Принос към проблема на смесените говори // Трудове по българска диалектология. Кн. 6. София, 1969.

² Там же, 83–84.

³ Там же, 84.

⁴ Български етимологичен речник. 1. София, 1971-.

⁵ Дейкова Хр. За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско // *Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie*. Bratislava, 2010, 302–310.

⁶ К рассматриваемой группе глаголов относим и такие прилагательные, как: *гънфâшън*, *къпийâшън*, *фермекâшън*, *фъръмâшън*, *ъпукâшън*, по происхождению страдательные причастия от незасвидетельствованных в говоре глаголов, заимствованных из румынского языка. Ср., например, такие прилагательные, как: *търгуйшън*, *стъфидишън*, *ъбурйшън*, образованные от засвидетельствованных в говоре глаголов *търгуйшь съ*, *стъфидишь съ*, *ъбурйшьм* (см. там же, 303). Конкретно происхождение *къпийâшън* и *фермекâшън* рассмотрено в Дейкова Хр. Произход на няколко български диалектни думи // Българският език и литература в славянски и в неславянски контекст. Международна конференция, Сегед, Унгария, 28–29 май 2009 г. Szeged, 2011, 196–202.

⁷ Дейкова Хр. За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско // *Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie*. Bratislava, 2010, 303–305.

⁸ О происхождении *гънфâшън* см. подробно Дейкова Н. Deux mots d'origine commune (roumaine) dans le parler de Novo selo, region de Vidine // Балканско езиковедие, 2010, XLIX, 1–2, 153–155.

⁹ См. объяснение этого: Дейкова Хр. За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско // *Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie*. Bratislava, 2010, 305.

¹⁰ См. подробно там же, 306–309.

¹¹ Не будем останавливаться здесь более подробно на видовой характеристике рассматриваемых глаголов, интерпретированных не всегда вполне точно в цитированном исследовании Младенова. Это будет сделано целиком в другом месте с привлечением соответствующего контекста, имеющегося в нашем распоряжении и необходимого для выяснения глагольной видовой семантики, которая в преобладающем числе случаев не получает морфологического выражения.

¹² См. Младенов М. Сл., цит. соч., 211. В отличие от других глаголов румынского происхождения, при которых обычно имеется помета *рум.*, при этом глаголе такой пометы нет.

¹³ Там же, 220.

¹⁴ *Micul dicționar academic* (далее MDA 2). Vol. II. București, 2002, 589.

¹⁵ Возвратные формы глаголов приводятся так, как они даны в словаре, прилагающемся к исследованию Младенов М. Сл., цит. соч., впрочем, для новосельского говора характерно, что „возвратная частица *съ* во всех формах глагольной парадигмы (за исключением повелительных форм) всегда находится в препозиции, т. е. Она всегда проклитическая“ (Младенов М. Сл., цит. соч., 117).

¹⁶ Там же, 223.

¹⁷ MDA 2, 26.

¹⁸ В исследовании Младенова отсутствует помета о румынском его происхождении, как обычно (Там же, 225).

¹⁹ Там же, 242.

²⁰ Там же, 234. По нашему мнению, точнее было бы толковать совершенную форму как 'хване ме диария, получа разстройство'.

²¹ Там же, 242.

²² См. Дейкова Хр. За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско// Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie. Bratislava, 2010, 304.

²³ См. Младенов М. Сл., цит. соч., 243, ср. там же, 170.

²⁴ Там же, 243.

²⁵ Болг. канѡн, наследие ст.-болг. канонъ (из греч.) — книжное слово, которое не обрело подобного значения.

²⁶ Dicționarul limbii române moderne, Academia Română, Institutul de Lingvistică din București, Editura Academiei, 1958.

²⁷ См. об этих допущениях Младенова М. Сл., цит. соч., 176. Можно было бы предположить еще, что подударное *ѹ* в бълг. *кѣнѹн* — не прямая субституция подударного *ѡ* в рум. *сапѡн*, а появилось под влиянием формы мн. ч. *сапѡѡне*, в которой *о* уже безударно. В условиях интенсивного языкового контакта и билингвизма это было бы возможно. Ср. и *кутѹѹ* 'кълка на птица, копан' (там же, 176, 241) из рум. диал. *cotѡi* ср. р. (мн. ч. *cotѡѡie*) также.

²⁸ Там же, 250.

²⁹ Там же, 261.

³⁰ Там же, 262.

³¹ Dicționarul limbii române, Т. XI/1, București, 1978, 113.

³² См. Дейкова Н. Deux mots d'origine commune (roumaine) dans le parler de Novo село, region de Vidine//Балканско езикознание, 2010, XLIX, 1–2, 154.

³³ Родственный общеполгарский суффикс *-ѹсам*, с помощью которого образуются такие отыменные глаголы в болгарском народном языке, как *здравѹсам* от *здрѡве*, *сапуѹсам* от *сапѹн* и под., не имеет большой продуктивности: ограниченное число отыменных глаголов образуются посредством контаминированного турецко-греческого суффикса *-дѹсам* (от тур. *-di-* и гр. *-с-*), как в *боядѹсам* от *бѡя*, *калайдѹсам* от *калай* и под. Ср., однако, новосельское *бойдѹшѡм*, образованное от *бѡя* посредством суффикса *-ѡшѡ(м)*, варианта гораздо более продуктивного родственного суффикса *-ѡса(м)*.

³⁴ См. Младенов М. Сл., цит. соч., 270.

³⁵ Там же, 274, 170.

³⁶ DEX 1998 = Dicționarul explicativ al limbii române, ediția a II-a, Academia Română, Institutul de Lingvistică „Iorgu Iordan”, Editura Univers Enciclopedic, 1998 (далее — DEX 1998); NODEX = Noul dicționar explicativ al limbii române, Litera Internațional, Editura Litera Internațional, 2002, которые цитируются по www.dexonline.ro (далее — NODEX).

³⁷ См.там же.

³⁸ См. Младенов М. Сл., цит. соч., 274.

³⁹ Там же, 276, см. и 170, где указывается как румынский этимон *a sfoigi*.

⁴⁰ DEX 1998.

⁴¹ Ср., например, болг. гл. мухляс(в)ам, производный от сущ. мѹхъл, и плесеняс(в)ам, производный от сущ. плѡсен.

⁴² В этом месте форма записана с *-ѡ-* вм. второго безударного *-о-*.

⁴³ Там же, 278.

⁴⁴ Там же, 170.

⁴⁵ Принимаем за вероятное, что эти написания не результат ошибки, а фиксация различных вариантов.

⁴⁶ О повышенной частоте гласного ъ в новосельском говоре и о преобладающем числе слов, в которых он представлен в безударной позиции см. *Младенов М. Сл.*, цит. соч., 17.

⁴⁷ Все формы цитируются по примерам, приведенным в словаре, сопровождающем исследование.

⁴⁸ См. *Младенов М. Сл.*, цит. соч., 119.

⁴⁹ Там же, 300.

⁵⁰ Там же, 170.

⁵¹ См. *Дейкова Хр.* За адаптирането на някои глаголни заемки в говора на Ново село, Видинско// *Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovenskej dialektológie.* Bratislava, 2010, 305.

⁵² См. *Младенов М. Сл.*, цит. соч., 280, см. и с. 170, где указывается в качестве румынского этимона *a spuzi*.

⁵³ Там же, 280.

⁵⁴ DEX 1998, NODEX.

⁵⁵ См. подробнее об этимологии болгарского *спуза* БЕР (7: 406), а о рум. *spuză* — DEX 1998, NODEX, хотя и чувствуем, что эти объяснения нуждаются в некоторых дополнениях.

⁵⁷ См. *Младенов М. Сл.*, цит. соч., 281.

Перевел с болгарского языка А. К. Шапошников

И. Г. Добродомов

ИЗ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЙ О НОВЫХ СЛОВАХ

сабантуй

Упомянув о своей поездке осенью 1941 года на Юго-Западный фронт под Полтавой, А. Т. Твардовский писал: «Из той поездки мы с С. И. Вашенцевым, между прочим, вывезли словечко “сабантуй”, приобретшее потом большое распространение на фронте»¹.

Действительно, в самом начале весьма популярной поэмы «Василий Тёркин» в главе «На привале» встречается это загадочное слово с весёлым объяснением в балагурстве главного героя:

Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

– Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

– Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй,
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
– Это малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,

Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.

Тот проймет тебя поглубже,
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй. <..>
— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь;
Прут немецких тыща танков... <..>

Популярность народной поэмы А. Т. Твардовского действительно привела к распространению в русском языке слова *сабантуй*, а имя заглавного персонажа стало почти нарицательным. Не случайно писатель Л. Я. Боровой, одним из первых обративший внимание на распространение слова *сабантуй*, картину Ю. М. Непринцева «Отдых после боя» (1951) поименовал «Ва-

силий Тёркин»:

«Рассказывая о картине художника Ю. Непринцева “Василий Теркин”, уже тоже ставшей известной всему народу, Б. Лавренев писал:

– Кажется, сейчас этот поистине ставший народным герой Твардовского скажет:

Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
– Это малый сабантуй.

(*Советское искусство, 20.XII.1951*)².

Сабантуй фигурирует в произведениях о Великой Отечественной войне в речи персонажей: Немец сейчас не сунется. Сегодня ему хороший сабантуй был (П. Шебунин. Мамаев курган // Новый мир. — 1948. — № 2. — С. 38). Не нравится мне немец сегодня <.> Как бы нам к утру не устроил сабантуй (Г. Бакланов. Пядь земли (1953))³.

Языковеды ставили вопросы о происхождении слова и пытались дать на них ответы, не вполне точные и удачные:

«Важко сказати, де вперше слово тюркського кореня *сабантуй*, що означає хліборобське свято (*сабан* — плуг, *туй* (*той*) — свято), було вжите в армійському середовищі з специфічною семантикою. Елементами, що послужили основою для змін значення, очевидно, є бурхливі дії учасників *сабантуя* — боротьба, шум, звідсі і армійське значення *сабантуя*: шум і грім бою»⁴.

Особое внимание уделил слову *сабантуй* А. Н. Кожин: «В годы войны в публицистике и художественной литературе стало употребляться слово «САБАНТУЙ» как обозначение ожесточенного сражения, поддерживаемого массированными ударами артиллерии, авиации и танков. В тюрко-татарских языках слово «сабантуй» служит названием скачек, праздника весеннего сева («сабан» <sic!> — плуг, соха; «тујь» — свадьба, пиршество и т. п.)⁵. Известно, что празднование весеннего сева у некоторых тюрко-татарских народов сопровождается массовыми военными играми, придающими наибольший разгул народному пиршеству⁶. Представители татарской национальности и те, кто знаком с этим праздником, стихию смертоносного огня могли воспринять как привычное явление мирной жизни: шум и грохот состязающихся групп и сторон во время народных гуляний не вызывал какого-либо представления об опасности; именно поэтому современ-

ное сражение, приводящее в движение огромные массы людей и боевой техники, могло вызвать определенные ассоциации с далеким, но близким и мирным: сабан продолжал свое дело, — перепахивал поле битвы, засевая изрытую землю не зерном, но железом и кровью. Ужасное и страшное в ходе эвфемистической метафоризации воспринималось как что-то безобидное, порождавшее жизнерадостный солдатский смех и юмор»⁷. Далее дается обширная, хотя и сокращенная цитата из “Василия Тёркина” с комментарием: «Звуковая выразительность и неясность внутренней формы, по всей видимости, содействовали распространению этого слова в речи фронтовиков, переживавших ужасы ожесточенных сражений и воспринимавших бомбовые удары авиации, шквальный огонь артиллерии, массированные атаки танков как разновидности сабантуя, что нашло свое выражение в целом ряде словосочетаний, возникших на базе этого иноязычного слова: **малый сабантуй, средний сабантуй, главный сабантуй**»⁸.

Хотя в поэме А. Т. Твардовского содержится глухое упоминание первоначального значения слова *сабантуй* («какой-то праздник»), читатели интересовались непривычным словом и часто задавали вопросы о нём автору поэмы особенно после войны:

«Откуда это слово в “Теркине” и что оно в точности означает? Такой вопрос очень часто ставится мне в письмах и в записках на литературных вечерах и просто изустно, при встречах с различными людьми.

Слово “сабантуй” существует на многих языках и, например, в тюркских языках означает праздник окончания полевых работ: “сабан” — плуг, “туй” — праздник»⁹.

Весенний земледельческий праздник *сабантуй* под русским названием *сабанное* или *сабанное празднество* красочно и в деталях описан уже во второй половине XVIII в. в этнографическом словаре плодовитого писателя М. Д. Чулкова: «*Сабанное, празднество, прозвано отъ хлѣбопашеннаго орудія сабана, потому что оно торжествуется предъ начинаніемъ пашни; торжество сіе, смѣшено съ свѣтскими и духовными обрядами и происходитъ слѣдующимъ образомъ. У Башкирцевъ по вечеру собираются изъ всей деревни молодые ребята на отборныхъ верховыхъ лошадахъ, и проѣхавъ всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ домомъ дѣлають великой крикъ и стукъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому, такую отборную артель чѣмъ нибудь не наградить; по большей части надѣляютъ ихъ куриными яйцами. Собравъ подворную пошлину, молодежь*

разъѣзжается по своимъ дворамъ, и по утру до самого солнечнаго восходу, вся ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назначивъ не малое разстояніе, пускаются скакать во всю прыть; при въѣздѣ въ деревню стоятъ обою полу зрители, а въ извѣстномъ разстояніи или молодой дѣтина, или дѣвка держитъ на шестѣ привязанной бѣлой платъ, вышитой по угламъ разноцвѣтнымъ шолкомъ, который достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошади перегонитъ, и первый платокъ сорветъ съ дровка. Хотя платокъ всегда бываетъ малоцѣнный, однако побѣда почитается за велико, и приписываются не малыя похвалы побѣдителю отъ зрителей общимъ восклицаніемъ. Если же случится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ назначенному мѣсту, и схватиться за платъ, то должны они совершенное плата присвоеніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бываетъ такимъ образомъ: они не берутъ другъ друга за воротъ, какъ Рускіе борцы, но за кушаки и употребляютъ обыкновенныя при борбахъ ухватки, хотя платъ и недорогой, однако не всякъ охотно пожелаетъ и дешевую вещь подарить другому, то у нихъ узаконено, что бы на сабанномъ рыцарствѣ награжденіе сдѣлано было руками той женщины, которая моложе всѣхъ замужемъ. По окончаніи рыцарства, всѣ деревенскія жители сходятся въ мечеть на молитву, и просятъ бога о урожаѣ хлѣба; послѣ чего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество, а у молодыхъ разныя забавы, какъ то борьба, катаніе яйцами, качели и хороводы, а отпраздновавъ принимаются за пашню.»¹⁰

Также подробно описан *сабантуй* в этнографическом очерке оренбургскаго писателя П. М. Кудряшева «Предрассудки и суевѣрія башкирцев» в журнале известнаго литератора П. П. Свинына «Отечественныя записки» (1828):

«Въ число суевѣрій Башкирскихъ можно отнести каждагоодное празднество ихъ, называемое сабаннымъ. Сіе празднество есть не что иное, какъ смѣсь народныхъ обыкновеній и народныхъ обрядовъ. Оно происходитъ слѣдующимъ образомъ: передъ начатиемъ пашни, молодые люди въ вечернее время, садятся верхами на лучшихъ лошадей, объѣзжаютъ всю деревню, потомъ, возвращаясь, останавливаются передъ каждымъ домомъ и громогласно требуютъ себѣ какой-нибудь подачи. Хозяинъ обязанъ удовлетворить сіе требованіе и долженъ подарить разъѣзжающимъ молодцамъ нѣсколько круту¹¹ или подать чашку айрянну¹², бузы (родъ пива), аситки (родъ квасу), меду и т.п. Молодые люди, объѣхавъ всю деревню, возвращаются въ свои дома и, на другой день, по утру, выѣзжаютъ въ поле, верстъ за 5 отъ жительства; потомъ

пускаются скакать въ деревню, въ которой по обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ зрители: мушины, женщины и дѣвушки. Одинъ изъ молодыхъ мужчинъ, или одна изъ дѣвушекъ держать въ рукахъ шесть, на которомъ развѣвается бѣлый платокъ, вышитый шелками и разноцвѣтными нитками. Первый, прискакавшій къ шести и сорвавшій платокъ получаетъ оный себѣ въ собственность. При семъ случаѣ раздаются громогласныя восклицанія зрителей и, въ особенности, повторяются слѣдующія слова: мярдысь! мярдысь! (исполать! исполать!). Но если случится, что двое или трое вмѣстѣ прискачутъ къ шести и въ одно время всѣ схватятся за платокъ, тогда они обязаны между собою начать борьбу, которая служить решеніемъ, кому упоминаемый платокъ долженъ достаться. Тотъ, кто останется въ борьбѣ побѣдителемъ, получаетъ означенный платокъ изъ рукъ такой женщины, которая въ цѣлой деревнѣ всѣхъ моложе и недавно еще за мужемъ. Послѣ того мужчины идутъ въ мечеть, молятся богу и просятъ объ изобильномъ урожаѣ хлѣба, потомъ начинается общественный джинъ (пирь), на которомъ веселятся различнымъ образомъ: поютъ, играютъ на чебызгахъ¹³, пляшутъ, борются, стрѣляютъ въ цѣль и проч.»¹⁴.

Описанное М. Д. Чулковымъ празднество отличалось въ деталяхъ отъ описаннаго П. М. Кудряшевымъ, поэтому последний даже вступаетъ въ полемику съ первымъ: «Издатель “Абебеки Русскихъ суевѣрій и проч.”, напечатанной въ Москвѣ въ 1786 году, описывая Сабанное празднество, говорить, что развѣзжающихъ по деревнѣ молодыхъ Башкирцевъ хозяева домовъ по большей части надѣляютъ куриными яйцами и что во время пиршества происходятъ у башкирцевъ разныя забавы, какъ то: катаніе яицъ, качели и хороводы. Сего никогда не было и не бываетъ»¹⁵.

Споръ П. М. Кудряшева съ М. Д. Чулковымъ возникъ из-за того, что они описывали праздникъ въ разное время и на разныхъ территорияхъ. Праздникъ со временемъ и въ разныхъ ареалахъ изменялся: у татар-мещеряковъ отъ сабантуя остался (если сабантуй ранее у нихъ былъ) только сборъ крашенныхъ яицъ детьми, что позже отмечали этнографы XX века: «Въ деревняхъ татар-мишарей сабантуй не проводили, хотя отдельные весенние обряды, входящіе въ него, встречались и тамъ (сборъ детьми крашенныхъ яицъ — *кзыл йомыртка кѣне*, игры съ яйцами и др.)»¹⁶.

Весенний земледельческий праздникъ, посвященный началу полевыхъ работъ или ихъ окончанію, подъ разными названіями известенъ какъ тюркскимъ, такъ и финно-угорскимъ народамъ Поволжья и Предуралья. Здесь въ первую очередь должно быть упомянуто

татарское название праздника *сабантуй*, вошедшее в русский язык и употребляемое в нем в качестве общего наименования регионального весеннего земледельческого праздника, а также аналогичного праздника других регионов.

В татарском языке название этого праздника существует в двух синонимичных формах: как сложное слово *сабантуй*, вошедшее в русский язык, и как определительное словосочетание *сабан туйы* (орфографически *сабан туге*), из которого и получилось сложное слово путем слияния компонентов, а словосочетание было переведено по-русски словосочетанием же *сабанное празднество*.

В «Татарско-русском словаре» 1966 года в качестве основного названия выступает сложное слово *сабантуй*, а словосочетание *сабан туге* подано как отсылочное к нему. В толковом же словаре дано только словосочетание *сабан туге* (произносится *сабан туйы*)¹⁷.

В русском языке XVIII и XIX вв. употреблялся перевод татарского определительного словосочетания *сабан туйы* (*сабан туге*) — *сабанное празднество*, сократившееся до *сабанное* и даже до *сабан*. Получившееся в татарском языке из определительного словосочетания *сабан туге* сложное слово *сабантуй* и в русском языке появилось позже.

Некоторые современные этимологические словари правильно указывают татарский источник слова, хотя хронология его на русской почве требует уточнения: «**сабантуй**. Заимств. в XIX в. из татарск. яз., где *сабантуй* “праздник весенней пахоты” — сращение *сабан* “плуг” и *туй* “праздник”. См. *той*»¹⁸.

Своеобразная фонетика башкирского слова *һабантуй* ‘сабантуй’ (*национальный весенний праздник; букв. “праздник плуга”*) помешала его вхождению в русский язык и поэтому в русском языке и для названия башкирского праздника употребляется татарская форма *сабантуй* (как это имело место в цитируемом «Башкирско-русском словаре» 1958 года), также не сохранившая первоначальный тюркский облик *сабантой*, *сабан тойы*.

В чувашском языке для обозначения этого праздника употребляются как исконные сложные слова типа *ака туй* (произносится *агадуй*: *ака* “плуг” + *туй* “праздник”), так и русско-татарское слово *сабантуй*: **ака туй** 1. *агадуй* (*массовый праздник по случаю завершения весеннего сева*) 2. *диал.* скачки, бега; **ака пӑтти** (*ака яшки*) *уст.* празднество по случаю окончания весеннего сева; **сабантуй**, **сапантуй** 1. *сабантуй* (*татарский национальный праздник*) 2. *диал.* то же, что **ака туй**¹⁹.

Марийский язык знает для обозначения праздника употребление и чувашского и русско-татарского слов: *агавайрём* (уст.) ‘праздник перед весенними полевыми работами’; *сабантуй* ‘сабантуй (национальный праздник)’.

В удмуртском языке в качестве этнографического термина закрепилось одно из чувашских названий: *акашка* (этно.), *акашка* (южн.) ‘удмуртский праздник в начале весеннего сева’.

Аналогичный весенний земледельческий праздник отмечался и у народов Северного Кавказа²⁰, причем тюркские языки этого региона сохранили исторически первичную форму названия этого праздника — *сабантой*, которая в двуязычных словарях передается по-русски татарским *сабантуй*, иногда с пояснениями: карач.-балк. «**сабантой** сабантуй»; ногойск. «**сабантой** сабантуй (праздник по случаю окончания весеннего сева)»; кумык. «**сабантой**, *ист.* сабантуй (праздник весенней пахоты; букв. праздник плуга)».

Любители этнографической экзотики среди писателей, однако, предпочитают сохранять орфографию местного языка: «Доносится песня — это горцы справляют праздник “Сабантой”»²¹.

В XIX веке в качестве русского названия этого поволжского праздника употреблялось слово *сабан*, представленное в этнографической литературе. В специальном разделе “*Сабан*” казанский ученый К. Ф. Фукс подробно описывает этот праздник под таким названием у казанских татар с объяснением этого названия: «Слово сабанъ означает соху или плугъ, а самый праздникъ долженъ означать, что оживляющая природу весна призываетъ къ возделыванію полей и оранію земли»²².

Русское областное название плуга *сабан* В. И. Даль определяет как новороссийское, южное, саратовское, симбирское и пермское и толкует: ‘русскій плугъ, двуколый’ и далее после лаконично-подробного описания деталей *сабана*-плуга, а также указания на другие значения слова *сабан* в русских говорах приводит этнографическое слово Казанской губернии:

«Каз. сабанъ, или сабан-байрамъ, татарскій праздникъ, передъ яровой пашней; первая половина сабана *шилликъ*, молятся и объѣдаются; затѣмъ вторая: запахиваютъ и засѣваютъ полосу, и наконецъ третья, *туй* (пирь): скачки, борьба и пр. мѣстами пируютъ трое сутокъ, и прямо берутся за пашню» (Даль² IV, 126)²³.

Но ни субстантивированное прилагательное *сабанное*, ни словосочетание *сабанное празднество*, ни лаконичное *сабан* как обозначение праздника не закрепились ни в этнографии, ни в ли-

тературе. Как русское название весеннего праздника у народов Поволжья и Предуралья закрепилось слово *сабантуй*, проникшее в газетные репортажи и в художественную литературу:

Красочным зрелищем явилось представление народного праздника «Сабантуй». Сцена Большого театра превратилась как бы в огромную площадь, заполненную праздничной толпой. Соревнуясь в ловкости и силе, выступают борцы, один за другим в круг выходят танцоры (Правда, 7.V. 1955).

Выходит в круг кузнец Кутуй
С Андреем-русским — в паре.
Шумит, клоочет сабантуй,
спортивный день в разгаре.
От малышей до стариков,
сегодня все спортсмены.
У нас в Башкирии таков
обычай неизменный.

(М. Гафуров. *Сабантуй* // *Сов. Башкирия*, 27.VI.1958)²⁴.

Популярность регионального термина *сабантуй* (особенно в его нетерминологическом применении) обусловило появление его в третьем издании 1949 г. весьма солидного «Словаря иностранных слов» и сохранение его там до настоящего времени, хотя дефиниция его и этимологическая справка точностью не отличались, но оказали влияние на последующую русскую лексикографию второй половины XX века: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — национальный праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ»²⁵.

Некоторая сбивчивость лаконичной этимологической справки (по более поздней геллертерской терминологии — *зоны*) могла породить ошибочное представление о том, что *сабантуй* — плод сложения на почве русского языка, поскольку и первый и второй компонент татарского слова зафиксированы В. И. Далем как местные этнографизмы. Ср. в словаре последнего: «**туй** м. *tamr*. киргизский или башкирский пирь, пирушка» (Даль² IV, 441).

Действительно, во многих тюркских языках широко распространено название примитивного двухколёсного деревянного плуга или сохи *сабан* (с некоторыми вариациями звукового облика в разных тюркских языках), известное также русским областным говорам в том же значении, а также в удмуртском и мансийском языках (ЭСТЯ Л-С, 127–128).

Известное в тюркских языках Поволжья (башкирском, татар-

ском) слово *туй* ‘свадьба, пир, пиршество, праздник, торжество, большое угощение’ получилось в этих языках из более древнего *той* (**toŋ?*), которое сохранилось в таком виде во многих других тюркских языках (Räsänen 488b).

После «Словаря иностранных слов» термин *сабантуй* был замечен составителями академического «Орфографического словаря русского языка» без указания значений:

саба́н, -а
саба́нный
сабанту́й, -я²⁶.

На основе этого материала без учета семантических расхождений между словами А. Н. Тихонов поспешно произвел татарское слово русского языка *сабантуй* от русского устаревшего областного слова

саба́н
саба́н-н-ый
сабан|ту́й²⁷.

Этимологическая принадлежность слова *сабантуй* к этому гнезду уже давно забылась: название примитивного старинного плуга *сабан* у русских уже давно вышло из употребления вместе с самим плугом и никак не ассоциируется ни с этнографическим термином *сабантуй*, ни с его вульгарно-просторечным применением.

А. Т. Твардовский способствовал распространению слова *сабантуй* совсем не в терминологическом значении, хотя оно ему было известно. Он подслушал своеобразное употребление слова в красноармейской среде и популяризировал его, как он вспоминал впоследствии:

«Я слово “сабантуй” впервые услышал на фронте ранней осенью 1941 года, где-то в районе Полтавы, в одной части, державшей там оборону. Слово это, как часто бывает с привязчивыми словечками и выражениями, употреблялось и штабными командирами, и артиллеристами на батарее переднего края, и жителями деревушки, где располагалась часть. Означало оно и ложное намерение противника на каком-нибудь участке, демонстрацию прорыва, и действительную угрозу с его стороны, и нашу готовность устроить ему “угощение”. Последнее ближе всего к первоначальному смыслу, а солдатскому языку вообще свойственно ироническое употребление слов “угощение”, “закуска” и т.п. В эпиграфе к одной из глав “Капитанской дочки” А. С. Пушкин приводит строки старинной солдатской песни:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку,
Зарядим картечью пушку.

Слово “сабантуй” мы с моим товарищем по работе в газете С. Вашенцевым привезли из этой поездки на фронт, и я употребил его в фельетоне,²⁸ а С. Вашенцев — в очерке, который так и назывался: “Сабантуй”²⁹.

Сведения поэта А. Т. Твардовского лучше отражают суть дела сравнительно с соображениями лингвистов И. К. Белододе и А. Н. Кожина, процитированными в данной статье выше.

Свидетельство А. Т. Твардовского о своем причастии к распространению в русском просторечном языке слова *сабантуй* в его солдатском употреблении следует воспринимать с полным доверием, поскольку в другом аналогичном случае — со «Страной Муравией» — он считал, что название утопической *Муравии* он не придумал, а взял из фольклора, с чем не соглашаются лингвисты, считающие: «Все же *Страна Муравия* — несомненно неологизм самого поэта <..>»³⁰.

В начале 60-х гг. слово *сабантуй* как в терминологическом значении (по перефразированию неточной дефиниции «Словаря иностранных слов» 1949 г. издания), так и в переносном значении в поэме «Василий Теркин» в сопровождении сбивчивой этимологии (из того же «Словаря иностранных слов») было зафиксировано большим академическим словарем, который выходил тогда под более правильным и точным названием «Словарь современного русского литературного языка» и грифом Академии наук СССР: «**сабанту́й**, я, м. У татар и башкир — народный весенний праздник, посвященный окончанию весенних полевых работ. *Приближались дни сабантуя, веселого весеннего праздника “свадьбы плуга”, когда происходят игры молодежи и взрослых, состязания в скачках, игра, джигитовка, стрельба из лука. Злобин, Салават Юлаев, I, 1. || Перен. Разг. Об ожесточенном бое, сильном шуме, переполохе. Вот вы прибыли на место, Ружья в руки — и вой. А кому из вас известно, Что такое сабантуй?* Твард. Вас. Теркин. — Слов. иностр. слов 1949: сабанту́й. — [От тюрк. *saban* — плуг и *tuj* — праздник] (ССРЛЯ 13, 26–27).

В словаре не отражено бытовавшее на фронте употребление

слова *сабантуй*, о котором вспоминал участник Великой отечественной войны А. Н. Кожин, писавший, что «дружеская встреча фронтовиков (по поводу возвращения в строй из госпиталя, награждения орденом или кратковременным отпуском за образцовое выполнение задания и т.п.) нередко называлась *сабантуйчиком* или *сабантуй-ура*»³¹

О былом военном употреблении слова *сабантуй* в настоящее время помнит лишь «Словарь русского военного жаргона» В. П. Коровушкина, который на первое место ставит военное значение: «**сабантуй**, -я, м. 1. *устар.* Любые воен. действия (атака, бой, операция; отражение атаки; бомбежка, мин. и арт. обстрелы; танковая атака противника)», которое было актуально в сухопутных войсках в годы Великой Отечественной войны. От него произошёл современный общий сленгизм: «2. *разг. шутл.* Шумное веселье; попойка; выпивон». Что касается этнографического значения, то оно фигурирует в этимологической части: «(< тат. сабан-туй — завершающая часть праздника «сабан-байрама», когда пируют, веселятся, состязаются в нац. играх после яровой пахоты; < тат., тур. *saban* «плуг»))»³².

Но в условиях мирного времени экспрессивное военное употребление названия народного праздника *сабантуй* оказалось неактуальным и, выходя из употребления, породило целый ряд новых значений, часть которых оказалась эфемерными, и в языковом узусе они не закрепились. Таковым оказалось его экспрессивное применение к авральной, штурмовой работе на производстве, отмеченное в конце 50-х гг. писателем Л. Я. Боровым: «— “Сабантуй” — слово залётное, — писала недавно³³ “Литературная газета”. — Каким ветром его занесло в Донбасс, установить трудно. Известно одно: так у некоторых народов называется весенний праздник. У горняков это слово приобрело другое значение: сабантуй — день высокой добычи угля, достигнутой в результате штурмовщины. В Донбассе говорили: сабантуй начинается там, где кончается порядок.

Вероятно, это слово и в Донбассе, когда оно сюда впервые залетело, сохраняло свое праздничное, веселое значение. Привлекло самое звучание — необычное, но энергичное, резкое.

Затем, в *применении* слово испортилось. Уже все знали, как иногда нечисто оно применяется, как достигаются “сабантуи”. И само слово стало звучать несерьезно: — Я тебе такой сабантуй устрою...»³⁴.

Такова же оказалась и судьба более позднего бытового приме-

нения этого слова в русском языке Башкирии, не вышедшего за пределы областной речи, где оно получило значение ‘беспорядок в доме, погром’: «Господи, прям сабантуй какой-то в доме, что тут произошло?»³⁵.

Более удачна была судьба ещё одного экспрессивного значения, отмеченного у слова *сабантуй* в конце 50-х гг. языковедом О. Н. Трубачевым и писателем Л. Я. Боровым.

О. Н. Трубачев, переведивший в 1959–1961 гг. «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера, включил в квадратных скобках интересующее нас слово с этимологией в русский перевод: «[сабантуй, вульг., просторечн., “веселая пирушка, гульба, развлечение”. Происходит из тат. *сабан-туй*, собственно “пир в конце праздника весенней пахоты”; ср. *сабан*, рус., диал., “двухколесный плуг”. — Т.]» (Фасмер III, 541)³⁶.

Л. Я. Боровой сослался на такое новое употребление: «Недавно С. Орлов рассказал, как он со своим другом, украинским поэтом Платоном Воронько, путешествовал вокруг Европы. В Болгарии Воронько встретил своего фронтового друга, и все вместе решили устроить сабантуй — встречу друзей»³⁷.

В весьма популярном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *сабантуй* не было зафиксировано до 9-го издания, где оно появилось в 1972 г.: «сабантуй, я, м. (разг. шутол.). Шумное веселье, попойка. По поводу встречи устроили маленький с.» (с. 637). Исходное этнографическое значение было позже зафиксировано как первое этим же словарем в сбивчивой дефиниции:

«сабантуй, я, м. 1. Традиционный татарский и башкирский весенний праздник.

2. Шумное веселье (разг. шутол.)»³⁸ Сейчас праздник *сабантуй* в связи с переносом его на окончание весенних полевых работ фактически падает на начало лета, а реальным весенним традиционным праздником остается день Нового года по солнечному календарю, приходящийся на день весеннего равноденствия 21 марта, — *науруз*, *наурыз*, причем это слово в русских словарях пока отсутствует, хотя в текстах употребляется также применительно к Средней Азии. Как уже было показано, *сабантуй* — не только татарский и башкирский праздник.

Что касается *разговорно-шутовой* коннотации второго значения слова, то она возникает у него при сознательной неуместности его употребления в нейтральной по стилистической окрашенности речи.

Представляется не вполне оправданным устранение из дефи-

ниции важного семантического компонента ‘застолье, пирушка’.

Активное употребление слова в переносном значении попало в 7-е издание «Словаря иностранных слов» с историческим уточнением об изменчивости времени проведения праздника: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — народный праздник у татар и башкир, справлявшийся прежде перед началом сева, а теперь в честь окончания весенних полевых работ; *шумная пирушка, попойка»³⁹.

Приходится только жалеть, что в дальнейших переизданиях этого словаря сведения об исторических изменениях сроков праздника были устранены: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — народный праздник в честь окончания весенних полевых работ у татар и башкир; *шумное веселье, застолье»⁴⁰.

Исчезнувшие сведения хорошо объясняли противоречия в описаниях праздника у этнографов и лексикографов.

С некоторым запозданием *сабантуй* в терминологическом этнографическом значении и с разговорным оттенком (как в большом академическом словаре) для обозначения пирушек дается лишь во втором издании малого академического словаря, а военное экспрессивное употребление слова, пущенное в оборот А. Т. Твардовским, оказалось забытым, хотя именно оно как обозначение фигурального солдатского угощения сыграло решающую роль в вульгарно-просторечном развитии значения ‘пирушка’: «**сабантуй**, -я, м. Народный весенний праздник у татар и башкир, посвященный окончанию весенних полевых работ. || Разг. Веселая пирушка, праздник. — У Юрлова по случаю шестидесятилетия и получения звания был сабантуй. Пятьсот рублей ухнул. Лазутин, Родник пробивает камни. [от тат. сабан — плуг и туй — праздник]»⁴¹.

Впоследствии эти два оттенка, фактически между собой почти не связанные в семантическом отношении, превратились в самостоятельные значения, хотя, вероятно, точнее было бы считать их словами-омонимами, особенно при учёте того, что промежуточное значение, зафиксированное А. Т. Твардовским и литературой о Великой Отечественной войне, оказалось после большого академического «Словаря современного русского литературного языка» утерянным в академической лексикографии и её отражениях в авторских словарях: «**сабантуй**, -я; м. [от тат. сабан — плуг и туй — праздник]. 1. Народный весенний праздник у татар и башкир, посвященный окончанию весенних полевых работ.

2. Шумное веселье; пирушка, вечеринка. *Устроить с<абантуй> по случаю получения премии. В честь дня рождения организован с<абантуй>. <Сабантуйчик, -а; м. Уменьш.-ласк.>*⁴².

В загадочном «Новом словаре» Т. Ф. Ефремовой: «**сабантуй** м.

1. Народный весенний праздник по завершении весенних полевых работ (у татар, башкир и других тюркских народов). 2. *перен. разг.* Шумное застолье, пирушка»⁴³.

«**Сабантуй**. Так мы называем веселое застолье, пирушку, а в татарском языке, откуда позаимствовано это слово, *сабантуй* означает “праздник после окончания пахоты”»⁴⁴.

Вопреки категоричным высказываниям Н. Ю. Шведовой о нецелесообразности включения в краткие нормативные словари этимологических соображений, в последнее издание словаря С. И. Ожегова они включены в качестве загадочных «этимологических зон», которые мало что добавляют к толкованию, что особенно ярко проявилось в статье *сабантуй*, где происхождение слова достаточно четко обозначено первым значением и лишь дублируется неточной «зоной»⁴⁵:

«**сабантуй**, -я, м. 1. Традиционный татарский и башкирский весенний праздник. 2. *перен.* Шумное веселье (*разг. шутол.*). | ● Из тюрк.: ср. *сабан-туй* ‘пир в конце праздника весенней пахоты’ < *сабан* ‘плуг’ + *туй* ‘пир, праздник’»⁴⁶.

Попало это слово и в «Советский энциклопедический словарь» прямо из «Словаря иностранных слов» 1949 г.: «**сабантуй** (от тюрк. *сабан* — плуг и *туй* — праздник), праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ»⁴⁷.

Слово почему-то не включено в «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика⁴⁸.

Слово *сабантуй* не попало в академический «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов», именуемый «Новые слова и значения», хотя он посвящен словам, значениям и выражениям, которые появились или стали «активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50–60 годы XX в. или несколько раньше», как сказано в вводной статье «От издательства»⁴⁹.

Сводно-академический «Словарь русских народных говоров» отмечает слово *сабантуй* (1. Праздник, гулянье; 2. Вечеринка, пирушка) как преимущественно южносибирское слово с пометами *краснояр., кемер., новосиб., том., киров.* (СРНГ 36, 11). Но сведения этого словаря для истории слова *сабантуй* оказываются малополезными из-за отсутствия при них даты записи, причем

указание на употребление слова в Кировской области вызывает сомнение в достоверности.

Сабантуй как этнографический термин и в переносных употреблениях отмечен в украинских и белорусских словарях:

«**сабанту́й**, -я, ч. У башкирів і татар — народне свято з нагоди закінчення весняних польових робіт; || *перен., розм.* Жорстокий бій; артилерійська підготовка. — *Командир дивізіону усвідомив, яку задачу має виконати сьогодні наш артдивізіон? — Так, все зрозуміло, генеральний сабантуй, товаришу полковник.* (Ле і Лев. Півд. Захід, 1950, 410)» (Словн. укр. мови IX, 7).

«**сабанту́й**, -я, м. У татараў і башкіраў — народнае свята, звязанае з заканчэннем вясенніх палявых работ. || *перан. Разм.* Шумлівая пагулянка; калатня; бітва. *Во толькі звозіць яшчэ раз кампанію і учыніць суседзям невелічкі сабантуй, па-свойму, па-шафёрску.* Б. Стральцоў»⁵⁰.

Из русского просторечия слово *сабантуй* в терминологическом значении проникло в олёмминский говор якутского (сахского?) языка как обновление названия якутского (сашского?) традиционного весеннего праздника кумыса *ысыах*⁵¹ в начале лета с демонстрацией хозяйственных и культурных достижений сельских тружеников как выражение советской яви Якутии (Сахи). Здесь оно приобрело облик *samadu*⁵².

Упомянутое у П. М. Кудряшева название общественного пира *джиннь* как часть сабантуя младший его современник В. И. Даль включил в свой словарь и дал ему довольно подробное толкование как название самостоятельного праздника, отмечаемого в совсем другое время:

«**джиннь** м. каз. татарскій праздникъ передъ паровію пашней; это одинъ день въ году, когда женщины на гуляньѣ выказываютъ лицо; тутъ высматриваютъ невѣсть» (Даль² I, 434). Ср.: «*Паровая пашня, осенняя, т. е. подъ озимь*» (Даль² III, 20).

В «Татарско-русском словаре» (М., 1966, 771) слово *жыен* [=джыйын] подается как многозначное:

- 1) *уст*<арелое> мир, сход, сходка;
- 2) молодежное гулянье (летом на лоне природы);
- 3) *диал.* сабантуй.⁵³

шиллик

Слово *шиллик*, которое употреблено В. И. Далем при объяснении слова *сабантуй*, в корпусе Словаря В. И. Даля отсутствует, но его младший современник тюрколог В. В. Радлов (1837–1918) в

своём «Опыте словаря тюркских наречий» (т. IV, СПб., 1911, стб. 1041) фиксирует казанско-татарское:

«шы́лык [شېلىق (Каз.)] жертвоприношение во время весны — Opferbringung im Frühlinge; шы́лыкка дөрөйбиз мы совершаем жертвоприношение — wir führen das Frühlingsopfer aus.»

Современные татарские нормативные словари этого слова из говора кряшен не знают, но в работах современного же не очень строгого татарского языковеда Р. Г. Ахметьянова татар. *шы́лык*, включенное в лексику свадебных и семейных обрядов, определяется то как ‘торжественный выезд, заключающий свадьбу; весеннее сборище на поле’, то как ‘торжественный пир на открытом воздухе’⁵⁴ с привлечением сомнительного материала и с фантастическим сближением с неточно поданными материалами других народов.

Кряшено-татарское наименование весеннего жертвоприношения *шы́лык* обнаруживает близость по звучанию с чувашским названием свадебного обряда угощения гостей у невесты *шыльӑк*, которое фиксируется в чувашско-русских словарях XIX века в неустойчивой орфографии: «Шыликъ столъ, за который сажаются поѣзжане, приѣхавшіе за невьстою». В словаре Н. И. Золотницкого дефиниция сокращена: «Шы́лык столъ для поѣзжанъ», зато в разделе «Пропуски» в конце книги сделано едва ли правильное дополнение: «(джаг. *шайан* столъ для кушанья; монг. *шире* столъ, скамейка, став. передъ почетными лицами для чашки чаю или кушанья)», как бы переводящее метонимически название обряда в название мебели, правда связанной с обрядом⁵⁵.

Уже давно была замечена какая-то этимологическая связь между марийским (луг.) *шѣлык* (устар.) ‘престол, божница; (горн.) *шійлык* ‘свадебная обстановка (устанавливаемая обычно во дворе для свадебного пира)’ и чувашским *шыльӑк* ‘шылик’ (устроенное в середине двора застолье для совершения свадебного обряда), как они поданы в современных словарях, а также татарско-кряшенским *шы́лык* ‘жертвоприношение во время весны’, почему-то отсутствующим в современных татарских словарях.

М. Рясänen казанско-татарск. *şyjlyk* ‘весеннее жертвоприношение’ и чувашск. *şyl'ik* ‘стол для поезжан’ выводил из марийского *şelak* (устар.) ‘престол, божница’, *selek*, (Ramstedt) *şilak*⁵⁶, а также далее марийские формы — из рус. *сенник* ‘сеновал; чулан как брачный покой’, *сенница* ‘шатер, палатка; праздник *сенниц* праздник куш (у евреев)’ < *сени* (Räsänen 445), что выглядит семантически неправдоподобно.

Известный чувашский филолог В. Г. Егоров, не упоминая ни кряшенское *шыйлык*, ни марийские слова и неудачно пытаясь найти родственные слова внутри тюркских языков, неловко сослался на не имеющее сюда никакого отношения башкирское название скамьи *ширлек*, к чему его толкали слишком «предметная» трактовка уже устаревших слов в словарях и отодвигание на задний план процессуальных деталей значения:

«**шыльак**, **шилэк**, диал. **шырлак** уст. ‘свадебный стол посреди двора в доме невесты для угощения поезжан, приехавших с женихом’, башк. *ширлек* ‘скамья’; ст.-тур. *шылян* ‘царский пир’. В. А. Гордлевский пишет: “Когда огузы собирались в поход, султан устраивал для них традиционный пир — родовое военное торжество *шылян*, на котором резались бараны” (Государство сельджукидов Малой Азии, 1941, стр. 52)» (Егоров 340–341).

Здесь не имеет никакого отношения лишь отдаленно созвучное персидское слово: «**شیلان** (е) королевский столъ или угощеніе; обѣденный столъ»⁵⁷, которое В. А. Гордлевский даёт в колеблющейся транскрипции (*шылян* и *шѣлен*), ошибочно считая его старым огузским⁵⁸, а Р. Г. Ахметьянов приписывает этому иранизму *šilan* фантазмагорическое значение ‘торжественное сидение предводителей племен после победы’⁵⁹.

Следовательно, и у В. Г. Егорова чувашское слово фактически не получило этимологического объяснения. В связи с этим лишено какого бы то ни было смысла дальнейшее привлечение сюда следующего материала: «В некоторых диалектах азербайджанского языка встречается форма *шүлән* — церемониальный процесс угощения. Совр. тур. *şölen* ‘пир’, уйгур. *шилвэ* ‘каша’, *шойла* ‘рисовая каша с луком и морковью’»⁶⁰.

Чувашский этнограф П. В. Денисов считал, что чуваш. *шыльак* ‘обряд принятия мужского свадебного поезда в доме невесты; специальная постройка амфитеатром’ происходит от древнего булгарского названия барашка *шилек, связанного с общетюркским *шишек* (татар., башкир. *шишэк*) ‘молодая овца; овца на втором году (когда она первый раз меняет зубы)’⁶¹.

Этимологические соображения П. В. Денисова некритически приняты в книге Ф. С. Баязитовой о диалекте татар-кряшен без аргументации⁶², хотя созвучие не подкреплено семантически: неясна связь названий барашка и части свадебного обряда.

Лишены какого-либо основания сопоставления кряшенского *шыйлык* ‘весеннее жертвоприношение’ с монгольскими и тюркскими названиями войлоков и текиметов типа сомнительного

шыр или монг. *ширдэг* ‘стеганный тюфяк’, на чем настаивает при неаккуратном приведении материала Р. Г. Ахметьянов, который также слишком смело привлекает⁶³ сюда параллельно, не отдавая предпочтения ни одному сопоставлению, казах. *шүлән* ‘человек, дающий пир для всех; мот; всеобщий пир на поле’⁶⁴, хотя толковый словарь казахского языка дает несколько другое значение: «*шүлен зат. Қолындағы барын елге таратын беретін мырза, жомарт кісі*»⁶⁵, то есть ‘щедрый человек, раздающий свое имущество народу’.

Сопоставление это наталкивается на фонетическую трудность, поскольку казахская фонема *ш-* восходит к более древнему *ч-*, а татарскому *ш-* в казахском языке регулярно соответствует *с-*. Скорее всего казахское *шүлен* (и сомнительное *шүлән*) представляет собой искажение узбекского иранизма: «*шулон рел. даровое кушанье, даровая пища (раздаваемая в мечети беднякам)*»⁶⁶ — или киргизского: «*шилен 1. вид угощения в складчину <..> 2. ист<ор>. угощение (кумыс и мясо), которое в обязательном порядке давалось баями на джайло <..> 3. перен. вклад в общее дело <..> = шилээн*»; «*шилеми южн. (ср. шилээн) пища, угощение*»⁶⁷, — которые, вероятно, связаны с персидским словом. Его как старое огузское популяризировал В. А. Гордлевский, на самом деле это иранизм, зафиксированный и выделенный литерой *п* «персидское слово» в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова (т. I, 681): «п. *شیلان* столъ, поднось, скатерть съ кушаньемъ; кушанье», которое в современном персидском языке считается устарелым.

Фонетически и семантически ущербно сопоставление чувашского название свадебного обряда *шьльӑк* с названиями полки *çӱлӑк*, *çӱлӑх* в чувашском же языке и *шӱрлек* в татарском и башкирском, а также с башкирским *ширлек* ‘скамья’, выдвинутое М. Р. Федотовым⁶⁸.

Обзор этимологических соображений о рассматриваемых средневожских словах, относящихся к обрядовой лексике, показывает, что существующие случайные этимологии неудовлетворительны.

Чувашские *шьльӑк*, *шьлӑк* и марийские *шелык*, *шылык* выглядят как производные слова и этимологическому анализу не поддаются, хотя их общее происхождение не вызывает сомнения, как и связь с кряшенским *шыйлык*, где четко выделяется *-лык* при загадочном корне *шый-*. Вероятно, такова же была когда-то и структура чувашского *шьльӑк*, затемнённая фонетическими

процессами на чувашской почве.

Корень *шый-* за пределами поволжских языков (кряш.-татар. и чуваш.) ни в самостоятельном виде, ни в составе производных на тюркской почве нигде не представлен, но обнаруживается фонетически и семантически близкий, весьма активный (в том числе и в словообразовательном плане) и довольно широко распространённый корень *сий*, употребительный и самостоятельно. Краткий обзор распространения этого слова в тюркских языках в связи с судьбой сочетания *-ый-* (*-uj-*) на тюркской почве сделал М. Ряснен:

«балк., карач., кумык. *suĵ* “честь, любовь”, кирг. “подарок, почитание, уважение”; тат. *sâj* (> чув. *sâj* “пир, угощение”), кумык., казах., тат., алт., тел., лебед., шор., саг., кайб., кач. *si:*, ~ монг. *suĵ*, *süj* “выкуп за невесту, калым”»⁶⁹

Эта лапидарная запись судьбы сочетания гласного *ы* (=лат. *y*) с согласным *ĵ* в тюркских языках содержит важное указание на то, что чувашское *sâj* (орфогр. *сăй*) является заимствованием из татарского *sâj* (орфогр. *сы*); но это было замечено лишь Л. С. Левитской: «Чув. *сăй*, *сий* (→ мар. *сий*), судя по их фонетической структуре (сохранению начального *с* перед *ă* < *ы*), — татарское заимствование, на что уже обратил внимание М. Рэсэнэн <..>» (ЭСТЯ Л-С, 395).

В соответствии с этими соображениями М. Ряснена и Л. С. Левитской, чувашский язык должен был иметь это слово в форме *шăй* (< *шый*), но оно было вытеснено татарским *сий* (> чув. *сăй*, *си*, *сий* ‘угощение’), однако древний булгаро-чувашский облик этого корня сохранился в составе производного *шыйлык > чуваш. *шылăк*, но в специфическом значении. В свою очередь чувашско-булгарское слово *шыйлык было заимствовано кряшанами как наименование весеннего жертвоприношения *шыйлык*.

Чувашское *шылăк* носит вторичный характер сравнительно с кряшенским *шыйлык*, поскольку в чувашском слове согласный *ĵ* слился с согласным *л*, смягчив его и продлив предшествующий гласный *ă* в *ы*⁷⁰: к кряшанам чувашское слово проникло ещё до преобразования сочетания *йл* в *л^бл^б* (далее в *л^б*) на чувашской почве, сохранив древнечувашскую форму в кряшенском языке.

Чувашская форма *шилăк* с переднерядным вокализмом возникла в результате воздействия на него палатализованного согласного *-ль-* (*l'*), который перевел огласовку в передний ряд.

В русской форме *шиллик*, зафиксированной в Словаре В. И. Даля, отражена геминация, возникшая из ассимиляции со-

четания -йл- в палатализованный л^бл^б, что в сходных случаях отмечается не только в чувашском языке (где, однако, геминация не сохранилась), но и в татарских говорах (например, у нижегородских мишарей)⁷¹.

Надо сказать, в ряде тюркских языков наряду с корневым словом *сый* употребляются его ампликативные формы с суффиксом -лык, имеющие близкое или почти тождественное значение с исходным словом типа кирг. *сый* 'подарок, награда, премия; уважение, почтение, почёт, почести', *сыйлык* 'дар, награда; премия' (аналогично казах., каракалп., ногай.).

Несколько загадочными представляются омонимы и паронимы, зафиксированные только в словарях В. Г. Егорова: «**шырляк** I место, специально приготовленное посреди двора для угощения свадебных гостей.

шырляк II орех

шырлях I несчастье, зло, ущерб.»⁷²

Эта загадочная форма *шырляк* может быть объяснена как результат диссимиляции сочетания л^бл^б в промежуточной форме **шыл^бл^бяк*, которая отражена в русской форме *шиллик* в Словаре В. И. Даля. Но, к сожалению, аналогии такой диссимиляции нам пока неизвестны.

Обмен чувашского и татарского языков словами *сый* и *сай*, *сий*, *си* (татар. > чуваш.), а также *шыльяк* (чуваш. > татар.) затруднил их этимологическое объяснение. Эти слова из тюркских языков попали к марийцам и к русским (*шиллик*).

дулолом

Исследователи русской лексики неоднократно обращались к истории слова *самодур* в русских текстах XIX в.⁷³

Однако внешне близкое и похожее по словообразовательной структуре, а также по семантическому содержанию, но менее популярное экспрессивно окрашенное, тоже сложное слово *дулолом* вниманием исследователей было обделено. Не повезло этому слову и в русской академической и иной лексикографии, где оно было зафиксировано лишь в самом конце XX века.

Слова *дулолом* нет среди 145 тыс. слов двухтомного гнездо-словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова, который опирался на компиляцию академической лексикографии, хотя среди источников этого словаря значится и словарь В. И. Даля, где это слово есть.

«Сводный словарь современной русской лексики» (т. I-II. М.,

1991), суммировавший около 170 тыс. слов из академических словарей, не зафиксировал существительного *дуролом*, как и более новый, но построенный на тех же принципах компиляции академических словарей однотомный «Большой толковый словарь русского языка» (СПб., 1998. 1536 с.) с его около 130 тыс. слов.

Особого рассмотрения требует орфографическая форма *дурылом* с гласным *ы* во втором слоге, встречающаяся в литературных произведениях первой трети XIX века в качестве говорящей фамилии-прозвища.

Поэт рубежа XVIII–XIX вв. И. М. Долгоруков (Долгорукий) (1764–1823), прослуживший в 1802–1812 гг. владимирским губернатором, на основании своих владимирских впечатлений написал стихотворную комедию “Дурылом, или Выбор в старшины” (1816), где прототипом был некий Дуров⁷⁴.

Заглавный герой — зажиточный дворянин *надменный Дурылом* (с. 273) поступает *безрассудно* (с. 264), он *упрям и своеволен* (с. 270), чем оправдывает свою говорящую фамилию-прозвище⁷⁵.

Дурылом встречается в “критическом романе” автора для малообразованных и простонародных читателей Александра Анфимовича Орлова (1790–1840) “Дунячка, московская междуумочка, или узенький корсетец” (М., 1831) как фамилия купца *Сысой Сысойч Дурылом*:

Дурыломъ! ты Дурыломъ,
зачемъ пришелъ ты въ этотъ домъ?

Далее употребление слова известно с 60-х годов XIX века как слова первоначально чуждого литературному употреблению, и поэтому в первых фиксациях оно выделяется курсивом как слово, характерное для низовых слоёв купечества, откуда, по мнению исследователей, пришло и слово *самодур*:

«Словомъ всякій мужикъ лишь только отшатнется отъ крестьянства, лишь только увидить, что нѣтъ *мірскаго суда*, что дѣло, которому онъ служить, не *мірское дѣло*, а дѣло *общества*, уже готовъ обмануть. Здѣсь-то возникаютъ и образуются: иныя личности нашего *купечества*, наши “*ваши степенства*”, наши *дуроломы*, наши аршинники, наши и пр. и пр.»⁷⁶

Далее слово *дуролом* вводится как характерное для речи персонажей или в стилизованную речь рассказчика как экспрессивное наименование лиц, которые действуют недостаточно обдуманно и зачастую опрометчиво:

« — Вотъ-де все говорили, что мужикъ глупъ, мужикъ дуракъ,

одно слово — дуруломъ, а все это одна несправедливость отъ васъ, господа, была, заявилъ одинъ изъ “средняковъ”, обращая послѣднія слова ко мнѣ.»⁷⁷

«Экой дурулом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельныхъ три версты ближе.»⁷⁸

«А красиль ящики не какой-нибудь дуруломъ, какой не знаетъ и грунтовки, — красиль ящики рядовой Муравей, своего дѣла мастеръ извѣстный.»⁷⁹

В романе «Цусима» (1932–1935) А. С. Новиков-Прибой вкладывает бранное употребление этого слова в речь матросов, говорящих о сумасбродном адмирале З. П. Рожественском: «— Куда поплѣр тупоголовый дьявол? На погибель ведет нас, дурулом. Что дельного ждать от такого человека?»⁸⁰

Аналогично оно вставляется в речь персонажа в романе «Лето господне» (1927–1944) И. С. Шмелева как добродушная укоризна взрослого по отношению к ребѣнку: «— Да постой, голова ежова... — не пускает Горкин, — побьешь, дурулом, яблочки...»⁸¹

Ср. далее: «Да не дергайся ты, дурулом этакий, лежи спокойно.»⁸²

В мемуарной литературе есть интересные сведения о том, что это ярко эмоционально окрашенное укоризненное слово было в числе любимых у своеобразного мыслителя и публициста рубежа XIX–XX вв. Василия Васильевича Розанова (1856–1919):

«У Василия Васильевича было любимое гневное слово — *дурулом*. Напр[имер], критики-семинаристы были для него — дуруломы. Некто, рассуждающий “о политической экономии как о поэзии и о поэзии как о политической экономии” (выражение Пушкина), — это был для него дурулом.

Произносил он это слово гневно, выпукло, сочно и так убедительно, точно прикреплял к тому, о ком оно было, завершительный и липко-невозвратный “аминь”. Это было *его* слово. Оно все было окрашено *им*, и его как-то, в свою очередь, окрашивало. Я часто вспоминаю это слово. Оно многое объясняет. Думаешь думаешь, иногда, так и этак судишь, теорию строишь, объясняешь себе, ищешь, создаешь объяснения... а все просто: просто дурулом действует. Дурулом говорит. Дурулом сочиняет.»⁸³

«Служил архиепископ Никон (тот, что писался с *i*: издавал “Троицкие листки”, написал Житие преп. Сергия и воевал на Афоне с имяславцами). Он был невысокого роста, рыжий, невзрачный, подслеповатый с незвучным, щелястым голосом. Старик.

— Я его не любил, — говорил Вас. Вас. — Синод. Прямолиней-

ный правовер. Дуролом.

И вдруг оказалось — в этот именнинный <для В. В. Розанова — И.Д.> день — этот “дуролом” служил с такою строгою сосредоточенностью, с такою чистою и прямою погруженностью в таинство своей веры, что Вас. Вас. в толпе народа не сводил с него глаз и не заметил, как простоял долгую архиерейскую службу с длинным новогодним молебном...

– Я шел и думал: вот он сделал свое дело. Он старик, и он всю жизнь твердо стоял на том, что считал истиной. Твёрдо. прямо, упорно. Ему не в чем упрекнуть себя перед своей родиной и верой. <..>

Мы все были потрясены рассказом. Ведь это был его “враг” — они говорили один о другом: “дуролом” — “ересиарх.”⁸⁴

С. Н. Дурылин приводит и ещё один контекст употребления слова *дуролом* в воспоминаниях 3 июля 1930 года о реакции В. В. Розанова на контраст между звёздной крещенской ночью и всенощной службой в душной приходской церкви в 1918 году:

«– Какая ночь! Звезды! Какие звезды! Халдеи, египтяне, арабы молились бы им, подняв к небу лицо, а *они* (с ненавистью он писал тогда свои злые последние книжечки-выпуски, прерывался голос от вражды)... а они преют в тесноте, в духоте, под сводами, потеют, свечи коптят, жарюща, дышать нечем, капает ярим воском сверху, ревут, как коровы, дымят угарными кадилами, глушат звоном... (задохся, протирает глаза неслушающимися, корявыми от мороза руками)... дуроломы!»⁸⁵

Попало слово *дуролом* только во второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка» (Т. I. СПб. — М., 1880) В. И. Даля на основании 15-го прибавления к первому изданию (1861–1867): «*Дуроломъ*, кто ломится куда напрямикъ, силою, сдуру, безъ оглядки», — причём территориальная привязка отсутствовала. Не появилось её и в словаре: «*Дуроломъ*, кто ломится, лезеть куда напрямикъ, силою, сдуру, безоглядки. *пройти, взять дуроломомъ. На службѣ дуролому нѣтъ мѣста*» (Даль² I, 302).

Академическая лексикография в лице большого академического «Словаря современного русского литературного языка», как обычно, зафиксировала интересующее нас слово с большим опозданием — только в последнее десятилетие XX века с весьма неточным значением и столь же неточным указанием, что оно попало в словарь только в 1903 году — в третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ:

«**дуролом**, а, м. Прост. Бранно. Глупый, тупой человек. — Дураки-то у нас и прежде бывали. Поставит, бывало, барин дуrolома в бурмистры, ну, он и воюет. Златовр. Дерев. будни. — Экой дуrolом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельных три версты ближе. — Чех. На подводе. — Ну, иди, черт этакий; ишь, развалился тут, дуrolом! — грубо схватила она Леонтия за рукав. Милицына. На Голубинке.⁸⁶ — Даль (3 изд.): дуrolо м.» (ССРЛЯ² IV, 1993, 521).

Роковую роль в появлении ошибочной дефиниции сыграла контекстуальная близость слов *дураки* и *дуrolом* в «Деревенских буднях» Н. Н. Златовратского:

«Дураку-то, пожалуй, дай въ руки палку — онъ всѣмъ головы посшибаеъ! Дураки-то у насъ и прежде бывали. Поставить, бывало, баринъ дуrolома въ бурмистры, ну, онъ и воюеъ въ мервую голову! Такъ и Парёшка. Нацапаль земли, нахапаль, и давай всѣхъ опаивать! И вертить! Развѣ это такъ? Дуrolомъ онъ былъ — дуrolомъ и есть! Эдакъ-то всякій, пожалуй... Не велика заслуга... А ты честно, благородно хозяйствуй, въ правилахъ... Вотъ заслуга!»⁸⁷

На дефиницию слова *дуrolом* в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» повлияло соседство этого слова со словом *дураки* в одном контексте, а также лукавое сокращение трудного для словарников фразеологизма *в мертвую голову* без обозначения лакуны, за появлением которой скрывается боязнь нового материала с неясной семантикой. За неизвестным нашей лексикографии выражением *в мертвую голову* можно предполагать значение 'безумно', что накладывается на семантику слова *дуrolом*.

Неточное толкование было из академического словаря с точностью воспроизведено в загадочном толково-словообразовательном (?) словаре Т. Ф. Ефремовой:

«**дуrolо́м** м. разг.-сниж. 1. Глупый, тупой человек»⁸⁸.

Как видим, применительно к просторечному укоризненному слову, только названному по-новому *разговорно-сниженным*, словарь довольствуется чужим (старым!) толкованием, а от объяснения словообразовательной стороны слова уклоняется совершенно, вероятно, по неимению прецедентов.

В. И. Даль не привязывал существительное *дуrolом* к какой-либо территории распространения русского языка, считая его общенародным. Но этого слова нет и в сводно-академическом «Словаре русских народных говоров», хотя в нем помещены два

производных, свидетельствующих о том, что в говорах существует и производящее *дуролом*:

«**дуроло́мина**, ы, м. и ж. Глупый, грубый человек; дурак. *Хоть и студент, а какая-то дуроломина*. Покр. Влад., 1910.»

«**дуроло́мом**, нареч. Напролом, силой, без оглядки, сдуру. *Пойти, взять дуроломом*. Даль [без указания места]» (СРНГ 8, 272).

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (М., <1969>, 157) есть только прилагательное *дуроло́мный* 'взбалмошный, неуравновешенный'.

Но в некоторых диалектных словарях название *дуролом* имеется с едва ли правильным толкованием:

«**дуроло́м**. О взрослом глупом человеке. *Куда мог подеваться такой дуролом*» (Яросл. словарь 4, 27⁸⁹).

В «Большом толковом словаре донского казачества» (М., 2003, 144) *неодобр*-ительное, по определению лексикографов, слово *дуролом* 'плохой, скверный человек; озорник' отмечено рядом с производными *дуроломить*, *дуроломничать* 'дурачиться, баловаться; безобразничать'. «Донск. словарь» (т. 1. 1975, 143) сохранил только глаголы.

Под влиянием созвучия со словом *бурелом* (паронимическая аттракция, народная этимология) у названия *дуролом* в некоторых говорах возникло новое значение: «**дуроло́м**. Бурелом <..> *Дуролону много возле реки <..>*» (Сл. Сред. Урала. Доп. 145).

Другой результат контаминации паронимов *бурелом* и *дуролом* был зафиксирован в курских говорах: «**буроло́мь**, а, с. м. Буянь. *Да угомонишься ли ты, буроломь этакой*. Кур. Рыл. Судж.» (Опыт 17).

Однако В. И. Даль проявил недоверие к этому слову как частный случай критики «Опыта областного великорусского словаря» и не поместил сомнительное для него слово в свой словарь; проигнорировал это слово и дополнявший словарь В. И. Даля для его 3-го и 4-го изданий И. А. Бодуэн де Куртенэ, зато включивший в него [в скобках] своеобразное тверское слово *быролом* из «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858 г.), также проигнорированное В. И. Далем: «**буреломь**, —**никь**, **буреваль** м. жестокий вѣтеръ, буря. || **буреломь** [**быроломь** *твр.* Опд.] Лѣсь, поломанный и сваленный бурей, вѣтроломь и вѣтроваль; *ломь* означ. изломанныя деревья; *валь* — вывороченныя.» (Даль³ 1, 345).

Составители сводно-академического диалектного словаря, на-

оборот, проигнорировали материал: «**быроломъ**, а, с. м. Буреломъ, лѣсъ, выломанный бурею. Твер. Ржев.» из «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858, 16), а зато к толкованию курского слова *буролом* зачем-то добавили едва ли уместное 'дебошир' и из одного слова путем изменения орфографии сделали два, глухо сославшись почему-то прямо на источник «Дополнения» — рукописные материалы А. Дмитриюкова «Областные или местные слова, употребляемые Курской губернии в городах Рыльске и Судже» (1849 г.), хранящиеся под № 96 в фонде 216 [опись 4 (материалы для словаря)] архива РАН в Петербурге: (СРНГ 1, 114):

«**бурелом**, а, м. 1. Самый большой медведь. Бельск. Смол., 1914. 2. Дебошир, буян. *Да угомонишься ли ты, бурелом эдакой!* Рыльск., Судж. Курск., 1849. ~ **Одолеть буреломом**. Одолеть только с помощью физической силы. Охан. Перм., 1930.»

«**буролом**, а, м. 1. Бурелом. Олон., 1885–1889. Мещов. Калуж. 2. Дебошир, буян. *Да угомонишься ли ты, буролом этакой!* Рыльск., Судж. Курск., 1849. *Этот буролом все поколотил, всех обругал.* Курск., Орл., Калуж. || **Настойчивый, упрямый человек.** Медын. Калуж., 1849. || “Дюжий, грубый человек”. Орл., Карякин, 1850.» (СРНГ 3, 285, 297).

Отношение между первичной личной семантикой слова *дуrolom* и его же вторичной топографической семантикой из-за необычности возникновения последней оказалось для диалектных лексикографов неясным, поэтому в «Словаре вологодских говоров» топографическое значение оказалось на первом месте, а обозначение лица рассматривалось в этом словаре как переносное, с чем едва ли можно согласиться:

«**дуrolom**, а, м. 1. *Непроходимое место в лесу, бурелом.* Дуrolомом-то не ходи: там слéва-то тропинка есь, там и лёсу немного, так и иди <..> 2. Перен. *То же, что дулбан* <= глупый человек, дурак>. А у Пáшки вид подходящий, и рост есть. Главное — не дуrolом, горячки зря не по́рет <..>» (Вологодский словарь 2, 65)⁹⁰.

Надо обратить внимание на то, что как в процитированном большом академическом «Словаре современного русского литературного языка», так и в диалектных словарях в дефинициях отражена вовсе не реальная семантика слова *дуrolом*, а лишь этимолого-словообразовательная рефлексия лексикографов по поводу морфологического состава слова с опорой на его первый компонент.

К пониманию истинного значения нового для академической лексикографии укоризненного слова *дуолом* последняя стала постепенно приближаться только в начале XXI века, когда ошибочная схема «Словаря вологодских говоров» была принята при доработке и подготовке третьего издания «Большого академического словаря русского языка» (Т. 5. М. — СПб., 2006, 438), где на первом месте оказывается *областное топографическое значение*, а на втором *просторечное неодобрительное обозначение неосмотрительного человека*, в дефиницию которого сделана попытка внести некоторые робкие уточнения, не меняющие сути ошибочного определения:

«**дуроло́м**, а, м. 1. Обл. Поваленные ветром, а не срубленные деревья. *Сплошное болото было вокруг ... кое-где торчали трухлявые, сырые насквозь пни, лежали изъеденные лишайником, поваленные ветром стволы — дуолом.* Рекемчук, Все впереди⁹¹. 2. Прост. Неодобр. Глупый, ограниченный человек, действующий напролом, не считаясь с обстоятельствами. — *Дураки-то у нас и прежде бывали. Поставит, бывало, барин дуолома в бурмистры, ну, он и воюет.* Златовр. Дерев. будни. — *Экой, дуолом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельных три версты ближе.* — Чех. На подводе. < Бранно. — *Добаловались, байбаки, дуоломы чертовы! Сострадательно кричала она.* Зверев. Очкарик. — *Ну, иди, черт этакий; ишь, развалился тут, дуолом!* — *грубо схватила она Леонтия за рукав.* Милицына. На Голубинке. — Даль (3 изд.): дуоло́м».

Остается неясным, на каких основаниях иллюстративные цитаты при просторечном слове *дуолом*, имевшие общую помету *Бранно* во втором издании большого академического «Словаря современного русского литературного языка» (1993), через десять лет в том же «Большом академическом словаре русского языка» (2003) были разделены на *неодобр[ительные]* и *бранн[ые]*.

Не соответствует реальности указание двух неоконченных изданий большого академического «Словаря современного русского литературного языка» в справочной их части о том, что слово *дуолом* якобы впервые зафиксировано в 3-ем издании словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ в начале XX века (1903), хотя оно попало уже во второе издание Далева словаря (1880) почти на четверть века раньше. Приходится только сожалеть, что академические лексикографы не воспользовались точной и взвешенной дефиницией важного для нас слова в словаре В. И. Даля и не внесли её, как это сделано в словаре В. В. Хи-

мика, в большой академический словарь современного русского литературного языка, остановившись только, как было указано, на полпути к правильной дефиниции:

«**дуролѳм**, -а, м. Презр. Разг.-сниж. О том, кто совершает опрометчивые поступки, делает грубые ошибки, решая сложные проблемы. *Выслушав ученого и слегка подумав, американцы изо всех сил ударили себя кулаками в лбы и вскричали: “Экая проруха вышла! Извиняйте, будьте добреньки, мы этой тонкости не учли ...”* *Может, они и в самом деле не из подлости так придумали, а в спешке и сгоряча недоработали, дуроломы они известные.* В. Краковский. Один над нами рок <// Октябрь, 1989, № 8>»⁹².

Можно думать, что не последнюю роль в достижении этой правильной дефиниции сыграла удачная цитата из современного текста.

Стоит подчеркнуть тонкую, но существенную разницу между сближенными в начале статьи оценочно-эмоциональными словами *самодур* и *дуролом*, объединенными общим компонентом *-дур-* в постпозитивном и препозитивном употреблении: *самодур* действует, не считаясь с окружающими его людьми, а *дуролом* — с обстановкой и не думая о последствиях своих действий.

В практическом справочнике «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (14-е изд. М., 2006. 115) в гнезде синонимов «Дурак» наряду с *дуролом*, *дурошлѳп*, а также *дуболом*, *дуботол(к)*, *дуботряс*, находится и *туполом*, что в свете всего вышесказанного представляется не вполне обоснованным и требует дополнительного рассмотрения, как и словообразовательные ряды, соотносительные как с первым. так и со вторым компонентом слова *дуролом*.

подпоручик (поручик) Кижѳ

Историко-этимологические исследования должны строиться на достаточно надёжной источниковедческой базе, чтобы выводы при анализе материала не носили случайного характера. Привлекаемый для анализа материал изменяется во времени и пространстве, поэтому важно учесть эти хронологические и территориальные варьирования и установить первичный облик и содержание исследуемых фактов и показать историю этого материала.

В несколько расплывчатой формулировке Н. Ю. Шведова — многолетний редактор однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — указывала на необходимость включения в словарь фразеологического сращения (идиомы) *поручик Кижѳ*, не

приводя конкретных примеров употребления:

«Из чисто содержательных ситуаций, из “контекстов обстановки”, которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, складывается описание таких слов, как *золушка* ‘о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают’ или уже имеющее право на место в словарях сочетание *поручик Кижже* ‘выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую’»⁹³.

Но в редактируемый Н. Ю. Шведовой «Словарь русского языка» С. И. Ожегова «имеющее право на место в словарях» сочетание *поручик Кижже* так и не попало, хотя вместо него с некоторым опозданием была помещена этимологическая справка (зона — по позднейшей терминологии) о похожем сочетании:

«**подпоручик Кижже** (книжн.) — о несуществующей личности, <ото>рая считается реальной [по имени героя одноименной повести Ю. Тынянова].»⁹⁴.

Такая неполная (!) этимологическая справка стала возможна лишь после того, как Н. Ю. Шведова безосновательно и незаметно отказалась от тезиса о чуждости этимологии и собственных имён для кратких нормативных словарей, о чем она неоднократно категорически говорила в письмах читателям:

«В ряде случаев Вы предлагаете дать сведения о происхождении слова (*коснеть, окаянный, поздравить, суд да дело*), включить имена собственные (*Легас*) или внести в толкование слова те или иные сведения энциклопедического характера (*светляк*); однотомник не может ставить перед собой такие задачи» (12.01.1981 г.); «Краткий толковый словарь современного русского языка не занимается этимологией и не может исходить из этимологии слов в отражении их современного употребления» (02.12.1984)⁹⁵.

Когда в 2007 году вышло последнее издание словаря С. И. Ожегова с нарушением этих правильных установок и названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов», но уже без имени С. И. Ожегова на титуле и в выходных данных, то «этимологическая зона» при сочетании *подпоручик Кижже* не понадобилась: она уже была в этом словаре с 1989 года и сохранена в 2007 году, несмотря на её явную недостаточность.

Ещё более лаконично неполная этимология выражения *подпоручик Кижже* подана в первом издании «Словаря современных цитат» (М., 1997, 365) К. В. Душенко среди цитат, восходящих к Юрию Николаевичу Тынянову (1894–1943): «**Подпоручик Кижже**

(книжн.) — загл<авие> рассказа (1929)».

Во втором издании этой же книги (2002, 423) сделано важное разъяснение: «В “Рассказах В. И. Даля о временах Павла I” (“Русская старина” 1870, т. 2) фигурирует “подпоручик Кижь”».

Действительно в пересказе В. И. Даля (1801–1872) воспоминаний своего отца Ивана Матвеевича Даля (1761–1821) о службе при дворе Цесаревича и об этом времени есть следующий анекдот:

«Въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конецъ прошлаго вѣка — писарь расчеркнулся, такъ, что когда писалъ: “прапорщики жь такіе-то въ подпоручики”, то перенесъ на другую строку небывалое слово “Кижь”, начавъ его еще съ прописной, размашистой буквы. Пробѣгая наскоро приказъ этотъ, императоръ принявъ слово это, съ прописною буквою, за коимъ следовали прозванія, также за прозваніе одного изъ производимыхъ, и написалъ тутъ же: “подпоручикъ Кижь въ поручики”. На другой день, подпоручикъ Кижь произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны, а на третій, подписывая приказъ, государь написалъ противъ него: “въ капитаны”. И это сдѣлано. Никто не успѣлъ оглянуться, ни опомниться, какъ Кижь произведенъ былъ въ полковники, съ отмѣткой: “вызвать сейчасъ ко мнѣ”. Тогда только бросились по приказамъ, гдѣ этотъ Кижь? онъ оказался въ какомъ-то Азовскомъ или Апшеронскомъ полку, гдѣ-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакалъ за нимъ. Можно вообразить изумленіе полкового командира, до которого еще не успѣлъ дойти обычнымъ порядкомъ первый приказъ, о производствѣ прапорщика Кижя, какъ привезенъ былъ уже съ фельдъегеремъ последний, о производствѣ его въ полковники, и когда, сверхъ сего, полковой командиръ не могъ понять, о чемъ и о комъ идетъ речь, потому что въ полку его никогда никакого Кижя не было. “Есть же на свѣтѣ Чижь, подумалъ полковникъ, почему бы не быть и Кижю, но только не въ этомъ полку”, Фельдъегерь подавно ничего не могъ тутъ объяснить и поскакалъ, едва перекусивъ, обратно.

Донесеніе полковника, что въ полку его Кижя нѣтъ и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцеляріи ихъ. Бросились слѣдить по приказамъ, и наконецъ, бѣдственный первый приказъ, о производствѣ Кижя въ подпоручики, разъяснилъ дѣло. Между темъ, государь уже спрашивалъ, не прибылъ ли полковникъ Кижь — вѣроятно желая съ нетерпѣніемъ поздравить его генераломъ. Решились доложить государю, что Кижь умеръ.

— “Жаль, сказалъ императоръ — былъ хорошій офицеръ” ....»⁹⁶.

Ю. Н. Тынянов на основании этого материала написал рассказ «Подпоручик Киж», изменив фамилию Киж на Киж и усилив фантазмагоричность анекдота, пересказанного В. И. Далем со слов отца.

В более цельном виде с упоминанием не только Ю. Н. Тынянова, но и В. И. Даля с отцом этимологические сведения о сочетании *подпоручик Киж* даются во многих словарях⁹⁷.

Уже в первом словаре крылатых слов, где даны сведения о сочетании *подпоручик Киж*, появляются сведения о варьировании этого выражения и наличии у него более короткого варианта *поручик Киж*, что можно видеть во второй иллюстративной цитате из двух:

«Как-то ... Степанову довелось услышать о себе жестокие, насмешливые слова: — Степанов? Это же ошибка профессора Орочева. Нечто вроде тыняновского подпоручика Киж (Г. Гор, Ошибка профессора Орочева, 23).»

«А Овсяннико-Куликовский — это просто миф, легенда, так сказать музыкальный поручик Киж (Я. Полищук, Гений или злодей? — «Лит. газ.», 6 января 1959 г.).⁹⁸»

Это варьирование, которое привело к агрессии “короткой формы” *поручик Киж*, обратило на себя внимание лингвистов⁹⁹.

Широкое распространение короткого варианта *поручик Киж* привело к тому, что он стал восприниматься как основной вопреки изложенным в этом разыскании фактам.

Е. С. Отин даже назвал выражение *поручик Киж* «литературным антропонимом (вид поэтонима) с “прямым” значением» и выразил сомнение в реальности выражения *подпоручик Киж* в рассказе В. Т. Шаламова:

«**поручик Кижé** <..> Мнимый персонаж одноименного рассказа Ю. Тынянова, имя которого <персонажа!> возникло в результате описки: *поручики же* > *поручик Киж* (“слово-призрак”). Анекдот, превратившийся в мистический символ. ... Живая реальность, ибо с подпоручиком (*sic!*) Кижэ общались люди как с живым человеком — все, что так хорошо рассказал нам Юрий Тынянов, долгое время не принималось мной как запись были (Шаламов В. Берды Онже).»

Далее из этого “литературного поэтонима”, по мнению Е. С. Отина, получился “узуальный интралингвальный коннотативный литературный антропоним с широким кругом применения (УКЛА₂)”:

«Что-то нереальное, но влияющее на ход событий. *Стоит, может быть, в связи с этим напомнить, что нынешний долг Советского Союза Чехословакии составляет более 4 миллиардов переводных рублей, этих “поручиков Кижэ” финансовой системы СЭВ (“Известия”, 1990 г., 4 сент.)*»¹⁰⁰

Из контаминации фраз, характеризующих у Ю. Н. Тынянова призрачного *прапорщика-подпоручика-поручика-полковника* (и даже *генерала Кижэ*): «*Описка стала подпоручиком без лица, но с фамилией*» (с. 9); «*Арестант секретный и фигуры не имеет*» (с. 12)¹⁰¹ — родилось крылатое выражение: *фигура, лица не имеющая*, которым характеризуется выражение *подпоручик Кижэ*, конкретное значение которого («Наименование лица или явл<ение>, внесённое в список, приказ или другой официальный документ, в средства массовой информации, но не существующего в действительности, а также обобщённая формула бессмысленного формализма и курьёзных, противоречащих реальному ходу вещей сообщений») даже противопоставляется значению выражения *фигура, лица не имеющая*, ‘о бесцветном, неприметном человеке или лит<ературном> персонаже, не имеющем выразительных, отличительных черт’¹⁰².

Трудности лексикографического описания возникшего недавно из одного источника выражений станут наглядными, если сопоставить трактовку этих выражений в разных словарях даже при участии одного и того же соавтора:

В популярном историко-этимологическом справочнике по русской фразеологии читаем:

«**подпоручик (поручик) кижэ**. *Книжн. ирон.* 1. О человеке, в действительности не существующем, но принимаемом за реальное лицо вследствие какого-л. недоразумения или обмана. 2. Символ холодного, казённого отношения к окружающей жизни.»¹⁰³

Подпоручики Кижэ попали к филологам и историкам как шутовское обозначение неясных или ошибочных личных имён в старинных рукописях, но это лексикографами пока не учтено¹⁰⁴.

Случай появления призрачного антропонима *Берды Онже* обрисован в рассказе В. Т. Шаламова «Онже Берды» (1959)¹⁰⁵ на основе лагерных порядков, описанных Жаком Росси в «Справочнике по ГУЛАГу»:

«**он же** — 1. В пенитенциарной документации приводятся все фамилии, под которыми данное лицо было ранее осуждено. Перед каждой последующей пишут “он же”. Чем больше “он же”, тем больше слава в уголовной среде. — 2. Лагерное предание:

надзиратель вычитывает по списку — “Петров, Иван Петрович, о. ж. Сидоренко Петр Сидорович, о. ж. Ахметов, Файзулла Ибрагимович..” “Он же у меня пайку украл”, — слышится из-под нарчей-то плаксивый голос (украсть пайку у поднарника не к лицу настоящему вору <..>)»¹⁰⁶

Примечания

¹ Твардовский А. Т. С Карельского перешейка // Новый мир, 1969, № 1, 140

² Боровой Л. Я. Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

³ Боровой Л. Я. Путь слова: Очерки и разыскания. М., 1974, 212.

⁴ Білодід І. К. Питання розвитку мови української радянської художньої прози. Київ, 1955, 126, прим. 1. Со ссылкой на роман Ивана Ле и Александра Левады «Південний захід» (Жовтень, 1949, № 11, 88), где фигурирует *генеральний сабантуй*.

⁵ «См.: *Tatarca ursca syzlek. Qazan*, 1931, стр. 256» (Прим. А. Н. Кожина.)

⁶ «Ср. в Толковом словаре В. И. Даля: «Казсабан <sic!>, или сабанбайрам, — татарский праздник; первая половина сабана шиллик, молятся и обедаются; затем вторая: запахивают и засевают полосу и, наконец, третья, туй (пир): скачки, борьба и пр., местами пируют трое суток, и прямо берутся за пашню» (т. 4, стр. 126)» (Прим. А. Н. Кожина.)

⁷ Кожин А. Н. Заметки об иноязычных элементах в русском языке периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 100: Труды кафедры русского языка. Вып. 6. М., 1961, 198. Ср. также: Кожин А. Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985, 288–290.

⁸ Кожин А. Н. Заметки..., 199. Любопытно, что в первых работах лингвистов о русском языке в годы Великой Отечественной войны слово *сабантуй* отмечено не было. См.: Черных П. Я. Русский язык в дни войны (заметки собирателя) // Сибирские огни, 1946, № 4, 98–106. Ср. также: Филин Ф. П. О языке Великой Отечественной войны // Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского. Вып. 3. Вологда, 1946, 3–9. Как объект фонологических исследований *сабантуй* фигурирует в статье: Аванесов Р. И. О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку «дентальность — лабиальность» // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966, 111.

⁹ Твардовский А. Т. Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям) // Твардовский А. Т. Василий Тёркин. М., 1953, 204–205. Впервые напечатано: Новый мир, 1951, № 11, 204–223, особенно 216.

¹⁰ [Чулков М. Д.] Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочиненная М. Ч. М., 1786, 283–285. Ср. также его: Словарь русских суеверий. СПб., 1782, 263 (вм. 236)–238.

¹¹ *Крут* (или *курт*) — высушенный твердый сыр, приготовленный из острого кислого молока кипячением и выщеживанием (И. Д.).

¹² «Коровье кислое молоко, разведенное водою, которое башкирцы употребляют вместо квасу» (пояснение в переиздании очерка)

¹³ «Чебызга — музыкальное орудие Башкирцевъ, сдѣланное изъ ствола некоторо-раго растенія» (прим. П. М. Кудряшева).

¹⁴ *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. 1828. Ч. 28. № 79, 210–212; *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. I. Уфа, 1961, 128–129.

¹⁵ *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. 1828. Ч. 28. № 79, 212.

¹⁶ *Уразманова Р. К.* Народный праздник сабантуй у татар // Советская этнография. 1977. № 1, 94. Татарск. туй получило из более древнего той, сохранившегося в других тюркских языках.

¹⁷ Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Т. II. Казан, 1979, 610.

¹⁸ *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994, 279.

¹⁹ Ср. название книги на русском языке чувашского писателя А. Талвира «Сабантуй в Буинске» (Казань, 1968), где противопоставляется название чувашского праздника *агатуй* (вместо точного *агадуй*!) и татарского *сабантуй* (с. 241).

²⁰ *Чурсин Г. Ф.* Праздник “выхода плуга” у горских народов Дагестана. Тифлис, 1927 (= Известия Кавказского историко-археологического института. Т. IV, 43–60).

²¹ *Абдулжалимов Ф., Борисков П.* Горская песня // Свет дружбы. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1963, 301 (в авторской ремарке). Употребительно оно и в речи персонажей: «Иду на сабантой <...>» (с. 305).

²² *Фукс К. Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844, 102. Так же называется этот земледельческий праздник и у В. И. Даля.

²³ Слово *сабан* ‘гулянка, попойка’ в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980, 363), согласно убедительным соображениям А. Е. Аникина (см.: *Аникин ЭСлРусДСиб*, 21), попало к Л. Е. Элиасову из словаря В. И. Даля и было несколько модернизировано под современную просторечную семантику слова *сабантуй*.

²⁴ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

²⁵ Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова. 3-е перераб. и доп. изд. М., 1949, 573.

²⁶ Орфографический словарь русского языка. М., 1956, 935.

²⁷ *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. II. М., 1985, 62. Место слово *сабантуй* должно получить у А. Н. Тихонова в списке «Одиночные слова».

²⁸ [*Твардовский А.*] Что такое сабантуй. (Из бесед казака Гвоздѣва с бойцами, прибывшими на фронт) // [Газета:] Красная армия, 18 октября 1941 г., [без подписи], где были стихи:

Тем, кто прибыл с немцем драться,

Надо, как там ни толкуй,

Между прочим разобраться,

Что такое “сабантуй”.

²⁹ *Твардовский А. Т.* Как был написан «Василий Тёркин» (*Ответ читателям*) // Новый мир. 1951. № 11, 216.

³⁰ *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Жизнь русского слова. М., 2006, 352.

³¹ *Кожин А. Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода великой Отечественной войны. М., 1985, 290–291.

³² *Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург, 2000, 249.

³³ Это не очень точное *недавно* было истолковано А. Н. Кожиным как “до войны” (с. 290), что истине не соответствует.

³⁴ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 181–182 (Далее — *Боровой.* Путь слова).

³⁵ *Аюпова Л. Л.* Лексика народов Башкортостана в русской речи. — Уфа, 1994, 95–96.

³⁶ Е. Н. Шипова отмечает только этнографическое значение: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, 268.

³⁷ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

³⁸ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992, 715.

³⁹ Словарь иностранных слов. 7-е изд. М., 1979, 450.

⁴⁰ *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003, 565.

⁴¹ Словарь русского языка. Т. IV. М., 1982, 11.

⁴² Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, 1139.

⁴³ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М., 2000, 534.

⁴⁴ *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 2008, 349.

⁴⁵ См. об этом: *Добродомов И. Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 32 с., особенно 4.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007, 848–849. Традиционным весенним праздником у татар является и *науруз* — день весеннего равноденствия 21 марта.

⁴⁷ Советский энциклопедический словарь. М., 1983, 1151.

⁴⁸ *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб., 2004.

⁴⁹ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971, 3. Не содержит и академическая его переделка: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). СПб., 1995.

⁵⁰ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. Кн. 1. Мінск, 1983, 8.

⁵¹ *Самсонов Н. Г.* Слова из языков народов Якутии в русских текстах. Якутск, 1984, 97.

⁵² *Аникин ЭСлРусДСиб*, 470, со ссылкой на: Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том. Новосибирск, 1995, 157.

⁵³ *Бурганова Н. Б.* О системе народного праздника *джеиен* у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982, 20–67. Р. Г. Ахметьянов (в своей книге «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья». М., 1989, 147) безосновательно относит это слово к военной лексике.

⁵⁴ *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100; Ахметьянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 252.

⁵⁵ [*Вишневский В. П.*] Начертание правил чувашского языка, и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836, 207; *Золотниц-*

кий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, 100, 279.

⁵⁶ Räsänen M. 1) Die tschuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920, 226; 2) Die tatarische Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1923, 89.

⁵⁷ Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910, 950.

⁵⁸ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960. 80, 86, 102, 108, 117, 180, 187, 190, 215, 538.

⁵⁹ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100 (Далее — Ахметьянов. Общая лексика).

⁶⁰ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары, 1996, 466; со ссылкой: СТ, 1958, № 6, с. 18–20, но журнал «Советская тюркология» в это время еще не выходил.

⁶¹ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, 145–150.

⁶² Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986, 169–170.

⁶³ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100. Заслуживает внимания заключение без какой-либо логики: «Вероятнее всего, у древних булгар был обычай после победы над врагом или периодически, в определенное время года устраивать пир на открытом месте (на виду у всего народа), и этот пир назывался *ширләк / шырлык*. Эти обряды переносились и на свадьбу.» Ненадежность материала сочетается в этой работе с его необоснованными сближениями

⁶⁴ Со ссылкой на книгу: Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологик сөздігі. Алматы, 1977, 569.

⁶⁵ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. II. Алматы, 1961, 500.

⁶⁶ Узбекско-русский словарь. М., 1959, 548.

⁶⁷ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, 907, 908.

⁶⁸ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары, 1996, 466.

⁶⁹ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 116 (Далее — Рясянен. Материалы).

⁷⁰ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971, 167.

⁷¹ Рясянен. Материалы, 178, 197.

⁷² Егоров В. Г. Чăвашла-вырăсла словарь. Иккĕмĕш издани. Шупашкар, 1954, 286.

⁷³ Тотубалин Н. И. К истории слова *самодур* и *самодурство* // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. № 200. Серия филологических наук. Вып. 25. Русская литература. 1955, 234–237; Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX в. (к изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 4. М., 1957, 52–54; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка [в] 30–90 годы XIX века. М.-Л., 1968, 491–492; Виноградов В. В. История слов. М., 1994, 615–618.

⁷⁴ Степанов В. П. Долгоруков Иван Михайлович // Русские писатели XVIII века. — Вып. 1. Л., 1988, 282. Хотя сочинения князя И. М. Долгорукова и значатся в числе источников академического «Словаря русского языка XVIII века», название комедия в нём отсутствует, как и прозвище заглавного героя.

⁷⁵ Цитируется по изданию: *Долгоруков И. М.* Дурылом, или Выбор в старшины. Комедия в 3 д. // Сочинения И. М. Долгорукого. Ч. II. СПб., 1849, 235–330.

⁷⁶ *Прыжов И. Г.* Купец-лавочник // Развлечение. 1865. № 43, 278. Ср. также: *Прыжов И. Г.* Двадцать шесть московских дур и дураков. М., 2008, 326. Курсив источника.

⁷⁷ *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни // Отечественные записки. Т. ССХ-VII. 1879. № 12, 544. = Собрание сочинений Н. Н. Златовратского. Т. 8: Очерки крестьянской общины... СПб., <1914>, 320.

⁷⁸ *Чехов А. П.* На подводе // Русские ведомости. 1897. № 352. 21 декабря, 4. Цитируется по: *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения в 18 в. Т. 9. М., 1977, 341.

⁷⁹ *Замятин Евг.* На куличках. Повесть // Заветы. 1914. № 3, 85.

⁸⁰ *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1952, 335.

⁸¹ *Шмелев И. С.* Лето господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990, 103.

⁸² *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго. Куйбышев, 1989, 313.

⁸³ *Дурылин С. Н.* В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991, 213. Ср. С. 297: «Пушкин писал в 1833 году: “Петербургские журналы судят о литературе как о музыке, о музыке как о политической экономии, т. е. наобум”». На самом же деле в рукописных заметках о Е. А. Баратынском 1830 года Пушкин писал: “Класс читателей ограничен и им управляют журналы, которые судят о лит.<ературе>, как о полит.<ической> экон.<омии>, о полит.<ической> экон.<омии>, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений” (*Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.—Л., 1949, 185).

⁸⁴ *Дурылин С. Н.* В своем углу, 298–299.

⁸⁵ *Дурылин С. Н.* В своем углу, 313.

⁸⁶ *Милицына Е.* Рассказы. М., 1905, 148.

⁸⁷ *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни // Отечественные записки. Т. ССХ-VII. 1879. № 12, 545.

⁸⁸ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А-О. М., 2000, 433.

⁸⁹ Со ссылкой на: *Яковлев К. Ф.* Осиновские чудачки. Ярославль, 1973.

⁹⁰ Ср.: «*дулба́н*, а, м. *Глупый человек, дурак.* Я раньше в церковно-приходской школе учился, дак как кто уро́к не выучил, дак ста́вят на ко́лени и называ́ют дулба́ном <..>» (с. 65).

⁹¹ *Рекемчук А. Е.* Всё впереди. Повесть. М., 1959, 36–37.

⁹² *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб., 2004, 162. Здесь же приведены производные с почему-то не вполне совпадающими стилистическими пометами: «*дуроло́мный*, -ая, -ое. *Презр. Разг.-сниж.* Такой, который имеет качества *дуролома*»; «*дуроло́мность*, -и, *ж. Неодобр. Разг.-сниж.* Проявление качеств, признаков, характеризующих *дуролома*».

⁹³ *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. М., 1982, 153. Сочетание *пору́чик Ки́же* к этому времени уже давно было включено в иллюстративном материале как вариант сочетания *подпору́чик Ки́же*, например, в словарь Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (2-е изд. М., 1960, 478).

⁹⁴ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 21-е издание. М., 1989, 539; *Ожегов* — *Шведова*, 557.

⁹⁵ Слово и культура речи: К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001, с. 296–297, 299. Анализ этих суждений см.: *Добродомов И. Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 4.

⁹⁶ Рассказы В. И. Даля о временах Павла I // *Русская старина*. Т. II. 1870, 295–296.

⁹⁷ Например: *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Т. 2.: Н–Я. Магнитогорск, Greifswald, 2009, 502.

⁹⁸ *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960, 478.

⁹⁹ *Гладышева Л. А.* Сатирические формулы Ю. Тынянова // *Русская речь*. 1984. № 6, 10–14; *Йот Н.* Две забавные мелочи: 1. Как повысили в чине тыняновского героя // *Жизнь языка*. М., 2001, 241–243.

¹⁰⁰ *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004, 284.

¹⁰¹ *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М., 2002, 423.

¹⁰² *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Т. 2.: Н–Я. Магнитогорск, Greifswald, 2009, 502.

¹⁰³ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998, 455, 594.

¹⁰⁴ *Валеев Г. К.* Древнерусские подпоручики Кижэ // *Русская речь*. 1981. № 2, 98–104.

¹⁰⁵ *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1998, 586–590 (Впервые: *Родина*, 1989, № 2).

¹⁰⁶ *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1. М., 1991, 245.

Л. П. Дронова

ДОСУГ И ДОСУЖИЙ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Семантика современного литературного *досуг* ‘свободное от работы, от дел время’, прост. (в знач. сказ.) ‘есть, имеется свободное время’ (*досуг ли толковать?*) достаточно однозначна. Эта же однозначность характеризует устойчивое сочетание *на досуге* ‘в свободное время’ и йотовое производное разг. *досужий* ‘не занятый делом, праздный’, ‘вызванный праздностью, бездельем; пустой’ (*досужие домыслы, досужая фантазия*) (МАС 1, 439). Семантика этих лексем, а также выражаемая прилагательным *досужий* отрицательная оценка безделья теряют свою ясность при встрече с диалектным употреблением этих слов.

В говорах (более в севернорусских, частично в южнорусских) *досуг* в роли безличного сказуемого известно в значении ‘ладно, хорошо, пусть так’ (*Досуг, хоть в брюхе солома, да кафтан был бы с заломом*. Арх. *Досужнее народу идти*. Яросл., Ворон., Иркут.). *Досужий* — это не только не ‘праздный’, а, наоборот, ‘знающий свое дело, умелый’ (*А моя дочушка досуужа, досуужа, у-ух!* [песня]; *плясать-скакать досуужа*. Арх., Олон., Волог., Смол., Пск., Ворон.). В устойчивых конструкциях это же значение: *досужий в чем-л.* (*Он досужий в грамоте*. Олон.), *досужий на что-л.* (*Он досужий на эти дела*. Тверск.). Другие значения прилагательного *досужий* связаны с первым, представляя вариативную его реализацию: ‘трудолюбивый, прилежный’ (*Он досужий парень*. Арх., Курск. *Досужая девушка всю ночку не спала, сидела — все пряла* (песня). Курск., Смол., Арх.), ‘затейливый, находчивый, изобретательный’ (*Они [дети] досужи*. Твер.), ‘слишком поспешный, торопливый’, ‘глупый, бестолковый’ (*Досужая голова*. Смол.). В девятнадцатом веке отмечено *досужий* как ‘бойкий, разбитной’ (Арх.), ‘смелый, отважный’ (Влад.), ‘любопытный’ (*Везде свой нос суешь, и в кого ты пошел такой досужий?* (Яросл., Краснодар.) (СРНГ 8, 150).

Современные лексемы *досуг* и *досужий*, существующие в раз-

ных социальных стратах, практически с антонимическим значением, позволяющим заподозрить здесь омонимию, знаток живого великорусского слова В. Даль безоговорочно относит к одному словообразовательному гнезду. С одной стороны, это *досуг* как 'свободное, незанятое время, гулянки, простор от дел', *досужный* (человек, пора) 'свободный от дел, занятий', *досушливый* 'мало занятой', *досузиться*, *удосуживаться* 'найти себе свободное время', *досужничать* 'отдыхать или гулять, не работать', а с другой — человек или конь с *досугом*, с *досужеством* — это 'с умением, с особенно добрыми качествами', *досужий* 'умеющий, способный к делу, ловкий, искусный мастер на все руки' (*У милостивого мужа всегда жена досужа*), *досужество*, *досужество* 'уменье, ловкость, способность к делу' (*Досужество дороже досуга*) (Даль³ 1, 1196).

Обращение к более ранним фактам русского языка дает ту же картину: др.-рус. *досугъ* 'свободное или удобное время' (*А будеть ему досугъ, и ему самому поити*. 1449 г.), 'умение, ловкость, способность' (XVII в.), *по досугу* 'по возможности, по уменью' (*Пытати варить по досугу...как мозя*. XV в.), *досужный* 'умелый, способный, искусный' и 'имеющий досуг, свободно располагающий своим временем' (...*известно то тѣбѣ, гсдрю моему, что мы не досужны*. 1653 г.) при том, что *досужество* 'умение, способность' (XV в.), *досужий* 'умелый, способный, искусный' (*Богданъ Бѣлской къ посолскимъ и ко всякимъ дѣламъ добръ досужь*. 1602 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 4, 341).

Какой же из двух семантических центров первичен? Слово *досуг* и производное *досужий* известны с XIV–XV вв., в памятниках письменности встречаются редко и поэтому их значение не вполне ясно, в других славянских языках соответствия не представлены (Черных 1, 265). Генетические связи слова *досуг* были объяснены И. Желтовым, соотнесшим его с глаголом *досягати* как отглагольное имя с -о- вокализмом (такая же огласовка корня в с.-хорв. *осуга* 'лента, тесьма' <*'то, чем схватывают, скрепляют')¹). *Досягати* — рефлекс праслав. **doseg(a)ti*, продолжения которого представлены на всем пространстве славянских языков в сходных значениях 'доставать (рукой), достигать'. Сопоставив с польск. *dosięgły* 'удободостижимый', 'хватаящий, достаточный для чего-н.', И. Желтов делает вывод о семантике слова *досуг*: «*досуг* означает время, достаточное для достижения какой-л. цели»². И, следовательно, значение 'умение, способность к делу' определяется как старшее.

Позже Б. М. Ляпунов посвятил специальный семасиологический этюд слову *досуг* и родственной ему лексике русского языка. Для выяснения семантического развития и этимологии слова *досуг* он проанализировал большое количество контекстных употреблений этого слова в художественных произведениях, сведений из словарей литературного русского языка и его диалектов, словарей украинского и белорусского языков, а также данные из словаря И. И. Срезневского, В. И. Даля, Словаря Академии наук (1895). Оказалось, что более известно слово *досуг*, как и в современном русском, в значении 'свободное, незанятое время' (Пушкин: «*Задумчивость, ее подруга... течение сельского досуга мечтами украшала ей*») и реже встречается в значениях 'достижение', 'уменье', 'способность', 'ловкость' (Ключевский: «Всего этого мы коснемся с большим или меньшим досугом»), *досуг* в роли наречия в диалектах — 'ладно', 'хорошо', 'достаточно'. Прилагательное *досужий* известно в значении 'праздный', но в диалектах и в древнерусском, по наблюдению Б. М. Ляпунова, обычнее его употребление (а также *присужий*, *просужий*) в значениях 'умелый, проворный', 'бойкий, смышленный, ловкий' (о людях), 'большой' (о предметах)³. К разряду необычных, «оригинальных» им отнесены употребления слова *досуг* у А. Погосского («*везде, где бы ни был солдат, есть у него работа, есть и отдых, а между отдыхом и работой всегда найдется еще такое времячко, такой часок когда работы не требуется, а отдыхать не хочется — вот это времячко и есть досуг*») и в некоторых примерах у А. С. Пушкина, который *досуг* свой называл *бесценным* («...и музе верной посвящать часы бесценного досуга»), *вдохновенным*, а *досуги* *золотыми*, «понимая, очевидно, под *досугом* не безделье, а время, свободное от служебных и семейных дел для литературной работы» (Там же, 64). По вопросу о происхождении слова *досуг* автор этюда присоединяется к мнению А. А. Потемни, который приводит диал. *сяжно* 'досужно', 'привычно' и заключает: «Досуг есть собственно способность или возможность досягнуть рукою, отсюда способность что делать и — свободное время — как условие этой возможности». В результате Б. М. Ляпунов делает вывод, что развитие значения слова *досуг* было следующее: 'достижение' → 'успех' → 'возможность' (по-видимому, речь идет о возможности располагать своим временем по окончании труда) → 'отдых' (Там же, 68). Это же решение вопроса поддерживается в историко-этимологическом словаре русского языка (Черных 1, 265).

Как представляется, смысловая связь между этими семантическими полюсами установлена несколько умозрительно: недостаточно акцентируется семантическое звено 'умение, способность к делу' (ср. выше с *досугом*, *досужий*, *досужество* и у Даля *досязать* 'дошупать, дознать шупая'). Несколько иной сценарий, другие семантические оппозиции подсказывают сами факты языка, те же, выше приведенные, необычные употребления слова *досуг* у А. Погосского, у А. С. Пушкина. К ним можно добавить диалектное *досужество* (сарат.) в собирательном значении 'изделия, приготовленные в свободное время, на досуге' (СРНГ 8, 150: *Пока старик домовничает, какого он только досужества ребятам не наделает: и свистульки, и трещетки, и колесанки — разные игрушки. А на именины дед подарил мене свое досужество — резную раскрашенную шкатулку. Саратов. 1960–1961*). То есть исходно *досуг* обозначал не время безделья и не просто время, которым человек может располагать по своему усмотрению, а время деятельности «по душе, а не по обязанности», труд по желанию, когда появляется возможность проявить свои способности, ловкость, умение (нечто, сходное с хобби; сравни также: *организация семейного досуга*). Менее явно эта исходная семантика представлена в глаголе *досужествовать* 'заниматься временно по найму мастерством, ремеслом' (Даль 1, 1196).

Таким образом, исходная семантика лексемы *досуг* определяется как '(реализующее способности/склонности человека и доставляющее удовлетворение) занятие вне/после выполнения обязанностей/обязательной работы' и тем самым снимается оппозиция двух семантических центров в рассматриваемой лексической группе, выявляется взаимодействие смыслов 'дело' и 'отдых'.

Но это не все. Даже если принять предлагаемое решение реконструкции первичного (старшего) значения лексемы *досуг*, вопрос этим не исчерпывается. Какой историко-культурный субстрат и когда сформировал подобное представление на русской почве? Закономерность такого вопроса обусловлена уже тем, что *досуг* и *досужий* известно только в русском языке (ср. укр. *дозвілля*, польск. *odroczynek, czas wolny*), с 14 века, в памятниках письменности встречаются редко, поэтому и их значение не вполне ясно. Поиски других лексем, выражающих такое понятие, приводят к слову *забава* (ср. у Даля: *досуги* мн. 'досуг, забава, занятия для отдыха').

Значение 'развлечение, удовольствие' у слова *забава* отмеча-

ется в отдельных текстах конца XVII в.: в письмах и документах Петра I (1696 г.: *Велми ты меня опечалиль, послЕднего друга моего отъ меня взяль... а у насъ было въ печалехъ нашихъ толко было и забавы*), у Г. В. Лудольфа (1696 г.: *Чемъ ты забавиль ся тамъ?*). И лишь с XVIII в. оно становится обычным для слова *забава*. Петр I употреблял это слово и в значении 'дело, занятие' (1697 г.: *Темъ татарские войска отъ иныхъ своихъ военныхъ забавъ удержаны*), и в значении 'затруднение, задержка' (1704 г.: *Вы с своей страны... неприятелю такие развращения и забавы сочините, что мы въ продолжении нашихъ намъгреней помъшаны не будемъ*). Это последнее значение и было старшим для слова *забава*, судя по значению однокоренных слов в более ранних текстах XIII–XVI вв.: *забавити(ся)* 'задержать(ся)', *забавляти* 'мешать, препятствовать' (XVI в.), 'проводить время в каком-л. занятии, занимать чем-л. свое время' (XVII в.), *забавление* 'помеха, препятствие', *забавка* 'задержка', *забавный* 'забытый, брошенный, отдаленный' (13 в.: *Послана бысть в забавную тьмницу*) и 'занятый' (Петр., 1, 1698 г.: *здѣсь хотя и два дни жили, толко недосугъ было, потому что город саксонский: забавны инымъ были во всѣ часы*) (СРЯ XI–XVII вв. 5, 130–131; Черных 1, 310–311).

По происхождению *забава* — это отглагольное образование от *забавить*, которое представлено в ряде славянских языков и, свою очередь, производно от *бавить* (ср. рус. диал. *бавить(ся)* 'мешкать, задерживаться'). Этимологическое гнездо слав. *baviti (каузатив к **byti, byvati*) показывает подобную выше отмеченной картину семантических отношений, например, болг. *бавя* 'медлить, задерживать; забавлять', макед. *бави* 'медлить', чеш. *baviti* 'развлекать, интересоваться; отнимать время', диал. *bavit* 'мешать в работе', *bavit se* 'медлить', ст.-укр. *бавити* 'оставаться', 'медлить, проводить время', 'задерживать', 'заниматься чем-либо', *бавитися* 'задерживаться, оставаться', 'заниматься чем-либо, увлекаться', блр. *бавіць* 'занимать, тешить, задерживать; мешкать' и рус. диал. (Даль) *бава* 'забава, игрушки; довольство, достаток' (ЭССЯ 1, 168–170; Черных, 1, 310–311). Здесь наблюдается та же смысловая оппозиция: «труд, работа как обязательное действие, выполнение обязанностей» ↔ «действие, деятельность, доставляющая удовольствие», последнее в номинации расценивается как задержка (в деле, в работе), промедление, помеха в работе (ср. выше, особ. чеш. диал.).

Отмеченная смысловая оппозиция, надо полагать, и способствовала сближению в употреблении на определенном историче-

ском этапе лексем *досуг* и *забава* (ср. Даль, объясняющий *досуг* через *забава*). Дальнейшее развитие их семантики, расхождение явно связано с актуализацией внутренней формы каждой из лексем: *забава* обозначает действие/зрелище, доставляющее удовольствие и отвлекающее от дел (=‘задержка, промедление в работе’), сближается с *потехой*; *досуг* исходно обозначает реализацию умений, способностей в свободное от обычных, обязательных дел время и сближается с увлечением, хобби (ср.: *Чем ты занимаешься на досуге? Твое увлечение, хобби?*).

Каков «культурный субстрат» русской жизни XVI, особенно XVII веков, вызвавший к жизни рассматриваемую смысловую оппозицию? Почему она получила выражение в языке в виде таких двух вариантов?

Причины отрефлексируемого языком противопоставления двух типов деятельности человека — «по обязанности» и «по желанию, способности, для удовольствия» — кроются в глубоких изменениях русской культуры этого времени, в ее секуляризации и — как следствие — в частности, обращении к внутреннему миру человека, осмыслении значимости интеллектуального труда.

Взаимодействие смысловых оппозиций в истории лексем *досуг* и *забава* можно увидеть, как в зеркале, в истории греч. *σχολή*. Древнегреческое *σχολή* — это 1) ‘досуг’, ‘свободное время’, ‘праздность’, ‘отдых от чего-л.’, 2) занятие чем-л. во время досуга, особ. ученая беседа, чтение, 3) (позднее) место ученых бесед или вообще учения: школа, особ. школа философская (Дворецкий 2, 1595). С точки зрения реалий древнегреческой культуры *σχολή* тесно связано с *γυμνάσιον* ‘гимнасий, общественное место для телесных упражнений, служившее и местом сбора для философов, риториков и их слушателей’ (*γυμνασία* ‘упражнение’, ‘практическое учение, практика’) (Дворецкий 1, 335). Именно в гимнасиях в свободное время (*σχολή*) после основных, физических, упражнений обучающиеся занимались, вели диалоги, беседы с учителями красноречия (риторами) и философами, развивали ум и душу. В свою очередь, *σχολή* произведено от *σχεῖν* ‘владеть, держать’ (инф. аор. к *ἔχω*) с -λ-суффиксом (корень *σеч-*), то есть *σχολή* дословно ‘задержка, приостановка’ (Frisk 840).

Соотнесенность значений ‘задержка, приостановка’, ‘досуг’, ‘медленность’ и ‘ученая беседа’, ‘школа’ демонстрируют родственные *σχολή* слова: *σχολάζω* ‘иметь досуг, быть праздным’, ‘мешкать, медлить’, *σχολαιότης* ‘медленность’, *σχολαστής* ‘досужный, праздный’ и (позд.) ‘посвящающий свой досуг наукам и

литературе', *σχολαστικός* 'досужный', 'ученый', 'школьный' 'схоластический' (Дворецкий 2, 1595). Греческое *σχολή* было усвоено латинским языком — *schola* 'ученый доклад, лекция, диспут', 'школа, учебное заведение', 'школа, философское направление', 'сообщество, корпорация' и даже 'галерея с сиденьями вокруг купального бассейна' (Дворецкий, 905). Из латинского слово *schola*, как известно, распространилось в европейские языки.

Таким образом, история древнегреческого *σχολή* отразила формирование представления о гармоничном человеке, развитом физически и духовно. И путь становления этого представления демонстрируют «пересечения» значений 'физические упражнения/обязанности' и 'задержка, перерыв в упражнениях' как 'свободное время, досуг', который был и 'отдых, праздность', и 'отвлечение, развлечение', и 'беседы по интересам с учеными', и '(время) выявление иных способностей'. В этих «пересечениях» как в зеркале видны причины неоднозначности семантических структур *досуг* и *забава*.

Примечания

¹ Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII // Этимология 1976. М., 1978, 42–45.

² Желтов И. Этимологические афоризмы // Филологические записки (Воронеж). 1876 (1), 22.

³ Ляпунов Б. М. Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и пр. // ФН. 1946. Том 5. Вып. 1, 63–66.

А. Ф. Журавлев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ
НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ
СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ
(SLAVO-OSSETICA)*

Статья 3

Настоящей публикацией завершается серия статей, посвященных осетино-славянским семантическим схождениям (см.: slavo-ossetica 1; 2) и могущих рассматриваться как семантико-типологический комментарий слависта к языковым данным, отражаемым в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», а также к этимологическим решениям, принимаемым В. И. Абаевым. Здесь охватывается осетинский лексический материал в алфавитном диапазоне от *t* до *z* (Абаев III–IV).

В работе затрагиваются общность в семантической мотивированности словесных обозначений, случаи подобия в семантическом устройстве фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний (ономастиологические параллели), сходная метафорика (семасиологические параллели), реже — общие семантико-прагматические эффекты (например, уподобляющее приобретение словами положительных или отрицательных коннотаций, сходные случаи табуистических замен) и проч. Наблюдения носят характер поиска скорее семантико-типологической общности, чем контактных или тем более генетических сближений: представляется важным показать разные области семантического параллелизма, обнаружить меру специфичности / тривиальности смысловых аналогий, косвенно — меру распространенности тех или иных моделей лексико-семантического развития в разных языках.

Характер и приемы разбора данных сохраняются в прежнем виде. Славянские (подавляющим образом русские) параллели,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

отмеченные самим В. И. Абаевым, за редкими исключениями не затрагиваются.

tabyrʒan (иронск.) ‘овца-меринос’, ‘мериновская шерсть’ (Абаев III, 219–220). Из рус., укр. *тавричанка* — таврическая овца, внутривидовый тип асканийской породы (ср. *тавричанка* ‘дрожки’ — Сл. донск. казачества, 523; ‘тачанка’ — СРНГ 43, 211). Стандартная для множества языков, тянущаяся с античных свидетельств модель оттопонимического (и этнонимического) названия импортных пород скота, птицы, собак и проч. — по месту, откуда они заимствованы. Ср. рус. *шлёнка*, *шлёнская овца* ‘порода, вывезенная из Силезии’, кемер. *сибирячка* ‘порода овец’ (СРНГ 37, 267), астрах. *калмыцкая овца*, ворон. *калмычка* ‘лошадь калмыцкой породы’ (СРНГ 12, 363), донск. *нёмка* ‘корова красной молочной породы’ (СРНГ 21, 81; Сл. донск. казачества, 318); *бухарский голубь* (СРНГ 3, 320), псков. *грецкая порода* (собак) (СРНГ 7, 135) и огромное число аналогичных названий повсюду в славянских языках и диалектах, не говоря уже о международной (переводной) номенклатуре типа *французский бульдог*, *ирландский сеттер*, *бельгийская овчарка*.

tag | **tagæ** 1. ‘нить’, ‘полоса’...; 2. ‘лесная полоса’, ‘перелесок’, ‘роща’ (Абаев III, 220–221). Ср. рус. *полоса* (лесная). Не может ли ландшафтное значение осетинского (дигорского) слова быть калькой с русского? Далее, к семантическим дериватам от ‘нить’, — моск. *нитка* ‘полоска земли, пашни’ (СРНГ 21, 241: «Дали бы нам [земли] по нитке. Как бы земля была, я бы посеяла нитки четыре», 1936).

taǰd ‘быстрый’ (Абаев III, 221–222). Представляет собою причастие прошедшего времени от *tak- ‘бежать’, ‘течь’ (→ осет. *tæxun* | *tæxun*, *tæzun* | *tæzun*). Ср. «польск. *biegły* (и редк. *biegliwy* ‘быстрый’ < праслав. *běglъjь [и, добавим, *běglivъjь, ср. с польской формой упоминаемое В. И. Абаевым рус. диал. *бегливый* ‘быстрый, резвый’ (о коне) — Сл. Сред. Урала II, 38; СРНГ 2, 170. — А. Ж.]; польск. *bieżny* ‘быстрый’, кашуб. *beżni* то же (Sychta I, 108), ср. и чешск. диал. (морав.) *zabízný* ‘быстрый’ (Kott V, 16) < праслав. *běžъnъjь (от *běgti); польск. *ciekawy* устар. ‘быстрый, проворный’ (Варшавский словарь I, 323), укр. *цикавий* ‘бойкий, живой, шустрый’ < праслав. *těkavъjь (от *těkati)» (Варбот 1997, 41). Еще рус. *беглый* ‘быстрый, скорый’ (*беглое чтение*, *беглый огонь*), диал. *бёглой* ‘быстрый’ (напр., пожар), *бегóm* ‘быстро’ (писать, ехать) (Арханг. словарь 1, 139) и под. Стандартная се-

мантическая модель: от др.-инд. *árvan* ‘быстрый’ ← ‘бегущий’, *dravát* ‘быстро’ ← ‘бегом’, *saranyū* ‘быстрый’, ‘беглый’, *syandrá* ‘спешащий’ ← *syand* ‘течь; бежать’, греч. *θοός* ‘быстрый, скорый’ ← *θέω* ‘бежать’, лат. *cursim* (*legere*) ‘быстро’ ← *curro* ‘бежать’ до современного калькированного *галопирующая инфляция*. Кроме приведенных у Ж. Ж. Варбот производных от **tēkati*, специально к выводимости обозначений понятия ‘быстрый’ из глаголов со значением ‘течь’ (основная семантика осет. *tæxun* и его коррелятов) ср. сопряженность рус. *стремительный* ‘быстрый’ и его славянской родни с диал. *стрéмя* ‘быстрое течение; стрежень’ и дериватами (СРНГ 41, 324–328), далее *струя* и проч. (см.: Преображенский II, 396–397; Moszyński 1957, 123–124; Фасмер III, 775; ЕСУМ 5, 438).

tarf ‘глубокий’ (сон)... (Абаев III, 232). В. И. Абаев предлагает этимологию, по которой заголовочное слово представляет собою контаминацию *tar* ‘темный’ (к арийск. **tamsra*, далее к и.-е. **tem-* ‘темный’) и *arf* ‘глубокий’ («может быть, из *āp-ra*, от *āp-* ‘вода’») — Абаев I, 63; последнее, на наш взгляд, сомнительно). К рассуждениям автора о связи значений ‘темный’ и ‘глубокий’ ср. рус. *глубокий* применительно к насыщенным цветам холодного спектра, прежде всего синему и черному, сербохорв. *дубока боја* ‘темный цвет’, чешск. поэт. *hlubomodrý* ‘густо-синий’ (у Густава Пфлегера-Моравского; индивидуальное? калька с немецкого?); аналогично нем. *tieflblau* ‘темно-синий’, новогреч. *βαθιογάλαζος* ‘темно-голубой’, *βαθιοκόκκινος* ‘темно-красный’, *βαθιοπράσινος* ‘темно-зеленый’. Ср. еще *глубокая ночь*, польск. *głęboka noc*, чешск. *hluboká noc* и проч. — с совмещением представлений о позднем часе и темноте.

tæn | tæpæ ‘струна’ (Абаев III, 262). От иран. **tana-*, к и.-е. **ten-* ‘тянуть’. Ср. праслав. **tęti* ‘тянуть, натягивать’ → **tętiva* с кругом близких значений, в том числе ‘струна, хорда’; ср. *тетива барабанная* ‘две струны на поддоне» (Даль² IV, 404).

tærkk (иронск.): *fætærkk wun* ‘вспылить’, закапризничать’... (Абаев III, 270). В толковании *tærkk* В. И. Абаев исходит из основного значения ‘взрыв’, ‘прорыв’, ср. перс. *tarāk* ‘треск (от лопанья, взрыва)’, предполагая в истоках языкового знака идеофоническую природу. Ср. рус. *взорваться* ‘вспылить, внезапно разгневаться’, *взрывной* ‘склонный к внезапному бурному проявлению чувств’, польск. *wybuchłem* ‘меня взорвало’; далее — *порывистый* ‘неуравновешенный, легко переходящий из одного душевного состояния в противоположное’.

tel 1. ‘провокола’; 2. ‘телеграмма’; *tel cævyn* ‘телеграфировать’ («ударить проволоку») (Абаев III, 288). Ввиду вероятно тюркского происхождения слова *tel* (исконно иранское слово в иронском рефлещировало бы как *tīl*) источник осетинского фразеологизма со значением ‘телеграфировать’, как и похожих выражений в соседних языках, следует видеть в приводимом В. И. Абаевым турецком *tel vurtak* — буквально ‘ударить проволоку’. Впрочем, эта фразеологическая схема распространена шире, ср. монг. *утас цохих* с тою же внутренней формой. И тем не менее глагольная часть русского (уже устар.?) *отбить телеграмму* просится в сопоставление (*отбить* — очевидно ‘отстукать’).

tītykky (иронск.): *tītykky færdyg* ‘самоцвет tītykk’ (*færdyg* — ‘самоцвет, бусинка’...) — чудесный, необыкновенной красоты самоцвет; о красивом ребенке говорят: «он похож на *tītykky færdyg*...») (Абаев III, 296). (а) В. И. Абаев ссылается на Х. У. Бейли, восстанавливающего иранский корень **tī-*, **tai-* со значением ‘смотреть’ и распознающего его в иранских словах для обозначения ‘глаза’, ‘глазного яблока’, ‘зеницы’. В подкрепление связи значений ‘глаз’ и ‘самоцвет’ ср. рус. *глазók, глазóчек* ‘одиночный камешек; жемчужина’ (Даль² I, 354; СРНГ 6, 191), др.-рус. *глазъкъ* ‘шарик’ (СДРЯ II, 327), *глазкы стекляныи* (СлРЯ XI–XVII вв. 4, 29, Ипатьевская летопись), укр. диал. *глазок* ‘шарик’, *глазкі* ‘грузила у рыбацкой сети’, блр. диал. *глазкі* то же, польск. *glaz* ‘крупный камень’, ‘галька’ и др., уменьш. *glazik*, малопольск. *glazek* ‘камешек’, ст.-чешск. *hlazec* ‘rotaris, разновидность камня’, болг. *Глаз, Братанов глаз*, (р.) *Глазне поміна лосі*, в каменистых местностях, макед. *Глас помеп лосі*, скала. Однако если иранские факты показывают метафоризацию анатомического обозначения (обозначение глаза мотивировано глаголом ‘смотреть’), то в славянских языках направление метафорического переноса (если это вообще метафора, а не простое сужение значения) противоположное, ср. рус. диал., простореч. *шары* ‘глаза’. См.: Sławski I, 288; SP 7, 90–92; Machek², 405; БЕР I, 246; Фасмер I, 409; Черных I, 190; ЕСУМ I, 520; ЭССЯ 6, 117 (: от и.-е. **g(h)el-* ‘круглое, шарообразное, камешек’). (б) К осетинскому сравнению миловидного ребенка с самоцветом-«глазком» ср. рус. диал. (самар., твер.) *глазók* — о красивом, привлекательном человеке («...такой красавец, такой писаный *глазок*, что и не сказать» — СРНГ 6, 190).

toхun (дигорск.) ‘бороться’, ‘биться’, ‘сражаться’, ‘воевать’; *tuğd* ‘сражение’, ‘бой’, ‘война’ (Абаев III, 307). Связав слова с и.-е. **teuk-*, **tuk-* ‘пронзать’ и привлеки рус. *тыкать*, В. И. Абаев

упустил семантически параллельное рус. *стычка* 'военное столкновение, короткий бой', ср. с тем же значением польск. *potyczka*, чешск., словац. *potučka* и т. д.

tram | **tæran** высоко ценящая порода лошадей (Абаев III, 308). «...получила свое название от той фамилии, представителя которой занимались ее разведением, — ...от абазинской фамилии *Tram*, Трамовых...». Ср. рус. *орловский рысак*, *орлово-ростопчинская порода* («девическое» имя русской верховой), далее (по имени патрона государственного коневодства, а не собственно заводчика) — *будённовская порода*. Распространенная модель: ср. англ. *Godolphin*, *Darley*, *Byerley*, исп. (аргентин.) *Falabella*.

tūlyn | **tolun** 1. 'катить', 'катиться', 'катать', 'скатывать' <...>; 2. 'опускать во что-нибудь жидкое или сыпучее', 'макать', 'обмакивать', 'окунуть' (Абаев III, 317–318). (а) Приводимое здесь осет. *χædtūlgæ* 'самокат' по словообразовательной структуре сопоставимо с рус. *само-кат*; не калька ли с него? (б) С переключкой 1-го и 2-го значений осетинского глагола ср. рус. *как сыр в масле катается*¹.

tyg_oyr 'куча', 'группа' (Абаев III, 328). «Вероятно, идеофон с исходным значением 'круглый'». Модель 'круг' → 'группа людей, сообщество' принадлежит к семантическим фреквенталиям: др.-инд. *māṇḍala*, *cakrā* ('колесо' — 'войско'), греч. *κύκλος*, лат. *circulus*, *orbis* ('род человеческий' у Овидия), нем. *Kreis*, лит. *rātas*, алб. *rreth*, финск. *piiri*, венг. *kör* 'кружок', монг. *дугуй* 'круг; колесо' → *дугуйлан(э)* 'кружок, группа' и мн. др. Ср. специально рус. *круг* 'группа людей с общими интересами', 'объединение для совместной деятельности (политической, образовательной, художественной и проч.)' (начиная с древнерусского, см. СлРЯ XI–XVII вв. 8, 78), *кружок*, казачий *войсковой круг* 'общее собрание казаков', *правительственные круги*, *семейный круг* и т. д. с аналогиями во многих славянских языках (в частности, в гнезде *kolo 'колесо, круг': чешск. *kolo* 'товарищество', в.-луж. *koło*, сербохорв. *кòло* 'кружок, общество'). Та же отправная семантика — в слав. *obyjina, *obytjstvo 'община', 'общество', 'сообщество' и под., восходящих к идее круга, окружности, замкнутой линии: **obytj(jь)* — «от предлога / приставки **oby-*, первонач. 'со всех сторон, круглый'» (ЭССЯ 31, 167; ср. Трубачев 2008 (1960), 228).

tyl | **tuláe** анат. 'родничок' (мягкое место на темени новорожденного...) (Абаев III, 329). «Вероятно, относится к дериватам индоевропейской базы **tu-* 'пухнуть'. К *l*-Bildungen индоевропейского гнезда **teu-* (**tu-el-*) относится и славянская лексика,

соотносимая со слав. **tyti* ‘пухнуть; жиреть, наливаться’, — **tyľь*, **zatyľькъ*, **potyl-* (рус. *потылка*, *потылица*; укр. *потилиця*, *потиле* ‘затылок, холка’), **obtyl-* (рус. *отылый*, блр. *атылы*, словац. *otulený* ‘толстый, грузный’) и проч. (см.: Pokopny I, 1081; Фасмер IV, 131, 133). Однако в достоверности этимологии В. И. Абаева заставляет несколько сомневаться второе значение ирон. *тыл* — ‘швы черепа’ (Осетинско-русский словарь 1952, 331).

tyrǵ | turǵæ 1. (иронск.) ‘первая (нежилая) часть сакли’, ‘сени’, ‘прихожая’ ‘навес’, ‘балкон’; 2. (дигорск.) ‘двор’ (Абаев III, 341–342). Каково бы ни было происхождение осетинского слова, соприкасаемость значений ‘двор, усадьба, огороженное пространство вне дома’ и ‘нежилая часть дома’ в пределах одного слова и / или его ближайших производных составляет особенность и семантики, связанной со славянской материальной культурой в некоторых ее поздних региональных вариантах. Ср. сев.-рус. *двор* ‘нежилая часть дома между комнатами и хозяйственными постройками’, ‘часть нежилой половины дома в первом этаже, где помещается скот’, арханг. *дворец*, *дворица* ‘помещение для скота в нижней части дома’ (СРНГ 7, 295; Арханг. словарь 10, 329; Сл. Русского Севера III, 185; Мораховская 1996, 58 и след.), сербохорв. диал. *dvôr* ‘крытое место перед входом в дом, прихожая, веранда’, далее укр. диал. *подвірня*, *подвіорець* ‘сени’ (своды славянских диалектных значений см. в: SP 5, 130 и след.; ЕСУМ 2, 18).

ūd | od ‘дух’, ‘душа’, ‘spiritus’ (Абаев IV, 6–7). (а) Приведенный В. И. Абаевым фразеологизм *ūd lasyn* ‘мучить до смерти’, «извлекать душу» по внутренней форме (*lasyn* — ‘вытаскивать, вынимать’) может быть сопоставлен с иноязычными фактами (ср., например, новогреч. *μοῦ ἔβγαλε τὴν ψυχή* ‘он из меня всю душу вытянул’, чуваш. *чун ил* ‘душу вынуть, замучить’), в том числе и со славянскими — рус. *тянуть душу*, (всю) *душу вынуть*, *вытрясти душу* (см.: Михеев 1999, 148, 155), диал. *душу выколосить* ‘довести до изнеможения, измучить’ (псков., СРНГ 5, 293; 8, 281), укр. *виймати душу*, *виривати душу* ‘доставлять мучения’, блр. *вытрасці душу*, *выняць душу*, ср. диал. *цягнуць дуюшу* ‘вымогать’ (Сл. паўночн.-заход. Беларусі 5, 384), польск. *wytrząsnąć duszę (z kogoś)*, чешск. *vytřást duši (z někoho)*, словац. *vytriasť (z niekoho / niekomu) dušu* ‘вытрясти (всю) душу из (кого-либо)’ и др. На Смоленщине засвидетельствован обычай «вытряхивать душу» — в страхе перед душой, еще могущей оставаться в теле умершего, трясти покойника при пересечении похоронной про-

цессией рубежных локусов (порог дома, ворота, вход в церковь) (Славянские древности 2, 164). Вероятно, сходные представления имеются и у осетин: перед погребением тело покойника троекратно поднимается над вырытой могилой; это объясняют представлением о том, что душа во время похорон вновь входит в тело и необходимо помочь ей освободиться (Миллер 1881, 295; Чибиров 208, 38). (б) Употребление осетинского слова в значениях ‘человек’, ‘живое существо’, ‘жизнь’, отмечаемое В. И. Абаевым, аналогично известному практически всем славянам использованию слова *duša, например, в сочетаниях типа *всякая душа* ‘всякое живое существо’, *нет ни (единой) души, в семье (столько-то) душ* (см. след.); ср. еще *на душу населения*.

ūdægas | odægas ‘живой’ (Абаев IV, 8). «Буквально „имеющий живую (*ægas*) душу (*ūd*)“». Синтагматическое соединение понятий ‘душа’ и ‘живой’ в славянских языках представлено многочисленными примерами, главным образом для передачи значений ‘каждый’ и ‘никто’ (‘никого’) — рус. *живая душа*, укр. *всяка жива душа* ‘каждый’, *ні живої души*, польск. *żywa dusza nie...* ‘ни одна живая душа, никто не...’, чешск. (*nebylo*) *žyvě duše* ‘(не было) ни души’, словац. [*ani*] *živej duše niet*, болг. *няма жива душа*, сербохорв. *ни живе душе*, словен. *žive duše ni* ‘нет ни души’ и под., — и, без сомнений, может быть возведено к праславянскому фразеологическому фонду: **žyva(ja) duša*, **nikъdě žyvyję dušę* (ср.: Толстая 2000, 54). О древности соединения этих смыслов говорит наличие параллелей в других индоевропейских языках: лат. *animus vivus* (у Плиния Младшего), нем. *keine lebendige Seele* ‘ни одной живой души’, лит. *nė gyvos dvasios* то же; и не только индоевропейских: чуваш. *чёрё чун* ‘живое существо’, непосредственно ‘живая душа’ (подробнее, в том числе о библейских употреблениях, см.: Журавлев 2005, 752). Уточнить понятие ‘живой’ в приведенных примерах помогает одно из значений осет. *ægas* — ‘целый, весь’, т. е. ‘здоровый; неповрежденный, неистраченный, непогубленный’ (см. о связи этих значений в: Журавлев 1978; Журавлев 2005, 397–398).

ūdæmbal | odæmbal ‘супруг’, ‘супруга’ (Абаев IV, 8). Буквально ‘спутник жизни («души»)’. Первоначально *æmbal* — ‘товарищ по походу’ (Абаев I, 135). Рус. *спутник жизни* (ср.: «„Верная жена“ — спутник жизни, товарищ до конца дней» — В. Розов, «Удивление перед жизнью») характеризуется принадлежностью к приподнятому казенно-романтическому «штилю» либо, цитатно отсылая к нему, несет иронический привкус (конечно, не у Розова,

склонного к плоскому назидательству). Любопытно, есть ли этот прагматический оттенок в осетинском? Ср. другое околичное название для ‘жены, супруги’: *уды хай* (Осетинско-русский словарь 1952, 343) — буквально ‘часть души’.

ūrssag | orssag ‘молочные продукты’ (имеется в виду прежде всего сыр) (Абаев IV, 19). Из *ūrs* ‘белый’ с суффиксом *-ag* при закономерной геминации *s*. Семантическая модель ‘молочное’ ← ‘белый’ славянским языкам не чужда: сербохорв. *бѣлѣво, бјѣлѣво* ‘молочные продукты’ (тж. ‘яйца’) (РСА I, 442), *бѣлава, бјѣлава* ‘обезжиренный сыр из сыворотки’ (Там же, 431), продолжения того же мотива — в словац. *biela káva* ‘кофе с молоком’, укр. диал. *білѣшка* то же (шутл.) (Гринченко I, 67); далее слав. **zaběl’ati*, **zaběľь, *zaběla*: рус. *забелять* ‘подбеливать чай, щи, прибавлять сливок, сметаны’ (Даль² I: 557), диал. *забѣла, забѣльное* ‘сметана, сливки или молоко как приправа к пище, к чаю’ (Там же; СРНГ 9, 250–251), *забѣлка* (сметана, сливки как приправа к первому блюду) (Новг. словарь 3, 5), укр. *зábíl, зábílка* ‘то, при помощи чего жидкая пища получает белый цвет: сметана, молоко’ (Гринченко II, 6), польск. *zabielac’* ‘приправлять сметаной (молоком)’ и т. п.; рус. диал. (ряз.) *набелѣть* ‘приправить кушанье молоком или сметаной’ (СРНГ 19, 111), укр. *набíl* ‘молочные продукты’ (Гринченко II, 463), польск. *nabiał* то же. При этом, однако, рус. диал. *бѣлое* ‘молочные продукты’ (колым., СРНГ 2, 219), не поддержанное буквальными повторениями, не может считаться собственно славянской ономаσιологической параллелью осетинским данным, поскольку является отражением якут. *ürüŋ* ‘белый, белизна; молочные продукты, масло’, *ürüŋ as* ‘молочная пища (масло, сливки)’, которые в свою очередь находят семантические соответствия, если не истоки, в монгольских языках — монг. *цагаан идээ*, бурят. *сагаан эдээ(н)* ‘белая (молочная) пища’ (Аникин ЭСРусДСиб, 126). В осет. *ūrssag* В. И. Абаев почему-то видит некоторую семантическую аналогию груз. (рачинскому) *c’veleuli* ‘молоко и его производные’ от *c’vela* ‘доить’. Но в апелляции к грузинскому слову с нетождественной мотивацией, кажется, нет никакой необходимости, если принять во внимание соседнее карачаево-балкарское *aq* ‘белый’ → ‘молоко, молочные продукты’ (ЭСТЯ Гласные, 116; СИГТЯ Лексика 1997, 449), которое и могло оказаться образцом для семантического подражания. Эта мысль кажется тем более вероятной, что «в новейшее время осетины соседнили непосредственно только с одним тюркоязычным народом: балкарцами» (Абаев 1949, 35), хотя при этом В. И. Абаев находит

нужным сказать, что языковое влияние балкарцев на осетин было ничтожным.

ūsġūr | osgor ‘жених’ (Абаев IV, 21). Буквально — ‘просящий жену’: образовано на базе «составного» глагола *ūs kūryn* ‘свататься’, непосредственно ‘испрашивать (*kūryn*) жену (*ūs*)’; ср. абхаз. *a-pqʷisqʷara* ‘жениться’ — сложение смыслов ‘жена’ + ‘просить’ (Климов—Халилов 2003, 465). Мотивационное сходство с осетинским названием жениха обнаруживается в слав. *ženixъ, также вызывающем к понятию ‘жена’ (опосредованно, через *ženiti), ср. еще рус. *женухаться*.

ūzælyn (иронск.) ‘ухаживать’..., ‘делать приятное’ (заботой, лаской, угощением), ‘ублажать (иногда притворно)’, ‘потчевать’; *aūzælyn* ‘обласкать’, ‘попотчевать’, (шутливо) ‘поколотить’... (Абаев IV, 23–24). Ср. рус. *потчевать*, *угощать* и др. в качестве иронической метафоры: *потчевать тумаклами, возжсами, угостить затрепщиной*, «изрядно был бы *потчеван арапниками*» (В. Нарезный, «Бурсак»), «Мы *потчевали* еще раз войска Казимуллы 19 июня и теперь делаем чувствительное путешествие в горы, поколачивая мятежников при каждой встрече» (А. Бестужев-Марлинский, «Письма из Дагестана»), «Забил снаряд я в пушку туго И думал: *угощу* я друга» (М. Лермонтов); далее: «Иного до того *огладит*, что долго встать не может» (П. Бажов, «Кошачьи уши»), «Старика *ублажили* так, что у него пошла кровь горлом» (Вс. Иванов, Дневники)... Ср. *честить* (с которым исторически соотносимо *потчевать*) в производном значении ‘бранить, ругать’.

wajdun (дигорск.) ‘намеки’; *wajduntæj zorun* ‘говорить намеками’ (Абаев IV: 42). «Вероятно, из *waz-dun* „кончик (*dun*) слова (*waz*)“». Ср. рус. (*понимать*) *с полуслова*. Однако в русском *полуслово, полслова* — не только ‘намеки, обиняки, недоговоренности — в расчете на понятливость собеседника’ («...ну и там... вы, разумеется, меня с *полслова* понимаете» — Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»); «*Полуслов* не люблю...» — Ф. Достоевский, «Двойник»), но и ‘слова, цедимые неохотно, короткие ответы, подчеркивающие нежелание продолжать разговор’ («Она очень сухо обошлась с Варварой Павловной, отвечала *полусловами* на ее любезности...» — И. Тургенев, «Дворянское гнездо») — словоупотребление, толковую лексикографию по каким-то причинам не заинтересовавшее.

wæġdy | wæġdi ‘напрасно’, ‘тщетно’, ‘зря’ (Абаев IV, 66). «Локатив от *wæġd*, прош. причастия от *wazun* ‘отпускать’ и пр.»

Сходная мотивированность и в славянских: один из синонимов к *напрасно, тщетно, зря* — наречие *попусту* (в диалектах также *пусто* ‘напрасно, попусту’ — СРНГ 33, 143: «Тут он *пусто* проучится два-го года») — соотносится с *пустить, (от)пускать* (см.: Фасмер III, 410, 411), ср. еще сложения с начальным *пусто-* (*пустобрёх, пустозвон, пустоцвет* и под.). Однако локативная семантика в осетинском не совсем ясна.

wælewat (дигорск.) ‘высокое, возвышенное помещение, комната’ (Абаев IV, 78). «Сложение из *wæl-* [‘над, наверху’] и *wat* ‘комната’». Семантически ср. слав. **gorьnica* со значениями ‘горница, верхнее жилое помещение’, ‘чердак’ и др. в южно- и восточнославянских языках; рус. диал. *верхи́* ‘верхний этаж’ («Казачьи дома обычно имеют два этажа: верхи и низы. В низах кухня, кладовка и проч. Верхи — чистое помещение»), *верхни́ца* ‘вышка, теремок, чердачок, настрой, горница’ (СРНГ 4, 158, 161).

wænyg | iwonug, iwonæg ‘бычок’, ‘juvencus’ (Абаев IV, 86–87). «Восходит к **yawanuka-* (**yuwanuka-, *yawanaka-*). Индо-европейская база — **yuwen-, yun-* ‘юный’ (Рокорну 510–511)». Распространенная модель номинации ‘бычка’ и ‘телки’ на базе понятия ‘юный’, которой касается автор словаря, должна быть рассмотрена в более широком славянском контексте. Кроме упоминаемых В. И. Абаевым «ст.-слав. *junь* ‘юный’, *junьсь* [-сь! — А. Ж.] ‘бычок’, *junica* ‘телка’», могут быть привлечены материально тождественные факты почти из всех славянских языков (см.: ЭССЯ 8, 194, 197–198). Этому пространному ряду вполне параллельны многочисленные образования, входящие в гнездо с корнем **mold-* ‘молодой’ (данные приводятся по сводам в ЭССЯ 19, 150–184): рус. диал. (псков., смол.) *моло́дка* ‘молодая корова, отелившаяся первый раз’, польск. *młodek* ‘молодой вол, бычок, теленок’, кашуб. *młódka* ‘молодая корова’, н.-луж. *młož* ‘яловая корова’, особенно в сербскохорватско-словенской языковой области — сербохорв. *mładiца* ‘молодая корова’, *Mladan, Mladen* клички бычка, *Mladenka, Mlađenka* ‘клички коровы’, *Mladoña* ‘кличка вола’, словен. *mladénka, mládovina* ‘корова после отела, когда есть молоко’ и т. п.; ср. также сербохорв. *mładiло* ‘время окота у животных’. Связь понятий ‘юница’ и ‘молодая корова, нетель’ своеобразно («зеркально»?) воспроизводится в современном русском жаргоне: *тёлка* ‘девушка’. Не думается, что прямым образцом могла служить латынь, где *juvencsa* — ‘девушка’ и ‘телка’, которое вместе с *junix* родственно имени богини Юнона, *Junio* — буквально ‘телка’ (а имя греческого соответствия Юноне “Нра

— Гера русских транскрипций — соотносимо со слав. *jarьka, *jarica ‘молодая овца’; собственно ‘годовалая’, ср. Топоров Прус. яз. Е—Н, 74–75); отдаленно могло резонировать использование слова *корова* в известном переносном смысле (ср. новогреч. *γελάδα*, *δατάλα* ‘корова’ и *βουβάλα* ‘буйволица’ как бранные наименования женщины; в языке суданских арабов *ǧagga* ‘плотная женщина среднего возраста’ при литер. араб. *ǧiqqat* ‘старая верблюдица’), но и это маловероятно.

wærdyn | wærdun ‘валять’ (войлок, бурку, сукно) (Абаев IV, 92–93). Возводя глагол к иран. **wart-*, и.-е. **wert-* ‘вертеть, вращать, катать’, В. И. Абаев не приводит в качестве семантической параллели слав. *katati (рус. *катать войлок, кошму, валенки*). Правда, О. Н. Трубачев, этимологизируя славянский глагол, настойчиво говорит о значениях ‘двигать туда-сюда по твердой поверхности’ (*katati) и ‘двигать, размахивать туда-сюда по воздуху’ (близкое *katjati → *качать*, точно коррелирующее с *kotiti, начальную семантику которого следует реконструировать как ‘метать’; см.: ЭССЯ 9, 162–163; 11, 205–207). Тем не менее вспомнить эту параллель можно: значение ‘вращение’, как бы Трубачев ни избегал его упоминания, присутствует у *катать* весьма наглядно; помимо многого прочего ср. формальные и семантические пропорции *свернуть* : *скрутить* : *скатать*, *свёрток* : *скрутка* : *скатка*, простореч. *завертеть* : *закрутить* : *закатать* (консервную банку) и т. д.

wærtȳn xæfs | wærtȳn xæfsæ ‘черепаха’ (Абаев IV: 96). «Буквально „лягушка (*xæfs*) со щитом (*wærtȳn* от *wart* ‘щит’...)”» (в других иранских языках родственные слова имеют также значение ‘панцирь’. — А. Ж.). Из славянских семантических параллелей (частичных) В. И. Абаев приводит болг. *костена жаба* ‘черепаха’, но их число может быть значительно увеличено (см.: Гура 1997: 392). Ср.: укр. *коритна жаба*, *жаб’яча покришка*, сербохорв. далмат. *корава жаба* (‘жаба с корою’), черногор. *жаба од коре* и особенно многочисленные болгарские именованья: *жаба*, *жаба с кор*, *коруба жаба* (возможно, связано с диал. *коруба* ‘дупло’), *поткоритка жаба*, *курутанка жаба* (от *корито* ‘корыто’), *куртена жаба*, *залупчарска жаба*, *гъван жаба* (от названий деревянной посуды *залупци*, *гаванка*), *кантаруша жаба* (*кантар* ‘весы’; очевидно, панцирь черепахи сравнивается с чашками весов). В книге «Традиционная духовная культура осетин» Л. А. Чибиров считает необходимым привести легенду о происхождении черепахи: приготовленную для семьи курицу хозяйка

от глаз случайного гостя прикрыла деревянной чашкой, но когда гость ушел, курица превратилась в черепаху. Правда, сообщается, что этот сюжет записан не у осетин, а у абхазов (Чибириков 2008, 179). Подобные этимологические легенды известны и славянам — записывались в ровенском Полесье, на юге Житомирщины, в Сербии, Боснии, Хорватии, у болгар (Гура 1997, 392–393).

Wærxæg имя родоначальника эпических героев «Нартов»... (Абаев IV, 96–97). «Восходит к *warkaka- от warka- ‘волк’». Из славянских фактов, дополняющих сведения о тотемической роли и индоевропейском культе волка, который отразился, помимо прочего, в использовании слова ‘волк’ и производных от него в антропонимиконе, В. И. Абаев упоминает лишь, что в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приводится около 40 зарегистрированных в деловой письменности лиц с именем *Волк*. Однако славянские данные, конечно же, гораздо богаче. Личные имена, восходящие к праслав. *vьlkъ ‘волк’, особенно многообразны у балканских славян, ср., например, болг. *Вълко*, *Вълкан*, *Вълкана*, *Вълкашин*, *Вълчо*, *Вълчан*, *Вълчин* (см.: БЕР I, 205–206), сербохорв. *Вук*, *Вукац*, *Вукач*, *Вучан*, *Вучко*, *Вучета*, *Вукаша*, *Вуко*, *Вујо*, *Вујило*, *Вујин*, двучленные имена *Вук(о)мир(а)*, *Вукмил*, *Вукодав(а)*, *Вук(о)драг*, *Вуковое*, *Деливук*, *Стојвук*, *Маливук* и т. д. (см.: Skok III, 636).

wæzqūs | wæzǵos, bæzǵos ‘тугоухий’ (Абаев IV, 105). «Буквально „тяжелый (wæz) на ухо (qūs)“». Любопытны формально-смысловые пересечения со славянским: начальный компонент **ʔog-* сложения **ʔogouхъ(jь)*, служащего переводом этимологически отличному осетинскому слову с буквальным значением ‘тяжело-ух(ий)’, апофонически соотносится с **ʔeg-*, одним из основных славянских носителей идеи ‘тяжести’. Вообще же ср. нем. *schwerhörig* ‘тяжело слышащий’, новогреч. βαρύς τὰ ὄτα ‘тугой [тяжелый] на ухо, глуховатый’ и под.

wæzzaw 1. ‘тяжелый’, ‘трудный’, ‘медлительный’ [, ‘грузный’ — Осетинско-русский словарь 1952, 338]; ант<оним> *ræwæg*; 2. ‘беременная’... (Абаев IV, 105). Словарем показаны стандартные семантические соотношения — в кругу значений, объединенных под цифрой «1» (в примерах нет необходимости), и распространенные — между зонами «1» и «2» (см.: Виск, 283). Последнее наблюдается, разумеется, и в славянских языках (*berme ‘груз, бремя, ноша, тяжесть’ → **bermenъna(ja)*, **bermenata(ja)*, **bermenita(ja)* ‘беременная’, рус. *тягостна* ‘беременная’, *тягость*, перм., сиб. *тяжесть* ‘беременность’ — Даль²

IV, 455, *тяжела*², диал. *гру́зная* ‘беременная’ — СРНГ 7, 168, польск. *ciężarna*, чешск. *těhotná*, н.-луж. *šěžka* ‘беременная’, сербохорв. *трудноћа* ‘беременность’ и т. п.), включая его распространение и на заимствования (германизм укр. *вага* ‘вес, тяжесть’ → *вагітна* ‘беременная, о женщине’).

wydīsny(y), dīsny | uzēsnaē, uzestæ, izestæ мера длины — расстояние между концами большого пальца и мизинца растянутой руки [= ладони. — А. Ж.], ‘четверть’ (ок. 22–25 см) (Абаев IV, 113). Через ряд фонетических преобразований из формы **witansti* ← **tan-* ‘растягивать’. Слав. **pędъ* ‘пядь’ ← **pъno*, **pęti* ‘натягивать’ как нельзя лучше годится в семантические параллели. Модель, правда, широко известная: *homo mensura omnium rerum*. Ср. нем. *Spanne* ‘пядь’ ← *spannen* ‘натягивать’; тюрк. *сере* ‘пядь’ ← *сер-* ‘растягивать’ (ЭСТЯ 2003, 243–244; Дыбо 1995) и мн. под.

wyngæg | ungæg ‘узкий’, ‘тесный’, ‘стесненный’, ‘сдавленный’ (как физически, так и душевно) (Абаев IV, 117). Для иллюстрации утверждения, что «физическая теснота повсюду... связывается с „теснотой“ душевной, ‘тоской’, ‘страхом’, ‘тревогой’», В. И. Абаев щедро привлекает примеры из фризского, древневерхненемецкого и современного немецкого, латинского, французского, ирландского, армянского языков, но упускает доступный и наглядный славянский материал: ср. рус. *стесняться, подавленный, зажатый, мяться, угнетенный, щемить*, диал. *пережиматься* ‘колебаться, мяться; стесняться’ (СРНГ 26, 105) и т. д.

хaj ‘часть’, ‘доля’, ‘отрезок’, ‘кусок’... (Абаев IV, 132). О славянских сочетаниях типа рус. *дурака кусок*, польск. *kawał lotra* в параллель осетинским см.: *Slavo-ossetica* 2, 87–88.

²**xal | xalæ** ‘нить’, ‘нитка’, ‘нанизка’, ‘вереница’ (Абаев IV, 135). «Допустимо этимологическое тождество с ¹*xal*: „былинка“ — „нитка“. В осетинском и чеченском оба значения совмещаются». Ср. рус. диал. (новосиб.) *ніточка* (3) ‘стебелек травянистых растений’ (СРНГ 21, 242), чешск. диал. *čertovy nitky* ‘повилика клеверная (*Cuscuta trifolii*)’ (Hladká 2000, 146; «patrně podle nitkovité podoby lodyh»). Ср. далее алб. (тоскск.) *fije kashte* ‘соломинка, «нитка соломы»’, новогреч. κλωνιά ‘нитка’ — κλωνιάζω ‘пускать ростки’.

xalas | xalasæ ‘иней’; переносно ‘седина’ (Абаев IV, 136). ‘Седина’ — общеизвестная метафора, обычно остающаяся «несловарным» поэтизмом (в Осетинско-русском словаре 1952 такого значения у слова *халас* не регистрируется, что, по-видимому, свидетельствует о его отсутствии в общезыковом фонде, хотя

отмечается глагольное сочетание *халас уын* ‘посесть’). Тем интереснее метафорическое употребление глагола *заснежиться* в русской диалектной речи («Черный волос у тебя, однако, *заснежился*» — ворон., СРНГ 11, 47); является ли оно ходовым в говоре или индивидуальным, не ясно. В диалектах с мотивацией ‘подобный инею, снегу’ встречаются наименования животных белого окраса или с поседевшим мехом: волог., костром. *снежурка* ‘о животном белой масти’ («Эдакой теленок-от снежурка», СРНГ 39, 100), возможно, арханг. *куржевина*, *куржейина* ‘звериная шкура’ (СРНГ 16, 124, 125), если последние к *кържэ* ‘иней, изморозь’.

xalyn | ixalun 1. ‘портить’, ‘разрушать’, ‘расстраивать’, ‘нарушать’...; 2. ‘развязывать’, ‘распутывать’...; *х yd syxalyn* ‘распороть шов’ (Абаев IV, 138–139). Ср. постулируемое родство слав. **pr̥titi* ‘портить’ и *porti ‘пороть’ (Miklosich, 243; Фасмер III, 332, 335; Черных II, 58, 59).

xans (дигорск.) ‘густые заросли травы, кустарника, бурьяна’; также название весеннего месяца: «месяц травы» (Абаев IV, 140). Воплощение широко распространенной во многих культурно-языковых традициях, земледельческих в первую очередь, ономаσιологической модели, которой, кроме комментируемого слова, отвечают названия апреля *kærdægý mæj*, дигор. *kærdæg ævzuræn* (комментарий к ним — в: Slavo-ossetica 1, 277–278; см. еще: Чибиров 2008, 333). Славянская реализация модели представлена названиями (в основном диалектными) месяцев апреля и мая — рус. *травень*, *травник*, ст.-блр. *травень*, укр. *травень*, *травник*, чешск. устар. *tráven*, словац. *traveň*, словен. *mali traven*, *velki traven*, сербохорв. *травањ*, *биљар* (*биље* ‘травы’), болг., макед. *травен* и др. (Шаур 1973, 95–96; Славянские древности 1, 115; 3, 166, 237–240). Рус. диал. (псков.) *мур* ‘май’ (Даль² II, 359; СРНГ 18, 346) подобным же образом связывается с диал. *мур*, *мурава* ‘трава’ (Фасмер III, 10). О семантических параллелях в других языках, в том числе принадлежащим иным лингвистическим семьям, и об общности хозяйственной идеологии, лежащей в основе календарных обозначений и их мотивировок у различных народов, см.: Журавлев 2005, 876 и след.

xatt ‘раз’; ... *xattæj-xatt*... ‘иногда’, ‘временами’ (Абаев IV, 144–145). «Образования типа *xattæj-xatt*... находят параллели в других языках; ср., например, др.-инд. *vāram-vāram* ‘часто’ [снова и снова]. — А. Ж.].» Более точным с грамматической стороны было бы сопоставление осетинского сложения (с первым компонентом в аблативе) и рус. *раз от разу*. Это выражение обычно

сочетается с прилагательным / наречием в сравнительной форме или глаголом со значением изменения состояния: *раз от разу громче*, *Раздражение раз от разу усиливалось* — ‘по мере продолжения, с каждым разом’; но возможны и внекомпаративные контексты: «И поскольку я был постоянным членом бригады, а Сережа бетонировал *раз от разу*, то причитающуюся ему долю выдали на руки мне...» (Н. Климонтович, «Дорога в Рим») — ‘иногда, от случая к случаю, нерегулярно’.

hawun | хawun ‘падать’, ‘попадать’, ‘доставаться’ (Абаев IV, 148). (а) К связи значений ‘падать’ и ‘доставаться’ (на чью-либо долю), ‘случиться’ (производное *æрхауын*) ср. рус. *выпасть* (*мне выпало...*), болг. *падна му се*, сербохорв. *допасти, запасти*, польск. *przypaść (w udziale)* и под. во всех славянских языках. Ср. также лат. *cado*, франц. *échoir* (< лат. **excadere*), нем. *fallen, anheimfallen*, англ. *fall* и проч. (б) Один из приводимых В. И. Абаевым контекстов включает осетинский глагол в значении ‘быть произнесенным (о слове)’: *пухæј сæ нĭкæј зухæј хawу* «ни из чьих уст не выпадает ни слова» (Абаев 1939, 49). Ср. рус. *ронять слова* (*проронить, обронить слово / фразу / замечание...*), начиная со «Слова о полку Игореве»: *изрони злато слово*. Далее — *перекинуться словечком, бросить слово, падать* (о словах): «Сквозь ... звонки телефона из трубки сгустками падали слова генерала» (М. Шолохов, «Тихий Дон»); «...оскорбительная небрежность, с какой тот швырялся громадными и святыми словами...» (Л. Леонов, «Вор»); «И упало каменное слово На мою еще живую грудь» (А. Ахматова, «Реквием»); «...тот, кто бросил слово в толпу, как огонь в стог сена...» (Г. Бакланов, «Жизнь, подаренная дважды»). Так же обстоит в других славянских языках: болг. *обронвам, проронвам* ‘ронять (слова)’, чешск. *utrousiti* ‘уронить; рассыпать (например, пепел)’ — ‘обронить (слово)’, польск. *słowa padają* ‘слышатся слова’ и т. д. Семантическая модель распространена очень широко: лат. *verbum excidit* у Тита Ливия, франц. *laisser tomber les paroles*, англ. *drop words*, нем. *ein Wort fallen lassen*. С нею тесным образом связаны выражения во множестве языков, реализующие сочетаемостные схемы ‘ловить слова’, ‘подхватить слова’.

хæсæп | хwæсæп ‘ручка’, ‘поручень’, ‘рукоять’ (Абаев IV: 150). От глагола *хæсуп* ‘держать’ с помощью аффикса *-æп*, оформляющего имена с орудийным значением. Ср. слав. **dъržadlo, *dъržakъ* во многочисленных отражениях современными языками (см.: ЭССЯ 5: 229–230). Ср. еще рус. диал. *держáва, держáлен / держáлень, держáлка, держáло, держáль, держáльник*,

держальня, держачки в том же значении ‘ручка, рукоять (различных орудий и приспособлений)’ (СРНГ 8: 18–20, 23) и многочисленные подобные факты других славянских языков. Приводить параллели в иных языках нет необходимости: схема в высшей степени стандартна. ‘Держать’ — семантика, результативная по отношению к значению ‘брать, хватать’. Глаголы, передающие последнее, обладают аналогичным семантическим и деривационным потенциалом.

хæсун | хwæсун 1. ‘держать’, ‘держаться’; в сочетании с превербами получает также значения ‘хватать’... 2. ‘бороться’, ‘биться’, ‘сражаться’...; **хæст** ‘бой’, ‘война’... (Абаев IV, 152). Ср. рус. *схватиться* ‘вступить в столкновение’, *схватка* ‘столкновение, сражение’. С приводимым В. И. Абаевым выражением *сæст ул пæ хæсу* ‘глаз за ним не поспевает’ — о быстро движущемся предмете (с. 153) ср. книжн. *удержать взглядом, держать в поле зрения*.

хæд- | **хwæд-** первая часть ряда сложных слов... соответствует... рус. *само-*... (Абаев IV, 154). Слова, описываемые на нескольких следующих страницах «Историко-этимологического словаря...» В. И. Абаева, в структурном отношении прозрачно соотносятся с многочисленными славянскими образованиями на *samo-* (также *svoje-*), обычно сравнительно поздними и иной раз, как и сходная осетинская лексика, калькирующими иноязычные образцы.

хæдфæстæ | хwæдфæстæ ‘непосредственно позади’, ‘вслед’, ‘непосредственно после’ (Абаев IV, 156). См. ниже, **хæдраз | хwæдрazi**.

хæдсгæ | хwæдсгæ: [фолькл.] *хæдсгæ фынг* «стол-самобранка» (Абаев IV, 156). Интерес представляет соотношение вторых компонентов осетинского *хæдсгæ* (к *исун* ‘брат’) и русского *самобранка* (к *братъ* → *браная* ‘о ткани — узорочная, которая точется не просто через нитку, а где основа перебирается по узору’ — Даль² I, 126; ср. блр. *абру́с-самабóр* ‘скатерть-самобранка’, далее *наборный*). Современное сознание приписывает слову *самобранка* (только в фольклорном аппозитивном соединении *скатерть-самобранка?* ср. еще вятск. *самобрань* то же — СРНГ 36, 77) не приведенное далевское значение, а, скорее, ‘(пиршественная скатерть,) сама, без участия человека, накрывающаяся яствами «из ниоткуда»’. Именно такое вторичное понимание и подвинуло В. И. Абаева к использованию рус. *самобранка* в объяснении осет. *хæдсгæ фынг*, где определяемое относится к «небольшим,

невысоким, круглым треногим столикам, входившим в инвентарь староосетинской сакли» (Абаев I, 497), а отнюдь не к «браным» скатертям. Тем не менее в названиях функционально сходных сказочных осетинской и русской реалий мы имеем дело с перекличкой первичных значений *īs-* и *br(a)-* — ‘брать’. Где причина этого совпадения?

xædkærdgæ | xwædkærdgæ [фолькл.] «самосекущий (меч)» (Абаев IV, 156). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *kærdyn* ‘резать; рубить (на куски); кроить’. Ср. рус. фолькл. *саморуб* — эпитет меча, топора и т. п., *саморубка* — эпитет сабли (волог.), *самосék* (волог., колым., якут.), *самосékлый* (олон.), *самосéч* (колым., якут.) — эпитеты меча, бердыша и т. п. (СРНГ 36, 102). О роли в осетинском (и шире — кавказском) фольклоре мифологического представления о рубящем и колющем оружии, обладающем чудесной способностью вступать в бой без участия его обладателя, см.: Чибиров 2008, 134–135.

xædmæl | xwædmæl ‘дохлый’, ‘околевший’ (о животных, умерших без истечения крови, «своей смертью»; мясо такого животного считалось непригодным для еды)... (Абаев IV, 157). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *mælyn* ‘умирать’. «Аналогичные выражения, означающие естественную (не насильственную) смерть в применении также к человеку, имеются в других иранских языках» — древнеперсидском, белуджском, персидском. В. И. Абаев мог расширить сопоставления за счет этимологически точной славянской параллели: слав. **sъmьrtь* продолжает индоевропейское сложение **su-* / **suo-* + **mrt-* ‘своя смерть’ (Фасмер III, 686; Гамкрелидзе — Иванов ИЕ, 830; ESJS, 914–915; ср.: Трубачев 2003, 192–193, где подчеркивается этимологическое тождество **su-* ‘свой’ и **su-* ‘хороший, благой’³). Следует отметить, что в некоторых славянских языках в сложениях, по своему строению аналогичных осетинскому, компонент *sam(o)-* может обозначать не естественный характер смерти (как в укр. *самовмерлий*), а противоположный ему: словен. *satomor* — ‘самоубийство’ (впрочем, может быть, в этом случае аккуратнее было бы усмотреть развитие у *-mor* семантики ‘убийство’ на базе значения ‘смерть’, то есть разовое, ad hoc, «обогащение» последнего семантическим признаком ‘насильственный’?).

xædnærgæ (иронск.): [фолькл.] *xædnærgæ topp* «самогремящее ружье», ‘ружье-самострел’ (Абаев IV, 157). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *næryn* ‘греть’. К семантике целого ср. рус. *самострел*, *самопал*. Параллельное осетинскому соединение значений от-

дельных компонентов обнаруживается в сложениях типа фолькл. *само-гуды* ‘гусли’, *самогласные* (гусельки) (Даль² IV: 133), далее **samogols-* ‘гласный, гласная’ (фонетический термин) в разных современных славянских языках (болг., макед. *самогласка*, сербохорв. *самогласан*, *самогласник*, словен. *samoglasnik* и проч.).

xædr̥az | xwædr̥azi ‘непосредственно перед’ (Абаев IV, 158). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *raz* ‘перёд’ (существительное), ‘перед’ (послелог); последнее как во временном (‘раньше, до, накануне’), так и — преимущественно — в пространственном значениях (Абаев II, 354). Использование в конструкциях с подобной семантикой прилагательного-местоимения *сам(ый)* в русском языке (как и других славянских) обычно: *перед самыми воротами, до самого дома, перед самой войной, до самой смерти*. Однако в осетинском языке *xæd-*, эквивалентное русскому *самый*, употребляется не только в составе сложного послелога, служащего для передачи значений ‘непосредственного преднахождения’ и, так сказать, ‘непосредственной предслучаемости’, но и в составе аналогично устроенного антонимичного послелога *xædfæstæ | xwædfæstæ*, передающего значения ‘непосредственно позади’, ‘вслед (за)’, ‘непосредственно после’ (Абаев IV, 156). В русском языке, по крайней мере в литературном идиоме, выражения **за самыми воротами* (**позади самых ворот*), **после самой войны* не разрешены, в подобных случаях применимо наречие *сразу* (часто сопровождаемое частицей *же*): *сразу за воротами, сразу же после войны*.

xæzar | xæzagæ ‘дом’, ‘сакля’, ‘жилище’, ‘главное жилое помещение сакли, где горит очаг’, ‘домашнее хозяйство’; термин является в равной мере архитектурным, социальным и хозяйственным (Абаев IV, 159). (а) Последнее замечание вполне применимо и к слав. *domъ. Об этом семантическом узле и трудностях отождествления (/ разграничения) и.-е. *domos / *domus ‘дом; семья’ и *detō ‘строить, сооружать’ см.: Бенвенист 1995, 196–; специально на иранском материале и весьма детально: Додухудоева 2005, 214–. Не лишено интереса то обстоятельство, что в русском, например, языке — если не принимать во внимание специальных, казённо-терминологических подсистем — очень мало производных, включая сложные слова, от *дом* в значении ‘сооружение, постройка, здание’ (а имеющиеся, вроде *домостроительный (комбинат)*, носят отчетливо поздний характер): большинство производных развивает семантику ‘семья’ и ‘хозяйство’. Весьма похожая картина рисуется В. И. Абаевым

в списке осетинских дериватов *xæzar* и словосочетаний с ним, предваряющем иллюстративную часть комментируемой словарной статьи. (б) Этимологию осет. *xæzar*, которая соотносит исход слова с *car* ‘крыша’, В. И. Абаев подкрепляет отсылкой к этимологической связанности ирл. *tech* ‘дом’ и лат. *tectum* ‘крыша’, но также ‘дом, жилище, убежище’ (← *tego* ‘крыть, покрывать’). Аналогичное семантическое развитие — у слав. *krovъ → рус. *кров*, ст.-слав. *крьвъ* ‘крыша, кровля’ и ‘жилище’ (Ст.-слав. Словарь, 294), сербохорв. *крѡв* ‘крыша, кровля’ и ‘прибежище, кров’, чешск. *krov* ‘крыша’ и ‘кров, приют’ и др., болг. *покрив* ‘крыша’ и *бащин покрив* ‘отчий дом’, далее — фразеология, базирующаяся на расширительном осмыслении ‘крыши’ как ‘дома, постоянного прибежища’ (ср.: Журавлев 1996, 129): *иметь крышу над головой*, польск. *mieć dach nad głową*, кашуб. *ni tecz daku nad głowō* (Sychta I, 185), чешск. *nemít vlastní střechu nad hlavou*, болг. *имам покрив над главата си* и под. Впрочем, эти семантические эволюции вполне тривиальны.

xæjræg ‘черт’, ‘дьявол’, ‘бес’ (Абаев IV, 163). «Употребительны были также эвфемистические наименования черта: *ænæzæġinag* ‘неназываемый’, *sajægoj* ‘обманщик’». (а) Запреты на произнесение имени нечистой силы имеют едва ли не универсальный характер. С осет. *ænæzæġinag* напрямую сравнимы строящиеся на «металингвистических» посылках славянские однословные номинации демонов вроде сербохорв. *nespomēnica* ‘непоминаемая, неназываемая’ — о «вештице», полуженщине-полудемоне, близком восточнославянской ведьме, *непоменик* ‘черт’ (РJA X, 77; Раденковић 1999, 384; *Чёрт* // Славянские древности 5), или витебск. *безыменьщик (лесовой)* (Романов 1891, 4; ср. Черепанова 1983, 57), воронеж. *безыменная* — о демоне-лихорадке (Юдин 1997, 255). Не менее обычны обыгрывающие ту же материю оговорки типа рус. *не к ночи будь помянут* — о чёрте, уклончивые обозначения предикативного характера вроде укр. *тот, що не вільно нагадувати, той, не при хаті згадуючи*, — вместо *чорт* (Хобзей 2002, 67; Славянские древности 5), обиняковые номинации с утраченной предикативностью вроде волог. *не баское имя* — «говорится вм. слова “черт”» (СРНГ 2, 133; 20, 104). Ср. еще неэвфемистическое (?) арханг. *бэзымень* ‘привидение, двойник’ («По нар<о>дн<ому> поверью, во всем походит на человека, но, по безличью, носит личину, а своего лица у него нет» — Даль² I, 80); влад. *безымянный* ‘мертворожденный’ (СРНГ 2, 205); младенцы, родившиеся мертвыми, во многих культурах рассматри-

ваются как добыча злых сил, в местных христианских традициях, славянских в том числе, самым фактом некрещения и неполучения имени они приравняются к нечистой силе (см.: Славянские древности 2, 86–88). (б) Идея лживости, лежащая в основе осет. *sajægoj*, может быть усмотрена в распространенном именовании дьявола *лукавый*, в русском языке — церковнославянского происхождения, в конце концов калькирующем греч. *διάβολος* ← *διαβάλλω* ‘клеветать’. Ср. также *оболгатель*, *клеветник*: «Дьяволь, *оболгатель*, оболга бо Бога ко Адаму...» (СлРЯ XI–XVII вв. 12.: 121); «дїавол, *оболгатель*» (Лаврентій Зизаній, 43); «*diabolus*, дьяволь, *клеветникъ*» (Славинецкий, 162).

хæк' урс | хæк' урс ‘икота’, ‘всхлипывание’; *хæк' урсæг id.*; *хæк' урс кæнун* ‘икать’; *хæк' урсæг кæнун* ‘плакать всхлипывая’ (Абаев IV, 164). «Звукоподражание, точнее — сращение двух звукоподражаний: *хæк* и *к' урс*. Звукотип НК отмечен для “икоты” и в некоторых других языках: каб<ард>. *хæк'ä*, авар. *уек' di*, нем. (диал.) *Hicken*, англ. *hissip*, фр<анц>. *hoquet*». Иллюстрации В. И. Абаева незатруднительно могут быть продолжены славянскими примерами: рус. (мне) *гикнулось* ‘икнулось’ (Даль² I, 349), укр. *гикати* ‘икать’ (Гринченко I, 282), диал. *загика*, *гикало*, *гикавець*, *загикливець* (Дзендзелівський 1987, 186), словен. *hikati* ‘рыдать’ (Pleteršnik I, 266), в.-луж. *hikać* ‘икать’, ‘рыдать, всхлипывать’ (Pfuhl, 201; Трофимович, 51), н.-луж. *hykaś* ‘икать’ (Muka I, 475) (к *ъkati, ЭССЯ 8, 215–216); с семантикой рус. диал. (смол.) *гукать* ‘издавать характерные для агонии человека звуки, которые, по народным представлениям, означают зов родителей и являются последним моментом кончины (об умирающем)’ (СРНГ 7, 212) ср. арханг. *икота смертная* ‘истерическое нервное заболевание, при котором во время припадков наступает смерть больного’ (СРНГ 12, 181).

хæлwзух | хæлwзух ‘ротозей’ (Абаев IV, 169). Сложение *хæлw* ‘расставленный, раздвинутый врозь; разинутый’ и *зух* ‘рот’. Ср. рус. *ротозей* с зеркальным в сравнении с осетинским словом расположением корневых компонентов. Прямое структурное подобие — в рус. диал. *зеворót* ‘зевака, разиня, ротозей’, *зеворótить*, *зеворótка*, *зеворótый*, *зеворótье* (Даль² I, 698; СРНГ 11, 244; Новг. словарь 3, 92), у М. Шолохова в «Тихом Доне» — *зевлоротый* (о собаках: видимо, ‘с постоянно раскрытой пастью’)

хæлwaræg | хæлаур ‘паук’, ‘*aranea*’... (Абаев IV, 170). «Следует делить *хæл+war-æg*. В первой части — *хал* ‘нить’ (с ослаблением гласного...). Вторая часть (*war | ur*), быть может, сопо-

ставима с *ar-* в гр<еч.> ἀράχνη ‘паук’ и предполагает значение “плести”, “ткать” (*xæl-waræg* “плетущий нить”)» (греческое слово, с сомнениями, возводится к и.-е. *arə-k-snā: **ar-* ‘связывать’, *snē ‘прясть’; Pokorny I, 61). Мотивированность, усмотренная В. И. Абаевым для осетинского названия паука, может быть типологически подкреплена довольно древним словом *mězgyrь ‘паук’ (праславянский диалектизм: рус. *мизгирь* ‘паук’, укр. *мизгирь* ‘тарантул’), для которого предложено этимологическое соотнесение с балтийскими и германскими фактами: лит. *mezgù, mezgiau, mėgzi* ‘вязать, завязывать’, *māzgas* ‘узел’ и др. (см.: Fraenkel I, 426–427), др.-в.-нем. *māscā* ‘петля’ (совр. нем. *Masche* то же), др.-исл. *mǫskvi* то же. Тем самым реконструируется деривационная цепочка **mezgti ‘плести’ → **mězga ‘сеть, паутина’ → *mězgyrь ‘паук’ (подробнее: Фасмер II, 619–620; ЭССЯ 18, 226–227). «Прядильно-плетельно-ткаческие» ассоциации, кладущиеся в основу названия паука, этим кругом языков, разумеется, не замыкаются: они присутствуют, например, в лит. *vóras* от *vėrti* — к и.-е. **uer-* ‘вязать’ (Fraenkel II, 1274; Pokorny I, 1150); в новогреч. ἀνοφαντής ‘ткач’ — ‘паук-ткач’; в германских (нем. *Spinne* и др.) и кельтских (ср.-кимр. *cy-ffiniden*) обозначениях паука, возводимых к и.-е. **spen-* ‘тянуть, натягивать, прясть’ (Pokorny I, 988; Kluge²⁰, 727); в абхаз. *a-bizkatak* ‘паук’, буквально ‘язык’ + ‘сеть’ + ‘ткать’ (Климов — Халилов 2003, 240–241); в кит. *zhīzhu* ‘паук’ на базе *zhī* ‘ткать; вязать; плести’...

xæræg ‘осел’, ‘ишак’; ... *xærægǵædæ* ‘брус-подставка’ (Абаев IV, 176). «Об использовании слова “осел” в значении “подставка”, “опора” и т. п. см. *axxæræg* ‘главная потолочная балка’ из *ag-xæræg* (*ag* ‘котел’) “балка, к которой подвешивался котел”». К показанным В. И. Абаевым (с. 178) грузинскому и уйгурскому примерам подобных метафор (см. еще Абаев I, 94) можно было добавить славянские. Ввиду их обилия здесь достаточно ограничиться некоторыми русскими; ср. *быки* ‘мостовые опоры’, диал. ‘стропила крыши’, *бычók* ‘деревянная подпора в конструкции избы’ (СРНГ 3, 343, 357–358), *кóзлы, козёл* ‘спортивный снаряд: брус на ножках’, диал. ‘козлы для пилки дров’, ‘простейшая пристань, мостки на козлах’, *козá* ‘козлы для пилки дров’, ‘станок кустаря-игрушечника, служащий опорой для обрабатываемого изделия’ (СРНГ 14, 57, 59), *кобылка* ‘деревянная подставка под струны’, диал. *кобы́ла* ‘козлы для пилки дров’, ‘приспособление в виде длинного бревна на четырех ножках, на котором молотят снопы’, ‘у скорняков — наискось установленная доска, козлы

для обработки овчин и кож', в сходных значениях *кобылѣнки* мн., *кобыліна*, *кобылінка*, *кобылка*, *кобыльница* (СРНГ 14, 17–22), диал. *конѣк* 'продольный брус на гребне крыши', 'приступок для лазанья на печку', 'переносной станок для ружья у охотника' («Стрелять-то с конька хорошо, но его надо таскать»), *кѡник* с многочисленными конкретизациями значения 'конструктивная опора', *конь* 'верхняя слега или балка на стыке крыши', 'продольный деревянный брус на речных судах, укрепленный на двух стойках', *коня* то же (СРНГ 14, 251, 257, 275, 279), диал. *баран* 'козлы, на которых пилят дрова', 'толстый брус, поддерживающий потолок в различных постройках' (СРНГ 2, 104–105). Обращает на себя внимание та подробность, что по большей части в подобную метафорику вовлекаются названия самцов домашних животных (не обязательно тягловых или вьючных, что было бы слишком простым её объяснением, ср. *козѣл*, *баран*); ср. далее *самец* 'в машинах — стойка, стояк, бабка' (Даль² IV, 132), *самцы* («служат замест стропил», Там же) с производными *самцовая слега* 'остов крыши, горизонтальная длинная жердь, обрешетина, положенная на стропила крыши', *самцовая сторона* 'сторона строения, где концы жердей, образующие каркас крыши, положены на концы бревен фронтона' (влад., СРНГ 36, 113–114). Тем любопытнее случай использования слова *самка* для значения 'одно из бревен потолка в избе' — так же, по всей видимости, опорное (шенкур. арханг. СРНГ 36, 76). Об ирон. *аххæтæг* 'матица', 'главная потолочная балка' см. также: Абаев I, 94 и наш комментарий к этой статье (Slavo-ossetica I, 258).

хæтзгæтæг | хвæтзгæтæг 'делающий кому-либо добро', 'благодетель' (Абаев IV, 186). «См. *хорз* и *кæнун*» ('хороший; добро' + 'делать'). Весьма стандартное соединение смыслов в пределах одного слова, известное множеству языков (греч. εὐεργέτης, ἀγαθοεργός, лат. *benefactor*, нем. *Wohltäter*, лит. *geradarys*, лтш. *labdaris*, финск. *hyväntekijä*), в том числе славянских: ст.-слав. **благодѣтель**, **добродѣль** прич.-прил. 'делающий добро' (Ст.-слав. словарь, 191), болг. *благотворител*, сербохорв. *добротвор*, *доброчинач* и под. (нередко кальки). Ср.: *фудгæтæг | фудгæтæг* 'злодей' (Абаев I, 492) и наш комментарий к этой статье (Slavo-ossetica I, 272).

хæтзхуз | хвæтзхуз 'умеренно полный' (о человеке), 'упитанный'... (Абаев IV, 186). Сложение *хорз* 'хороший, добрый' и *хуз* 'вид, образ, внешность'. Идея «добротности» применительно к внешности человека реализуется также в рус. *раздобреть*

‘расползеть, потолстеть, стать упитанным’, арханг. *подобрее* ‘полотще, полнее’ (СРНГ 28, 107), укр. *роздобрити*, блр. *раздабрэць* ‘растолстеть’, ср. еще принадлежащие тому же гнезду **deb-* / **dob-* прилагательные, применяемые к внешности человека, *debelъjъ и *szdobъnjъ.

xæssyn | xæssun, xærsun 1. ‘нести’; ... *zyrdxæssæg*... ‘доносчик’, ‘ябедник’... (Абаев IV, 188). *Zyrd* — лексикализованное пассивное причастие прошедшего времени от *zyryn* ‘говорить’, ‘звать’, т. е. ‘сказанное’ → ‘слово’; *zyrdxæssæg* базируется на фразеологизме *zyrd xæssyn* ‘доносить’. Ср. в русском языке *доносить* ‘поставлять информацию, осведомлять’, имена действия (и результатов) *донос*, *донесение* и имя деятеля *доносчик*; употребление глагола *нести* и синонимов в составе фразеологизмов *нести напраслину*, *нести ерунду* (*ахинею*, *чушь*, *околесицу*...), *нести правду*, *нести весть*, *нести слово Божье*, *разносить сплетни*, с переосмыслением — *выносить сор из избы* и под.

xæstbojnnon (иронск.) ‘беременная’ (Абаев IV, 191). Буквально ‘несущая (*xæst*, причастие от *xæssyn*) богатство (*bon*)’. Ср. слав. *nositi с континуантами в значении ‘быть беременной’. Развитие семантики стандартно для множества языков.

xæston (иронск.) ‘воин’, ‘военный’ (Абаев IV, 191). «Лексикализованное прош. причастие от *xæsun* | *xwæsun* ‘биться’...». Прозрачная ономаσιологическая параллель — слав. *bojъsъ (рус. *боец*, укр. *бієць*, сербохорв. *бојац* и т. д.) ← *biti (*se*).

xætag | xætagæ ... ‘распутный’ (обычно о женщине) (Абаев IV, 191). «От *xætyn* ‘бродить’, шляться’ с помощью форманта *-ag*, указывающего на постоянное свойство...» В обозначениях ‘распутницы, развратника’ ономаσιологическая опора на глаголы со значением ‘передвижения ногами’ является, наверное, самой частой, по крайней мере в славянских языках. Из-за труднообозримого количества возможных иллюстраций удовлетворимся, как и в некоторых иных случаях, сравнительно немногими русскими примерами (литературными и, не исчерпывающим образом, диалектными; последние, по достаточной представительности материала, — только из СРНГ). Кроме параллели «*шлюха* от *шляться*», которую привёл В. И. Абаев, ср.: *таскаться* → *потаскуха*, *потаскливая* (СРНГ 30, 268); *бродить* → *бродяжка*, *бродячая* (СРНГ 40, 296, в иллюстрации к статье *Спущенница*), *разбрóжая* (СРНГ 33, 271), *калабрóдница* (СРНГ 12, 332); *гулять* → *гулящая*, *гулевáнка*, *гулёна*, *гулливая*, *гульная*, *гульня*, *гуляшка* (СРНГ 7, 213, 214, 216, 219, 220, 226); *шататься* → *шату́нья*,

шатуха (Даль² IV, 623), *шатóха*; *волоч(ит)ься* → *волоку́ша*, *шельма волочащая* (фолькл.), *волочáга*, *волочúга*, *волочúжка*, *выволока* (СРНГ 5, 56, 67–68, 73, 74, 258); *блудить* (в современном литературном языке глагол почти потерял широкое значение ‘бродить’ и сузил семантику до ‘плутать, не зная дороги’ и ‘развратничать’) → *блудница*, *блудня* (СРНГ 3, 30); *плутать* → *баба поплутная* (СРНГ 29, 323); *блукать*, *блыкать → *блаку́щая девка*, *блыку́ха* (СРНГ 3, 15, 32); *ходить* → *расхо́жая* (СРНГ 34, 302), *похо́дная*, *похожа́лая*, *похожа́лка*, *похожа́йка* (СРНГ 30, 358, 360), *ходо́к* ‘мужчина, имеющий сексуальные связи с многими женщинами или постоянно изменяющий жене хотя бы с одной любовницей’; *бегать* → *бегля́нка*, *бегу́ля* (СРНГ 2, 170, 171)⁴, *побегу́шка* (СРНГ 27, 189), *оббегля́к* ‘распутник’ (СРНГ 21, 353). Идея «ходьбы, нахождения в пути» реализуется также в словах *распутница*, *беспутница* (СРНГ 2, 276), *непутка* (СРНГ 21, 136), во фразеологизмах *пойти по рукам* ‘стать распутной’, диал. *пойти в волю, за волей*, *пойти в улуд, за блудом*, *пойти в гульбу, за гульбой*, *пойти в распут (распуть)*, *пойти под ветер*, *пойти в другую (худую) сторону* ‘начать распутничать’ (СРНГ 28, 360; 34: 193). Нетрудно заметить, что приведенные русские слова и выражения, называющие ‘блуд’ и ‘распутницу’ (/ ‘распутника’), строятся на неоднородных отправных семантических моментах. В частности, можно выделить смысловые зависимости ‘блуд’ ← ‘праздное шатание’, ‘блуд’ ← ‘ошибочный (далее — нравственно неверный, осуждаемый) путь’ (*беспут-*). Применительно к производным глагола *bĕgati, по-видимому, нельзя исключать связь с семантикой ‘находиться в периоде гона, течки (о животных)’ (рус. *бĕгаться*, СРНГ 2, 170; блр. *бĕгаць*, укр. *bĕgati(ся)*, словац. диал. *behat’i sa* и проч., венг. диал. *bizs* — императив, побуждающий быка к случке, заимствование из украинского, см. Ковтюк 2007, 173), ср. устойчивые сравнения грешной сладострастницы с возбуждаемой самкой домашнего животного, вроде томск. *похотли́ва корова* — о женщине легкого поведения (СРНГ 14, 349).

xætæl 1. ‘стебель’; 2. ‘труба’, ‘трубка’; 3. ‘ствол ружья’, ‘ружье’ (на языке охотников, вместо *topp* <‘ружье’>... 4. д<игорск>. ‘свирель’ (Абаев IV, 192), также ‘трость’ (Осетинско-русский словарь 1952, 390). (а) Все эти значения имеются у континуантов праслав. **cĕv-* (*cĕva, *cĕvъ, *cĕvь), первоначально обозначавшего трубчатое органическое образование (стебель растения или кость животного организма), которое по обработке, в частности, сделанное полым, могло быть использовано как материал для раз-

личного рода орудий и технических приспособлений — рукоятей (ср. чуваш. *ávär*, бурят. *эшэ* ‘стебель’ и ‘ручка, рукоятка’), шпук, катушек, челноков, трубок для слива жидкостей, простейших музыкальных духовых орудий. См.: болг. *цев* ‘полый ствол растения, например, цикуты’, ст.-чешск. *сéва* ‘тростинка’, блр. диал. *цавіна* ‘стебель однолетнего растения (картофеля, помидора, щавеля и др.)’ — рус. диал. *цёвка* ‘берестяная трубочка, вставляемая в ткацкий челнок; на нее наматывается нитка’, укр. диал. *ціўка* ‘труба, дымоход’, болг. диал. *цифка* ‘отверстие пастушеского меха, через которое выпускается молоко’, чешск. *sevna* ‘лейка’ — макед. *цевка* ‘ствол ружья’, рус. *цевьё* ‘верхняя часть ружейного ложа’ — сербохорв. *sjevnica* ‘tibia, свирель’, рус. (в поэзии) *цевница* ‘флейта, свирель’, но также церк.-слав. *цѣвьница* ‘струна’ (свод слов и значений с этим корнем см. в: ЭССЯ 3, 190–194). (б) Синекдохический сдвиг *ствол* ‘единица огнестрельного оружия’ (‘винтовка’, ‘пистолет’ и проч.) широко применим в современном русском языке. Как счётные единицы рассматриваются *штык* и *сабля*, но уже для определения величины личного состава соединения или подразделения: «Численность армии простиралась до 40 тысяч штыков и сабель» (А. Деникин, «Очерки русской смуты», т. IV); «...отряд антоновцев — сабель в 250...» (А. Солженицын, «На краях»).

xætyn | xætun 1. ‘бродить’, ‘бродяжничать’... 2. ‘вести распутный образ жизни’ (Абаев IV, 193). «Вероятно, *medium* к *ʰxatun* ‘поворачивать’». Ср. принадлежность ст.-слав., церк.-слав. **развратъ** (праслав. **orzvortъ*) словообразовательному гнезду **vort-* / **vьrt-* с отправной семантикой вращения, исключительно богатой потенциями развития.

²**xīl | xelæ** ‘злак’ (?); только в сочетании *xīl kūvyn | xelæ kovun* ‘совершать благодарственную молитву после первого сжатого снопа’ (Абаев IV, 200–201). «Вероятно, идентично с *ʰxīl* <‘волос’>». Если семантическая реконструкция ‘злак’ и суждение В. И. Абаева об этимологическом тождестве упоминаемых слов верны, то этой паре (‘волос’: ‘растение’) можно привести огромное количество смысловых параллелей в самых разных языках, в том числе, конечно, и славянских. Эти семантические связи берут основание в мифосозидательном моделировании мира с помощью антропоморфического кода. Подробно см.: Журавлев 2005, 101–107.

xīlag (xīlæg) | xelagæ ‘змея’; эвфемизм вместо *kalm* (Абаев IV, 201). «Причастие на *-ag (-æg)* | *-agæ* от *xīlyn | xelun* ‘ползти’,

буквально “ползучий”». Кроме напрашивающейся аналогии *полз* (змея): *ползти* / *ползать*, приводимой В. И. Абаевым, можно упомянуть рус. диал. *ползун* ‘змея’, ‘гусеница’, *ползучка* ‘змея’, *поползень* ‘большая змея’, *поползучая* сущ. ‘змея’ (СРНГ 29, 67, 68, 330, 331); новг. *поплавушка* ‘змея’ (СРНГ 29, 319) ← *плáвать* ‘ползать’ («выйдут поплавушки!»), ср. *поплыть* ‘поползти (о змее)’ (СРНГ 27, 65; 29, 323; Словарь Карелии 4, 528), *подплыть* ‘подползти’ (? — «Подплыла змея да подземельная» в фольклорных текстах олонцкого собрания Гильфердинга, СРНГ 32, 172, статья *Пролизнуть*); сербохорв. *гмѝзавци* ‘пресмыкающиеся’ ← *гмѝзати*, *гмѝзити* ‘ползать, пресмыкаться’; ст.-чешск. *lazik* ‘пресмыкающееся’ (Gebauer II, 211) ← *laziti* ‘лезть, ползти’, ср. словац. *lezák* ‘гусеница’ (Картотека Словацкого исторического словаря Института языкознания им. Л. Штура в Братиславе, цит. по: ЭССЯ 15, 34) ← *lezti, словац. *liezti* ‘ползти’. Семантическая модель распространенная, ср. др.-инд. *sarpa* ‘змея’ ← *sarp* ‘ползти’, тюрк. *йылан* ‘змея’ ← *йыл-* ‘ползти’ (ЭСТЯ Ж, Ж, Й, 277). Стоит отметить, что описательные наименования змеи семасиологи-историки трактуют как эвфемизмы в большинстве случаев.

xīstær | *xestær* ‘старший’; ант<оним> *kæstær* ‘младший’; *xīstær k’ūx*, *xīstær æng ylz* ‘большой палец’ (ср. *kæstær k’ūx* ‘мизинец’) (Абаев IV, 204). Эпитеты *xīstær* и *kæstær* и их производные фигурируют преимущественно в сочетаниях с именами родства (детей, братьев и сестер в первую очередь) и социальных ролей, обозначая различия по положению и возрасту (см. Осетинско-русский словарь 1952, 198, 392). Для славянских языков также характерно вовлечение прилагательного ‘младший’, точнее деадъективного существительного со значением ‘младший сын’, в группу наименований телесных членов, именно пальцев: *mězinьсьь, *mězinькьь, *mězinька и др. (← *mězinььь ‘меньший, младший’) ‘последний ребенок в семье — мальчик’, ‘младший брат’, ‘младшая дочь’, с одной стороны, и ‘самый маленький палец на руке’, редко ‘палец между маленьким и средним’, ‘палец средний или палец рядом с мизинцем’, с другой (Трубачев 2008 (1960), 64–66; ЭССЯ 18, 227–232). О первичности социального термина по отношению к анатомическому говорит предложенный в упомянутых исследованиях историко-семантический анализ и ряд формальных моментов, в частности, суффикс *-in-*, «как правило, оформляющий притяжательные прилагательные и прилагательные, обозначающие принадлежность к группе (социальной или возрастной): **l’udinьь*, **čel’adinьь*» (ЭССЯ 18, 227). «Олицетворение» пальцев

руки в известной русской потешке явно сравнивает их с детьми, членами одной семьи — братьями и, возможно, сестрами: взрослый водит указательным пальцем по ладошке дитяти со словами: «Сорока-ворона / Кашку варила, / На порог скакала, / Гостей созывала. / Гости не бывали, / Каши не едали, / Всю свою кашу / Сорока-ворона / Деткам отдала. (Далее ребенку загибают пальчики, воспроизводя манеру пальцевого счета.) Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала: / Зачем дров не пилил? / Зачем воду не носил?» (один из многих текстуальных вариантов). Упомянутое О. Н. Трубачевым выражение *мальчик-с-пальчик* показывает обратный вектор сравнения («константа» — ‘палец’) и аргументом в пользу первичности социального значения не оказывается. К связи разбираемой социальной и анатомической лексики ср. др.-инд. *kāniṣṭhā* ‘самый маленький; самый молодой’, (m.) ‘младший брат’ — *kaniṣṭhā* (f.) ‘мизинец’, ‘самая молодая жена’ (Кочергина, 148).

xos | **xwæsæ** 1. ‘сено’; 2. ‘лекарство’...; 3. ‘вообще ‘средство’...; *toppyxos* ‘порох’ («ружейное средство»)... (Абаев IV, 220). «Восходит к *xuwāstra “добрая (*hu-*) трава (*wāstra*)”». (а) В семантическом плане ср. значения рус. *зелье* (*зелие*, также *зель*; праслав. *zель, *zельje): в СлРЯ (5, 371–372): 1. ‘злак, трава, растение’ (в памятниках с XI–XII вв.), *зелие травное*; 3. ‘лекарство, трава, напиток для лечения наговором, заклинанием’ (в памятниках с XIV в.); 5. ‘порох’ (в памятниках с XVI в.), *зелье пищальное, пушечное, ручное* (последнее значение, в целом будучи чуждым народным говорам, может сохраняться ими в производных: донск. — очевидно книжного или канцелярского происхождения — *зелёйная казна* ‘запасы пороха’, СРНГ 11, 246). В других славянских языках значение ‘лекарственные травы’ (укр. *зілля*, блр. *зэлле*, в.-луж. *zelo*) косвенно отражается в наименованиях профессий вроде рус. фолькл. *зельщица* (СРНГ 11, 254), словен. *zeliščar* ‘знахарь’, словац. *zelinár* ‘знахарь’ (близкие образования чаще несут значения ‘огородник’, торговец зеленью). (б) С осетинским синтагматическим соединением смыслов ‘добрый’ и ‘трава, растение’ ср. рус. *благозельный* ‘благоприятный для произрастания растений, плодородный’ (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 203: «О полонении Иерусалима» Флавия), являющееся приблизительной калькой греч. εἰβοτος ‘обильный хорошими пастбищами’.

***xsīd** | **æxsæd** ‘заря’... (Абаев IV, 233–234). «Иранский корень *xšay-* совмещал два значения: ‘сиять’ и ‘властвовать’». В русских текстах соприкасаемость этих значений нагляднейшим образом

сказалась в одах М. Ломоносова, адресованных императрице Елисавете: «Да в сей толь кратко день *на троне воссияешь*», «Когда Елисавет России воссияла». К рус. *Ваше сиятельство* (титолование князя, графа), приведенному у В. И. Абаева в качестве семантической параллели иранским фактам, следует добавить *Ваша светлость* (титолование младших детей правнуков императора и их мужского потомства, а также *светлейших* князей по пожалованию).

*xsisk (иронск.) название сорняка — ‘свинойрой’, ‘*Cynodon*’ (Абаев IV, 237). «Этимологически идентично с *sisk* ‘сорт ячменя’, *sysky* ‘овес’». Названия сорняков и в славянских языках нередко связаны (словообразовательно или, иной раз, чего здесь можно не касаться, добавлением дифференцирующего прилагательного) с наименованиями культивируемых злаков: рус. *овсюг*, *житняк*, диал. *житёц* ‘*Bromus secalinus* L. <, костёр ржаной>’ (СРНГ 9, 189–190), *пшенёц* ‘растение *Lolium perenne* L., сем. злаковых; плевел многолетний’ (СРНГ 33, 182), укр. *вівсуг*, диал. *вівсуга*, *вівсук* ‘овсюг’, *житёць* ‘житняк’ (Гринченко I, 203, 485; Онишкевич I, 116; Дзэндзелівський 1987, 13; Сабадош 1996, 111, 148), *жытнички* ‘*Centaurea cyanus* L., василек синий’ (Бейлина 1968, 420–421), блр. диал. *жыцець* / *жыцёц*, *жытніца*, *жыцвіца*, *жыцік*, *жыціца* ‘житняк’ (Носович I, 156; Сл. паўночн.-заход. Беларусі 2, 169–170), польск. *owsik* ‘овсюг’ и под.

*xsyr | *æxsir* ‘молоко’; ... *xsyry sær(tæ)* ‘сливки’ («верхушки молока»); *xsyry cad* ‘молочное озеро’ (в сказке); *xsyræg*, *xsyrgærdæg*, *k_oузæxsyr* ‘молочай’, ‘*Lactuca*’ (Абаев IV, 241–242). (а) С мотивационным устройством осет. *xsyry sær(tæ)*, где послелог *sær* значит ‘на, над, через, поверх, сверху’, переключаются слав. **vrxъ/-ху*, **vbršькъ/-ку* ‘верх, верхи’, *vbršina (рус. диал. *вершина* — СРНГ 4, 173) и др. → ‘вершки, сливки; сметана’. Ср. также рус. диал. *настой*, *на-сядок* ‘сливки’ (СРНГ 20, 193, 213) как антонимы словам *отстой*, *осадок*. (б) Со словосочетанием *xsyry cad* ср. *молочные реки* (, *кисельные берега*) русских сказок, с соответствиями во многих других фольклорных традициях. (в) Во многих языках названия ‘латука’ (*Lactuca*), ‘молочая’ (*Euphorbia*), ‘одуванчика’ (*Taraxacum*) и ряда других растений мотивированы выделением ими на сломе стебля белого непрозрачного сока, похожего на молоко. Широкая распространенность таких растений, наглядность ономаσιологического импульса и формальное неоднобразие ботанических народных терминов делает затруднительными, если не вообще излишними, суждения об их калькированности

с некоего единого образца. Ср. многочисленность однословных форм, сводимых едва ли не к праязыковому возрастному уровню, в славянских языках и диалектах: *melko ‘молоко’ (→ рус. диал. *моло́ка* ‘молочай’) → *melčajъ, *melčакъ, *melčавъ (прил. → сербохорв. *млѣчавац* ‘растение *Sonchus*, осот’, в.-луж. *mlóčawka* ‘растение с молочным соком’), **melčevъ(jь)* (прил. → сербохорв. диал. *mlječevina* ‘растение *Euphorbia*’), *melчь, *melчьсь, *melчьje, *melчька, *melчько, *melчькъ, *melчьница, *melчьникъ, *melkojědъ (рус. диал. *молокоéd* ‘молочай’) (ЭССЯ 18, 74–80, 88). Столь же многочисленны славянские фразеологизмы с тою же ботанической семантикой, включающие существительное *melko (*melчь) или прилагательное **melчьнь(jь)*. Ограничимся лишь малым числом примеров: рус. диал. *молочная трава* ‘*Euphorbia*’, ‘*Taraxacum*’ (СРНГ 18, 247), словац. диал. *mliešnuo ziel'a* ‘*Taraxacum officinale*’ (Sloven. nár. II, 175; буквально ‘молочная трава’); чешск. диал. *hadí* ‘змеиное’, *kani* ‘канючье, сарычѣво’, *kozi* ‘козье’, *zaječí* ‘заячье’, *zabí* ‘жабье’) *mléko* ‘*Euphorbia*’, ‘*Sonchus*’ (Hladká 2000, 143), кашуб. *vilči* ‘волчий’) *mlěc* ‘козелец, *Scorzonera humilis* L.’ (Sychta III, 87), рус. диал. *гадючье молоко* ‘одуванчик’ (Сл. донск. казачества, 101), укр. *песяче, суче, котяче, кізе* ‘козье’, *кане молоко* (Сабадош 1996, 154–155), полесск. *бу́слово* ‘аистово’, *вужо́ве* ‘ужиное’) *молоко* ‘*Euphorbia suparisiensis* L., молочай кипарисовый’ (Бейлина 1968, 426). Славянским фразеологизмам с притяжательными прилагательными, образованными от названий животных, семантически параллельно осет. *kъузæхсур* ‘молочай’, в буквальном переводе ‘собачье молоко’ (*kъуз* — ‘собака’). Более пространный, чем здесь, но вовсе не исчерпывающий материал, перечень славянских фитонимов, мотивированных названиями ‘молока’ см. в: Журавлев 2005, 381 (там же — ряд неславянских ономаσιологических параллелей).

xubezæstæ (дигорск.) ‘пригоршня’; *xubezæstæj* ‘пригоршней’, ‘пригоршнями’ (Абаев IV, 243). «...восходит закономерно к *ubai-zastā „обе руки“. Слово это примечательно тем, что оба его компонента, хорошо известные по другим индоевропейским языкам <ср. авест. *uwa*, др.-инд. *ubhá* ‘оба, двое’, авест. *zasta-*, др.-инд. *hasta-* ‘рука’. — А. Ж.>, в осетинском нигде более не встречаются». Соединение основ со значениями ‘оба, обе’ и ‘рука’ в однословном образовании отмечено во многих славянских языках — сербско-хорватском, словенском, чешском, словацком, польском, восточнославянских — как продолжение праславянских форм **obě-ръкъ(jь)*, *obě-ръць, **obě-ръцьнь(jь)* (ЭССЯ 26, 185–186; ср.:

Skok III, 170; Brückner, 369; ЭСБМ I, 47; Преображенский I, 625).

xūrærdyn (иронск.) ‘радуга’; чаще *arværdyn* (Абаев IV, 248). О славянской параллели осетинскому *arvyrdyn*, буквально ‘небесный лук’, см.: Slavo-ossetica I, 256.

xūrnyg_oyld ‘закат солнца’; д<игорск.> *xoræftud* id. (Абаев IV, 248). О семантической параллели дигорскому слову см.: Slavo-ossetica I, 260.

²**x_oy** | **ху** ‘небольшая копна’... (Абаев IV, 255). «Идентично с ¹**x_oy** ‘свинья’». Приведа цитату из статьи Рольфа «Sprache und Kultur», где крайне обрывочно упоминаются термины в европейских языках для укладок сена и сжатого хлеба, являющиеся переносными употреблениями наименований разного домашнего скота (‘Pferd’, ‘Esel’, ‘Kuh’, ‘Schwein’, ‘Ziege’, ‘Gänschen’), В. И. Абаев из богатого русского материала выбрал только точные в ономаσιологическом отношении параллели комментируемому осетинскому термину: *боров, боровок, кабан, свинка*. Однако общая картина метафорических операций в описываемой хозяйственной терминологии в результате оказывается сильно зауженной и предьявленной односторонне. Узкую собственно «свиную» тему можно расширить словом *рюха* (сев.-рус. ‘свинья’ и приангар. ‘укладка снопов (пшеницы или ржи)’), а из числа прочих следует упомянуть построенные на семантическом переносе термины *баран, кабан* (и производные), *кобыла* (и производные), *коза / козёл* (и производные), *собачка* и даже *медведка* (СРНГ 2, 105; 12, 281–282; 14, 18–21, 57, 59, 68–69; 18, 65; 35, 328; 39, 148). Похожая метафорика наблюдается и в иных славянских языках. Нетрудно обнаружить, что русские названия укладок хлебных снопов и сена сильно пересекаются с метафорическими названиями всевозможных технических приспособлений, внешне подобных скамье: *козел* для пилки дров, *свай, стояков* с перекладинами, *мостков* и проч. (*баран, кобыла* и производные, *коза, козлы, медведка, собачка*). Вряд ли поэтому от перечисленных наименований нужно отлучать и ‘скамью’: ср. иван., влад. *скамья́, скаме́йка* ‘вид укладки снопов зерновых культур’, арханг. *скамья́, скаме́йка*, иркут. *скамня́* ‘козлы для пилки дров’ — и (!) донск., моск., иван. *скамейка* ‘лошадь’ (СРНГ 37, 383–384); не может ли *скамейка* ‘укладка снопов’ содержать двойную мотивацию — быть одновременно и результатом сдвига от одного технического значения к другому, и «зооморфной» метафорой?

²**x_oyssyn** | **xussun** ‘гаснуть’, ‘тухнуть’... (Абаев IV, 272). «Идентично с ¹**x_oyssyn** <‘спать’>...». В русских диалектах метафориче-

ская передача значения 'прекратиться, утратить активность' через идею «засыпания» более применима, кажется, к стихии водной, чем огненной: твер. *засну́ть* 'замерзнуть (о водоеме)', забайкал. *засыпа́ть* 'замерзать (о воде)': «Однако, паря, Байкал-от засыпает? А у вас коли он заснул?» (СРНГ 11, 47, 79). См.: Журавлев 2005, 297. Впрочем, об огнедышащих горах говорят: *вулкан проснулся*, но в этом случае не столько олицетворяется собственно огонь, сколько в образе живого организма предстает земля.

yvzag | ævzag 'язык' (1. 'tongue', 2. 'language') ... (Абаев IV, 279). (а) В случае с 'языком' развитие значений от анатомического к лингвистическому весьма обычно. (б) Соединение значений в приводимом В. И. Абаевым осет. *cyrgævzag* 'острый на язык' (*цырзь* 'острый') также чрезвычайно распространено. В иллюстрациях необходимости нет.

zænægdon | zænægdonæ 'матка', 'uterus' (Абаев IV, 297). «Собственно „вместилище (*don*) детей (*zænæg*)“». Ср. укр. диал. *дитинник* (анатомич.) 'матка', ст.-чешск. *dětinec* 'матка' (цит. по: ЭССЯ 5, 15), далее двусловные обозначения типа рус. *детское место* 'матка', 'плацента'. Можно предположить, что осетинское слово является калькированным — в силу другого языкового строя структурно неточно — с груз. *sašvilosno* 'матка' (от *švili* 'дитя').

zærdæ 'сердце' (Абаев IV, 300). «Идеосемантика ос<ет>. *zærdæ* поистине необъятна. Она выходит за пределы анатомии и физиологии и включает также психическую сферу — все, что, скажем, в русском обозначается словом 'душа': не только разнообразные эмоциональные, но даже интеллектуальные состояния и проявления, сознание, память». (а) При значительном сходстве этой картины с показаниями иных языков, славянских в том числе, любопытно заметить, что коннотации соединяющихся с 'сердце' слов или основ при тождественности значений могут быть прямо противоположными. Так, если для русского языка прилагательные *большой* и *великий* в синтагматическом единстве с существительным *сердце* характеризуются очевидно положительными ассоциациями (ср.: «...человечество все больше станет нуждаться не в генералах, ученых или философах, а в людях просто *великого сердца*» — Л. Леонов. «Вор»; «Но я уповаю на великодушие Государя, умеющего как никто иной быть справедливым и добрым, твердо веря, что его прозорливость и *большое сердце* оградят невинного человека от жестокой и незаслуженной кары...» — Б. Окуджава. «Путешествие дилетан-

тов»), то в осетинском — негативными: сложное существительное *styrzærdæ* (*styr* ‘большой’) означает ‘высокомерный’ (Абаев), ‘беспечный, беззаботный’ и ‘равнодушный’ (Осетинско-русский словарь 1952, 310). (б) С иронск. *zærdæxalæn* ‘душераздирающий’ (*xalyn* ‘разрушать, деформировать’) ср. болг. *сърцераздирателен*, чешск. *srdcervouci, srdcelomný*, словац. *srdcervúci, srdcelomný*. И в осетинском и в славянских примерах более чем вероятно почечное калькирование (ср. нем. *herzzerreißend* ‘душераздирающий’ и проч.), в осетинском, если иметь в виду цитированное выше соображение В. И. Абаева, — непосредственно с русского образца, несмотря на отсутствие прямой смысловой эквивалентности между *zærdæ* и *душа*.

zærdæniz ‘сердечная боль’, ‘сердечная тоска’ (Абаев IV, 301). Слово типа *tatruḡuṣa*, сложение *zærdæ* ‘сердце’ и *niz* ‘болезнь; боль’. С формальной стороны параллельно славянским сложениям **sъrdobolъ*, **sъrdobol’a*, **sъrdobolъje*: ст.-слав. **сръдобола** ‘родня, родственники’ (Ст.-слав. словарь, 621), рус. *сёрдоболие* ‘сердечное участие, сострадание, жалость и старание о помощи’, *сёрдобольный*, *сёрдобол(ен)ка* ‘женщина, посвятившая себя уходу за больными, ранеными’, *сёрдобольничать* ‘посвятить себя этому делу’, насмешл. ‘заботиться о чужом, где не просят, упуская свое’ (Даль² IV, 175), сербохорв. *срдѳобѳола* ‘дизентерия, кровавый понос’ (где ‘сердце’ → ‘внутренности’, ср. *он је слаб на срцу* ‘он страдает желудком’). Семантически осетинскому более близки позднейшие однословные славянские образования с суффиксированной первой основой — болг. *сърцебол* ‘сердечная боль’, сербохорв. *срѳобѳола* ‘болезнь сердца’.

zylyn | zulun 1. ‘кривой’... 2. ‘неправый’, ‘виноватый’ (Абаев IV, 320). Отношения между значениями (1) и (2) настолько близки хорошо известным фактам других языков, что приводить пространный славянский материал, могущий служить семантически параллелями осетинским примерам, нет никакой необходимости. Поэтому ограничимся лишь отсылкой к многочисленным позициям на *крив-* русских исторических словарей и диалектного сводного лексикона (СДРЯ IV, 295–297; СлРЯ XI–XVII вв. 8, 53–56; СРНГ 15, 241–252), особо, впрочем, выделив др.-рус. *кривьда* ‘неправда, несправедливость’ и *кривьць* ‘виновник, ответчик’. О слав. **kriv-* специально см.: Толстая 1998.

zyr | zuræ ‘моренный камень’ (Абаев IV, 324). «Возможно, следует связать с *zyryn | zurun* ‘кружить’ в смысле ‘округлый, обкатанный камень’. Ср. по семантике рус. *кругляк, круглыш id.*».

В качестве смысловой параллели следует привлечь производные от *katati, *obkatati: рус. *ока́тыш*, *ока́ток* ‘оглаженный временем камень; валун, крупный булыжник’ (Даль² II, 587), диал. *ока́т* ‘галька’ (СРНГ 23, 114). В семантическом плане сюда, несомненно, необходимо отнести и слово *валун* ‘камень крепкой породы... , оглаженный и округленный природою, окатыш’ (Даль² I, 162)⁵. Из неславянских семантических схождений см. лит. *riedulys* ‘валун; булыжник; голыш’ — в связи с *riedėti* ‘катиться’.

Дополнение

k'ül | k'olæ ...; k'ūlybadæg 1. ‘баловень’, 2. ‘колдунья’ (буквально ‘домосед’) (Абаев I, 639). (а) К внутренней форме ‘домосед’ у названий нечистой силы или, точнее, лиц, находящихся в сношениях с нею, ср. рус. диал. (новг.) *домосéдушко* ‘то же, что домовик... = по суеверным представлениям — добрый или злой дух, живущий в доме; домовый’ (СРНГ 8, 119). При отнюдь не тождественности образов восточнославянских колдуна / ведьмы, с одной стороны, и домового, с другой, о существенном пересечении их признаков (сходство их навыков, умений и функций, способность к оборотничеству, совпадение способов увидеть домового и распознать колдуна, их почитание, сказывающееся, например, в приглашении на свадебное пришествие, и проч.) см.: Славянские древности 2, 120–124, 528–534; 1, 297–301; Никифоровский 1995; Максимов 1903. (б) К соприкосновению значений (1) и (2) осет. *k'ūlybadæg* ср. рус. диал. *баловница* из наименований колдунов, знахарей, ведьм (Черепанова 1983, 15).

Указатель семантических моделей, рассмотренных в статье 3 серии «Из наблюдений... (slavo-ossetica)»

Римские и арабские цифры указывают соответственно том и страницы «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева.

‘Баловень’: ‘колдун(ья)’ I, 639. ‘Бежать; течь’ → ‘быстрый’ III, 221–222. ‘Белый’ → ‘молочная еда; сыр’ IV, 19. ‘Беременная’ ← ‘тяжёлый’ IV, 105. ‘Бить(ся)’ → ‘воин’ IV, 191. ‘Блудница’ ← ‘ходить, бродить, бегать’ IV, 191. ‘Большой’ + ‘сердце’ → ‘высокомерный’, ‘равнодушный’, ‘беспечный’ IV, 300. ‘Брать’ (+ ‘сам’) см. ‘Самонакрывающийся /-щаяся стол / скатерть’. ‘Бросать’ → ‘произносить’ IV, 148. ‘Вертеть, вращать, катать’ → ‘валять (шерсть)’ IV, 92–93. ‘Верх, верхний’ → ‘лучшее, жилое помеще-

ние в доме' IV, 78. 'Верх; сверху' → 'сливки' IV, 241–242. 'Взорваться' → 'вспылить' III, 270. 'Волк' → тотемное имя → личное имя IV, 96–97. 'Волос' → 'растение; злак' IV, 200–201. 'Вращение' (→ 'бродить') → 'распутство' IV, 193. 'Глаз' → 'самоцвет' III, 296. 'Глазок' → 'миловидный ребенок' III, 296. 'Глубокий' → 'темный' III, 232. 'Глухой, тугоухий' ← 'тяжёлый' + 'ухо' IV, 105. 'Двор' → 'нежилая часть дома' III, 341–342. 'Демон, чёрт' ← 'неназываемый' IV, 163. 'Держать' / (с превербами) 'хватать' → 'вступать в сражение', 'схватка' IV, 152. 'Дети' + аффикс 'вместилище' → 'матка' IV, 297. 'Добро' + 'делать' → 'благодетель' IV, 186. 'Добрый' (+ 'вид, образ') → 'упитанный' IV, 186. 'Добрый' + 'трава' IV, 220. 'Дом' → 'семья' IV, 159. 'Домосед' → 'колдун(ья)' I, 639. 'Душа' + 'живой' → 'кто-нибудь'; 'душа' + 'живой' (с отрицанием) → 'никто, никого' IV, 6–7. 'Душа' → 'человек, живое существо' IV, 6–7. 'Дьявол' ← 'лживый' IV, 163. 'Жених' ← 'жена' ('искать жены, просить жены') IV, 21. 'Засыпать, спать' → 'гаснуть, тухнуть' IV, 272. 'Злак' → 'сорняк' IV, 237. 'Зло' + 'делать' → 'злодей' IV, 186. 'Змея' ← 'ползающий' IV, 201. 'Иней, изморозь, снег' → 'седина' IV, 136. 'Козлы; стропило, опорный брус; матица' ← 'домашнее животное' IV, 176. 'Катать' → 'макать, окунать' III, 328. 'Кривой' → 'неправый, виноватый' IV, 320. 'Кровля' → 'жилище, постоянное прибежище' IV, 159. 'Круг' → 'группа людей, сообщество' III, 328. 'Круглый, обкатанный' → 'моренный камень, валун' IV, 324. 'Мизинец' ← 'младший сын' IV, 204. 'Молодое домашнее животное; бычок, тёлка' ← 'молодой, юный' IV, 86–87. 'Молоко, молочный' → 'Lactuca' (тж. 'Euphorbia', 'Tagaхасum' и др.) IV, 241–242. 'Молочная река' (фолькл.) IV, 241–242. 'Мучить' ← 'вынимать, вытягивать душу' IV, 6–7. 'Набухать, пухнуть' → 'затылок' III, 329. 'Нести' + 'слово' → 'осведомитель, доносчик' IV, 188. 'Несущий' + 'богатство' → 'беременная' IV, 191. 'Нитка' → 'стебель, травинка' IV, 135. 'Оба, обе' + 'рука' IV, 243. 'Осёл' → 'опорная конструкция' IV, 176. 'Падать, быть роняемым' → 'быть произнесённым (о слове)' IV, 148. 'Падать, выпадать' → 'случаться, доставаться на (чью-либо) долю' IV, 148. 'Паук' ← 'плетущий нить; ткач, прядильщик' IV, 170. 'Полоса' → 'лесная полоса, перелесок, роща' III, 220–221. 'Пороть' → 'портить' IV, 138–139. 'Пронзать, тыкать' → 'военное столкновение, бой' III, 307. 'Пустой стебель; трубчатая кость' → 'трубка', 'ствол ружья', 'свирель' IV, 192. 'Пустой; пускать, отпускать' → 'тщетно, напрасно' IV, 66. 'Пухнуть, набухать' → 'затылок' III, 329. 'Раз' + 'раз' → 'время от времени'; 'по мере продолжения' IV, 144–145. 'Раздвигать' + 'рот' → 'зевака,

ротозей' IV, 169. 'Распутница' ← 'ходить, бродить, бегать' IV, 191. 'Распутство' ← 'вращение' IV, 193. 'Ронять' → 'произносить' IV, 148. 'Рукоять' ← 'держать' IV, 150. 'Сам(ый)' + 'перед / после' → 'непосредственно перед / после' IV, 158. 'Сам' + 'звучать' IV, 157. 'Сам' + 'сечь, рубить' → эпитет холодного оружия IV, 156. 'Сам' + 'умирать' → 'ненасильственная («хорошая») смерть' IV, 157. 'Само-кат' (калькирование) III, 317–318. 'Самонакрывающийся / -щаяся стол / скатерть' ← 'сам' + 'брат' IV, 156. 'Свинья, боров' → 'копна' IV, 255. 'Сердце' + 'боль, болезнь' IV, 301. 'Сердце' + 'ломать, разрушать' → 'душераздирающий' IV, 300. 'Сиять' → 'властвовать' IV, 233–234. 'Снег, иней' → 'седина' IV, 136. 'Солнце' + 'лук' → 'радуга' IV, 248. 'Спутник, попутчик' → 'супруг' IV, 8. 'Ствол ружья' → 'единица огнестрельного оружия' → 'единица личного состава военного подразделения' IV, 192. 'Тесный, узкий' → 'подавленность, смущение, тревога' IV, 117. 'Трава' → 'лекарство' → 'средство (вообще)' IV, 220. 'Трава' → название весеннего месяца IV, 140. 'Тыкать, пронзать' → 'военное столкновение, бой' III, 307. 'Тянуть, растягивать' → 'мера длины', 'пядь' IV, 113. 'Тянуть' → 'струна' III, 262. 'Угощать, потчевать' → 'бить', 'бранить' IV, 23–24. 'Ударить проволоку' → 'телеграфировать' III, 288. 'Узкий, тесный' → 'подавленность, смущение, тревога' IV, 117. 'Часть слова, половина слова' → 'намёк' IV, 42. 'Часть слова, половина слова' → 'неохотный ответ' IV, 42. 'Черепаха' ← 'лягушка / жаба с панцирем, щитом' IV, 96. 'Чёрт' ← 'неназываемый' IV, 163. 'Юный, молодой' → 'молодое домашнее животное; бычок, тёлка' IV, 86–87. 'Язык, tongue' → 'язык, language' IV, 279. Название домашнего животного → 'укладка снопов' IV, 255. Название импортной породы скота ← топоним III, 219–220. Название породы лошадей ← фамилия конезаводчика III, 308.

Примечания

¹ Трудно удержаться от попутного, хотя отвлекающего в сторону, замечания о принятой фразеографической практике. В словарях приведенное и ему подобные выражения даются с инфинитивной формой глагола (*как сыр в масле кататься*, ср. в СРНГ: *как на блюде кататься*) и толкуются 'жить в довольстве', то есть толкователи видят сравнение при глаголе, а не глагол внутри сравнительного оборота. Если делать обратный перевод с «лексикографического», то должны быть признаны правильными предикативные единицы **он катается как сыр в масле*, **он катается как на блюде*. У составителей замечательного «Большого чешско-русского словаря» под ред. Копецкого, Гавранка и Горалка (Прага, 1952–1964), давших в качестве словарных единиц *как сыр в масле катается* (рядом с *кататься со смеху*), на

этот счет были установки куда более адекватные фразеологической материи, чем, например, у Ожегова — Шведовой, А. И. Молоткова (ФСРЯ, 196), С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 422) и проч.

² «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет „она тяжела“, или даже „беременна“, а не *брюхата* — слово самое точное и на чистом русском языке обычно употребляемое» (Я. К. Грот — П. А. Плетневу; цит. по: Виноградов 1994, 846).

³ Концепт ‘хорошая смерть’ (‘своя, ненасильственная, неслучайная, непреждевременная смерть’, ‘не гибель’), занимающий важное место в онтологических представлениях славян, находит своё прямое выражение в словосочетаниях типа *добрая смерть* («Дай бог *добрый смертью* умереть, не напрасной» — олон., СРНГ 20, 97). Ср. *злая смерть* («Он хочет вас *злой смертью* затребить [погубить]» — моск., СРНГ 11, 105).

⁴ Зарегистрированное в жиздринском (калужском) говоре слово *бегоуля* ‘проститутка’ обнаруживает точное в компаративистском смысле соответствие в чешском языке: *běhule*. Эта изоглосса до сих пор, кажется, не отмечалась (в ЭССЯ праслав.(?) **běgul’a* не включено). Ср. еще чешск. *běhna, poběhlice* ‘потаскуха’.

⁵ Здесь нужно отклонить мотивацию слова *валун* ‘большой отдельный камень округлых очертаний’, которую усматривает Н. С. Арапова. По ее мнению, *валун* ‘камень’ представляет собою результат метафорического переноса, подобного тому, который наблюдается в производности термина (микрорельефа *кабан* ‘большой камень’, ‘глыба льда’ от названия самца домашней или дикой свиньи — по зрительному сходству (Арапова 2006, 23–24). За найденное (утраченное?) *валун* *‘кастрированный кабан’ в построениях Н. С. Араповой предстает другое производное от *валить / валять* ‘кастрировать’ — *валух*. Однако в пользу прежнего толкования, согласно которому *валун* ‘камень’ мотивируется значением ‘обкатанный [движением воды, массивов льда в ледниковую эпоху]’ ← ‘валять, катать’ (с достаточной прозрачностью об этом — в: Фасмер I, 270; ЭСРЯ 3, 13; ЕСУМ 1, 325–326; ЭСБМ 2, 44, 39), говорит немало количество доводов, которые нельзя не признать серьезными. В первую очередь это наличие диалектного (только фольклорного?) прилагательного *валучий* ‘способный перекачываться с одного места на другое’ (СРНГ 4, 31; значение формулируется со знаком вопроса). По-видимому, решающим для привлечения последнего моментом является его употребление в рифмуемом аппозитивном единстве с прилагательным *катучий* и при этом, что особенно знаменательно в контексте наших рассуждений, — в качестве эпитета к ‘камню’: «Ты бы лучше, матушка, меня породила *катучим-валучим* белым *камышком*» в «Онежских былинах» Гильфердинга (см. еще: СРНГ 13, 134). Довеском к предлагаемому доказательству служит параллельная суффиксация *валун* — диал. (яросл.) *катун* ‘валун, булыжник’, далее урал. *катунник* ‘скопление каменной булыжника’ (там же). Невозможно, наконец, закрыть глаза на приведенную выше важную балтийскую (литовскую) ономаσιологическую параллель. [Подробнее см.: Журавлев 2012].

Принятые сокращения

Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. Т. II–IV. Л., 1973–1989.

Абаев 1939 — Абаев В. И. Из осетинского эпоса. М.–Л., 1939.

- Абаев 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.–Л., 1949.
- Арапова 2006 — *Арапова Н. С. Валун* // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Бейлина 1968 — *Бейлина Д. А.* Материалы для полесского ботанического словаря // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.
- Варбот 1997 — *Варбот Ж. Ж.* К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дзендзелівський 1987 — *Дзендзелівський Й. О.* Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- Додыхудоева 2005 — *Додыхудоева Л. Р.* Этнолингвистический словарь: «дом», «жилье»; «хозяйство» // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005.
- Журавлев 1978 — *Журавлев А. Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., Наука, 1978.
- Журавлев 1996 — *Журавлев А. Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воозрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлев 2012 — *Журавлев А. Ф.* Взвешивание конкурентных мотивационных версий в этимологической практике (о слове *валун*) // Русский язык в школе. М., 2012. № 2.
- Климов — Халилов 2003 — *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
- Ковтюк 2007 — *Ковтюк И.* Украинские заимствования в ужанском венгерском говоре. Ньиредьхаза, 2007.
- Кочергина — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Лаврентій Зизаній — Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Київ, 1964.
- Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Миллер 1881 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1881.
- Михеев 1999 — *Михеев М. Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Мораховская 1996 — *Мораховская О. Н.* Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.
- Никитина 2003 — *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2003.

- Никифоровский 1995 — *Никифоровский Н. Я.* Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск, 1995.
- Осетинско-русский словарь 1952 — *Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н.* Осетинско-русский словарь / Под ред. А. М. Касаева. М., 1952.
- Раденковић 1999 — *Раденковић Љ.* Називи *veštice* код балканских Словена // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.
- Романов 1891 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск, 1891.
- Сабадош 1996 — *Сабадош І. В.* Формування української ботаничної номенклатури. Ужгород, 1996.
- СИГТЯ Лексика 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
- Славинецький — Лексикон латинський *Є. Славинецького*. Лексикон словено-латинський *Є. Славинецького* та *А. Корецького-Сатановського*. Київ, 1973.
- Славянские древности — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1-. М., 1995 [т. 5 — в печати].
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., 1998.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000.
- Трофимович — *Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М. — Бауцен, 1974.
- Трубачев 2003 — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2, доп. М., 2003.
- Трубачев 2008 (1960) — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М., 2008.
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Чибиров 2008 — *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.
- Шаур 1973 — *Шаур Вл.* К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // *Этимология*. 1971. М., 1973.
- Юдин 1997 — *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Hladká 2000 — *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.
- Moszyński 1957 — *Moszyński K.* Pierwotny saziąg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.
- Slavo-ossetica 1; 2 — *Журавлев А. Ф.* Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 1 // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2 тт. М., Наука, 2006. Т. 2. Этнизация; ... Статья 2 // *Этимология*. 2003–2005. М., 2007.

Л. Кралик

СЛОВАЦКИЕ ЭТИМОЛОГИИ:
К ВОПРОСУ О РЕФЛЕКСАХ ПРАСЛАВ. *ĒKATI, *LIVATI

1. Словац. *jagať sa, jagotať sa* ‘блестеть, сверкать’ объясняются в словаре В. Махека как возможные преобразования синонимичного глагола *jasat’ sa*, связываемого автором со словац. *jasný* ‘ясный’; по В. Махеку, формы *jagať sa, jagotať sa* (с согласным *g*) возникли в результате контаминации *jasat’ sa* и однозначного *ligotať sa* (Machek¹ 169, 267). Словац. *ligotať sa* ‘блестеть, сверкать’ — как и его точная формально-семантическая параллель в восточноморавских (по терминологии В. Махека, «моравско-словацких») диалектах чешского языка — приводится в статье², имеющей в заголовке чеш. диал. (восточноморавское) *libotať sa* ‘трепетать (о листьях на дереве), блестеть, сверкать’ (Machek¹ 267, Machek² 330), на основе чего можно сделать вывод, что словац. *ligotať sa* представляет собой преобразование первоначального *libotať sa; однако, в таком случае остаются неясными причины изменения *b > g* (экспрессивный характер выражения?).

По нашему мнению, словац. *jagať sa* (как и производное *jagotať sa*) допускает альтернативную этимологическую интерпретацию.

По данным «Словаря словацких диалектов», в диалектах это выражение известно и в форме *jágať sa*, т. е. с долгим корневым гласным (Sloven. nár. I, 710)³. Формально идентичный корень *jág-* встречается также в диалектном экспрессивном глаголе *jágať, jágnuť* ‘хлестать, хлестнуть бичом’ (Sloven. nár. I, 710).

В словаре В. Махека словац. диал. *jágať* ‘хлестать бичом’ приводится в статье, объясняющей чеш. диал. (ляшское) *jakat’* ‘бить, ударять’: ср. «*jakat’* laš.: *biti, tlouci, slc. jágať...*» (Machek¹ 169, Machek² 215). Из такой формулировки вытекает, что форма *jágať* возникла, видимо, из **jákat’*⁴; в пользу такого предположения может свидетельствовать и словац. диал. *jáknut’* ‘ударить’ (Sloven. nár. I, 712).

В. Махек считал ляшское *jakat’* этимологически неясным экспрессивным выражением («*Slovo expresivní, původu nejasného*»). Кажется, ляшское *jakat’* ‘бить, ударять’ — а вместе с ним

и упомянутые выше словац. диал. *jágať*, *jágnuť*, *jáknúť* близкого значения — можно отнести к праслав. **ękati*, **ęknęti*, которые считаются глаголами звукоподражательного происхождения (к обзору их рефлексов см. ЭССЯ 6, 69–70; SP 5, 97); к семантике быстрого движения, удара и т.п. (сопровождающихся звуками) ср. словен. *jékati* ‘падать, ударяться с грохотом, шумом’, хорв. *jěknuti* ‘упасть с грохотом; ударить’, серб. диал. *ěкнут* ‘ударить, стукнуть, швырнуть’ и др. (цит. по ЭССЯ 6, 69–70; Bezlaj 1, 223: s.v. *jęcati*; Skok I, 765–766: s.v. *jecati*)⁵.

Вернемся, однако, к словац. *jagať sa*, диал. *jágať sa* ‘блестеть, сверкать’. По нашему мнению, нет никаких оснований отделять этот глагол от словац. диал. *jágať* ‘хлестать бичом’, т. е. считать оба выражения этимологическими омонимами. Ономатопеическое происхождение возможно, видимо, и в случае глаголов со значением ‘блестеть и т.п.’ — ср., напр., приведенное выше чеш. диал. *libotat sa*, восходящее к праслав. **libotati (se)*, производному от глагола **libati*, который считается звукоподражательным (см. ЭССЯ 15, 69–70, 73). Такую мотивацию слов, обозначающих «горение, блеск, мерцание, вспышку, яркий цвет», допускает и болгарская исследовательница Ж. Колева-Златева, делающая одновременно интересное наблюдение о том, что «во всех из обозначенных действий содержится представление о пульсирующем свете»⁶. Употребленное в данном контексте рус. *пульсировать* (заимствованное посредством нем. *pulsieren* из лат. *pulsare*, которое является фреквентативом-интенсивом от лат. *pellere* ‘бить, толкать; потрясать, сотрясать, колебать; поражать и др.’⁷), приводит нас к мысли о некоем «бьющемся» движении — к дальнейшему развитию семантики типа ‘блестеть, сверкать и т.п.’ ср., напр., чеш. *třpytiti se* ‘то же’, возникшее в результате экспрессивных формальных преобразований чеш. *třepetati se* ‘трепетать’ (Machek¹ 539, Machek² 659) < **třepetati*⁸; ср. также рус. *тrepет солнечного луча, тrepетное мерцание звезды* (Даль² IV, 429) и др.

Предложенный опыт интерпретации словац. *jagať sa* ‘блестеть, сверкать’ дает и возможность ответить на вопрос о происхождении согласного *g* в однозначном словац. *ligotať sa*, упомянутый в начале статьи. В связи с этим небезынтересно высказанное В. Махеком предположение о скрещении глаголов *jasat’ sa* и *ligotať sa*: в случае семантически близких, даже однозначных выражений действительно следует считаться с возможностью их контаминации; однако, по нашему мнению, более вероятной представляется здесь гипотеза о скрещении глаголов *jagať sa* и

*libotať sa, объясняющая возникновение формы *ligotať sa* (с вторичным *g*).⁹

2. Приведенное выше чеш. диал. (восточноморавское) *libotať sa* 'трепетать (о листьях на дереве), блестать, сверкать' является рефлексом праслав. диал. *libotati (*se*) (ср. ЭССЯ 15, 73), производного от *libati, представляющего собой звукоподражательное образование «с разветвленной, подвижной семантикой» (ЭССЯ 15, 69). По данным ЭССЯ, рефлексы *libati известны в южно- (болг., серб.-хорв.) и восточнославянских языках (укр.), причем авторы словаря указывают (вслед за В. Махеком) на то, что «[о] более широком распространении слав. *libati свидетельствует, в частности, отглагольное имя — сл[о]в[а]ц. *libač* 'блестки; блестящие пластинки как украшение на одежде'» (там же, 70). По В. Махеку, семантическая мотивация этого слова — как и производного однозначного *li(m)bačka*¹⁰ — связана с тем, что данные предметы «сверкают при движении»¹¹ (*třpytí se při pohybu*)» (Machek¹ 267, Machek² 330).

К семантике движения ср. также болг. диал. *libam se* 'дрожать, трепетать', хорв. *libati* 'качаться, покачиваться' и др. (цит. по ЭССЯ, s.v. *libati). Видимо, именно на основе значений типа 'двигаться, дрожать, качаться и т.п.' развивается и семантика нестабильности, представленная в словац. диал. *libačka* в экспресивном значении '2. что-то расшатанное (напр., стул, приставная лестница)' (Sloven. nár. II, 61), а также в диал. *libiet'* 'быть слабо прикрепленным' (Там же, 62): этот глагол находится в отношениях омонимии к праслав. *liběti (от праслав. **libь(jь)* со значением типа 'тонкий, худой и т.п.' ~ лит. *láiabas* 'то же'), восстанавливаемому на основе словин. редк. *lëb'ec* '(о растениях и животных) вырождаться' (ср. ЭССЯ 15, 70; SEK III, 163; Derksen 277).

На основе *libati 'двигаться и т.п.' образовано, несомненно, и словац. диал. *libačka* '3. луговое растение с метелкой колосков сердцевидной формы, *Břiza*' (Sloven. nár. II, 61); к номинации ср. словац. *traslica*, чеш. *třeslice*, рус. *трясунка*, нем. *Zittergras* и др. '*Břiza*' — растение названо по своим колоскам, колеблющимся даже при незначительном движении воздуха.¹²

К словообразовательному гнезду глагола *libati можно отнести и словац. диал. *liborit' sa* 'блестеть, сверкать, сиять' (Sloven. nár. II, 62); о глаголах с формантом *-or-* см. (SP 1, 54).

Не совсем ясно, однако, происхождение словац. диал. *librovať* 'странствовать без цели, скитаться' (Sloven. nár. II, 62). В контексте темы настоящей статьи можно указать на семантически близ-

кое болг. диал. *libam* ‘скитаться’ (цит. по ЭССЯ, s.v. **libati*); о глаголах с *-r-* см. (SP 1, 54). С другой стороны, не исключено, что словац. диал. *librovať* этимологически тождественно диал. *lifrovať* ‘поставлять, доставлять, привозить, присылать (о товарах); отводить, уводить, перемещать, переправлять (о людях) и др.’ (Sloven. nár. II, 67)¹³, заимствованному из нем. *liefern* ‘поставлять, доставлять (товар) и др.’¹⁴: может быть, значение типа ‘странствовать без цели, скитаться’ развилось на основе словац. диал. *liferant* ‘посредник купли или продажи, поставщик (обыкновенно вина)’ (Sloven. nár. II, 67)¹⁵ в результате представления о странствующем, «скитающемся» торговом агенте и т.п., объезжающем своих клиентов?

Наконец, по нашему мнению, в словацком языке можно обнаружить и рефлекс праслав. **libati*. Видимо, этот глагол в значении типа ‘блестеть, сверкать’ (ср. семантику упомянутого выше деривата *libač*) сохранился в словац. диал. *ligať sa* ‘то же’ (Sloven. nár. II, 68); наличие вторичного *g* вместо ожидаемого *b* можно объяснить — как и в случае словац. *ligotať sa* — контаминацией с однозначным глаголом *jagatať sa* (см. выше).

Примечания

¹ Статья написана при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования Словацкой республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект № 2/0095/11).

² Отдельная статья о словац. *ligotať sa* в словаре В. Махека (Machek^{1, 2}) отсутствует.

³ Вопрос о генезисе вариантов *jag-/jág-* требует дальнейшего изучения.

⁴ Об известном в словацком языке спорадическом озвончении *k > g* см. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vyd. Bratislava, 1967, 579. — По В. Махеку, в результате дальнейших преобразований словац. диал. *jágať* ‘хлестать бичом’ возникло и диал. *jadať* (ср. Kálal 214).

⁵ Таким образом, ляшское *jakatať* и словац. диал. *jágať, jágnuť, jáknuť* родственны чеш. *ječeti* и словац. *jačať* ‘издавать пронзительные звуки, вопить, визжать’, восходящим к праслав. **ęčati*, образованному от того же звукоподражательного корня, что и **ękati, *ękŋoti* (см. Machek¹ 172, Machek² 219, ЭССЯ 6, 61–62, SP 6, 97). — Словац. диал. *jenčať* ‘визжать, вопить’, отмеченное в области северного Шариша восточнословацкой диалектной зоны (см. Sloven. nár. I, 725), заимствовано из польск. *jęczeć* (**ęčati*). — К словообразовательному гнезду корня **ęk-* относится и словац. *jachtať* ‘заикаться, запинаться’, видимо, из первоначального **jaktať* (к переходу *kt > cht* ср., напр., словац. диал. *dochtor* ‘доктор’; Sloven. nár. I, 342), возводимого к праслав. **ękŋtati* (см. ЭССЯ 6, 70; SP 6, 98; без словацкого рефлекса).

⁶ Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Debrecen, 2008, 212.

⁷ Значения приводятся по: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 3-е, исправленное. М., 1986, 562.

⁸ Сюда же, несомненно, относится и словац. *trblietať sa* ‘блестеть, сверкать; мигать, мерцать’ (SSJ IV, 564).

⁹ По данным «Исторического словаря словацкого языка», самая ранняя фиксация словац. *ligotať sa* ‘блестеть, сверкать’ относится к XVIII в.: ... *že sa mi ligoce pri boku šablička* ‘... что у меня на боку сабелька сверкает’ (рукописный сборник духовных песен и стихов XVIII в.; см. *Histor. Sloven. II*, 219). Учитывая звукоподражательное происхождение слова, не удивляет и словац. *ligotať sa* в значении ‘биться (о сердце)’, известное из памятников XVII–XVIII вв. (см. *Histor. Sloven.*, там же). — Из возможных производных глагола *ligotať sa* заслуживает внимания словац. диал. *ligota fem.* ‘фальшивый, неискренний человек (о женщине и о мужчине)’ (*Sloven. nár. II.*, 68). Скорее всего, это слово этимологически тождественно словац. *ligota* ‘блеск, сверкание’ (Káral 307), причем значение ‘фальшивый человек’ могло возникнуть на основе представления о сверкающей внешней («фальшивой») позолоте и т.п.; однако, нельзя полностью исключить и возможность преобразования исходного *lichota, от праслав. *lixota, **lixъ(jь)* (ср. ЭССЯ 15, 95–96, 99–102): к значению ср. чеш. диал. *lichota* ‘2. zlý člověk’ (Bartoš, 183).

¹⁰ Ср. также *Sloven. nár. II*, 61, s.v. *libačka* i *limbačka*, значение 1. — Слово *libačka* в этом значении отмечено уже в XVIII в., см. *Histor. Sloven. II*, 216.

¹¹ К семантическому признаку движения, дрожания см. также сравнение *triasť sa ako libačka* ‘дрожать как осиновый лист’ (SSJ II, 40).

¹² См. *Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, 280.*

¹³ К вариантности *lifř-/libř-* ср. также польск. диал. (Цешинская Силезия) *dolifrować* i *dolibrować* ‘postarać się o coś, uzyskać i dostarczyć’, от польск. диал. *lifrować* ‘dostarczać’ (*Menzel T., Hentschel G. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Teschener Dialekt des Polnischen. Unter Mitarbeit von P. Jančák und J. Balhar. 2., ergänzte und korrigierte elektronische Ausgabe 2005. Свободный доступ онлайн: <http://www.bkge.de/14451.html>, s.v. *lifrować*. Проверено 7 марта 2011).*

¹⁴ См. *Newerkla S. M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Frankfurt am Main etc., 2004, 464.* — Нем. *liefern* заимствовано (ср.-н.-нем. и ср.-нидерл. посредством) из франц. *livrer* ‘выдавать, отпускать; доставлять, поставлять и др.’, восходящего к лат. *liberare* ‘отпускать на свободу, освобождать’; см. *Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. von Elmar Seebold. 24., durchges. und erw. Aufl. Berlin — New York, 2002, 575.*

¹⁵ Слово заимствовано из нем. *Lieferant* ‘поставщик’, производного от нем. *liefern*.

Л. В. Куркина

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ*

Рус. *стребать*

Вост.-слав. территорией ограничено распространение слов с корнем *стриб-*: ср. рус. диал. *стрибать*, *стрибнуть* 'вскочить, прыгнуть' (ср. карел. *А тут лягушка как стрибнёт ..*), производн. дон. *стрибалка* 'веревка для скаканья, скакалка', 'игра в скакалку', 'о легкомысленной девушке, любящей погулять', *стрибочка* 'кусочек' (ср. карел. *Нарежешь гриб стрибоцьками такими ...*) (СРНГ 41, 338; Сл. Карелии 6, 363), а также укр. *стрибати* 'скакать, подскакивать. прыгать' и *стрибнути* 'прыгать, скакать' с производн. *стрибкий* 'любящий скакать, прыгать', *стрибун* 'прыгун' (Гринченко ЕСУМ), блр. *стрыбаць* 'скакать', *стрыбуляць* 'идти подпрыгивая, спотыкаясь', *стрыбля* 'стрекоза' (ЭСБМ 12, 336), диал. *стрыбалкі* экспр. 'тонкие ноги'¹.

Эти слова, отнесенные к разряду «темных, неясных» (Фасмер III, 777), не привлекали к себе должного внимания этимологов, вероятно, потому, что крайне ограничены возможности поисков. Немногие опыты изучения приведенных слов сводятся к сближению восстанавливаемого для праславянского языка диалектного гл. *stribati с лит. *stribuliuoti* 'прыгать, скакать', без анлаута *s-tribuliuoti* 'дергать, теревить; махать, размахивать; топочь, мять; топать, стучать ногами' (Fraenkel 921, 1121; ЕСУМ 5, 439), которые в фонетическом и словообразовательном плане Лаучюте соотносит с лит. *stripuliuoti*, *strāpaliuoti* 'подпрыгивать, подскакивать' и считает их источником блр. *стрыбуляць*². А наличие междометия *стриб!* послужило основанием для отнесения вост.-слав. диалектизма к образованиям звукоподражательного характера (ЭСБМ 12, 336). Вслед за Ильинским³ в ЕСУМ (5, 439) в порядке гипотезы предлагается сближение с англ. *strive*, нем. *streben* 'стремиться', и, как мы попытаемся показать ниже, эта

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

версия имеет некоторые перспективы.

Возможности продвижения вглубь крайне ограничены. Во многих отношениях способствует продвижению вглубь, восстановлению связей не только знание механизма, определяющего структуру славянского слова, а также лексический материал, предоставляемый новыми диалектными источниками. Причина, побудившая нас вновь обратиться к этой лексической группе⁴, кроется в обнаружении новых фактов, появление которых стало возможным с выходом в свет в недавнее время последних выпусков СРНГ. И хотя нельзя сказать, что новый лексический материал до конца вносит полную ясность в понимание генетических истоков вост.-слав. *stribati, все же в какой-то степени он раздвигает рамки исследования и позволяет, хотя бы в предположительной форме, несколько расширить характеристику генетических связей приведенных слов.

По материалам СРНГ в русских диалектах в том же значении, что и *стрибать*, т. е. в значении ‘прыгать, скакать’, функционируют глаголы с корневым вокализмом *e*: ср. *стребать*, *стребнуть* ‘бегать’ (курск.), ‘прыгать, скакать, перескакивать’ (южн., зап., кубан.), *стребать во что-л.*: *Стребай в воду* (кубан.), ‘подпрыгивать’ (курск., орл.), ‘сильно, резко ударить (о молнии)’ (новосиб.), *стребеньять* ‘быстро бегать’ (курск., орл.), ‘бегая, прыгать, резвиться’ (курск.), *стребонуть* ‘убежать от кого-л.’, *стребуняй* ‘о резвом ребенке’ (курск.), *стребунять* ‘бегать, скакать’ (курск.), ‘быстро идти’, ‘быстро делать что-л.’ (вост.-казах.), *стребынять* ‘бегать’ (обл.). По своей семантике из однородного ряда с устойчивым значением ‘прыгать, скакать’ выпадают именные образования с корневым вокализмом *-e-* и *-o-*: новг. *стрёбушка* и *стрёбушка* ‘приспособление для сбивания масла — маслобойка’, орл. *стребцы*: *быть в стребцах* ‘быть в безвыходном положении’ (ср. *Был в стребцах, был переделке, был прижат, был в безвыходном положении*) (СРНГ 41, 300). Нельзя пройти мимо еще одного образования — *строб* ‘веревочное кольцо, которым гребное весло крепится к колышку в борту лодки’ (Азов, терск.) (СРНГ 42, 10). На ограниченной русской территории отмечен глагол с несколько другой семантикой и корневым вокализмом *-a-* *страбить* ‘изломать что-л.’ (новг.), ‘испортить кого-л. нравственно, духовно’ (новг.) (СРНГ 41, 269).

Для понимания того первоначального действия, которое стоит за этими глаголами, существенны показания семантики именно этих образований. Если связь гл. *стребать* и *стрибать* не вы-

зывает сомнения, то принадлежность к этому ряду морфонологических отношений гл. *страбить* и сущ. *строб* требует дополнительного обоснования.

Известно, что производные образования сохраняют более архаичное состояние семантики по сравнению со словами, ставшими для них производящей базой⁵. Отклонение от основного значения **sribati* 'прыгать, скакать' можно объяснить особенностями употребления глагола. В некоторых ситуациях достижение цели требовало особых усилий, особого напряжения или было возможным при использовании каких-то дополнительных приемов, облегчающих осуществление основного действия. То, что сопутствует основному действию, могло оказать влияние на развитие дополнительных оттенков в семантике **sribati*. Дополнительный компонент выдвигается на первый план, начинает доминировать, становится определяющим для семантики, что способствует переосмыслению и развитию экспрессивной окраски, с усилением которой, как можно предполагать, произошло угасание связей с исходным денотатом, нарушение морфонологических отношений и семантическое обособление глаголов.

Можно думать, что именно дополнительный компонент, образно передающий характер действия, стал определяющим для обозначения далеко отстоящих друг от друга понятий — маслобойки и безвыходного положения. Обозначение маслобойки могло быть мотивировано быстрым, прыгающим, скачкообразным движением, сопутствующим действию по сбиванию масла. Аналогией к значению 'быть в безвыходном положении' косвенно может служить рус. *заскок* 'крайняя странность в поведении или рассуждении'. Вероятно, скачкообразное движение стало основой для употребления *строб* в качестве обозначения веревочного кольца, которое крепится на лодке, возможно, путем набрасывания и которое, возможно, легко соскакивает, ср. *захлыстнуть* 'завязать, затянуть (веревку)' (Волхов и Ильмень) (СРНГ 11, 153). Вероятно, семантикой быстрого движения мотивировано употребление гл. *страбить* в значении 'изломать что-л.', 'испортить кого-л. нравственно'.

Как будто бы отсутствуют препятствия для сближения приведенных вост.-слав. лексем на основе морфонологических отношений: **strob-* : **strab-* и **srib-*, истоки которых на более глубоком уровне остаются не совсем ясными.

В русском языке возобладали образования с исходной основой **storb-*: *устробити*, *устрабляти* црк. 'врачевать, исцелять,

лечить', *устроба*, действие по глаголу < **storb-* (Фасмер III,).

Заметим, что за пределами вост.-слав. ареала заслуживает внимания чеш. *strobačiti se* 'sich sträuben, сопротивляться, упрямиться' (Kott VII, 798: U Příbora. Тč.), *nastrabočiti* 'направить, протянуть' (Kott VI, 1120: Us. na Mor. Šd.), этимологические истоки которых крайне затемнены. Можно с некоторой долей вероятности соотнести их с чеш. *kostrba* 'лохматый человек', словац. *kostruba* 'взлохмаченные волосы', 'костра, кострика' и т.п., для которых Махек предполагает сложение с преф. *ko-strъbъ и корневой частью, родственной нем. *struppig* 'взъершенный, лохматый' (Machek² 281), а в ЭССЯ (11, 163) чешские лексемы соотносятся с рус. диал. *костромá* 'чучело, которое носят с шутивными обрядами, празднующая проводы зимы и встречу лета' и особенно блр. диал. *кастрамá* 'костра, кострика', *коштрóба* 'лохматый человек' и определяются как производные от *kostra с суф. *-oma*. Вопрос остается открытым.

По этим немногочисленным фактам трудно в полной мере судить об исходной и.-е. основе и исходной семантической базе. В индоевропейское окружение предположительно включаются нем. *streben*, англ. *strive* 'стараться, прилагать усилия; стремиться', 'бороться', лит. *tribuliúoti* 'дергать, теревить, мять'. Из материалов, приведенных в словаре Клуге (Kluge¹⁵ 772), следует, что ср.-в.-нем. *strēben* 'торчать, поднимать, воздвигать; вытягиваться; поворачивать', ср.-н.-нем. *strēven* 'steif, streif, straffen, sich strecken' связаны чередованием со ср.-в.-нем. *striben*. Через заимствование в др.-фриз. *estriver* 'бороться', откуда англороман. *striver*, англ. *strive*, выводится значение 'kämpfen'. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с сохранившимися в виде осколков и.-е. основы **strebh-* (Pokorny 1026) с *s*-анлаутом, сложившейся на базе второй основы **terb-*.

При формальном сходстве расхождения в семантике можно объяснить индивидуальным развитием языков разных и.-е. групп. Словари отражают конечный результат эволюции лексико-семантических процессов. В разных языковых группах и на разном хронологическом уровне они включаются в новые ряды синонимических и мотивационных отношений, что не может не привести к разрыву связей, к удалению от исходной основы и исходной семантики. Фрагменты распавшегося этимологического словаря живут своей самостоятельной жизнью. В каждой из языковых групп произошли глубокие изменения в семантике соотносимых слов, что, естественно, крайне затрудняет восстановление исход-

ной ситуации. По тем немногим разрозненным свидетельствам, которые дошли до нас в сильно преобразованном виде, можно лишь высказать предположение о том, что исходной базой семантического развития было движение, нацеленное на преодоление, сопротивление, движение, сопровождавшееся резким скачком вверх-вниз. В вост.-слав. языковой области происходит усиление основной характеристики этого движения, и на этой основе развиваются конкретные значения 'прыгать, скакать', а в германских языках наблюдается переход к более общим значениям 'стремиться', 'бороться', 'возвышаться' < 'прыгать, скакать'.

Слав. **pyska* / **pъsk-*

С ослаблением генетических связей, угасанием мотивационных отношений, связывающих морфонологические варианты, и вследствие этого образованием отдельных лексических групп со своей семантикой и своим развитием семантических отношений происходит распад этимологического гнезда. И только на основе некоторых общих закономерностей, действующих в славянских языках, поддаются восстановлению связи между лексемами, весьма далеко отстоящими друг от друга.

Одним из продолжений этимологического гнезда, рано распавшегося на отдельные фрагменты, разобщенные, утратившие связь друг с другом, является праслав. **pyskъ*, широко известное в значении 'морда, утолщение': ср. рус. диал. *пысок*, *пыск* 'рыло, морда' (Даль³ III, 1438), укр. *пысок* 'морда, пасть рот, горло', блр. *пыск* 'челюсть с щекой', *пыса* 'морда', чеш. *pysk*, луж. *pysk* (Miklosich 268; ЕСУМ 4, 377), словен. *piski* m.pl. 'Mutterlefszen, alae matricis' (Bezljaj III, 41: из Похлина). Семантическое развитие в направлении 'морда' > 'рыть' и 'разбрасывать, раскидывать' находит отражение в отыменных глаголах: ср. рус. диал. *пыскать*, *пысконить*, *пысканить* 'рыть, разрывать, раскидывать, бросать, разметывать, тратить попусту' (Даль³ III, 1438), арх. *пысконить* 'разбрасывать сено или солому' (Подвысоцкий 144), карел. *пыскать* 'ронять, позволять падать' (Сл. Карелии 5, 370), волог. 'тратить, расходовать что-л. попусту', север. *пысконить* также 'портить, приводить в негодность', яросл. 'брезговать, гнушаться чем-л.', 'есть что-л. нехотя, без желанья' (СРНГ 33, 200). В таком семантическом контексте может получить объяснение отнесенное Фасмером к разряду «темных» (Фасмер III, 421) ст.-рус. *пысканити* 'насмеяться' (т. е. строить гримасы) (СлРЯ XI-XVII

вв. 21. 82), а также цслав. **ПЫСКОВАТИ**, **-КОУЖ** с *sensus dubius*: **ДЕЛФИНЪ** **ДКОУЕТЪ** ἀναπερπόμενος (Mikl. LP).

Не вызывает сомнения принадлежность праслав. **pyskъ* < **pŭsk-*, имеющего точным соответствием лит. *pūškas* ‘прыщик’, *pūškioti* ‘тяжело дышать’, к гнезду и.-е. **peu-s-* / **pu-s-* ‘пухнуть, раздуться’, ср. *пухнуть* Fraenkel 680), т. е. обозначение морды мотивировано признаком ‘утолщение, вздутие’. Это исходное значение не утрачено, оно находит отражение в ср.-рус. *пыскъ* ‘вздутие’ (СлРЯ XI–XVII вв. 21. 82: Мак. Каляз., 26. XVII в. ~ XVI в.). Вариант той же исходной основы с другим расширителем в рус. *пыж* ‘бесплодное, невсхожее семя растения без зародыша, чаще встречается в конопле’, ‘гнилой орех; пустышка’, вост., сев. ‘конопляная мякина’ (Даль³ III, 1435). Есть основание думать, что в несколько преобразованном виде исходное значение ‘что-то большое раздувшееся’ > ‘то, что раздалось вширь, нечто бесформенное’ присутствует в семантике рус. яросл. *пыск* ‘легкий налет на углях, золе’ (СРНГ 33, 200), производн. твер. *пысняк* ‘поросль молодых деревьев, кустарников на лесном пожарище’. В качестве семантической аналогии можно привести рус. диал. *пыш* ‘гречишная и конопляная мякина’ (казан., сарат.) < *пышь*, ср. *пыхатъ*, *пых* (Фасмер III, 422).

Исходная основа **pysk-* расширяется суф. *-ja*: смол. *пыща*, *пыщй* мн. (ср. Мнут, треплют конопель, получатся пыщи), *пыщэй*, тамб. *пыщий*, *ая*, *ее*: *пыщее зерно* ‘зерно не полной зрелости’, волог. ряз. *пыщия* ‘просяная мякина’, влад. *пыщъ* ‘верхняя часть стебля гречихи с зерном неполной зрелости’ (СРНГ 33, 207), *пыща* смол., *пыщэй* пск. ‘пыж, пыжина, конопляная мякина’ (Даль³ III, 1440), а также волог. *пыщиться* ‘капризничать’, с.-хорв. *pišiv* ‘червивый’ (Skok II, 665), цслав. **НАПЫШТИТИ** сж *inflari* (Mikl. LP).

Традиционно в слав. **pysk-* < **pŭ-sk* видят изолированное образование, стоящее вне морфонологических отношений в славянском словаре. Как нам представляется, далеко не полностью выявлены генетические связи исходной основы. Лексический материал отдельных славянских языков подводит к выделению группы родственных образований с корневым вокализмом в степени редукции: ср. болг. *пѣска*, *пѣшка* ‘веточка, гроздь винограда’, ‘косточка (черешни)’, ‘семечко (тыквы, подсолнуха, персика)’, ‘огрызки от плода’, ‘созревшая коробочка хлопчатника’ (БЕР 6, 126–128). В БЕР это образование ставится в один ряд с с.-хорв. *páшка* ‘косточка’, словен. *peškà* ‘косточка плода’, рус. *почка*, чеш. *pecka* ‘косточка, семя’, польск. *pestka*, *pecka*, в.-луж. *rócka* то же,

что представляется не совсем верным. Для них наиболее вероятно родство с лит. *paĩtas* ‘testiculus’, лтш. *pàuts* то же, *putrà* ‘комоч, кусок’, лтш. *pàuts* то же, лит. *pūškas* ‘волдырь, прыщ’ < и.-е. *pu-t (Фасмер III, 420; Machek² 440; Skok III, 618). Представляется, что в БЕР в одно гнездо объединены образования с разными этимологическими истоками — продолжения праслав. *pysk / *pъsk- и *pъtj-. Сближение произошло на почве внешнего формального и семантического сходства.

Поиски славянских соответствий с ориентиром на структуру и семантику болгарских лексем подводят к группе образований, в должной степени не привлекавших к себе внимания. Отнесены к категории «темных» слов словен. *peski* мн. ‘молодые побеги чеснока’, *pasek* ‘пупок (у животного) (Бела Краина), *pəsək* ‘сердцевина луковицы’ (Bezljaj III, 28), чеш. *pesk* = *pysk*, *pesky dělati* ‘строить гримасы, насмехаться’ (Kott VII Dod. 1, 225) с производным от него гл. *peskovati* ‘бранить, ругать, задать головоломку’ (Kott II, 539; Machek² 503). Вероятно, в этом случае речь идет о той же исходной основе **pu-*, расширенной *-sk*. Развитие слабого призвучья между согласными приводит к появлению словенской формы *pəsək* с последующим переосмыслением *k* как суффикса и вследствие этого появлением форм типа блр. *пысы* ‘невымоленные колосья’ и *пысікі* ‘ости’, для которых, попутно заметим, по чисто фонетическим причинам едва ли возможно сравнение с лит. *paisai* ‘ости’ (ЭСБМ 10, 277), последнее, вероятно, принадлежит к гнезду лит. *paisyti* ‘лущить, обдирать (зерно)’ (Fraenkel 526).

С привлечением диалектного материала оказывается возможным восстановить на славянской почве одно из направлений в реализации и.-е. основы **pu-* со своими структурными и семантическими отношениями.

Рус. диал. *устина*

В русских говорах на территории Карелии отмечено слово *устина* в значении ‘льняной материал хорошей выработки’ (ср. *Устина — дак то из ядрышка льна; Тонкий лен так на устину*) и производное от него *устиной* ‘сделанный из льняной ткани, устины’ (Сл. Карелии 6, 643). Эти лексемы отсутствуют в словаре Даля и других диалектных словарях. Между тем русский диалектизм представляет несомненный интерес, поскольку он продолжает древний и.-е. корень **ud-*, сохранившийся в реликтовых образованиях праславянского языка. К их числу относят

рус. диал. *ушло*, которое приведено Далем со знаком вопроса в значении ‘начатая, затканная ткань на стану’ с одним примером, иллюстрирующим употребление слова: *Сколь велико ушло?*, т. е. много ли наткала? (Даль² IV, 512). В специальном исследовании, посвященном рус. *ушло*, Р. Эккерт, прослеживая историю изучения этого слова, называет работы Потевни, Миклошича, Горяева, Фасмера и отмечает, что А. А. Потевня был одним из первых, кто сопоставил русский диалектизм с лит. *áusti* (6), а Горяев был первым, кто зафиксировал *ушло* в этимологическом словаре и предположил исходную форму **уд-сл-о* (Горяев 388). Такое толкование с расширением круга и.-е. соответствий (лтш. *aūst*, *aūžu* ‘ткать’, арм. *z-audem* ‘связываю’, др.-инд. *ḍtum* ‘ткать’) принято в словаре Фасмера (Фасмер IV, 171) и вошло в этимологические словари (Fraenkel 26). Р. Эккерт приводит убедительные аргументы в пользу реконструкции для рус. *ушло* исходной формы **оуэд-тло* и допускает возможность отнесения к числу реликтовых образований с тем же корнем болг. *було* < **об-у-дло* (< **об-оуэд-ло* ‘покрывало’, т. е. ‘то, что наткали’⁷). На глубинном уровне восстанавливается генетическое единство и.-е. *uedh-* : *au-dh-* ‘завязывать, связывать’ и **uedh-* ‘толкать, бить, раскалывать’ (ср. др.-инд. *vadhati* ‘бьет, толкает, уничтожает’, др.-прус. *wedigo* ‘топор’ и т. д.)⁸.

На русской территории имеет место параллельная деривация — образование с суф. *-ть* от основы глагола, утраченного в славянских языках, но сохранившегося в лит. *áusti*, *áudžiu*. Редкий лексический диалектизм пополняет список образований, имеющих структуру отглагольных производных с суф. *-ть*. Модель отглагольных образований на *-ть* относится к числу продуктивных (ср. *снасть* < **snad-ть*, словен. *klast* < **klad-ть* и т. п. (Sławski. Zarys — Sł. prast. 2, 43 и след.).

Рус. *велеть*

В архангельских говорах отмечены *велеть*, *велетина* в значении ‘стебель травы, трава’, *велетинка* ‘соломинка’ (Арх. сл. 3, 95). Эти слова следует отделять от близких по форме *велетина* = *вельтина* ‘засыхающее на корню хвойное дерево’, которые признаются заимствованием из фин.-угор. языков [СГРС II, 49, 51].

Не вызывает сомнения принадлежность русских диалектизмов к гнезду праслав. **volť* с основным значением ‘стебель травянистых растений’: ср. рус. диал. *волоть* ‘стебель травянистых растений (ржи, льна, гороха и т. д.) вместе с плодом (колосом,

стручками и т.п.)', 'нить, волокно', 'верхняя часть снопа с колосьями', 'нижняя часть веника с листьями', 'охапка (сена)', волог. *вóлота* 'картофельная ботва' (СРНГ 5, 64–66), ст.-чеш. *vlat* 'колос', чеш. (*v*)*lat* 'метелка', польск. *włóc prosiana* 'растение золотарник' и т. д.), в литературе к этому же гнезду причисляют рус. арх., волог. *вóлодь*, *волóдка* 'стебель растения' (СГРС II, 152; Арх. сл. 5) < *vol-dь и слав. *volsъ (ср. рус. волог. *вóлос* 'отходы после трепания льна' — СГРС II, 156).

Эти слова, имеющие в качестве соответствия лит. *váltis* 'колос овса, метелка', прус. *wolti* 'колос' и далее с др.-ирл. *folt* 'волос', греч. *λάσιος* 'заросший волосами и шерстью' (< *vltios*), нем. *Wald* 'лес' (ср. Trautmann 341; Фасмер I, 344–345; Machek² 694; Bezlej II, 127; БЕР 1, 162), Ф. Славский относит к образованиям балто-слав. эпохи, продолжающим производное с суф. *-tь* — *ual-ti от и.-е. основы **uel-* 'волокно; колос': 'рвать, драсть' или **uel-* 'скручивать, крутить' (Sławski. Zarys — Sł. prasz. 2, 45), ср. лат. *vellere* 'дергать, вырывать', гот. *wilwan* 'rauben' и т. д. (Pokorny I, 144).

И.-е. **uel-*, ставшее исходной базой для большого разветвленного этимологического гнезда, на почве балтийских и славянских языков включается в тип морфонологических отношений, регулируемых чередованием гласных *e* : *o* и связывающих именные образования и участвующий в их образовании гл. *velti, не засвидетельствованный в славянских языках, но сохранившийся в лит. *vélti* 'валять, мять, бить; чесать (шерсть)', 'путать, связывать (волосы, нитки)' и т.п. (Fraenkel 1221, 1192–1193). Это позволяет рассматривать слав. *volťь и точное литовское соответствие *valts* как производные с суф. *-tь* и регулярным чередованием гласных *e* : *o* от гл. **velti 'драть, рвать'.

Некоторые данные позволяют предположить, что наряду с отглагольным образованием регулярного типа в праславянских диалектах параллельно функционировали отглагольные образования с корневым вокализмом *e*. На основе этимологического анализа к продолжениям исходного утраченного глагола могут быть отнесены сохранившиеся в отдельных славянских языках образования с корневым вокализмом *-e-* — рус. арх. *велѣть*, *велѣтина* 'стебель травы, трава', *велѣтинка* 'соломинка' (Арх. сл. 3, 95), а также отмеченное с тем же вокализмом в словенских диалектах *velna: na velno sejati* 'первый раз сеять на раскорчеванном месте', *velno žgati*, которое обнаруживает соответствие в литературном *veléna* 'дёрн, дернина, вырезанный кусок земли', *velénÿné* 'дернина', *velénuoti* 'покрывать дёрном', лтш. *veļēna* 'дёрн' [Fraenkel

1218, 1219], истоки которых также в гнезде и.-е. **цel-* ‘драть; ломать; царапать; ранить’.

На основе утраченного глагола с чередованием *e* : *o* и разными расширителями возникают образования, затемнению связей которых способствовали формальные различия. Мотивация исходной семантикой ‘драть, рвать’ прослеживается у продолжений слав. *volsъ: ср. волог. *волос* ‘отходы после трепания льна’ (СГРС II, 156), ‘болезнь костей’ (Селигер I, 119–120). Исходная семантика проступает в рус. диал. *волóдка* ‘одна из нескольких луковиц, выросших на одном корню’, ‘одна из долек луковицы’, *волóтка* (Новг. сл. 1984, 30), т. е. луковиц, долек, выдирающихся из общего плода.

Рус. диал. *ухвоить*

В ЭССЯ (8, 126) О. Н. Трубачев склоняется к тому, чтобы включить рус. диал. *хвоя* в значении ‘отходы при очистке ржи способом провеивания’ (Соликам. словарь 662) в число продолжений праслав. *xvoja, хотя при этом отмечает, что русский диалектизм в указанном значении может вызывать сомнения, поскольку в плане семантики выпадает из ряда остальных продолжений праславянского слова. Предполагается, что первый признак хвой — иглообразность, колкость — мог быть перенесен на сухие, колючие ветки вообще, хворост и т.п. Богатый лексическим материалом «Словарь русских говоров Карелии» содержит новые данные, позволяющие несколько по-иному подойти к объяснению мотивационных отношений. Большая вероятность того, что в данном случае мы имеем дело с омонимами, сложившимися на базе разных исходных основ. Если для слав. *xvoja можно считать вполне достоверным родство с лит. *skujá* ‘хвоя’, то в случае рус. *хвоя* в значении ‘отходы’ вполне возможно другое происхождение — родство с гл. *xvějati, семантику которого определяет значение ‘качаться, колебаться; трясти’ (ср. чеш. *chvěti* ‘качать, раскачивать, трясти’, в.-луж. *chwejeć* ‘шевелить, колебать’, ‘дуть’, укр. *хвіятися* ‘колебаться, качаться’, блр. *хвёіццэ* ‘колебаться, сомневаться, приступать к чему-л. нерешительно’ и т.п.). К производным образованиям от этого глагола относится волог., ворон. *подхвія* ‘ремень у седла — подхвостник’, ‘ветренная женщина’ (СРНГ 28, 236). Этимология гл. *xvějati остается неясной. Из всех известных опытов этимологического истолкования слова (см. обзор в: ЭССЯ 8, 124–125; Sławski I, 92) наиболее вероят-

ным представляется сближение с лит. *svajóti* ‘мечтать, фантазировать, грезить’, др.-в.-нем. *sweifan* ‘колебаться, качаться’ < и.-е. **swē(i)-* ‘гнуть, вертеть, качать’ (Pokorny 1041) при условии *sv- > xv-*. Допустимо предположение об исходной корневой морфеме **swē-*, расширенной суф. *ja-*, или **s(e)wei-* с последующим расщеплением на славянской почве дифтонга и выделением конечного элемента дифтонга и переосмыслением его как суф. *ja-*.

На базе исходной основы **swē-* складывается имя с корневым *-o-* в рус. моск. *захвой* ‘хвостун’ (СРНГ 11, 146) и производный от него глагол *xvojiti, засвидетельствованный в укр. *хвоїти* ‘махать, бить’ (Фасмер IV, 230). В русских говорах Карелии отмечен гл. *ухвóить* с семантикой, производной от этого основного значения ‘махать’ > ‘потерять’, ‘убить’, ‘лишить сил, здоровья’, ‘съесть’, ‘испачкать’ (ср. Все хвосты *ухвоены*), и производное от него прич. *ухвóенный* ‘расстроенный, потерянный’ (ср. онеж. Да, Наташушка, окрутила ты парня совсем, *ухвоенный* ходит) (Сл. Карелии 6, 662). Исходный признак ‘качать, колебать’ стал базой для обозначения широкого круга явлений — обозначения порчи, расстроенного, пошатнувшегося здоровья, душевного расстройства и процесса очистки зерна способом провеивания, при котором зерно продувается, перелопачивается, приходит в движение.

Примечания

¹ Прышчэпчык А. М. Лексіка свержаньскай гаворкі // 3 народнаго слоўніка. Мінск, 1975, 82.

² Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 132–133.

³ Ильинский Г. А. Славянские этимологии. IX. Млр. *стрибати* ‘скакать, прыгать’ // Изв. ОРЯС, т. XXIII, кн. 1. СПб., 1918, 143–144.

⁴ Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология 1986–1987. М., 1989, 74.

⁵ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 249.

⁶ Потебня А. А. Этимологические заметки // РФВ, т. I, 1879, № 1, 88. РФВ 1, 88.

⁷ Эккерт Р. Возможные отражения древнего корня *oūd-* (лит. *áusti* ‘ткать’) в праславянском языке // Этимология 1970. М., 1972, 46–54.

⁸ Трубачев О. Н. Славянские этимологии 41–47 (Болг. *бу́ло* ‘покрывало невесты, фата’) // Этимология. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965.

А. Лома

К ПРОБЛЕМЕ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ИРАНИЗМОВ*

С учетом диалектного членения в составе древне- и средне-иранских языков можно выделить, по меньшей мере, два пласта праславянских иранизмов — древний скифский и поздний сарматско-аланский. Характерные черты последнего являются менее спорными, поскольку не вызывает сомнения тот факт, что у языка древних сарматов и аланов есть современный потомок — осетинский язык. В данной работе мы сосредоточимся на одном историко-географическом сегменте славяно-иранских языковых контактов, истоки которых предположительно восходят к междуречью Дуная и Тисы первой половины I в. н. э., когда там поселилось сарматское племя языгов, сохранившее независимость и после завоевания Дакии Траяном, так что эта область в течение двух столетий представляла собой выступ варварского мира, клиновидно вытянутый в глубину Римского царства, с севера примыкающий к среднему Дунаю. В предшествующих работах нами уж было выдвинуто предположение о том, что какая-то географическая информация о среднем Подунавье могла попасть праславянам в Закарпатье через языгское посредство, в частности, имена рек Тисы и Савы (*Tīša* > *Tīsa*, с характерным для сарматско-аланского переходом *š* > *s*; *Sāvo-* > *Sāva* с продлением корневого гласного под влиянием сарматского прилагательного **sāva-* > осет. *saw* ‘черный’, ср. у Иордана гидроним *Aqua Nigra*, относящийся, по всей вероятности, к Саве)¹. Название племени, в латинской передаче *lazyges*, *Iāzuges*, должно было быть знакомо славянам. Возможно, что серб. *Jāzak*, род. *Jāска*, название деревни и монастыря в Среме, хотя и засвидетельствовано только с XVI в.², восходит к позднепраславянской форме их имени: **(selo, vьsь) Jazьgь* (род. мн.ч.) ‘поселение языгов’³, если допустить, что славяне там застали остатки языгов, переселившихся по то сторону Дуная, в пределы римской провинции Нижней Паннонии, и обозначили их именем, звуковой вид которого (сохранение начального *j-*)

---

* Работа выполнена в рамках проекта № 178007 «Этимологические исследования по сербском языке и выработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством образования и науки Республики Сербии.

указывает на то, что оно не было заимствовано ими у романских туземцев, а принесено из прежней родины⁴.

Должно быть, присутствие иранских кочевников и отсутствие римской власти в потисском коридоре в первые столетия нашей эры благоприятствовало раннему проникновению славян с верховьев Тисы в Паннонский бассейн. Вполне допустимо, что некоторые топонимические и этнографические архаизмы, пережившие в Банате тысячелетнее господство венгров, восходят к этому времени⁵. До сих пор неизвестно, из каких этнических элементов состояло оседлое земледельческое население земли языгов. Источники четко отличают их от основного доминирующего, по видимому, ираноязычного пласта, состоящего из кочевых скотоводцев. Последние определены Аммианом как «свободные (*Liberi*) сарматы», первые — как их «рабы (*Servi*)»; более того, в языке «свободных сарматов» существовало особое прозвище для «рабов», в латинской передаче *Limigantes*. Ср. *Amm. Marc., Res gestae XVII, 13, 1* (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни):

His, ut narratum est, secundo finitis
eventu ad Limigantes Sarmatas
servos ocius signa transferri
utilitas publica flagitabat, quos erat
admodum nefas inpune multa et
nefaria perpetrasse. nam velut obliti
priorum tunc erumpentibus Liberis
ipsi quoque tempus aptissimum
nanti limitem perripere Romanum,
ad hanc solam fraudem dominis suis
hostibusque concordēs.

После благополучного окончания описанных предприятий интересы государства требовали скорейшего похода против лимигантов, сарматов-рабов: отсутствие наказания их за многие преступные деяния являлось прямым позором. Когда вторглись сарматы-свободные, то они, словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии.

Представляется вполне убедительным анализ названия *Limigantes* как сложного слова, где в качестве второго члена выступает др.-иран. **kanθā-* ‘здание, поселение, город’ > осет. *kænt*, сак. *kanthā*, и т. д. (см. ниже), с закономерными для сарматско-аланского фонетическими преобразованиями (озвончение *-k-* между согласными, *nθ* > *nt*, тогда как результатом исконного *nt* было бы *nd*)⁶. Учитывая сарматско-аланский переход *ri* > *li*⁷,

можно сравнить первый компонент *limi-* с др.-иран. **r(a)im-* в авест. *irimant-* ‘грязный’, хс. *rrīma* ‘фекалии, грязь’, афг. *rəma* ‘понос’, нов.-перс. *rīm* ‘гной’⁸. Сарм. **limī-* возводимо путем монофтонгизации к местному падежу *ā*-основы **rimāi*. Др.-иран. **rimāi-kanθā-* толкуется как бахуврихи: «чья дома в навозе, помете», насмешливое обозначение кочующими в кибитках скотоводами оседлых земледельцев, живших в землянках вместе со скотом, пометом, используемом для обмазывания стен в жилищах⁹. Такой способ обитания является реалией, распространенной по всему миру, и, следовательно, общим местом в этнографических описаниях с античной эпохи. Ксенофонт сообщает, что армяне жили в подземных помещениях вместе со скотиной (Xenoph. Anab. IV 5, 25, пер. М. И. Максимовой, М. 1951):

αἱ δ' οἰκίαι ἦσαν κατάγειοι, τὸ μὲν στόμα ὡσπερ φρέατος, κάτω δ' εὐρεῖαι. αἱ δὲ εἰσοδοὶ τοῖς μὲν ὑποζυγίοις ὀρυκταί, οἱ δὲ ἀνθρώποι κατέβαινον ἐπὶ κλίμακος. ἐν δὲ ταῖς οἰκίαις ἦσαν αἶγες, οἶες, βόες, ὄρνιθες, καὶ τὰ ἔκγονα τούτων τὰ δὲ κτήνη πάντα χιλῶ ἔνδον ἐτρέφοντο.

Дома здесь были подземные, с верхним отверстием наподобие отверстия колодца, но широким внизу. Впуски для скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице. В домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами, весь скот питался в домах сеном.

Согласно Страбону «...дарданцы были совершенно дикими, так что вырывали пещеры под навозными кучами и там жили...»¹⁰. В отношении причерноморских племен Эфор замечал, что киммерийцы жили в землянках, которые назывались «аргиллами»¹¹, а в описании Вергилия скифы вырывают проходы и проводят досуг глубоко под землей (Verg. Georg. III 376–378, перевод С. В. Шервинского):

[Scythiae gentes Maeotiaque unda]
ipsi in defossis specubus secreta sub alta
otia agunt terra, congestaque robora totasque
aduoluerе focus ulmos ignique dedere.

[там, где скифы живут, где Мэотики воды]
Сами ж, проходы нарыв, спокойно проводят досуги
Там, глубоко под землей; дубов ната-скают и целых
Вязов к своим очагам и сжигают на пламени дымном.

Следовательно, предполагаемую нами этимологию можно подкрепить с типологической стороны. Бинарная оппозиция *кочевники — оседлые* является устойчивым топосом античной этнографии, особенно в отношении к той части Евразии, которая была заселена в древности скифско-сарматскими племенами. Противопоставление двух этнокультурных моделей происходило не только в зоне контактов древних иранцев с инородными племенами, а также и внутри самого древнеиранского общества, самым ранним свидетельством чего является, видимо, реформа Заратустры, направленная на защиту оседлых скотоводов и земледельцев от кочевников, говоривших на диалектах того же древнеиранского языка. Более того, в мировоззрении кочевников кочевничество связывается с господством, а оседлая жизнь — с рабством¹². Это противопоставление двух пар понятий нашло свое отражение в античной этнографии, ср. то место «Естественной истории» Плиния Старшего, где речь идет о племенах северного Причерноморья (Plin. Nat. hist. IV 12, 80, перевод Ф. В. Шелова-Коведяева):

Ab eo in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, varie tamen litori adposita tenuere, alias Getae, Daci Romanis dicti, alias Sarmatae, Graecis Sauromatae, eorumque Namaxobii aut Aorsi, alias Scythae degeneres et a servis orti aut Trogodytae, mox Alani et Roxolani.

От него [Данувия], притом во множестве, суть все племена скифов, однако они различно владеют прилегающими к взморью [пространствами]; в ином месте геты, называемые римлянами даками, в ином сарматы [называемые] греками савроматами, и из них гамаксобии или аорсы, в ином скифы низкого происхождения, рожденные от рабов, или троглодиты, затем аланы и роксоланы.

Здесь два греческие названия противопоставлены друг другу: Ἀμαξόβιοι ‘живущие в повозках’, применяемое, очевидно, к свободным и господствующим сарматам, и Τρωγλοδίται. Последнее буквально значит «вползающие в норы» и изначально обозначает таких животных, как лисы или змеи, но применялось греками также по отношению к народам, стоявшим на низкой степени культуры, жившим в землянках или пещерах, ср., в частности, использование Геродотом этого названия в качестве обозначения эфиопского племени. Причерноморских троглодитов надо

отождествить с крымскими сатархами-таффриями, о которых Помпоний Мела сообщает что они, «закапывая в землю свои жилища, живут в пещерах или землянках»; их рабское происхождение выводится из легенды, записанной Геродотом, о войне между скифами и потомками их рабов. Из формулировки Плиния *Scythae degeneres et a servis orti aut Trog(l)odytae* явствует, что способ жизни сатархов ассоциировался с низким положением, подчинением, незаконным происхождением. Нет сомнения, что эта взаимосвязь восходит к представлениям скифов и сарматов-кочевников, Вероятно, греческие описательные прозвища причерноморских племён *амаксовии* и *троглодиты* являются более или менее верными кальками ираноязычных самоназваний или (насмешливых) экзонимов, так как, пожалуй, греч. Μελάγχλαινοι передает *sāwdarata-*, οἱ βασιλῆιοι Σκύθαι — *paralāta-* или, по нашему предположению, νομάδες Σκύθαι — *kačara-*, Καλλιπίδαι — *havasya-*, Βορυσθενεῖται Σκύθαι — **varu-skula-*¹³.

Куда поместить, в данной дихотомии, древних славян? У Плиния впервые выделяется под именем венедов праславянский этнос, который находится на стыке макроэтнонимов «сарматы» и «германцы». Из этого вытекает, что и самое ранее этнографическое описание славян в 46. главе «Германии» Тацита продиктовано противопоставлением предпочитаемого им германского образа жизни сарматскому. Причиной, по которой Тацит причисляет венедов к германцам, а не к «живущим в повозке и на коне» сарматам, которым он приписывает большое влияние на венедский быт, являются их военные обычаи, прежде всего главная роль пехоты в боевых действиях. Но обсуждая с этой же точки зрения певкинов или бастарнов, он впадает в своего рода противоречие, когда пишет (Tac. Germ. IV 46, перевод А. С. Бобовича):

Peucinatorum Venethorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito, quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt. Sordes omnium ac torpor procerum.

Я колеблюсь, причислить ли народ певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии.

Эллипсис выражения *sordes omnium ac torpor procerum* объясняется ссылкой Тацита на им уж сказанное, в 16 и 20 главе, о германцах:

(16) Solent et subterraneos specus aperire eosque multo insuper fimo operant, suffugium hiemis et receptaculum frugibus (20) In omni domo nudi ac sordidi in hos artus, in haec corpora, quae miramur, excrescunt. sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis ac nutricibus delegantur. dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas: inter eadem pecora, in eadem humo degunt, donec aetas separet ingenuos, virtus agnoscat ...

(16) У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов (20) В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рождённых ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не разделит свободнорождённых, пока их доблесть не получит признания.

Упоминание жизни в грязи и среди домашних животных как будто противоречит в основном положительному и даже идеализируемому описанию германцев у Тацита. Кажется возможным, что здесь вмешались стереотипы кочевнического мировоззрения, отраженные в каком-то источнике «Германии». Данный стереотип приложим и к древним славянам, так что название *Limigantes*, если оно нами правильно истолковано, могло относиться не только к ним, но и к любому доиранскому или даже иранскому населению юго-восточной части карпато-паннонского бассейна¹⁴.

Теперь надо более подробно остановиться на второй части анализируемого нами сложного слова *Limi-gantes*. Осет. ирон. слово *kænt* 'здание' является гапаксом, отмеченным только в переводе Евангелия, опубликованном в Тифлисе в 1864 году, а именно в евангелии от Марка 13, 1, где множественное число

kæntytae передается цслав. *зданїа*, греч. οἰκοδομαί; в последующих переводах оно заменяется обычным синонимом *aǵystytae*. Осет. *kænt* возводится к др.-иран. **kanθā-*, отраженному в сак. *kanthā-*, согд. *knḏh-*, ягн. *kant*, все в значении 'город', нов.-перс. *kand* 'деревня', афг. *kandai-* (< **kanθaka-*) 'квартал'¹⁵. В ареальном отношении слово — только восточноиранское, если считать нов.-перс. *kand* заимствованием из согдического, а др.-инд. *kanthā-* ж.р., *kantha-* ср.р. 'город' иранизмом. Правда, со фонетической стороны ничто не мешает признать древнеиндейское слово исконным и возвести его к уже индоиранскому архаичному производному с суффиксом **-tho-*. На иранское происхождение слова указывает тот факт, что оно засвидетельствовано только грамматиками (Панини) и в топонимике северо-западной Индии, напр. нов.-перс. *Āhvara-kāntham*, *Dākṣi-kanthā*¹⁶. Но это обстоятельство может отражать не ареал сравнительно позднего заимствования, а распространение древней строительной модели, принесенной индо-ариями из их прародины и быстро покинутой ими территории Индийского подконтинента.

Как бы то ни было, слово из восточноиранского распространилось в тюркские языки, азерб., уйг., кыпч. *kānt*, половецк. *kent* 'город, селение'. Оно наложило свой отпечаток на топонимию Средней Азии, ср. *Таш-кент*, *Пенджикент*, *Чим-кент*, *Самарканд*, *Ко-канд*, *Яр-кент*; эти словосложения возникли одни в иранской среде (напр. Самарканд, др.-греч. Μαρακάνδα < согд. **Asmara-kandha-* 'каменный город', другие — в тюркской (напр. Таш-кент то же)¹⁷. Представляется правильной этимология от *kan-* 'копать', принятая Абаевым, который предполагает, что «имелось в виду укрепленное, окруженное рвом и стеной поселение»¹⁸. Действительно, ров, ограничивающий укрепленное или неукрепленное поселение, является характерным признаком поселений срубной и андроновской культур бронзового века, распространенных в степном и лесостепном поясе Евразии от Днепра на западе до западной Монголии и северо-западного Китая (Синцзяна) на востоке, носителей которых археологи соотносят с древними индоиранцами. Андроновские поселения состояли в основном из больших прямоугольных полуземлянок, тип которых предположительно пережил переход к кочевничеству на рубеже II и I тыс. до н. э.; он засвидетельствован в скифско-сарматском мире и сохранился до сих пор в южной Осетии, в Таджикистане и на Памире¹⁹.

Ряд слов в славянских и финно-угорских языках, а именно

с.-хорв. диал. *kōt* ‘закут для домашних животных’, ст.-чеш. *kot* ‘будка, лавка (рыночная)’, цслав. *котьць* ‘клетка, отделение’, укр. *xáma* ‘дом, изба, хижина’, польск., словац. *chata*, венг. *ház* ‘дом’, фин. *kota* ‘жилище, палатка, юрта’, эст. *koda* ‘дом’, с разной степенью вероятности относятся к заимствованиям из древнеиранского **kata-*, получившего отражение в авест. *kata-* ‘комната, кладовая, погреб’, нов.-перс. *kad*. Этимология древнеиранского слова вызывает споры. Некоторые исследователи возводят это слово к **knta-* ‘выкопанное (в земле)’ и относят к корню др.-перс., авест. *kan-* ‘копать’²⁰. Однако эта интерпретация сопряжена с некоторыми трудностями. Во-первых, речь идет о сет-корне, потому ожидалось бы др.-иран. **kāta-* < **kñHto-*, точно так же, как и.-е. **gʰnH₁-to-* имело своим результатом авест. *zāta-*, др.-инд. *jātá-*²¹. Действительно, ожидаемая словоформа отражена в древнеиндийском причастии страдательного залога прошедшего времени *khātá-* к *KHANⁱ* ‘копать’, которому вполне соответствовало бы слово *xáma*, впрочем, считаемое более поздним заимствованием по отношению к **kоть*. Особой проблемой является расхождение в анлауте между древнеиндийским и древнеиранским словами. Преобладает мнение, что глухой придыхательный в древнеиндийском вторичного происхождения, так что Трубачев, возводя слав. **xata* к **kata-*, объясняет **x-* славянской формы развитием спирантизации *k > x* в ряде восточноиранских языков²², не учитывая при этом древнеиндийское *kh-* в том же корне, хотя отождествление **xata = khātá-* можно было бы интерпретировать в рамках его гипотезы о индоарийском языковом субстрате северного Причерноморья²³. Недавно нами было выдвинуто предположение о том, что скифское племенное название *Αὐχάται*, относящееся к потомкам Липокся, имя которого толкуем как **Dvīpa-xšaya-* ‘владелец полуострова, т. е. Крыма’, восходит к др.-иран. **ava-xāta-* ‘копанием, т. е. рвом отделенные’ и передает геродотовское οἱ ἐν τῷ τάρῳ Σκύθαι κατοικημένοι (Hdt. IV 28). Там же мы попытались объяснить название соседнего племени синдов у Стефана Византийского *Τραυχένοι* как обозначение скифов, живущих по ту сторону рва, др.-иран. **^rrah-avakany-a-*, ср.млд.-авест. *tarō*, вед. *tirás*, ср.-перс. *tar* ‘через, по ту сторону’ и млд.-авест. *avakaini-* ‘ров’ < др.-иран. **ava-kani-*. Принять вариант скиф. **ava-xani-* все-таки мешают в анлауте испорченная форма *Γραυκένοι* у Аполлония Родосского и тот факт, что нарушенный алфавитный порядок в словаре Стефана восстанавливается эмендацией *Τραυχένοι* в **Γραυκένοι*²⁴. Итак, при-

надлежность слав. **xata*, венг. *ház* к индоиранскому корню **k(h)anH-* ‘копать’ вероятна, а что касается авест. *kata-*, то его можно отнести сюда только при условии допущения утраты в нем ларингального. Возможны, кстати, иные толкования, из которых самой большой популярностью пользуется сравнение с гот. *hēþjō* ‘комната’ и др.-греч. ἰκτωλή ‘горшок, миска, чашка’²⁵ (и.-е. **kot-/kēt-?*); в этом случае, отношение между иранским словом и слав. **kotь*, **kotьсь* могло бы быть интерпретировано как прародство, но славянское слово этимологизируется и отдельно от древнеиранского, в связи с **kotiti*²⁶ или как производное от и.-е. **kat-* ‘плести’ (ЭССЯ 11, 202, 212).

Особняком стоит осетинское слово ирон. *xæzar*, дигор. *xæzaræ* ‘дом, сакля, жилище’, которое Абаев склонен возвести к словосложению с первым членом **kata*²⁷. Более правдоподобной представляется исходная словоформа др.-иран. **ka-čara-*, предполагаемая нами для скифского этнонима Καταροι = βομαδες Σκυθαί, ср. др.-инд. *ku-cará-* ‘движущийся, бродящий’ (см. выше), если исходить из предпосылки, что аланы, перешедшие к оседлому образу жизни, перенесли на новый тип жилища название тех кибиток, в которых, согласно Аммиану Марцелину, они жили и которые перевозили их по степям²⁸.

Что касается праславянского **kǫtja*, реконструируемого на основе болг. *къща*, с.-хорв. *кућа*, словен. *koča*, вост.-слав. *куча*, то, насколько нам известно, на его возможную связь с осет. *kænt* из др.-иран. **kanθā-* впервые указано нами семь лет тому назад²⁹. По-разному этимологизировалось слово на славянской языковой почве, но на сегодня можно считать неустаревшими две конкурирующие между собой гипотезы, одна из которых относит его к **kǫtati* ‘убирать, прятать’, а другая — к **kǫть* ‘угол’. Последнюю этимологию принял и интерпретировал О.Н. Трубачев, указывая на приблизительное совпадение ареалов слова **kǫtja* и древних землянок и полуземлянок с очагом, размещенным в углу, что характерно для склавино-антской, но не для венедской территории, т. е. составляет особенность юго-восточных областей позднеантичной и раннесредневековой Славии, за исключением ее северо-запада³⁰. Этой блестящей интерпретацией все-таки не поставлена точка в дискуссии. Предположительно лежащее в основе слово **kǫть* трудно отделимо от галло-романского **canto-*, отраженного в ст.-франц. *cant*, ит. *canto*, распространившегося в германские языки (ср. нем. *Kante, Kanten, Kanton*). Возможность вывести из него **kǫtja* вряд ли является доказательством

исконности этого термина строительства. Тем самым следует еще принимать во внимание этимологию, выводящую *kŕtja из *kŕtati, тем более, что у померанских славян средневековыми латинскими источниками засвидетельствовано слово *contina*, по-славянски — *kŕtina или *kŕtĭna ‘кладовая, сокровищница, ризница’, возводимое, по видимому, к этому корню и как будто подкрепляющее общеславянский характер слова *kŕtja. Есть ли необходимость как равноправной в третьей возможности иранского происхождения слова? По нашему мнению — такая необходимость существует, поскольку есть вероятность того, что в языке, соседившем с праславянским и оказывавшем влияние на него в эпоху, к которой восходит слово *kŕtja, существовало что-то фонетически и семантически совсем близкое. Если на основе осетинского *kænt* и языгского *Limigantes* допустим существование в языке сарматов, соприкасавшихся со славянами в первые века нашей эры, связи слова *kantā- ‘поселение, город; здание’ то тогда с точки зрения культурной истории связь его с *kŕtja кажется вероятной. Привлекает внимание производный характер славянского слова по отношению к иранскому. Можно исходить из иранского прилагательного с йотовым суффиксом принадлежности: *kanθya- в значении ‘дом, находящийся в поселении, окруженного рвом’ (*kanθā-)». Или учитывая тот факт, что исходное слово в сарматском, по-видимому, обозначало не поселение, а отдельное здание, можно допустить, что *-ja* здесь представляет собой славянское расширение заимствованной основы без изменения значения, как в праслав. *krosna : *krošnja, *lěska* : *lěšča*³¹. В этом случае ареал слова на славянской почве объяснялся бы его проникновением через славянско-иранскую контактную зону в северном Причерноморье и Подунавье.

на (само)название «свободных» сарматов, предположительно являющееся по отношению к нему вторичным антонимом, которое упоминает Иероним (*Hieronymi Chronicon* s. A. D. 337, перевод наш):

<p>Sarmatae Limigantes, dominos suos, qui nunc Arcaragantes vocantur³², facta manu, in Romanum solum expulerunt</p>	<p>Сарматы Лимиганты, собрав силы, изгнали своих господ, ныне назы- ваемых Аркарагантами, на рим- скую территорию</p>
--	---

Как и в случае с *Limigantes*, этот этноним также толковали по-разному. Заметим, между прочим, что оба названия связывали с

раннеславянским этнонимом *анты* (гр. Ἀντες, Ἀνται)³³. Наше толкование первого имени с выделением в нем *-gantes*, противоречит членению *Limig-antes, Arcarag-antes*³⁴, но оно не исключает связи с именем антов. Возможно, что элемент *анты* возник в результате гипокористического сокращения *Limigantes, Arcaragantes*, подобно тому, как имя нижнедунайских гетов (Γέται) выводится из скифских этнонимов типа Θυσσαῦέται, Турεῦέται, Μασσαῦέται, общее окончание которых *-ῦέται* толкуется не как самостоятельная лексема, а как контаминация др.-иран. **(a)ka-* и **-t(v)a*³⁵. Как бы то ни было, довольно привлекательная этимология, принимаемая Пекканеном³⁶, исходящая из словоформы *Ardaragantes*, относящая ее к *ardarag-* < *ardar-aka-*, сарм. ИС Ардараκος, от **ardara-* > осет. *ældar* ‘господин, князь’, не дает удовлетворительно объяснения конца слова. Если и там речь идет о **kanθa-* ‘дом’, в *arkara-* / *argara-* / *ardara-* можно прежде всего искать какое-то слово для ‘кибитки’.

Примечания

¹ Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogenetos // Сборник радова Византолошког института 38/1999–2000: 87–161 (105–106); Он же Die Donau(en) des slavischen Volksliedes und die frühen Kenntnisse der Slaven über den Donauraum // Kontinuität und Diskontinuität entlang der Donau — Quellen zur Geschichte des Umbruchs von der Antike zum Mittelalter, Internationale Tagung, Wien, 25–26 Mai 2009 (в печати).

² 1522: Лаврѣнтіе, расод(ерь) язачки; 1577: въ мѣсто глаголкеми Язакъ. См.: Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи I, Београд 1902, № 448, 734.

³ Отождествить этот топоним с уменьшительной формой существительного *jâz*, серб. *jâzak, jâska*, трудно, так как она плохо засвидетельствована, отличается ударением и, насколько нам известно, не встречается в топонимии. Ср. PCA 8, 524. Следует только допустить, что конец имени изменился под влиянием деминутивов на **-ъкъ*, ср. серб. *мозак, мозга* < праслав. **mozgъ*.

⁴ То же самое относится к прасл. **Trojanъ* отражающему имя римского императора Траяна, завоевателя Дакии, которое славяне, как можно думать, услышали уже в своей закарпатской прародине од убежавших к ним даков: *Loma, Die Donau(en)* ... (см. прим. 1).

⁵ Ср. Лома А. Словенски именски слојеви у Банату: преглед досадашњих налаза и преостала питања // М. Матицки, В. Јовић (ред.), Банат кроз векове, Београд, 531–544.

⁶ Ср. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М. 1979, 272–364 (330–332, нов.-перс. сарм. *Navarog*, осет. *пæвæг* ‘новый (тоже имя собств.)’ < **navaka-*, Φανδ-αράκος, осет. *fændag* ‘дорога’ < **pant-āka-*).

⁷ Ср. там же, 334 (Λειμῶνας, осет. *limæn* «друг» < *friman-*); Абаев 2, 44–45 (осет. ирон. *lʒun, lyǵd*, дигор. *le zun, liǵd* ‘убегать’ < др.-иран. **raič-*; развитие произошло в деерпричастии прошедшего времени / **rik-tá-*).

⁸ Ср. *Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka, Cambridge 1979, 363–364; Morgenstierne G. A New Etymological Vocabulary of Pashto, compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Wiliams, Wiesbaden 2003, 70.*

⁹ Из прежних попыток объяснения имени *Limigantes*, истолкование его из лат. *limes, limitis* и *gens, mn. gentes* в значении ‘пограничные племена’ как будто нравится историкам (ср. недавно *Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000, 142, 144–145), но с языковедческой точки зрения вряд ли приемлемо. Только два сложных слова с первым членом *limi-* засвидетельствованы в латинском языке, оба в поэтических сочинениях Авсония, *limi-cola limi-genus*, но в обоих случаях реч идет о родительном падеже слова *limus* ‘ил, муть, грязь’, т. е. ‘обитатель ила (об устрицах)’, ‘рожденный в иле (о тростнике)’ соответственно. Что касается сравнения с осет. *lætæǵ* см. ниже. Книга *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов (СПб. 1999, 221), в которой предложена попытка объяснения из германского, оказалась мне недоступной.

¹⁰ Strabo VII 5, 7: ἄγριοι δ' ὄντες οἱ Δαρδάνιοι τελέως, ὥσθ' ὑπὸ ταῖς κοπρίαις ὀρύξαντες σπήλαια ἐνταῦθα διαίτας ποιεῖσθαι. Перевод Г. А. Стратановского, М. 1964.

¹¹ Strabo V 4, 5: Ἐφορος δὲ τοῖς Κιττηρίοις προσοικειῶν τὸν τόπον φησὶν αὐτοὺς ἐν καταγείοις οἰκίαις οἰκεῖν ἄς καλοῦσιν ἀργίλλας.

¹² Ср. *Holzer G. Namen skythischer und sarmatischer Stämme // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 125/1988, 193–213 (203–204), Huysse Ph. Vorbemerkungen zur Auswertung iranischen Sprachgutes in den Res Gestae des Ammianus Marcellinus // Medioiranica (= Orientalia Lovaniensia Analecta 48), Leuven 1993, 87–98 (96)*, где оппозиция между свободными, господствующими Сарматами — Аркарагантами и их рабами Лимигантами интерпретируется как универсалия в общественном строе европейских иранцев, со ссылкой на геродотовские Σκύθαι ἐλεύθεροι (βασιλῆοι) : Σκύθαι δοῦλοι.

¹³ См. *Loma A. Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // SEB 1: 333–350 (341), Он же* Из топонимии древней Скифии — в поисках страны будинов // ВО 2010 № 1 (8), 5–17 (13), *Он же* Namenkundliches zur skythischen Abstammungssage // SEC 16/2001, 75–92 (81–82).

¹⁴ Примечательно, что этническое самосознание славян, судя по данным их языка, сложилось прежде всего в оппозиции к германцам („немцы“, „чужие“), пожалуй, не к балтам или иранцам.

¹⁵ Абаев 1, 579, ср. *Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism, Wiesbaden 2002, 197; Bailey* указ. соч. 51, *Morgenstierne* указ. соч. 39. *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 4. М., 2011, 347–348.

¹⁶ *Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I, Heidelberg 1956, 151.*

¹⁷ Абаев: там же; Фасмер 3, 553; 4, 31.

¹⁸ Бейли l.c. ошибочно выводит **kanθā-* из мнимого корня **kan-* ‘to cover’, к которому якобы восходят осетинские слова ирон. *aǵ yndym* «крыть (здание)», *aǵ yst* «помещение, здание, строение, дом», хотя сам на другом месте, на которое даже ссылается (стр. 38 s.v. *uysgun-*), правильно возводит одни и те же слова к **gaud-* / *gud-* ‘to cover’, ср. Абаев 1, 38–39, *Morgenstierne* указ. соч. 8 s.vv. *ayund-*, *ayust-*.

¹⁹ Kuz'mina E. E. The Origin of the Indo-Iranians, Leiden/Boston 2007, 31–60. На основе этого типа возникли юртоподобные жилища характерные для начала железного века в евразийских степях, связанные с развитием номадизма (там же 60–66).

²⁰ Абаев В. И. Проблемы индоевропейского языкознания, М. 1964, 115 и след.; Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965, 3–81 (41–42); ЭССЯ 8, 21–22; 11: 211–212.

²¹ Ср. Mayrhofer M. Die Fortsetzung der indogermanischen Laryngale im Indo-Iranischen (= Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Bd. 730), Wien 2005, 95–96.

²² ЭССЯ 8, 21.

²³ Его труды на эту тему собраны в: Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье, М. 1999.

²⁴ Loma A. Namenkundliches ... (см. выше прим. 13) 80–81.

²⁵ Неясно, из какого источника Гамкрелидзе Т. В. и Иванов В. В. (Индоевропейский язык и индоевропейцы, Тбилиси 1984, (т. 2) 932) взяли значение 'пещера'.

²⁶ Ср. ЭССЯ 11, 202, 212; Топоров В. Н. О праславянском *kot- // ВСЯ 6/1962, 172–176.

²⁷ Абаев 4, 159–161.

²⁸ Amm. XXXI 2, 18: plaustris supersidentes, quae operimentis curvatis corticum per solitudines conferunt sine fine distentas «живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям» (перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, Киев 1906–1908).

²⁹ Лама А. Прасловенска лексика и култура у индоевропском контексту // Лингвистичке свеске 4, Нови Сад 2004, 15–42 (22–23).

³⁰ Die urslawische Lexik und die Dialekte des Urslawischen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 34/1981, 468–478 (477); ЭССЯ 12, 70–74.

³¹ Ср. Slawski Fr. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (1) // SP 1: 43–141 (82).

³² Разнотчения в рукописях Хроники *argaragantes*, *ardaragantes*, ср. Helm R. Eusebius Werke 7: Die Chronik des Hieronymus, Berlin, 1984.

³³ Здесь не будем обсуждать разные этимологии этого имени. Для их обзора, ограничимся некоторыми ссылками: Фасмер 1, 376 s.v. вятичи; Lowmiański H. Początki Polski I, Warszawa 1963, 405–407; Pekkanen T. The ethnic origin of the Doulóstorot, Helsinki 1968, 130–131; Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ 1977/6, 13–29 (24–25) = Он же Indoarica ... (см. выше прим. 23), 42–60 (54–55); Schramm G. Ein Damm bricht. Die römische Donaугrenze und die Invasionen des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern, München 1997, 178–181.

³⁴ Pekkanen T. указ. соч. 141; Он же On the oldest relationship between Hungarians and Sarmatians: From Spali to Aspali // Ural-Altäische Jahrbücher, 45/1973, 11–15.

³⁵ Kretschmer P. Zum Balkan-Skythischen // Glotta 24/1935, 1–56 (42–43); ср. Det-schew D. Die thrakischen Sprachreste, Wien 1957, 103–105, Абаев, Скифо-сарм. нар. 338–339;

³⁶ Она, кажется, восходит к Харматте, который одновременно объяснял *Limigantes* из осет. *lætæg* «слабый, мягкий, податливый», но точной ссылкой дать не могу. Статья его «Iranien, Germanen und Römer im Mittleren Donaubecken», на которую сам ссылается в свое книге *Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians* (= Acta Universitatis de Attila József nominatae, Acta Antiqua et Archaeologica, t. XIII), Szeged 1970, 101, найти не удалось.

Ю. М. Муратов

**‘НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ’
КАК ОДНА ИЗ МОТИВАЦИЙ
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ
‘ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖОГО (СИЛОЙ ИЛИ ТАЙНО)’
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого (силой или тайно)’ является одним из самых древних индоевропейских понятийных полей. Об этом свидетельствует зарождение данного понятия в праиндоевропейскую эпоху в рамках этимологического гнезда глагола с корнем **(s)ta(i)-* > праслав. *taty*, др.-ирл. *taid* ‘вор’, ср. греч. *τητάω, τατάω* ‘лишаю’, др.-инд. *tāyúṣ* ‘вор’, авест. *tāyu-* ‘вор’, *tāya* ‘кража, тайный’, хетт. *tājezzi* ‘крадет’ (Фасмер IV, 11, 28), основой мотивации наименования кражи в этом случае становится признак скрытного, тайного действия. Поле остается актуальным в истории праславянского языка (**krasti, *tyriti, *myz-gati*) и в истории отдельных славянских языков, о чем свидетельствует множественность типов мотивационных моделей соответствующей лексики, одним из которых становится ‘неправильное, отклоняющееся от нормы (пути) поведение’. Данный мотивационный тип базируется на представлении о правильном и ложном, которое постепенно проникает во все сферы жизнедеятельности человека; это бинарное противопоставление становится ведущим при детерминации поступков человека, что затрагивает и понятие ‘кража’ (ср. «ныне закон различает: *воровство-кражу, татьбу и воровство-мошенничество, воровство*» — Даль² IV, 393), таким образом, в поле вливается пласт лексики, обозначающий воровство как неправильный поступок, что сформировало новую семантическую модель ‘кража как неправильное поведение’.

В истории русского языка эта семантическая модель начинает формироваться довольно поздно, в старорусский период, первопричиной данного действия (кражи) представляется обман. Центральное место в данной мотивационной модели и в дальнейшем во всем лексико-семантическом поле занимает гнездо *nomem agentis вор*, производного от праслав. **verti, *vbrq*¹. Индоевропейский

корень **цег-* имел значения 'поворачивать', 'изворачиваться', на праславянском уровне восстанавливается следующая цепочка развития значения: 'поворачивать' > 'вязать' > 'запирать', а в некоторых славянских диалектах > 'обманывать'. На основе семы 'изворачиваться' через ступень 'предатель' в древнерусском языке (*вор* часто употребляется в XVI в. по отношению к Лжедмитриям в значении 'мошенник, авантюрист' (Фасмер I, 350) развивается значение 'преступник, злодей', а затем — 'вор'. Любопытно, что в украинском языке именно лексема *злодій* семантически соответствует русской *вор*. На основе данных диалектологии и лингвогеографии можно почти с уверенностью утверждать, что развитие нового значения у лексемы *вор* произошло к XVI в. в центральных великорусских говорах, в дальнейшем легших в основу русского литературного языка; эта лексема не получила широкого распространения в русских диалектах, лишь в донских говорах встречается имя *вор*, но со значением 'приехавший за невестой для венчания' (Донск. словарь I, 70). В значении 'вор' в донских говорах появляется лексема усложненной морфологической структуры *воркаган* (Донск. словарь I, 76). Поскольку это слово в говоре имеет также значение 'хулиган', наиболее вероятно контаминация словоформ *вор* и *уркаган*. От данной донской лексемы по весьма распространенной в славянских языках модели образуется глагол *воркаганить* (там же) и, видимо, его экспрессивный вариант с усиленной лабиализацией корневого гласного *воркуганить* (там же) со значением 'воровать'. Этим, по существу, и ограничивается представленность корня *вор-* в диалектах, тогда как в русском литературном языке обнаруживаются все возможные производные, что и позволило данному корню занять ядерное положение в поле наравне с более древним *красть*.

Уже с 1552 г. в письменном русском языке отмечены глаголы *воровати* (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 29) и *своровати* (СлРЯ XI–XVII вв. 23, 194). Отыменный характер данных глаголов подтверждается наличием суффикса *-ова-*, который в русском языке указывает либо на отсутствие первичного глагола, либо на вторичный имперфектив, как в случае с более поздним образованием *воровывати* (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 32), где удвоение суффикса *-ов-* + *-ыва-* опять же доказывает новизну образования. Но формируются данные глаголы не в рамках рассматриваемого лексико-семантического поля, а еще со значением, первым вышедшим из 'изворачиваться', т. е. со значением 'совершать противозаконные действия', 'быть участником политических и

религиозных столкновений', 'совершать военные нападения с целью грабежа и разбоя' (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 29). Значение 'красть' впервые зафиксировано у двух приставочных образований XVII в. Это, во-первых, глагол *поворовати* 'воровать некоторое время, поплутовать' (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 169), значение которого было обусловлено, очевидно, уже окрепшей семантикой имени *вор* 'похититель' и глагольной приставкой. Первичным значением приставки **po-* было контаминированное обозначение удаления и приближения: 'от', 'к', 'сквозь', 'через'², а уже на славянской почве развиваются значения 'с незначительной интенсивностью, постепенно', 'поочередно', 'в течение некоторого времени'³, которые и находят свое отражение в этой словоформе. Во-вторых, в XVII же веке появляется глагол *изворовати* 'нанести вред незаконными действиями' и 'позволить разворовать' (СлРЯ XI–XVII вв. 6, 129). Примечательно последнее значение: это единственный пример каузатива в рассматриваемом лексико-семантическом поле. Позднее, с XVIII в. фиксируется глагол для обозначения кражи нескольких предметов *наворовать* 'нарушить закон', 'украсть в к.-л. количестве, в несколько приемов' (СлРЯ XVIII в. 13, 146). Первичная семантика приставки **na-* — 'над', а на балто-славянской почве она смогла обозначать и 'сверху вниз', 'прочь' (ср. лит. *niõ*)⁴. Видимо, сема кучности, 'накопить в определенном количестве'⁵, представленная в значении глагола до сих пор, является следствием трансформации первичной семантики приставки (ср. обилие подобных образований в разговорном языке: *навалить*, *накататься*, *наготовить* и т. д.). Сема множественности была свойственна и другой приставке, **ob-*, но под влиянием своего первичного значения 'около', 'с обеих сторон', 'вокруг'⁶ она сформировала глагол, обозначающий кражу не конкретного предмета, а из какого-то помещения или у какого-либо лица — *обворовать* (СлРЯ XVIII в. 15, 217), в настоящее время являющийся разговорным. Таким образом, приставки закрепили новое значение в данном гнезде, при этом некоторые из приставок присоединялись еще до семантического преобразования (см. выше *своровать*). Можно с уверенностью утверждать, что включение данного гнезда в поле 'присвоение чужого' было во многом подготовлено приставками, так как разбираемое лексико-семантическое поле обладает весьма определенным инвентарем префиксов, многие из которых представлены здесь.

Известно, что в русском языке довольно устойчива связь 'обманывать' и 'ошибаться', ее появление возможно даже у разных

форм одного слова: ср. *обмануть* — *обмануться*. Далее в русском языке связываются значения ‘обманывать / ошибаться’ и ‘воровать’. Литературному языку такая семантическая модель, кажется, не свойственна, но в диалектах данная модель втягивает достаточно много гнезд. В новгородском диалекте сюда попадает и сам глагол *maniti ‘лгать’ (ср. лтш. *mānīt* ‘обманывать’, лит. *mānyti* ‘колдовать’, др.-в.нем. *mein* ‘лживый’ (Фасмер II, 569) с его производным *обманить* ‘увести кого-либо (жену, мужа)’ (Новг. словарь 7, 50), где к сфере кражи отнесена супружеская измена (ср. выше дон. *вор* ‘приехавший за невестой для венчания’). В донских говорах появляется также лексема *аманат* со значением ‘обманщик’ и ‘вор’ (Донск. словарь I, 4). Исторически эта лексема является заимствованием из татарского, где *amanat* — ‘залог, поручение’, куда она попала через турецкий из арабского (Фасмер I, 75). Словоформа не является узкодиалектной, она была известна русскому литературному языку XVIII в. в значении ‘заложник’ (СлРЯ XVIII в. 1, 56), что выводимо напрямую из значения заимствованного слова в языке-источнике. Вероятнее всего, можно предположить следующую цепь развития значения: ‘залог’ > ‘заложник’ > ‘отнять, украсть’, а уже под влиянием народной этимологизации по глаголу *манить* и, видимо, уже закрепленной в сознании связи между значениями ‘отнять’ и ‘обмануть’, данная биполярность развивается и у имени *аманат*, откуда ‘обманщик’.

Еще одно заимствование с сочетанием значений ‘обман’ и ‘кража’ — это *химостить*. Предполагается финно-угорский источник слова — фин. *hiimat* ‘чары’ (Фасмер IV, 237). Следы первичного значения заимствованного корня сохраняются в псковских говорах: *химостить* ‘ворожить’ (Даль² IV, 548) (ср. еще укр. *хíморода* ‘причуда, колдовство’, *химорóдити* ‘колдовать, чудить’). Затем данное значение под влиянием понимания колдовства как шарлатанства и введения в заблуждение трансформируется в ‘обманывать’, что отражается в тверских говорах: *химостить* ‘врать, говорить чепуху’ (Даль² IV, 548). Наконец, во многих северо-восточных говорах глагол (*с*)*химостить* значит ‘похищать, красть, воровать, стащить’ (Даль² IV, 548), ‘украсть’ (Новг. словарь 11, 12). Поэтому восстанавливается следующая семантическая цепочка: ‘ворожить’ > ‘чудить’ > ‘обманывать’ > ‘воровать, красть’, последнее звено которой подтверждает семантический переход ‘обманывать’ > ‘красть’ в русских диалектах.

Такой же семантический переход наблюдается и с другим праславянским корнем, который на основе семы ‘лукавить’ при-

обретает значение ‘красть’. Речь идет о корне **nur-*, имевшем в праславянском языке значение движения вверх-вниз или же просто быстрого передвижения, ср. **nurěti* / **nyriti* ‘высовываться, скрываться, соваться во все, погружаться’, **nur’ati* ‘скрываться, быстро исчезнуть, погружаться в воду’, **nurŋoti* ‘шмыгнуть, юркнуть, быстро исчезнуть’ (ЭССЯ 26, 64). С тем же значением восстанавливается глагол с другим корневым вокализмом — **nuriti*. Далее наблюдаем схожую с **verti*, **vbro* семантическую трансформацию — появление значений ‘лукавый’, ‘ловкий’, ср. др.-рус. **ныреньк** ‘лукавое мудрствование’ (СДРЯ 5, 449), *ныривыи* ‘выдуманный’, ‘дурной, низкий, подлый’ (СДРЯ 5, 450), *проныристой* ‘ловкий, способный проникать куда угодно’ (Сл. Сред. Урала 5, 31). Это значение сохраняется в русском литературном языке в лексеме *проныра*, но в уральских говорах представлена следующая ступень развития значения: ‘лукавый, ловкий’ > ‘обманщик’. Первичное значение ловкого и отчасти незаметного движения контаминируется с новым, ‘обманывать’, оба из которых являются типичными стартовыми значениями для появления значения ‘воровать’, и в результате образуется *проныр* ‘обманщик, вор’ (Сл. Сред. Урала 5, 31).

К рассмотренным случаям близко развитие значение ‘кража’ на базе семантики отклонения от правильного пути, представленной в гнезде глагола **blęsti*. В новгородском и уральских диалектах значение ‘воровать’ зародилось в рамках гнезда глагола **blęditi*, образованного от имени *blędъ*, имеющего практически во всех славянских языках значение ‘ошибка, заблуждение’ ст.-сл. **блѣдъ** ‘бред, заблуждение’, др.-рус. *блѣдъ* ‘взор, обман’, эти же слова в ст.-сл. и в др.-рус. имели уже значения ‘болтун, обманщик’ — ЭССЯ 2, 114). Имя (*блоудъ* ‘заблуждение, ошибка’, ‘разврат’ — СДРЯ 1, 235; *блоудъ* ‘распутство’, ‘ошибка’ — СлРЯ 1, 244; и лишь в немногих, как-то: сербохорватский, словенский, русский, появляется значение ‘блуд, разврат’ — ЭССЯ 2, 127) восходит к глаголу **blęsti* с первичным значением ‘бродить, ходить, сбившись с дороги’, откуда — ‘ошибаться’ (ст.-сл. **блѣдити** ‘блуждать’, словен. *bloditi* ‘блуждать, заблуждаться, вводить в заблуждение’, чеш. *blouditi* ‘сбиваться с пути, блуждать, заблуждаться’, словац. *bludit’* ‘сбиваться с пути, бродить, заблуждаться’, в.-луж. *bludzić* ‘вводить в заблуждение, сбиваться с пути’, н.-луж. *blužiś* ‘запутывать, смущать, заблуждаться, ошибаться’, др.-рус. *блоудити* ‘заводить не туда, куда надо было бы’, рус. *блудить* ‘скитаться, ездить, сбившись с дороги, шалить, распутничать’ — ЭССЯ 2,

126; . Идеология христианства перенесла понятие о сбившемся с дороги человеке на человека, избравшего ложный жизненный путь, что находит свое отражение уже в древнерусском языке: *блудити* 'блуждать', 'заводить не туда' и 'распутничать', 'озорничая, разорять, портить' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 244), *блудникъ* 'тот, кто ошибается' и 'распутник' (СДРЯ 1, 236). Однако уже в среднерусский период появляется лексема *блудливый* со значением 'вороватый' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 245). Широкое понятие о неправильном и осуждаемом поведении постепенно сужается: в литературном языке до обозначения распутного, развязного сексуального поведения, тогда как в новгородском и уральских диалектах — до обозначения лица, занимающегося воровством: *блуд* 'вор' (Новг. словарь 1, 46). Таким образом, *блуд* в новгородских говорах переходит в *poimen agentis*, образовав лауну для *poimen actionis*, которым стало имя *блудня* 'воровство' (Новг. словарь 1, 60). Уральские образования *блудень*, *блудёна* (**blōdъnъ*) имеют значение 'мелкий воришка' (Сл. Сред. Урала 1, 47), хотя в уральских говорах имя *блуд* не развило значение 'вор'. Семантика глагольных образований, производных от прилагательного *блудный*, сохраняет связь со значением 'разврат, распутство', но по диалектам развивается и новое 'красть': *блудничать* 'красть' наравне с 'проказничать', 'бродить без дела' (Сл. Сред. Урала 1, 47), 'пакостить, распутничать' (Новг. словарь 1, 59). Таким образом, можно восстановить следующую цепь развития значения для данного глагольного корня: 'бродить, сбиться с пути' > 'развратничать, пакостить' / 'обманывать' > 'воровать', т. е. диалекты дают нам материал о дальнейшем развитии семантики, не представленной в литературном языке. Кроме того, в диалектах случается и одновременное присутствие обоих значений, как, например, *блудить* 'блуждать, воровать' (Новг. словарь 1, 60), где корневое *з* является, видимо, следствием ошибочного восстановления корня по производному *блуждать*.

К этому гнезду можно отнести и глагол повышенной экспрессивности *сблудить* 'украсть, своровать' (Новг. словарь 10, 14), образованный от **blędъ* с последующим преобразованием-табуированием в сторону сближения с *блин* (ср. также в русскоязычном жаргоне глагол с корнем **pizd-* 'красть', также предполагающий мотивацию обозначения кражи как отрицательно оцениваемого действия).

Итак, закрепившаяся в гнезде имени *вор* лишь к XVIII в. новая мотивация 'неправильное поведение преступника' не только

заняла ядерное положение, которое она сохраняет до сих пор наравне с более древними типами мотиваций (ср. выше **tatь*), но и втягивала новые лексемы в русских диалектах, вызвав переосмысление понятия неправильно выбранной дороги в понятие ошибочного жизненного пути — воровства.

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. **Vьrati* и **varati* // Этимология 1974. М., 1976, 39.

² Кореšný F. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv.1. Praha. 1973, 178–192.

³ Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 2005, 365–366.

⁴ Кореšný F. Etymologický slovník ... 115–123.

⁵ Русская грамматика ... 361.

⁶ Кореšný F. Etymologický slovník ... 131–141.

⁷ Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб, 2004, 355, 578.

С. А. Мызников

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ И СПОРНЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЭТИМОЛОГИЯХ

Выход в свет новых диалектных словарей вводит в научный оборот новые данные, которые ранее не были известны и не подвергались этимологическому анализу. Один из таких словарей – «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» – представляет значительное число диалектной лексики неисконного происхождения и в настоящее время является одним из наиболее важных источников изучения русских говоров Северо-Запада. Следует указать на тот факт, что впервые на страницах этого словаря представлено довольно много заимствованных данных.

Ср., например: *на́довья* ‘сестра мужа, золовка’: — *Мать-то мужа – это свекровь, отец – свекор, а сестра – это надовья*. Подпорож. (КСРГК; Словарь Карелии 3, 314). Анализируя эту единицу, однако, трудно сказать, в данном случае лексема в единственном или во множественном числе: составители, исходя из контекста, предлагают исходную форму *надовья* (ед. число, а не множественное), хотя не исключено, что в тексте иллюстрации нет согласования по числу и вероятно, что ее трактовка может быть другой, ср. ... *а сестра – это надовья* (золовки). Однако это первая фиксация подобного материала, слово восходит к вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ (СВЯ, 350), которое имеет соответствия на прибалтийско-финской почве: фин. *nato* ‘сестра мужа’, люд. *nato, nado* ‘сестра жены, сестра мужа’, люд. *nado* ‘сестра мужа или жены’, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’, при мар. *нидо* ‘младшая сестра жены, младшая сестра мужа’, камасин. *nado* ‘брат мужа или жены’ (SKES 368, 369).

В ряде случаев уже имеющиеся данные дополняются материалами Словаря Карелии, ср. *леменá, лемéна* ‘лишайные пятна на теле’ Черепов. Новг., 1893 (СРНГ 16, 347) и *леменó* ‘пятно на какой-л. поверхности’ Черепов., Кадуйск. (Словарь Карелии 3, 110), ‘о пятне на лице’ Черепов. (Словарь Карелии 3, 110). Материал зафиксирован на территории с вепсским субстратом, что предполагает и соответствующий источник, ср. вепс. *l'eim* ‘пятно (на теле человека)’ (СВЯ 283), при фин. *leima, leimo* ‘знак, клеймо’

русского происхождения (SKES 285).

Исходя из масштабности задач, большому охвату говоров и территории их проживания, составителям и редакторам не всегда удавалось сопоставить ряд частотных верифицированных данных с единичными записями, являющимися не вполне достоверными.

Так, например, в Словаре Карелии представлена единица *на́клей* ‘древесный гриб’: — *Гриб, наростиий на березе, наклей называется*. Подпорож. (Словарь Карелии 3, 333). Вероятно, эту разработку следует трактовать как результат неверного прочтения, ср. следующие данные: *па́кля* ‘чага’ Лодейноп. (Печеницы, Пирозеро), Чудов. (Коломна), Подпорож. (Шеменичи) (ПЛГО; КСРГК; Словарь Карелии 4, 373). *Па́кля* ‘чага’ Вытегор. (Гуляево, Мегра, Мутниковская, Андома), Подпорож. (Юксовичи), Прионеж. (Педасельга, Ладва) (ПЛГО). См. также Словарь Карелии 4, 373. Сходные данные представлены и в других источниках: *па́кля* и *пакула* ‘чага, березовый трут или губка’ Арх., Волог. (Даль² 3, 6); *па́кля* ‘напиток березового сока внутри дерева в виде полупрозрачной массы’ Юго-Зап. Том. (Потанин). На наш взгляд, форма *пакля*, бытующая в сфере влияния вепских адстратно-субстратно языковых отношений в Вытегорском, Подпорожском, южной части Прионежского р-на, а также в Лодейнопольском р-не, является результатом воздействия вепс. *pakl, pakkal* ‘гриб трутовик’ (СВЯ 394, 395), а форма *пакля* – возникла в ходе поиска внутренней формы в духе народной этимологии, ср. *па́кля* ‘грубое волокно, отход от переработки льна, конопли и других лубяных культур’. Из русских говоров слово вошло в коми язык, ср. коми *пакула* ‘березовый трутник (древесный гриб)’ (Лыткин-Гуляев 215). Аналогичный случай фиксации в Словаре Карелии единицы *на́кула* ‘нарост на стволе березы’ Волог. (Словарь Карелии 3, 341). Вероятно, также и в данном случае некорректная запись лексемы *па́кула* (см.), маловероятно, что это образование от *кул-*: например, *кула́к* ‘гриб валуй’ Шуйск. Иван., 1959 (СРНГ 16, 52). Однако ранее лексема *пакула* не фиксировалась в Вологодском районе по данным ПЛГО, не отмечена она и в материалах СВГ.

В ряде случаев, когда речь идет об анализе материала северо-западных территорий с иноязычным влиянием, вывод о корректности формы позволяет подтвердить приведение этимологически первичных языковых данных. Так, например в Словаре Карелии представлена единица *кянь* ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ Кандалакш. Мурман. (Словаре Карелии 3, 84). Ис-

ходя из ареала — Кольский полуостров, — следует предполагать саамский источник, который, однако, имеет форму *kiepp^a*, *kiebp^(a)* ‘игла для вязания сетей’ (KOLTKS 119). Причем имеются сходные данные в карельско-вепсских диалектах, ср. вепс. *käbii*, люд. *käbii* ‘иглица для вязания сетей’ (SKES 261). Вероятно, в Словаре Карелии заголовочную форму следует читать — **кяпъ**.

Еще один пример, когда обращение к возможным этимонам также позволяет скорректировать лексикографическую репрезентацию диалектных данных. Например: **нах** ‘прах’: — *За окошко упала и так, нах только бы остался*. Медвежьегор. (Словарь Карелии 3, 395). Материал, на наш взгляд, не вполне понятен, более вероятна семантика ‘кожа’, которая имеет соответствия на прибалтийско-финской почве, ср. вепс., люд. *nahk* ‘кожа’, фин., кар. *nahka* ‘кожа’ (SKES 364).

Ряд материалов неисконного происхождения, не имеет верифицированной этимологической трактовки.

Лафтак ‘снятая с морского зверя шкура с салом’ Помор. (Подвысоцкий, 81). *Лафтáк* ‘кусок сала’ Пинеж. (Сульца) (Сими́на). *Лафтáк* ‘обрывок, лоскут’ Печор. (Сл. Низ. Печоры 1, 377). *Лафтáк* ‘лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)’: — *Кожа у него так и слетела лафтаком*. Лоух. Терск. *Ля́фттик*, *ля́птник* ‘то же’ Медвежьегор. *Ля́фтя́к* ‘то же’ Пудож. *Ля́фчик* ‘кусок ткани’ Медвежьегор. *Ля́фтаки* ‘часть огорода’: — *Ляфтаки надо скосить*. Медвежьегор., Терск. (Словарь Карелии 3, 183). *Лафтáк* ‘кусок, обрывок, часть чего-л.’: — *Лафтакама помню песню*. Терск. (Варзуга). *Вот какой лафтак кожи*. Терск. (Стрельна) (Меркурьев 79).

Слово в различных вариантах фиксируется по памятникам письменности с XVII века, причем только в отношении шкуры моржа, снятой вместе с салом: *лафтак*, *лавтак*, *лахтак*, *лактáк* ‘шкура морского зверя, снятая вместе с салом’: *11 лахтаковъ моржовых* (1634 г.); *4 лафтака моржовых* (1636 г.); *моржевые лавтаки* (1652 г.); *15 лактаковъ моржовыхъ* (1680 г.) (Сл.РЯ XI-XVII вв. 8, 180). В словаре Даля также сводится воедино семантика ‘пласт, лоскут’: *лафтáк*, *лахтáк* Арх., Сиб. «вид большого тюленя, *Phoca nautica* (*barbata*?). Шкура моржа, сивуча или тюленя, снятая вместе с салом; иногда и выделанная шкура морского зверя; байдарки обшиваются лафтаками; с Алеутских островов, за недостатком бумаги, писывали донесения на лафтаках. Лоскут вообще. Платье сундуками, да шкура (кожа) лафтаками, о богатом муже. Снег лахтаками валит. Волог. *Лафточник*, *-ница*,

лоскутник, заплатник, -ница. *Лак(ф)тачный*, к лафтаку относящ. *Лактина* дернина, дерновой пласт (не ластина ли, от ластва?)» (Даль²).

Высказанные финно-угорские этимологические версии этих данных, на наш взгляд, не имеют обоснованной аргументации. Так, при семантической доминанте – ‘кусок, пласт’, вряд ли следует сопоставлять с саам. *lõttåd* ‘толстый (об одежде из шерсти и меха)’, как это делает Фасмер (Фасмер 2, 468).

Не имеет семантических оснований версия Е. А. Хелимского в изложении А. Е. Аникина: из саам. патс. *laxták* ‘затянутая льдом прорубь’ (Аникин ЭСРусДСиб, 354). На наш взгляд, последнее является составной частью гнезда фин. *lähde* ‘источник, ключ, родник’, ‘устье реки’ при карельско-вепских данных – ливв., люд., вепс. *lähte* ‘прорубь’ (SKES 319).

Кроме того, вряд ли значение ‘снятая с морского зверя шкура с салом’ следует сопоставлять с прибалтийско-финскими источниками, имеющими сходную форму, но отличную от русских диалектных данных семантику. Исходя из этого, вряд ли стоит включать в сферу внимания, например, фин. *lahti* ‘убой, забой скота’, которое восходит к скандинавским источникам, при швед. *slakt* ‘бой’ (SKES 269).

В прибалтийско-финских языках имеется довольно много лексем, со значением ‘шкура’, как исконного, так и заимствованного происхождения: фин. *pälsy, turkki, talja, vuota* ‘шкура, снятая с туши шкура’, *lappu* ‘кусок кожи’, при др.-швед. *lapper* (SKES 277). Причем некоторые из них рассматриваются как этимоны для русских диалектных данных. Ср., например *måpa* ‘шкура волка’ Медвежьегор. (Толвуя) (КСРГК) и карел. *tal'l'a*, ливв. *tal'l'u*, люд. *talle* ‘шкура, только что снятая шкура (медведя, лося, лисы, крысы)’, фин. *talja* ‘шкура медведя, оленя’; имеются также саамские материалы: саам. лул. *tuol'jē*, саам. норв. *duol'lje*, саам. инар. *tyelji* ‘шкура (оленя)’ (SKES 1210).

В лексеме *лафтак*, фонема [f], позднего происхождения, причем последняя может быть результатом перехода [kv], [h], [v]: *фатэра* ‘квартира’, *фитиль* ‘вентерь’. Однако в нашем случае, вероятно, что этот вариант восходит к частотным данным с фонемой [h] в основе: *лахтовина*. Последний является вариантным к лексеме *ластовина*, с основой *ласт-*. Причем, довольно часто эти варианты фиксируются в одном и том же ареале, ср., например: *лахтовина* ‘кусок материи, лоскут’: — *Таку ляхтовину вырвешь, столь велику, от шубы-то*. Соликам. Перм., 1973 (СРНГ 16, 297).

Ластовина ‘кусок материи, лоскут’ Соликам. Перм., 1973 (СРНГ 16, 282).

Кроме того, анализ фонетической субституции прибалтийско-финской [h] и на русской почве также показывает переход прибал.-фин. [h] > рус. [f]: форма ‘иван-чай’ (вепс. *hormhiin*), фонга ‘высохшая на корню сосна’ (карел., фин. *honka*), *рофкач* ‘незрелая ягода’ (кар. *rohkea*) (см. Мызников 2004, 353–359) Таким образом, анализируемые данные могут иметь следующую версию происхождения: *лафтак* < *лахт*- < *ласт*- на русской почве, при том, что корень *ласт*- традиционно рассматривается как материал прибалтийско-финской природы: ср. ливв. *lasta* ‘дранка, планка’, при фин. *lasta* ‘то же’ (Kalima 1915, 150). Сюда же относится люд. *laštikot* ‘планки в ткацком станке’, вепс. *laštikod* ‘лучины, из которых изготовляют корзины’ (Kalima 1915, там же). Впервые дал этимологию анализируемого материала в рассматриваемом нами значении Лесков, отнесший зафиксированную им лексему *ластежка* ‘дранки, полагаемые между нитками в ткацком станке’ к карел. *lasta*, *lašte* ‘широкая тонкая лучина, из которой делают корзины и сиденья в дровнях’, карел. *lastu* ‘щепка’ (Лесков 1892, 100). Фасмер разводит *ласт* ‘материал для обивки лодок’ и *ластега* ‘деталь ткацкого станка’, последнее возводя к люд. (см. выше) (Фасмер 2, 463). Исходя из более обширных данных прибалтийско-финских языков, возможно говорить о вепско-общекарельском источнике слова *ласта*, со сходным объемом семантики, ср. вепс. *last* ‘расколотое полено для лучины’, ‘лучина для изготовления корзин’, ‘лучины при тканье, чтобы нити основы не перекрещивались’ (СВЯ 278), кар. твер. *lašta* ‘одна из двух планок в ткацком станке’ (СКЯП 132), ливв. *lastu* ‘щепа, щепка’, ‘лучина для узорного тканья’ (СКЯМ 179, см. также KKS 3, 31; ср., кроме того, эст. диал. *last* ‘деревянный стержень, соединяющий оси телеги’, ливск. *laštá* ‘отвал плуга’, вод. *lassa* ‘бердо’ (SKES 278), вод. *lassu* ‘щепка’ (VKMS 142), ижор. *lastu* ‘щепка, лучина’ (IMS 251).

Кроме того, семантически и фонетически слову *лафтак* близки данные другого прибалтийско-финского корня, ср.: кар. *lahko* ‘половая доска, плаха’ (KKS 3, 2), вепс. *lahk* ‘половица, толстая доска, плаха’ (СВЯ 271).

Следующие данные, которые связаны с этим гнездом, могут иметь и другую природу: *лафтачók* ‘небольшая пожня в лесу’ Пинеж. (Козлово) (Симина) семантически может быть связано с предыдущим, ср., однако, *лахта* со значением ‘клин леса, выходящий на пожню или пожня, вдающаяся в лес’, что могло повли-

ять на данную единицу, при фин. *lahti* ‘залив’, кар. *lakši* ‘залив’. Ср. еще *лофтáчки* ‘лоскутки’ Пинеж. (Усть-Ежуга) (Симина). Имеются сходные коми данные: *lapöd*, *laneped* ‘кусочек какой-либо материи’ (ССКЗД 194), которые восходят к русским источникам, но семантически тождественны.

Еще одна лексема *лач* ‘сундук’ не анализировалась в словаре М. Фасмера, ее первые фиксации относятся к фольклорным источникам: *Отмыкайте кованы лачи, Насыпайте-тко первую мису красну золота*. Кижская волость (Рыбников 1862, 18, зап. Лысановым). Макар. Нижегород. (СРНГ 16, 297). *Лáча* ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’: *В лаче носили еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 (СРНГ 16, 297). *Лачи* ‘ларцы?’ Олон. (Рыбников; СРНГ 16, 298). Для слова *лач*, отмеченного по текстам Рыбникова, можно предположить прибалтийско-финскую этимологию. Кроме фиксации у Рыбникова, слово *лач* в фольклорном тексте представлено в Макарьевском уезде Нижегородской губернии: *Отпирай закованный лачи* (Зимин 1920, КСРНГ). В СРНГ, где данное слово оформляется во множественном числе *лачи*, оно с сомнением сопоставляется с лексемой *ларцы* (СРНГ 16, 298), однако здесь же фиксируется сходный материал *лáча* ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’: — *В лаче носил еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 (СРНГ 16, 297), что позволяет соотнести фольклорную единицу у Рыбникова и диалектное слово в Поволжье с вепс. *lač* ‘кадка, деревянная бочка’ (СВЯ 296). В удорском диалекте коми языка также бытует подобная лексема – *latš* ‘вид бочки с крышкой для кваса, пива, воды’ (SYRW 134), коми удор. *латиш* ‘бочонок’, *сур латиш* ‘бочонок для пива’, *чери латиш* ‘бочонок для рыбы’ (ССКЗД 194), вероятно, заимствованная из вепсского языка. Однако, поскольку вепсское слово не этимологизируется на финно-угорской почве, направление заимствования остается под вопросом. Фиксация коми удор. *латиш* ‘бочонок’ вряд ли является основанием для утверждения, что это вепсское слово имеет коми происхождение (Лыткин-Гуляев 413).

Вряд ли следует принимать во внимание чувашские данные: ср. чуваш. *арча* ‘сундук, шкатулка, ящик’, при татар. *әржә* ‘ящик’ (Егоров 33), они послужили источником для слова *арча* ‘сундук’ Чуваш. (Мышкин 1977), при мар. *арча* ‘ларец, ящик, шкатулка’, *арца* ‘сундук’, *арчак* ‘ящичек’, которое рассматривается как заимствование из булг. * *карчак* ‘сундук, ящик’, при чуваш. *арчак* ‘то же’, чуваш. диал. *арчак* ‘спичечный коробок’, татар. *әржә*,

башк. *әрцә* 'ящик', тувин. *харжак*, хакас. *харчак*, каракалп. *арша* 'большой сундук' (Гордеев. Этим. сл. мар. яз. 1, 154). Следует отметить, что другие сходные марийские данные рассматриваются как татарские заимствования: мар. *әржә*, *әрзә* 'короб' из татар. *әржә*, башк. *әйя* 'короб', морд. *арьдъза*; чуваш. *ырсы* 'короб' рассматривается как источник для мар. *өрзә* (Гордеев. Этим. сл. мар. яз. 1, 142).

На наш взгляд, анализ сходных фольклорных текстов, позволяет рассматривать лексему *лач* как вариантную единицу от *ларец*, возникшую, вероятно, при преобразовании формы множественного числа *ларцы* на территориях с «чоканьем»: *ларцы* > *ларчи* > *лачи*. На территориях, где доминирует «цоканье» такого рода процесс не отмечен, и в данных контекстах продолжает фигурировать лексема *ларцы*, *ларци*: *Ты бери-тко, моя матушка, золоты ключи, Отмыкай-ко, моя матушка, кованы ларьци* (Марков 1901, КСРНГ).

В ряде случаев при анализе заимствованных данных, которые уже описывались в этимологической литературе, возможен более широкий взгляд на совокупность финно-угорских данных, часть которых рассматривалась как источники.

Лекан 'чурбан, чурка, обрубок': *Ране на мялицях лен мяли, ложили на льякан и билом били по снопу* Черепов. Кадуйск. (Словарь Карелии 3, 109), 'о толстом ребенке' Черепов. (Словарь Карелии 3, 109). *Лекан* 'небольшой обрубок дерева, чурбан' Перм., 1848. Свердлов., Урал., Уфим., Вят., Волог., Енис.; 'обрубок дерева, который кладут поверх бороны для тяжести' Шадр. Перм., 1934; 'толстая крупная щепка, отходы при обработке древесины' Перм., Краснояр. Иркут.; 'божок, идол; чурбан (у народностей Сибири)' Енис., 1865; 'о толстом человеке, толстяке' Уржум. Вят., 1882. (СРНГ 16, 342). *Леканник* 'толстая крупная щепка' Южн. р-ны Краснояр., 1967. (СРНГ 16, 342). *Леканье* 'обрубки бревен' Вят. (Васнецов). Урал, Иркут. (СРНГ 16, 342). *Леконье* [удар.?] 'древесные обломки, щепка, используемые как дрова' Никол. Волог., 1901 (СРНГ 16, 342). Слово *лекан* возводилось к коми *l'ekan* 'отесанный чурбан' (Kalima 1927, 30; Фасмер 2, 478; Матвеев 1964, 299; Аникин ЭСРусДСиб, 355). Однако вряд ли можно пройти мимо прибалтийско-финских данных, ср. фин. *lieko* 'бревно, вытасченное со на реки', 'полено', при саам. норв. *liekko* 'дерево, сломанное бурей', рассматриваемые как скандинавское заимствование, ср. сканд. *lējō < *lājō, при др.-норв. *lág* 'ствол дерева, лежащий в лесу', швед. диал. *låg* 'упавшее дерево, бревно' (SKES

290). Коми данные (ср. коми *lékan*) рассматриваются в гнезде фин. *laikka, laikkana* 'обломок дерева, щепка', причем марийские данные трактуются как заимствование из русского языка, ср. мар. *l'akan* 'чурбан, полено', *lakan* 'щепка при обтесывании бревна (SKES 269; КЭСКОЯ 158), однако учет финских и скандинавских данных оставляет открытым вопрос о первоисточнике севернорусских данных.

Принятые сокращения

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».

Лесков 1892 — Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина, 1892, № 4, 97–103.

Матвеев 1964 — Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, F. 3–4, 285–315.

Мызников 2004 — Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мышкин 1977 — Мышкин З. Ф. Лексические заимствования из чувашского языка в русском тексте // Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Вып. 2. Чебоксары, 1977, 11–23.

ПЛИГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

Рыбников 1862 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. М., 1862.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

Сими́на — Картотека пинежских говоров, переданная в ЛО ИЯ (ныне ИЛИ РАН) Симиной Г. Я.

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990, 495.

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

IMS — Inkeröismurteiden sanakirja. Toimit. R. E. Nirvi // Lexica societatis fenougricae, XVIII. Helsinki, 1971.

Kalima 1915 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima 1927 — Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU. Helsinki, 1968–1997, 16, 1–5.

KOLTKS — Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958.

VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.

И. П. Петлева

О РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМАХ С ПРЕФИКСАМИ *ла-, ле-, ло-, ли-, лу-*

Впервые экспрессивный префикс *la-* в составе ограниченной лексико-семантической группы из области пищеварения (органы, их работа и ощущения) выделил И. Немец, который считал для него первоначальной функцию обновления, интенсификации слова¹. Вслед за И. Немцем О. Н. Трубачев также констатировал существование префикса *la-*, указывая на его особое местоименное происхождение. Он интерпретировал *la-* в праслав. **ladъ* «как сложение предлога-приставки местоименного происхождения» (ЭССЯ 14, 10–12), сожалея, что Немец рассматривал только экспрессивные образования, к которым **ladъ*, безусловно, не относится. «Префикс *la-* особого местоименного происхождения» Трубачев выделял и в праслав. **lagoda* (и родственных образованиях, в частности, в рус. диал. *ла-гóжий*, синонимичном *пригожий* (Там же, 13–15) (см. рус. волог. *лагóжий* ‘хороший, пригожий, красивый’ — СРНГ 16, 224). Праслав. **lagyz(d)a* также характеризуется им как сложение приставки *la-* и корня **gyzd-*, а гл. **lagyz(d)iti* — как соотносительный с **lagyz(d)a* и сравнимый с **gyzditi* (Там же, 16). Трубачев поддерживал предложенную Немцем интерпретацию лексемы **laloka* «как сложение экспрессивной приставки *la-* с корнем глагола **lokati*» (Там же, 23–24). Как видим, не все примеры с *la-*, приводимые Трубачевым, относятся к экспрессивной лексике (см. **ladъ*, **lagoda*). М. Белетич в своем обширном труде «Ис^{ко}врнути глаголи» отмечает не только префикс *la-*, но также *le-* и *lo-*, указывая, что «элементы *ла-, ле-, ло-* выступают как самостоятельные префиксы или в комбинации с каким-либо другим префиксом всегда в положении после него»². Автор приводит в качестве примеров несколько экспрессивных сербохорватских диалектных глаголов и существительных, причем в ряде случаев считает глаголы отыменными образованиями: см. *бръати* ‘болтать’, *лă- брња /*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

л̄а- бр̄ња пейор. ‘губа, рот’ — от пейор. *бр̄ња / бр̄ња* то же, а также *за-ла-бр̄њати, из-ла-бр̄њати, на-ла-бр̄њати*. Причем Белетич отмечает, что префикс *ла-* в *ла-бр̄ња* (как и в *ла-ло-ка*) выделил уже Немец. Здесь же трактуемые как варианты (с тем же значением) к *ла-бр̄њати, ла-бр̄ња*: *ла-вр̄њати* < *л̄а-вр̄ња* пейор., *ла-бр̄дати* < *л̄а-бр̄да, ла-бр-н-дати* — ср. *бр̄-н-дати*. Далее сюда же *ла-пухнути, за-л̄а-пушити*. С префиксом *ле-* констатируются *ле-прхати, ле-прхнути; ле-пршати (се); ле-пұхати, ле-пұшати (се), ле-пұшити се;* (с вопросом) *ле-пұхнути, из-ле-пұнути* и с префиксом *ли-* (под вопросом) *ли-пұнути, из-ли-пұнути*. Автор указывает, что все эти глаголы некоторыми исследователями объясняются и по-другому — как ономотопеи или как результат скрещивания. Итак, Белетич отмечает экспрессивные префиксы *ла-, ле-, ло-* (но примеры с *ло-* отсутствуют) и (с вопросом) *ли-*, которые она выделяет в глаголах, а *ла-* — также в существительных.

Префиксы с формантом *л* разной вокализации встречаются крайне редко, и поэтому каждый вновь выделенный пример вызывает несомненный интерес. Представляется возможным пополнить корпус лексем с данными префиксами на базе материалов русских говоров.

Следует констатировать несколько глаголов с соответствующими префиксами. См. с префиксом *ла-* в контексте, иллюстрирующем влад. *гудить* ‘вести себя неприлично’ [?]: Што ты гудишь и *л̄а-гудишь*? Убирайся на такое место! (СРНГ 16, 224) — ср. др.-рус. *гудити* ‘хулить’ (Срезневский I, 608), рус. диал. *гудить* ‘осуждать, хулить, порицать’ (южн., зап., Даль, смол., юго-вост., курск., орл.) (СРНГ 7, 202), см. еще *гудеть* ‘бурчать, ворчать’ (терск.), ‘злословить’ (брян.) и др. знач. (Там же, 201) и *гудать* ‘гудеть’ (смол.), ‘скверно петь, горланить’ (сев.-двин.), ‘кричать, спорить’ (смол.) и т.п. (Там же, 200). На основании семантики этих примеров, по-видимому, можно уточнить здесь значение глаголов *гудить* и *ла-гудить*, сформулировав его как ‘горланить, кричать, шуметь’, т. е. речь должна идти, очевидно, о глаголе, обозначающем действие, связанное со звучанием, звуком.

Префикс *ла-*, стоящий за другим префиксом (*при-*), отмечается в тобол. *при-ла-л̄ындывать* ‘привередничать’ (СРНГ 31, 270) — ср. свердл. *прил̄ындывать* ‘заноситься, важничать’ (Там же, 282).

В Карелии зафиксированы глаголы с префиксом *ло-*: *л̄о-ткать* ‘ткать’ (СРНГ 17, 156) и *л̄о-ткнуть* экспр. ‘стукнуть’: Как *лоткнет* мужик (Словарь Карелии 3, 151) — ср. *ткать, ткнуть*.

Префикс *лу-* выявляется в тамб. *лу-хвиснуть* ‘ударить’ (СРНГ

17, 208) — ср. пск. *хвистать*, *хвистеть* ‘свистать’ (Даль² IV, 545) и *хвистать* ‘говоря о дожде: сильно идти, лить’, а также сербохорв. стар., диал. редк. *hivistati* ‘бить, лупить, колотить’ (RJA III, 752–753), чеш. диал. *chvistati* ‘бить, колотить’ (Kott. Dod. k Bart. 35), а также сербохорв. *фѝснути* ‘хлестнуть, взвизгнуть’. Гл. *лу-хвистнуть*, очевидно, может быть свидетелем былого существования в русском языке глагола *хвѝснуть* (ср. сербохорв. *фѝснути*). Заметим, что звукоподражательный глагол *xvistati интерпретируется как вариант к *svistati (с переходом *sv-* > *xv-*) (Berneker I, 408; Фасмер IV, 231; ЭССЯ 8, 125) — см. семантику аналогичную *лу-хвистнуть* у диал. глаголов *свистеть* ‘бить, ударять чем-н.’, *свистать* ‘наносить кому-н. удары, бить, колотить кого-н.’, ‘сильно, с размаху ударять чем-н.’, ‘ударяться, стучать, биться’, *свѝстнуть* ‘бросить, швырнуть что-н.’ (Словарь Карелии 6, 12–13), новг. *свистать* ‘ударить, хлестать сильно о что-л.’ (Новг. словарь 10, 23).

Интересный пример с префиксом *ле-* зафиксирован в белорусском языке: см. иллюстрирующий контекст к диал. лексеме *ляпёшка* ‘неудавшаяся, плохо выпеченная булка’: Такі бабы і хлеб пекуць: *из-ле-печа* лепёшку на тарху (Янкова, 185), см. также *из-ля-пэчыць* ‘испортить’: Трэба ж табе такі хлеб *из-ле-пэчыць*, папорціла толькі муку (Там же, 143), т. е. ‘испортить’, здесь — это собственно ‘плохо, неумело испечь’, а рассмотренные глаголы соотносимы с *pekti, *pěkati. Как видим, в данные глаголы префикс *ле-* привносит отрицательную эмоциональную экспрессию.

Префикс *ла-* встречается не только в глаголах, но и в существительных и прилагательных.

Так, следует истолковать как сущ. с префиксом *ла-* сиб. *ла-сосо́к* ‘поросенок, сосущий мать’ (СРНГ 16, 278) — ср. иркут. *сосо́к* ‘детеныш млекопитающего животного (чаще жеребенка) на первом году жизни, сосущий матку, сосун’ (новг., калин., иван., яросл., донск.): *Соска* [поросенка] надысь потеряли’ (Там же, 40, 55–56).

Привлекает внимание прилаг. с преф. *ла-* *ла-кро́вой* ‘румяный’: Пришел из бани такой *ла-кровой*, да баской, глас не отведёш (Сл. Сред. Урала II, 85), *ла-кро́вый* ‘румяный, полнокровный’: Он *ла-кровым* только после бани живет (бывает)³ — ср. *полнокро́вый* ‘здоровый, румяный, полнокровный’ (ново-сиб.), *полнокровый* мужик-то, кровь с молоком’ (свердл.) (СРНГ 29, 83). Прилаг. *ла-кро́вый* (*ла-кровой*) вместе с *полнокровый*, очевидно, свидетельствуют о том, что в русском раньше могло

существовать (наряду с *кровный*) прилаг. *кровый.

Префикс *ла-*, очевидно, можно предполагать и в блр. *ла-сахор* [ударение не указано — И. П.] ‘деревянные вилы с двумя окованными зубьями, сахор’ (Матер. да слоўн. Магілёўшч., 51) — ср. *сахар* ‘сахор’ (Там же, 84), литер. *сахор* ‘вилы (навозные)’ (Блр.-рус.² II, 445). В ЭСБМ (5, 242) *ла-сахор* объясняется по-другому — как сложение *вилы* + *сахор* с усеченным *ві-*, что не кажется убедительным.

Префикс *ло-*, по-видимому, можно выделить в прилаг. *ловязый* ‘навязчивый, надоедливый’ (Мордов. словарь (К-Л), 129) — ср. семантически идентичное родственное прилагательное с корнем *вяз-* (**vęz-*) *привязливый* ‘навязчивый, надоедливый’ (яросл., свердл.) (СРНГ 31, 154), см. еще *привяза* ‘привязчивый, назойливый человек’ (пск., твер., арханг.) (Там же, 153), *вязнуть* ‘приставать к кому-л., надоедать кому-л.’ (Там же 6, 76). Очевидно, есть основание признать вероятность существования в прошлом прилагательного *вязый, см. еще прилаг. *долго-вязый*, которое возводят к однокорневому *вяза* (*vęzy) ‘шея’ (Фасмер I, 525; ЭССЯ 5, 208). В связи с тем, что в говоре, в котором зафиксирована лексема *ловязый*, в первом предупредительном слоге *о* обычно произносится как *а*, по-видимому, можно с осторожностью предположить в *ловязый* наличие гиперкорректного *о* на месте *а* и тогда, следовательно, префикс *ла-*.

Префикс *ле-* обнаруживается в твер. *ле-мезга* ‘плева, плена на мясе’ (Даль² II, 247 с вопросом к слову), *ле-мезга* ‘пленка на мясе’ (СРНГ 16, 347) — ср. пск., твер. *мезга* ‘плева на мясе’ (Там же 18, 92).

Префикс *ли-*, отмеченный Белетич со знаком вопроса в сербохорв. *ли-пунути* ‘умереть’, по-видимому, представлен и в новг. *ли-мездра* ‘остатки сырой тертой картошки после выжимания крахмала’ (Новг. словарь 5, 25) — ср. *мездра* ‘выжимки, остающиеся от тертого картофеля после удаления крахмала; мезга’ (Там же, 80). А ргорос заметим, что *мездра* и *мезга* могут употребляться как синонимы, что отмечал еще Даль: «в псковском и тверском говорах говорят *мезга* вместо *мездра*». Обе лексемы семантически чрезвычайно близки, демонстрируя такие общие значения, как ‘заболонь’, ‘пленка, плева на мясе’, ‘остатки мяса на внутренней стороне шкуры’ и ‘картофельные выжимки’ (см. выше) (ЭССЯ 18, 223–225; 19, 22–24).

Префикс *ли-*, очевидно, присутствует и в диал. сущ. *ли-манатки* ‘мелкое имущество, домашние вещи’ (Мордов. словарь

К-Л, 125) — ср. *манáтки* ‘пожитки, домашняя утварь, скарб’, *собирать манатки* ‘собираться уехать’⁴, см. еще *манáтки* ‘одежда’ (Фасмер II, 567).

По-видимому, нет достаточных оснований для попытки три слова (*лемезга, лимездра, лиманатки*) трактовать по-иному — как сложения с частицей *ле-* (или *ли-*) прежде всего потому, что частица *ле-* (**lě-*) известна в русском языке в значении, отсутствующем в данных лексемах ‘едва, еле-еле’ (в функции ослабления степени качества) — например, в рус. псков. *ле-теплый* ‘летний по теплоте, тепловатый, особ. о воде’ (Даль³ II, 642), укр. *літеплий* (Гринченко II, 371) — к *lětoplъjь* (см. Miklosich 166; Brückner KZ 42, 42; Фасмер II, 487: ср. цслав. лѣживъ; ЭССЯ 14, 268, а также 171–172 и 15, 67–68 — о частицах **lě-* / **le-*, **li-*). Примеры же сложений частицы *ли-* с существительными или прилагательными вообще не отмечаются.

Обращает на себя внимание блр. диал. сущ. *ля-пéчак* ‘припечак’ (= ‘шесток у печи, припечек’): На *ляпечку* сядзела малая дзяўчынка (Слоўн. Брэст., 129), где *ле-* (произносится как *ля-*) можно охарактеризовать как предлог-приставку, семантически соответствующую префиксу *при-*, а *ля-пéчак* означает собственно ‘при печке’.

В заключение отметим, что в русских говорах, очевидно, можно констатировать в ряде лексем наличие редких префиксов *ла-*, *ло-*, *лу-*(?), *ле-*, *ли-* в составе глаголов, существительных и прилагательных. Проблемы, связанные с рассмотренными здесь префиксами, безусловно, нуждаются в дальнейших исследованиях.

Примечания

¹ *Nětes I. O slovanské exspresívni předponě la-* // Slavia XLVIII, 2–3, 1979, 120–123.

² *Бјелетић М.* Исковрнути глаголи. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Институт за српски језик САНУ. Монографије 2. Београд, 2006.

³ *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, 61.

⁴ Там же, 63.

М. Рачева

**К ПРОБЛЕМАТИКЕ Т. Н. НЕРЕГУЛЯРНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЭТИМОЛОГИИ
БОЛГ. ДИАЛ. ПЁЛЬКАМ 'НЕУМЕЛО РАБОТАТЬ',
ПЁЛТЯ 'ЗАЙКАТЬСЯ', ПЕЛТЙСВАМ 'ШЕПЕЛЯВИТЬ'
И ПЁЛЯМ 'ЖЕВАТЬ; МЯТЬ ВО РТУ
(О БЕЗЗУБОМ ГРУДНОМ РЕБЕНКЕ)'**

Несомненные затруднения сопутствуют этимологическому объяснению редкого болгарского гл. *пёлькам*, отмеченного пока только в одном западноболгарском говоре — Комщица, Годечко — в значении 'плести, шить, работать неумело и с плохим материалом'. Представленный как *пёлькамь* со старым орфографическим и этимологическим *ь* в конце слова глагол определяется в БЕР (5, 143) как «неясный». Недавний опыт истолкования глагола, предложенный Т. Тодоровым, исходит из двух возможностей:

от *плёткам* = *плёткам*, производн. от общеболг. *плета* 'вязать', измененного, по мнению автора, через метатезу в *пёлткам* > *пёлькам* с фонетическим упрощением *лтк* > *лк* и с семантической опорой на значение 'мотаться' гл. *плёткам се* в говоре Прилепа;

от греч. *πλέκω* 'плести', адаптированного в болг. **пльёкам* и измененного снова через метатезу в *пёлькам* с исходным значением 'плести', для которого предполагается расширение отмеченного в ДА значения 'плести что-то неловко, неумело, с материалом плохим и в недостаточном количестве'¹.

Бесспорной заслугой Т. Тодорова является сам факт обращения к этимологической проблематике редкого, определенного первоначально как неясного болгарского диалектного гл. *пёлькам* в указанном значении. Однако неубедительными представляются два предложенных автором разнонаправленных истолкования этого глагола, основанные на предполагаемых, но совершенно неправдоподобных звуковых изменениях: **плёткам* > *пёлткам* или **пльёкам* > *пёлькам*, и на недостаточно убедительных семантических доводах.

Об образовании и об исходном значении гл. *пёлькам*

До настоящего времени остается за пределами внимания исследователей важный для истолкования гл. *пѣлкам* в указанном значении факт существования болгарского диалектного гл. *фѣлкам* 'заплетать язык' (Белослатинско)², *фѣлкам* 'говорить неясно, мямлить' (Доброславци, Софийско)³, с тем же значением *фѣйкам* (Тръстеник, Плевенско)⁴, с производными *зафѣлкам* 'заикаться' (Павелско, Хвойна, Асеновградско)⁵, *зафѣлкуювам* 'плохо выговаривать' (Ботевград)⁶, *зафѣлкувам* 'говорить неясно, мямлить' (Тетевенско)⁷. Представленная на соответствующем месте по алфавиту в БЕР (1, 615) приведенная выше ботевградская форма *зафѣлюквам* 'плохо выговаривать' как *зафѣлкам* объясняется от *захѣлкам* 'заикаться' (Еленско: *зъхѣлквъм*)⁸, последнее же определено в БЕР (1, 616) как производное от *хвѣлтя*, ср. *хвелтѣ* 'картавить, шепелявить, пришепетывать' (Геров 5, 495).

По всему видно, что для *пѣлкам*, *фѣлкам* / *фѣлкам* с производными и **хѣлкам* в *захѣлкам* в указанных значениях речь идет о вариантах одного и того же исходного глагола. Конкретно формальная и семантическая взаимосвязь между этими вариантами может быть прослежена при сопоставлении их с еще одним рядом словообразовательно и семантически идентичных глагольных форм с тождественными чередованиями консонантного начала *n* : *φ* : *хв* (*x*):

пѣлтя 'заикаться' (ПРОДД 343: сп. Летоструй 1870 г.), *пелтѣ* 'картавить, шепелявить, пришепетывать' (Геров 4, 22) и производными *пелтава* (ДА: Кърканово, Петричко), *пелтявя* (ПРОДД 343: М. Марчевски), *запѣлтувам* то же (Геров 2, 101);

фѣлт'ъ 'заикаться' (Костел, Еленско)⁹, *фелтѣ* 'говорить неясно, картавить' (Геров 5, 472);

хвелтѣ = *пелтѣ* (Геров 5, 495).

Такие примеры, как гл. *вѣлкам се* / *вѣскам се* 'появляться время от времени, мелькать', являющийся общеболгарским разговорным вариантом гл. *вѣсткам се* / *вѣсткам се*, производного от *вест*, дают надежное основание думать, что гл. *пѣлкам*, *фѣлкам* / *фѣлкам* и **хвѣлкам* > **хѣлкам* в **захвѣлкам* > *захѣлкам* в указанных значениях возникли из первоначальных гл. **пѣлткам*, **фѣлткам* / **фѣлткям* и **хвѣлткам* / **хѣлткам*, которые являются регулярными производными с глагольным суффиксом экспрессивного характера -к- от *пѣлтя* / *пелтѣ*, *фѣлт'ъ* / *фелтѣ*, *хвѣлтя* / *хвелтѣ*, подобно общеболг. *дѣлкам* от *дѣлам*, *тѣчкам* от *тѣчам* и т.п. Впрочем, то же имеется в виду в приведенном выше определении в БЕР формы *захѣлкам* как производной от *хвѣлтя*.

Все сказанное выше дает достаточно надежное основание для объяснения существующего мнимого отклонения в семантике варианта *пѣлкам* < *пѣлткам* по отношению к семантике остальных вариантов. В очень описательном значении 'плести что-то неловко, неумело, с материалом плохим и в недостаточном количестве', которое отмечено пока только для диалектного гл. *пѣлкам*, по существу находит отражение одно более общее значение: 'работать неумело, плохо'. Это значение метафорически связано с основным значением 'произносить, выговаривать плохо', объединяющим семантику вариантов *фѣлкам* / *фѣлкам* с производными и **хѣлкам* < **хвѣлкам* в *захѣлкам* < **захвѣлкам* (см. выше).

Об образовании гл. *пѣлтя* и *пелтисвам*

Впечатляющее единство семантики связывает гл. *пѣлтя* 'заикаться' с вариантами и производными, *фѣлтя* с вариантами, *хвѣлтя* / *хвелтя* в указанных значениях и ясный по происхождению общеболгарский гл. *пелтѣча* 'заикаться' с вариантами, а также и *фелтѣча*, *хвелтѣча* (Геров), ср. диал. *пелтекувам* с тем же значением (РРОДД: 1875, сп. Читалище). Гл. *пелтѣча* является производным от общеболгарского заимствования из турецкого языка *пелтѣк* 'заика' (тур. *peltek* то же), см. БЕР 5, 144. На прозрачной семантической связи гл. *пѣлтя* с вариантами, *пелтѣча* с вариантами, *пелтекувам* и существительного *пелтѣк* основано толкование *пѣлтя* и его вариантов в БЕР как «деноминативного образования на болгарской почве от *пелтѣк* с выделением *-ек*, воспринятого как суффикс», с дополнительными звуковыми переходами *хв* < *ф* в *хвѣлтя* (написано как *хвѣлтя* с досадной буквенной ошибкой *о* вместо *е*!) и *ф* < *п* в *фѣлтя*. Эти переходы хорошо известны в таких случаях, как диал. *хвѣска* 'волдырь' (Геров) < *фѣска* то же < н.-греч. *φούσκα*, *фелтѣк* 'кто заикается' (Геров) < *пелтѣк* то же < тур. *peltek* и др.

Серьезным препятствием на пути принятия этого заманчивого на первый взгляд тезиса БЕР является, однако, безударный характер исконного суф. *-ек* преимущественно диминутивного характера (ср. старое *-ѣкъ* в *бѣжек*, *чѣрвек* и т.п.), с одной стороны, а с другой стороны, отсутствие в болгарском языке примеров, которые свидетельствовали бы об отклонении от конечного ударения в заимствовании *пелтѣк*, соответствующего конечному ударению исходной турецкой формы. Указанные обстоятельства снимают

возможность осмысления *-ек* в *пелтѣк* как исконного суффикса. В свете этих обстоятельств, а еще больше по причине ударения на завершении *-ек* в *пелтѣк*, представляется невероятным прямое возникновение гл. *пѣлтя* 'заикаться' и его вариантов «через выпадение *-ек* в *пелтѣк*» (БЕР 5, 144). Следовательно, необходимо предположить, что бесспорная связь по происхождению между болг. диал. гл. *пѣлтя* 'заикаться' с его производными *пелтѣва*, *пелтѣвя*, *запѣлтувам* и вариантами с начальным *ф-* и *хв-* и общеболгарским заимствованием из турецкого языка *пелтѣк* 'заика' основана на различной, более опосредованной зависимости от языковых обстоятельств и отношений в сравнении с обстоятельствами и отношениями, выдвинутыми в представленной выше версии в БЕР.

Благоприятные условия для наблюдения этой различно опосредованной связи по происхождению *пѣлтя* и *пелтѣк* в указанных значениях создает включенная в БЕР (там же) коллекция засвидетельствованных на диалектном уровне производных глаголов с созвучной основой и единой семантикой, объединенных словообразовательно суффиксом греческого происхождения *-исвам*, который участвует в образовании вторичных болгарских глагольных форм экспрессивного характера, как напр. *белѣисвам* 'белить' наряду с *бѣля*, производного от *бял*. Таковы экспрессивные диалектные глаголы *пелтѣкѣисвам* 'заикаться' (Габрово, Кръстополе, Ксантийско; Долнослав, Асеновградско), с тем же значением *пелтѣненѣисвам* с вариантами (Зърнево, Драмско; Боголин, Туховища, Гоцделчевско), *пелтетѣисвам* (Ракитово, Веллингградско; Гълъбово, Пловдивско), *пелтечѣисвам* с вариантами (Родопы), *пелтѣисвам* 'не выговаривать ясно все согласные' (Славеино, Смолянско; Старцево, Маданско), 'заикаться' (Добралък, Павелско, Асеновградско; Солища, Смолянско и др.) с вариантами (ДА; БЕР)¹⁰. Включение этих глагольных форм в анализ темы позволяет следующие определения:

Несомненной предпосылкой для возникновения гл. *пѣлтя* 'заикаться' с вариантами является наличие диалектного гл. *пелтѣисвам* со сходным значением, неубедительно истолкованного в БЕР как образование «от *пѣлтя* с суф. *-с-* по модели греческих аористических основ» (так!). В действительности форма *пелтѣисвам* возникла через гаплоглогию от представленной выше формы *пелтетѣисвам*, которая, в свою очередь, является результатом изменения по ассимиляции *т – т < т – ч* в *пелтечѣисвам* или *т – т < т – к* в *пелтѣкѣисвам*. Сопоставление ясных по образо-

ванию двух глаголов с единой семантикой — общеболг. *пелтѐча* и производного с суф. *-ис-вам* экспрессивного диалектного *пелтечѝсвам* — позволяет со всей определенностью говорить о вторичном происхождении гл. *пѐлтя* и его вариантов. Очевидно, этот глагол возник как мнимая первичная форма по отношению к экспрессивному варианту *пелтѝсвам* < *пелтетѝсвам*. Глагольная пара с единой семантикой *пѐлтя* — *пелтѝсвам* возникла, как видим, по модели *бѐля* ‘белить’ — *белѝсвам* то же, *червѝ* ‘красить в красный цвет, румянить’ — *червѝсвам* то же, *туткаля* ‘клеить столярным клеем’ — *туткалѝсвам* то же и т.п., в которой вторичным образованиям с суф. *-ис-вам* соответствуют отыменные глаголы с реальными исходными основами *бял* ‘белый’, *чѐрв(ей)* ‘червяк’, *туткал* ‘столярный клей’, *пелтѐк* ‘заика’. Вторичный характер гл. *пѐлтя* и *пелтѝсвам* подтверждается как раз отсутствием соответствующей исходной именной основы (имагинерное *пелт?).

Об образовании и значении гл. *пѐлям*

Возникший в результате представленной выше динамичной последовательности звуковых и словообразовательных переформлений и производств с помощью домашних и заимствованных словообразовательных средств (*пелтѐча* ~ *пелтечѝсвам* > *пелтетѝсвам* > *пелтѝсвам* ~ *пѐлтя* и *пѐлтя* ~ *пѐльткам), претерпевший дополнительное упрощение группы согласных *льтк* > *льк* редкий болгарский диалектный гл. *пѐлькам* < *пѐльткам с метафорическим значением ‘работать неумело, плохо’ от исходного ‘говорить неясно, заикаться’ является несомненной основой для возникновения — в качестве еще одной мнимой первичной формы — редкого болгарского диалектного гл. *пѐлям*. Глагол, представленный в БЕР (5, 145) со значением болг. *мляскам* ‘чмокать’, неубедительно дается в форме 1 л. ед. ч. *пѐля* вместо *пѐлям* вследствие механического перенесения формы 3 л. *пѐля*, засвидетельствованной в приведенном тексте загадки: *Жив живеля, живо весо пѐля* — *Дете, когато бозае*. Указано место, откуда загадка — Трън, но не указан источник текста. Редкий болгарский диалектный гл. *пѐля* — а в действительности *пѐлям!* — получил в БЕР определение «неясное».

Два представленные в сборнике Стефаны Стойковой¹¹ варианта приведенной выше загадки — один под № 1526: *Жив живеля, живо месо пеля* — *Дете кига сиса* (СБНУ 22–23, 136 (9): Костро-

шевци, Трънско), а другой под № 1527: *Жив живеля живо месо пеля, сам седе, та си га изеде* — *Дете и сиса* (СБНУ 22–23, 136 (10): Забел, Трън), позволяют преодолеть неясность, проистекающую из досадной буквенной ошибки: *весо* вместо *месо* ‘мясо’ в приведенном в БЕР тексте загадки, источник которой не указан. В представленных у Стойковой параллелях этих двух текстов в других, засвидетельствованных преимущественно в западноболгарских землях, вариантах той же загадки употреблены формы гл. *ям* ‘есть’, ср: *Жив живалец от жива снага яде* — *Детето* (№ 1523, Скрбатно, Гоцеделчевско), *Живо живуленце на жив чукар седеше, живо месо едеше* — *Детето* (№ 1529, Крапец, Пернишко), *Живо живо живоленце на жив камик седеше, живо месо едеше* — *Дете цицалче* (№ 1532, Извор, Радомирско; Ракита, Брезнишко), *Живо живоленце на жив брег седеше, живо месо едеше* — *Детето* (№ 1536, Цариброд), *Живо живине живо месо йеде* — *Бозайниче дете* (№ 1537, Тетевенско), *Да ти вържат и двете ръце, па да ти дадат живо месо да ядеш* — *щеш ли?* — *Дете миничко* (№ 1538, Раковица, Кулско)¹².

Эти употребления бросают дополнительный свет на семантическое содержание редкого болгарского диалектного гл. *пелям*, представленного в БЕР в неуверительной форме 1 л. ед.ч. *пеля* с болгарским значением *мляскам* ‘чавкать’. Ясная семантическая связь между употребленными в приведенных параллельных текстах загадок формами общеболгарского гл. *ям* со значением ‘питаться’, а также ‘жевать, мять что-то, а потом глотать, чтобы насытиться’ (Геров), с одной стороны, и указанным толкованием при помощи общеболгарского переходного гл. *мляскам* ‘чавкать’, а также ‘жевать, что-то мять во рту, есть’ (РБЕ 9, 565), с другой стороны, позволяет раскрыть имплицитно засвидетельствованное в текстах загадок № 1526 и 1527 у Стойковой, равно как и в тексте БЕР, значение редкого диалектного гл. *пелям*, возникшего как мнимая первичная форма по отношению к анализируемому выше, также редкому диалектному гл. *пелькам* ‘работать плохо, неумело’. Значение гл. *пелям* в этом тексте загадки — ‘жевать, мять во рту (материнскую грудь, о беззубом младенце)’.

***

Итак, основным элементом характеристики раскрытых в ходе анализа мнимых первичных форм: *пелтя* ‘заикаться’ по отношению к *пелтисвам* то же и *пелям* ‘мять во рту (о беззубом младен-

це)' по отношению к *пѣлкам* 'неумело работать' < *пѣлткам, производному от *пѣлтя* 'заикаться', является возникновение их через обратную деривацию на основании двух активных в современном болгарском языке, экспрессивно окрашенных глаголообразующих суффиксов: *-ис-вам* и *-к-ам*. Впечатляет при наличии стремительно протекающих формальных изменениях (*пелтѣча* ~ *пелтечѣсвам* > *пелтетѣсвам* > *пелтѣсвам* ~ *пѣлтя* ~ *пѣлткам > *пѣлкам* ~ *пѣлям*) сохранение живой связи метафорического по происхождению значения 'жевать, мять во рту (о беззубом младенце)' редкого диалектного гл. *пѣлям* со значением 'говорить плохо, заикаться', как бы далекого, из-за многократных преобразований в водоворотах болгарской диалектной речи, общеполгарского отыменного гл. *пелтѣча*, производного от *пелтѣк* 'заика'. О возможности подобной связи, но в обратном направлении семантического развития, свидетельствуют, впрочем, и значения общеполгарского гл. *дѣвча* 'дробить, мять зубами пищу и т.п.' и 'говорить неразборчиво, выговаривать неясно, мямлить' (РБЕ 3, 509–510).

Примечания

¹Тодоров Т. Ат. Происхождение трех диалектных болгарских слов: *дѣжтам*, *пѣлкам*, *размѣгам*. // Слова. Концепты. Мифы. К шестидесятилетию Анатолия Федоровича Журавлева. Москва, 2011, 342–344.

²Попов К. Говорът на с. Габаре, Белослатинско // ИИБЕЗ 4, 1955, 170.

³Гълъбов Л. Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД I, 110.

⁴Евстатиева Д. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско // БД VI, 235.

⁵Стойчев Т. Родопски речник // БД II, 166.

⁶Попиванов Г. Орханийският (Ботевградският) говор // СБНУ 38, 1930, 114.

⁷Стойчев Кр. Тетевенският говор // СБНУ 31, 1915, 271.

⁸Мечев К. Особени думи и изрази в еленския говор // БД II, 316.

⁹Петков П. Еленски речник // БД VII, 157.

¹⁰См. еще: Стойчев Т. Родопски речник // БД II, 233

¹¹Стойкова Ст. Български народни гатанки. С., 1970, 290–292.

¹²Ср. еще: *Живо животинче живо месо тегле*. — *Детето* (№ 1525, Мачуково, Долновардарско), *Жива живуличка на жив чукар седи, живо месо пийе* — *Дете на майка* (№ 1530, Режаници, Брезнишко), *Живо живоле на чукарка седеше, живо месо търгаше*. — *Дете на ненка* (№ 1531, Крапец, Пернишко), *Живо живоланче на грамада седи, живо месо тегли*. — *Дете, кога цица* (№ 1533, широкий ареал в юго-западной Болгарии), *Жив живулец на пезулец, живо месо запия*. — *Дете* (№ 4, Желява, Софийско), *Жуво жуваче на пезуле седи, живо месо џџа*. — *Бебето* (№ 1535, Гоце Делчев; Долновардарско), *Живулия живо месо сеца* — *Детето бозае* (№ 1524, Витоско, Пернишко), *Жив живурипка на жив рид седеше, живо месо сецаше*. — *Детето на кърма* (№ 1528, Извор, Радомирско).

М. Сной

О СЛОВЕНСКОЙ ФАМИЛИИ *BEZLAJ*

Задача этой небольшой заметки¹ показать возможный источник и происхождение фамилии *Bezljaj*, столетие со дня рождения которого отмечали в 2010 г., языковеда и прежде всего этимолога, который во второй половине XX в. так высоко поставил этимологию и сравнительное языкознание в Словении. В то время, когда я знал проф. Франце Безлая (*Bezljaj*), а это было в конце 70-х годов прошлого столетия, сначала как студент, потом как ассистент по этимологической работе, его продолжали занимать уже, казалось бы, решенные этимологические проблемы. Даже в них он постоянно искал *ocvirke* ('шкварки'). Так он называл дополнительные обстоятельства и интерпретации, которые делали объяснение более ярким, живым, более соответствующим времени, пространству, материальному и духовному миру, а также менталитету наших предков. Особенно его интересовали «крепкие орешки», так он говорил о словах, которые выглядят изолированными, для которых нелегко найти этимон ни на первый, ни на второй и даже на третий взгляд, слова, для которых требуются знание, методика, комбинаторика, опыт и интуиция, чтобы постепенно с них начал спадать покров тайны.

Одним из таких твердых словенских орешков является фамилия *Bezljaj*, о которой профессор высказался письменно однажды в интервью в 1975 г. Мариборскому еженедельнику 7D². Там зафиксировано мнение профессора о том, что его фамилия не может быть произведена ни от гл. *bezljati*, ни отождествлена со словом *bezlaj*, которое в XVIII в. было отмечено в значении 'bezoar', т. е. «подобное камню образование из непереваренной пищи в желудке жвачных животных», при этом он склонялся к возможности ретороманского происхождения фамилии. Объяснений в пользу этой версии он не приводит³. Когда я попытался эту версию проверить, то не нашел ничего убедительного, более того, для меня стало очевидным, что эта фамилия исконного, словенского происхождения, образованная собственными словообразовательными средствами.

На сегодня наибольшее число носителей этой фамилии в Любляне, Кране и далее по направлению к востоку вплоть до Марибора. В Долении и на словенском западе носителей с такой фамилией нет. За пределами Словении фамилия появляется в Загребе и в Карловце, следовательно, фамилия также кайкавская, и еще более вероятно, что фамилия распространилась из Словении в две пограничные хорватские области.

Фамилия имеет устойчивый вид, нет различий в написании, также произносится постоянно с долгим ударением на втором слоге как *Bezljaj* (с тоном *Bezljáj*), поэтому кажется вероятным, что она происходит из одного источника, который, судя по современному распределению, можно поместить в средней части Словении и немного к востоку. Это та территория, где, по крайней мере, на письме неударное *e* совпадает с полугласным и где имеет место депалатализация первоначально мягкого *l'*.

Многие словенские фамилии произошли по конверсии из аппеллативов, к ним может относиться и фамилия *Bezljaj*. В XVIII в. в словенско-немецком словаре Гутсманна отмечено слово *beslai* с переводом 'Flüchtling', т. е. 'беглый, беглец' (Gutsmann 492). Это слово приводит также Плетершник в форме *bezljáj* (Pleteršnik I, 24), при этом в первом значении по данным Миклошича это — *nomen agentis* 'бегун', т. е. 'Renner, Läufer', а во втором значении в словарных материалах Валявца слово трактуется как *nomen agentis*, 'bezljanje', т. е. 'бег'. Аппеллатив со значением 'беглый, беглец' и 'бегун, посланник' вполне подходит для конверсии в фамилию, во всяком случае больше, чем созвучное с ним слово со значением 'bezoag', которое, вероятнее всего, происходит из того же самого чешского источника⁴, из которого Юнгманн (Jungmann I, 110) переписал *bezlag* именно в значении 'bezoag'.

В таком случае фамилию *Bezljaj* могли бы легко произвести из *nomen agentis* *bezljáj* в значении 'тот, кто бежит', специализацией которого являются засвидетельствованные значения 'бегун, беглый' и 'гонимый, посланник'. *Nomen agentis* относится к гл. *bezljái* точно так же, как, напр., *nomen agentis* *čuváj* относится к гл. *čúvati*, *nomen agentis* *strežaj* — к гл. *streči*. Это *bezljái*, вероятно, то же самое, что и современное в значении 'испуганно гнать, бежать, мчаться', поэтому можно исходить из первоначальной семантики 'течь' или 'бежать'⁵. Менее вероятно, что он произошел от итератива гл. *bégati* подобно *drégati* (: *drézati*): *drezljái*, где имела место третья палатализация после исходного назального в корне.

Примечательно, что в интервью 35-летней давности профес-

сор не упоминает этой возможности, хотя, несомненно, ему была известна запись в словаре Гутсманна, если судить по тому, что издание словаря, которое через какое-то время я впервые увидел в его кабинете, по причине частого использования, было в плачевном состоянии.

Этимологическое исследование фамилии *Bezljaj* можно было бы на этом закончить, если бы было, по крайней мере, одно указание на то, что первый носитель этой фамилии был посланник или беглый. Не располагая такими сведениями, мы должны в духе Безлая рассмотреть другие возможности. При этимологических исследованиях собственных имен семантические критерии в сущности менее показательны, чем при этимологическом изучении апеллятивов, что и определяет границы наших возможностей. Поэтому при исследовании собственных имен этимологическая методика менее убедительна, менее доказательна, очень неточна и допускает много возможностей, каждая из которых значима для этимологического исследования фамилий. Ведь признак наименования в сущности трудно определить для человека, которого полтысячелетия или больше уже нет среди живых, как и для географического названия, которое, хотя, возможно, изменено, существует постоянно. Поскольку мы не располагаем никакими внеязыковыми данными, которые бы доказывали, что фамилия *Bezljaj* связана с одинаково звучащим апеллятивом в значении 'бегун' или 'посланник', открытой остается возможность, что фамилия сложилась словообразовательным путем. В словенском языке суффикс *-aj* часто образует фамилии от географических названий, напр. *Vrščaj* < *Vršičaj из *vršič*, *Peklaj* из *Pekel* или *Počkaj* (наряду с *Počkar*) из *Poček*, а также от имен собственных, напр. *Lipaj*, *Filipaj*⁶, что также известно хорватам и сербам, напр. *Jakupaj*, *Petraj*.

Поэтому можно думать, что в основе фам. *Bezljaj* лежит *bəzəlʲ, которое известно с разными записями полугласного в словенских именах, в фамилиях *Bazelj*, *Bazel*, *Bezal*, *Bizalj*, *Bizilj*, *Bizolj*, в названии поселения *Bizel* в Штирии (вблизи поселения *Frankolovem*) и *Bizelje* (вблизи поселения *Sevnico*). Пестрота записей обоих полугласных говорит в пользу предположения об их происхождении из полугласного, т. е. ь или ь. Тогда можно думать, что фам. *Bezljaj* могла быть гипокористикой от личного имени *Bəzəlʲ, которое сохранилось в приведенных фамилиях, возможно, жителей или переселенцев из края *Bəzəlʲ, название которого сохранилось в приведенных топонимах, а также в более широко известном имени *Bizeljsko* на словенском юго-востоке. В

этих словах гласный *e* мог произойти из этимологического *e* или из полугласного в сильной позиции. Единственно возможный по смыслу этимон, из которого можно произвести рассматриваемые имена, является слав. *bъz в значении ‘бузина’, т. е. *Sambucus nigra*. Для этой версии значимы следующие факты. 1. Основа *bъzъ сама конвертируется в личное собственное имя, прозвище и фамилию, напр. чеш., польск. *Bez*, в.-луж. *Boz*, н.-луж. *Baz*. Фамилиями также являются словен. *Bezeg*, *Bezek*, нем. *Hollunder*, ит. *Sambuco*, франц. *Sureau*, англ. *Elder*. Речь идет о наименовании человека по дереву подобно тому, как в случае с *Jesen*, *Bor* и *Hrast*, которые также являются словенскими фамилиями, причем для последней фамилии также имеется гипокористическое образование *Hrastelj*, которое в плане словообразования непосредственно сравнимо с рассматриваемой формой *Bazalj. 2. Тот же или подобный суффикс, как в нашей основе *Bazalj, представлен в польской фам. *Bezel*. 3. В македонском языке *bozel* значит ‘бузина’. С этими формами можно сравнить хорватскую славонскую фам. *Bazel*. В исходной форме *bъzель сохраняется *ъ* в сильной позиции, видимо потому, что иначе бы возникла трудно произносимая группа звонких согласных *bz-*, которая, как в случае с.-хорв. *zóna*, должна была бы упроститься. Вокализация сильного *ъ* сравнима с вокализацией в таких примерах, как *steklo*, *megla*, *sedaj*, кроме того, она поддерживается вокализмом основного слова, которое сохраняется как макед. *boz* и хорв. *bâz*.

Пока еще невозможно вынести окончательное суждение о происхождении и этимологии фам. *Bezljaj*. Если принять во внимание распространение фамилии и ее образование, то очень вероятно ее словенское происхождение. Исходная форма может быть реконструирована как **Bazl'aj*, гипотетично также как **Bězl'aj* или *Bezlj'aj*, хотя для двух последних исходных форм мы не найдем соответствующих этимонов. Дальнейшее этимологическое рассмотрение исходной формы **Bazl'aj* может пойти в двух одинаково вероятных направлениях. 1. Фамилия могла произойти по конверсии из апеллатива *bъzljaj в значении ‘беглый’, подтвержденного в XVIII в. в словаре Гутсманна как *beslai* ‘Flüchtling’. Если это объяснение правильно, то апеллатив и в последующем фамилия образованы от гл. *bazljáti*, в современном написании *bezljáti*, который по происхождению является итеративом к праслав. *bъzati. 2. Другая возможность — производное от этимона *bъzъ ‘бузина’. Если правилен этот основной подход, то фамилия образована при помощи именного суфф. *-aj* от основы *Bazalj, причем эта основа

может быть (2a) первоначально антропонимом (словообразовательного типа *Hrastelj*), образованным от названия дерева *bъzъ > словен. *bez*, или (2b) первоначально топонимом, сохранившимся в названиях *Bizelj*, *Bizelje*). Если такое предположение верно, то фам. *Bezljaj* первоначально означала переселенца или жителя края *Bəzəlj подобно тому, как, напр., словенские фам. *Vrščaj*, *Peklaj*, *Počkaj* первоначально означали переселенца или жителя края с названием *Vršič*, *Pekel* соответственно *Poček*.

Примечания

¹ Представлен в переработанном виде текст из второй части приветствия по случаю открытия Международного научного симпозиума “Praslovenska dialektizacija v luči etimoloških raziskav” в честь 100-летия со дня рождения Ф. Безлая, который 16–18 сентября 2010 г. провели Отдел славянских языков (Философский факультет, Любляна) и Секция этимологии и ономастики Института словенского языка им. Фр. Рамовша ЗРЦ САЗУ под патронатом Международного конгресса славистов.

² *Bezljaj F. Na Kranjskem je največ Horvatov. 7 D IV/29. Maribor, 17.7. 1975, 14–15.* Издано в: *Bezljaj F. Zbrani jezikoslovni spisi. Ljubljana, 2003, 1213–1216.*

³ В интервью он говорит следующее: “В 13 столетии некий Петер Безлай сделал запись в люблянском магистрате, ретороманский мастер, который поселился в Любляне. Тут, в ретороманщине надо искать ...”.

⁴ Апеллатив *bezljaj*, записанный как *bezlai*, в значении ‘Bezoarstein’ приводит Гутсманн (*Gutsmann 492*).

⁵ Гутсманн приводит гл. *beslam* с переводом ‘hüpfte muthwillig hin und her’.

⁶ О фамилиях такого рода см.: *Snoj M. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009, 470.*

Перевела со словенского языка Л. В. Куркина

Д. С. Соломенна, О. А. Теуш

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕКТИВЫ К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. *ŠBJA¹

Этимологи (М. Фасмер, П. Я. Черных, Л. В. Куркина, А. К. Шапошников) считают, что слово *шея* является праславянским по происхождению (*šbja) и производно от глагола *šiti. М. Фасмер полагает, что это слово «вероятно, первоначально имело значение ‘ворот(ник)’, ср. чеш. *vaz* ‘затылок’: *vzatyť*» (Фасмер 4, 434–435), П. Я. Черных также реконструирует исходное значение как ‘пришитая часть одежды, облегающая затылок и шею’, из которого позже развилось значение ‘шея вообще’ (Черных 2, 411). Л. В. Куркина также полагает, что слово *шея* имело первоначальное значение ‘ворот(ник)’ и является родственным др.-исл. *sýja* ‘шов, дощатый настил’ (Шведова 1106). А. К. Шапошников пишет: «праслав. *šijа иносказательно подменило табуированное и.-е. название шеи словом со значением ‘шиворот, воротник, загривок’» (Шапошников 2, 542). Как отмечают исследователи, «менее вероятным является сближение с с.-хорв. *ošiјати* ‘повернуть’, с лат. *sinus* ‘изгиб’, ‘извив’, ‘кривизна’, ‘выпуклость’, ‘грудь’, ‘лоно’ и *sinus* ‘широкий глиняный сосуд’. И.-е. корень здесь, как полагают (Видеман), *(k)sei — ‘гнуть’, ‘сгибать’» (Черных 2, 411). «Последние сравнения недостоверны» (Фасмер 4, 434–435).

В целом принимая возведение *šbja к *šiti, предлагаем семантические коррективы к указанной этимологии.

Представляется, что этимологи в своих рассуждениях исходят из позднего значения глагола *шить* ‘соединять ниткой с помощью иглы края ткани, кожи и т.п. при изготовлении одежды, обуви и т.п.’ (ССРЛЯ 17, 1425). Однако углубленное изучение этимолого-словообразовательного гнезда *шить* показывает, что основной семантикой (и, скорее всего, первоначальной) является не семантика соединения ткани, кожи и т.п. с помощью иглы, а более общая семантика соединения чего-либо с помощью чего-либо, скручивания, связывания. Ту же реконструкцию мы находим у Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова в книге «Индоевропейский

язык и индоевропейцы»: «и.-е. **siu(H)* ‘связывать’, ‘шить’, ‘скручивать’. Ср. хет. *šumtanza(n)* ‘веревка’, др.-инд. *syutan* ‘веревка, шнур, пояс’». Авторы выделяют также индоевропейский корень **seH(i)* ‘связывать’, ‘скручивать’: ср. хетт. *išhiia* ‘связывать’, лув. *hišhiia* ‘связывать’, лит. *saitas* ‘привязь’, лтш. *saite* ‘завязка’, ‘пута’, ‘бечевка’, прус. *saytan* ‘ремень’, ст.-слав. *šetī* ‘петля’, ‘ловушка’, ‘западня’, др.-в.-нем. *seito* ‘веревка’, ‘петля’ (Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ 704–705). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов отмечают, что «формально-семантическое сопоставление индоевропейских основ **siu(H)* и **seH(i)* и их производных позволяет сделать вывод об их вероятной соотнесенности. Представляется возможным основу **siu(H)* считать древней формой нулевой ступени, оформленной на суффикс *u: **seH(i)* > *sHi-u» (Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ 704–705). Эту этимологию поддерживает А. К. Шапошников (Шапошников 2, 544). Исходную семантику соединения отражает сам глагол *шить* и ряд дериватов этого гнезда: *вшивать* ‘сшивать, соединять края чего-либо швом’ (Арханг. словарь 6–7, 91), *зашивать* ‘скреплять, прошивая чем-нибудь концы чего-нибудь, сшивать’ (Псков. словарь 12, 263), *подшивать* ‘обивать снизу досками’ (ССРЛЯ 10, 702), *прошивать* ‘прикреплять, проплетая, прикручивая чем-либо’ (СРНГ 33, 48), *прошивать* ‘сшивать, скреплять что-либо сквозным швом’ (ССРЛЯ 11, 1551), *сшивать* ‘соединять, скреплять (доски, листы железа и т. п.)’ (ССРЛЯ 14, 1334), *шить* ‘прикреплять, скреплять доски гвоздями, шпонами и т. п. || изготовлять из дерева, досок, скрепляя их гвоздями, шпонами’ (ССРЛЯ 17, 1425), *шить* ‘прокладывая железнодорожный путь, прикреплять рельсы к шпалам’ (ССРЛЯ 17, 1426) и др. Ср. также субстантивы: *вшивина* ‘балка, соединяющая бревна плота’ (СРНГ 5, 242; Арханг. словарь 6–7, 91; Карт. Сл. Рус. Севера), *перешва*, *перешивина* ‘поперечная жердь, скрепляющая бревна плота’ (Карт. Сл. Рус. Севера), *пошильник* ‘жерди, для связи плотов’ (СРНГ 31, 33), *прішва* ‘передний вал в ткацком станке для укрепления нитей основы и наматывания готовой ткани’ (СРНГ 32, 66), *сшиваха* ‘брусья в ткацком стану, скрепляющие клюшки’ (Даль² 4, 382), *обшивка* ‘тонкая, надранная лентой лучина, служащая для скрепления обручей на сетковой корзине’ (СРНГ 22, 270), *шитвина* ‘ремешок, скрепляющий две части цепа’ (Карт. Сл. Рус. Севера) и др.

Таким образом, мы можем полагать, что древнейшее слово *шея* отражает первичную семантику гнезда (*šiti ‘соединять, связывать’ > *šьja ‘часть тела, соединяющая голову и туловище’), но

поскольку этимологи исходят из современного понимания глагола *шить*, то им приходится восстанавливать промежуточное звено в цепи: *šiti > *šbja ‘воротник’ > *šbja ‘часть тела’. Метонимия от названия одежды (воротник) к части тела является не вполне логичной: скорее, могло бы произойти наоборот, а вот непосредственное образование от самого глагола представляется объяснимым в свете основной семантики гнезда.

В. А. Меркулова разводит три модели возникновения значения ‘шея’:

а) ‘вертеть, поворачивать’ > ‘шея’: *vřrtěti* > *vortь*.

По той же модели образованы лат. *collum*, нем. *Hals*.

б) ‘гнуть, сгибать’ > ‘шея’: *kъrkъ, *хуть.

в) ‘соединять, связывать’ > ‘шея’: *siti* > *sija*; *vęzati* > *vęzъ* (ср. чеш. *vaz*, словац. *vaz*, укр. в’язы ‘шея, шейные позвонки’). По Махеку, первоначально ‘соединение, сочленение костей’².

Наиболее значимо для интерпретации слова *шея* развитие семантики лексемы *ворот*. В. А. Меркулова отмечает, что в «современном русском литературном языке слово *ворот* означает ‘край одежды вокруг шеи, а также само отверстие в одежде, через которое продевается шея’. Перед нами вторичное переносное значение слова *ворот*, образованное от первоначального *ворот* ‘шея’ (ср. с.-хорв. *vrat*, болг. *vrat* из праслав. *vort ‘шея’)³. Наличие обратной модели ‘шея’ > ‘ворот(ник)’ также доказывает наше предположение о маловероятности метонимического переноса с названия одежды на название части тела. Однако с В. А. Меркуловой можно и не согласиться в том, что *ворот* как ‘край одежды вокруг шеи, а также само отверстие в одежде, через которое продевается шея’ является вторичным переносным значением, образованным от *ворот* ‘шея’. Мы считаем допустимым и параллельное образование данной лексемы от того же глагола *vřrtěti* ‘вертеть, поворачивать’, поскольку *ворот* — это то, что *оборачивает*. По нашему мнению, возможна двоякая точка зрения на одну и ту же ситуацию: с одной стороны, *vřrtěti* ‘вертеть, поворачивать’ > *vortь* ‘шея’ (как то, что поворачивает голову), а с другой стороны, *vřrtěti* ‘вертеть, поворачивать’ > *vortь* ‘ворот(ник)’ (как то, что обладает способностью оборачивать).

Лексема *šbja (*шея*) не зафиксирована в значении ‘ворот’ или ‘часть одежды’. Такие дериваты, как *шейник* ‘мужской шейный платок, галстук’ (Даль² 4, 632), *ошейник* ‘ремешок или металлическое кольцо с застежкой, надеваемые на шею животного’ (ССРЛЯ 8, 1822) являются вторичными образованиями, что еще

раз свидетельствует о малой вероятности метонимии.

В. А. Меркулова полагает, что от индоевропейского этапа сохранилось только два названия шеи: *moni и *griva. На втором, праславянском этапе «появляются экспрессивные названия шеи *šija, *vyja, *vortъ, *kъrkъ»⁴. Однако возможно, слово *шея* возникло в индоевропейский период развития. Поскольку все гнездо имеет архаичную семантику, можно предположить, что первоначальным значением лексемы *šьja было 'место соединения, сочленения' и лишь позднее она специализировалась в анатомической сфере (ср. родств. др.-исл. *syja* 'шов, дощатый настил' (Шведова 1106) и его прямое семантическое соответствие в рус. *шитик* 'настил в лодке' (Карт. Сл. Рус. Севера)).

Схожую модель номинирования частей тела мы встречаем в слове *выя* 'задняя хребтовая часть шеи', которое образовано по модели 'соединять, связывать' > 'шея' и производно от утраченного праслав. глагола *(*v*)*uti* 'вязать, плести'⁵. Модель идентична как семантически, так и словообразовательно, что подтверждает справедливость нашей гипотезы. Ср., также в иных анатомических терминах: *плето* 'плечо' — дериват корня **plet-* 'плести', *заветь, завить, завойка* 'запястье' — дериваты *viti 'вить'⁶.

У слова *шея* и его дериватов до сих пор сохраняется архаичская семантика соединения: *шейка* 'петля, которой кнут привязан к кнутовищу' (Сл. донск. казачества 589), *шейка* 'ремень у цепа' (Яросл. словарь 10, 72), *шейка* 'соединение ручки с ударной частью цепа с помощью петли' (Сл. донск. казачества 589), *шея* 'ремешок, соединяющий части ручного молотила, цепа' (Словарь Карелии 6, 865), ср. также формулировку анатомического значения: *шея* 'связь головы с туловищем, часть тела промеж плеч и головы' (Даль² 4, 631). Приведем к этому параллельные образования от глагола *вязать*: *приуз* 'ремешок, скрепляющий било и рукоятку цепа' (СРНГ 32, 41) (из *привязъ, связанного чередованием гласных с *привазъ, св. с *вязать* (Фасмер 3, 368)), *связка* 'ремешок или веревка, соединяющая деревянную ручку цепа с его ударной частью; приуз', 'жгут, скрученный из соломы или травы, с крепкими стеблями (часто перевитый веревкой) для связывания снопов, крепления соломенной крыши и т.п.', 'веревочная или ременная петля, соединяющая оглобли с копыльями саней, дровней' (СРНГ 36, 333–334), *связь* 'поперечные перекладыны, соединяющие ножки стола, стула и т.п.' (СРНГ 36, 339), 'сустав (руки, ноги человека, лапы животного)' (СРНГ 36, 341) и др. Во всех приведенных словах сохраняется то же значение и семанти-

ка связывания во внутренней форме.

Любопытен также тот факт, что «в новгородских говорах мы находим слово *лубошея* ‘тот, кто шьет корзины из луба’, где вторая часть слово прямо соотносится с глаголом *шить* и является именем деятеля»⁷, что подтверждает возможность отглагольного происхождения лексемы *шея*.

После деэтимологизации в анатомическом значении лексема *шея* (‘часть тела между головой и туловищем у наземных позвоночных животных и человека’ (ССРЛЯ 17, 1384)) начинает обрастать дериватами (*шейный, шейка, ошеек* и др.) и фразеологизмами (*сидеть на шее, гнать в шею* и др.). В современном русском языке есть ряд дериватов слова *шея*, которые имеют вторичную по отношению к анатомическому значению семантику: *шейка* ‘узкая полоса плуга’ (Яросл. словарь 10, 72), *шейка* ‘узкая часть предмета’ (ССРЛЯ 17, 1330), *шейка* ‘узкое место в русле реки’ (Сл. донск. казачества 589), *шейница* ‘болезнь, опухоль шейных желез’ (Даль² 4, 632), *шея* ‘наиболее узкая часть водоема’ (Словарь Карелии 6, 865) и др. В этих производных *шея* воспринимается метафорически (как горло, как узкая часть между головой и туловищем человека или животного), связь с этимолого-словообразовательным гнездом окончательно утрачивается.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

² Меркулова В. А. Комментарий к вопросу № 1443 Вопросника ОЛА ‘шея’ // Общеславянский лингвистический атлас. 1981. М., 1984, 295.

³ Там же, 294.

⁴ Там же, 296.

⁵ Там же, 295.

⁶ Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000, 144.

⁷ Меркулова В. А. Комментарий к вопросу № 1443 Вопросника ОЛА ‘шея’, 291.

А. М. Ушакевич

**ЖЫЦЦЁ–БИЦЦЁ:
К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОМПОНЕНТОВ ЛСГ
ЖЫЦЬ ‘VĪVERE’ И ЖЫЦЬ ‘HABĪTĀRE’
(НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)**

Исследование понятийной истории слов в качестве элементов крупных языковых структур, а не отдельных единиц, имеет ряд преимуществ как в плане внутреннего, так и в плане контрастивного изучения языка. Установление цепочки семантических преобразований для каждого слова группы способствует формированию более полного представления о системе воззрений народа, язык которого исследуется, на тот или иной фрагмент реальности. В плане межязыкового сравнения сведения о “репертуаре” семантических моделей, свойственных определенной группе лексики, объединенной общим понятием, представляют ценный материал для установления степени “типологичности” тех или иных семантических трансформаций, т. е. для определения степени их уникальности или, наоборот, универсальности.

Более пристальное внимание к исследованию именно семантической истории лексики объясняется тем обстоятельством, что в классических этимологических трудах (к каковым безусловно относится и белорусский этимологический словарь) подобный аспект как правило рассматривается в значительно меньшем объеме, чем история фонетических трансформаций слова. При этом объяснение понятийных изменений, которые претерпело слово, представляет задачу не менее существенную, чем реконструкция его дописьменного состояния — тем более это справедливо в случае такого относительно молодого языка, как белорусский. Попытаемся подтвердить резонность изложенных идей на примере двух понятийно близких групп белорусской лексики — лексико-семантических полей *жыць* ‘vīvere’ и *жыць* ‘habitāre’.

Ядро обеих лексико-семантических групп в современном литературном языке составляет один глагол — *жыць*, а точнее

— его корень: о.-слав. *žī-*, который из праслав. **žī-* < **žei-* < **gei-* (< и.-е. **g^hei-* < **g^heiH₃-*). В значении ‘*vīvere*’ параллельно с глаголом *жыць* употребляется синтаксическая конструкция *быць жывым* — аналогичные конструкции функционируют и в других индоевропейских языках, причем в некоторых из них они употребляются чаще, чем соответствующие глаголы, например, лит. *gyvas buti*, ирл. *am bēo, bethu* (Buck, 285).

Значение ‘*habitāre*’, кроме самого глагола *жыць*, выражают также однокоренные ему, прозрачные в словообразовательном плане глаголы *пражываць* и диалектный (сенненский) *жыхарыць*¹ (последний является регулярным отноминативом от *жыхар* ‘житель’, который имеет в своей структуре этимологически неоднозначный компонент *-ха-*, см. ЭСБМ 3, 267).

Синонимом к *жыць* в обоих значениях выступает еще один общеславянский глагол индоевропейского происхождения — *быць* и его производные (ст.-бел. *пробыти* ‘прожить, просуществовать’ — *пре-/про-бывати* ‘находиться, существовать’, сравн. *пробыт(о/е)къ* ‘место проживания, нахождения’ и т.п.²). Развитие значения от ‘*esse*’ к ‘*vīvere*’/‘*habitāre*’ хорошо известно как славянским, так и, например, германским языкам: чеш. *obývati*, гот. *baiuan*, др.-норв. *bīa*, дат., швед. *bo*, др.-англ., др.-в.-нем. *bīan* — все примеры значат ‘*habitāre*’ и восходят к и.-е. **bheu-* ‘быть’ (Buck, 456). Следует оговориться, что в литературном языке глагол *быць* употребляется в качестве *жыць* скорее на правах таксона более высокого порядка, чем в качестве точного соответствия, поскольку он имеет более общее значение. Тем не менее в диалектном языке значение ‘*vīvere*’ или ‘*habitāre*’ может становиться основным для него, сравн. следующие западнополесские примеры: *ja шч’о буду д’оўго буд’у* ‘я еще долго буду жить’; *pojshóў do jednoўо d’ad’ká буд’у* ‘я пошел жить у одного дядьки’³.

Более общее значение, чем просто ‘*vīvere*’/‘*habitāre*’, имеет также глагол *існаваць*. Для белорусского языка он относительно новый, предполагается, что, как и укр. *існувати, иснувати, істніти*, данный глагол образовался по образцу польск. *istnieć* ‘быть реальным, существовать’ (ЕСУМ 2, 319; Sławski 1, 469), но на базе собственно белорусского прилагательного *існы* ‘настоящий, реальный’, продолжающего праслав. **jьstь* (< **is-to-* ‘тот самый’) (ЭСБМ 3, 401).

В старобелорусском языке оппозицию для *жыти* ‘*vīvere*’ составляло заимствование из польского языка *мешкати, мешкать*,

мяшкати ‘habitāre’ (< ст.-польск. *mieszkać* то же (ЭСБМ 7, 30), но в новом литературном языке оно практически не сохранилось (*мешкаць, помешкаць* еще фиксируется в словаре И. Носовича, но в словарях XX в. его уже нет). В диалектах (на Пинщине и Турувщине) глагол *мешкацца* продолжает употребляться в более архаичном, чем ‘habitāre’, значении — ‘медлить, делать медленно’⁴ (см. также Тураўскі слоўнік 3, 79).

Не употребляется в современном языке (в отличие от русского) и другое заимствование, которое в старобелорусском языке также функционировало в значении ‘habitāre’, а именно *обитати* (< ст.-слав. *обитати* то же < *об-витати (Черных 1, 585).

Таким образом, современному белорусскому языку не свойственна такая выразительная дифференциация лексико-семантических групп ‘vīvere’ и ‘habitāre’, как, например, польскому, чешскому или словацкому: *żyć — mieszkać, žít — bydlet, žít — bývať*. Однако, если речь идет исключительно о животных (а не об одушевленных существах вообще), такая оппозиция все же имеет место и в белорусском языке: *жыць — вадзіцца*.

Значение ‘habitāre (о животных)’ у рефлексивной формы континуанта праслав. **vesti — voditi* развилось, видимо, только в восточнославянских ареалах праславянского через промежуточную стадию ‘ухаживать’: ‘вести’ → ‘ухаживать (за)’ → ‘жить, habitāre’: ст.-укр. *пчелы водити* (1498) ‘заниматься пчеловодством’ (Словн. ст.-укр. мови XIV–XV ст. 1, 133), ст.-блр. *водити: шляхта, которые сядят в поветех, блудные клячи и быдло мают водити* (1529)⁵, ст.-рус. *водити: а гуси и утки и куры кто дома водить...* (XVI в.) — ст.-рус. *водитися: Нашъ пакъ родъ здавна отъ предковъ нашихъ вамъ есть въ доброй вѣдомости водилъ во областехъ панства вашего великого княжества Литовского* (1567); *А по тому потоку водятся звѣри лютыя* (1594) (СлРЯ XI–XVII вв. 2, 252, 253). Можно сказать, что *водитися ‘habitāre’ представляет собственно восточнославянскую семантическую инновацию, хотя подобное развитие значения и не уникально: пример аналогичного понятийного перехода находим в лат. *incolere* ‘проживать (“чаще о стране или городе, чем о доме”)', которое из *colere* ‘cultivate/обрабатывать, выращивать’⁶ (< и.-е. **k^hel-*: санскр. *car-* ‘move, perform/двигать, совершать’, греч. *πέλομαι* ‘быть в движении’) (Buck 455–456).

Рассмотренные до сих пор компоненты белорусских ЛСГ ‘vīvere’ и ‘habitāre’ отличаются относительно “чистой” семантикой, т. е. они выражают только указанные значения без дополнительных

понятийных оттенков (н.-блр. *вадзіцца* ‘habitāre’ имеет только валентностное ограничение — “о животных”). Вместе с тем, в белорусских диалектах функционирует значительное количество глаголов, которые, хотя и условно, также можно отнести к названным полям. Это преимущественно деривационно прозрачные образования, не требующие специального этимологического анализа: *вільгòтывацца*⁷, *красава́цца*, *раява́ць* ‘жить вольготно’, *серадава́ць* ‘жить умеренно’, *ракава́ць* ‘жить год’⁸, *таўно́рыцца* ‘жить в тесноте’, *жаніхоўствава́ць*, *хляпечы́ць*, *хляцава́ць* ‘жить холостяком’⁹. Но среди подобных образований есть этимологически темные глаголы, а также слова с “нетривиальной” (прежде всего, семантической) историей¹⁰.

Так, в поле нашего зрения попал туровский глагол *хворэ́ць*, которому, кроме основного (общеполеского) значения ‘болеть, быть нездоровым’, свойственно региональное значение ‘быть, существовать, жить, находиться’: *Можэ́ цэлу́ зіму́ хворэ́ць на чечцы́ та качка* (т. е. не улетать на юг, а жить на незамерзающей воде [чэчка ‘продушина во льду’ — А. У.]). *Рыба уткнулася ў траву і хворэе* (Тураўскі слоўнік 5, 235). Блр. *хвары́ць* восходит к прасл. *xvorě-ti (< *xvorь), свойственному, прежде всего, северославянскому ареалу (ЭССЯ 8, 128, 132), но такого выразительного значения, как ‘быть, существовать, жить, находиться’, его континуанты в других языках не развили (оно не зафиксировано даже в соседних украинских говорах). Путь понятийного развития кажется довольно логичным: ‘болеть, хиреть, продолжительное время находится в болезненном состоянии’ → ‘продолжительное время находится/существовать/быть’, — но примечательная особенность этого примера заключается в свойственной ему высокой степени нивелирования семантического признака ‘болезнь’. Другими словами, болезненное существование, хирение перестает восприниматься как некое ненормальное состояние и становится просто способом жизни. То же подтверждает и пример *хіра́ць* экспр. ‘жить’: *Пока му хіраемо шчэ, то і унукоў поможэм годоваці* (Тураўскі слоўнік 5, 238), которое в формальном плане является продолжением праслав. *xyrěti, фонетического варианта к *xvorě-ti. Туровский глагол *хіра́ць* прошел то же понятийное развитие, что и его генетический “родственник” *хворэ́ць*, в то время как соответствующий западнополесский (дрогичинский) глагол *хірыты* сохранил прежнее значение ‘долго болеть’¹¹.

Подобная модель понятийного развития (‘болеть, хиреть’

→ ‘существовать’) не унікальна для беларускага языковага ландшафта. Довольно компактный ареал ее распространения можно наблюдать на примере континуантов праслав. *тъдѣти (что, вероятно, является белорусско-русским праславянским диалектизмом, см. ЭССЯ 20, 205–206). Территория распространения блр. *мадзэць*, общая семантика которого определяется как ‘жить в тяжелых условиях, лишь бы как, горевать; хиреть, бесцельно существовать’ (ЭСБМ 6, 155), охватывает Восток современной Беларуси: восточная Витебщина, восточная Могилевщина (“*Аддзяліўся ад братоў, ну і мадзее патроху*” (Бялькевіч 257), окрестности Речицы, Лоевщина (“*Ужэ так буду мадэць, не пайду к урачу*” (Янкова 186), восточная Гомельщина (“*Дык вот і цяпер чалавек яшчэ мадзее*”¹²), откуда переходит на Брянщину (“*Ён эле мадее, сусім аслаб*”¹³) и Смоленщину. Два последних региона упоминаются в отношении распространения и рус. *модѣть* в значениях ‘однообразно, скучно жить; прозябать’, ‘существовать; быть, иметься’, которые, кстати, приводятся в СРНГ только в качестве 10-ой и 17-ой позиций — наиболее широкую же географию для рус. *модѣть*, в отличие от белорусского соответствия, обнаруживает значение ‘чахнуть, изнывать, хиреть (о человеке)’ (СРНГ 18, 197). Границы такого ареала распространения семантической модели ‘болеть, хиреть’ → ‘существовать’, видимо, можно отодвинуть еще далее в юго-восточном направлении, если учесть, например, орловский глагол *болѣть* ‘вылеживаться’: *гречиха болит* ‘вылеживается в поле’ (Опыт 13).

Близкое понятийное развитие имели и отинтеръекциональный белорусский (поставский) глагол *хакаць* ‘тяжело дышать’, (минский) ‘дышать; жить’: *Хакаю панямногу* (Слоўн. паўноч.-заход. Беларусі 5, 282) и диалектные глаголы *вэдляць*, *чвэндыты*.

Словообразовательной базой для белорусского (несвижского) *вэдляць* ‘еле жить’¹⁴ скорее всего послужил польский адъектив *więdły* ‘вялый (о растении и в переносном значении — о человеке)’, но в сравнении с соответствующим польским глаголом *więdnąć* ‘вянуть, хиреть’ семантика бел. диал. *вэдляць* испытала соответствующий сдвиг: *Вэдлее гэты стары на гэтым сьвеці, такі ўжо слабы*. То же можно сказать и о дрогичинском глаголе *чвэндыты* ‘дымить, коптить’; ‘еле жить, находиться на грани смерти’¹⁵, который, видимо, образовался в результате контаминации польск. *wędzić* ‘вялить в дыму’ и блр. *чадзіць* ‘дымить’. Польск. *wędzić* восходит к тому же праславянскому

корню (**vęd-*), что и *więdnąć*; в современном польском языке употребляется прежде всего в значении ‘сушить, вялить в дыму’: так же, как и его фонетическому варианту, ему известно значение ‘хиреть (sich ahhärmen)’: *Gdyby cię porzucił, wędziłabyś się niepotrzebnie. Zawsze się nad pisaniem wędzi* (Linde² VI(I), 248), — но не более того, значение ‘жить (хирея)’ ему, как кажется, не свойственно. Развитию значения ‘еле жить’ у дрогичинского *чвэндыты* мог также поспособствовать пример рус. *коптить* ‘испускать копоть, сажу’ и т. п./‘жить бесцельно’ (Даль³ II, 404).

Как видно, модель семантического развития ‘болеть, хиреть’ → ‘существовать’ является довольно продуктивной в белорусском языке. Наряду с ней в белорусских диалектах функционирует модель ‘шататься, едва держаться’ → ‘жить’, представленная, как минимум, двумя глаголами: *чапацца* и *ліпець*.

Блр. *чапацца* ‘жить как-нибудь, шевелиться’ (Носович 695), восходящее к праслав. *čapati, является, как кажется, прозрачной метафорой, логику которой прекрасно иллюстрируют примеры, приведенные И. И. Носовичем: ‘двигаться слабо’: *Тата чуць чапаецца. Расчапався после хворобы, пачав хадзіць*; ‘жить кое-как, шевелиться’: *Чапаемся по троху*. Подобное семантическое развитие свойственно также белорусскому *ліпець* ‘еле держаться’, ‘жить, не подавая надежд на силу, на продолжительную жизнь’ (ЭСБМ 5, 316), как и русскому *липéть* то же (СРНГ 17, 54).

Происхождение блр.-рус. *липѣти ‘еле держаться ~ едва жить’ связывается с гипотетическим праслав. (сев.-слав.) *lipěti — глаголом состояния, возникшим в результате чередования с *lьpnqti, *lěpiti (ЭССЯ 15, 121). Кроме такой надежной этимологии, заслуживает внимания и сопоставление блр. *ліпець* и лит. *klibėti* ‘шататься’, предложенное И. И. Лучицом-Федорцом в ЭСБМ (5, 316). Как кажется, такое сближение балтийских и славянских примеров станет более весомым, если предположить, что блр.-рус. *липѣти образовалось в результате фонетического упрощения сев.-слав. *xlipěti/*xlipati ‘шататься’ (*липѣти < *xlipěti). Однако в таком случае придется также признать, что *xlipěti ‘шататься’ является самостоятельным образованием, омонимичным по отношению к звукоподражательному *xlipati (блр. *хліпаць* ‘тихо плакать; всхлипывать’, болг. *хліпам* то же и др., см. ЭССЯ 8, 34–35), ср.:

бел.-рус. *хлип(т)эць* ‘о слабом и неровном горении’, ‘о слабом проявлении жизни’ (Добровольский 959–960)

лит. *klipti (klimpi)* ‘schlaff herabhängen’

лтш. *klipt (klipu < *klimpu)* ‘verkommen’, *saklipt* ‘krank, gefühllos werden, erstarren’ (Fraenkel 268)

н.-луж. *chlimpaś* ‘брякать, стучать’, ‘шататься, нетвердо стоять’ (Мука I, 486)

В отношении семантического развития (‘шататься’ → ‘жить’), которое претерпели **čarati* и **lipъti* в белорусском и русском языках, интересно заметить, что оно по существу повторяет семантическое развитие, которое прошел туровский глагол *хворэць* (за исключением одной “стадии” — ‘быть больным’), если, конечно, принять версию о происхождении праслав. **chvorěti* из **svar-* ‘шататься’ (ЭССЯ 8, 132):

*svar- ‘шататься’ → **xvorěti* ‘болеть’ → блр (туров.) *хворэць* ‘жить, существовать’

блр. *чапаць* ‘двигать, шатать’ (Байкоў-Некраш. 342) (туров. *чаккі* ‘шаткий, неустойчивый’ (Тураўскі слоўнік 5, 287)

→ блр. *чапацца* ‘жить как-нибудь, шевелиться’

бел. *ліпец* ‘еле держаться’

блр. *ліпец* ‘жить не подавая надежд на силу, на продолжительную жизнь’¹⁶

С учетом изложенных данных о составе белорусских ЛСГ ‘*vīvere*’ и ‘*habitāre*’ и продуктивных для них моделей семантического развития предложим этимологическую гипотезу для блр. *варняцца* ‘хиреть (о слабом человеке); еле жить, существовать, очень мало работая по слабому здоровью’, происхождение которого ввиду отсутствия иноязычных соответствий признается темным (ЭСБМ 2, 62). По нашему мнению, глусский глагол *варняцца*¹⁷ может быть родственным с лоевским *вярняцца*

‘говорить много и лишь бы что’ (Янкова 77), а также русским (донск.) *варнякать* ‘говорить невнятно’, (ряз., тул., курск., ворон., орл.), *варна́кать* ‘разговаривать о чем-либо незначительном, несерьезном, говорить вздор, болтать’: смол. *варна́кают на колядах* — ‘болтают во время коляд’ (СРНГ 4, 57, 56), которые в итоге восходят к праслав. **voriti* ‘говорить, ворчать, шуметь’. Корень **вор-* ‘говорить’, представленный в лоевском *вярня́каць*, являясь синонимом к блр. диал. *балта́ць* ‘болтать’, вероятно, принял на себя и другие значения последнего, в частности, ‘мотаться, болтаться’ (*боўтацца*), и в результате под влиянием продуктивной для белорусского языка семантической модели ‘шататься’ → ‘жить’ развил соответствующее значение. Иными словами, глусский глагол *варня́цца* ‘еле жить, существовать’ стал продуктом своего рода лексико-семантической контаминации:

лоев.	вост.-блр.	вост.-бел.	глус.
<i>вярня́каць</i>	<i>бовта́ць</i> ‘качать,	<i>ча́пацца</i>	<i>варня́цца</i>
‘болтать’	двигать’,	‘еле шевелиться’,	‘еле жить, суще-
	‘говорить	‘жить кое-как’	ствовать, очень
	бессмыслицу’		мало работая по
	(Носович 28)		слабому здоро-
			вью’

Таким образом, анализ семантической истории компонентов ЛСГ *жыць* ‘vīvere’ и *жыць* ‘habitāre’ показывает, что в белорусском языке достаточно активно функционируют модели понятийного развития ‘хиреть’ → ‘жить’ и ‘шататься, едва держаться’ → ‘жить’. Под их влиянием некоторые общеславянские (**čapati*), северославянские (**xvorěti*/**xvrěti*, **lipěti*) глаголы либо глаголы, образованные от заимствованных основ (*вэдляць*, *чвэ́ндыты*), получили в белорусских диалектах новое значение — именно ‘жить’.

В результате можно констатировать, что в состав лексико-семантических групп белорусских глаголов, объединенных вокруг понятий ‘vīvere’ и ‘habitāre’, входят понятийные образования четырех (возможно, пяти) лингво-исторических пластов:

	<i>'vīvere'</i>	<i>'habitāre'</i>
-індоеўрапейскі	жыць, быць	
(-балто-славянскі)	(ліпéць — неопрэделена)	
-восточно-славянскі		вадзіца
-руско-беларускі	мадзéць, ліпéць	
-беларускі	хворэць, хіраць, хакаць, вэдляць, чвэндыты, чапаца, варняца, (вільгóтываца, расава́ца, раява́ць, серадава́ць, ракава́ць, таўпóрыца, жаніхóўстваваць, хлапéчыць, хлатцава́ць)	

А такжэ наступныя заімаваньні:

-пазначнае: існава́ць;

-лексічныя: ст.-блр. *мешкати*, *мешкать*, *мяшкати*, ст.-блр. *обитати*.

В заключэньне дазволім сабе высказаць прадпаложэньне аб тым, што абумовіла прадуктыўнае функцыянаваньне такой мадэлі пазначнага разьвіцьця, як 'болеть, хиреть' → 'жить' у беларускім мове. Па нашаму мерэньню, прычынай гэтага паслужылі асабнасьці міравоззрэньня і агульнны характэр жыццёвай устанавкі, свайстvenaй беларусам, котрую, ісходзя з ізажытых мовевак фактаў, можна адрэдынаваць як даволна пессімістычскую. Сущнасьць гэтай устанавкі тачна выражае беларуская народная махсіма *Жыццё–біццё*. Сраваьне апошняй з такім пахожым (но толькы внасьне!) высказываньнем Сенека *Vivere est militāre!* 'Жыць значы сражацца', як кажацца, прадставаляе багадатны матэрыял для расуждэньняў аб асабнасьцях беларускага нацыянальнага менталітэта.

Примечания

¹ *Каспяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік / Пад рэд. М. Я. Байкава і праф. Б. І. Эпімаха-Шыпылы. Віцебск, 1927, 110.

² Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. А. М. Булыкі. Вып. 28. Мінск, 2008, 27, 492, 493. (Далее — ГСБМ).

³ *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). Москва, 1969, 186.

⁴ З народнага слоўніка / Пад рэд. А. А. Крывіцкага, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1975, 254.

⁵ ГСБМ 4, 79.

⁶ Ср. также ст.-рус. *водити пашию* ‘заниматься земледелием’ (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 252).

⁷ < *вільгота* ‘льгота, облегчение’ < *в-* (приставное) + *ильгота* (ЭСБМ 2, 140).

⁸ Ср. подобное *векавіць* досл. ‘жить век’.

⁹ *Анічэнка У. В.* Вопыт літаратурна-дыялектнага слоўніка беларускай мовы. Гомель, 1999, 144–145.

¹⁰ Повторимся, что глаголы, подобные названным и тем, которые будут рассматриваться ниже, можно только условно отнести к ЛСГ ‘жыць’, поскольку у них выразительно проявляются те или иные дополнительные семантические признаки; тем не менее их ядерной семой все же является ‘vīvere’ (а точнее ‘pass one’s life/проживать жизнь’, как в греч. βίωω, которому в рамках группы ‘vīvere’ противопоставляется ζάω ‘be alive/быть живым’), а значит, они заслуживают рассмотрения в связи с заявленной темой.

¹¹ *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. Москва, 1968, 72.

¹² Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны (Л–Н) // Беларуская мова. Вып. 5. Мінск, 1977, 124.

¹³ *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / Ред. Е. М. Романович. Мінск, 1973, 154.

¹⁴ Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1974, 40.

¹⁵ *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика..., 75.

¹⁶ Такое сравнение, в свою очередь, может служить дополнительным аргументом в пользу версии об изначальной связи праслав. *xvorěti с понятием ‘шататься’.

¹⁷ *Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік / Пад рэд. М. Р. Судніка. Мінск, 1959, 46.

Т. В. Шалаева

ПРАСЛАВ. *ПЛУТЬКЪЖЬ*

Продолжения праславянского прилагательного *плутькъжь зафиксированы в большинстве славянских языков со значениями 'неглубокий', 'плоский', 'тонкий': болг. *плутък* 'мелкий, неглубокий', сербохорв. *плутак* то же, словен. *plitek* то же, чешск. и словац. *plytký* то же, польск. *plytki* 'неглубокий, мелкий; плоский; острый', помор. *plītk'i* 'тонкий и плоский', чешск. литер. *plytký vrch* 'пологий холм', диал. *plétká střecha* 'низкая крыша'¹, полесск. *пльіткыј* 'пологий, некрутой' (Лексика Полесья, 15), карпат. *плуткий* 'мелкий, неглубокий', 'плоский' (Там же), рус. диал. *пльіткий* 'неглубокий, мелководный' (краснояр.) (Словарь Сибири 3, 258), 'плоский, тонкий' (зап.) (СРНГ 27, 169). О его происхождении не раз писали, но единого мнения так и не было найдено. А. Брюкнер и Ф. Миклошич связывают *плутькъжь с глаголом *plyti (Miklosich, 253; Brückner, 422) при первичной мотивации 'такой, который можно переплыть' (Brückner, там же). При прозрачности структурного родства с *plyti, семантическая часть этой версии кажется менее убедительной: неглубокое место в водоеме, скорее, может быть названо как то, которое можно перейти или переехать: ср. праслав. *brodъ 'мелкое место, переход через реку' (ЭССЯ 3, 36–37), *brodънъжь 'мелкий, такой, по которому ходят вброд' (ЭССЯ 3, 38) — родственные *bresti; сербохорв. *hōdan* 'доступный, проходимый', словен. *hōden* 'проходимый (о дороге)', н.-луж. *chōdny* 'удобопроходимый' (ЭССЯ 8, 53) — родственные *ходъ, *xoditi. Сомнения такого рода заставили ученых искать другие источники происхождения этого прилагательного.

А. Вайан считает, что первичной формой для *плутькъжь была *рлутькъ из и.-е. **pŕtu-* 'широкий, плоский' (ср. др.-инд. *prthūh* 'широкий, большой', греч. *πλατύς* 'широкий, плоский', лит. *platus* 'широкий, обширный, просторный'), которая затем вторично сблизилась с *plyti. Таким образом, изменение значения шло по направлению от 'широкий, плоский' к 'мелкий, неглубокий'².

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

Ж. Ж. Варбот принимает семантическую часть версии А. Вайана, но считает, что слав. **plyťkьjь* восходит к и.-е. **pl̥u-t-* из **pel̥-/pl̥-* ‘широкий, плоский’ (ср. лит. *plaūtas* ‘полók (в бане)’, лтш. *plai̯ksta* ‘ладонь’, лат. *plautus* ‘широкий, плоский’), и реконструирует последовательность семантических переходов как ‘широкий, плоский’ → ‘тонкий’ → ‘мелкий, неглубокий’³.

В. Борысь критикует обе версии и пишет о том, что восстанавливаемый А. Вайаном *l*-слоговой в литовском языке дает *-lo-*, а не *-la-*, а приводимые Ж. Ж. Варбот соответствия предполагают исходный *-j-*, а не имеющийся *-j̥-*⁴, на что, правда, она сама обращает внимание⁵.

Таким образом, с точки зрения структуры, наиболее вероятным остается родство **plyťkьjь* с **plyti*. Думаю, что русский диалектный материал предоставляет и надежные доказательства этой связи. Дело в том, что в русских говорах слова, родственные **plyti*, развивают значение ‘ровный, гладкий’ (ср. урал. *сплавлять* ‘выравнивать, сглаживать’ (СРНГ 40, 156), арх. *плавный* ‘ровный, гладкий’ (СРНГ 27, 69)). Это значение возникло, по-видимому, из ‘беспрепятственное, недискретное движение’, которое появилось у производных глагола *плыть* на основе значения ‘ровное, поступательное движение по поверхности воды’. Ср. рус. литер. *плыть* ‘плавно двигаться, перемещаться в определенном направлении; идти плавной походкой’ (ССРЛЯ 9, 1463–1466), *плавный* ‘совершаемый легко и ровно, без резких и крутых изменений (о движении)’ (ССРЛЯ 9, 1288–1289), диал. сиб., иркут. *плавкий* ‘имеющий плавный, размеренный ход, не тряский при езде’ (СРНГ 27, 69) (арх. *плавкий конь*, *плавкая лошадь* (Там же)), якут. *плавко* ‘хорошо, легко (о хорошем скольжении полозьев)’ (Словарь Сибири 3, 242). Производными от семантики ‘ровный, гладкий’, вероятно, являются значения ‘плоский, пологий’, а затем — ‘тонкий’: ср. диал. смол. *плавкая крыша* ‘пологая крыша’ (СРНГ 27, 69), арх. *плавкой топор* ‘острый, хорошо отточенный топор’ (СРНГ 27, 69) (то есть тонкий, плоский). Ср. приводимые выше чешск. диал. *plétká střecha* ‘низкая крыша’ и польск. *plytki* ‘плоский; острый’.

Итак, весьма вероятно, что русские говоры сохранили не зафиксированную в других языках семантическую ступень ‘ровный, гладкий’, которая позволяет беспрепятственно связать **plyťkьjь* с **plyti*, и предлагаемая А. Вайаном и Ж. Ж. Варбот семантическая деривация ‘мелкий, неглубокий’ из ‘плоский, тонкий’ оказывается применимой и внутри гнезда этого глагола. Более того,

приведенные русские лексемы с корнем *плав-* (*плáвкая крыша*, *плавкóй топор*) подтверждают связь прилагательного *plytkъjъ с *plyti и с точки зрения структуры, поскольку это лексемы с другим вариантом корня в пределах того же этимологического гнезда, но с тем же значением. Аналогичные формы наблюдаем и в полесских говорах, где зафиксированы слова *плáвкыj* ‘пологий’ (Лексика Полесья, 57), *плáвко* ‘полого’ (Там же).

По-видимому, дериватом *plytkъjъ можно считать рус. литер. *плутонос* ‘птица семейства утиных; широконоска’ (ССРЛЯ 9, 1461), с многочисленными диалектными вариантами: *плúтень* (Даль) (СРНГ 27, 166), перм. *плутконóс* (Там же), арх. *плутонóска* (СРНГ 27, 167), арх. *плотонóска* (СРНГ 27, 155). Сергей Аксаков в «Записках ружейного охотника» пишет об этой птице следующее: «Широконоски называются также плутоносами. Первое название по праву и бесспорно принадлежит этой утиной породе: нос ее обыкновенно к концу широк и похож на округленное весло; второе же имя дано ей неизвестно на каком основании» (цит. по (ССРЛЯ 9, 1461)). Кажется, теперь можно объяснить это именование: по-видимому, название птицы мотивировано формой ее клюва, широкого, а главное — плоского, иначе — плиткого.

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1976. М., 1978, 274–275.

² Цит. по: Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии..., 276; Boryś W. Z historii prasłowiańskich przymiotnikowych tematów na -u-: Oboczność *plytvъ: *plytvъ: *plytkъ // Studia z językoznawstwa słowiańskiego: Prace Instytutu filologii słowiańskiej UJ. Nr 14. Kraków, 1995, 37.

³ Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии..., 276–277.

⁴ Boryś W. Z historii prasłowiańskich przymiotnikowych tematów na -u-..., 37.

⁵ Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии..., 277.

А. К. Шапошников

**ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ
ФРАКИЙСКОГО ОБЛИКА
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ***

Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье замечены давно (см. публикации Д. Дечева¹, В. Н. Топорова², О. Н. Трубачева³, В. П. Шмида⁴, Г. Шрамма⁵, В. П. Яйленко⁶). По моим данным сейчас количество языковых реликтов фракийского, раннего прабалтийского и праславянского вида превышает 300 единиц разной степени вероятности. Целью данной работы было провести своеобразную инвентаризацию данного реликтового языкового материала для дальнейшего его осмысления. В частности, в ряде случаев удастся предложить новые этимологические решения.

В различных изданиях и публикациях приводятся такие примеры фракийских языковых реликтов из Северного Причерноморья, Приазовья и Западного Кавказа:

- *aba- 'некий термин родства': скиф. ИС "Ἀβανι Φαρνιάκου (КБН № 941, с. 846) ~ фрак. *aba- (Detschew 1);
- *abro- 'изнеженный' (?): скиф. ИС с начальным Ἀβρο- (Ἀβρίσκος, Ἀβρόζεος, Ἀρίστωνος, Ἀβρομάχη ἀδελεφή Δώρωνος) (КБН № 999, 1279, 148; с. 846) ~ фрак. *abro- (Detschew 2–3);
- *ada- 'некий термин родства': скиф. ИС "Ἄδα, Ἄδας (КБН № 650, 744, с. 846) ~ фрак. *ada- (Detschew 6);
- *aksi-ak- 'чёрный': скиф. топоним, этноним *Axiacae, Axiaces*, Ἀξιακου, *Axicos* — некогда *Maurocastro*, ныне *Очаков* (?) (Mela, Plin., Ptol.) ~ фрак. αξι-, αξιο-, αξιου-, *axiu-* 'чёрный', теонимы Ἀξίερος, Ἀξιοκερσα, Ἀξιόκερσος, гидронимы Ἀξιόπα 'Чёрная вода' и Ἄξιος, Ἀξιός 'Чёрная река, Вардар', топоним Ἀξιούπολις, *Axiupolis* (Detschew 18) — из и.-е. *nksjo- 'чёрный', ср. др.-перс. *aχšaena-* 'иссиня-чёрный';
- *aldis, -ios 'ладья' (?): скиф. ИС "Ἄλδιος ὑιοῦ Φιάτακος (КБН № 299, с. 849) ~ фрак. *aldanes (Detschew 11), лит. *aldijà, eldijà* 'челн, однодеревка', ИС *Valdis*, праслав. *oldi, *oldbja (ЭССЯ

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

- 32, 53–54);
- *aliza ‘ольха’, *aliz-ōn- ‘ольховый’: скиф. этноним Ἀλιζόνες, Ἀλιζώνες ἄλλο ἔθνος (Herodot.) предпочтительней толковать из и.-е. *alisōn- ‘ольховый’ (ср. др.-макед. ἀλιζα· ἡ λεύκη τῶν δένδρων ‘белый тополь’ (< *olisa), праслав. *elъxa / *olъxa (< *elisa / *olisa) (ЭССЯ 6, 23–24). Между прочим, и др.-рус. МН **Ольшьє**, **Влешьн** (1084, 1377, 1425), **Влешьк** (1153), **Олешьа** (1227), **Влешьє** (1160), **Олшіи**, **Олешескъ** (XVI в.) трактуется как производное на -ъje от праслав. *olъxa, *jelъxa⁷. Ализоны обитали как раз в той области. Ср. мифологему происхождения рода людского от дриад Мелий ‘ясеновых’: сын Мелии Океаниды, Фороней ‘ольховый’, стал родоначальником многих народов.
- *alla- < **alia- ‘иной, другой, чуждый’: скиф. гибридное ИС Ἀλλάξαρθος Θεοφάνεος (КБН № 931, с. 849) ~ фрак. αλλος, αλλου- (Detschew 12);
- *alma ‘река ильмов, вязов’ или ‘(река) кормилица; дух реки’: скиф. ИС Ἀλμ... (КБН № 1099, с. 849); река в Таврике *Альма* ~ фрак. *almos (Detschew 13), город на реке Лом *Almus* (Iord. get. 226; IA 219; TP 7, 5; ND or. 42, 10, 19), Ἄλμος (Proc. Aedd. IV 6, 26), если первично название города, то вероятно возведение к и.-е. *ulmos, *uelmos, *uolmus ‘ильм, вяз’, ср. МН *Брестъ*, *Брестовете*, *Брестакъ* в окрестностях р. Лом⁸, если первичен все-таки гидроним, лучше толковать на базе и.-е. *alm- ‘кормящий, питательный, живительный’ (Pokorny I, 27), ср. греч. ἄλμα, φυτ-άλμιος — эпитеты Зевса и Посейдона как питателей растений, лат. *almus* ‘питательный, питающий, живительный’, тох. А *ālym* ‘жизнь, дух’, ὄρος τι Ἀλμάν, *Almas*, *Almus mons* — гора (ныне Friška Gora), *Almā* — город в Паннонии, *Almāna* — город в Македонии, *Almō* — река в Лации, река *Alma*, *Yealm* в Британии, нидерл. гидроним *Alm*, лит. гидронимы *Almė*, *Almaja*;
- *almia ‘город ильмов, вязов’: город на сев.-западной Кавказской гряде Ἀλμία (Ptol.) — если первично название города, то вероятно возведение к и.-е. *ulmos, *uelmos, *uolmus ‘ильм, вяз’, ср. МН *Брестъ*, *Брестовете*, *Брестакъ* в окрестностях р. Лом⁸, ср. лит. гидронимы *Almė*, *Almaja*;
- *aluonta- ‘питающая, кормящая, живительная’: река на северном Кавказе Ἀλόντας — и.-е. *aluent- ‘питающий, живительный’ (Pokorny I, 26), ср. лит. гидронимы *Alunte*, *Aluntele*, а также *Aluntium* — город в Сицилии;

- *alustom, *alustiom ‘обильное питьевой водой’: город в Южнобережной Таврике Ἀλουστον, Ἀλουστιος, *Lusta, Aluschta* из и.-е. **al-ust-* (суф. *-ost-* / *-est-*?) ‘питающее, живительное’ (Pokorny I, 26–27);
- *amma ‘некий термин родства’ (?): скиф. ИС Ἄμμα (КБН № 337, с. 849) ~ фрак. **amma-*, **ammo-* (Detschew 14–15), иллир. ИС *Amma* (Brigetio) (Mayer. Illyr. I, 42);
- *ammia ‘некий термин родства’ (?): скиф. ИС Ἀμμία Ψυχαρίωνος, Ἄμμιον Ὀρόντου (КБН № 300, 338, 265, 266, с. 849) ~ фрак. **amma-*, **ammo-* (Detschew 14–15), иллир. ИС *Amma* (Brigetio) (Mayer Illyr. I, 42);
- *an- ‘вверх, навверх’: скиф. ИС Ἀντάλκης Σινδόκου (КБН № 1137, 1188, с. 850) ~ фрак. *an(a)-*, *ana-draimos*, *ana-samus*, *an-bos*, *an-drabys*, *an-thienos* (Detschew 17), ср. греч. ἀνά, ἄνω;
- *an-apos ‘верховье реки’: топоним *Анапа* лучше объяснять из и.-е. диал. *anap-os (Pokorny I, 51), ср. др.-греч. Ἀναπος, Ἀναπῶ река в Акарнании, приток Ахелоя; река в Сицилии к югу от Сиракуз (Mayer Illyr. I, 42), Ἄπος река в Дакии;
- *ana-xarsis ‘очень толстый’ или ‘нехороший’ (?): скиф. ИС м. р. Ἀνάχαρσις (Herod.) имеет в своем составе преф. и то ли корень праслав. **xorost’jь* ‘хороший’, то ли сармат. *хорз* [хорж] ‘добро, благо’, ‘хороший’, ‘хорошо’⁹, то ли хетт. *harsi* — ‘dick, толстый’¹⁰;
- *ant- ‘противник; супротивный, противоположный’: скиф. ИС Ἄντας Παπίου (КБН № 36, с. 850) ~ фрак. *anti-* (Detschew 18), иллир. **anti-* (Mayer Illyr. I, 47–48);
- *an-talk- ‘(вверх) толкающий’: скиф. ИС Ἀντάλκης Σινδόκου (КБН № 1137, с. 850) ~ фрак. *ana-draimos*, *ana-samus*, *an-bos*, *an-drabys*, *an-thienos* (Detschew 17);
- *ара ‘вода’: в составе гидронимов *Анапа*, *Дуна*, *Луна*, *Sibirapra* ~ фрак. *apa*, *epa*, *opa* ‘вода, река’, Ἄπος — река в Дакии (Detschew 19), др.-прусс. *ape*, восходят к и.-е. **ap-*, ср. др.-инд. падежные формы *ārah*, *arāh*, *arām* ‘Wasser’ (Pokorny I, 51);
- *arfē ‘термин родства’ (?): скиф. ИС Ἄρφη Ἀθηναίου (КБН № 164, 1086, с. 853) ~ фрак. арфя, аффа (Detschew 20);
- *арфия ‘термин родства’ (?): скиф. ИС Ἄρφια Παιρεισάλου (КБН № 1022, с. 853) ~ фрак. арфия, афия, арфияс, аффияс (Detschew 20);
- *арфю(t)- ‘термин родства’ (?): ИС Ἄρφους, Ἄρφου ὕ. Βίων, Ἄρφου Χαρίξενος, Ἄρφούτος (КБН № 370, 537, 656, с. 853) ~ фрак. арфос, аффос, арфюс, аффюс, афюс (Detschew 20);

- *argathos ‘неизреченный’ (?): скиф. ИС Ἄραθος Πάππου, Ἀράθου ὕ. Νεϊκόστρατος, Ἀραθῆς Φιδάνοι, Αραθι..., Ἄρατος φιλάγαθος, Ἀράτου ὕα (КБН № 93, 97, 1277, 1278, 1282, с. 853) ~ фрак. ИС Ἄρατος (Detschew 21);
- *aratos ‘достойный проклятия’ (тождественно др.-греч. ἀρατός, ἀρητός ‘проклятый, достойный проклятия, ненавистный, ужасный?’): скиф. ИС Ἄρατος (КБН № 93, с. 853) ~ фрак. ИС Ἄρατος (Detschew 21);
- **arel-* ‘текучая вода?’: гидроним *Арель Ерель Орель* — суф. произв. от и.-е. корня **ar-* ‘течь’, ‘текучая вода’¹¹; тюрк. этимология сомнительна¹²;
- **argē-* ‘яростный баран (?)’: скиф. ИС Ἄρης, Ἀρεως (КБН № 257, с. 853) — фрак. ἀρηπίρος (Detschew 24);
- *argaios ‘сияющий, блестящий, серебристый’: скиф. ИС Ἀργαῖος (КБН № 916, с. 853) ~ фрак. ИС Ἀργαῖος (Detschew 22); один миф рассказывает о Зевсе, который, победив стоглавого дракона Тифона, закопал его в земле аримов (ἄριμοι), под огнедышащей горой Ἀργαῖος, что в Каппадокии (Иллиада);
- *argotas ‘рогатый’: скиф. ИС Ἀργότας, Ἀργόδας, Ἀργόδα ὕ. Σαίριφανος (КБН № 510, с. 853) ~ лит. *ragūotas* ‘рогатый’, праслав. *orgatъ / *rogatъ, ср. *dulas ‘безрогий’, также представленное в северо-причерноморской ономастике и реликтах;
- **argiia-reiθ-eu-* ‘повинующийся определению оракула’: скиф. царское имя Ἀριαπίθεος, Ἀριαπίθει, Ἀριαπίθης (Herod. IV, 76, 78) ~ фрак. ИС Ἀρειβαλος, Ἀρία (Detschew 23–24), сложение аналога хетт. *ariija-* ‘узнавать, выяснять, определять посредством прорицания’ и прич. прош. вр. сврш. от др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσω, πείσομαι ‘убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться’, ср. лат. *fido, fisus sum, fidere* ‘верить, доверять, полагаться’, праслав. *bēditi, *u-bēdjati, рус. *убедить, убеждать*. См. **sparga-reiθ-eu-*;
- **argima-srou-* ‘одноглазый’ (?): племена в Скифии Ἀριμαστοί, Ἀριμαφοί, скиф. глоссы *arima ‘один’ и *srou ‘глаз’ (ср. корень лат. *spe-c-o* ‘смотрю’) (Геродот); но лит. *eĩmas* ‘чудовище’, лтш. *eĩms* ‘обезьяна, диво’ при этрусск. *arimos* ‘обезьяна’¹³, ср. племя *аримов* (αριμοι), под огнедышащей горой Ἀργαῖος, что в Каппадокии (Иллиада);
- **agi(n)chi-* ‘(копающие) колодцы’ (?): три племени Таврики *Sinchi, Napaei, Ari[n]chi* (Amm. Marc. XXII, 33) ~ фрак. ΜΗ Ἀρινα

- крепость между городами Одессос (Варна) и Никополис (Никюп) (Detschew 25), можно предложить этимологию на базе хетт. **arinna-* ‘колодец’, оформленного показателем объекта действия *-h(h)i* или показателем названий женских существ *-h¹⁴*;
- *agri-* ‘пахари’ или ‘имеющие серп’ (?): город близ устьев Дуная Ἀρπιδ πόλις, *Harpis polis* ~ племя на реке Серетос. Ἀρπιδιοι (потомки Арпоксая?) (Detschew 26), можно истолковать как аналог праслав. **sърръ* ‘серп’, или как уникальное производное с суф. *-p-* от и.-е глаг. **ar(ə)-* ‘пахать’, инодиал. **arə-trom* ‘орудие для вспашки земли’ (Pokorny I, 62), ср. лит. *árti* ‘ackern, pflüger’, *árklas* ‘Pflug’ (Fraenkel, 17);
- *agro-ksai-* ‘владыка, обладатель плуга, рала’ (?): ИС одного из родоначальников скифских племен Ἀρτοξάις можно истолковать как сложение с соединительным *-o-* уникального производного с суф. *-p-* от и.-е **ar(ə)-* ‘пахать’, инодиал. **arə-trom* ‘орудие для вспашки земли’ (Pokorny I, 62), ср. лит. *árti* ‘ackern, pflüger, орать, пахать’, *árklas* ‘Pflug, плуг’, праслав. **ordlo* ‘рало’ (Fraenkel, 17; ЭССЯ 32, 141–145); вторая составляющая *-ksai-*, продолжает трудно отделимые друг от друга и.-е. **k'pei-* ‘siedeln, sich ansiedeln, eine Niederlassung grunden’ (ср. др.-инд. *kṣēti*, *ksiyāti* ~ авест. *šaēiti*; др.-инд. *kṣiti-* ~ авест. *šiti-* ~ др.-греч. κτίσις; др.-инд. *kṣētra-* ~ авест. *šōiθra-*; др.-инд. *kṣēma-* ~ арм. *šen* ~ др.-греч. κτοίνα) и **kḫē[i]-*, **kḫə[i]-* ‘erwerben, Verfügung und Gewalt worüber bekommen’ (ср. др.-инд. *kṣáyati* ~ авест. *xšáyati* ~ др.-греч. κτάομαι, авест. *xšayō* ‘Macht’, др.-греч. κτεῖαρ, κτήμα) (Pokorny I, 626). Ср. аналогичное образование с предполагаемым суф. орудий *-po-* в **li-po-*;
- *arthri-man-* ‘жрец, совершающий жертвоприношения огню’ (?): скиф. ИС Ἀρθριεμναος (Пантикапей) из **athri-eman-?* скиф. адаптация (метатеза *-rθ-* < *-thr-*) индоар. аналога др.-инд. *áthravan* ‘жрец, совершающий обряды, связанные с огнем’;
- *artaka-* ‘медведь’: Место в Скифии (Таврике) Ψευδαρτάκη в Партеинтах (Stephan. Gramm.), совр. Артек ~ город пеласгов в Гелеспонте Ἀρτάκη, город и гора на Кизикском п-ове Ἀρτάκη, *Artace*, фракийское племя близ Никополя на Истре Ἀρτάκιοι, *Ἀρτακοί; источник в стране Лестригонов Ἀρτακίη) принято возводить к и.-е. корню **r(k)to/rtko-/rteko-* ‘медведь’. Но по сути дела, эти следы греческой колонизации имеют очевидные анатолийские аналоги *ḫartagga-* ‘хищный зверь, м. б., медведь’¹⁵;

- **арха-* ‘идушие впереди, предшествующие’ (?): МН *Σατάρχη* (Ptol.) этноним *Satarcheas Spalaeas* (Mela, Plin.) ~ фрак. **ark-*, **arko-* (Detschew 25). М. б., метатеза в «скифском» духе *арха < *akra ‘знамя’;
- **архаθιο-* (?): скиф. ИС Ἀρχάθιος, Ἀρχαθίου ὕ. Ἰζιακος (КБН № 1287, с. 855);
- *askutos (?): таврич. МН *Искют, Ускют, Ускут* ~ фрак. МН *Ασκύτος, Ασκυτάλης* (Detschew 31);
- **assa-* (?): скиф. ИС Ἄσσα... Διονυσίου (КБН № 964, с. 856) — фрак. Ἄσσα (Detschew 31);
- **au-* ‘у’: в составе скиф. ИС Αὔσας ὕ. Βόλας, Αὔσας Ἀμαιάκου (КБН № 1280, 1287, с. 856) ~ фрак. *au-* (Detschew 34–39), лит. *au-liñkt*, лтш. *au-manis*, ст.-слав. *у*, рус. *у*, др.-инд. *ана*, авест. *ана* ‘вниз, прочь’, лат. *au-fero, au-fugio*, др.-греч. глосса *αὐχάττειν* *ἀναχωρεῖν, ἀναχάζεσθαι, χάζομαι, χάσομαι, ἐχασάμην* ‘уходить, отступать’, др.-ирл. *ó, úo* ‘от, прочь’ — все из и.-е. *au ‘у, около’;
- **au-χат-* ‘ушедшие странствовать, удалившиеся прочь’: от Липоксая (Λιποξάιος), как говорят, произошел скифский род (τῶν Σκυθῶν γένος), называемый авхатами (Αὐχάται) — этноним, переоформленный греч. суф. убедительно толкуется на основе др.-греч. глоссы *αὐχάττειν* *ἀναχωρεῖν, ἀναχάζεσθαι, χάζομαι, χάσομαι, ἐχασάμην* ‘уходить, отступать’, *χат-* можно толковать на базе и.-е. **g^hatu-*, ср. рус. *готов, уход, уходить*;
- *aulos: боспорск. ИС Ἀὔλος Συτέσιος ἐνπικρός (КБН № 655, с. 857) ~ фрак. ИС Ἀὔλος, *Aulus* (Туркмышли, Чирпан) (Detschew 35) — рефлекс и.-е. **əlu-*: **əul-* ‘продолговатая полость’, ср. лит. *aulys*, лтш. *aulis* ‘вид улья’, ст.-слав. *улинь* ‘углубление в дереве’ и, может быть, литов. *olė (uolė)* ‘пещера’, др.-инд. *vala-* ‘пещера’, далее хетт. *hallu* ‘глубокий’, лат. *alvus* ‘полость, углубление’, др.-греч. *αὐλός* ‘продолговатая полость’, тох. Б *aulon*;
- *aulu-poris ‘сын Аполлона-авлета’: боспорск. ИС Ἀουλοπόριος ὕ. Βασιλείδης, Ἀυλούπορις (КБН № 878, с. 857) ~ фрак. Ἀουλοπορις, *Auluporis* (Detschew 37)¹⁶ — сложение рефлекса и.-е. **əlu-*: **əul-* ‘продолговатая полость’ и фрак. *poris ‘сын’, ср. лит. *aulys*, лтш. *aulis* ‘вид улья’, ст.-слав. *улинь* ‘углубление в дереве’ и, может быть, литов. *olė (uolė)* ‘пещера’, др.-инд. *vala-* ‘пещера’, далее хетт. *hallu* ‘глубокий’, лат. *alvus* ‘полость, углубление’, др.-греч. *αὐλός* ‘продолговатая полость’, тох. Б *aulon*; ср. лат. *puer, -eris* ‘мальчик’;
- *aulu-zelmes или *aulu-zelmis ‘змей Аполлона-авлета’: боспорск.

- ИС Ἀυλουζέλις, Ἀυλουζέλις Δαλαζέλιου, Ἀύλουζέλις (КБН № 586, 587, с. 857) ~ фрак. двусоставные ИС на *Αυλο-*, *Αυλου-*, *Αβλου-*, *Αλλου-*, *Αυλου-* *Αυλουζέλις*, *Αβλουζέλις* (Detschew 35–36) — сложение рефлекса и.-е. **alw-*: **aul-* ‘продолговатая полость’ и фрак. *zelmis* ‘змея, священная змея’ (Detschew 181), ср. лит. *aulys*, лтш. *aulis* ‘вид улья’, ст.-слав. *҃глинь* ‘углубление в дереве’ и, может быть, лит. *olė (uolė)* ‘пещера’, др.-инд. *vala-* ‘пещера’, далее хетт. *hallu* ‘глубокий’, лат. *alvus* ‘полость, углубление’, др.-греч. *αυλός* ‘продолговатая полость’, тох. Б *aulon*;
- *auθi-andai ‘жители пустынного поля’: племя на Северном Кавказе *Authiandae* (Plin.) ~ фрак. топоним *Αυθιπάρου castellum* в провинции Гемимонт (Detschew 34) — из и.-е. диал. **aut[h]ios* ‘отдаленный, пустынный, необитаемый’, ср. греч. *αὔσιος*, *αὔθι* ‘тот же самый’, гот. *aurja-*, *aur̥eis*, *aur̥s* ‘пустынный, необитаемый’ (Рокорну I, 74); вторая часть сложения — и.-е. **andh-* ‘поле’, ср. арм. *and* ‘поле’ (Рокорну I, 40–41);
- *auinda ‘обитель, место жительства’: гора на южном берегу Таврики *Авинда* ~ иллир. (венет.?) МН *Avendo* ‘Wohnort’ (Mayer. Illug. I, 71; II, 123);
- *auunda ‘вода’: реликтовый гидроним Таврики река *Авунда*, *Аунда-Узень* ~ др.-прусс. *wundan*, *unds*, лит. *vanduō, -eĩs*, жем. *unduo*, лтш. *ūdens* ‘вода’, лат. *unda* ‘волна, влага’ из и.-е. **auṇd-*, *aud-*, *ud-*, варианта с носовым инфиксом *au-n-da ‘вода’ (Рокорну I, 78–79) или иллир. (венет.?) МН *Avendo* ‘Wohnort’ (Mayer. Illug. I, 71; II, 123);
- **bab-* ‘дед’ или ‘боб’: скиф. ИС *Βάβας*, *Βάβης*, *Βάβος* *Βαιοράσπου*, *Βάβα* ὁ. *Ἀπελλικῶν*, *Βάβου* ὁ. *Βοράσπου* (КБН № 1137, 1245, с. 857) ~ фрак. ИС *Βάβας* (Detschew 40) — из и.-е. термина родства *baba, ср. праслав. *baba (ЭССЯ 1, 105–108), лит. *bóba*, лтш. *bāba* ‘старуха, баба’ или сущ. *bhabhā* ‘боб’, ср. праслав. *bobъ, др.-прусс. *babo* (ЭССЯ 2, 148–149);
- *banas (?): скиф. ИС *Βάνας* *Δημητρίου* (КБН № 36, с. 858) ~ фрак. *Βάνες* — крепость в Дакии Срадиземной (Detschew 42);
- *bassaros ‘вид одояния’: скиф. ИС *Βάσσαρος*, *Βασσάρου* ὁ. *Κάρπος* (КБН № 737, с. 858) ~ фрак. *Βασσάροι*, *βασσара*, *Βασσαρις*, *Βάσσαροι* (Detschew 44);
- *bassos (?): скиф. ИС *Βάσσος* *Βάσσου* (КБН № 1278, с. 858) ~ фрак. *Βάσσος*, *Βασσοῦς* (Detschew 44);
- *basta, *bastas, *bastos ‘связанный’: скиф. ИС *Βάστας*, *Βάστα* γ. *Καλλισθενία* (КБН № 437, с. 858) ~ фрак. *Βαστας*, *Βαστος* (Detschew 45);

- *bastakas ‘потомок связанного (раба)’: скиф. ИС Βαστάκας Σμόρδο, Βαστάκου ύ. Δημόστρατος (КБН № 171, 753, 1262, с. 858) ~ фрак. ИС Βαστάκος, Βαστακίλας, Βαστακεΐλας (Detschew 45);
- *bendis ‘вязка’: скиф. ИС Βενδῖς, Βενζῖς Μοκαπόριος (КБН № 663, с. 858) ~ фрак. сложные имена с βενδι-, Βενδιδώρα, Βενδιδώρος, Βενδιζέτα, Βενδιπαρων, Βενδιφάνης, Βενδῖς, Βένδης (Detschew 49–51) < и.-е. *bendis ‘вязка’;
- *bio-masos (?): скиф. ИС Βιομάσος, Βιομάσου ύ. Ζοτουμάς (КБН № 900, с. 858) ~ фрак. *Beodizos* и второй компонент двусложных имен μας, μασης, μαζος (Detschew 51, 290);
- **bist-* ‘верный’ (?): скиф. ИС Βίστης Ποσιδωνίου, Βίστειος (КБН № 760, 298, с. 858) ~ фрак. βειστας, βιστας, πιστός (Detschew 48, 71);
- *bithus, -uos ‘сосна’, ‘битва’ или ‘Пейто (богиня убеждения Πειθώ, -οῦς)’ (?): скиф. ИС Βείθυς, Βίθυς ύ. Δίζας (КБН № 900, с. 858) ~ фрак. Βειθυς, βειθυ-, βιθυ-, Βίθυος τοῦ Ἄρεος, *bithus*, *Bithys* ‘сосна, pithys’, Βιθύαι· ἔθνος Θράκης ἀπὸ Βίθυος τοῦ Ἄρεος καὶ Σήτης τῆς Ρήσου ἀδελφῆς (Detschew 47, 62, 66), ср. груз. *bičvinta* ‘сосна’, заимствование из и.-е. языков;
- *blepsos ‘тот, на которого взглянули, которого увидели’: ИС Βλέψος Горγίου (КБН № 1137, с. 859) ~ фрак. вторая часть двусложных ИС βλεπτης (Detschew 73);
- *bōgos ‘желанный’, ‘жгучий’ или ‘бог’ (?): в составе боспорск. ИС Θιάβωγος Θαλάμου, Θιάβωγος Σιωμάχου (КБН № 1003, 1287, с. 858), боспорск. топоним *Bogosz* (Santini 1776) ~ фрак. θια-, θιας, θιης, Θιαγόλα, Θιουλπος (Detschew 203), ср. праслав. *bagati, *bažati и *bogъ (ЭССЯ 1, 172–173; 2, 161–163), др.-греч. φώγω ‘жарить’;
- **bor-* (?): в составе скиф. ИС Νιβλόβωρος (КБН № 1245, 1251, 1282, с. 887) ~ фрак. Βορ-, Βοур-, -βορας, -*bora*, -βορις, -*boris*, Βοραΐδης, Βορβρεγα (Detschew 75) — из праслав. *borъ I ‘сосна, pinus’ или *borъ II ‘выбор, отбор’ (ЭССЯ 2, 216–218);
- *bostas (?): скиф. ИС Βοστάγων, Βόστακος Θυνοῦ Μασταροῦ, Βοστάκων, Βόστακωνος γ. Χοΐδρα (КБН № 638, 929, 934, 645, с. 859) ~ фрак. Βόστας, Βόστα κέ Δοκίων (Detschew 76);
- *boteis (?): боспорск. ИС Βότεις, Βότειος ύ. Φιλόμελος (КБН № 371, с. 859) ~ фрак. Βόττες (Detschew 76);
- **boudin-* (?): скиф. этноним и этникон Βουδῖνοι δέ, ἔθνος ἐὼν μέγα καὶ πολλόν, Βουδίνων, Βουδίνος (Herod. IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136), *Budini* (Mela, Plin.) — все предлагаемые этимологии, к сожалению, лишены необходи-

- мой и достаточной ономазиологической аргументации;
- **boug-* ‘изгиб, топкое место в излучине реки’: МН *Vuces* (Mela), *Vuces coreto Maeotis* (Plin.), м.б., имеющий все признаки тюркизма гидроним Бай-Буга в Феодосии — вторая основа продолжает и.-е. **bheug(h)-* / **bhoug(h)-* ‘гнуть, изгибать’, ‘изгиб’; ср. вост.-слав. *Боугъ, Богъ, Бугъ*, польск. *Voh*. Примечательно то, что значения праслав. *buga ‘сырое, топкое место, затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник’ (ЭССЯ 3, 78) и лтш. *bauga* ‘топкое место у реки, плохая заболоченная почва’¹⁷ также весьма подходят для описания феодосийской речки. Возможно, **buga-* является диал. (сарматским или туранским?) вариантом праиран. **bauga-* ‘изгиб’, производного от гл. **baug-/bauj-*, **bug-/buj-* ‘гнуть, сгибаться’, ср. внешнюю форму и ударение др.-инд. *bhogá-* ‘извилина, изгиб’ (Эдельман-Расторгуева II, 480). Арийские, туранские и сарматские слова продолжают и.-е. праформу **b(h)oug(h) a-* ‘изгиб’.
- **boulo-* ‘нечто округлое, вздутие, шар’ (?): скиф. ИС Βουλαστῆς Βουλίας, Βουλίο (КБН № 872, 205, с. 859) ~ фрак. Βουλογαίσις, βουλα-, βουλο-, βυλ- (Detschew 79) — ср. праслав. *bula, *bulo (ЭССЯ 3, 92–93);
- *bout-as, -ū-ia ‘шишка, надутость’ или ‘озёрный тростник-камыш’: гидроним *Бутывя*, в. Днестр ~ фрак. Βούτας, Βούτης, Βουτεις, Βουτάρας, Βουτερίες, Βούττις (Detschew 83–84) — из и.-е. *bhūto-*, *bhūto-* ‘дом, хижина’, лит. *būtas* ‘дом’ или **bheut-* / **bhout-* ‘надуваться’? ср. ЭССЯ 3, 101–102, 103;
- *čauida ‘падина’: пятый порт после Воспро, Чавида — *zauida* (LIV, LVIII), *zauida* (LV, LXIV, LXV), *čauida* (LX), *zauida* (LIX), *cauida* (LXII), *čauidi* (LXVIII, LXIX), отождествляется с заливом, ограниченным с юга плоским мысом с высокими обрывами (со скальными прослойками), ныне Чауда. ~ фрак. МН и этноним Γζοΐδης, Γζοΐδος, Γζυειδών, Γζώϊδα (Haemimontus) или Σάυαδα, Σαυᾶδαι, Σαῦδοι (Aphrodosiada, Cardia, Aenos) (Detschew 427, 498) — тюркская этимология совершенно небедительна. Я бы предложил толковать реликтовую проформу *keuīdha ‘впадина, ложбина, углубление, водоем’ на базе и.-е. **keu-* / **kou-* ‘выгибать, изгибать(ся)’ (Pokorny I, 589–594), ср. др.-греч. κύαθος ‘кружка, чаша, ковш, которым черпали вино из кратера’, κόοι· τὰ χάσματα τῆς γῆς καὶ τὰ κοιλώματα (Pokorny I, 593), пракельт. **k’ouios*, лат. *cavea* ‘углубление, впадина, выемка, пустота, полость’, *cavus* ‘вогнутый, впалый’,

cavitis ‘впадина’, *caverna* ‘ложбина, яма, впадина, полость, водоем’, др.-инд. *kāvaṣa-* ‘зияющий, разинутый’.

- **čukalai-* ‘каменистая вершина’: порт Чукалаи *Zucalai* (LXIV, LXV) изображался на средневековых портоланах примерно на совр. мысу Казантип и может быть предположительно локализован близ н.п. *Касантюкь* (ныне Мысовое и Щёлкино) ~ фрак. *Καυκοήνσιοι*, *Caucensis* (Detschew 236). Этот топоним предлагаю толковать как и.-е. диал. **keukalai-* / **koukalai-* ‘каменистая вершина, возвышенность, высокое место, холм, бугор’, ср. лит. *Gūdgalai*, праслав. *čuka, сербо-хорв. *čūka*, болг. *чука* ‘вершина’ (ЭССЯ 4, 131), лит. *kaukarà* ‘холм, вершина’, греч. топоним *Καύκαρα*, ИС *Καύκαλος* (о-в Хиос)¹⁸, вост.-роман. *čuka ‘вершина горы, холма’, ср. друм. *ciúcă*, аром., мегл. *čiscă*, алб. *çikë* ‘вершина горы, холма’¹⁹.
- *dada ‘некий термин родства (тятя, дядя)’: скиф. ИС *Δάδα*, *Δάδας*, *Δάδος*, *Δαδοῦς*, *Δάδαιος* (КБН №№ 179, 947, 36, 1179, 1182, 103, 1021, 1054, 1260, 1237, 947, 1243, 1260, 1259, 1016, 1282, 1278, 1287, 1145, 1283, 1282, 1287, 1054, с. 861) ~ фрак. ИС *Δάδα*, *Δάδας*, *Dada*, *Dades* (Detschew 110) сопоставимы с и.-е. термином родства *dhēdha (ср. Detschew 109–110);
- **daii-*, *daiiskos: скиф. ИС *Δαίσκος*, *Δαίσκου* (КБН № 597, 1266, с. 861) ~ фрак. ИС *Δαις*, *Δαιος*, *Daeipora* (Detschew 109, 110);
- **da(i)z(e)is*: скиф. ИС *Δάζεις*, *Δάζει* ὕ. *Ἀταμάζας* (КБН № 1231, с. 861) ~ фрак. ИС *Daizis*, *Daizo*, *Δαισιος*, *Δαισηος*, *Daiseus* (Detschew 110);
- **dala-* скиф. ‘зелёный’ или сарм. ‘внизу, под’ (?): скиф. ИС *Δάλας*, *Δαλαζέλις*, *Δαλάσιος*, *Δαλόσακος* (КБН №№ 586, 587, 181, 578, 1278, 1279, 1283, 734, с. 861) ~ фрак. компонент двусложных ИС *Δαλα-*, *Δαλαι-*, *Δαλη-*, *Δαλε-*, *Δαλο-*; *δαλα*; *-δαλλος*; ИС *Δαλαζέλις*, *Δαλαιτράλις*, *Δαλητραλις*, *Δαλάλιος*, *Δαλαταρβα castellum*, *Δαλεις*, *Δαλις*, *Dalus*, *Δάλλος*, *Dalenus*, *Δαληζалиς*, *Δαληпорис*, *Δαλεпорис*, *Δαλητραλις*, *Δαλίσκος*, *Δαλλεάς*, *Δαλίων*, *Dalion*, *Δалλος*, *Dalus* (Detschew 113–114, 115), возможно, продолжение и.-е. **dhal-* / **dhāl-* ‘зелёный’ или сармато-скифский гибриды с приставочным *dal-* < **adari-*, см. *zelmis;
- **dama-* ‘тот, кто дает, donor’: боспорск. ИС *Δαμᾶς*, *Δαμᾶ* (КБН №№ 360, 382, 720, 947, с. 861), МН *Κοροκονδάμη* ‘дающая воды в пролив’ ~ аналогичное по структуре фрак. МН *Uscudama* (Hadrianopolis) и гидроним *Uscus*, *Υσκος*, *Yscos*, *Oescus* (Detschew 115, 349, 532);
- *dauos ‘волк, (собако)дав’: скиф. ИС *Δᾶος*, *Δάου* (КБН № 547, с.

- 861) ~ фрак. этнонимы Δᾶοι, Δάοι, Δᾶος, Δάος, Даῦος, *Daus*, *Davus* МН Δαούσδανα, фриг. глосса δάος: λυκός (Detschew 116–117), праслав. *davъ (ЭССЯ 4, 198–199);
- *deiuos ‘бог, божественный; deus, divinus’: скиф. ИС Δεῖος, Δείου (КБН №№ 1259, 1277, 1262, с. 862) ~ фрак. двусоставные ИС с начальным Δει-, Δεία, Δεῖος, ИС Δειγῆπις (Detschew 123), ср. лит. *diẽvo* ‘божественный, -ая, -ое’;
- **dēlopt-iχ-* (?): скиф. ИС Δηλόπτιχος, Δηλοπτίχου ὕ. Τεισιας (КБН № 17, с. 862) ~ фрак. теоним Δηλοπτης (Detschew 129);
- **didum(o)-arχ-* ‘величие, идущее впереди’: скиф. ИС Διδύμαρχος ὕ. Ἐντρέχης (КБН № 182, 1242, с. 863) ~ фрак. ИС *Dida*, Διδας, Δειδας, Διδις, Δειδις, *Didila* ~ лит. *didis*, *didelis* ‘великий’, *didūmas* ‘величина’ (Detschew 131, 136–137) — скифо-греч. гибриды содержат скиф. основу **diduma-*, родственную лит. *didūmas*, *didžiūmas* ‘Großheit, Mehrheit, Majorat, величина’ (Fraenkel, 93)²⁰, *didūs* ‘богатый, сильный, величественный, знаменитый’, *didis*, *didž-* ‘большой, великий’, ср. цельнолескешское соответствие фрак. ИС м. р. Διδυκαῖμος²¹, лит. диал. *didžkaimis* ‘большая деревня, село’, в составе которого *didž-* = *didis*, а *kaimis* — *káimas* ‘деревня, село’²². Вторая часть словосложения — греч. ἀρχ-, ἀρχε-, ἀρχι- ‘идущий впереди, предшествующий, начинающий, начальствующий’, ср. сложные слова типа μοναρχος, πολεμαρχος, διδυμᾶνωρ.
- **didumo-ksarθ-* ‘царское величество, майорат’: скиф. ИС Διδυμόξαρθος Χοδαίνου ἄρχων Ταναειτῶν, Διδύμαρχος ὕ. Ἐντρέχης (КБН № 182, 1242, с. 863; Detschew 131, 136–137) — гибридное скифо-сарматское ИС содержит скиф. основу **didumo-*, родственную лит. *didūmas*, *didžiūmas* ‘Großheit, Mehrheit, Majorat’ (Fraenkel 93), *didūs* ‘богатый, сильный, величественный, знаменитый’, *didis*, *didž-* ‘большой, великий’. Ср. цельнолескешское соответствие фрак. ИС м. р. Διδυκαῖμος — лит. диал. *didžkaimis* ‘большая деревня, село’, в составе которого *didž-* = *didis*, а *kaimis* — *káimas* ‘деревня, село’. Вторая часть — сармат. **xšarθ-* ‘воитель, царь’.
- *didžia-s ‘велико-; величественный’: скиф. ИС Δίζας Βεῖθνος κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ Θρακῶν, Δίζα γ’ Ἐλένη (КБН № 666, с. 863) ~ фрак. двусоставные ИС с начальным Διζ-, Διζα-, *Diza-*; *Disa-*, *Disza-*, *Δυζα-*; ИС Διζαζέλις, Διζατελμέως, Διζαλας, *Dizala*, *Disala*, Διζαπης, Διζαπολις, *Dizapor*, Δίζας, Δειζας, *Diszas*, Διζα, *Diza*, *Dizza*, *Disza*, Δίζης, Δείζης, *Dizo*, *Dizzo*, *Diso*, Διζαδος, Διζανος, Διζαστης, Διζουζος, Διζυροι, *Dizzaca*, Διζιας,

- Diszio* (Detschew 132–135), фрак. ИС Δίζας < *Didias* ~ лит. ИС *Dižas*²³, лит. ИС *Didžius*²⁴, особенно близка форма в составе двусложных сочетаний типа лит. *didžia-dvāsis* ‘великодушный (человек)’;
- *dika- (?): скиф. ИС Δικαλία, Δικυλ... ὕ. Ἠλιος (КБН № 968, 36, с. 863) ~ фрак. ИС *Dicineus*, Δεκαίνεος, Δικόμης (Detschew 135);
- *dina ‘divina’: скиф. МН *Dina* (Raven. Anon.) — фрак. ИС *Dina*, *Dines*, *Dinens*, *Dinis*, Δινις, *Dinus*, Δινος, *Dinnus*, *Dinens*, *Dinentella*, Δεινις, Δινεδινις, Δινειλας, δεινα, δινα, Δινι-, Δινε-, *Dini-*, *Dino-*, *-dina*, *-dinus* (Detschew 136, 137, 138–140);
- *dind- ‘лентяй, лодырь’ (?): скиф. ИС Δίνδος (КБН № 1137, с. 863) фрак. ИС Δινδας, Διντας, *Dindius*, Δινδιπορις, Διντιπορις (Detschew 136–137, 140) — сопоставимо с лит. *dinda*, *diñderis* ‘лентяй, лодырь’ (Fraenkel, 95);
- *diua, *dziua ‘divina, божественная’: скиф. ИС Δία Γ. Διᾶ, Διᾶς, Διᾶ γ. Δία (КБН № 915, с. 863); МН *Dia*; тавр. МН *Дзива*, *Дзива-ка-я*, *Tschiwa* ~ фрак. МН Διά, Δῖον, Διον, *Dium* (Detschew 129);
- *diuaios ~ *dieus ‘божественный’: скиф. ИС Δίαιος Κερδωνάκου (КБН № 1277, с. 863) ~ фрак. ИС Διεύς (Detschew 129);
- *diuas-ios (?): скиф. ИС Διάσιος, Διασίο ὕα. (КБН № 1056, с. 863) ~ фрак. Διασ-, *Dias-*, *Diasdinus*, Διασειης, Διασκεθος, *Diascentus*, *Diascintus*, *Diascula*, Διασκοупορις (Detschew 130);
- *diuia- ‘божественная’: МН Δια, город на Боспоре Киммерийском *Dia* — и.-е. *diuios ‘божественный, относящийся к свету’; ср. др.-греч. διος, лат. *divus* ‘божественный’ (< *diwos) (Detschew 129–131);
- *d(i)ou-ptoun- ‘сын Неба, filius Coeli’: скиф. ИС Δουπτούνης, Δουπτοῦνος Τιβέριος Ιούλιος также, скорее всего, происходит из некоего и.-е. диалекта, в котором **diu-* ‘небесный свет, небо, бог’, а **ptun-* ‘сын’, производное от и.-е. **pāt-* ‘кормить’ (Pokorny I, 787), ср. *Ne-ptunus*, где начальное **ned-* ‘река’ (Pokorny I, 759). Но признавать это имя тождественным др.-инд. *Daiva-putra-*, *Deva-putra-* было бы насилием над морфологией слова. Др.-инд. композиты, равно как и фрак. *Deopus* представляют собой свободную параллель Диуптуну.
- *dokiōn (?): скиф. ИС Δοκίων Θυνοῦ Μασταροῦ (КБН № 929, с. 865) ~ фрак. ИС Δοκιδохος, Δοκίδαυα (Detschew 145);
- *doli(x)o (?): скиф. ИС Δόλιχος Μην... (КБН № 109, с. 865) ~ фрак. ИС Δολίος (Detschew 148);
- *dorizos (?): скиф. ИС Δόριζος Μοκκάπορις, Δορίτιος γ. Μάδα

- (КБН № 937, 456, с. 865) ~ фрак. ИС *Doritses, Doritsis, Doris, Doriscos, Dorison* (Detschew 149–150);
- **dosumo-ksarθ-* ‘царь Досум’ (гибридное ИС): скиф. ИС Δοσυμοθάρθου ὁ Νιβλόβωρος (КБН №№ 1245, 1251, 1282, с. 865) ~ фрак. двусоставные ИС на Δουστ-, Δυσ-, Δούσμανες, Δύσπαρις, *Dyspros Apollo*, Δυσυρηνός, Δύσωρον ὄρος (Detschew 155, 161), ср. **didumo-ksarth-*;
- **douba, *doupa* ‘яма, овраг, лощина’ или ‘две реки’: гидроним *Дуна, Duba*, п. п. Сирета в басс. Днестра ~ лит. *daubà* ‘лощина, овраг’ или из праслав. *dupa ‘яма, дыра’, восходящего к и.-е. **dhoub-* / *dhoup-* ‘глубокий’ (ЭССЯ 5, 157–158), лит. *duobe*, лтш. *duobe* ‘яма, впадина’, лит. *įduba* ‘впадина’, *akiduobė* ‘глазная впадина’. Этимология из др.-инд. *dvīpa-* ‘остров’ менее вероятна.
- *doulas ‘комольй, безрогий (Арес)’: скиф. ИС Δούλας, Δούλα ὁ. (КБН № 1287, 1279, с. 865) ~ фрак. ИС с начальным Δουλα-, Δουλη-, Δυλα, *Dula*, Δυλυ-, Δουλας, Δουλη, Δουληζελμις, Δουλης, Δουλας, *Dulas, Dules* (Detschew 152–153), ср. бесплодные попытки вывести родовое имя царской династии аспаруховых болгар *Дүло* из тюркских или угорских языков. Лучше всего выводить его из лит. *duōlas* ‘ungehornt, hornlos’, лтш. *duoļš* ‘безрогий’ (Fraenkel, 111), *duols, duolas, duolis* то же. Подобный эпитет относился к кельтскому богу *Camolus, Camulus* (Марс), как явно следует из изображений этого божества, ср. рус. *комольй*. Возможно, сродни праслав. *dulěti ‘толстеть, пухнуть’ (ЭССЯ 5, 154).
- *drobolous ‘малый, малорослый’ (?): скиф. ИС Δροβόλους Δαδαίο (КБН № 179, 865) ~ фрак. МН и этникон *Drobeta, Drobetae, Drobotensis* (Detschew 158) ~ лит. *drobùlė* ‘Leinentuch, Laken’, лтш. *drābule* ‘Laken’ (Fraenkel, 100) — можно толковать из и.-е. **dhrebh-*, праслав. **droba, *drobiti, *drobъ, *drobь, *drobьlivъ, *drobьнь, *drebiti, *drobiti, *dreb, *drebьнь* (ЭССЯ 5, 117–122, 105–106), особенно болг. *дробен* ‘мелкий (скот)’, ‘малорослый’, *дребни деца* ‘малые дети’;
- *drosanis ‘мужественный, смелый, храбрый, отважный’ (?): скиф. ИС Δρόσανις Λεύκωνος Παφλαγών, Δρύσανις Λεόκωνος (КБН № 180, с. 865) ~ фрак. МН Δροσική, Δρουσίпара, *Drusipara, Druzipara, Drizipara*, Δριζίπαρος (Detschew 159) — возможная этимология на базе лит. *drqsūs* ‘mutig, keck’, лтш. *drūošs, drūoss* ‘mutig, sicher’, др.-инд. *dhṛṣṇú-* ‘kühn, tapfer, mutig, dreist, frech’ (Fraenkel, 101);

- *eis-, *eisa-, *is- 'из': скиф. приставочные ИС Εἰσγούδιος, Εἷσα Γ. Ἰρκίου (КБН № 67, 787, с. 865) ~ фрак. ИС Ἐσβενεις, Ἐσβενειος, *Esbenus, Hesbenus, Hezbenus*, Εἰζουτωνειος, Εἰσατραλις, Εἰσδίκαια, Εἰσηνός, Ἐστρακεηνός, (Detschew 108, 165) можно толковать как приставочно-суффиксальные образования, в которых *eis- сродни праслав. пристав. *jъz- (ЭССЯ 9, 79–80), лит. приставке iš-, все из и.-е. < *eg's-, см. is-;
- *ērak- (?): скиф. ИС Ἠρακᾶς Ποντικῆ ἀρχερμηνεύς Ἀλανῶν (КБН № 1053, с. 871) ~ фрак. вторая часть ИС ἤρα-, ἤρις, ἤρος (Detschew 199);
- *ēz- (?): скиф. ИС Ἠζους, Ἠζοῦ (КБН № 928, 1095, 328, 353, 713, с. 870) ~ фрак. вторая часть ИС -ἦζις (Detschew 199);
- *gabiti- 'огонь', 'богиня огня': если в скиф. теониме Ταβίτι усмотреть результат порчи текста Геродота (не ТАΒΙΤΙ, а ГАΒΙΤΙ), то можно предложить внятное толкование на основе балтийских теонимов *Gabia, Gabie, Mater Gabia, Polengabia, Gabis, Gabeta, Gabjauja, Gabjauis, Jagaubis-Vulcanus*, при лит. *gabija* 'огонь', к тому же, этимологически родственных кельтскому теониму *Gobannio- 'Гефест, Вулкан', др.-ирл. *Goibniu*, кимр. *Goffannon*, галльск. антропониму *Gobannitio*, производным от сущ. *gobu*, род. пад. *gobann* 'кузнец'²⁵;
- *gadas 'пригожий' или 'почтенный, уважаемый' (?): скиф. ИС Γάδας, Γάδα γ. Καλλίστη, Γάδεις, Γάδειος ὕ. Φιλότειμος, Γαδίκειος, Γαδικείου ὕ. Παντάκλῆς, Γαδίκιος, Γαδικίου (КБН № 372, 1124, 1196, 1135, 1140, 1151, 1154, 1187, 1148, 1144, 1145, 1140, 1165, с. 859) ~ фрак. Γαδηνος (Detschew 97) можно этимологизировать на базе как лит. *guōdas* 'Ehre, Verehrung, Bewirtung', лтш. *gūods* 'Ehre, Ruhm' (Fraenkel, 159–160), так и праслав. *goditi, *godъ < и.-е. **ghadh-*, *godjъjъ 'гожий' (ЭССЯ 6, 188–190, 191–192), ср. англосакс. *gegada* 'товарищ', нем. *Gatte* 'супруг';
- *gainēs 'охотник' или 'откормленный, видный, красивый, щедрый' (?): скиф. ИС Γαίνης (Zosimus. Historia Nova // Mendelssohn. Lips. Teubn. 1887 lib. 5, § 21, 6) — можно толковать как производное от лтш. *gāinīt* 'treiben, verflogen', лит. *geinis* 'Ast', *geinis, geinis* 'Aufzug', др.-прусс. *genix* 'Specht' (Fraenkel, 151–152), или как аналог праслав. *gojъnъ 'откормленный, толстый, видный, красивый, величавый, богатый, щедрый', соотносительного с глаг. *gojiti (ЭССЯ 6, 197–198);
- *-garos 'пожиратель, поглотитель чего-л.' или 'солнца жар' (?): ИС Θιάγαρος (Detschew 202–203) при неясности первого элемента

- имени, вторая часть убедительно сопоставляется с лит. *-garas* (*prāgaras* ‘Vielfrass, grundlose Weg, Abgrund, Holle’), производным от гл. *gerti* (Fraenkel, 148–149), др.-инд. *ajagará-* ‘пожиратель коз, большая змея, боа’ (к слову, представленным в топониме Αζαγαριον), авест. *aspōgar-* ‘пожиратель коней’, *nərəgar-* ‘пожиратель мужей’. М. б., следует относить к синдо-меотским или сармато-аланским реликтам? См. соотв. разделы. Альтернативное решение возможно на базе праслав. **garь*, **garь* (ЭССЯ 6, 101–103) и **žarь*, лит. *gāras* ‘(Wasser)dampf, leidenschaftlicher Wunsch, heftige Begierde, eifriges Streben, Eifer’, *garaĩ* ‘Kohlendunst’, лтш. *gars* ‘Dampf, Qualm in der Badestube, Geist, Seele u. a.’ (Fraenkel, 134–135);
- *gastis* ‘гость’: широко распространенное скиф. ИС Γάσθεις, Γάσθει ύ. Σωτήρ, Γάστειν, Γάστεις, Γάστει, Γάστειος, Γάστης Καλλισθένου, Γάστη ύ. ‘Ερμῆς, Γάστιον (КБН № 713, 1106, 1154, 376, 1179, 378, 377, 380, 379, 1192, 877, 1259, 137, 1135, 1140, 1158, 1150, 1161, 1172, 715, 607, 556, 561, 400, 1108, 592, 899, с. 859–560) ~ фрак. -γαστης, *gasteu* (Detschew 100), сюда же, вероятно, и надпись на шлеме *harigastiteivo*, над которой бьются германисты — ср. праслав. **gostь* (ЭССЯ 7, 67–68);
- *gelōn-*, **gelon-* + *-es* / *-iom* ‘колющий, жалящий’ или ‘дубовый’: ИС родоначальника скифского племени Γελωνός, Γελωνόν, *Gelon*, этноним племени Γελωνῶν, Γελωνοί, *Geloni* МН их города из дерева οὔνομα δὲ τῆ πόλι ἐστὶ Γελωνός (Herod. IV, 10, 102, 108, 109, 120, 136; Plin.), *Gelonion* (Mela) ~ фрак. МН Γελουπαρα (Detschew 101). Мужское ИС лучше толковать на базе лит. *geluō*, *geluonīs* ‘шип, колючка, жало’, продолжающего и.-е. диал. **g^uel-* ‘колоть, жалить’, **g^uel-ōn-* ‘колющий, жалящий’ (Pokorny I, 470–471), но подходят и другие и.-е. корни: **ghel-* ‘кричать’, **g^hhel-* ‘желто-зеленый’, **g^hhel-* ‘резать’, **g^hhel-* ‘желать’ (Pokorny I, 428, 429–430, 434–435). Для МН (город из дерева) была бы более уместна этимология на базе и.-е. **g^uel-*, **g^ul-*, **g^ulā-* ‘дуб’ (Pokorny I, 472), хотя нельзя исключить возможности номинации поселения по имени основателя, т. е. некоего Гелона. Ср., впрочем, другие и.-е. корни **g^uel-*, **g^uelā-*, **g^ulē-* ‘бить ключом, течь, разбухать’, **g^hhuel-* ‘гнуться, изгибаться’ (Pokorny I, 471, 489); Город Гелон в стране будинов Геродота отождествляется археологами с большим поселением городского типа VII–III вв. до н. э. (на 40–50 тыс. жителей) у пос. Бельск в бассейне реки Ворскла²⁶. Среди городов Алба-

нии Закавказской Птолемей упоминает ещё один Гелон, видимо, пережиток обитания там скифов, а м.б. и самих гелонов до 587 г. до н. э.;

- *gēros ‘везучий, счастливый’ или ‘ягнёнок’: скиф. ИС Γῆρος (КБН № 174, с. 860) ~ фрак. γερας, γηροι, γηρηνοι, -geri, -gerri, -gerum предположительно ‘гора, горы’ (?) (Detschew 102) — можно толковать из лит. gēras ‘gut’, gēris ‘Wohlfart, Glück, Heil’, соотносительных с глг. girti (Fraenkel, I 147, 154), но вполне вероятен и этимон типа лит. gēras, ēras, jēras ‘Lamm’ (Fraenkel, 120–121, 147). Графическая передача анлаута в последнем случае может относиться как к средствам греческой письменности, так и к диалектным особенностям туземного слова.
- *g’hierasos, *g’herasos ‘прозрачный, блестящий’: гидроним Ἰερασος, *Gerasus* (Сирет) лишь формально можно связывать с греч. словом ἰεράξ ‘сокол, ястреб’ (Detschew 102). Вероятнее толкование на базе и.-е. корня *g’her-, g’herə- ‘strahlen, glänzen, schimmern’, ср. лит. žerėti, žeriù ‘im Glanze strahlen’, žarijà ‘glühende Kohle’, др.-прус. sari f. ‘Glut’ (Pokorny I, 441–442), праслав. *zbrěti, zbrjo, *zarja, *zorja, *zorbъ, *zorkъ, *zbrkadlo / *zbrcadlo, *prozorbje, *prozorcъnъ(jь). Суффикс, м.б., и.-е. -i[h]: *g’herath-. Отмечу, что в кельтских языках наблюдаются другие корень и суффиксальное оформление: др.-ирл. grian ‘Sonne’ < ghreinā (Pokorny I, 442). Очень напоминает по внешнему виду этот гидроним осет. имя *Dzerassa*, дочь Донбеттыров, мать героев нартовского эпоса. Древняя и.-е. основа по-прежнему различима и в современном названии реки: *g’herath-ios > *zerat- > *sirät (алтайский сингармонизм).
- *gnaphiskos (?): скиф. ИС Γναφίσκος, Γναφίσκου ἰ. Ποθεῖνος (КБН № 1179, с. 860) ~ фрак. сложные слова с γνακς в составе, ΜΗ Γνακρῖσουαη, ИС Κασιγνακς (Detschew 107);
- *godžiu ‘жадный’ (?): скиф. ИС Γοζῖους, Γοζῖου, Γοζῖιης, Γοζῖινου (КБН № 885, 1179, с. 860) ~ ср. лит. gōdžiai ‘жадно’, godūs ‘жадный’ (Lyberis 199), godžiu или именное производное от гл. gōžinti, gōžina, gōžino ‘лениво идти’ (Lyberis 200);
- *goiskos (?): скиф. ИС Γοῖσκος Μυρεῖνου (КБН № 679, с. 860) ~ фрак. ИС, начинающиеся с Γοα- (Detschew 107);
- *gokōn звукоподражание (?): скиф. ИС Γόκων, Γόκωνος (КБН № 679, 992, 868, 1012, 992, 1266, 728, 384, с. 860) ~ фрак. ИС Γόκων (Rodosto) (Detschew 107) — ср. праслав. *gakati (ЭССЯ 6, 89);

- *gose(m)-fias, -tleis: Γοσεμφλίας, Γοσήτλεις Ἀκάσα (КБН № 1142, 1157, 1170, 36, с. 865) ~ фрак. Γουσις (Detschew 108);
- *grauk- звукоподражание (?): этноним Γραυκηνοί (Apoll. Rhod. Argon. IV, 321) ~ праслав. *grukati < **grouk-a- (ЭССЯ 7, 154–155);
- *goudios ‘изуродованный, отвратительный’: скиф. приставочное ИС Εἰσγοῦδιος (КБН № 67, с. 865) ~ фрак. ИС Ἐζβενις, Ἐσβενειος, *Esbenus, Hesbenus, Hezbenus, Εἰζουτωνειος, Εἰσατραλις, Εἰσδίκαια, Εἰσηνός, Ἐστρακεηνός*, (Detschew 108, 165) можно толковать как приставочно-суффиксальное образование *eis-goud-ios, сродни праслав. приставочному глаг. *jъz-gyditī, в котором **gūd- восходит к и.-е. ***gʷōd(h)- (ЭССЯ 7, 220–221). Мотивы такого наименования человека, скорее всего, апотропеические, отпугивающие злых духов. Альтернативная этимология возможна на базе сложения приставки iš- и прус. *gudde* ‘pusch = Busch, Wald’, МН *Gudeniten, Gudeiten, Lendegudien*, лес *Marsgude*, лит. *gūdas* и МН *Gūdgalai*, лтш. МН *Gudenieki*, лит. глаг. *gūsti, gundū* ‘sich gewöhnen’ (Fraenkel, 174, 179) или на базе лит. *gūde* ‘Wetzstein’, соотносительного с глаг. *gauti* (Fraenkel, 141);
- *iebroс ‘козел, самец’: гидроним *Ибр, Ибра*, л. п. Тетерева ~ фрак. гидроним Ἐβρος, *Ebrus, Hebrus*, н. *Ибар, Ибрь* (Марица в Юж. Болгарии), *Ибар, Ibar* (приток Моравы в Сербии) (Detschew 163) — из и.-е. *iebroс, *eibroс ‘козел, самец’²⁷ (ЭССЯ 8, 205–206);
- *ierasos ‘ястребиный или обильный особым видом травы’ (?): приток реки Истр Ἰέρασος, *Hierasus, Gerasus* ~ фрак. -iero- (*Breiero-para*) (Detschew 214) — предположительно, производное от др.-греч. ἰέραξ, ‘акос, ἰρηξ, ‘ястреб или сокол’ или ἰεράκιον ‘Hebichtkraut; вид травы’²⁸. Эта этимология сомнительна, с одной стороны, нет закономерного сдвоенного -ss-²⁹, с другой — есть рефлекс типа *Gerasus*, ср. осет. *Дзерасса*, дочь Донбеттыров;
- *imadoko-: племя на Северном Кавказе Ἰμαδοκοί ~ фрак. ИС Ἀμαδοκος, Ἰμαραδος (Detschew 15, 216);
- *is-takē ‘исток, вытекание, истечение’: топоним Τυριστάκη и его татар. калька *Чур-баш* ‘исток Чура’ ~ фрак. приставочные МН Ἰσγίπερα, Ἰσмарος, Ἰσμάρα, *Ismarus, Ismara, Ismaron, Ἰσμαρίς λίμνη*, ИС Ἰσανθης, Ἰσмарος, *Ismarus, Ἰσмарτος, Isparticus* (Detschew 216–217) — сложение гидронима *Тур /Tjur* ‘Тюр’ и праформы, родственной лит. *ištaka*, праслав. *jъztokъ (ЭССЯ

9, 79–80)

- *istros ‘струящий воды’: река Ἴστρος — Дунай в нижнем течении (Detschew 217–218) — из и.-е. *s(t)ros, произв. от глаг. корня *s(e)r- ‘течь, струиться’ (Pokorny I, 910–911);
- *istrianos ‘истринский’: реки и племена Скифии и Таврики Ἰστριανοῦ ποταμοῦ ἐκβολαί (Ptol.) ~ фрак. Ἰστρινός, Ἰστριανός, *Histrrianus* (Detschew 217) производное с суф. -iano- от *Istros*, см. *istro-;
- *iziakos ‘?’: скиф. ИС Ἰζίακος Ἀρχαθίου, Ἰζια...(Ταναίς) (КБН № 1287, с. 875) ~ фрак. ИС Ἰζαίος, Ἰζι- (Ἰζιμάργος), Ἰς, ἰζις (Detschew 214);
- *kaba-θaksēs ‘?’: скиф. ИС Καβαθάξης, Καβάταξεω (КБН № 1113, 1056, с. 876) ~ фрак. ИС и МН Καβαδοκος, Καβατοκος, Καβασσός, Καβησσός, Κάβησα, Κάβησος, Κάβασα (Detschew 219–220), см. *θaksēs;
- *kailios: скиф. ИС Καίλιος (КБН № 1287, с. 876) ~ фрак. ИС *Caela*, *Caeletharidas* (Detschew 221);
- *kāma- ‘любовь, любить’ (?): скиф. женское ИС Καμασαρήη ~ фрак. ИС Καμασαρήη, Καμισαος, Καμολης (Detschew 225) < *kāma-sar-ица, производное с суф. -ица от словосложения *kāma- ‘любовь, любить’ (ср. греч. глоссу камόλη, камόλου, камόλης: προσφιλής, армян. *kamot* ‘любящий, желающий, amans, desiderans’, болг. диал. *kāmaten* ‘schön, gut’³⁰ и *sar- ‘нимфа’³¹);
- *kantio-kapto- ‘копающие землянки с очагом в углу’, своего рода Τρογλωδύται: племя на Северном Кавказе *Cantiocaptae* (Plin.) ~ Канта (Detschew 226) — словосложение с соединительным -о- основ и.-е. *kantio- ‘землянка с очагом в углу’ (ср. праслав. *koptja — болг. *къща* ‘дом с печью, отапливаемое жилье с очагом-кътом’) (ЭССЯ 12, 70–74) и и.-е. *(s)kap-tos ‘выкопанный’, ср. др.-греч. глаголы σκαπτω ‘рыть’ и κοπτω ‘рубить’;
- *karē, *karaios ‘копь, выкопанное’ (?): гидроним Παντικάρης, МН Παντικαταίων фрак. МН Καπίδαυα, Καπίδαβα, *Capidava* (Scythia Minor), Καπιστούρια (Hebros) — вероятно, соотносительно с праслав. *kapati, *kopati (ЭССЯ 9, 144–145, 11, 18–20), продолжающими и.-е. *kōp-/*kōp-, *skap-;
- *kapha ‘песчаные дюны’: топоним Кафа (греч. Καφά, Кафᾶς, лат. *Caffá*, *Cafá*, тур. *Kefe* (впервые упом. в описании событий IV в. н. э.: “местечко Кафа”) — возможны различные толкования на и.-е материале, например, из и.-е. диал. *kaphā (на базе лит. *korà* ‘песчаная дюна’, *kāras* ‘могильный холм’, *kapaī* ‘могила, кладбище’, лтш. *kaps* ‘могила’, *kāpa* ‘дюна’) и др. (Pokorny I,

527–530);

*карта ‘выкопанный’: племя на Северном Кавказе *Cantiocaptae* (Plin.) — из и.-е. *(s)kap-tos ‘выкопанный’, ср. др.-греч. глаголы σκαλτω ‘рыть’ и κοπτω ‘рубить’, др.-прус. прич. прош. страд. *enkopts*, лит. глаг. *kapti* ‘рубить’ (Рокорны I, 527–528);

*kararues, *kararua- ‘дома’: античная глосса *καραρυες οἱ Σκυθικοὶ οἰκοὶ* ~ фрак. ΜΗ *Καραβιζύη, Κάραβος, Καρασθύρα, Καρα΄σουρα, Carassura, Καραβία, Careta, Καριδαυα, Καριστορηϊός* (Detschew 227, 229–230) — ср. др.-инд. *kar-* ‘делать, изготавливать, производить’, едва ли правомерно исправлять в угоду осет. *hædzar, hædzærttæ* ‘дом, дома’ (Абаев IV, 193);

*kar-kamon- ‘твердый, крепкий камень’ (?): порт Каркамоньи — *carcamō* (LIV, LV), *carcamogni* (LVIII, LXV, LXII), *charcamogni* (LX), *canhamogni* (LXIII), *carcauogni* (LXIV, LXV), *carcabogni* (XXVII), *carcauo[gni]* (LXVIII) — изображается на средневековых портоланах после Казантипского мыса ~ фрак. ИС *Carcenus, Carc, Καρκος, Κερκᾶς* (Detschew 230)? — этот топоним предположительно имеет и.-е. этимологию — сложение и.-е. *kar- ‘твердый, крепкий, жёсткий, суровый, трудный’ (Рокорны I, 531–532) и *akmén-, *ākmōn-, *kāmōn, *kāmōn ‘камень’, ср. лит. *akmiō* ‘камень’, праслав. *kamy, *kamene (ЭССЯ 9, 137–140). В таком случае, татар. топоним *Акташъ* (ныне Семеновка) является осознанной калькой. Если предлагаемая этимология верна, то данный топоним — уникальное свидетельство собственно скифского языка.

*kerkin- / *korkin- ‘дубняк, дубовая роща’: топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. *Carcina, Carcinitis, Καρκινίτις, Κερκινίτις*, город в Скифии *Carcina, Carcine* (лат. передача греч. *Καρκίνη, Κερκίνη*), залив и река *Καρκινίτις* или *Κερκινίτις-ιδος* неотделимы от названия горного массива во Фракии *Κερκίνης* (горный массив на границе Македонии и Фракии ныне Пирин-планина), др.-греч. *Κερκινίτις* — озеро Тахино, *Κερκινέου φροῦριον* в Фессалии, иллир. топонима *Cercinium castellum, Carcenus, Carc, Καρκος, Κερκᾶς* (Detschew 230), венетск. *Quarqueni, Κορκοντοί*, названия о-ва *Κόρκυρα, Κέρκυρα*, лат. *quercus, querceus, quercinus, -a* все они производны от и.-е. *k^werk^w- ‘корковый дуб’, *k^werk^win-os, -a ‘дубовый, -ая’. Все они связаны с горой, поросшей дубовым лесом, с культом горного бога громовержца, перуновым дубом. Сюда, возможно, отн. кельт. оронимы ‘*Αρκύνια ὄρη, Hercynia silva, Firgunnea, Virgunt*; *Καρπάτης ὄρος* и лит. *karpas, kàrpa, kàrpotas*, гидрони-

- мы *Kárpis, Kárpentis*³². Неприемлема трактовка *Carcina, Carcinites*, Κερκινίτις, Καρκινίτις на основе др.-инд. *Kāṅkāṇa-*. Во-первых, не лишено вероятия собственно греческое производное от сущ. карκίνος ‘краб’. Во-вторых, весьма вероятна реконструкция и.-е. диал. **kerkin-* / **korkin-* ‘дубняк, дубовая (роща)’. Топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. калькируются татар. *Джарыл-агач* ‘опаленное молнией дерево’, зд. ‘дуб’?);
- *karpōs* (?): скиф. ИС *Κάρπος Βασσάρου, Κάρπου* (КБН № 340, 737, с. 877–878) ~ фрак. ИС, МН, этнонимы *Καρπαεύς, Καρπεία, Καρπηία, Κάρπος, Carpus, Καρπιανοί, Καρπίδαι, Καρποδάκαι, Κάρποι, Carpi, Κάρπις, Καρπουδαίμον* (Detschew 230–232);
- *karsas* ‘пещера, грот’ или ‘лещ’ (?): скиф. ИС *Κάρσας* (КБН № 1179, с. 878) ~ фрак. карси-, карζο-, керсе-, керсо-, керси-, керса, карсис, керсиос, Карсίδαυα, Карсиμαρος, Карсиμηγή, *Carsaleon, Carsion, Carsium, Κάρσος, Карсоум, Carsum, Карсώ, Карсис, карсис* (Detschew 229–233) — можно толковать на базе лит. *karsa* ‘Höhle, Grotte’, *kařšė, kařšis* ‘Bleie, Brachsen, Brasse’ (Pokorny I, 223). Оба толкования семантически неудовлетворительны, заставляют предполагать происхождение имени собственного от прозвища.
- *katiago-* ‘вооруженные метательными палицами’ или ‘возничие’: от среднего брата (Ἄρποξάϊος) произошли так называемые катиары и траспии (οἱ Κατίαροι τε καὶ Τράσπιες καλέονται) (Herodot.) ~ фрак. ИС *Κατζαπός* (Detschew 235) — не является ли этот этноним древним производным от и.-е. глагола **kat-* ‘приводить в быстрое движение, метать’ (ср. лат. *catēia* ‘род метательной палицы, утыканной гвоздями у германцев и галлов’, ирл. *caithid* ‘бросать, метать’, *cath* ‘Kampf’), аналога праслав. **katjati, *kotiti* (ЭССЯ 9, 164; 11, 205–207)?
- *kerbat-is* ‘изобилующая соплодиями’ или ‘похожая на корзину’: старое наименование Каллатии *Cerbatis* ~ фрак. МН *Cerbatitis = Callatis, Κερβα... ὄρος* (Detschew 240) — из лит. *kerba* ‘Fruchtbüschel’ (Pokorny I, 241, 242), *kařbas* ‘короб’, ср. праслав. **korbatъ* (жъ) ‘неровный, шероховатый’ (ЭССЯ 11, 51);
- *kerberio-, *kerberia* ‘(город) бессильных, обессиленных’: город Керберий на Боспоре Киммерийском — *Cerberion, Κερβερία*, возможно, еще *Κυβερικόν* — городок в 40 милях к востоку от Кафы (DAI 53, 224), ‘(город) бессильных, обессиленных’ ~ фрак. МН *Cerbatis = Callatis, Κερβα... ὄρος* (Detschew 240) — вероятно толкование на основе скифской глоссы *κερβέριοι*.

- ἀσθενεῖς ‘бессильные, обессиленные’. Из и.-е. **kerberos*, **k'erberos* ‘пятнистый, пегий’ (Рокотпу I, 578). Местоположение Киверника не уточнено, м. б., между поворотами на Ленино и на Новониколаевку по шоссе Феодосия — Керчь.
- *kerdon-ak-*: скиф. ИС Κέρδων Φ..., Κερδώνακος, Κερδωνάκου ὕ. Δίαιος (КБН № 1237, 1277, с. 878) — при неясности семантики корня **kerd-*, очевидно регулярное скифское словообразование *-ōn-ak*.
- *kimbros*: скиф. ИС Κίμβρος ὕ. Νάβαζος, Φιδάνους (КБН № 1250, 1280, 1279, с. 878) ~ фрак. МН *Ciambros*, *Cebrus*, *Ciabreseis*, Κίαβρος (Detschew 243–244), сопоставимо с кельтским этнонимом *Cimbri*;
- *kola-* ‘круг, круглое; колесо; колесница’: этноним Κωλοι, Κωλικοι, *Coli*, *Colicae*, *regio Colica*, ИС Κολαξάις ‘обитающий в колеснице’ (ἀμαξόβιοι) или ‘царь колесниц, владыка колесницы’, гидроним *Kolaros* ‘круглое течение’ ~ фрак. *κολα-βρισμός*, *κόλα-βρος*, *Κολ-πός*, *-colus* (Detschew 251–252) — ср. и.-е. **k^ola* ‘колесница’, **k^oel-* ‘круг, круглый, имеющий форму колеса’, неверно сопоставление с осет. *xur* ‘солнце’ (Абаев IV, 248);
- *kola-ksai-* ‘обитающий в повозке’ или ‘владыка рода, владыка аборигенов’, или ‘царь пастухов, охранителей стад’: родоначальник скифов Κολαξαις, племя или социальная группа Σκολοτοι ~ фрак. *κολα-βρισμός*, *κόλα-βρος*, *Κολ-πός*, *-colus* (Detschew 251–252) — все это факты не индоиранских языков, они продолжают и.-е. **k^ola* — производн. от **k^oel-* ‘колесо, колесная повозка’ (ср. праслав. **kola*, **kolo*, **kolese* в ЭССЯ 10, 141–144, и.-е. **k^ola*, **k^oolos-*, **k^ooles-* ‘колесо, колесница и т. п.’); **ksai-* ‘обитающий; владеющий; обитатель, владыка, господин’; в целом, Колаксай ‘обитающий в повозке’, ср. др.-греч. кальку ἀμαξόβιοι ‘в повозке живущие’; возможно и другое объяснение — из и.-е. **kuel-* ‘род, этническая единица’, ср. инд. *kula-*; лат. *in-cola* ‘абориген, местный житель’ или — из и.-е. **k^oel-/k^oolo-* ‘пастух, охранитель стад’, ср. др.-греч. βούκολοι ‘пастухи коров и быков’;
- *kola-gos-* ‘круговое течение’: гидроним *Kolaros* ~ фрак. *κολα-βρισμός*, *κόλα-βρος*, *Κολ-πός*, *-colus* (Detschew 251–252) — сложение скиф. **kola-* ‘круговой’ и **ros-* ‘жидкость, влага, вода’, ср. др.-инд. *rsi-* ‘течь’, *rasa-* ‘жидкость, вода’, *rasá* ‘жидкость, влага’;
- *kolo-* ‘род, этническая единица’ или ‘пастухи, охранители стад’: ИС Κόλαις, Κολία; племя на Северном Кавказе Κωλοι, Κωλικοι,

- Coli, Colicae, regio Colica* ~ фрак. *κολα-βρισμός, κόλα-βρος, Κολπός, -colus* (Detschew 251–252) — из и.-е. **kuel-/kuolo-* ‘пастух, охранитель стад’; ср. др.-греч. *βουκόλοι* ‘пастухи коров и быков’; другое объяснение из и.-е. **kuel-* ‘род, этническая единица’, ср. инд. *kula*; латин. *in-cola* ‘абориген, местный житель’;
- *koto-sar-uua ‘возлюбленная нимфа’ или ‘concupina’: скиф. ИС *Κομ...*, *Κομίνικος* (КБН № 1165, 1179, 1135, 1140, 1129), женское ИС *Κομοσαρήη* ~ фрак. *κομο-, сото-, кама-, ком-, кац-* (Detschew 252–253) < **koto-sar-uua*, производное с суф. *-uua* от словосложения **koto-* ‘Eingeengtes’, ср. и.-е. гл. **kem-* ‘zusammendrücken, zusammenpresse, zusammenhindern’ (Pokorny I, 555) и **sar-* ‘нимфа’. См. **kamasaruua*, **notisaruua*;
- *kominikos ‘жмот’ (?): скиф. ИС *Κομ...*, *Κομίνικος* (КБН № 1165, 1179, 1135, 1140, 1129) ~ фрак. ИС *Comnius*, *Κομίνικος* (Detschew 252) — производное с суф. *-ik-* от аналога праслав. **komina* ‘виноградные выжимки’ (ЭССЯ 10, 173). ИС на основе обидного прозвища?
- *koparsos ‘?’: скиф. ИС *Κόναψος, Κονάψου* (КБН № 443, 615, СС. 878–879) ~ фрак. ИС *Κόμψατος* (Detschew 253);
- **konest’azi-* ‘конные стези’: четвертый порт после Воспро на средневековых портоланах именуется Конестази — *conestax* (LIV), *ς.nestaxi* (LV), *conestāxe* (LX, LXII, XIV), *conostaxi* (LXV) ~ фрак. гидроним *Κόνοζος = Στρυμών* (Detschew 253), возможно, из сред.-греч. *τὸ εἰκονοστάσι[ον]* ‘иконостас’, но предпочтительнее выводить из др.-рус. словосложения **кОНОСТЬЗ, *кОНѢСТЬЗ* ‘конная тропа’, ср. др.-рус. *кОнь, коновАзь, коневАль*, праслав. словосложения **konoderь, *konokradь, *konopasь, *kono/ětopь, *konovalь, *kono/ěvodь* (ЭССЯ 10, 187, 193–194, 197–198), ст.-слав. *сТЬЗА, трѣбуѡс*, др.-рус. *сТЬЗ* ‘тропа’, сербохорв. *стаза* ‘пешеходная дорога’ (Фасмер III, 752), особенно в связи с этимологией античного топонима в сопредельной области *Ποστύια* (Ptol.) «по стезе»³³. Впрочем, может оказаться средневековым др.-рус. топонимом.
- **kotūs, -uuos* ‘котва, якорь’: скиф. царск. ИС *Κότυς, Κότυος* (КБН № 958, 69, 1124, 41, 980, 42, 1047, 1118, 834, 1054, 33, 1230, 1284, 1283, 1288, 1247, с. 840) ~ фрак. ИС *Cotys, Κότυς, Κοутυς* (Detschew 258, 266), ср. праслав. **koty, *kotьve* (ЭССЯ 11, 213–214). Якорь использовался как символ «безопасной якорной стоянки» на монетных сериях г. Аполлонии (Созопол), г. Анкюра (Анкара), на печатях и монетных эмиссиях Селевка I³⁴.
- **koz-* ‘коза’ или ‘галка’ (?): скиф. ИС *Κοζ...*, *Κουζαῖος, κουζος...*

- (КБН № 839, с. 879) ~ фрак. ИС Κοζας, Κοζει-, Κοζι-, Κοσι-, Κοσ-, Κοζαπέας, Κοζαπιγραμις, Κοζαρος, Κοζεικενθος, Κοζειλας, Κοζιβιθς, Κοζιυθης, Κοζιστης (Detschew 249) можно было бы выводить из праслав. *koza (ЭССЯ 12, 19–21), лит. *kōzas* ‘Gefängnis’ (Fraenkel, 285) или в связи с лит. *kūosas, kónas* ‘Dohle, Saatkrähe’ (Fraenkel, 284–285);
- *κοθinas ‘?’: скиф. ИС Κοθίνας, Κοθίνα (КБН № 1157, 1166, 1134, 1145, 1179, с. 878) ~ фрак. ИС Κοθήλας, Κοθιης, Κοθος, Κοθιδης, Κόθων (Detschew 249–250);
- *kossos ‘?’: скиф. ИС Κοσοῦς, Κοσσᾶς, Κοσσοῦς, Κοσοῦ, Κόσσων (КБН № 615, 445, 496, 444, 1299, 579, 393, 946, 892, 106 etc., с. 879) ~ фрак. ИС Κοσσαία, Κοσσαῖοι, Κοσσός, Κοσων (Detschew 255);
- *kotius ‘?’: скиф. ИС Κοτίους, Κοτίων Κοττίωνος (КБН № 36, 653, с. 879) ~ фрак. ИС *Cotia*, Κοτίους, Κοτος (Detschew 256–257);
- *koulios ‘?’: скиф. ИС Κουλία, Κούλιος, Κουλίου (КБН № 447, 1086, 518, 344 etc., с. 879) ~ фрак. ИС Κουλα, Κουλια, Κολια, Κουλιος (Detschew 263);
- *krēethur- ‘?’: скиф. ИС Κτηεθύρης ἔγγονος Καβαθάξεω (КБН № 1113, с. 879)
- *kṛk-/ *korak-/ *korok-; *kṛkan-/ *korakan-/ *korokon- ‘горловина’: топоним *Керч, Керчь, Кърчевъ, Kercz, Kerč* — *kerč- ‘горловина (пролив)’, уже не одно десятилетие не дает покоя ономастам и этимологам. Первая внятная форма топонима имеется в Тмутараканской надписи 1068 г.: **вѣ лѣтѣ •S•Ф•S•инді•S• глѣбѣ кѣназѣ мѣрилѣ м[.] по ледѣ ѡ тѣмѣ торокана до кѣрчева •i• и д• сажѣ[.]**. Форма топонима **Кѣрчевѣ** безосновательно считается прилагательным к **Кѣрчѣ**³⁵. Свидетельства арабской книжности невнятны по причине ущербности консонантного письма. Скорее всего, уже Ибн-Русте (X в.) в сообщении о мадьярах, которые торговали славянами-пленниками в городе Крх — **حرك** (можно читать и кердж, так как арабские буквы джим ج, ха ح и ха خ отличаются лишь диакритическими знаками, нередко упускаемыми переписчиками), упоминает Керчь, а не Укрух. Эти свидетельства предшествуют водворению татар на полуострове. Определеннее свидетельство Абул-Фиды (1273–1331 гг.): «город, лежащий у входа в этот канал на западном берегу, называемый ал-Крш» (варианты **شركلا** ал-керш, **جركل** ал-кердж, **زركل** ал-керз). В последней четверти XVIII в. топоним имел прежний вид *Kercz* (Santini, 1777 г.). Убедительной тюркской этимологии топонима Керчь не суще-

стует, и видимо, быть не может. Остроумная этимология из тохар. *kerciye* ‘дворец’ (однокоренное с рус. *город, горожанин*), имеющая удовлетворительное семантическое обоснование (Керчь долгое время был столичным городом, резиденцией царька-гопарха Вирхора еще в VIII в.!), оставляет трудную проблему: в какой языковой среде произошла словообразовательная адаптация, а главное, какой язык посредник (аланский, сакский, древне-тюркский, хазарский) принес это слово из Таримского региона на Боспор? Славянская этимология на базе сущ. **кърчнн** ‘кузнец’³⁶ может быть принята только как народное переосмысление древними русичами иначе неясного названия. Она оставляет нерешенную проблему словообразования. Имеющая право на существование этимология Б. Унбегауна на базе вост.-слав. и праслав. **kърčevati*, ср. **kърčevina*, **kърčevišče*, **kърčevъje* ‘выкорчеванный лес, раскорчеванная земля, место, заросшее кустарником’ (ЭССЯ 13, 209) хорошо объясняет др.-рус. **Кърчевъ**, но непригодна для толкования формы Керчь. Этимология А. И. Соболевского на базе праслав. **kъркъ* ‘шея, горло’³⁷, поддержанная в свое время О. Н. Трубачевым³⁸ оставляет без ответа вопрос, в какой языковой среде **kъркъ* превратилось в *Керчь*, а не в *Корчь*? (а ведь это самое вероятное словообразовательное переоформление на славянской почве). К тому же, в славянских языках практически не представлено производное на -ь от **kъркъ* ‘шея, горло’. В семантическом и прагматическом отношении идея Соболевского и Трубачева имеет ясную поддержку в разноязычной традиции именовать Керченский пролив горловиной (ср. античные топонимы на восточном берегу пролива *Кораканда* и *Корокондама* *Κοροκονδάμη*, *Corakanda* — словосложения, (*korokon-dāmá[n]-*, *korakan-dā-* ‘вдающая воды в горловину пролива’, где *dāmá[n]-*, *dā-* ‘giver, donor to smth’) от туземных диалектных вариантов **kърkan-* (*korakan-*, *korokon-*), соотносительных с галльск. *cricon* ‘горло’³⁹ и др.-инд. *kърikaṇa-* ‘*perdrich sylvatica*’ и местное название (Панини), букв. ‘having a throat, larynx’, восходящим к *kърika-* ‘larynx, throat’⁴⁰, топоним на восточной стороне пролива Укрух *Ούκρουχ* ближе к осет. *хурх* ‘гортань, дыхательное горло’, чем к праслав. **kърхъ* ‘левый, по левую руку’, *Таматарха* — если из тюрк. диал. *тамах* ‘горло, глотка, гортань’, ‘устье, проток, протока реки’ и *тархан* ‘администратор с судебными функциями’ (ср. *Альма-тархан*, *Ас-тархан*, *Джин-тархан*, *Топе-тархан* и подобн.). Приме-

- чительно, что туземный слоговой *-r-* давал соседние гласные заднего ряда (*-oro-*, *-ora-*), т. е. был подобен праслав. слоговому *-r-* в **kьrkь* в отличие от галльск. и др.-инд. аналогов. На данной этимологии, пожалуй, можно остановиться. Топоним Керчь является заимствованием татар. диал. варианта *Керч*, *Кёрч* (ср. *tene* и *mène*), в свою очередь, заимствованного татарами у туземцев названия *Корч*, продолжавшего поздне-скиф. диал. **k̄rč-/korač-/koroč-*, результат словообразовательного переоформления первичного **k̄rk-/korok-/korak-* флексией *-i*, засвидетельствованного в античной ономастике Боспора (*Corac-an-da*). Об и.-е. **k̄rko-* ‘шейный сустав’, галл. *cricon* ‘горло’, см. праслав. **kьrčь*, **kьrkь* (ЭССЯ 13, 210–211, 218–219)⁴¹.
- *ksai-* ‘владыка’: ИС родоначальников скифских племен типа *Ἡροδότου* (Herodot.) ~ фрак. вторые части двусложных ИС *-ξης*, *-ξίς* (Γοαξίς, Ζάλμοξις, Ζυράξης, Μαμοξίς), *-xes*, *-xis* (Detschew 334) содержат в своем составе *-ksai-*, продолжающее трудно отделяемые друг от друга и.-е. **k'pei-* ‘siedeln, sich ansiedeln, eine Niederlassung gründen’ (ср. др.-инд. *kṣēt ti*, *ksiyāti* ~ авест. *šaēiti*; др.-инд. *kṣiti-* ~ авест. *šiti-* ~ др.-греч. κτίσις; др.-инд. *kṣētra-* ~ авест. *šōiθra-*; др.-инд. *kṣēma-* ~ арм. *šen* ~ др.-греч. κτοίνα) и **k̄p̄e[ij]-*, **k̄p̄a[ij]-* ‘erwerben, Verfügung und Gewalt worüber bekommen’ (ср. др.-инд. *kṣáyati* ~ авест. *xšayati* ~ др.-греч. κτάομαι, авест. *xšayō* ‘Macht’, др.-греч. κτέαρ, κτήμα) (Pokorny I, 626);
- *ksarθ-* ‘аристократ, царь’: скиф. ИС *Κιδυμόξαρθος* *Χοδαίνου* *ἄρχων* *Ταναειτῶν*, *Κιδύμαρχος* *ἢ* *Ἐντρέχης* (КБН № 182, 1242) ~ составная часть двусложных ИС *-xarth-* (Detschew 136–137) — гибридное скифо-сарматские ИС содержит заимствованную синдскую или сарматскую основу **k̄sathra-*, **xšatra-*. В результате заимствования могла произойти метатеза. В данном случае, очевидно, что скиф. *-rθ-* соответствует индоар. *-thr-*, т. е. *θ < th*. Аналогичные метатезы плавных имели место в сарматских и сакских диал., ср. осет. *Aχsar* и *Æχsærtæg* и сакск. *Ιαξαρθης*⁴².
- *kurathon* ‘?’: скиф. ИС *Κυράθων*, *Κυράθωνος* *θυγ.* *Χοίδρα* (КБН № 1266, 617, 618, 690, 1179, 45, с. 880) ~ фрак. *Κυραικης* *Ηρωσ*, *Κυρίδαυα*, *Κυρμιληνός*, *κυρος*, *κουρος* (Detschew 271);
- *kūtaio-* ‘плетёные земляные укрепления’: город на Боспоре Киммерийском *Κυτα*, *Κυταιον*, *Κυταε* (Mela, Plin.), *Κύτα* (Arrian.), *Κύταιον* (Ptol.), *Κύτας πόλις*, *εἰς Κύτας πόλιν*, *τὴν πρῶην λεγομένην Κυδεάκοι*, *μέχρι Κυτῶν Σκύθαι κατοικοῦσιν*, ἀπό

- δὲ Κυτῶν ἐς Κιτμερικὸν πόλιν (Анон.). Городище Китей IV в. до н. э. — IV в. н. э. находится в с. Заветное. Формальное толкование из др.-греч. τὸ κύτος, κύτεος ‘выпуклость’ неубедительно. Толкование из др.-инд. *koṭa* ‘крепость, городище’⁴³ вероятно, но необязательно. Более убедительно толкование из раннепраслав. **kūta*, **kūtajom* ‘плетёные земляные укрепления’⁴⁴, ср. праслав. **kyta*, **kytajь* (ЭССЯ 13, 279–280).
- *lagouom / *lakouom ‘стоячая вода, озеро’: гидроним в Западном Предкавказье *Lagoum* (< *Lacoum или < *Λαῦωον) может иметь формальное толкование из др.-греч. λαῦωον ‘заячье’, ср. др.-греч. λαῦός, λαῦώος ‘заяц’ — из праслав. **loky*, -ъve, продолжения и.-е. **laku* ‘водоем, стоячая вода, озеро’, ср. лат. *lacus*, -us; ирл. *loch*; ‘озеро’, кимр. *llwch*, брет. *lagen*, венето-иллир. *Lokūā*: *Pennelocōs*, -ous, англо-сакс. *laga-* < *lakū (Pokorny I, 653);
- *lagura / *lakura ‘с заливом, с лагуной’: портовый городок (крепость близ села Веселое, Судакск. р-н.?) в Южнобережной Таврике Λαγύρα — из и.-е. **laku-* ‘озеро, стоячая вода, лужа’ (Pokorny I, 653) и суффикса избылиия **-ur-* (ср. Αγκυρα, Κορκυρα);
- *lazdenos ‘ореховая жердь’ (?): фрак. ИС Λάζενοϛ (КБН № 25, 36, с. 880) ~ фрак. Λαζερης, ἄλαζιες (Detschew 273–274) может иметь этимологию на основе лит. *lazdýnas* ‘Haselnußstrauch’, производного от *lazdà* ‘Hazelstecken, Stock, Stab’, ср. МН др.-прус. *Laxdenen*, лит. *Lazdėnai*, лтш. *Lagzdine* (Fraenkel, 348);
- **li-[a]pa* ‘льющаяся вода’ или *lipa ‘водоем, сосуд с водой’: гидронимы *Луна*, *Гнилая*, *Згнилая*, *Лысая*, *Золотая Луна* в басс. Днестра, п. Немана, Приток Сожи. Ср. Λιποξαιϛ, Ροδοπη и *Стрыпа*⁴⁵ — уникальное суффиксальное производное на -*p-* от и.-е. **lēi-*, **lēi-* ‘лить’ (Pokorny I, 664–665);
- **lipo-ksai-* ‘владыка сосуда для возлияния’ (?): имя одного из родоначальников скифских народов Λιποξαιϛ (Herod.) ~ фрак. МН Λίπαξος (Detschew 276) — из и.-е. диал. **li-po-* ‘возлияние, лейка’ (Pokorny I, 664), **lipo-* ‘липовый лес’? (неубедительное толкование в связи с осет. *æxsin* и *xur* Абаев IV, 236, 248): Λιποξαιϛ;
- **lit-* ‘глинистая, грязная’ или ‘литье, прилив’: гидроним *Луть*, *Лутка*, лат. *Lit*, п. п. Горского Тикича, п. п. Синюхи, л. п. бас. Ю. Буга ~ фрак. гидроним Λίσσοϛ, Λίσοϛ, *Lissus* (Detschew 277) получает наиболее убедительную этимологию на основе лит. *lytūs*, лтш. *liētus* ‘ливень’, лит. *lytīs* ‘форма для литья’,

- ср. лит. *Lėita*, река в клайпедском районе Литвы, лит. *Lietuvà*, *Leitis* ‘страна приливов’, продолжающих и.-е. диал. **lei-t-/ *li-t-* ‘ливень, литьё, прилив’, лат. *litus* < **leitōs-* ‘край приливов’. Далее ср. иллир., алб. *leth* ‘мокрая глина’, др.-в.-нем. мн *Lītaha*, *Leitha*⁴⁶;
- *lupa-*: гидроним *Луна*, п. Ирпени, п. п. Днепра, польск. *Lupia*, пр. Бзуры *Lupowa*, нем. *Lupow* в Прибалтике, лат. *Lupia*, *Lupiae*, нем. *Lippe*, пр. Рейна, *Lupiae* — МН в Калабрии, *Lupitia* — МН в Апулии⁴⁷ — из лит. *lupù*, *lupti*, лтш. *lupt*, лит. *laupyti*, лтш. *laupit* ‘облупить, снять кожуру’, праслав. **lupa*, продолжающих и.-е. диал. **leup-* (Pokorny I, 690–691);
- *mā* ‘мать’ или ‘обман, наваждение’(?): скиф. ИС *Mā* (КБН № 132, 796, 692, 525, 135, 619, 280, с. 881) ~ фрак. ИС *Mā*, ματ, ματ, μη, μετ, μαῖα, μᾶ (Detschew 278) — можно толковать на основе и.-е. термина родства или и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать, украдкой, морочить, обманывать, колдовать’ (Pokorny I, 693);
- *mad-*, **madak-*: скиф. ИС *Máda*, *Máδακος*, *Máδωις* (КБН № 456, 1282, 1279, с. 881) ~ фрак. ИС *Maδayava*, *Maδακος*, *Madocus*, *Madoce* (Detschew 279);
- *māiu-* ‘мановение, знамение, наваждение’: скиф. ИС *Mάης*, *Μαέους* (КБН № 457, 620, 1242, 83, 621, 546, 1283, 750, 623, с. 881) ~ фрак. ИС *Μαῖς*, *Μαισάδης*, *Μαισιρα*, *Μεσῖρα* (Detschew 282) возможно толковать на основе праслав. **majati* (ЭССЯ), лит. *móti*, *móju* ‘махать рукой, подавать занк’, лтш. *māt*, *māju* — тж., продолжающих и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать, украдкой, морочить, обманывать, колдовать’ (Pokorny I, 693);
- *makara* ‘болотистое, мокрое место’: город *Macara*, *Machara*, *Machare* (Rav. anon.), м. б., п. им. Войкова, племя *Μαχαρηνοί*, *Μακορες*, *Macores*, *Machares* можно этимологизировать из скиф. **makara* ‘болотистое, мокрое место’, продолжающего и.-е. **makaros*, **makara* ‘мокрый’, производного с суф. *-ar-* от корня **māk-*, *māk-* (Pokorny I, 689), ср. лит. МН *Makaraĩ*, лтш. *Makari*, лит. *mākaras* ‘подвижный, бойкий человек; непоседа’, праслав. **mokръ(jь)*⁴⁸. Но нельзя исключить возможности образования топонима и этнонима от ИС *Μαχαρης* (один из сыновей Митридата). Наконец, вероятна и тотемическая природа этнонима *Μαχαρηνοί*, *Μακορες*, ср. др.-инд. *mākara-* ‘большая рыба, дельфин, морское чудовище, крокодил’ (этимологически тождественно праслав. и балт. словам, но с особым семантическим развитием).
- *malda-*: скиф. ИС *Mάλδα[γος?]* (КБН № 1099, с. 882) ~ праслав.

- *molǵ (ЭССЯ 19, 174–179);
- *matia ‘матушка, кормилица’ или ‘мановение, знамение, наваждение’ (?): скиф. ИС Μάμιος, Μαμία (КБН № 281, 427, 460, 622, 797, с. 882) ~ фрак. -ματμιον, -*mat*[*m*]i^{um} ‘грудь’ (Detschew 283–284) — проще всего возвести к термину родства, но можно предложить толкование на базе праслав. *matiti ‘обманывать, обольщать’, *matъ ‘приманка’ (ЭССЯ 17, 189, 190–191);
- **mand-* (?): скиф. ИС Μάνδασος, Μανδάσου (КБН № 1287, с. 882) ~ фрак. μανδάκης· δεσμόν· χόρτον (Detschew 284);
- *manēs ‘наваждение или дух умершего’: скиф. ИС Μάνης, Μάνεω, Μανία, Μᾶνις (КБН № 222, 249, с. 882) ~ фрак. ИС Μανης, Μανις, *Manius*, *Mania* (Detschew 285) — из праслав. *mana, *manъ, *manъ, *manъja (ЭССЯ 17, 195–196; 201–203), продолжающих и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать, украдкой, морочить, обманывать, колдовать’ (Pokorny I, 693), ср. (совместные инновации?) лат. *mānes* ‘души умерших’, *māniae* ‘призраки мертвых, страшные приведения’;
- **mast-* ‘рыболов’ или ‘узкая лента из скрученных ниток’: скиф. ИС Μαστούς, Μάσταρος, Μασταρούς, Μαστας, Μαστο, Μαστους, Μαστουνος (КБН № 87, 1266, 463, 930 и др., с. 882) ~ фрак. Μασταρος, Μασταρους, Μεσταρω, Μαστας, Μεστας, μαστης, Μαστος, Μαστους, *Mastus*, *Mastutus* (Detschew 290–291) можно толковать на основе лит. *māstas*, лтш. *masts* ‘Fischzeug’ или лит. *māstas*, *mastis* ‘schmales Zwirnband’, относимых к группе слов *mātaras* ‘Pfahl, Hebel, Riemen etc.’, *matāras* ‘Spindel, Spinnrad’ (Fraenkel, 413–414);
- *mažis ‘маленькая’: скиф. ИС Μάζις (КБН № 200, с. 881) ~ фрак. ΜΗ Μαζαῖον, ИС Μαζαῖος, вторая часть двусоставных ИС μαζος, μαση· μεζος (Μανιμαζος, Βυμαζος, Πατουμαζος) (Detschew 280) можно толковать на основе лит. *māžas*, лтш. *mazs* ‘klein, gering, wenig’, лит. *mōžis* ‘Kleinigkeit’ (Pokorny I, 422), авест. *maz-* ‘groß’⁴⁹;
- *mažotos ‘малыш’: скиф. ИС Μάζοτος (КБН № 196, с. 881) ~ фрак. μαζος (Detschew 280) — ср. др.-прусс. ИС *Masutte* (Pokorny I, 422), можно толковать на основе лит. *māžas*, лтш. *mazs* ‘klein, gering, wenig’, лит. *mōžis* ‘Kleinigkeit’ (Pokorny I, 422), но авест. *maz-* ‘groß’⁵⁰. Суффикс весьма напоминает праслав. -ota, -ѣтъ, ср. *argotas;
- **mēsak-* ‘месяц?’: скиф. ИС Μήσακος (КБН № 1281, с. 884) ~ фрак. ИС Μήσακος (Detschew 303);
- **mes-plēn-* ‘полнолуние’: скифская глосса μεσπλην· σεληνην спра-

- ведливо трактуется из и.-е. **mes* ‘месяц, луна’ и **plēn-* ‘полный’; скифскую глоссу μέσπλην предпочтительнее реконструировать как сложение и.-е. диал. **mes-* ‘месяц’ (ср. праслав. **mes-ecь*) и **plēn-* ‘полный’ (ср. лат. *plēnus*). Индоиранские параллели (др.-инд. *mās-*, *prātá-*, авест. *pərənō.māh-*) имеют специфические отличия в морфологическом строении, в реф-лексах консонантизма и вокализма;
- *mēthakos* ‘глазомер’ (?): скиф. ИС Μήθακος (КБН № 98, 105, 1282, 196, с. 884) ~ фрак. ИС Μήθακος (Detschew 302), ср. лит. *mētakis* ‘Augenmass’ (Fraenkel, 445);
- *mintana-* ‘мутная’: скиф. ΜΗ Μιντανα ~ фрак. этноним Μινδαῖοι, *Mindianus* (Detschew 395) — из и.-е. диал. **menth-* ‘двигать, вращая; мутить’, ср. праслав. **szь-mętana* (Pokorny I, 732);
- *moka-poris* ‘сын Моки’: скиф. ИС Μοκάπορις, Μοκκατόρεος, Μοκατόριος, Μόκκος, Μόκκου (КБН № 663, 937, 1270. 1280, 1282, с. 885) ~ фрак. мокаτ, Μοκαπορις, Μοκαπορος (Detschew 310)⁵¹;
- *mokkaθas* ‘?’: скиф. ИС Μοκκόθας, Μοκκόθα (КБН № 473, с. 885) ~ фрак. *Moccasus* (Detschew 310);
- *mus-* ‘влага, сырость’: таврич. ΜΗ Μισχορ, Μυσαχορι ~ племя в низовьях Дуная Μισοι, Μοισοι, река Μουσαῖος, Μουσέος (н. Бузеу) — из и.-е. **meus-*, *musós* ‘влага, сырость’, лит. *mūsaĩ*, *mūsos* (Pokorny I, 742);
- *na* ‘няня’ (?): скиф. ИС Νᾱ Μάνεω (КБН № 222, с. 886) — предположительно из и.-е. **(s)nā-* ‘река’ (Mayer. Illyr. II, 81–82)?;
- *na-is* ‘водяная нимфа’?: скиф. ИС Ναῖς (КБН № 314, с. 886) ~ фрак. топоним и этникон Ναῖσος, Ναῖσιτις (Detschew 314) — предположительно из и.-е. **(s)nā-* ‘река’ (Mayer. Illyr. II, 81–82) или из и.-е. диал. **nai-* ‘вода, течение’, ср. др.-греч. ναῖας, ἄδος ‘проточная вода’, Ναῖς, -ίδος ‘наяда, речная или водяная нимфа, русалка’?;
- *nana*, **nanea-*: скиф. ИС Νάνα, Νανοβαλάμυρος, Νάνεις, Νάνει (КБН № 209, 225, 285, 380, 1125, с. 886) ~ фрак. ИС *Nana*, *Nanea*, Νανω, Νάνας (Detschew 327);
- *nara-*, **naraia-* ‘племянник, потомок’: скиф. царское ИС Νάρην, его потомки Νάραι, Νάρας (Diod. II, 43), *ibi Napaei interisse dicuntur a Palaeis* (Plin. NH 6, 50), три племена Таврики *Sinchi*, *Napaei*, *Ari[n]chi* (Amm. Marc. XXII, 33) ~ фрак. Νάραις, Νάρουκα, *Narosa*, *Napucensis* (Detschew 327) — ср. иное оформление в лат. *nepos*, *-otis*, др.-инд. *napat-*, авест. *napat*⁵²;
- *parit-*: скиф. ΜΗ Παπῖτης — ср. иное оформление в лат. *nepos*,

- otis, др.-инд. *parat-*, авест. *parat*⁵³;
- **nau-ak-* ‘новак’: скиф. ИС Ναύακος (КБН № 1245, 1280, 1287, с. 886) ~ лит. *naujōkas* ‘новичок’, ‘новобранец’, праслав. *novakъ (ЭССЯ 25, 225–226);
- *nedra ‘тростниковая’ или ‘стремнина’: гидроним *Недра* в басс. Сулы ~ из и.-е. **nedo-* ‘тростник’, **ned-ro-* ‘тростниковая’, ср. лит. *néndrė, néndrės* ‘тростник’⁵⁴, лит. этноним *nadrowia* ‘тростниковые’ (?) или и.-е. **ned-* ‘стремиться’ (Pokorny I, 759), иллир. **ned-*, **nad-* ‘tönen (Bach)’, *Nedidum, Nedino, Neditas, Neditu* (Mayer Illyr. I, 239; II, 82, 83);
- **neur-*: племя в Скифии, по реке Тире Νευροί (Herod. IV, 17, 51, 100, 102, 105, 119, 125), *Neuroe* (Mela, Plin.) ~ лит. МН отэтнонимного происхождения *Norowa, Narāvai, Nerāvai*⁵⁵ — давно уже сопоставили с кельтским племенным наименованием *Nervii*; оба имени восходят к др.-европ. прототипам **neur-/neru-*⁵⁶; но возможна альтернативная этимология на базе праслав. *nyra, *nyръ, *nyръкъ (ЭССЯ 26: 63–64, 65);
- *nibl-o-bōg-os ‘?’: скиф. ИС Νιβλόβωρος (КБН № 1245, 1251, 1282, с. 887) ~ фрак. ИС Νίβας < νίβα· χιόνα καὶ κρήνην (Detschew 331) — при неясности семантики корней, словообразование (сложение с соединительным -o-) имеет очевидный неиндоиранский облик, ср. структуру рус. *крахобор, Медоборы*.
- *noti-sar-uua ‘нимфа морской влаги’ или ‘нимфа крапивы’: ИС ж. р. Νοτισαρύη⁵⁷ — первый компонент имени можно толковать на базе родственных лит. *notis* ‘Ereignis, Fall’, др.-прусс. *noatis* ‘Nessel’ (Fraenkel, 508–509);
- **oktama-sad-*: скиф. царское ИС ’Οκταμασάδην, ’Οκταμασάδης, ’Οκταμασάδη, сын дочери фракийского царя Терея и Ари-апифа, царя скифов, брат Скила, племянник Ситалка, сына Терея (Herod. IV, 80) ~ вторая часть двучленных фрак. имен собственных -σάδης, -σάδας соответствует др.-инд. второму компоненту сложных имен -*sád* ‘сидящий на чем-л., живущий в чем-л.’ (Detschew 409–410). Лучше всего толкуется на базе и.-е. *ok tamos. Ср. аналогичные формы этого числительного: лит. *āšmas*, др.-прусс. *asmus, asman* (вин. п.), праслав. **os(t)мъ*, авест. *aštama-*, осет. *æstæm*, др.-инд. *aṣṭamá-*, и м. б., др.-ирл. *ochtmad*. В нескольких и.-е. диалектах некогда бытовал весьма продуктивный способ образования порядковых числительных на -*amos*: ср. др.-инд. *prathamá-* ‘1-й’, *pañcamá-* ‘5-й’, *saptamá-* ‘7-й’, *aṣṭamá-* ‘8-й’, *navamá-* ‘9-й’, *daśamá-* ‘10-й’, *vinçatitamá-* ‘20-й’, *trinçattamá-* ‘30-й’ и т. д. до *çatatamá-* ‘100-й’,

- sahasratamá* - '1000-й', осет. *цыппæрæм* 'четвертый', *фæндзæм* 'пятый', *æхсæзæм* 'шестой', *æвдæм* 'седьмой', *æстæм* 'восьмой', *фарæстæм* 'девятый', *дæсæм* 'десятый'⁵⁸, лат. *primus, septimus, decimus, vicesimus, tricesimus, quadragesimus, quinquagesimus, sexagesimus, septuagesimus, octogesimus, nonagesimus, centesimus, millesimus*. А в греческом аналогичное образование имеет только ἑβδομος '7-ой' (ЭССЯ 36, 50–52). См. *radamsades;
- *oroia 'водная, речная' (?): скиф. ИС Ὀλοίη (Herod. IV, 78) — фрак. ὄλα, ὄλη 'вода, река' (Detschew 19, 343);
- *ōrog < *au-rog 'у напора; прохода, брода' (?): река на Северном Кавказе *Opharus*, племя, живущее по ее берегам *Opharitae* (Plin.) ~ фрак. *-para*, *-пара*, *-паров*, *-парос*, *-паров* и *-phara* = *-para* (Detschew 356–357, 533) — из и.-е. приставочного образования **au-* и *poro-s 'проход, брод', производного от глаг. **per-*, **perə-* 'проходить, брести' (Pokorny I, 816–817);
- **ord-* 'род, родоплеменная группа' или 'рады, радостные, радующиеся (богине Кали)': одно из племен Таврического хребта *Caliordi* (Plin.) ~ фрак. МН Ὀρδησσός, *Ordesus* (Detschew 344) — из праслав. *ordъ 'род' или 'рад, радостный, веселый' (ЭССЯ 32, 159–161);
- *orikos жеребец: скиф. ИС Ὀρικός Ἀριαλεΐθει παῖς (Herod. IV, 78) — из праслав. *orikъ, производного с суф. *-ikъ* от *orb 'конь' (ЭССЯ 32, 162);
- *oule-isiom 'пещерное', **oule-iz-* 'жертвенник, святилище Уле' или *oleu-isiom 'изобилующее оливками': место в южнобережной Таврике *Oleuz*, *Oleiz* ~ фрак. Ὀλο-, Ὀλου-, *Olu-*, *Ulu-*, или Ἀυλο-, или МН Οὐλιβουλα, *Ulu-*, *Ulūzolos*, *Ulucitra*, вторая часть двусложных имен *-ίς* (Detschew 34–38, 214, 348) — и.-е. *oule-isiom < **Hlw-*; **Hul-* 'продолговатая полость', ср. лит. *avilys*, лтш. *aulis* 'вид улья', ст.-слав. *оулинъ* 'углубление в дереве', и, может быть, лит. *olà, olè (uolè)* 'пещера', др.-инд. *vala-* 'пещера', далее хетт. *hallu* 'глубокий', лат. *alvus* 'полость, углубление', др.-греч. *αυλος* 'продолговатая полость', тох. Б *aulon*; МН *Oleuz*, *Uleuz* можно реконструировать и как *oleuisiom 'изобилующий оливками', лат. *olivatum*, греч. *ἐλαιους*;
- **pa-* = **po-* приставка 'па-, по-': скиф. МН Πα-συρίς ~ лит. *põ*, праслав. **po-*, **pa-*;
- **paba-*: скиф. ИС Πάβας, Πάβα (КБН № 1179, 1232, 1259, 1144, 1259, 1145, с.890) ~ фрак. ИС Παιβης, Παιβις, Παης (Detschew 351);

- **ragan, pagas* или **ra-gan-* ‘?’: скиф. ИС Πάγαν, Πάγανος, Πάγας (КБН № 36, 907, с. 890) ~ фрак. компонент ИС *-pagissa, Dirragissa* (Detschew 350);
- **pairi-* ‘вокруг, по бокам, со всех сторон’: в составе боспор. ИС Παίρακος, Παιρείσαλος, Παιρεισάλου, Παιρισαλος, Παιρισάδης, Παιρισάλος, Παιρισάλους, Παιριφάνης, Παί.ίρδαλος (КБН № 36, 480, 1022, 347, 266, 946, 481, 509, 698, 903, 222, с. 886, 890) ~ фрак. παιρι-, παρει-, παρι-, παρυ- (Detschew 353);
- *pairi-sades ‘огражденное место или сидящий / едущий верхом со всех сторон’: распространенное боспорск. ИС Παιρισάδης (КБН № 113, 10, 11, 971, 1039, 1040, 1015, 1042 etc., с. 841) ~ фрак. ИС Βυρισάδης, Βηρεισάδης, Παρεισάδης, Παρυσάδης (Detschew 57, 353, 357, 359) — толкование из др.-инд. *parisad* ‘сидящий со всех сторон’⁵⁹;
- **pairi-salos, *pairisalus* ‘прыгающий, скачущий по кругу’ (?): скиф. ИС Παιρισάλος, Παιρείσαλος, Παιρεισάλου, Παιρισάλους (КБН № 480, 1022, 347, 266, 946, 481, 509, 698, 903, 222, с. 886) ~ фрак. παιρι-, παρει-, παρι-, παρυ- & -σαλος, -σαλους (Detschew 353, 415);
- **pala-, *palaia-* ‘старый, старший, предок’: скиф. царское ИС Πάλον, его потомки Πάλοι, Πάλους (Diod. II, 43), ibi Naraei interisse dicuntur a *Palaeis* (Plin. NH 6, 50) ~ фрак. Παλα-, *Palae* станция у р. Гебр (Detschew 354), ср. этноним северной Каппадокии *Pala* — палайцы;
- *ramai-os или *ra-maios ‘?’: скиф. ИС Παμαῖος, Παμαίου (КБН № 1269, с. 890);
- **ranti-* ‘путь’: гидроним и МН Παντικάρης, Παντικάταιον — из и.-е. диал. **ponti-*, ближайшего прототипа праслав. *protь, лат. *pons, pontis*, осет. *фæндæг* (производное сущ. или прил. с суф. *-æg* от алан. **fand-* < **pant-*), ср. и.-е. диал. нулевая степень огласовки **pnt-H-*, представленная в др.-прус. *pentēs, peentes, pintis*, др.-инд. *patháh*⁶⁰;
- *para ‘?’: скиф. ИС Πάπας, Πάπα, Πάπου, Παπέας, Πάπης, Παπίας, Παπίου, Πάππος, Πάππου (КБН № 486, 1142, 1208, 1235 etc., 730, 286, 75, 1159, с. 891) ~ фрак. ИС Πάπας, Παπιας, Πάπος, Πάππος, Παππωος, Ζευς καὶ Ἄττις (Detschew 355–356);
- *parulos ‘тополь’ (?): скиф. ИС Παπύλος (КБН № 1137, с. 891) ~ фрак. ИС Παпύλος, Παпύλης (Detschew 356);
- **para-* ‘сквозь, в течении; через, на ту сторону, на той стороне’: Πάραλος (КБН № 912, с. 892) ~ фрак. пара-, пар-, παρει-, παρι- (Detschew 357), лтш. *par-*, лит. диал. *paĩ-, peĩ-* ‘hindurch,

- hinüber', 'bei, zu', лит. *par* 'zurück, heim' (Fraenkel, 539) из и.-е. **per-*, др.-греч. παρά 'подле, возле, у, при';
- *para-alat-ai 'приморские' или *para-lāt-ai 'на той стороне широкой (реки) (обитающие)' или 'обитающие в обширном царстве': скиф. этноним Παράλαται, ИС Πάραλος (КБН № 912, с. 892) ~ фрак. Παράλλισσον, *Paralisensis* (Detschew 357). Можно трактовать как и.-е. диал. префигированную форму **para-lata-* 'на той стороне широкой (реки) (обитающие) или обитающие в обширном царстве', ср. лат. *lātus, lāta, lātum* 'широкий (о реке, рве), обширный (о царстве, пределах)'; возможно объяснение на базе др.-греч. παράλος 'приморский, находящийся у моря'.
- **para-sinu-* 'на той стороне залива, изгиба реки (живущий)': топоним в Таврике *civitas Parasinum* можно трактовать, как и.-е. префигированную форму **para-sinu-* 'на той стороне залива, изгиба реки (живущий)', ср. лат. *sinus* 'залив';
- *parma 'канат, плетёнка' (?): скиф. ИС Πάρμα, Πάρματα (КБН № 216, 218, с. 892) ~ фрак. глосса πάρμη, *parma* 'ὄπλον πάλμη γέρον' (Detschew 358);
- **parthain-*: скиф. ИС Παρθαίνη Γ. Κα... (КБН № 1221, с. 892) ~ фрак. ИС *Parthiscus* (Detschew 357) — из **patra-in-*?;
- *pa-siuris 'северный' или 'дождевой сток': МН Πασυρίς πόλις περὶ Καρκινίτην ποταμόν (Ptol.) — сродни лит. *pasiáuris* 'субарктическая зона' (Fraenkel, 978), лит. диал. *pašiūrē* 'боковой сток кровли, кровельный лоток' при лит. *šiūē* 'ливень' (Fraenkel, 993);
- **pata-* 'бить, избивать' или 'господин': мужеубийцы-амазонки по-скифски οἰόρπατα ἀνδροκτόνοι (Herodot. IV, 110, lin. 3) ~ фрак. ИС *Patavissa*, Πάταρος, Πατας, Πατης, Πατασινος, Πατασιος, Πατουμας, Πατουμασης (Detschew 359–360) — из и.-е. **pat-* 'бить, избивать' или **pet-* 'господин' (Pokorny I 830–831), ср. болг. диал. *nátkam* 'бить, избивать';
- **patas-*: скиф. ИС Πατάσιος, Πατασίου, Ποτασίου (КБН № 270, 352, с. 892) ~ фрак. ИС Πατας, Πατης, Πατασινος, Πατάσιος, *Potazis* (Detschew 360);
- *-*peiθ-eu-* 'убеждаемый, убежденный, повинующийся, следующий, верящий (предсказанию, пророчеству)', в составе савроматско-скифского сложного ИС, см. **arija-peiθ-* 'повинующийся определению оракула': скиф. Царское имя Ἀριαπίθεος, Ἀριαπίθει, Ἀριαπειθης, Σπαργαπίθεος (Herod. IV, 76, 78) — можно толковать, исходя из др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσω, πείσομαι 'убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеж-

- даться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться', ср. лат. *fido, fisus sum, fidere* 'верить, доверять, полагаться'.
- **per-* 'проход, брод': гидроним *Солонипер* ~ фрак. *-pera*, *περα*, *περ*, *περι* (Detschew 362–363) — из и.-е. **per-*, **perə-* 'проходить, брести', *poro-s 'проход, брод' (Pokorny I, 816–817), продолжением которого являются рус. *переть, пры*.
- **phusk-*: город в Скифии *Φυσκη πόλις*, ср. *Φυσκα* — город в центральной Македонии, *Φυσκος* — город в Локриде Озольской; *Φυσκος* — гора близ Кротона в Брутии; приток реки Тигр — из лит. *puskas*, лтш. *puskis*, праслав. *puhnoti (Pokorny I, 848), продолжающих и.-е. **phusk-* 'пухлый, пышный', ср. др.-греч. *φύσκα*, *φύσκη*, *φύσκων*;
- **pik-* 'татуированные или пёстрые псы': племя на северном Кавказе *Pici* (Πικιοί) ~ фрак. *Πικος*, *Πικήνσιοι*, *Πιγκοί*, *Πινκισος*, *Picenses*, *Pincus*, *Aeliana Pincensia* (Detschew 368), ср. *Picus*, *Πικος* — Пик, сын Сатурна (Зевс Пик), первый царь Латия, латинская область *Picenum*, иллир. топонимы *Picentum*, *Picusus*, ИС *Picaus* — из и.-е. **peik-/ping-* 'пестрый', ср. тох. А *pik-*, *pek-*, лат. *pictor*, и, м. б., галл. ЭН *Picti*, *Pictavi*, *Pictones* (Pokorny I, 794–795). С другой стороны, праслав. *pisati, *рьсь, *рьсьсь, *рьстрь;
- **-pis-eu-* 'убеждаемый, убежденный, повинующийся, следующий, верящий (предсказанию, пророчеству)', в составе савроматско-скифского сложного ИС вождя массагетов, сына царицы Томирис *Σπαργαπίσης* (Herod. I, 211, 213; IV 76, 78), см. **agiia-reitheu-* 'повинующийся определению оракула', ИС 'Αριαπείθεος, 'Αριαπείθει, 'Αριαπειθης, *Σπαργαπείθεος* (Herod. IV, 76, 78) — можно толковать, исходя из др.-греч. *πείθω*, *πείθομαι*, *πείσω*, *πείσομαι* 'убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться', ср. лат. *fido, fisus sum, fidere* 'верить, доверять, полагаться';
- **pito-pharnak-* 'имеющий драгоценный фарн': скиф. ИС *Πιτοφარიάκης*, *Πιτοφარიάκου* (КБН № 1278, с. 893) ~ фрак. глосса *πιτύη*: *θησαυρος* (Detschew 372) — скифо-сарматский гибрид;
- *plak-ia 'плоскогорье, ровное место': таврический город *Taurorum oppidum Placia*, ср. *Πλακος* — гора в Мисии, город пеласгов на мисийском берегу *Πλακια*, *Πλακιη* — сродни лит. *plākas* 'пятно, клякса, Schmutzflecken, Kleks', вост.-прус. *plak* 'пят-

- но, Flek', лтш. *plakt* 'становиться плоским, низменным, *flach werden*', лит. глаг. *plàkti, plakù*, сущ. *plākė, -is* 'невозделанная земля под паром, Brachsen, Brasten, blei, Plotze', *plākanas*, лтш. *plāce, plācenis*, лтш. *pluoki* 'местоположение, положение; слой, пласт' (Fraenkel, 601–602), продолжающих и.-е. **plā-k-* 'ровный, плоский', ср. др.-греч. πλαξ, κός, лат. *placere, placare* (Pokorny I, 831);
- **plēn-* 'полный': по-скифски μεσπλην 'полнолуние' — из и.-е. **pln-* 'полный', ср. лат. *plēnus*, лит. *pilnas*, лтш. *pilns*, праслав. **ръlnъ* (Vasmer III, 312);
- **pleten-* 'широкий, широко простертый' или 'плетённый': гидроним Приднепровья *Плетенский лиман* ~ фрак. Πόλτυν παρά τὸ πέλω, ξυλοκάστρον, глаг. имеет знач. 'вращать' (Detschew 373–374) — происходит из и.-е. **pltu, *pletenos / *platanos* 'широкий, широко простертый'⁶¹, но ср. рус. *плетень* (название могло быть мотивировано древней техникой укрепления берегов плетнем);
- **po-* = **pa-* (см.)
- *poros 'статуя, идол': скиф. глосса πόπος: ἀγάματα (Herodian.), ср. рус. оборот *поставить на попа*, т. е. вертикально;
- **por-* 'проход, брод': *Opор*, и река в Приазовье *Porites* (Mela, Plin.) ~ *-poris, -por, -pora, -porus* (Detschew 374, 375) — из и.-е. **poros* 'проход, брод', соотносительного с глаг. **per-, *perā-* 'проходить, брести' (Pokorny I, 816–817), ср. *переть, пры* и *напор*;
- *polla: скиф. ИС Πόλλα (КБН № 703, с. 894) ~ фрак. ИС Πολλῆς (Detschew 373);
- **pont-ik-* (?): скиф. ИС Ποντικίων, Ποντικός, Ποντικοῦ (КБН № 710, 1263, 1053, 1298, с. 894) ~ фрак. ИС Πόντος ποταμός (Detschew 374);
- *po-sidima 'у седловины, седла': торжище юго-восточной Таврики *Po(s)sidima* — из **(a)po-sidima*, и.-е. **sed-/sid-* 'сидеть, садиться оседать'; ср. лат. *sido, sidi, sessum, sidere* 'садиться, оседать', др.-рус. *сѣдѣти, сидѣти*⁶² и суф. *-ima* типа хетт. *-ima* (< и.-е. *-mo-*)⁶³, сравни, впрочем, слав. суф. *-imъ(jь), -ima(ja), -imo(je)*, образующий отглаг. прилаг.: **sadimъ, *stavimъ, *(ne)(do)stizimъ, *(ne)vědimъ, *(ne)vidimъ, *(ne)vredimъ* и мн. др.;
- **po-stigia-* 'по стезе, по торному пути': город внутренней Таврики Ποστύγια — из и.-е. диал. **(a)po-stig(h)-ia*, где присутствует и.-е. корень **steigh-* (вариант *stoigh-*) 'стезя, следы животных и человека, протоптанные тропы и пути', **stьgnoti, *stьz(j)a*⁶⁴;
- **potasio-* (?): скиф. ИС Ποτάσιος, Ποτασίου (КБН № 270, 352, с.

- 894) ~ фрак. ИС *Potazis*, Ποτάσιος, Πατάσιος (Detschew 376);
 *purros (?): скиф. ИС Πύρρος, Πύρρου (КБН № 923, 504, 1137, с. 895) ~ фрак. ИС *Pyrrhus*, *Purrus*, *Pyrrus*, *Pirus*, Πυρρίας, Πυρρος (Detschew 387);
- *gādam[a]- ‘первый, первичный, перво-’ или ‘радость’ (?): скиф. ИС Ραδάμασις, ‘Ραδαμάσεως, ‘Ραδάμειστος, ‘Ραδάμιος, ‘Ραδαμόφουρτος (КБН № 36, 1277, 947, 1278, с. 895), даже если это действительно вост.-и.-е. вариант, родственный др.-инд. *prathama-kalpika* ‘тот, кто только приступил к изучению Вед, йог на первой ступени обучения’, *prāthamya-* ‘первенство’, авест. *fratama-* ‘первичный’ (сомнения остаются!), этот компонент ИС вошел в систему скифского именного словообразования. Ср. критск. (ахейск.) ИС ‘Ραδάμανθυς, υος, которое может оказаться и нетождественным др.-инд. *prathama-*, чему препятствует не только развитие анлаута, но и слишком раннее озвончение интервокального глухого. Не имеем ли мы дело с основой **radama-* (словообразование типа **oktama-*), однокоренной праслав. *radь (восходящего к и.-е. **rēd-*: **rōd-* ‘ободрять, поощрять’, ‘веселый’)? Ср. рус. *рад*, *радеть*, *радовать*, *радость*, лит. *rōds* ‘рад, охотно’, др.-инд. *rādha-* ‘успех, удача’, ‘благословение’, ‘благополучие’, авест. *rāda* ‘опекун, попечитель’, англо-сакс. *rōt* ‘радостный, благородный, веселый’, др.-в.-нем. *rāt* ‘имеющееся в наличии средство’, ‘совет’, ‘забота’;
- *gadamasis ‘первый’ или ‘радость’ (?): скиф. ИС Ραδάμασις (Пантикапей) (КБН № 36, с. 895) — сложное имя с именной второй частью, или суффиксом *-asi-*;
- *gadam-phōn ‘первый говорящий’ или ‘радостно звучащий’ (?): скиф. ИС Ραδαμφων (Ольвия).
- *gadamistos ‘первенец, первейший’: скиф. ИС Ραδαμειστος (Танаис, Феодосия) (КБН № 1277, 947, 1278, с. 895), ср. имя иверийского царевича у Тацита *Radamistus*, *Radamistus Pharasmani*; обращает на себя внимание суффиксация *-ist-*, вполне праслав. вида;
- *gadam-sadi-s ‘председатель’: боспорск. царск. ИС Ραδαμσάδης (Пантикапей), сопоставимо с критским (ахейским) ИС ‘Ραδάμανθυς, υος и может быть нетождественно др.-инд. *prathama-*. Ср. **oktama-sad-*;
- *gāthēs ‘совершающий (гадание), изрекающий (предсказание)’: ИС Αριαράθης (Пантикапей) — фрак. Ραθίβιδα ‘сонная трава, ботва’ (Detschew 558) < и.-е. **rādh-*, ср. праслав. *raditi ‘заботиться, соблюдать, стараться’, лит. *rōdyti* ‘показывать’, ирл. *imm-*

rādim ‘обдумываю’, др.-инд. *rādhyati* ‘удается, справляется’, *rādhyate* ‘удается’, *rādhayati* ‘совершает’, *rādaiti* ‘исправляет’, *rāda-* ‘попечитель’, гот. *garēdan* ‘предусматривать’, *rōdjan* ‘говорить’, др.-сакс. *rādan* ‘советовать, замышлять’;

*gausimodos ‘вырытая трясина’ (?): скиф. ИС ‘Ραυσιμόδου (Zosimus. Historia Nova. Mendelssohn. Lips. Teubn. 1887 lib. 2, § 21) — словосложение основ лит. *raūsti* ‘рыть, извлекать из земли’, *raūsis* ‘вырытая дыра, яма’ и *modas* ‘болото, трясина, ил, тина’. Возможно, отпугивающее злых духов имя-апотропей.

**reba-* ‘бурный’: река в Скифии *Rhebas* (Plin.), ныне Тилигул? ~ фрак. Ρήβας, Ρηβαῖος, Ρηβαῖοι, Ρηβαντία, *Rebas*, *Rheba*, *Rabocentus*, Ρηβουκευθος, Ρηβουλας υἱὸς Σεύθου (Detschew 392–393) — из и.-е. **rabh-*, **rebh-* ‘бурно стремиться’, ср. латин. *rabies* ‘бешенство, неистовство’ и др.-инд. *rabhasah* ‘бурный’ (Pokorny I, 852);

**го(у)koba-* ‘вербы, ивняк, можжевельник’: место в Скифии *Rhocobae polis in Scythia Minor* (Plin.) ~ фрак. ΜΗ Ρουκκόβιον urbs in Dacia (Detschew 403, 404), возможно, восходит к и.-е. диал. или праслав. **ork-/ *rok-* (из и.-е. **arku-* ‘изогнутое’ Pokorny I, 67), ср. *orkyta (ЭССЯ 32, 172–175), суф. *-oba* также имеет праслав. облик, ср. *жадоба*, *жалоба*, *злоба*, ср. и.-е. *-bho-* (Pokorny I, 910);

**го(у)kusta* ‘вербы, ивняк, можжевельник’: ΜΗ в юго-западной Таврике *Уркуста*, *Рокуста*, *Рукуста* ~ фрак. ΜΗ *Rhocobae polis in Scythia Minor*, Ρουκκόβιον urbs in Dacia (Detschew 403, 404) — сложение корня праслав. **ork-/ *rok-* в *orkyta, *orkyть ‘верба, ива’, ср. др.-греч. ἄρκευθος ‘можжевельник’, ἄρκυς ‘сеть’ из и.-е. **arku-* ‘изогнутое’ (Pokorny I, 67; ЭССЯ 32, 172–175) и суф. *-usta*, ср. в фрак. топоним Ρουβοῦστα в Scythia Minor, суф. типа праслав. *-osta*. См. *alusta, *halusta, *parosta, *rubusta;

**гоmb-it-* ‘рыбная, обильная рыбой’ или ‘река с водоворотами’ (?): река, впадающая в Меотиду с востока и являющаяся рыболовецким угодьем меотов, Ρομβιτης, *Rombites* (Strab., Ptol., Mela, Plin.) ~ сродни прежнему названию реки Эброс во Фракии Ρομβος, *Rumbodona* ныне р. Енидже-Карасы (Detschew 404), фрак. топоним Ρομβιτις, прус. *Rumbith*, *Rumbytin*; не древнейшая ли это форма праслав. *ryba < ранне праслав. *romba ‘рыба’⁶⁵. Ср., впрочем, др.-греч. ῥομβος, ῥυμβος ‘вращательное движение’), Ромбит можно трактовать как реку с водоворотами.

**гumo-solo-* ‘живущие у шумной или стремительной реки’: пле-

- мя на Северном Кавказе *Rhytosoli*, Ρυμοσολοι (Plin.) ~ фрак. ροιμα-, ροιμη-, ροιμε-, ρομη, ρομε-, ρυμη-, ρυμε-, ρωμη-, Ρυμηδαβας, Ρυμησυκης, Ρυμησυκις, Ρωμητάλκης, *Rumetalca*, *Ruimus* (Detschew 400, 402, 403, 405, 406) — из и.-е. **rumo-*, **reu-*, *rēu-*, *rū/ū-* ‘шуметь, греметь’, ср. лат. *rumor*, др.-исл. *rumja*, *rumr* (Pokorny I, 867) или сродни др.-греч. слову *ῥυμη* ‘стремительность, напор’ (из и.-е. **srumo-*: *Strymon*) и **sal-* ‘вода’; римосолы — ‘живущие у стремительной реки’⁶⁶. Ср. река Тилигул между Ю. Бугом и Днестром, из тюрк. *tāli*, *telī*, *tili*, *dāli*, *deli*, *dili* ‘бешеный’ и *göl*, *gül* ‘озеро’. См. Вагосола.
- **saba(da)*- (?): скиф. ИС Σαβα.. Σαβάδας (КБН № 906, 1130, с. 896) ~ фрак. ΜΗ Sabatium, Sabatum, Σαβινίριβες, ИС Σαβατταρας (Detschew 406);
- *sabōdokos (?): скиф. ИС Σαβώδακος (КБН № 1282, р. 896) ~ фрак. этноним Σαβῶκοι (Detschew 406);
- **sad-* ‘сад’ или ‘сидящий’: скиф. ИС Θαγίμασάδης, Οκταμασάδης, Παιρισάδης, Ραδαμσάδης и фрак. ИС Παιρισάδης, Βηρισάδης, Βηρεισάδης в связи с др.-инд. *śad-* ‘glänzen’ (Detschew 57, 409) — ср. лит. *sōdas* ‘сад’ и праслав. *sadъ, *sadjь;
- *sadala-s (?): скиф. ИС Σαδάλας, Σαδάλου, Σαδάλα (КБН № 317, 454, 804, с. 896) ~ фрак. ИС Σαδάλας, *Sadala* (Detschew 408);
- *sagari-s (?): скиф. ИС Σάγαρις, Σαγαριος (КБН № 215, с. 896) ~ фрак. ИС *Sagaris* (Detschew 107);
- *sagoda-s (?): скиф. ИС Σαγόδας, Σαγοδα (КБН № 945, с. 896);
- *saios (?): скиф. ИС Σάϊος (КБН № 88, 1267, 896) ~ фрак. Σαῖος, Σαῖοι (Detschew 410);
- **sal-*, **sol-* ‘дождевой ручей’: река в Подонье *Sal*, гидроним Βαγοσ(σ)ολα, *Vagosola*, этнонимы *Ryptosoli*, *Acesalitae*, ИС Σαλαῖς (КБН № 35, 1283, 896), гидронимы Таврического полуострова с компонентом *-sala*: *Feti-sala*, *Салы*, *Ени-салы* ~ ср. фрак. городки в Киконии Σάλη, *Sale*, *Salei*, фриг. ΜΗ Σάλα (Detschew 413) — из и.-е. **sālo-*, **sālo-* ‘(дождевая) вода’, др.-прусс. *salus* ‘дождевой ручей’ (Pokorny I, 879–880) см. также **uago-*;
- *sala ‘село, поселение’: таврические ойконимы со вторым элементом *-sala* (*Ени-сала*) можно толковать не только как татарские образования с заимствованным из русского словом *sala* (*село*), но и на основе лит. *salà*, лтш. *sala* ‘Dorf’ (Fraenkel, 758);
- **sal-mori-* ‘соленое море’: озеро и крепость в устье Истра *Sal-muris*, *Salmorude*, *Salamorio*, *Salameir*, *Halmiris*, *-idis* (Mela, Plin., Strab., Ptol.) ~ фрак. топоним Σαλμυδησσός, Σαρμυδησσός,

Halmydesus (Detschew 414) — если перед нами не скиф. адаптация др.-греч. ἄλμυρίς, ἴδος ‘солонка’ в смысле ‘солончак’, суф. производное от прил. ἄλμυρός ‘соленый, горько-соленый’, зд. диал. ‘соленое озеро’, то возможно толкование из фракийских и скифских **hal-* < **sal-* ‘соль’ и **muri-* < *mori ‘море’. Ср. структуру др.-греч. (макед.?) гидронима Ἀλιακμων, *Haliakmon* ‘соленый камень’.

*salos, *salus ‘воды’ или ‘прыгать, скакать’: скиф. ИС Παιρισάλος, Παιρισαλούς, Τανύσαλος, Τανυσάλου ὑ΄ Στύρανος (КБН № 708, с. 900) ~ фрак. ИС Παιρισάλος, Παιρισαλούς и фрак. σαλος, σαλους, σαλου (Detschew 353, 415) — из и.-е. **sālo-*, **sālo-* ‘(дождевая) вода’, ср. др.-прус. *salus* ‘дождевой ручей’ (Pokorny I, 879–880) или лат. *saliaris*, *saliatus*, *salientes*, *Salii*, *salio*, *salui*, *saltum*, *salire*, *Salisubgili*, *salitio*, *salito-salitare*, *salto-saltavi-saltatum-saltare*, *saltus*.

*salon-it-is ‘солончак, соленое место; солончаки, места избыливающие солью’: таврич. МН *Saloniti* (1321) близ совр. разработок поваренной соли (г. Саки), р. *Солонипер* в бас. Днестра ~ фрак. ΜΗ Σαλαμβρία, Σαλας, Σαλλας, *Saldaecaputenus*, *Saltecaputenus*, Σαλδήνσιοι, Σαλδοβυσσηνός, Σαλδοβυσσηνός, Σαλδοκεληνός (Detschew 412–413) — сопоставимы с др.-прус. *Saloniten*, производным от и.-е. **sal-on-* ‘соленый, солонец’ (и.-е. **sal-*, **sal-d-*, **sal-i-*, **sal-u-*, *salnés*, *salīmo* ‘соль’, др.-прус. *sal*, лтш. *sāls*, *sālis*) и оформленным балто-слав. суф. *-iti-* (ср. регулярный др.-греч. суффикс *-ιτις*, ср. Керкиνιτις в соседнем регионе), ср. многочисленные и.-е. соответствия в Иллирии, Фракии и Вифинии: Σάλων, Σαλώνεια, Σαλωνία, Σάλωνα, Σαλώναι, Σάλωνες, *Salona*, *Salonae*, *colonia Salonitana*, *Salonitani*, Σαλωνιάνα (Detschew 416);

**sam-bat-* ‘соединение путей’: скиф. ИС Σαμβατίων, τωνος (КБН № 1142, 1231, 1250, 1278, 1279, 1280, 1282), ΜΗ Σαμβατᾶς (940-е гг.) Киев⁶⁷ — сложение рефлекса и.-е. **sem-* ‘едино-, соединять(ся)’, ср. тох. А *säm* (Pokorny I, 902–903), и *batás < *gʷatós ‘проход’;

**sam-bor-* ‘самобор’ (?): укр. *Самбір*, рус. *Самбор*, хорв. *Samobor*⁶⁸ — из и.-е. **sem-* ‘едино-, соединять(ся)’, ср. тох. А *säm* (Pokorny I 902–903). Альтернативой была бы праслав. реконструкция словосочетания *samъ *borъ.

**sapaio-*, **sape-* ‘извлекающий сок’ или ‘почтенный’: племя на Северном Кавказе *Sapei* (Plin.) — сродни фракийскому этнониму Σαπαῖοι, Σαπαῖος, *Sapaei*, Σάπαι, *Sappaeus* (Detschew 421) —

- из и.-е. *sap- ‘извлекать сок, смаковать’ (Pokorny I, 880) или *sep- ‘читать, почитать’ (Pokorny I, 909);
- *sārakos ‘?’: босп. ИС Σάρακος Δάδα, Σάρακος Δάδα ἄρχων Ταναειτῶν (КБН №№ 1287, 1251a) ~ фрак. ИС и МН Σαρα, сара, -sara, сарη, сарос, сараπάραι· κεφαλοτόμοι, Σαρατοκος, Σατατος, Σαρβαλος, Σαργεντίας, Σαργетίας, Σαρδες κωμη, Sardes, Σαρδοί, Σαρδική, Σαρδος, Sardica, Sardoniuss ‘голова’ или ‘течение’ (Detschew 422–424) сопоставимо с лит. гидронимом *Sārakas*⁶⁹, но гидроним, вероятно, имеет в составе и.-е. *ser- ‘течь, струиться’, что семантически не подходит для ИС;
- *-saruua ‘нимфа, невеста, женщина’: скиф. ИС Κομοσάρυη, Νιτισάρυη, Σαρυκή (КБН № 512, с. 896) ~ фрак. сарυη (Detschew 425);
- *saulios ‘Солнце’: скиф. царск. ИС Σαύλιος, Σαυλίου, Σαυλίω (Herod. IV, 76) ~ сопоставимо с др.-пруск. *saule*, лтш. *saūle*, лит. *saulė* ‘солнце’ < *saulijā, лит. *saulės, saulėtas* ‘солнечный’ (Fraenkel, 764–765), хетт. теонимом *Suḫaliias* (Ullikumitext). Возможно, теофорное по происхождению имя.
- *sauromat- ‘омытые соленой водой (при рождении)’ (?): этноним Σαυρομάται, Σαυρομάτης, *Sauromatae, Sauromata* (упом. с V в. до н. э. — IV в. н. э.), Σαύροφος (КБН) ~ фрак. сауро- (Detschew 427) — сродни лит. *sūrūmas, sūrūmà* ‘соленость’, *sūrūmas* ‘соленая вода (жидкость)’ (Fraenkel, 944–945), праслав. *suryь, *suryь(jь), особенно праслав. *sourovь, с аблаутом др.-норв. *saurr* ‘семя (сперма), слякоть’. Словообразование, аналогичное рус. *косматый*. См. другой возможный реконструкт: *siauromat- ‘северяне’.
- *sei-talk-: скиф. ИС Σειτάλκης, Σειτάλκου (КБН № 99, с. 897) ~ фрак. Σει-, Σι-, талκης, Σιαλέται, *Siamaus* (Detschew 440);
- *sereis: скиф. ИС Σέρεις Φανδαράζου (КБН № 1179, с. 897) ~ фрак. ΜΗ Σερεις (Detschew 430);
- *serimon ‘течение, река’: скифский гидроним Σεριμον ~ фрак. *Serinis* (Detschew 432) — суффиксальное образование от и.-е. корня *ser- ‘течь, струиться’, *serom, *ser-mo- ‘течение, река’, ср. др.-греч. ὄρμη, ὄρμᾶω, ὄρμενον (Pokorny I, 909–910) и фракийские топонимы и этнонимы Σέρμη, Σερμαῖοι, Σερμαιεῖς, Σερμεῖς, сопоставимые с лит. ΜΗ *Sermas*;
- *serm- ‘течение, река’: гидронимы *Церем* и *Церемский* бас. Горыни, ю. п. Припяти ~ и фракийские топонимы и этнонимы Σέρμη, Σερμαῖοι, Σερμαιεῖς, Σερμεῖς (Detschew 432), сопоставимые с лит. *Sermas*, ср. иллир. топоним *Sirmium*, нов.-серб.

- Crēm*, дак. *Sermizegetusa*⁷⁰, производным от и.-е. корня **ser-* ‘течь, струиться’, **serm-*, **ser-mo-* ‘течение, река’, ср. др.-греч. ὄρμη, ὄρμᾶω, ὄρμενον (Pokorny I, 909–910);
- **seut(h)-*: скиф. ИС Σευθης, Σεῦθος, Σεύθου (КБН № 543, 1263, 1282) ~ фрак. ИС Σευθαριον, Σευθας, Σευθης, Σευθις, Σευθευς, Σευθος, *Seuthas*, *Seuthes*, Σευθειλας, *Seuthius* (Detschew 434–437) — не является ли это имя прототипом лит. *siautėti* ‘бушевать’, *siaūstis* ‘веселиться’, лтш. *šaiļis* ‘дурак’, праслав. *šutъ ‘шут, несуразный человек’?;
- *siauiromata ‘северные, северяне’: этноним Σαυρομάται, Σαυρομάτης, Συρμάται, *Sauromatae*, *Sauromata* ~ фрак. частотный компонент ИС Σουρα-, Σουρε-, *Suro-*, Συρ-, -суρας, -суρος(в связи с др.-инд. *sura* ‘класс божеств’, *asurā* ‘класс божеств’, *sūra-*, *çūra-* ‘крепкий, мощный, Герой; stark, tapfer, machig, Held’?), -сура, -ζουра, ζοιρη, *sura* ‘?’), ИС Σουρα, Συρα, Συρας, Σουρατραλις, Σουρεγεθης etc. (Detschew 470–471) — сродни лит. *šiaurė* ‘север, полярный край’, *šiaūras*, *šiaūras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas*, *šiaurūs*, *pašiaūris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrūs* ‘резкий, холодный’ (Fraenkael III, 978), ср. лат. *caurus* ‘северосточный ветер’⁷¹, праслав. *sěverъ — север;
- **sid-auχ-* (?): скиф. ИС Σιδαύχας, Σιδαύχα (КБН № 478, с. 897) ~ скиф. Αυχεται (Herodot.), Αυχάται (Steph. Byz.), *Auchetae* (Плиний) — толкуется с опорой на глоссу, как ‘ушедшие странствовать, удалившиеся прочь’;
- *sidima ‘седловина’: торжище юго-восточной Таврики *Po(s)sidima* — толкуется как скиф. *(*a*)*po-sid-ima*, приставочно-суффиксальное производное от и.-е. глаг. **sed-/sid-* ‘сидеть, садиться оседать’, ср. лат. *sido*, *sidi*, *sessum*, *sidere* ‘садиться, оседать’ и рус. *сидеть*, *сесть*⁷², суф. *-ima* типа хетт. *-ima* < и.-е. *-mo-*⁷³;
- *sidnos ‘река, поток’, ‘прилив’, ‘море, океан’ (?): скиф. ИС Σίνδεος, Σίνδος, Σινδοκος (КБН № 1094, 1137, с. 897–898) ~ фрак. топонимы, этнонимы, ИС *Sinda*, Σινδοναῖοι, Σίνδος, Σίνθος (Detschew 444) — весьма вероятно этимология на базе др.-инд. *sindhu-* ‘река, поток’, ‘прилив’, ‘море, океан’, *saindhavá* ‘морской’, производного от глаг. корня *sidh-* ‘проистекать’ (Кочергина 731–732);
- **sinχ-* (?): три племени Таврики *Sinchi*, *Napaēi*, *Ari[n]chi* (Amm. Marc. XXII, 33) — из др.-инд. *siñhá-* ‘лев’, ‘повелитель, господин’ (Кочергина 729);
- *sirano (?): скиф. ИС Σίρανος, Σιράνου (КБН № 1250, 1280, с. 898)

- ~ фрак. $\sigma\iota\rho\alpha$, $\sigma\iota\rho\omicron\varsigma$ 'amor, любовь', *Sirae, Sires, Σιριοπαίονες, Σῆρις, σιρός, sirus scrobes* 'Getreidekammer' (Detschew 447–449) — ср. др.-инд. *sīra-* 'плуг', *sīrin* 'пашущий', 'пахарь' (Кочергина 732);
- *sisas (?): скиф. ИС $\Sigma\iota\sigma\acute{\alpha}\varsigma$, $\Sigma\iota\sigma\omicron\upsilon$, $\Sigma\iota\sigma\omicron\upsilon\lambda\acute{\iota}\varsigma$ (КБН № 513, 542, с. 898) ~ фрак. ИС *Sises, Sisus, Sisos, Sisi, Sissa, Sisola* (Detschew 450);
- *skilouros (?): скиф. ИС $\Sigma\kappa\iota\lambda\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$ (КБН № 763, с. 898) ~ фрак. $\Sigma\kappa\iota\lambda\alpha\varsigma$, *Scilus* (Detschew 458);
- **s-kol-ot-* 'происходящие от Колы (первого царя)': этноним *Сколоты* не имеет отношения к индоиранским языкам, зд. потомки названы по имени царя-родоначальника *Коло-ксяя*. У Геродота дословно сказано: «Так вот, от Липоксяя (Λιποξάϊος), как говорят, произошел скифский род (τῶν Σκυθέων γένος), называемый авхатами (Αὐχάται), от среднего (Ἄρποξάϊος) — так называемые катиары и траспии (οἱ Κατίαιοί τε καὶ Τράσπιοι καλέονται), а от младшего из (братьев), царя, — так называемые паралаты (οἱ καλέονται Παραλάται). Все племена совокупно называются сколотами (Σκολότους), по имени царя (τοῦ βασιλέος ἐπωνυμίην), (т. е. *Колы-царя*). Эллины же зовут их скифами (Σκύθας)» (Herodot. IV, 6). Неточность перевода Стратановского («называются царскими») вызвала к жизни многие в принципе неверные этимологии. ~ фрак. словообразование $\kappa\omicron\lambda\alpha\beta\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, $\kappa\omicron\lambda\alpha\beta\rho\omicron\varsigma$, $\kappa\omicron\lambda\pi\acute{o}\varsigma$, *-colus* (Detschew 251–252) — правильная реконструкция реликта: *s-kol-ota 'происходящие от Колы (первого царя)'. Самоназвание скифов $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\iota$ можно расчленить на основу **s-kol-*, которая может иметь несколько независимых интерпретаций на праслав. материале (к прим., ЭССЯ 8, 61–62) и суф. *-оть*, *-а*, имеющий все признаки праславянского, ср. *argotas, *mažotos.
- **skūl-* 'согбенный, склоненный, хилый': Имя скифского просвещенного и эллинизированного царя $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\lambda\eta\varsigma$ (Herod. IV, 76, 78–80) имеет корень, напоминающий ранне-праслав. **skūl-* < **skyl-* < **xyl-*, позднепраслав. *xylъ 'согбенный, согнутый, хилый' (ЭССЯ 8, 156–157). Оформление слова, скорее всего греч. (основы на -ης). Постановка ударения осуществляется согласно законам греческой просодии.
- **skūθ-* < **skoit-* 'цит' или **skūt-* 'идущий поспешно': скиф. ИС $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\theta\eta\varsigma$, $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\theta\alpha\varsigma$, $\Sigma\kappa\upsilon\theta\epsilon\omega$ (КБН № 1137, 24, 1111, с. 898) ~ фрак. ИС $\Sigma\kappa\upsilon\theta\omicron\delta\omicron\kappa\omicron\varsigma$ (Detschew 462) — м. б., сродни скиф. *(au)xat-* 'ушедший', праслав. *xytati se 'гарега, идти поспешно', *xytěti,

- *xytiti (ЭССЯ 8, 160–161). С другой стороны, этнонимы и топонимы кельтских традиций типа *Scoti*, *Scotia*, *Scoticus* могут оказаться этимологически родственными северопричерноморским и нижнедунайским топонимам и этнонимам *Scythia Minor*, *Σκυθία ἡ μικρά*, ἡ μεγάλη, ἡ παλαία, *Scythae*, *Σκύθαι*, *σκυθικός*, *Scuti*, *Scutum*, *Skudra*. В качестве этимона этих форм можно предложить и.-е. основу **skeit-/skoit-* (праслав. *ščitъ, др.-прус. *scaytan*, латин. *scutum* (< *scoetum), др.-ирл. *sciath*) ‘заслон, щит’. Развитие **skoit-* > **skot-/skut-*, кажется, противоречит типологии звуковых переходов, однако латинское развитие *scoetum* > *scutum*, и многочисленные подобные мены в древней ономастике Балкан (βοιρε-, βυρε-, βοур, Μοισια-Μυσια, Γσκος, Οισκος, *Oescus*, *Uscus*, *Yscos*, ροιμα-, ροιμη-, ροιμε-, ρομη-, ρομε-, ριμη-, ριμε-) позволяют допустить подобное преобразование скифского и кельто-иллир. **skoito-* > **skoto-* / **skut(h)a-*. Идея этимологического тождества имени страны-прародины скоттов *Scithia* и слова «щит» *sciath* была выражена относительно давно: *rucad Nel ocon Turtair, Noenal con Scithia sciath-glain* (LGE II, verse text XIII, pp. 90–91) «Нел рожден у Башни на Востоке, Ненуал же в Скифии, блестящей как щит»;
- *smordo-s; скиф. ИС *Σμόρδος*, *Σμόρδο* (КБН № 171, с. 898) ~ фрак. ИС *Σμερδίης*, *Σμερδιος*, *Σμερδης*, *Σмордоторμος* (Detschew 464, 465) — сродни лит. *smirdas* ‘тот, кто воняет’, праслав. *smordъ, *smьrděti, *smьrdъ, лат. *merda* ‘нечистоты’, греч. *σμόρδωνες*: ὑποκοριστικῶς ἀπὸ τῶν μορίων· ὡς πόσθωνες, *σмордоῦν*: συνουσιάζειν;
- **sōl-* ‘солнце’: теоним из надписи на Таманском полуострове τῆ θεῷ Σῶλ не укладывается в рамки индоиранских и греческого языка, но отражает и.-е. **suēl-/suol-* ‘гореть, сиять, греть (о солнце)’ (Pokorny I, 1045), ср. лит. *saulė* ‘солнце’ праслав. *szl-n-ьce;
- **solo-* ‘(дождевая) вода’: в составе *Rhymosoli*, *Vagosola* — из и.-е. **sālo-*, **sālo-* ‘(дождевая) вода’, ср. др.-прус. *salus* ‘дождевой ручей’ (Pokorny I, 879–880);
- **sousa-* ‘сухая’: скиф. ИС *Σούσας Πάβα* (КБН № 1259, с. 898), МН близ Херсона *Σῶσαι* (DAI 53, 199, 200), МН в Прикубанье *Soza*, *oppidum Dandaricae* (Тас. XII, 16) ~ фрак. ИС *Sausa*, *Susagus*, *Σουσας*, *Σουσος*, *Σουσα*, *Susa*, *Susulla* (Detschew 421, 472–473) — сопоставимы и с др.-прус. МН *Sause*, лит. *sausas* ‘сухой’, *sausumas* ‘сухость’, *sausumà* ‘суша’, праслав. *souxa. Все из

- и.-е. **sousos* ‘сухой’.
- *spalaia-* ‘происходящие от царя Пала’: этноним с мнимым толкованием «пещерные» *Satarcheos Spalaeos* (Mela, Plin.) — ср. **s-kol-ot-*. Словообразовательный прием с использованием *s-mobile* и частотного суф. *-ai-*.
- *spago-* ‘спорый, обильный, щедрый’, ‘быстрый, стремительный, спешный’, ‘тучный, обильный, богатый’, ‘счастливым, благоприятный’: скиф. ИС *Σπαρόβαϊς, Σπαρόφοτος, Σπαροφότου* (КБН № 965, 956, 247, с. 898), этноним *Σπόροι, Δουλοσπόροι* (Procop.) ~ фрак. ИС *Σπαράδοκος* (Detschew 473) — сродни праслав. **sporъ* ‘спорый, обильный, щедрый’, ‘сильный, зрелый’, также производные **sporyšь, *sporyni*; лит. *spėjus* ‘быстрый, стремительный, спешный’, *sparus* ‘пружинистый, упругий, гибкий, бойкий, живой’, *spāras* ‘опора, подпорка, стойка’, лтш. *spars* ‘сила, размах’, и.-е. **spor-/sper-* представлено в праслав. **sporъ*, др.-инд. *sphāra, sphirās* ‘тучный, обильный, богатый’, лат. *prosper* ‘счастливым, благоприятный’, исл. *sparr* ‘бережливый, пощаженный’;
- *sparga-(peith-/pis-eu-)* ‘следующий своим желаниям’: имя вождя массагетов, сына царицы Томирис *Σπαργαπίσης*, имя скиф. царя *Σπαργαπέιθης* (Herod. I, 211, 213; IV 76, 78) ~ фрак. ИС *Σπαρκη* (Detschew 475) — предложено толкование на базе или лтш. *spārdzēt* ‘tönen, schallen; звучать, раздаваться’, лит. *sparginti* ‘Fett mit passelendem, zischendem Geräusch in der Bratpfanne ausbraten, ausschmalzen, auslassen; шуметь о сковороде’ (Fraenkel, 861) или индоар. *sparh-, sprh-* ‘стремиться к чему-л.; завидовать, ревниво относиться к чему-л’, *sprhā* ‘желание чего-л.’, ‘вожделение’, ‘симпатия’, ‘рвение, усердие’, ср. композит *sprh-ayālu* ‘желающий чего-л.’, ‘жадный, алчный’, ‘завистливый’, ср. аналогичное по структуре ИС хеттского облика *Ἀριαπειθης*. Иначе толковали из и.-е. **spherag-* ‘разбивать, рассеивать, лопаться, трещать, брызгать’, ср. лат. *spargo*; др.-греч. *σφαραγέω*; др.-инд. *sphurjati*; лит. *spurgas* ‘почка’; арм. *spirkh-* (Pokorny I, 992) и и.-е. **pater* ‘отец’.
- *spart-okos* ‘мощный, могучий, сильный, обильный, плодovitый, спорый’: босп. ИС *Σπάρτοκος, Σπάρτακίωv, Σπάρτοκίωv* (КБН № 1135, 1178, 1134, 1137, 1162, 480, 898) ~ фрак. ИС *Σπάρτακος, Σπαράδοκος, Σπόρδοκος, Σπάρτας, Σπάρτη κώμη, Σπαρτον ὄρος, Σπάρτακίωv, Σπάρτουχος, Σπάρτωλος, Σπάρτωλοι, Spartacus* (Detschew 473, 476) — из и.-е. **spart-* ‘спорый, плодovitый, живой’, ср. др.-прус. *sparts* ‘мощный, могучий’,

лит. *spartūs* ‘обильный, плодородный, быстрый, скорый, живой, интенсивный, деятельный, энергичный’, *spartà* ‘скорость, быстрота, темп, живость’, арм. *p’art’am* ‘обильный’; далее — *sparūs* ‘пружинистый, упругий, гибкий, бойкий, живой’, *spāras* ‘опора, подпорка, стойка’, лтш. *spars* ‘сила, размах’, праслав. **sporь* ‘спорый, обильный, сильный, зрелый’, также производные **sporyšь*, **sporyni*; и.-е. **spor-/sper-* представлено в праслав. **sporь*, др.-инд. *sphāra*, лат. *pro-sperus*, др.-греч., тохар., хетт. соответствия⁷⁴;

*spintho-: скиф. ИС Σπίνθων (КБН № 183, с. 898) ~ фрак. теоним Σπινθοπυρρος Ασκληπιος, Σπινδεηρος (Detschew 477) — одно-коренное лит. *pinti, pinū* ‘плести’, лтш. *pīt, pinu* ‘плести’, праслав. **pęti*, **pьnq* ‘натягивать’ (прич. прош. вр. сврш. вида **pęть*), гот. *spinnan* ‘прясть’;

*spou- ‘глаз’: ‘глаз’ по-скифски σπου (Herod. IV, 27) — ср. лат. корень *spe-c-o* (-c- основообразующий суффикс настоящего времени) — ‘наблюдать, смотреть, надзирать’; нет ничего невероятного в геродотовской глоссе, только отражает она реалию неиранского языка;

*stigia ‘стезя, торный путь’: город внутренней Таврики Ποστύγία — толкуется как и.-е. **(a)po-stig(h)-ia*, где присутствует и.-е. корень **steigh-* (вариант *stoigh-*) ‘стезя, следы животных и человека, протоптанные тропы и пути’, ср. др.-рус. *стьз*⁷⁵;

*strou- ‘струи’: гидроним *Дустров*, п. п. Тлумача, п. п. Днестра ~ фрак. Στραῖος, Στρούας (Detschew 480, 481) — из и.-е. диал. **du-* ‘два’ и **strou-* ‘поток, струи’⁷⁶, ср. впрочем, лит. *rovė* ‘струя’;

*strounios (?): скиф. ИС Στρούνιος, Στρουνίου (КБН № 423, с. 898) ~ фрак. Στρουνειλον, Στρουνειλος κωμης, Στρουνυληνος (Detschew 481);

*stur- -akos, -anos ‘телёнок’ (?): скиф. ИС Στύρακος, Στύρανος (КБН № 1181, 1282, 1283, 1262, 708, с. 899) ~ фрак. στυρας, styrum (Detschew 485);

*su-bar- ‘стечение или болото’: гидроним *Сибурь*, рукав Среднего Днепра ~ фрак. ΜΗ Σούβαρας (крепость в округе Ремезиана), Σύβερος πόλις Ἰλλυρίδος, *Suberadona* в Далмации, Σύβαρις — река и город в Калабрии, источник в Ахайе⁷⁷ или из и.-е. **su-*, **su* ‘весьма’, ‘хороший’ (Pokorny I, 1037–1038);

*sula ‘лес’ или ‘сочащаяся’: река *Сула* ~ фрак. часть сложных имен συλη, σουλη, *sula* с предполагаемым знач. ‘лес’, *Sulu*, Σουλος (Detschew 470, 485–486) — из и.-е. **səlw-* ‘лес’, ср. лат. *silva*, др.-греч. ὕλη, иллир. *Sula* или из и.-е. диал. **kšuli*, **kšulio-* ‘заборный

столб, стойка, деревянный брус', ср. далее греч. ξύλον 'дерево, брус, палка', гот. *sauls* 'столб, колонна', др.-в.-нем. *sûl* 'столб'; и.-е. **su-lā* 'сок', ср. др.-прус. *sulo*, лтш. *sulā* (Pokorny I, 910);

*šulio- 'чastoкол': нп Шули, Шулю (Терновка, Бахч.), не это ли место Плиний именуется *Characeni* «Обитатели частоколов»? ~ фрак. ИС Συλεύς, часть сложных имен συλη с предполагаемым знач. 'лес' (Detschew 485–486) — из др.-прус. *sulis* 'стойка', лит. *šûlas* 'столб, косяк', сербохорв. шўль 'чурбан, колода', словен. *šûlj* 'отпиленный ствол дерева, бревно', рус. диал. шула, шуло 'заборный столб' (смол., Даль), продолжающих и.-е. диал. **kšuli*, **kšulio*- 'заборный столб, стойка, деревянный брус', ср. далее греч. ξύλον 'дерево, брус, палка', гот. *sauls* 'столб, колонна', др.-в.-нем. *sûl* 'столб'. См. аналогичную этимологию в разделе реликтов индоар. облика.

*taei-s 'тайный' (?): скиф. ИС Τάεις Πόθωνος (КБН № 1034, с. 900), м. Тая на итал. портоланах: *taia* (1321 г.), *taia* LIV, *taia* LV, *taia* LVIII, *toia* LX, *taia* LXIV, *taia* LXV, *caia*, *toia* LXXI, и др. — можно толковать из праслав. **tajiti*, **tajьna*, **tatъ* или из синдо-меотск. **taja-* 'простирающийся', ср. др.-инд. *tāy-* 'простирается, следовать непрерывной чредой', индийское МН *Tāya-* (Monier-Williams 443);

*takē 'ток, течение': боспорск. МН Τουριστακη — ср. праслав. **tokъ*, лит. *taka* в составе *įstaka*, праслав. **jьztoкъ* (ЭССЯ 9, 79–80);

*talk- 'толкающий, бьющий, ударяющий': скиф. царск. ИС Ἄνταλκης, Ροιμητάλκης Σειτάλκης, Σειτάλκου (КБН № 47, 966, 967, 1052, 1134, 1137, 1242, 1243, 1256, 1261, КБН № 99, с. 897, 842, 850) ~ фрак. ИС Ροιμητάλκας, Ρύμητάλκας, Ρύμηταλκης, Ρωμηταλκης, *Rhoemetalces*, *Rometalca*, *Rimitalces* (Detschew 18, 400–401, 488) — из и.-е. отглагол. имя **talk-* по глаг. **telak-* 'толкать, ударять, бить', кимр. *talch*, др.-корн. *talch* (< **talko*), лит. *talkà*, лтш. *talka* 'роботники, созданные на подмогу', праслав. **tolкъ*, **tolka* 'трамбовка, давление, нажим', 'добровольная взаимопомощь', ср. рус. *толока* (Pokorny I, 1062);

*tanu-salos '?': скиф. ИС Τανύσαλος, Τανυσάλου ἢ Στύρανος (КБН № 708, с. 900) ~ эпич. τανύγλωσσοc 'с длинным языком', τανυγλώχιν 'с длинным остриём', τανύδρομος 'далеко бегущий', τανυήκης 'длинный', τανύπους 'быстроногий', τανυπτέρυξ 'быстролетающий', τανυστύς 'натягивание', τανύφλοιος 'с тонкой корой', τανύφυλλος 'с длинными листьями', σάλος 'морское волнение' — считать ли это ИС др.-греч. эпическим словообразованием, или туземным словосложением?

*taperesaios (?): скиф. ИС Ταπερεσαῖος, Ταπερεσαῖο θυγ· Πατροφίλη (КБН № 219, с. 900) ~ фрак. ΜΗ Τάπαι, *Tarae* (Detschew 489);

*tagōn (?): город внутренней Таврики Ταῶνα ~ фрак. топонимы из области Sithonia — Τορώνη, Τορωναϊκός, Τορωνικός, Τορωναῖος, *Torona*, *Torone*, *Toronaeus*, *Toronaicus* (Detschew 489–492) — ср. иллир. ИС *Taronius Verus* (Mayer I, 329), область *Taron*, *Taron* в Армении, город Ταρων в др. Индии (Ptol.);

*tagoulas (?): скиф. ИС Ταρουλάς, Ταρουλοῦ ὕ Παιρισαλοῦς (КБН № 482, 633, с. 900) ~ фрак. ИС Ταρολλας, Ταρουλας, Ταρουλα, Ταρουλλος (Detschew 491);

*tarsous (?): скиф. ИС Ταρσοῦς Μονίμου (КБН № 692, с. 900) ~ фрак. ИС Ταρσας, *Tarsa*, Ταρσε-, *Tharsus*, *Tarsus*, *Tarsinus*, *Tarsinius*, Ταρσοζιες (Detschew 493–494), Τάρσιον (Mayer. Illyr. I, 329);

*tasio (?): скиф. ИС Τάσιν, Τάσιον (КБН № 944, с. 900) ~ фрак. теоним *Tasibastenus Dionysus* (Detschew 494);

*tatia, *tattion*, *tatu-s* (?): скиф. ИС Τατία, Ταττίων, Τάτυς, Τατυος (КБН № 290, 912, 209, с. 900) ~ фрак. ИС Τατας, Τατεις, Τατινια, Τατος (Detschew 494), иллир. ИС *Tata*, *Tato*, *Tatonis*, *Tatoia*, *Tattuia*, *Tattaia*, *Tatta*, *Tattaia*, *Tattus Tatto*, *Tattonis* (Mayer Illyr. I, 330);

*tetteuo (?): скиф. ИС Τέττευος, Τεττεῦο (КБН № 228, с. 900) ~ фрак. ИС *Tetes* (Detschew 497);

*tibeios (?): скиф. ИС Τίβης Τιβεῖο (КБН № 225, с. 900) ~ фрак. гидроним Τιβις, Τίβισις, Τιβίσκα, Τιβисκος, Τιβίσκον, *Tibiscum*, *Tibiscenses* (Detschew 503);

*tilles, *-eous* (?): скиф. ИС Τιλλῆς, Τιλλέους (КБН № 265, с. 900) ~ фрак. ИС Τιλλιβόρας, ον Τιλλιτώ (Detschew 505);

*toko-s, *tokōn (?): скиф. ИС Τόκων, Τόκωνος (КБН № 85, 90, 947, 1193, с. 901) ~ фрак. ИС Τοκος (Detschew 509);

*torphōs (?): скиф. ИС Τοφῶς (КБН № 517, 1079, с. 901);

*toroka- ‘вращение, поворот’ или ‘торная дорога’: город в Скифии Τοροκκα (Ptol.) ~ фрак. ИС Τορκος, Τορκους (Detschew 513), иллир. ИС *Toruca* (Mayer. Illyr. I, 342) — из и.-е. **terk-* / **tork-* ‘вертеть, вращать’, ср. др.-прус. *tarkue*, фрак. Τορκος (Pokorny I, 1077), или вост.-слав. *torokъ ‘торная дорога’ (Фасмер³ IV, 84);

*tragos (?): скиф. ИС Τράγος, Τράγου (КБН № 1179, с. 901) ~ фрак. ИС Τράγιλος, *Tragila* (Detschew 517), иллир. Траγούριον, Траγύριον, *Tragurium* (Mayer. Illyr. I, 342);

*tras-pies ‘trans-?’: потомки Арпоксая οἱ Κατίарοί τε καί • Τράσπιες καλέονται (Herodot. IV 6) ~ скиф. Трас-мариска

(Detschew 521), ср. лат. *trans* ‘через’;

**tuai-* (?): скиф. ИС Τυαίης (КБН № 227, 228, с. 902) ~ иллир. ИС *Tuiō* (Mayer. Илуг. I, 345);

**tūn-*: **tun-*: **taun-* (?): гидронимы *Тыня*, *Тня*, *Отавня*, *Латовня*, *Лотовня* в бас. р. Горыни⁷⁸;

tur-* или **tiur-* ‘водоворот’ или ‘быстрый, резкий’(?): скиф. гидроним *Тураc*, *Τύρηc*, топоним *Τυριστάκη*, тюрк. калька *Чур-Баш* ‘исток (речки) Чур’ ~ фрак. ИС и МН *Tyrida*, *Τύριλλοc*, *Τύριcσα*, *Τυρίcтата κώμη*, *Τυρίται* (Detschew 529–531) — из и.-е. **tyer-* / **iur-* / **tur-* ‘вертеть, вращать’ (Pokorny I, 1100–1101) или однокоренное др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий, strong, severe, violent, intense, hot, excessive, ardent, sharp, acute, horrible’, *tīvrágati* ‘быстродвигающийся, порывистый, moving rapidly’, ‘rapid gait’, инд. гидрониму *Tīvrā* (Monier-Williams 449). От подобного корня и произведен этноним **ТИВЕРЬЦИ. Примечательна мутация анлаута по литовско-вост.-слав. типу: **tju-* > **ču-*.

*tura-geta или *tiura-geta ‘быстро движущийся, скороходы’, или ‘происходящие с реки Тира’: племя в Скифии *Тураγέται*, *Τυρεγέται*, *Tyregetae* (Strab., Ptol., Mela, Plin.) — (Detschew 528), ср. др.-инд. *tīvrágati* ‘быстродвигающийся, порывистый, moving rapidly’, ‘rapid gait, быстрая походка’, инд. гидроним *Tīvrā* (Monier-Williams 449);

*turas или *tiuras ‘водоворот’, ‘дикий бык’ или ‘быстрый, резкий’(?): гидроним *Тураc*, *Τύρηc*, *Tyras*, *Tyres* — низовье Днестра и реки Бык — из и.-е. **tur-*, **teur-*, **tour-* ‘дикий бык’; ср. лит. *tauras*, ст.-слав. **тѹръ**, др. греч. *ταυροc*, лат. *taurus*. Древний гидроним, в таком случае, относился не к реке Днестр, как привыкли думать многие, а в первую очередь к реке Бык, протекающей посередине Молдавии и впадающей в низовья Днестра; иначе к и.-е. **tyer-* / **iur-* / **tur-* ‘вертеть, вращать’ (Pokorny I, 1100–1101) или др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий, strong, severe, violent, intense, hot, excessive, ardent, sharp, acute, horrible’, *tīvrágati* ‘быстродвигающийся, порывистый, moving rapidly’, ‘rapid gait, быстрая походка, быстрый ход’, ср. инд. гидроним *Tīvrā* (Monier-Williams 449);

**tur-istak-* или **tiur-istak-* ‘исток, истечение реки Тюр = Чур-баш’: боспорск. МН *Τυριστάκη*, имеющее в составе и.-е. **tyer-* / **iur-* / **tur-* ‘вертеть, вращать’ (Pokorny I, 1100–1101) или др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий, strong, severe, violent, intense, hot, excessive, ardent, sharp, acute, horrible’, *tīvrágati* ‘быстродвигающийся, порывистый, moving rapidly’, ‘rapid gait, быстрая походка’, инд.

гидроним *Tivrā* (Monier-Williams 449), см. *istak-;

*turmen- ‘беглец’: племя Скифии Турмэниои, скиф. глосса турмэниои = φυγάδες ‘беглецы’ ~ фрак. торма, турμη, турма, турμος (Detschew 514, 531) — все из и.-е. *tuer- / *tur- / tur- ‘вертеть, вращать’, ср. лат. *turma* ‘толпа, стая’ (Pokorny I, 1100–1101);

*θab-eis, *θab-on (?): скиф. ИС Θαβείς, Θάβων (Пантикапей) (КБН № 185, 678, с. 872);

*θagima-sad- (?): скиф. ИС Θαγίμασάδης, Θαγοῦς, Θάγυς (КБН № 185, 186, с. 872);

*θαibas (?): скиф. ИС Θαίβας (КБН № 36, с. 872);

*θαifalon (?): ИС скифа Θαϊφάλων (Zosimus. Historia Nova // Mendelssohn. Lips. Teubn. 1887 lib. 2, § 31, 5);

*θaks-ēs (?): скиф. ИС Καβαθάξης, Καβάταξεω (КБН №) ~ фрак. -θακος = -δοκος (Detschew 201, 220);

*θamfla-s (?): скиф. ИС Θάμφλας, Θάμφλα (КБН № 1142, 1141, 898, с. 872);

*θat- (?): скиф. ИС Θάτης, Θάτου (КБН № 1073, с. 872);

*θia-bōg- ‘Тя-бог’ (?): скиф. ИС Θιάβωγος (КБН № 1003, 1287, с. 874) ~ фрак. ИС Θιαγόλα, -θιας, -θιης (Detschew 202–203) — скиф. словообразование выглядит как слав. теонимы Дайбогъ, Дажьдбогъ;

*θia-gar- ‘Тя-жар’ (?): скиф. ИС Θιάγαρος, Θιαγάρου (КБН № 1278, с. 874) ~ фрак. ИС Θιαγόла, -θιας, -θιης, ИС Гароулас, этноним Гарησκός, *Garesci* (Detschew 99, 202–203);

*θia-armak- ‘Тя-силач’ (?): скиф. ИС Θιάρμακος (КБН № 1287, с. 874) ~ фрак. ИС Θιαγόла, -θιας, -θιης (Detschew 202–203) — ср. праслав. *rato, др.-прус. *irto* ‘рука, плечо’, лит. *armaĩ*, лтш. *ėrmi*, др.-инд. *īrmás* ‘плечо, ляжка’, авест. *arəta-* ‘рука, плечо’, осет. *arm* ‘ладонь, горсть’, лат. *armus* ‘верхняя часть руки, лопатка’;

*θul-o-gan- ‘убийца Тюла’ (?): скиф. ИС Θυλόγανος (Tanais) (КБН № с. 874) ~ фрак. ИС Θύλης (Detschew 211);

*θun- ‘тунец’ (?): скиф. ИС Θυνός, Θυνοῦ, Θυνῶ (КБН № 929, 159, с. 874) ~ фрак. ИС Θυνοί, Θυνία, Θυνής, Θουνάται (Detschew 211–212);

*θussa-get- ‘происходящие от реки Тюсса’ (?): племя в Скифии Θυσσαγέται — ‘ходоки с Тюссы’ — ср. имя города на южном побережье Афонского полуострова Халхидики Τυσσος f.;

*μago-sola- ‘бродячая вода (подвижное русло)’: гидроним *Vagosola*, ныне река и лиман *Тилигул* («бешеное озеро»), первонач. ‘буйная река’ (потому что она волнуется весной, а в остальное время спокойна) ~ аналогичное словообразование у фрак. ИС

Πυρουσαλα (Detschew 387) — из и.-е. **uegh-* / **uag-* ‘двигаться’, ср. лат. *vagor* ‘бродить’; др.-инд. *vahati* ‘двигаться’ (Pokorny I, 1118) и и.-е. **sal-* ‘вода’ (ср. лат. *salum* ‘открытое море’; прус. *salus* ‘дождевой ручей’; др.-инд. *salila* ‘вода’), огласовка корня **sol-*: *Rhymosoli*, *Vagosola*.

**uar-* ‘вода’: река в приазовской части Скифии Οαρος < и.-е. **uer-*, **a_uer-*, **u_er-* ‘вода’ (Pokorny I, 1165); ср. реки в Лигурии, Галлии, Каледонии: *Vara*, *Vaire*, *Veyre* < *varia; *Varar*; скифский гидроним может восходить к тохарским языкам, где имелись тох. А *war*, тох. Б *war* ‘вода’; ср. достаточно архаичные авест. *va(i)ri* и др.-инд. *var*, *vari*; имя бога *Var-una* ‘относящийся к воде’ (?);

**ud-* ‘вода’: гидронимы восточной Европы *Уда*, *Уды*, *Удыч*, *Удра* ~ корень в составе фрак. Σαλμυδητσός (Detschew 414) — восходят к формам склонения и.-е. слова вода — *udor, *uodr*, *uedor*, *uedns*;

*uoda, *uodo ‘вода’: в составе скиф. гидронимов Ἰεραὶ ὀδοὶ, Ἀργόδα, Μερμόδης ~ в составе фрак. Ὀδητσός, Ὀδόμαντοι (Detschew 335–336);

**uodon-* ‘водный’: река к Северу от Кавказа Ουδονος ~ корень в составе фрак. Σαλμυδητσός (Detschew 414) — и.-е. *uodon ‘водный’;

**uoior-pata-*: мужеубийцы-амазонки по-скифски οιορπατα ~ фрак. ΜΗ Ουρβριάνα, Ουρδαούς (Detschew 348) — ср. арм. *our-* ‘муж, мужчина’, умбр. *ueiro* — из и.-е. *uiros ‘муж’ (Pokorny I, 1177–1178) и *pat-* ‘бить, избивать’ или **pet-* ‘господин’ (Pokorny I, 830–831);

**uorg-ok-* ‘отверженный’(?): племя в Таврике *Orgoceni* — фрак. ΜΗ Οργάμη, Οργάλημα (Detschew 344) — из и.-е. **urǵ-/uorg-*, праславянский располагает и соответствующим глаголом, где корневой вокализм на ступени редукции: **vǝǵā-*, *vǝǵnǝ-* (Pokorny I, 1154) Форма слав. *vorgъ является правильным древним отглагольным производным именем с *o*-вокализмом корня: ‘изгнанный, отверженный’.

*uoisk-ard-io ‘добросердечные’ или ‘род Уска’: скиф. этноним *Oscardeos*, Ουσκάρδιοι ~ фрак. гидроним Οἶσκος, *Oescus*, *Aescus*, *Yscos*, *Escus*, Ἴσκος, *Hiscus*, *Uscus* и Ἀρδεία, *Ardicenus vicus*, Ἀρδιληνός (Detschew 23, 345) — похоже, имеет в своем составе и.-е. диал. **uosu-* (<**uesu-*) ‘добрый’ и **kardio-* (<**kǝd-*) ‘сердце, середцевина; середина’. Название племени «добросердечные» вполне согласуется с семантической типологией этнонимов; фрак. топоним Καρδία, Καρδιη, *Cardia*, Καρδιανοί, Καρδιηνοί,

сопоставим с лтш. *Kardi, Kardes* (Топоров 1976); Альтернативное толкование второй части словосложения **ard-* как тождественно-го праслав. **ordъ* ‘род’. Ср. *Caliordi*.

*urgi-s ‘извергающая воды’: река на востоке Скифии Υργις (Северский Донец) — толкуется малоубедительно из иран. этнонима *varga-* в составе *hauma-varga* (др.-греч. Αμυργιοι), вероятнее, из и.-е. **uerg-*, **urg-* ‘вертеть, вращать’, ср. *vergō, vergere* ‘обращаться, направляться, склонять, наклонять, вливать’, и особенно праслав. **vьrgnōti* (Pokorny I, 1154);

*fit- (?): скиф. ИС Φίτοφαρ.. (КБН № 1181, с. 905) ~ фрак. ИС Φίττακος, Φίτταλος (Detschew 533), ср. **pito-*;

*xaba, *xabom: скиф. ΜΗ Χάβαι, Χάβον очевидно ближе к праслав. **xaba* < **ksab[h]a*, ср. словин. *xaba* ж. р. ‘старый дом, хибара’, ‘тощая корова’ или рус. диал. *хаба* ‘ухаб, выбоина на дороге’ (ЭССЯ 8, 7), нежели к др.-инд. *hana-*. Этот топоним, располагавшийся где-то в юго-западной Таврике, является одним из самых ранних свидетельств (110 г. до н. э.!) присутствия праславянского языка в Скифо-Таврическом регионе.

*za(i)- ‘приставка’ (?): скиф. ИС Ζαβάγιος, Ζαβάγιου, Ζάβαγος, Ζάβαργος, Ζαβάργου, Ζαζζούς, Ζαζζού, Ζαζούς (КБН № 1179, 944, с. 869) ~ фрак. *Zaecethures, Zaeras, Zaerazistes, Ζαζέλιμις, ζαι-, Ζαιελαι, Ζαικεδένθης, Ζαιπυρος* (Detschew 171–172);

*za-bag- (?): скиф. ИС Ζαβάγιος, Ζαβάγιου, Ζάβαγος (КБН № 1179, 944, с. 869) ~ фрак. ИС *Zaecethures, Zaeras, Zaerazistes, Ζαζέλιμις, ζαι-, Ζαιελαι, Ζαικεδένθης, Ζαιπυρος* (Detschew 171–172);

*za-barg- (?): Ζάβαργος, Ζαβάργου (КБН № 1278, 101, 1268, 1260, с. 869) ~ фрак. ИС и ΜΗ *Zaecethures, Zaeras, Zaerazistes, Ζαζέλιμις, ζαι-, Ζαιελαι, Ζαικεδένθης, Ζαιπυρος* и Βάργαλα, Βαργιδευθης (Detschew 42, 171–172);

*za-zou-s (?): Ζαζζούς, Ζαζζού, Ζαζούς (КБН № 1134, 1135, 1140, 1231, 1179, 1141, 1151, с. 869) ~ фрак. *Zaecethures, Zaeras, Zaerazistes, Ζαζέλιμις, ζαι-, Ζαιελαι, Ζαικεδένθης, Ζαιπυρος* и -ζουζος, Ζουσίδαυα (Detschew 194, 195, 171–172);

*zalzos (?): скиф. ИС Ζάλζος (КБН № 1179, с. 869) ~ фрак. -ζαλας (Detschew 172);

*zēlas, *zēlas ‘зелье’: скиф. ИС Ζείλας, Ζηλᾶς (КБН № 144, с. 869) ~ фрак. ζειλά, ζελᾶς, ζήλας Ζειλη ‘vinum, вино, зелье’ (Detschew 179, 180, 183);

*zelm- ‘змея’: скиф. ИС Αύλουζέλιμις (КБН № 586, 587, с. 857), карпат. мн с основой *желемен-, зелемен*⁷⁹ ~ фрак. ИС Ζελμουτας,

-ζελμης, ζελμης, ζελμος (Detschew 37, 171);

*z- приставка (?): скиф. ИС Ζμάδης, Ζμάδητος (КБН № 928, с. 869) ~ аналогичные фрак. приставочные Ζβαική στρατηγία, Ζβαληνοί, Ζβελλιουρδος, Ζβερθουρδος, *Zburulus*, Ζγέβδης, Ζγέβδηνός, Ζδεβρήν, *Zmertomaros* (Detschew 176–178, 193);

*zobēn ‘?’: скиф. ИС Ζόβην (КБН № 320, с. 869) ~ фрак. ИС Ζοβη, Ζωβεις, *Zobinus* (Detschew 193);

*zōrθin- ‘жреческий’: скиф. ИС Ζωρθίνης, Ζωρθίνος (КБН № 1276, 1277, 1278, 1280, с. 870) ~ фрак. *Zorte*, *Zortha* (Detschew 194) — скиф. корень *zōrθ- является результатом метатезы при усвоении авест. *zaōθra*- ‘Opferspende’⁸⁰, др.-инд. *hotram* ‘жертвоприношение, совершаемое верховным жрецом’, *hotriya* ‘жреческий’, *hotriyam* ‘должность жреца’;

*zō(u)tumas ‘рыбный’ (?): скиф. ИС Ζοτομάς, Ζοτομαῖς (КБН № 1268, 89, 900, с. 869) ~ фрак. ИС Ζουθις (Detschew 194) — слвообразовательная модель типа лит. *sūrūmas*, *sūrūmà* ‘соленость’, *sūrūmas* ‘соленая вода (жидкость)’ (Fraenkel, 944–945), корень аналогичный лит. *žutis* ‘рыбка’, лтш. *zutis* ‘угорь’;

*zuap- ‘зияние, глубокая яма’: *Жван*, *Зууан*, *Дзван* л. п. Днестра и *Дождван* п. п. *Жвана*, *Занів*, *Занев* и *Зон* в верх. Днестра ~ фрак. -ζοη, Ζώνη, Ζωνιος (Detschew 193) — из и.-е. *g^hheu-n- ‘яма’⁸¹.

Об очевидных сходжениях других базовых знаковых систем скифского и фракийского этносов (народная архитектура, погребальный обряд, прикладные искусства и проч.) написано уже достаточно⁸².

Выводы:

1) языковые реликты фракийского облика оставлены в Северном Причерноморье и в Закавказье скифами;

2) эти языковые реликты проявляют черты генетического, ареального и типологического родства с балтийскими и славянскими языками, вернее, их древнейшими состояниями.

Примечания

¹ Dečev D. Charakteristik der thrakischen Sprache. Sofia, 1952; Dečev D. Charakteristik der thrakischen Sprache. Zweite Auflage // Linguistique Balkanique, II, 1960, 166; Dečev D. Charakteristik der thrakischen Sprache // Linguistique Balkanique, II, Sofia, 1960, № 2, 175; Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, 344; Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976,

129–131; *Mihailow G.*, *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Vol. II (1958); III 1 (1961); III, 2 (1964); IV (1966), Sofia; *Vlahov K.* Das thrakisches Wort para und seine Deutung // *ŽA*, 1966, № 2, 302, 304; *Vlahov K.* Die L- und K-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung // *Ann. de l'Univ. de Sofia, Fac. des letters*, T. LXII, 1968, № 1; *Vlahov K.* Die Vertretung der indoeuropäischen ā und ē im Thrakischen // *Ann. de l'Univ. de Sofia, Fac. des letters*. T. LX, 1966; *Vlahov K.* Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch // *Annuaire de l'Université de Sofia, Faculté philologique*, t. 57, 2, Sofia, 1963; *Vlahov K.* Spuren thrakisch-slavischer Sprachbeziehungen vor unserer Zeitrechnung (bulgarisch.) // Nationale Konferenz über Ethnogenesis und das Kulturerbe des bulgarischen Volkes, Ende Mai 1968, Sofia, 1971, 21–25; *Vlahov K.* Thrakische Sprachreste im Bulgarischen. Einleitung // *Thracia V. Problemes Ethno-culturels de la Thrace antique. Serdicae*, 1980, 53–92; *Vlahov K.* Thrakisch-slavische Parallelen (bulgarisch.) // *Godisnik Sof. Univ., Filolog. Fak.*, Bd. 63, 1969, 1, 171–233.

² *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // *Балканское языкознание*. М., 1973, 30–51; *Топоров В. Н.* Древнебалканские связи в области языка и мифологии / *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977, 40–seq.; *Топоров В. Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // *Балто-славянские исследования*. М., 1983, 133–141; *Топоров В. Н.* Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // *Славянское и балканское языкознание*. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, 10–25; *Топоров В. Н.* Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // *Славянское и балканское языкознание*. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, 10–25. *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006; *Топоров В. Н.* Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен // *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания* (24–26 апреля 1973 г.) Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, 22–25; *Топоров В. Н.* Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики // *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

³ *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.

⁴ *Schmid W. P.* Das sprachgeschichtliche Problem Alteuropa // *Sprachwissenschaft*. Bd. 8. Heft 2, 1983; *Schmid W. P.* Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // *Ak. d. Wissn. u. der Lit. r. Mainz. Abh. n. der Geistes- u. sozialwiss. n. Kl.* Jg. 1978, № 1. Wiesbaden, 1978; *Schmid W. P.* Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // *Ak. d. Wissn. u. der Lit. r. Mainz. Abh. n. der Geistes- u. sozialwiss. n. Kl.* Jg. 1978, № 1. Wiesbaden, 1978.

⁵ *Schramm G.* Alteuropas nordpontische Namenlandschaft // *Indogermanische Forschungen*, Bd. 84. 1979; *Schramm G.* Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

⁶ *Яйленко В. П.* Всесоюзный симпозиум «Античная балканистика-4» // *ВДИ* 1982, № 3; *Яйленко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматки и Скифии // *Античная балканистика*. Карпато-балканский регион в диасхронии. Предв. материалы к международному симпозиуму. М., 1984.

⁷ *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Київ, 1985.

⁸ Георгиев Вл. Въпроси на българската етимология. София: издание на БАН, 1958, 44–45.

⁹ Осетинско-русский словарь. 2-е дополненное издание. Орджоникидзе, 1962, 439.

¹⁰ *Aygül Süel // Sedat Alp. Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. Türk tarih kurumu başimevi. Ankara, 1991, 362.*

¹¹ *Schmid W. P. Das sprachgeschichtliche Problem Alteuropa // Sprachwissenschaft. Bd. 8. Heft 2, 1983; Schmid W. P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Ak.d.Wissn.u.der Lit.r.Mainz. Abh.n.der Geistes-u. sozialwiss.n.Kl.Jg. 1978, № 1. Wiesbaden, 1978; Schmid W. P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Ak.d.Wissn.u.der Lit.r.Mainz. Abh.n.der Geistes-u. sozialwiss.n.Kl.Jg. 1978, № 1. Wiesbaden, 1978; Schmid W. P. 1968, 1981.*

¹² Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этн. Интерпретация. М., 1968.

¹³ Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов, Киев, сент. 1983 г.: Докл. сов. делегации. М., 1983. 243.

¹⁴ Иванов В. В. Об отношении хеттского языка к севрозападнокавказским // Восточная Анатолия. М., 1985, 31, 37, 40.

¹⁵ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999, 228.

¹⁶ Бояджиев Д. Некоторые аспекты деления двусоставных фракийских личных имен // Thracia V. Problèmes Ethno-culturels de la Thrace antique. Serdicae, 1980, 95.

¹⁷ *Mīlenbach K. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923, I, 267.*

¹⁸ Шапошиников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский // Студії з ономастики та етимології. 2007 / НАН України. Ін-т укр. мови. Ред. кол.: В. П. Шульгач (відп. ред.) та ін. К., 2007, 316–326; Он же. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский (европейская часть) // Вопросы ономастики — 2008, № 6, 25.

¹⁹ Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). М., 2001, 28.

²⁰ *Skardžius P. ArchPhilK 3, 49.*

²¹ *Mihailov G., Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. II (1958); III 1 (1961); III, 2 (1964); IV (1966), Sofia; Mihailov 1987.*

²² *Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001, 302–303.*

²³ *Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, 77.*

²⁴ *Zinkevičius 1977, 114; Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001, 303.*

²⁵ *Калыгин В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006, 91–92.*

²⁶ Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, 74–75.

²⁷ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этн. Интерпретация. М., 1968, 214.

²⁸ *Откупщиков Ю. В. Догреческий Субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988, 157.*

²⁹ Там же, 157–158.

³⁰ *Vlahov K. Thrakische Sprachreste im Bulgarischen. Einleitung // Thracia V. Problemes Ethno-culturels de la Thrace antique. Serdicae, 1980. 73–74.*

³¹ Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 192–199.

³² Иванов В. В., Топоров В. Н. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.) Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, 22–25.

³³ Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 192–199.

³⁴ Hind J. G. F. Anchors, crayfish and facingheads: Silver coins of Apollonia on the Euxine Sea, 89–104; Z. Ivanov, D. Dimov, Chr. Pimpirev, N. Kouneva. Les Resultats preliminaires de l'analyse petrographique des ancras en pierre et des jas du littoral bulgare de la mer Noire, 135–150 // Thracia Pontica II Deuxième Simposium international. Thème général "Le Littoral Thrace et son role dans le monde ancien". Sozopol, 4–7 octobre 1982. Jambol, 1985.

³⁵ Подосинов А. В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Фадеева (сб. науч. трудов). Харьков, 1997, 156.

³⁶ Абаев В. И. Из истории слов. Древнерусское кърчий «кузнец» и топоним Керчь // ВЯ, 1959, № 1, 99.

³⁷ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. 8. Пантикап — Керчь // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. СПб, 1921, Т. 26, 39.

³⁸ Трубачев О. Н. Дополнения ко 2-му изд-ю Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, Т. II, 1986, 226.

³⁹ Holder I, 1166–1167: *Marcellus Empiricus*. De medicamentis liber, V v.

⁴⁰ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964, 304.

⁴¹ Журавлев А. Ф. К уточнению представлений о славянских изоглоссах. М., 1990, II, 52.

⁴² Knobloch, Johann. Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepik. 1. der Sonnenheld 2. Religiöse Volkskunde der Osseten (Stichwörter zur Volkskunde und Religionsgeschichte aus V. I. Abaevs Historisch-etymologischem Wörterbuch der ossetischen Sprache). Heidelberg, 1991, 66–67.

⁴³ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964, 288–289, 312.

⁴⁴ Шапошников А. К. Производные праславянского глагола *kyti // Ad fontes verborum. М., 2005, 432–444.

⁴⁵ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этно. Интерпретация. М., 1968, 154–155, 256.

⁴⁶ Там же, 219.

⁴⁷ Там же, 154–155.

⁴⁸ Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005, 87 и след.

⁴⁹ Vlahov K. Die Vertretung der indoeuropäischen ā und ē im Thrakischen // Ann. de l'Univ. de Sofia, Fac. des letters. T. LX, 1966; Vlahov K. Thrakische Sprachreste im Bulgarischen. Einleitung // Thracia V. Problèmes Ethno-culturels de la Thrace antique. Serdicae, 1980, 81.

⁵⁰ Там же.

- ⁵¹ Влахов К. Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания // *Studia Thracica*, 2, София, 1976, 101; *Дуриданов И. Езикът на траките*. София, 1976, 65.
- ⁵² Трубачев О. Н. Таврские и синдмеотские этимологии // *Этимология*, 1977. М., 1979, 127–144; *Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье*. М., 1999, 100–101.
- ⁵³ Трубачев О. Н. Таврские и синдмеотские этимологии // *Этимология*, 1977. М., 1979, 127–144; *Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье*. М., 1999, 100–101.
- ⁵⁴ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этно. Интерпретация. М., 1968, 162, 257.
- ⁵⁵ *Охманский Е. Участие западных балтов в развитии средневековой Литвы // конф.* 1978, М., 1978, 112–113.
- ⁵⁶ Там же, 113.
- ⁵⁷ Шапошников А. К. Νοτισάρη — «Нимфа Морской Влагги» (этимологические наблюдения) // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996, 77–82. Он же. Этимологические наблюдения // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000, 192–195.
- ⁵⁸ *Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. // Осетинско-русский словарь*. Орджоникидзе, 1962, 519.
- ⁵⁹ *Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике*. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006, 59.
- ⁶⁰ *Petit D. Le participe du verbe “être” en vieux prussien // Hřđđ mánasā*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005, 144.
- ⁶¹ Трубачев О. Н. *Indoagica в Северном Причерноморье*. М., 1999, 51.
- ⁶² Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000, 195 и след.
- ⁶³ *Laroch E. Hittite -ima: indo-européen -mo- // BSL*, 52, 1956, 78–79.
- ⁶⁴ Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000, 195–198.
- ⁶⁵ *Топоров В. Н. Этимологические исследования по русскому языку*. I. М., 1960.
- ⁶⁶ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этно. Интерпретация. М., 1968, 215, 263.
- ⁶⁷ Там же, 264.
- ⁶⁸ Там же, 280–281.
- ⁶⁹ *Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen*. Prag, 1964; Idem 1984: 539; *Vanagas* 290.
- ⁷⁰ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этно. Интерпретация. М., 1968, 284.
- ⁷¹ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза — Свят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва*. 3-е изд., стер. СПб., 1996, 588–589; *Szemerényi, Oswald KZ (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn, Berlin, 1852 seq.)*, № 70, 65.
- ⁷² Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000, 195.
- ⁷³ *Laroch E. Hittite -ima: indo-européen -mo- // Bulletin de la Société de Linguistique*. Paris, 52, 1956, 78–79.

⁷⁴ *Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии II (3); Фрак. СПАРТАКОС в индоевропейском контексте // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006, 89–94; 283–296.

⁷⁵ *Шапошников А. К.* Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 196.

⁷⁶ *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этн. Интерпретация. М., 1968, 158, 182, 252.

⁷⁷ Там же, 262–263.

⁷⁸ Там же, 244, 266.

⁷⁹ *Вербич С. О.* Капратські топоніми з основою желемен-, зелемен-/зелемін- у давньоєвропейському онімному контексті // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачёва), Алупка, 25–30 сентября 2008 г. / материалы конференции. Киев; М., 2008, 29–32.

⁸⁰ *Mayerhofer A.* Iranisches Personennamenbuch. Bd.I Die altiranischen Namen. Wien, 1979. I/105.

⁸¹ *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этн. Интерпретация. М., 1968, 208, 252.

⁸² *Шапошников А. К.* Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (5 Чтения памяти академика О. Н. Трубачева), Алупка, 25–30 сентября 2008 г. / материалы конференции. Киев; М., 2008, 187–192. Он же. Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье // Київська старовина. № 5 (383). Київ, 2008. Он же. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский (европейская часть) // Вопросы ономастики — 2008. № 6, 18–36.

Принятые сокращения

КБН — Корпус боспорских надписей. М.–Л., Наука, 1965

Кочергина — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1990, 406.

DAI — *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik. Wash., 1967.

Detschew — *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste 2. Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976, 249.

Vasmer — *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

Mayer Illyr. — *Mayer Anton.* Die Sprache der alten Illyrier. Bd I: Einleitung; Wörterbuch der illyrischen Sprachreste (29–363). Wien, 1957. и Mayer Anton. Die Sprache der alten Illyrier. Bd II: Etymologisches Wörterbuch des Illyrischen (1–127). Illyrischer Grammatik den illyrischen Sprache (128–300). Wien, 1959.

Monier-Williams — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.

И. Янышкова

О НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЬЕВ*

В настоящей статье анализируется мотивация названий дерева 'Ulmus' в славянских языках.

Род *Ulmus* L. представлен тремя основными видами, широко распространенными в Европе: это *Ulmus minor* Mill. (= *U. campestris* L. p. p.), *Ulmus glabra* Huds. (= *U. scabra* Mill., *U. montana* With, *U. campestris* L. p. p.) и *Ulmus laevis* Pall. (= *U. effusa* Willd.). Для них в славянских языках засвидетельствованы (помимо более поздних / новых) три древних названия: *vęzъ, *berstъ и *ъльмъ.

Праслав. *vęzъ коррелирует с подобными названиями того же дерева в балтийских языках (лит. *vinšna*, лтш. *vīksna*), германских (англ. *witch*, нем. диал. *Wieke, Wicke, Wiecke, Wiker, Wietsche* и др.¹), албанском (*vidh*) и в иранских (курд. *vîz*). Все эти формы чаще всего выводят из и.-е. **ui(n)g*' - 'ильм, вяз' (Pokorny 1177). Эта версия не предполагает связи с каким-либо глагольным корнем². Попытка соединить *vęzъ со слав. *vęzati 'вязать' основывается на использовании лыка молодых деревьев для вязания; ср. мотивированное сходным образом нем. диал. название вяза *Bindbast*³. Вяз принадлежал к деревьям, которые высоко ценились в народной культуре; он играл значимую роль в обрядах и верованиях: например, считалось, что вяз «связывает», т. е. ограничивает зловерное воздействие водяного и колдуний⁴. Континуанты праслав. *vęzъ (чеш. *vaz*, словац. *váz*, в.-луж. *wjaz*, н.-луж. *wěz*, польск. *wiąz*, рус. блр. *вяз*, укр. *в'яз*, словен. *vez*, сербохорв. *vez* и др.) и ряд производных слов обозначают чаще всего вид *Ulmus effusa*.

Праслав. *berstъ (ст.-чеш. *břest*, чеш. диал. *břest*⁵, словац. *brešt*, польск. *brzost*, рус. диал. *берест*⁶, укр. *бе́рест*, блр. *бэ́рест*, болг. *бряст*, макед. *брест*, сербохорв. *br̂ijest*, словен. *brešt* и др.), являющееся славянской инновацией⁷, объясняется, как правило, из и.-е. *bherHg'-*to*- 'светлый, яркий' (> гот. *bairhts*, др.-в.-нем. *beraht*, англ. *bright* 'яркий, светлый, сияющий')⁸; ср. праслав.

*Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта (GA ČR) № P406/10/1346.

*berza, в основе которого лежит и.-е. *bherHg' - 'блестеть, сиять'⁹. Праслав. *berstь обозначает главным образом *Ulmus minor* или *Ulmus glabra* (Линней, однако, не отделял эти два вида друг от друга).

Наиболее проблематична этимология праслав. *jьльть, представленного в славянских языках рядом слов, которые варьируют в широком диапазоне. Самыми древними являются примеры, засвидетельствованные в тексте «Бесѣды на евангелие папы Григория Великаго», чеш.-цслав. памятнике IX века, который дошел до нас лишь в русских списках XIII–XVIII вв., в формах ильмъ, льмъ и оульмъ.

На основе цслав. ильмъ можно реконструировать праслав. *jьльть, континуанты которого засвидетельствованы только в сев.-слав. языках, ср. чеш. *jilm*, ст.-чеш. *jilem*, (ж. р.?) *jilma* (Gebauer 1, 649), диал. *jimel*, *imal*¹⁰, *jilem*, *ilem*, *ilem*¹¹, *ilma* ж. р.¹², *im*, *jilem* (Bartoš 133), *jelam*, *jolman*, с метатезой — *lojman*, в результате контаминации с *jmeli* (*Viscum*) — *imel*¹³, *jilma*¹⁴, *jiml* (Machek² 227), *jalám*, *jelám*¹⁵; словац. *jilm*, *jilma*¹⁶, диал. *ilmek*¹⁷; полаб. *jělm*¹⁸, *jělmə* (Polański 2, 221), ст.-польск. *ilm*, *ilem*¹⁹ (Sł. stpol. 3, 15), *ilma* (Warsz. 2, 78); др.-рус. ильмъ, илемъ, ильма (СлРЯ XI–XVII вв. 6, 224), рус. ильм, арх. илем, илим, ильма²⁰, с рядом производных в диалектах — например, ильмина (СРНГ 12, 186), илимовник, ильменник, ильмяк (Анненков 368) и др.,²¹ укр. ильм, ильма (Словн. укр. мови 4, 18), с рядом фонетических вариантов и производных в диалектах — например, илем, ильма́к, ильм'як, ильняк (Гринченко 2, 198)²²; блр. ильма́, диал. ильма́к, ильмён (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 342), ильміна́, ильміна́ и др.²³

Цслав. льмъ и приведенные ниже словен., н.-луж., польск. и вост.-слав. слова дают возможность реконструировать форму *льть, которую можно, по всей вероятности, считать уже праславянским вариантом *jьльть. Праслав. *льть имеет продолжения в словен. диал. *lim*, *lom*²⁴ (Pleteršnik 1, 519, 529), *līm*, *lòm*, *lām* (Bezljaj 2, 142), н.-луж. *lom*²⁵, польск. диал. *lim*, *limak* (Warsz. 2, 743), рус. диал. *лем* (СРНГ 16, 346), *лим*, *лимóк* (СРНГ 17, 47–48), укр. диал. *льом* (Гринченко 2, 384), *lem*²⁶, блр. диал. *лём*²⁷. Следует упомянуть, что Шустер-Шевц реконструировал (на основе н.-луж. и вост.-слав. слов) другой праслав. вариант, а именно форму *elть (Schuster-Šewc 859), из которой иногда объясняются²⁸ также словен. диал. *lemovec* и *lemkovec*. В словенских диалектах засвидетельствованы и формы с начальным *j-*: *jām*, *jām*, *jān*, *jāmovec* (Pleteršnik 1, 357), о которых см. ниже.

Цслав. *ѹльмъ/ѹльмъ* является (учитывая латинский источник «Бесѣд») заимствованием из лат. *ulmus*, или, по крайней мере, преобразованием исконного слова (*ильтъ*) под воздействием латинской формы.

Этимология праслав. **жьльтъ*/**льтъ* не совсем ясна. Славянские слова нельзя отделить от др.-в.-нем. *elm(o)*, *ilme*, ср.-в.-нем. *elm(e)*, *ilm(e)*, ср.-н.-нем., англос., англ., дат. *elm*, др.-сев. *almr*, норв., шв. *alm* и лат. *ulmus* 'вяз', возможно, также от кимр. *llwyf* 'вяз; липа', но их взаимосвязь может пониматься по-разному.

Чаще всего слав. **жьльтъ* считали заимствованием из ср.-в.-нем. *ilme*²⁹ или из др.-в.-нем.³⁰ Это толкование уязвимо из-за существования тех форм в некоторых славянских языках, для которых можно восстановить уже праслав. вариант **льтъ* (см. выше). Версия о заимствовании из ср.-в.-нем. неприемлема из-за наличия цслав. *ильмъ* в чеш.-цслав. тексте «Бесѣды на евангелие папы Григория Великаго» и др.-рус. собственных имен (названия населенных пунктов/топонимы и гидронимы), например, *Ильмово*, *Ильмовское*, *Ильмовка*, *Илемна* и др.³¹ Словен. диал. *jām*, *jāp* раньше объясняли из нем. (тирольского) *ilm* (Pleteršnik 1, 357), но попытки такой трактовки встречали возражения со стороны фонетики³². Было предложено другое толкование, по которому эти слова признавались заимствованиями из ср.-в.-нем. **alm*/**aln*, засвидетельствованном в н.-в.-нем. (баварском) *Alme* 'вяз, ильм', связанным с нем. *Elm(e)* с заглавным *A*- вследствие контаминации с баварским *Alber* 'тополь'³³.

Реже слав. **жьльтъ* считают родственным по отношению к вышеприведенным герм. и лат. словам³⁴; эта этимология опирается на древность слав. названий и на их высокую частотность в составе русских топонимов и гидронимов, о которых говорилось выше. Лат. *ulmus*, нем. *Ulme* и др. возводят иногда к и.-е. корню **el-*, **ol-* 'желто-бурый, красный' (Pokorny 302–303). В то же время отнесение слав. **жьльтъ* к этому и.-е. корню наталкивается на фонетические трудности (**jbl-*).

Вследствие неустойчивости форм высказывалось предположение о том, что славянское слово (и герм., лат. названия, а также кимр. *llwyf* 'вяз') унаследовано из праевропейского субстрата³⁵.

К слав. **жьльтъ* иногда относят и неясный др.-рус. гапак *волмина*³⁶. О. Н. Трубочев (ЭССЯ 8, 223) объясняет это слово — вместе с рус. диал. *вильма* м. и ж. р. (СРНГ 4, 284) и н.-луж. диал. *w(j)elma* (Мука 2, 867) 'вяз' — из праслав. **вьльтъ*, которое

вместе с лат. *ulmus* выводится из и.-е. **uel-* ‘рвать, драть’. Затруднением является необходимость предполагать ассимиляцию *ъ-ъ* > *ь-ь* и утрату *v-* в *jьlтъ. С семантической точки зрения это объяснение заманчиво, так как в чешских диалектах (в Валахии) значение ‘*Ulmus campestris*’ выражается словом *drapač*³⁷, которое образовано от глагола *drápat* < праслав. *drapati ‘царапать’: дерево получило такое название, потому что у него шероховатые листья³⁸. Кроме того, в чешском языке засвидетельствованы архаичные наименования *lykodra*, *lykodra* — ‘дерево, подобное ильму, из которого делали инструменты, орудия труда’ (Jungmann 2, 367, Kott 1, 957), ‘(редк.) растение *Ulmus campestris*, ильм полевой’ (Kott 6, 907).³⁹ Слово представляет собой сложение существительного *lyko и формы **drya-*, образованной от глагола *dryati (ЭССЯ 17, 31). К первой части композита ср. нем. (XVIII в.) название этого дерева *Bastilme*⁴⁰: лыко вяза раньше использовали — так же, как липовое лыко — для вязания; ср. в этой связи польское название *lipowiqz* ‘*Ulmus effusa*’⁴¹.

Несомненно, что существует непреодолимая пропасть между современной ботанической систематикой и народной номенклатурой древних славян. Об этом мы, однако, знаем немного: по сути, то, что известно через языковые данные. Если поставить вопрос, различали ли наши предки в давние времена отдельные виды *Ulmus*, т. е. использовали ли названия для дифференциации видов, то на него трудно дать определенный ответ. Скорее всего, закрепление названий *vęзь, *berstь и *jьlтъ за различными видами *Ulmus* — процесс более поздний, новый.⁴²

В славянских языках засвидетельствованы также другие названия вяза/ильма/береста, которых мы коснемся при последующем изложении.

В блр. диалектах отмечено интересное слово *кавярзѧ́* ‘вяз’⁴³, которое можно было бы, по нашему мнению, связать с названиями лаптей, ср. блр. *кавярзѧнь* (мн. ч. *кавярзѧні*) ‘лапоть’. Это слово хорошо засвидетельствовано и в рус. диалектах в ряде форм (*кóвѣрзѧнь*, мн. ч. *кóвѣрзѧні*, *ковезны* и т. п.), которые обозначают «простейший вид лаптей: плетутся обычно из липового лыка, ивовой коры или прутьев, грубые и непрочные, предназначены для работы» (Псков. словарь 14, 276), «веревочные лапти, лапти, переплетенные веревкой, лапти сплетенные из тростника» (СРНГ 14, 29) и др. В составе этих слов выделяются приставка *ko-/ka-* и корень глагола *vьrztі ‘вязать’ (ЭССЯ 9, 167–168, ЭСБМ 4, 23 и

др.). Мотивация напрашивается: вязовое лыко использовалось, как и липовое, для вязания (ср. выше приведенное нем. диал. *Bindbast* 'Ulmus').

Кашуб. *vijog*, во-первых, 'Ulmus campestris' (Sychta 6, 152) и, во-вторых, 'верба, ива/Salix'⁴⁴. В ю.-кашуб. говорах засвидетельствована форма *vijalk* (Sychta, там же)⁴⁵. Слово образовано от глагола *viti, *vьjъ* 'плести, вязать, вить'⁴⁶ < и.-е. *ueiH₁- 'плести, вязать, вить и т. п.'⁴⁷ Имена существительные с редким суффиксом *-ogъ* образуются часто от глагольных основ (Sławski. *Zarys*. 1, 67). Значит, первоначальное значение кашуб. *vijog* – 'дерево, ветви которого могут служить материалом для вязания, плетения', что хорошо подходит для ивы. В случае вяза речь идет скорее о гибкости ветвей, чем самого дерева (как иногда считалось⁴⁸).

В отмеченном только в одном источнике луж. слове *wicha* = нем. *Ulme*⁴⁹ можно было бы видеть праслав. *věcha (при условии, что *ě* (ять) > *i*⁵⁰). Праслав. *věcha (< и.-е. *ueiH₁- 'плести, вязать, вить') обозначало пучок соломы, сена, который издавна использовали как знак с семантикой запрета (например, рвать фрукты, входить на какой-то участок, дорогу и т. д.). В Валахии *wicha* означает также прут, изогнутый в конце в форме большого глаза, который втыкается на границе, меже, которую нельзя переходить⁵¹. Такой обычай засвидетельствован, например, на русской территории: «на пограничной полосе ставят *вехи*, т. е. колышки, обмотанные пучком соломы»⁵², и у сербов: «Код нас брест често служи за обележавање граница општинских и приватних добара»⁵³. Вязовый прут или целое дерево могли, таким образом, маркировать определенную границу.

Польск. диал. *корак*, *корасзуна* 'Ulmus effusa'⁵⁴ принадлежит к праслав. *kopati (Трубачев, ЭССЯ 11, 13), которое в системе подсеčno-огневого земледелия имело также значение 'корчевать, выкапывать из земли пни или деревья с корнями'⁵⁵, ср. рус. диал. *кóпанка* 'дерево, выкопанное с корнем' (СРНГ 14, 283). Некоторые авторы предполагают заимствование из рум. *сорас* 'дерево (обычно неплодовое)' или из венг. *korács* 'дерево, куст'⁵⁶; этимология рум. и венг. слов, однако, не ясна⁵⁷.

Единично зафиксированное укр. диал. *гильняк* 'Ulmus campestris'⁵⁸ образовано от основы *гиль-/гиль-*, восходящей к прас-

лав. **golv-* ‘голая ветка, ветка без листьев, палка’ (основа на *-i-*, соотносительная с прилаг. *golv ‘голый’). Таким образом, укр. диал. *гильняк* (ср. укр. *гілка, гілька, гілля* и др. ‘ветка’) является примером *pars pro toto*: ‘ветка’ → ‘вид дерева’. Сходный случай можно видеть в чеш. диал. (Ходский край) *peručina* ‘ветка хвойного дерева’⁵⁹, ‘казацкий можжевельник (*Juniperus sabina*)’⁶⁰.

Ст.-чеш. *ruožďka, rózka* ‘*Ulmus*’⁶¹ Махек⁶² считал заимствованным из др.-в.-нем. *ruost* ‘то же’. По мнению Неверклы⁶³, такое заимствование невозможно ввиду единичности фиксации др.-в.-нем. формы *ruost* (автор допускает лишь вторичное сближение с нем. словом). Приведенные ст.-чеш. слова Неверкла связывает с др.-чешск. *roždie*, продолжением собирательного существительного *rozgьje ‘хворост, прутья’, которое производно от праслав. *rozga ‘побег, ветка, прут и др.’⁶⁴

В польск. диалектах засвидетельствовано название *suchotnik* ‘*Ulmus suberosa*’⁶⁵, которое мотивировано, скорее всего, лечебными свойствами дерева⁶⁶: из коры вяза готовили теплую ванну при лечении чахотки (туберкулеза)⁶⁷ (ср. польск. *suchoty* ‘чахотка, туберкулез’).

Фонетический облик укр. диал. (Галиция) *млад* ‘*Ulmus, U. campestris*’⁶⁸ (< праслав. *molďbь) указывает, скорее всего, на заимствование из чешского (о такой возможности см. в ЕСУМ 2, 489) или из словацкого языка, в которых обнаруживаются соответствия со значением ‘побег, молодое дерево, молодой лес и т. п.’, ср. ст.-чеш. *mlád*, вариант с основой на *-i-* *mlád* (Gebauer 2, 373), чеш. диал. *mlad* ‘молодой лес’⁶⁹ и т. п.

В болг. диалектах (Родопы) зафиксировано *дъп* ‘вяз’⁷⁰: это пример переноса с названия дуба (*Quercus*) на вяз, также как и в случае болг. диал. (сев.-зап.) *рáстове* ‘*Ulmus*’⁷¹ (ср. *раст* ‘дуб’ с утратой инициального *х-*). С таким типом переноса можно встретиться также в других языках, ср., например, нем. диал. название вяза *Ulmeneike* (*-eike = Eiche*)⁷².

В блр. языке (Гродненская обл.) и в польск. диалектах отмечены следующие названия вяза: блр. *габ*, ж. р. *габа́, габіна*⁷³, польск. ст. и диал. *gab, gabina* (Warsz. 1, 788–789, Karłowicz 2, 38). Раньше эти слова считались родственными лит. *guobà* ‘вяз’ и слав.

названиям граба (*Carpinus*). Этому предположению противоречат — по Непокупному⁷⁴ — ареальные данные: ареал польских слов находится недалеко от южной границы Литвы, в Августовском повете, расположенном по соседству от Гродненщины. Значит, блр. и польск. слова были заимствованы из лит. *giobà*. Неясным остается вопрос, были ли блр. слова заимствованы из лит. прямо — или при польском посредничестве (ЭСБМ 3, 7).

Словен. *rušten* '*Ulmus campestris*'⁷⁵ заимствовано из нем. *Rüster* 'вяз', первая часть которого засвидетельствована в др.-в.-нем. *ruost* 'вяз' (с неясной этимологией), а вторая часть является продолжением старого и.-е. суффикса названий деревьев, ср. и.-е. *-tro-> герм. -dra-, нем. -(d)er-⁷⁶.

В вост.-слав. и в болг. есть ряд названий вяза (часто в разных фонетических вариантах и формах, испытавших влияние контаминации), заимствованных из тюрк. языков. Это болг. диал. и арх. *кара(а)гáч*, *карагач*, *кар(а)áч*, *ка(й)рáч*⁷⁷, др.-рус. *карагичь* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 71), рус. *карагáч*, диал. также *кара(э)ич*, *карагúч* (СРНГ 13, 69–70), укр. *карагáч*, диал. *кара́сць*, *кара́яч*, *кара́нчика*, *кара́ячина*, *кара́чник* (ЕСУМ 2, 383, 386), блр. *карагáч*. Ср. тур. *karaağaç* 'вяз' — сложное слово из *kara* 'черный' и *ağaç* 'дерево' (Радлов 2, 151): возможно, по темному цвету коры.⁷⁸

Есть некоторые названия с неясной этимологией.

В болг. диалектах (Чирпан на юге Болгарии) засвидетельствовано единичное название вяза *казълач*⁷⁹. Это слово пока не объяснялось. По нашему мнению, в нем можно видеть сокращение первоначального *казълаагач (ср. параллельное образование в болг. диал. *кара́ч* 'вяз' из *караагáч* 'то же', см. выше): первая часть этого сложного слова из болг. диал. *казъл*, *казал* 'тонкая веревочка', заимствованного из тур. диал. *kazil* 'веревочка, нитка'⁸⁰, вторая часть — тур. *ağaç* 'дерево'. Возможно также другое объяснение, заимствование первой части слова из тур. *kızıl* 'красный'.

В болг. диалектах (Родопы) зафиксировано название вяза *маждра́фка*⁸¹. Это вызывает удивление, так как в родопских диалектах отмечается и *маждре́фка* 'яшень (*Fraginus*)'. Причиной переноса названия ясеня на вяз стало, возможно, сходство древесины (твердость, гибкость) и их использование прежде всего для изготовления колес⁸². Этимология этого слова неясна: в первой

части слова можно видеть существительное *мъж*⁸³, во второй, кажется, *дран*, *дран* ‘кизил (*Cornus*)’.

Совсем неясно изолированное⁸⁴, следовательно, сомнительное болг. диал. (вост.-болг., Новопазарско) *ваков* ‘*Ulmus laevis* Pall.’

Примечания

¹ См. *Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen*. Leipzig, 1943–1979, 4, 907. Далее — *Marzell*.

² Существуют, однако, и другие объяснения. *Fraenkel* 1257, 1270 связывал балтийские названия с глаголом *výžti* ‘вязать лапти из лыка’ (ср. лит. *vyžà*, лтш. *vīze* ‘туфля из лыка, лапоть’), который родственен слав. *vęzati (так же в *Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Wilno, 2007, 756).

³ См. *Marzell* 4, 908.

⁴ Ср. *Václavík A. Výroční obyčej a lidové umění*. Praha, 1959, 136.

⁵ Уже Ян Благовост считал в своей грамматике 1571 г. (*Grammatika česká*) слово *břest* моравизмом.

⁶ В случае рус. диал. *вереск* ‘*Ulmus campestris* var. *suberosa*’ (*Анненков Н. И.* Ботанический словарь. Спб., 1878, 368. Далее — *Анненков*) дело не в переносе названия вереска на берест (которое вытекало бы из сходства растений или их использования), а в замене вследствие фонетической близости слов *берест* и *вереск*.

⁷ Ср. *Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław — Kraków, 1957, 32–33; *Verdiani C. Botanica e linguistica per l’etnogenesi dei Protoslavi*. Firenze, 1958–1959, 59–60.

⁸ Ср. подробно *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 3. М., 2009, 125–127.

⁹ *Махек* (*Jména rostlin* 129–130) выдвигает другую этимологию, согласно которой *berstь и *berza родственны нем. *Borke* ‘кора’ (но нем. слово объясняется иначе). При этом Махек опирается на мнение Ростафиньского (*Rostafinski J. Symbola ad historiam naturalem medii aevi I*. Kraków, 1900, 143), который исходит из первоначального значения *‘пробковое дерево’, основываясь на том, что березу и вяз отличает особое качество коры. В связи с этим приводится укр. диал. (лемковское) *білий берест* ‘*Betula alba*’ (Гринченко 1, 52). Предлагается следующее семантическое развитие: *‘светлый, белый’ → ‘берёза’ → ‘берёзовая кора’ → ‘вязовая кора’ → ‘вяз’.

¹⁰ *Vaněček J. Lidové názvosloví rostlin na Prácheňsku // Věda přírodní*, 20. Praha, 1940–1941, 231–232.

¹¹ *Hruška J. F. Dialektický slovník chodský*. Praha, 1907, 36, 38. Далее — *Hruška*.

¹² *Lamprecht A. Slovník středoopavského nářečí*. Ostrava, 1963, 53.

¹³ *Dušek V. J. Hláskosloví nářečí jihočeských*. Praha, 1894–1896, 2, s. 15, 37, 39.

¹⁴ *Kosík V. Slovník lidových názvů rostlin*. Praha, 1941, 44.

¹⁵ *Svoboda P. Lesní dřeviny a jejich porosty*. Praha, 1953, 2, 441.

¹⁶ Из источников 18–19 вв. приводит *Buffa F. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury*. Bratislava, 1972, 301.

¹⁷ Archiv Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra SAV, Bratislava.

¹⁸ *Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen*. Leipzig, 1907, 389.

¹⁹ По мнению Брюкнера (Brückner 680) и Речка (*Reczek J. Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, 36–37), ст.-польск. *ilem* было заимствовано из ст.-чеш. Однако Басай (*Basaj M. — Siatkowski J. Bohemizmy w języku polskim. Słownik*. Warszawa, 2006, 76) считает, что это невозможно.

²⁰ Большой академический словарь русского языка. Т. 7. М. — СПб., 2007, 218.

²¹ Словен. диал. *ilem* заимствовано из рус. языка (Pleteršnik 1, 292, Berneker 1, 424), ср. также производное *ilmovec*, в результате ассимиляции – *imovec* (подробнее см. *Jazbec H. — Furlan M. Od kod slovenski dendronim jām «brest»? // Jezikoslovní zapiski* 13, 2007, 1–2, 195сл.). Далее — *Jazbec — Furlan*.

²² Ряд подобных форм приводит также *Makowiecki S. Słownik botaniczny łaćnińsko-mańoruski*. Kraków, 1936, 384–385. Далее — *Makowiecki*.

²³ См. Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Том. 1. Мінск, 1993, 77–78.

²⁴ Словен. диал. *lom Jazbec — Furlan* 199 считают результатом вокализации *lam < *läm/lim*.

²⁵ *Šwjela B. Dolnosorbisko-němski słownik*. Budyšin, 1963, 144; *Sorbischer Sprachatlas* 3. Bautzen, 1970, 246–247.

²⁶ *Makowiecki* 385.

²⁷ *Киселевский А. И. Латино-русско-белорусский ботанический словарь*. Минск, 1967, 135. Далее — *Киселевский*.

²⁸ *Jazbec — Furlan* 196.

²⁹ *Berneker* 1, 425; *Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki, 1934, 148; *Šmilauer V. Jména našich stromů // Naše řeč*, 26, 1942, 170; *Machek*² 227; *Lloyd A. L. — Lühr R. — Springer O. Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen II*. Göttingen — Zürich, 1998, 1058, и др.

³⁰ См., напр., Miklosich 95; *Uhlenbeck C. C. AfslPh* 15, 1893, 487; в последнее время *Newerka S. M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch*. Frankfurt am Main, 2004, 131. Далее — *Newerka*.

³¹ См. *Vasmer M.* (рец.): *J. Mikkola. Die älteren Beziehungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch // ZfslPh* 15, 1938, 451–452.

³² *Jazbec — Furlan* 197.

³³ Там же 199.

³⁴ Так *Ильинский Г. А.* К вопросу о чередовании гласных ряда *o, e* в начале слов в славянских языках // *Slavia* 2, 1923–1924, 260; *Vasmer* 1, 478 и др.

³⁵ См. *Machek V.* (рец.) *Julius Pokorný: Indogermanisches etymologisches Wörterbuch // LF* 75, 1951, 143 и *Jména rostlin* 90 (позже Махек присоединился к мнению, что слав. слово заимствовано из ср.-в.-нем., см. выше); *Šmilauer V. Německé prvky v české botanické nomenklatuře // Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. Berlin, 1969, 202.

³⁶ См.: *Ляпунов Б. М.* Исследование о языке синодального списка 1-ой новгородской летописи. СПб 1900, 77; *Филин Ф. П.* О древнерусском слове *волмина* // Труды отдела древнерусской литературы, 14, 1958, 590–594.

³⁷ *Bartoš F. Dialektologie moravská*. Brno, 1895, 2, 508 и *Bartoš. Slov.* 65.

³⁸ Так, например, Махек (*Machek. Jména rostlin* 90). Это относится, однако, к виду *Ulmus montana* With., тогда как листья вида *Ulmus campestris* гладкие. В то же время необходимо отметить, что Линней (Linné) не отличал *U. montana* от *U. campestris*, так как оба вида очень похожи друг на друга. В народной традиции они, как правило, тоже не различались.

³⁹ Ср. чешское название населенного пункта *Lykodery* (*Hosák L. — Šrámek R. Místní jména na Moravě a ve Slezsku. Praha 1970, 1, 571*).

⁴⁰ *Marzell 4, 904*.

⁴¹ См. *Majewski E. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. Warszawa, 1889–1894, 2, 804*. Далее — *Majewski*; *Warsz. 2, 747*.

⁴² Так, например, в *Cooper B. Russian word for elm // Transactions of the Philological Society, 82/2, 1989, 194* сл. В противоположность этому Фридрих (*Friedrich P. Proto-Indo-European Trees. Chicago 1970, 84*) считает, что и.е. **ui(n)g'-* (> чеш. *vaz*, рус. *вяз* и др.) обозначало первоначально *Ulmus minor* и и.е. **Vlmo-* (> чеш. *jilm*, рус. *ульм* и др.) '*Ulmus glabra*'.

⁴³ *Раманович Я. М. — Чабярук А. I. 3 лексикі адной гаворкі Клічаўскага раёна // Жывое слова. Мінск, 1978, 127*.

⁴⁴ *Ramult S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893, 252*.

⁴⁵ Поповска-Таборска (SEK) приводит еще сев.-кашуб. *vilog* '*Ulmus campestris*' (*Sychta 6, 152*), которое реконструирует в форме **vi-l-og*; слово относит также к праслав. **viti*.

⁴⁶ *SEK 5, 260*.

⁴⁷ *Rix H. et al. Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Wiesbaden, 2001, 695*.

⁴⁸ Так думает, например, *Czerniakowska E. Kaszubski wijąg 'wierzba', 'wiąz' // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Prace Językoznawcze, 15, 1989, 42*.

⁴⁹ Слово приводит только *Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena. Čestny pomnik za serbskeho prirodospytnika Michała Rostoka. Budyšin, 1908, 78*.

⁵⁰ О разном произношении *ě* (ять) в луж. см. *Schaarschmidt G. The Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages. Heidelberg, 1997, 81–83*.

⁵¹ *Václavík A. Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané. Luhačovice, 1930, 274*.

⁵² *Куркина Л. В. Понятие границы в системе пространственных представлений древних славян // Studia etymologica Brunensia 1. Praha, 2000, 134*.

⁵³ *Нишевьанин П. С. Главније биље у народном веровању и певању код нас Срба. Београд, 1912, 50*.

⁵⁴ См. *Majewski 1, 155, Karłowicz 2, 463, Warsz. 2, 463*.

⁵⁵ Ср. *Куркина Л. В. Термины подсечно-огневого земледелия в составе праславянского словаря // Prasłowiańszczyzna i jej rozpad / Ред. J. Rusek, W. Boryś. Warszawa, 1998, 211*.

⁵⁶ Напр. *Wajda-Adamczykowa L. Polskie nazwy drzew. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1989, 46* (с ссылкой на *Warsz. 2, 463*). Далее — *Wajda-Adam*.

⁵⁷ Ср. *Ciorănescu A. Dicționarul Etimologic al Limbii Române. București, 2007, 235–236* и *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. 1–3 / Red. K. Gerstner, A. S. Hátori, G. Zaicz. Budapest, 1993–1997, 790*.

⁵⁸ Слово приводит *Лисенко П. С. Словник специфічної правобережної Черкащини // Лексикографічний бюлетень, вып. 6. Київ, 1958, 10*.

⁵⁹ *Hruška 65*.

⁶⁰ *Kott F. Š. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický 7. Dodatky. Praha, 1893, 224*.

⁶¹ *Flajšhans V. Klaret a jeho družina I. Praha, 1926, 129*.

⁶² *Machek. Jména rostlin 90; Machek² 521*.

⁶³ См. *Newerkla* 568.

⁶⁴ Об этимологии слав. *rozga см. ESJS 778–779.

⁶⁵ *Majewski* 2, 804; *Karłowicz* 5, 259.

⁶⁶ Ряд примеров использования вяза в народной медицине приведен в книге: *Herbář aneb bylinář... Petra Ondřeje Mathiola... z německého pak jazyku v český přeložený od Adama Hubera z Rysnbachu D.* — *Danyeje Adama z Veleslavina*. Praha, 1596, 42 В, С, D.

⁶⁷ Так объясняет *Wajda-Adam*. 71.

⁶⁸ *Makowiecki* 384–385.

⁶⁹ См., например, *Svěrák F. Karlovičké nářečí*. Praha, 1957, 124.

⁷⁰ *Стойчев Т.* Родопски речник // *Българска диалектология* 2, 155.

⁷¹ Отмечено лишь в: *Антонов А. В.* Названия на дървета в българските говори. Рукопись дипломной работы. София, 1978, 14. Далее – *Антонов*.

⁷² *Marzell* 4, 908.

⁷³ *Киселевский* 135; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 1, 397.

⁷⁴ *Непокупный А. П.* // Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. Матэрыялы для абмеркавання. Мінск, 1969, 29. Об этом же см. в: *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 43–44.

⁷⁵ Цитирует Карлин (*Karlin M. Slovenska imena naših zdravnih rastlin*. Ljubljana, 1964, 23) со ссылкой на Симоновича (*Симонович Д.* Ботанички речник. Имена билака. Београд, 1959, 484). Слово приводит уже Шулек (*Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja*. Zagreb, 1879, 342).

⁷⁶ *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Hrsg. W. Pfeifer*. Berlin, 1989, 1458; *Sauerhoff F. Etymologisches Wörterbuch der Pflanzennamen. Die Herkunft der wissenschaftlichen, deutschen, englischen und französischen Namen*. Stuttgart, 2004, 637.

⁷⁷ Картотека за «Идеографски диалектен речник на български език» (хранится в Софийском университете им. св. Климента Охридского). Далее — *КИДРБЕ*; БЕР 2, 228.

⁷⁸ Ср. болг. черно дряво 'Ulmus' (*Анненков* 367).

⁷⁹ *КИДРБЕ*.

⁸⁰ См. БЕР 2, 141.

⁸¹ Приводит только *Антонов* 14.

⁸² Ср., например, нем. диал. *Wagnerholz* 'Ulmus' (*Marzell* 4, 909): нем. *Wagner* = колесник.

⁸³ См. БЕР 3, 611.

⁸⁴ Приводит только *КИДРБЕ*.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 2, 3 (б — бдынь). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 336 с. Вып. 3 (бе — болдыхать). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 342 с.

Вышедшие в 2008–2009 гг. два очередных выпуска «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина построены по тому же принципу максимального охвата русской лексики в ее историческом развитии с учетом литературы, что и первый выпуск¹. Эта максималистская программа в целом успешно осуществляется в издании, хотя значительное обилие материала в некоторых случаях приводит к недостаточно глубокой его обработке и к невниманию к проблемам источниковедческого характера, хотя именно источниковедческий подход к лексике следует считать сильной стороной словаря. Усилиями А. Е. Аникина создается на страницах «Русского этимологического словаря» критическая оценка накопившегося в нашей лексикографии лексического материала на предмет его филологической достоверности.

Это касается не только этимологической части, основной для этимологического словаря, но также и материала исторической лексикологии, на недостаточность разработки которой полвека тому назад жаловался в послесловии к своему этимологическому словарю М. Фасмер, а преодолению этой недостаточности много внимания уделил П. Я. Черных в своем историко-этимологическом словаре.

Основной корпус словаря А. Е. Аникина составляют слова из лексикографических источников, которые лишь частично отражают богатство русской лексики, даже применительно к языку художественной литературы, поскольку полнота отражения словарного состава принесена в жертву смутному принципу нормативности: отражается общественная норма, а наиболее трудная часть словаря оказывается за пределами академической лексикографии, особенно это касается редких устаревших слов.

Конечно, лексикографические фиксации русской лексики довольно обширны, но их полный учет пока весьма затруднителен из-за их лапидарности. А. Е. Аникина можно упрекнуть в том, что ему остался неизвестным весьма богатый, хотя и не лишенный некоторых недостатков «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина, вышедший в Чите в 1999 году, из которого можно было бы извлечь много

интересных слов типа *благёр* 'хвастун, болтун, пустомеля', которое употреблялось в русских текстах многими авторами и в оригинальном французском облике *blagueur*, но русской лексикографии это слово неизвестно в русифицированном облике.

Хотелось бы привести ещё один довольно показательный пример со словом *биргалка*, которое встречается, например, у А. П. Чехова в рассказе «Забыл!!» (1882): «Простудился, должно быть ... Пива холодного выпил в биргалке...», но до сих пор не попало ни в один словарь и не объяснено комментаторами. Встречается оно позже и у других авторов в формах: *бирхалка*, *биргалле*, *бирхалле*, но форма его так и не унифицировалась до выхода слова из употребления, зато была калькирована его немецкая внутренняя форма сложного слова *Bierhalle* (нем. *Bier* 'пиво' + *Halle* 'зал') определительным словосочетанием *пивной зал*.

По-прежнему автор уделяет пристальное внимание источниковедению этимологического материала на предмет его филологической достоверности и много усилий тратит на выявление ошибочных, призрачных слов, рассеянных по многочисленным словарям, даже в тех из них, которые составлялись профессиональными лексикографами, как это имеет место с материалом СРНГ, собранном из разных первичных фиксаций. Особенно это касается слов с единичной фиксацией, не подтвержденных другими источниками.

Взятое из СРНГ странное донское название стручкового перца *бабер* получило у А. Е. Аникина, по-видимому, правильную этимологию на основании турецкого *biber*, *büber*, к которому следовало бы добавить аналогичные формы из азербайджанского и крымско-татарского языков, которые более релевантны для донских говоров, где слово *бабер*, однако, неизвестно.

В донских говорах приведенное по СРНГ (2, 18) слово «*бабер* .. 'растение *Capsicum annuum* L., сем. пасленовых; стручковый перец. Дон. Анненков» едва ли существует: его нет в сводном «Большом толковом словаре донского казачества» (М., 2003). В капитальном многоязычном ботаническом словаре Н. И. Анненкова в русской части слово *бабер* также отсутствует:

«*Capsicum annuum* L. Горчица (Земл. Войск. Донск.) Горчица уральская, Горчица турецкая (güld.) Жгунь, Садовые Корольки (Даль) пер. с фр. Перець астраханский (Кондр.) Перець индйский (Кондр.) пер. Красный перец. Русский перец. Стручковый перец. Стручковый перец. Турецкий перец (пер.) Перчица (Новор.) Астраханский стручек (Вят. Пуп.)».

Но это слово находим в следующем за польским и чешским сербском списке: «*Сербск.* Паприка (Кар.) Баберь, Папарь (Мик.)»². Не исключено, что русифицированное написание слова (с -ь в конце) подтолкнуло составителей принять сербское слово за русское.

А. Е. Аникину следовало бы отказаться от предположения: «Ударный -а- в первом слоге **б<áбер>**, видимо, под влиянием других слов на *баб-* с разной этимол.» — и искать объяснение своеобразного вокализма первого

слога в сербскохорватском же языке, которому и принадлежит ошибочно попавшее в русский сводно-академический словарь сербское слово *бабер*. Огласовка первого слога *-а-* возникла в сербском слове в результате взаимодействия синонимических этимологических дублетов *бубер* и *папар* 'перец черный'.

Паспортизация выявленных ошибок в лексикографии обеспечит исключение «призрачных» слов из дальнейшего оборота, но для этого они должны быть выявлены и объяснены.

Обладающий несомненными достоинствами словарь А. Е. Аникина является плодом огромной и тщательной работы составителя, что обеспечивает возможность дальнейшего умножения этимологических исследований путем обогащения их оставшимся в стороне материалом и упущенными возможностями в трактовке собранного.

К серии названий струнных музыкальных инструментов *бандора*, *бандура*, *мандал(ин)а*, *банджо*, восходящих к одному бродячему слову и получивших в словаре достаточно полное освещение, следовало бы добавить зафиксированное в сводно «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 49) из ненадежного словаря Д. С. Балдаева и др.³ якобы «уголовное» слово *бандúса* 'гитара', которое фактически представляет собой мнимое слово из неправильно прочитанной акающей формы *банджа* с разложением буквы *ж* на *ис* и с неизвестно откуда взявшимся ударением.

Можно оспорить (как источниковедчески, так и семантически) статью: «*бани*, *бана* 'часы' арготич. (Поп<ов> 1912, цит. по Невской, см. ниже) // сопоставляется с польск. *bania* 'купол, выпуклый предмет', чеш. *bán, baň* 'то же' <прасл. * *ban'a* см. *баня* II, *банка* I. Рус. слово м. б. сначала назв. часов сферической формы, ср. также их арготич. назв., как *луковица*, польск. *subula*, ротвельш. *Zwibel*, франц. *oignon*. Рус. б° < ? зап.-слав. (Невская Сов<етское> Сл<авяноведение> 5, 1990: 54)». Прежде всего вызывает сомнение само реестровое слово со странным колебанием формы *бани*, *бана*, восходящее к не очень надежному полицейскому изданию: В. М. Попов. Словарик воровского и арестантского языка. Киев, 1912⁴ — и нигде больше не подтверждаемое, что заставляет относиться к подобным словам с осторожностью. Есть основание предположить, что *бани*, *бана* возникло из небрежно с отражением аканья записанного и неправильно прочитанного арготического названия часов *бокá* (plur. tant.), где уже в словаре В. М. Попова обнаруживается колебание между *а* и *и* в восприятии конечной буквы *а* с плохо прописанной верхней частью, а буква *к* прочитана как *и*. Признак сферичности часов приписан им на основе этимологии: в исходной дефиниции он отсутствует⁵.

На основании скудных данных СРНГ (2, 95): «*ба́нна*, ы. ж. Ванна. Холмогор. Арх., 1907» — не подтверждаемых другими источниками, и сомнительной статьи СлРЯ XVIII в. (1, 138): «*банна*, ы, ж. (Един.) *Ванна*. Сажали в банну сухую потѣть, а вниз клали травы с водою и камни горячие. АК III 231» — А. Е. Аникин включил в свой словарь подозрительное слово *ба́нна*

‘ванна’ как результат контаминации *баня* и *ванна*, хотя здесь скорее стоит видеть небрежно написанное и неправильно прочитанное севернорусское слово *байна* ‘баня’, в существовании которого сомневаться не приходится.

А. Е. Аникину стоило обратить внимание и на подозрительное слово в том же СРНГ (2, 43): «**баенна**, ы, ж. Баня. Устюжн. **Волог.**, 1897. *Разгорися, каменка, Растопися, баенна; Растоскись, княжна-душа, По своей сторонушке, По своим приятелям* (свад. песня). Пск. **Пскк**».

Здесь мы имеем дело с реальным словом *баенка* (уменьш. от *байна*), в котором *к* прочитано как *н*. Вологодскими другими источниками слово *баенна*, кажется, не подтверждается, а слово *баенка* образует рифму к слову *каменка*, но этого нет при сомнительном *баенна*. В Пск. словаре (1, 92) (1967) есть вариант этой песни:

Ръстапіся, пярна баінкь,

Ръзгаріся, краснь каминкь, —

записанный в деревне Вишняково Печорского района в 1960 г., где в рифме ясно записано предполагаемое нами слово *баенка*, не *баенна*.

Стоило бы разоборать название мифического полурастения-полуживотного похожего на ягненочка *Boranetz, quasi agnellum dicas* — *Boranetz, sovil ain Lample*, о котором говорил с некоторым недоверием С. Герберштейн⁶ и которое в XVI-XVII вв. было предметом оживленного обсуждения ученых того времени. Слово было подвергнуто критическому анализу как прозрачное, а в наше время в русифицированном написании *баранец* его даже требовали включить в «Словарь русского языка XI-XVII вв.» в рецензии на этот словарь⁷, хотя из контекста описания баранца можно думать скорее о его татарской региональной принадлежности.

При правильно этимологизируемом из русского языка слове *баранчүк* ‘ребенок, особенно в разговоре с татарскими народами (хотя слово это и не татарское; монгольское?)’ следовало бы указать на его принадлежность поволжско-среднеазиатскому тюркско-русскому пиджину, что явствует из приведенной при нем дефиниции из словаря В. И. Даля, который знал, что в поволжско-среднеазиатском русско-татарском пиджине было употребительно калмыцкое слово *махан*, и предполагал такую возможность для загадочного *баранчук*.

Воронежские загадочные выражения *басарма́, пасарма́, на басарме* (*ругаться*) ‘ругаться матом’ сопоставляются автором с первым словом (*basszam* — 1-е лицо ед. числа конъюнктива глагола *baszik* ‘futuere’) венгерского обценного выражения *basszam (azt) a kutya teremtette fatyút*, где конечная часть буквально значит ‘этого сухой сотворенного ублюдка’. Автору остался неизвестным мой краткий обзор литературы на данную тему⁸, который сейчас может быть дополнен также употреблением слова *басам* и т. д. в «Цыганской венгерке» (1857) Аполлона Григорьева.

При турецком военном термине *байрак* ‘рота’ (< ‘знамя’) было бы полезно учесть сложный материал тюркских языков, среди которого изолированная форма *قردك batrak* у Махмуда Кашгарского должна рассматриваться как искажение правильной формы *قردك bajrak* в результате перенесения

точек в букве əj вверх и превращения этой буквы в ɔ^{ρ} . Кроме единичного *батрак*, по данным «Древнетюркского словаря» (Л., 1969, 79, 89), у этого же автора дважды встречается форма *байрак*.

Просторечное слово *башка* ‘голова’ А. Е. Аникин рассматривает как адаптированное с помощью русского суффикса *-ка* тюркское *баш* ‘голова’, не учитывая странность акцентуации: русский суффикс *-ка* обычно безударный. При этом автор осторожно замечает, что «думать <...> о заимств. из тюрк. формы дат. *baška* нецелесообразно», хотя взвешенный анализ существующих этимологий позволяет говорить именно в пользу последней этимологии с опорой на татарскую фразу *башка ничэ бирэсең* ‘что даешь за голову [скота]?’¹⁰. Конечное ударение русского слова объясняется удачно именно такой этимологией.

В Словаре обращено внимание на жгонские слова *башкётнее*, *башкóвее* ‘быстрее’, *башкóво* ‘скоро, быстро’, *на башкет* ‘наскоро, наспех’ (из тайного жгонского языка костромских шерстобитов), которые выводятся из марийского *вашке* ‘скоро, быстро’, что хорошо подтверждается еще более близкими к марийскому первоисточнику *вашкётней* ‘быстрой’, *вашкетно*, *вашкóво* ‘быстро, скоро’, которыми можно было бы дополнить статью из материалов В. Д. Бондалетова, зафиксировавшего также более короткие формы *шкётнее* ‘быстрее’, *шкётно* ‘быстро’¹¹. Последние примеры говорят о том, что в их более длинных соответствиях начальное *ба-* воспринимается как своеобразный префикс, а сами они могут рассматриваться в качестве источника для арготического *шкет*, обозначающего маленького, юркого человека, обычно мальчика, «шустрика»¹².

Аналогичная ситуация возникает и при анализе нижегородского диалектизма *басаргá* ‘пугливая, неприрученная овца’ (сюда следовало бы добавить уральское *басаргá*, *басарóжка* ‘овца’ (Сл. Сред. Урала I, 36), который напоминает жгонские *басаргулёнок* ‘ягненок’, *басаргулиться* ‘ягниться’, *басаргуля* ‘овца’ в соотношении с *саргá* ‘овца’, *саргуля* ‘овца, коза’, *соргуля* ‘овца’, *саржóнок*, *саргушóнок* ‘ягненок’. Эти жгонские слова, безусловно, связаны с поволжскими тюркскими названиями овцы (татар. *сарык*, чуваш. *сурăх*, башкир. *һарык*). Есть и жгонские слова в марийской фонетической обработке: *шаргúна* ‘овчина’, *шаргулёнок* ‘ягненок, козленок’, *шаргулька* ‘овца’, *шаргуля* ‘овца’¹³ — при мар. *шóрык* (луг.), *шáрык* (горн.) ‘овца.’

В. А. Меркулова слово *басарга* и его варианты (?) *басалга*, *басайга* с варьированием согласного *р-л-й* и значения ‘овца (пугливая)’, ‘глупый или несерьезный человек’, ‘суетливый человек’ и т. п. рассматривает как нечленимое: «слово *басаргá* не может быть расчленено на морфемы с точки зрения славянского словообразования, оно и не может быть проэтимологизировано на славянской почве»¹⁴. Однако далее она ограничивается лишь предположением о его тюркском происхождении на основании наличия в этом слове конечного ударного *-га*, имеющего аналогии в тюркском словообразовании.

Возможно привлечение сюда же смоленского названия овцы *шурка*, но тюркское его происхождение было оспорено А. Е. Аникиным в специаль-

ном этюде об этом слове (Этимология 2003–2005, 10) в пользу производства от подзывного слова дескриптивного происхождения в противовес моей булгарско-чувашской этимологии (др.-чув. *шурăк при современном *сурăх* — см.: Этимология 1968, 194). Похоже, что мы имеем дело с бродячим словом, пути движения которого не вполне ясны.

В. Д. Бондалетов в условных языках префикса *ба-* не выделяет, но его заметили исследователи общерусского языка¹⁵. В жгонском слове *башкетный* этот префикс возник на месте исходного анлаута *ва-* и был отброшен в преобразованиях типа *шкетный* (с тем же значением), а в слове *басарга* этот префикс наоборот добавлен к поволжскому тюркизму *сарык*, *шарык*. Сам А. Е. Аникин относится к возможности выделения префикса *ба-* сдержанно.

Хотя трудное слово *батра́к* практически остается без надежной этимологии, имеется значительное число попыток его объяснить, к чему можно было бы добавить предположение о его этнонимическом происхождении, поскольку связь социально-профессиональной и этнонимической лексики хорошо известна: *швейцар*, *казак*, *арап*, *татар* (последнее слово в турецком языке значит 'курьер'). Следует обратить внимание на племенное название *бодырак*, *бодырах* у акногайцев¹⁶, хотя исторические основы для этого сравнения нам пока неизвестны.

Есть в персидском языке созвучное слово с подходящей семантикой «*بادرگ* *bādräg* (= *باداصل* *bādāsl*) '1) незнатного происхождения; 2) неблагоприятный, непорядочный'», но тюркские языки его, кажется, не знают.

Похожее слово *бодрак* 'привольно пасущийся' встречается в двух тюркских рунических эпиграфках Тувы (№ 45, 55)¹⁷, которое в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, 107, 120) дано в колеблющейся огласовке *bodraq*, *budraq* 'рассеянный, разбредшийся, привольный (о скоте)'. Но его отношение к племенному названию акногайцев проблематично, как и другие этимологические соображения о слове *батрак*, не выходящие за рамки предварительных предположений.

Несовпадение исхода слова в русском *башкир* и в его тюркском первоисточнике *bašqyr̄t* А. Е. Аникин объясняет наличием или отсутствием *-t* «как следствие обработки этнонима в венг.: наращение венг. уменьш. суфф.<икса> *-t* или осмысление части корня как суфф. и возникновение формы без *-t* вследствие десуффиксации в венг.» (по Ю. Немету). На самом же деле первоначальный *-t* исчез в русских производных *башькыртьци > *башкирцы*, *башькыртьский > *башкирский* как непроизносимый согласный, причем имела место вторичная редеривация (обратное образование) корня *башкир* без проблематичного участия венгерского языка.

Наряду с общепринятым выведением слова *башня* 'вышка, каланча' из *баш(т)ня* (от *башта* 'башня'), которое принято и у А. Е. Аникина, с XVIII века существует и часто активно пропагандируется семантически ущербная этимология от тюркского *баш* 'голова'¹⁸, которая должна не замалчиваться, но получить негативную оценку как явно необоснованная и ошибочная. В осташковских говорах Калининской области в 1946 г. за-

фиксировано слово *бересня* (из *береста*) с отражением такого же процесса перехода конечного *-та* в *-ня* (СРНГ 2, 255).

При загадочном слове *бдынь* (в завещании княгини Ольги, которая *призва сна своего Стослава и заповѣда ему съ землею равно погresti ся а могьлы не сути ни тризнь ни бдына дѣяти*) из проложного жития святых у А. Е. Аникина стоит помета в скобках: (знач.?). Но такой же знак вопроса следовало бы поставить и к форме слова, которое не имеет в памятниках стабильного облика и представлено в них множеством разных вариантов: *бьды, бедына, години, дѣна, дина, дыны, дыни, ниедина, дѣлы, дѣла*¹⁹. В весьма обильных количественно разысканиях об этом слове, большей частью проанализированных в не учтенной А. Е. Аникиным обширной статье А. Б. Страхова «Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. *трызна, (в)дынѣ* etc.»²⁰, не было глубокого текстологического анализа этого загадочного места, как и впервые привлеченного сюда А. Е. Аникиным загадочного же названия языческого обряда (?) *бдѣльникъ* в поучениях против язычества. Последнее в сочетании с впервые привлеченным сюда балтийским материалом типа лит. *budėti* ‘распевать ночные молитвы у тела покойника’ говорит в пользу связи с глаголом *бѣдѣти*, хотя суффиксальная часть остается неясной.

В словаре сделана большая подборка материала и его этимологических интерпретаций применительно к новому славянскому названию грызуна *бѣлка*, вытеснившему старое *въверица*. Памятники древнерусского языка еще знают слово *въверица* общеславянского происхождения с параллелями в других индоевропейских языках. В трех отдельных статьях сделан обзор не вполне убедительных попыток объяснить название мелкого грызуна *sciurus vulgaris* *бѣла, бѣгла, бѣлка*, вытеснившее из обихода общеславянское название *въверица*, причем не учтено, что последнее перед исчезновением из русского языка приобрело в нем еще одно значение — ‘название шкурок этого животного как платежного средства (т. е. денег)’. С появлением на рынке серебряных монет, последние получили название прежнего платежного средства – *въверица*, но употреблялось слово *въверица* с уточняющим определением *бѣлая*, которое точно характеризовало цвет серебряных монет.

Именно серебряные монеты упомянуты в «Повести временных лет» под 859 г. в рассказе о варяжской и хазарской дани: «[и]маху дань *Варѣзи* изъ заморья на Чюди и на сл^овъне на Мери и на вѣсѣхъ Кривичехъ а Козари имаху на Полянѣ и на Стѣверѣ и на Вятичѣхъ им^аху по бѣлѣи въверицѣ ѿ дыма» (Лавр. лет. л. 7)²¹. Согласно разысканиям А. А. Шахматова, это летописное известие имело довольно сложную историю, которую он весьма остроумно реконструировал.

В «Древнейшем Киевском летописном своде 1039 года в редакции 1073 года», по реконструкции А. А. Шахматова на основе Комиссионного списка Новгородской первой летописи, речь шла только о дани варягам перед их призыванием на княжение: «Въ си же времена Словѣне и Кривичи и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи въверици...». При этом четко,

но без особого вхождения в детали А. А. Шахматов формулирует свою позицию: «Отвергаю чтение «по бѣлѣ и вѣверици» (в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «по бѣлки и вѣверици»); по-видимому, веверица южное название для северной белки; в Архангелогор. “по бѣлѣ вежище”»²².

«Новгородский свод 1050 года с продолжениями до 1079 года» усилил новгородскую привязанность известия: «Въ си же времена Новгородьстии людие, рекомии Словѣне, Кривичи, и Меря, и Чудь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици...»²³.

В «Начальном Киевском своде 1095 года» это сообщение имело вид: «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива быша Новгородьстии людие, рекомии Словѣне, и Кривичи и Меря: Словѣне свою волость имѣяху, а Кривичи свою, а Меря свою; къждо своимъ родъмъ владаше, а Чудь своимъ родъмъ; и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ вѣверици...»²⁴.

В реконструированном А. А. Шахматовым тексте «Повести временных лет» статья о дани варягам была дополнена сведениями о дани хазарам, но уже не от мужа, а от дыма: «В лѣто 6367. Имаху дань Варязи, приходящи изъ замориа, на Чюди и на Славнѣхъ и на Мери и на Вси и на Кривичихъ; а Козаре имаху на Поляхъ и на Сѣверѣ и на Вятчихъ; имаху “по бѣлѣ вѣверици” от дыма»²⁵.

К. Н. Бестужев-Рюмин обратил внимание, что у польского историка Яна Длугоша (1415–1480), труд которого цитировался им по изданию 1711 года, за рассказом о призвании на Русь варягов (a Varasis tres duces accerperunt) следует указание на размеры взимаемой Рюриком и его братьями дани, которая в Начальном своде упоминается до рассказа о призвании князей-варягов: «His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum (var. suae) ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus (var. asperiolus) albus reddebatur»²⁶. Латинское название дани aspergellus albus затрудняло переводчиков и исследователей, которые сохранили его в скобках: «Z tych kazdemu Rusini i ludy im podlegle w daninie od glowy po jednej popielicy (aspergellus albus) skladali»²⁷. «Русские платили своим правителям дань по одной белке (aspergellus albus) с человека»²⁸.

В новейших изданиях и переводах труда Я. Длугоша это место выглядит следующим образом: His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus albus reddebatur = Им и каждому из них русские и подчиненные их власти народы от каждой головы платили в качестве дани по одной белой белке²⁹.

В «Слове о полку Игореве» вместо словосочетания *бѣлая вѣверица* употреблено уже субстантивированное прилагательное: *а поганіи <...> емляху дань по бѣль отъ двора*³⁰. Суффиксальная форма *бѣлка* получает широкое распространение во всех восточнославянских языках с XIV-XV вв.³¹.

Названия платежных средств исходных *бѣлая вѣверица* и более поздних *бѣла*, *бѣлька*, а также *бѣлица* (сохранившееся в прилагательном *бѣличий*) относились к серебряным монетам, что весьма естественно по отношению к серебру и весьма распространено во многих языках.

Ситуация осложнилась, когда на Руси наступил так называемый безмо-

нетный период с XII до конца XIV вв. в товаро-денежных отношениях. В это время крупные платежи реализовались серебряными слитками — гривнами, а в сфере мелкого товарооборота снова активизировались «меховые деньги» — шкурки пушных зверей, среди которых преобладающими, по видимому, были шкурки веверицы. За ними функционально закрепились название *белки*, которое постепенно стало употребляться и как название для животного — источника платежного средства.

С возобновлением монетного обращения за новыми монетами закрепились новые названия — *деньги, копейки, алтыны, полушки* — с генерализацией первого из них, а старое название денежной единицы *белка* стало названием пушного зверька.

Надо учесть, что в восточно-финских и тюркских языках распространена семантическая модель называния одним словом грызуна 'белка' и мелкой разменной монеты (например: марийск. *ур* '1) белка; 2) и стор. денежка, копейка' и т. д.; каракалп. *тыйын* '1) белка; 2) копейка' и т. д.³²

Восточные финно-угорские и тюркские языки таким образом демонстрируют связь названия белки и мелкой разменной монеты, что является некоторой семантической аналогией к древнерусскому типу.

А. Е. Аникина затруднило название горнозаводского или приискового рабочего *бергал*, которое он вынужден объяснять как народное образование с основой *берг-*, входившей в состав многих терминов горного дела немецкого происхождения в XVIII-XIX вв., хотя вторая часть *-ал* осталась без объяснения. На самом же деле это народное преобразование хорошо известного в это время термина чисто немецкого происхождения, отраженного в СлРЯ XVIII в. с искажением данных «Нового словотолкователя» Н. М. Яновского³³: «◀БЕРГГАУЕР 1798 (-гаур 1735, также дефис), а, м. Нем. Berghäuer. Горн. Рабочий, добывающий в рудниках руду или камень. Ад. I. 238. Берггаур Горивцын. Геннин 79. — Ср. *горосьтчец, каменосьтчец, рудокопатель, рудокопчик*. — Лекс. Ян. берггауер, берг-гауер»³⁴.

Помнилось это слово и во времена В. И. Даля в гнезде **берга́мт:** «*берга́уерь* м. рудокопъ»³⁵.

Тюркские названия сыра домашнего производства, с фонетическими варьированиями отражены (в разных говорах) в трех почти самостоятельных статьях *бешлек, бислык, бишлек* с частичными взаимными отсылками между ними, а также к словам такого же происхождения *бышлак, пышлак, пишлык, пишляк, пислык*. Гораздо более информативным было бы объединение всех этих названий в одной словарной статье и отдельное существование их показать на своих алфавитных местах в виде отсылочных слов.

Так же следовало бы поступить с разнобоем в передаче тюркских титулов *бег, беглербег, бей, бек, бий, бекечь* и т.п., как автор поступил с диалектными южными названиями подарка, подношения, взятки *бешкеш, бишкеш, пешкеш, пишкеш*, которые даны в одной статье в четком противопоставлении прошедших кыпчакско-тюркское посредство форм с начальным б- (терск., донск.) и связанных с персидским первоисточником форм с начальным п- и возможными азербайджанским и кумыкским посредниками.

Но дифференциации путей проникновения этих слов в русские говоры и литературные тексты А. Е. Аникин не обозначил³⁶.

Для убедительно выводимого из глагола *бирать*, *събирати* севернославянского слова *бирка* 'пластинка с надписью (на товаре, багаже)' в словаре не учтена недостоверная этимология в связи с сомнительными татарскими диалектизмами *бирге*, *биркэ* 'знак отличия, любви (?)', которые сопоставляются с подозрительным монгольским *бирга* и калмыцким *бирге* 'эмблема': «**бирге**, **биркэ** диал. 'знак отличия, любви' — см. монг. *бирга*, калм. *бирге* 'эмблема'. — По мнению Г. Рамстедта, из санскрита. Рус. *бирка* — из тюркских языков»³⁷.

А. Е. Аникин в основном хорошо преодолевает те трудности, которые возникают при анализе противоречивого материала лексикографических источников. Но в отдельных случаях возникают досадные недоразумения.

А. Е. Аникин подробно анализирует этимологические связи зафиксированного В. И. Далем медицинского термина: «**бистурѹ**, **бистурѹй** м. фрнц. врчб. малый нож хирурга, лезвее его вершка въ полтора; обычно прямой, остроконечный», — ограничившись лишь первым вариантом (без ударения!) и снабдив термин пометой *интернац.* (т. е. *интернационализм* — ?!), взятой из ненадежного словаря блатного жаргона Д. С. Балдаева, В. К. Белко, И. М. Исупова: «БИСТУРИ (*ин.*) — нож небольшого размера», — где сокращение (*ин.*), однако, раскрывается как *иноязычное* и обосновывается тем, что лексика собиралась практически на всей территории бывшего СССР (этим, кстати, объясняется и появление в словаре слов с пометой «иноязычное»)»³⁸.

Из ненадежных словарей блатного языка (на которые сделаны аккуратные ссылки) «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 62) скомпоновал словарную статью: «**бистурѹ**, неизм., м. Угол. Нож большого размера. Мильяненков, 85; ББИ, 28; Балдаев, I, 36.», где вызывают сомнение неизвестно откуда взявшееся ударение, указание на неизменяемость слова и его принадлежность к мужскому роду, а также квалификация его как слова *из речи уголовников* и дефиниция с превращением *ножа небольшого размера* в *нож большого размера*. Здесь точны только ссылки на ненадежные источники.

В весьма обильном по материалу «Кратком историческом словаре галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина (Чита, 1999, 194) под словом *бистури* приводятся тексты XVIII–XIX вв. только со склоняемыми формами от *бистурий*, *бистурей*, например, у В. Ф. Одоевского, А. И. Герцена и др. авторов³⁹.

В пользу склоняемости термина *бистурий*, *бистурей* говорят его формы, фиксируемые словарями иностранных слов XIX — начала XX вв. зачастую с этимологическими сведениями не вполне точными, а также без указания на отличия этого хирургического инструмента от других хирургических ножей — *ланцета*, *скальпеля*:

«**бистурѹй**, фр. Хирургическѹй инструментъ, употребляемый для надрѣзанія тѣла» ([Яновский Н. М.] Новый словотолкователь, располо-

женный по алфавиту. Ч. 1-я. СПб., 1803, стб. 381–382);

«БИСТУРЕЙ (*bistori*, *фр.* *bistouri*, *отъ bis u tour — верчение*), *ит.* *Мед.* Хирургический нож» (Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861, 78);

«**бистурій**, *фр.* Хирургический инструментъ въ видѣ ножа» (Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных слов, вошедших в русский язык ... 4-е доп. изд. М., 1879, 84);

«**бистурій** (*франц.*) хирургический нож для операций надъ мягкими частями тѣла» (Самый полный словотолкователь и объяснитель 150.000 иностранных слов, вошедших в русский язык ... Составлен филологами Соколовым и Кремером, вновь обработал и дополнил по новейшим источникам С. Н. Алексеев. <5-е изд. М., 1899>, 121);

«**бистурій** *фр.* — хирургический нож съ заостреннымъ концомъ» (Гавкин Н. Я. Карманный словарь иностранных слов, изд. 20-е. Киев — Харьков — СПб., 1903, 90);

«**бистурій** — хирургический нож с подвижнымъ лезвиемъ» (Головков Д. Иллюстрированный словарь иностранных слов с указаниями ударений, изд. 4-е. Одесса, 1916, 52).

Последним словарем иностранных слов, который объяснял значение слова *бистурий* и давал ударение по словарю Д. Головкова, по-видимому был первый «Словарь иностранных слов», выпущенный издательством «Советская энциклопедия»: «**бисту́ри(й)** — *фр.* [*bistouri*] — *мед.* Хирургический нож с подвижным лезвием» (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Составили К. С. Кузьминский, М. М. Каушанский, Я. А. Рохлин, С. С. Бровкин. М., 1933, стб. 180).

В последующих изданиях словарей иностранных слов это слово уже не объяснялось.

Любопытно, что если в «Французско-русском словаре» К. А. Ганшиной издания 1939 года читается: «**bistouri m.** бистурий, хирургический нож» — то в издании 1957 года только «хирургический нож», позже был добавлен новый термин: «хирургический нож, скальпель» (испр. изд. 1971 г.). В «Новом французско-русском словаре» В. Г. Гака и К. А. Ганшиной (1994) в перевод вернулось старое слово в новом облике: «**bistouri m.** хирургический нож, скальпель, бистурий».

Обилие цитат со словом *бистурий*, *бистурей* из большого количества словарей показывает насколько ненадежны их материалы и как трудно при опоре на них уклониться от ошибок, что в большинстве случаев успешно удается А. Е. Аникину, несмотря на лексикографически недостоверный материал.

А. Е. Аникин не уберется от ошибок лексикографических источников, цитируя сочувственно (под *балахон*), слово *балахонец* ‘торговец балахонами’ (СлРЯ XI–XVII вв. I, 68), хотя оно значит ‘житель Балахны’, или не заметил (под *бешкеш*) ошибки в характеристике существительного *пешкеш* как наречия и в приписывании ему значения ‘даром’ (СРНГ 27, 14), хотя оно значит ‘подарок’.

Загадочной представляется параллель прииссыккульского *битюк* 'вошь' (в Киргизии) и не учтенного А. Е. Аникиным жгонского *питюк* 'вошь' у костромских шерстобитов, зафиксированного в середине XIX века в жгонском словаре Лури — Дала⁴⁰, но не подтвержденное последующими записями. Жгонское *питюк* отражает не столько вообще тюркское односложное *бит* / *быт* 'вошь', сколько чувашское двусложное соответствие *пыйтă* 'вошь' (< *pyjtuk) с отпавшим конечным гуттуральным. Глухое начало для этого слова тюркологи отмечают и в мишарском диалекте татарского языка⁴¹.

Неясно, почему В. И. Даль не включил жгонское *питюк* в свой «Словарь офенского языка», где фигурируют и жгонские слова, но в его же «Русско-офенском словаре» оно присутствует под словом *вошь* как жгонское среди других арготических названий этого насекомого⁴². Иссыккульское русское диалектное *битюк* 'вошь' скорее соотносится не столько с киргизским *бит* 'вошь' и русским суффиксом *-ук* со значением уменьшительности, как весьма категорически полагает А. Е. Аникин вслед за А. Н. Кононовым, сколько (по формальным соображениям) с киргизским прилагательным *битүү* (варианты *биткор*, *биттибек*) 'вшивый', восходящим к *bit-üy, *bit-lük. Общий тюркский (не единый ?) источник не является неперенным условием единства жгонского *питюк* и прииссыккульского *битюк*, к чему следовало бы присоединить оренбургское искаженное из *битюк* призрачное слово *битоок* (это доказательно говорится в словаре А. Е. Аникина) как важное указание на другую территорию распространения этого своеобразного тюркизма. В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи (т. I, Оренбург, 2002, с. 138) фигурирует *битюк* 'вошь', что хорошо подтверждает соображения А. Е. Аникина.

Что касается происхождения названия рослого и крепкого ломового коня *битюг*, *битюк*, то оно обычно сводится к не очень доказательным этимологиям от названия реки *Битюг*, *Битюк* или от тюркского прилагательного *bädük 'большой', 'высокий' в его якутском [!?] варианте *bitüig [!?] (которые допустимо и соединить «в глубине»). Но это название можно сопоставить также с чагатайским и «сартовским» названиями верблюда *bitü* или *bitäy*⁴³, как самого крупного домашнего животного.

Для этимологически загадочного старого названия безземельного или малоземельного крестьянина *боббль*, которое было заимствовано в казанско-татарский как *бабул* или в сергачский мишарский диалект как *бабул*, татарским языковедом Р. Г. Ахметьяновым была предложена фантастическая этимология — от древнего географического названия *Вавилон*, которое через арабское и персидское, также татарское посредство вошло-де в русский язык с якобы первичным значением 'распутный'⁴⁴. Кроме хронологических и семантических трудностей такая этимология обнаруживает также трудности морфологические. В арабском и персидском языках название жителей *Вавилона* (بابل *bābilu*, в персидском также بابل *bābul*) представляет собой адъективную форму بابلي *bābilī*, а в татарском ей соответствует образование с суффиксом *-лы/-ли*, поэтому представляются неприемлемыми все соображения Р. Г. Ахметьянова о татарском происхождении слова *боббль*

в связи с арабско-персидским названием *Вавилона* как символа разврата у мусульман: «БАБУЛ 'малоземельный крестьянин; бобыль' — фарсы, гарэп. *бабуль* 'азгын; сукбай; гаилэсез өлкэн ир кеше' — асылда 'Бабил (Вавилон) кешесе' дигэннэн: мөселманнарда Бабил азгынлык символы булган. Рус. *бобыль* — татарчадан»⁴⁵.

В. А. Меркулова пыталась на основании общих соображений, но без привлечения тюркского материала обосновать тюркское происхождение названий берега, полосы, веревки *бечевá*, *бичевá*, *бечáг*, *бичугá*, опираясь на традицию, что было хорошо с привлечением языкового материала доказано А. В. Дыбо и принято А. Е. Аникиным.

Сделанные здесь замечания относятся преимущественно к весьма трудным словам, причем эти замечания могли возникнуть на базе тех подробных сведений обзора этимологических версий, которые собраны в словаре А. Е. Аникина и на которых основаны дополнительные соображения с привлечением нового материала. Это свидетельство добротности собранного материала и возможности его плодотворно использовать.

Из технических недосмотров стоит отметить повторение одинаковых библиографических сокращений для разных изданий. В первом выпуске аббревиатурным индексом *KI* обозначено 21-е издание немецкого этимологического словаря Фр. Клуге (1975 г.), а во втором за этой же аббревиатурой уже стоит 23-е издание 1999 г. Эта невнятность может быть устранена в дальнейшем путем указания на номер издания в виде дополнительного индекса или указанием на год издания, чтобы не создавать трудностей для читателя.

С другой стороны, трудности для читателя создает неустойчивость библиографических сокращений, когда одна и та же работа получает два разных индекса, как это произошло с книгой: Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. Нукус, 1980. Эта книга в первом томе скрывается за сокращением Жар. 1980, а во втором — Жарим. 1980.

Список сокращений литературы и источников в словаре состоит из двух частей — на русском шрифте и на латинском, которые не смешиваются, поэтому следует избегать индексов, которые можно прочесть двояко. Например, индексы *CT* или *CP* можно искать как в русском алфавите, так и в латинском. Первый раскрывается в русском ключе как «Советская тюркология», а второй — в латинском как *Dictionario critico etimologico castellano e hispánico*, por J. Corominas. Con la colab. de J. A. Pascual, t. I. Madrid, 1980. Следует сокращения делать так, чтобы в них фигурировали специфические русские или латинские буквы, по которым читатели могли бы сразу обращаться к русской или латинской части списка, а не пробегать обе части списка.

В заключение рецензии хотелось бы отметить оперативность в освещении уже опубликованного в первом выпуске словаря материала на букву *а*-. Во втором выпуске опубликованы уточнения и дополнения самого автора и А. В. Дыбо, благодаря чему пользователь словаря получает возможность

знакомиться с самыми последними достижениями русской этимологии, которые не попали в первый выпуск словаря А. Е. Аникина.

Читатель словаря ждет такой оперативности и в дальнейшем.

Примечания

¹ См. мою рецензию: Этимология 2006–2008.

² Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878, 82.

³ Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона [М.], 1992.

⁴ Т. В. Невская ссылается также на книгу: Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871, 448.

⁵ Более полный материал по варьированию формы арготического названия часов *бокá* (самое распространённое), *байки*, *бани* (самые редкие), *ба́ки*, *бакá*, представленный в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 69, 45, 49), но без формы *бана*, и требующий дополнительного источниковедческого анализа, не противоречит высказанному здесь предположению о призрачном характере жаргонизмов *бана*, *бани*. В милицейском словаре-справочнике О. П. Дубягиной и Г. Ф. Смирновой «Современный русский жаргон уголовного мира» (М., 2001, 32) фигурирует слово-призрак *бали* ‘часы’, помещённое после слова *бандыр*, что явно указывает на опечатку. Явной опечатке обязана своим происхождением и редчайшая форма *до́ка* ‘часы’, попавшая в «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (СПб., 2000, 161) из ненадёжного милицейского источника: Потапов С. М. Блатная музыка: Словарь жаргона преступников. М., 1923.

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008, т. I, 438–441, т. II, 449; Болдырева Ю. А., Никандрова Т. Е. Развесистая клюква XVI в. // Русский язык в школе, 2009, № 2, 80–82.

⁷ Исаченко А. В. // Russian Linguistics, vol. 3, № 1, 77.

⁸ Добродомов И. Г. Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова // Philologica. М., 1995, т. II, № 3/4., 263–266.

⁹ Добродомов И. Г. Тюркизмы русского языка в освещении Н. К. Дмитриева // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001, 83–85.

¹⁰ Там же, 78–80.

¹¹ Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство. Рязань, 1980, 77, 78, 98.

¹² Добродомов И. Г. Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 20–24.

¹³ Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1980, 77, 92, 97.

¹⁴ Меркулова В. А. К проблеме потенциального тюркизма // Этимология, 1985. М., 1988, 82.

¹⁵ Соболевский А. И. Мелочи // Русский филологический вестник. Т. 66. Варшава, 1911, 345; Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова. М., 2006, 57.

¹⁶ Ногайско-русский словарь. М., 1963, 490.

¹⁷ Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. М., 2008, 319.

¹⁸ Юналеева Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань, 2000, 28–38; Юналеева Р. А. Структурно-семантический анализ

русских слов с тюркским элементом *баиш* // Ученые записки Казанского педагогического института, 1976, № 161 (Вопросы теории и методики изучения русского языка), 202–209.

¹⁹ В «СлРЯ XI–XVII вв.» из всего этого многообразия вариантов попали три: *бдынь*, *година* и *дынь*, но как самостоятельные слова (!), что спорно.

²⁰ *Страхов А. Б.* Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. *трызна*, (б)дынь etc. // *Palaeoslavica*, X/ 2002, № 2, 181–196. Статья А. Б. Страхова вызвала полемику на страницах журнала «*Palaeoslavica*». *Добродомов И. Г., Шаповал В. В.* О призрачных словах у лексикографов // *Palaeoslavica*, XIII/ 2005, №1, 331–333; *Страхов А. Б.* О мнимой «призрачности» др.-рус. *бдынь* (реплика) // *Palaeoslavica*, XIII/ 2005, №1, 338–341. Однако вопрос о загадочном слове *бдынь* и т. д. остается открытым.

²¹ Отмечается, что «в ряде северных и северо-западных летописей (1-й Софийской, Воскресенской, Типографской, 1-й Псковской, Тверской, Львовской, Ермолинской и др.) вместо *въвериць* стоит *въкшиць*». *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 559.

²² *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М. — Жуковский, 2001, 387–476.

²³ Там же, 457.

²⁴ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. I. Пгт., 1916, 367–368.

²⁵ Там же, 19.

²⁶ *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868 (Отд. изд. из «Летописи занятий император. Археографической комиссии», вып. 4); *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М. — Жуковский, 2001, 246, 253.

²⁷ *Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Przekład K. Mecherzyńskiego.* T. I: Ks. I. II. IV. Kraków, 1867, 52 (=Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dzieła wszystkie. Tom II).

²⁸ *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1979, 14.

²⁹ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004, 79, 226.

³⁰ Слова *бъла*, *бъль* (последнее в собирательном значении) весьма часто встречаются в грамотах XIV в. См. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990, 131–133.

³¹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 561.

³² *Добродомов И. Г.* Лингвистические ареалы и история товарно-денежных отношений (к истории названий некоторых денежных единиц в языках Восточной Европы и Средней Азии) // *Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары*, 1979, вып. 7, 16–22.

³³ «*Берггауеръ*, или *Бергъ-гауеръ* <на переносе! — *И. Д.*>, нѣм. Тотъ, кто рубить: горосѣчець, каменосѣчець, рудокопатель» — [*Яновский Н. М.*] Новый сло-волтокователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. СПб., 1803, стб. 369.

³⁴ СлРЯ XVIII в. I, 200.

³⁵ См. также: *Спасский Г. И.* Горный словарь. Ч. 1. М., 1841, 25: «*Б е р г г а у е р ь* (Berghauer; mineur), бергайеръ, горосѣчець, горнорабочій, занимающийся собственно добычею рудъ или разработкою рудника. Званіе это имѣють также служители, обращающіеся въ заводскихъ и другихъ работахъ».

³⁶ Подробности см.: *Добродомов И. Г. Пешкеш* из словарей и текстов // Наше слово: К 80-летию профессора В. Д. Бондалетова. М., 2009, 51–61.

³⁷ *Әхмәтъянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 45.

³⁸ *Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992, 9, 13.

³⁹ Академический «Словарь русского языка XVIII века» почему-то этого слова не дает, хотя оно и употреблялось уже в это время.

⁴⁰ *Громов А. В.* Жгонский язык. М., 2000, в разделе «Словарь языка шерстобитов» (без пагинации).

⁴¹ Диалекты тюркских языков. Очерки. М., 2010, 344: *pət* при казанском *bət*.

⁴² *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 359; ср. также 127.

⁴³ *В. В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911, стб. 1778, 1774.

⁴⁴ *Әхмәтъянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 31.

⁴⁵ Там же.

И. Г. Добродомов

M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s.

Мариола Якубович — представитель польской этимологической школы, один из авторов создаваемого в Кракове по инициативе и первоначально под руководством Ф.Славского «Праславянского словаря» (SP), и ее монография посвящена одному из самых актуальных вопросов этимологической науки — семантической реконструкции и возможности создания словаря семантических параллелей (в плане статики, синхронии) или семантических «переходов» (в плане динамики, диахронии) славянской лексики. Как известно, наличие схождений в способе номинации одного и того же денотата между разными языками (ономазиологический аспект) или аналогий в семантическом развитии соответствующих языковых знаков (семасиологический аспект) служит для этимологов важнейшим критерием при обосновании предлагаемого решения или при выборе из нескольких альтернативных версий, допускаемых формальной реконструкцией. В условиях, когда все еще семантическая сторона остается слабым местом славянской этимологии, даже в таких авторитетных компендиумах, как московский «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ) и краковский «Праславянский словарь»¹, книга М. Якубович воспринимается как долгожданный прорыв в этой области и первая серьезная попытка не просто в очередной раз обратить внимание на проблемы семантической

реконструкции, но и предложить практический, «опытный» результат в этой области.

Книга состоит из двух частей: теоретической и словарной. **Теоретическая часть** важна и как обоснование предлагаемого автором подхода к семантической реконструкции, и как весьма полезная сводка истории вопроса, сопоставляющая разные мнения и позиции относительно необходимости, возможности и профиля будущего семантического словаря диахронических изменений славянской лексики. В первом разделе теоретической части книги обсуждаются такие общие вопросы (имеющие, однако, прямое отношение к ее «практической» части), как соотношение значения и понятия, синхронии и диахронии, полисемии и омонимии, методы изучения изменения значений, и определяется ключевое для автора понятие семантической мотивации (*motywacja semantyczna*), его отношение к понятию словообразовательной мотивации, критически разбирается применение этих понятий и соответствующих терминов (наряду с терминами *номинационная мотивация* — *motywacja nominacyjna*) в работах российских, чешских, словацких, болгарских и польских авторов; подчеркивается, что для целей работы важно не только понятие семантической мотивации, но и понятие мотивационного значения. Под семантической мотивацией автор понимает а) номинационный процесс, приводящий к появлению нового значения, б) мотивационное значение, т. е. «значение, которое имеет общие элементы с последующим по времени исследуемым значением и тем самым является импульсом к возникновению нового значения»; при этом мотивационное значение может быть «непосредственным» (*bezpośrednie*) и опосредованным (*pośrednie*) (с. 31–32).

В работе, однако, исследуются не собственно явления семантической мотивации и не мотивационные значения как таковые, а пары «мотивирующее значение > мотивированное значение» — единицы семантической деривации, не имеющие пока общепринятого обозначения и называемые «типы семантической деривации», «модели семантической деривации», «семантические параллели» (*resp.* «семантический параллелизм»), «модели номинации», «номинационные модели», «модели семантических коннотаций» и т. п. Такие пары не индивидуальны для каждого конкретного случая, а «серийны», т. е. повторяются в истории разных лексем и разных языков. Задача автора — оценить возможность каталогизации таких пар и составления соответствующего словаря семантической мотивации, что имело бы первостепенное значение для этимологии, и представить опытную версию такого словаря. В работе речь идет, конечно, не о полном словаре, а об одном его небольшом фрагменте, ограниченном праславянскими прилагательными, обозначающими характеристики человека.

Книга М. Якубович посвящена памяти скончавшейся в 2010 г. Евы Гавловой — выдающегося чешского ученого-этимолога и лексиколога, — которая одной из первых в славистике поставила вопрос о необходимости создания словаря такого типа (Havlová 1965). Несколько ранее (в 1964 г.) на эту тему высказался О. Н. Трубачев, который, критически отозвавшись

о словаре индоевропейских синонимов К. Д. Бака, построенном по идеографическому принципу, предложил создать свод семантических диахронических параллелей (семантических переходов) на материале разных языков: «Нам кажется, что подлинной “contribution to the history of ideas” мог бы послужить только свод рубрик типа ‘таять’→‘молчать’ с подробным сравнительным и критически отобранным этимологическим материалом внутри каждой такой семантической рубрики, с детально разработанными отсылками и с полными лексическими индексами, облегчающими пользование трудом. Что касается отбора рубрик-страт, то он должен охватывать в первую очередь достоверные случаи семантической эволюции. Таких в науке к настоящему времени известно уже немало. Ср. ‘дуть’→‘говорить, думать’, ‘скот’↔‘имущество’, ‘петь’←‘поить, совершать возлияния’, ‘человек’←‘земной’, ‘человек’←‘смертный’ и др.» (см. Трубочев 2004: 315). Более века тому назад о необходимости словарей семантических изменений (сравнительных семасиологических словарей) писал Я. Розвадовский (Rozwadowski 1903). Вопрос о возможности и формате подобных словарей продолжает дискутироваться, главным образом, этимологами как наиболее заинтересованными в таких сводках (см. Popowska-Taborska 1989, Karlíková 2008).

Очевидно, что словарь семантических параллелей любого масштаба не может быть создан *ad hoc* — он должен базироваться на предварительно обработанном эмпирическом материале, причем не только на материале этимологических словарей соответствующих языков, где лексика представлена «поштучно» и по принципу «от слова к значению», но и на словарях и на исследованиях других жанров. Так, идеографический (ономасиологический) словарь («от понятия к слову»), особенно сравнительный идеографический словарь, дает такую систематизацию лексики, которая даже ближе к задачам словаря семантических параллелей, поскольку представляет картину лексического выражения каждого из понятий в разных языках, без чего словарь параллелей не может обойтись. Столь же необходимы полные словари синонимов отдельных языков и в идеале — сравнительный словарь синонимов славянских языков (словарь межъязыковой синонимии), который мог бы служить и этимологическим, и типологическим целям. Таким образом, принцип, избранный Баком, совместившим словарь синонимов с идеографическим словарем, скорее всего следует признать, вопреки мнению О. Н. Трубочева, оптимальным. Именно такую комбинацию идеографического и синонимического принципа мы находим и в работе М. Якубович: ею выбраны в качестве исходных понятия, относящиеся к характеристике человека («хороший», «красивый», «приятный» и т.п.), и для каждого приведен весь «лексический спектр» (лексическое поле) обозначений в славянских языках (включающий как лексемы, для которых данное значение является главным, так и лексемы, для которых исследуемое значение маргинально, вторично и т. д.). Из источников других (не словарных) жанров исключительно важны для словаря семантических параллелей и ономасиологические исследования, посвященные отдель-

ным тематическим группам лексики, и семасиологические исследования, посвященные отдельным этимолого-словообразовательным гнездам². Все эти источники получили в книге М. Якубович свою оценку с точки зрения поставленных ею задач³.

В целом очевидно, что проблематика семантических параллелей или семантических мотиваций требует как ономаσιологического (от смысла к слову), так и семасиологического (от слова к смыслу) подходов и их разумного сочетания, хотя само явление семантического параллелизма в большей степени относится к области смысла (к «истории идей») и обусловлено скорее гносеологическими, когнитивными, психологическими особенностями восприятия мира человеком, чем собственно лингвистическими закономерностями семантической эволюции. Это следует прежде всего из параллелизма механизмов семантической деривации в разных языках (и на разных стадиях развития) независимо от их родства или характера контактов (однако в соответствии с типом культуры)⁴.

Большое внимание в теоретической части рецензируемой книги уделено проблемам реконструкции праславянского значения вообще и реальным достижениям в этой области в этимологических словарях и специальных исследованиях. Но вначале обсуждается вопрос о реальности или условности самого праславянского языка. Мне кажется, что рассматриваемые здесь две формально противоположные позиции (1. праславянский язык — реальный языковой идиом со всеми характерными для реальных языков свойствами и 2. реконструируемый праславянский язык — условный конструкт, не претендующий на статус нормального естественного языка) в действительности не противоречат друг другу: праславянский язык, несомненно, существовал как реальный естественный язык, но наши возможности воссоздать его во всей совокупности его черт недостаточны, поэтому результат реконструкций (не только лексики, но даже и фонетики и морфологии) не должен претендовать на безусловную реальность и остается условным отображением праславянского языка и в какой-то мере лишь «системой соответствий». Далее М. Якубович формулирует принципиальные для данного исследования положения о принятой в нем концепции семантической реконструкции: автор считает необходимым представить реконструкцию в нескольких последовательных этапах: «1. этимологическое значение (на основе внешних по отношению к праславянскому языку соответствий или реконструированного индоевропейского корня), 2. структурное значение (опирающееся на значение производящей основы) и 3. значение, реконструированное на основе “континуантов” в славянских языках» (с. 43)⁵. В последующих главах раздела подробно обосновываются принципы реконструкции каждого из этапов в порядке, обратном хронологии, т. е. начиная с последнего, восстанавливаемого на основе заведомо установленных в славянских языках значений праславянских лексем, затем переходя к структурному, которое определяется как «потенциальное» и зависит от предполагаемой производящей праславянской основы (не для всех дериватов восстанавливаемой), и, наконец, к этимологическому значению

и особенностям его реконструкции для праславянских прилагательных, которые исследуются в работе.

Третий раздел теоретической части посвящен праславянским прилагательным, среди которых выделяются три группы: 1. прилагательные, представляющие собой старые лексикализованные причастия, т. е. сохраняющие формальные признаки глагола (глагольный вокализм); 2. прилагательные, восходящие к индоевропейским глагольным корням, но с эффектом апофонии, 3. прилагательные, восходящие к индоевропейским субстантивным корням. Для отглагольных прилагательных отмечается характерная особенность, отличающая их от причастий, а именно неразличение семантики активной и пассивной (или медиопассивной, возвратно-пассивной). На эту же черту обратила внимание М. Войтыла-Свежевска в своей монографии о праславянских *nomina actionis* (Wojtyła-Świerżowska 1992)⁶.

В последнем разделе теоретической части обсуждаются вопросы, непосредственно связанные с методикой создания словаря семантической мотивации; предлагаемый подход сопоставляется с другими подходами и формулируются принципы предлагаемого словаря, раскрываются способы отбора и анализа материала в семасиологическом и ономасиологическом аспектах.

Вторая, «практическая» часть книги представляет собой словарь, состоящий из 16 статей, «входом» в которые служат следующие антитетические пары понятий, относящиеся к характеристике человека: ХОРОШИЙ (DOBRY) и ПЛОХОЙ (ZŁY), МИЛЫЙ (MIŁY) и НЕПРИЯТНЫЙ (NIEPRZYJEMNY), КРАСИВЫЙ (ŁADNY) и БЕЗОБРАЗНЫЙ (BRZYDKI), ВЫСОКИЙ (WYSOKI) и НИЗКИЙ (NISKI), ТОЛСТЫЙ (GRUBY) и ХУДОЙ (CHUDY), СИЛЬНЫЙ (SILNY) и СЛАБЫЙ (SŁABY), ЗДОРОВЫЙ (ZDROWY) и БОЛЬНОЙ (CHORY), МОЛОДОЙ (MŁODY) и СТАРЫЙ (STARY), БЫСТРЫЙ (SZYBKІ) и МЕДЛЕННЫЙ (POWOLNY), ВСПЫЛЧИВЫЙ (GWAŁTOWNY) и СПОКОЙНЫЙ (SPOKOJNY), ВЕСЕЛЫЙ (WESOŁY) и ГРУСТНЫЙ (SMUTNY), СТРОГИЙ (SROGI) и МЯГКИЙ (ŁAGODNY), СМЕЛЫЙ (SMIAŁY) и ТРУСЛИВЫЙ (STRACHLIWY), ГОРДЫЙ (DUMNY) и КРОТКИЙ (POKORNY), ТРУДОЛЮБИВЫЙ (PILNY) и ЛЕНИВЫЙ (LENIWY), УМНЫЙ (MĄDRY) и ГЛУПЫЙ (GŁUPI).

Каждому понятию сопоставляется список праславянских прилагательных, способных его выражать, т. е. иметь соответствующее значение, например, для понятия БЕЗОБРАЗНЫЙ (BRZYDKI) это *gnusъnъ, *gadъnъ, *gydъkъ, *gyzdavъ, *bridъ/bridъkъ, *rôzъnъ, *mîzъkъ, *grozъnъ, *grdъ, *chudъ, *marъnъ, *grôbъ:grubъ, *durъnъ, *chvorъ. Далее для каждой праславянской лексемы приводятся ее этимологическое значение (znaczenie etymologiczne), «структурное» значение (znaczenie strukturalne), значение, засвидетельствованное славянскими языками (znaczenie oparte na kontynuacjach) и инновационные значения, развившиеся в отдельных языках (znaczenia innowacyjne). За ними следует обязательное резюме, обобщающее сведения о семантических переходах, отраженных во всем лексическом поле понятия (Podsumowanie zmian znaczeniowych). В случае БЕЗОБРАЗНЫЙ

(BRZYDKI) это заключение выглядит следующим образом: «В мотивациях понятия БЕЗОБРАЗНЫЙ отчетливо доминирует производимое объектом отталкивающее впечатление (*gnusьnь, *gadьnь, *gydьkь, *gyzdavь, *bridьkь, *mъzьkь, *grozьnь, *grdь, *rqъzьnь). Остальные мотивации основаны на внешних признаках: слабости (*marьnь), худобе (*chudь) или их причинах, таких как болезнь (*chvorь), необработанность (*grqъbь), или же на общей оценке «плохой» (*durьnь, *marьnь, *chudь)» (с. 156).

В последнем разделе книги этот же материал подается в иных ракурсах, в виде двух словарей семантических переходов (słowniki zmian semantycznych). В обоих случаях материал упорядочен по ономасиологическому принципу, но в одном словаре исходными являются вторичные, производные значения (znaczenia otrzymane), а во втором, наоборот, — производящие (мотивирующие) значения (znaczenia wyjściowe). Например, согласно первому словарю, понятие СИЛЬНЫЙ (SILNY) может мотивироваться значениями: срединного положения (**jędrь?*), физических признаков «большой» (*drěчьnь), «напряженный» (*silьnь, *toqь), «твердый» (*krěpьkь, *krqъtь, *storьbь, **črstvь?*), «густой» (**črstvь?*), «толстый» (**jędrь?*), «здоровый» (*sъdorьvь), «жесткий» (*storьbь), признаков возраста — «молодой» (*jarь), темперамента — «вспыльчивый» (*polчь), «похотливый» (*jarь), «быстрый» (*chytрь, *polчь), «резвый» (*bьdrь, *čilь, *jarь), «резкий» (*čilь), черт характера — «строгий» (*stroqь), «трудолюбивый» (*dělьnь), оценки — «соответствующий, подходящий» (**dob'ь*), «чрезмерный» (*lichь), «грозный, устрашающий» (*stroqь), признака «обильный» (*sporь); на основе ассоциаций со стволом дерева (*drěчьnь), с работой (*dělьnь), с хорошей древесиной (*sъdorьvь), с действиями — хватать (*chytрь), бежать (*polчь), давить (*dqъь), бить (**črstvь?*), сплетать (**črstvь?*, *krqъtь), крутить (*krqъtь), выдерживать (*krěpьkь, **črstvь?*), цепенеть (*storьbь), удаваться (*sporь), отдыхать (*čilь), сторожить (*stroqь), заботиться (*stroqь) (с. 308–309).

Во втором словаре представлены сами семантические мотивации (значения производящих лексем), которым сопоставляются производные от них значения и конкретные прилагательные, иллюстрирующие этот тип семантической деривации. Мотивации иерархически упорядочены и включают рубрики «Положение» (с подрубриками «напротив», «в середине», «наверху», «внизу», «в определенном порядке», «без пары», «свободно»), «Параметрические признаки» («старый», «взрослый», «молодой», «большой», «обильный», «малый», «толстый», «пышный», «худой»), «Внешний вид» («красивый», «безобразный», «блестящий», «цветной», «красный», «серый», «гладкий»), «Физические способности» («сильный», «дельный», «слабый», «быстрый», «медленный»), «Темперамент» («вспыльчивый», «спокойный», «мягкий», «живой», «сексуально активный»), «бешеный, шалый»), «Черты характера» («наглый», «смелый», «трудолюбивый», «ловкий», «ленивый»), «Интеллект» («глупый», «наивный», «думать»), «Психические состояния» («счастливый»), «Физические свойства предметов» («жесткий, шершавый», «острый», «твердый», «мягкий», «редкий, сла-

бый», «густой», «крутой», «кривой», «пустой», «целый»), «Оценка» («хороший», «соответствующий, правильный», «плохой», «отвратительный», «смешной», «трудный и др.). Релевантными мотивирующими признаками оказываются также связи с погодными явлениями (ветром, весной), с растениями (стволом дерева, веткой, древесиной, ростом), животными (их вкусом, рычанием, признаками дикости или освоенности людьми и др.), а также с широким кругом физических действий и процессов — приводящих к уничтожению (бить, угрожать, давить, резать и т.п. или вянуть, гнить, набухать и т.п.), состояний (сторожить, отдыхать, мучиться), движений (двигать, прыгать, бежать, качаться), производственных действий (работать, крутить, вязать, гнуть, хватать и др.). Всем этим мотивирующим значениям сопоставляются связанные с ними мотивированные значения, например, признак «связь с ветром» лежит в основе следующих производных значений: 'плохой', 'неприятный', 'безобразный', 'больной', 'старый', 'вспыльчивый', 'трусливый', 'гордый', 'глупый' (все они предположительно могут выражаться прилагательным *durь/*durьnь).

В заключении к книге ставится вопрос о степени надежности семантической реконструкции, о роли разных тематических групп в исследованном корпусе фактов, о экстралингвистических и внутренних, собственно языковых, системных причинах семантических изменений и дальнейших перспективах их изучения — как в связи с методикой и практикой работы над словарем семантических мотиваций, так и в связи с изучением картины мира и аксиологических аспектов языка (системы и иерархии ценностей).

Исследование М. Якубович побуждает к обсуждению и новому осмыслению как общих, так и частных сторон семантической реконструкции, а также конкретных интерпретаций лексических связей и переходов в славянской лексике. В рецензии невозможно сказать обо всех вопросах, сомнениях, возражениях и соображениях, возникающих при чтении книги, поэтому приходится ограничиться главными.

1. Несколько замечаний об объекте и материале анализа. Ограничение исследуемого материала одной тематической группой лексики совершенно понятно с практической точки зрения, однако необходимо отдавать себе отчет в последствиях такого ограничения, когда речь идет об этимологии и семасиологии. Семантическое взаимодействие между тематическими группами (полями) хорошо известно и во многих случаях носит регулярный и продуктивный характер, что подтверждает и исследование М. Якубович: лексика, характеризующая человека, зачастую привнесена в это семантическое поле вторично, из других полей, денотатами которых являются физические объекты, их свойства или действия (ср. *сухой*, *мягкий*, *полный*, *чerstвый*, *яркий* и т.п. о человеке и о неживом объекте). Развитие значений, относящихся к человеку, может быть и часто бывает следствием метафорического переноса, а не просто сужения или расширения исходного значения, причем это характерно не только для инноваций. С другой стороны, «человеческие» характеристики могут переноситься на неживые объекты, ср. *милый* рисунок, *добрый* взгляд и т.п.

Кроме того, состав исследуемых прилагательных неоднороден в семантическом отношении. Так, особую группу и особую проблему составляют прилагательные общей оценки, выражающие понятия «хороший», «плохой», которые, с одной стороны, способны заменять собой любую частную оценку (ср. *хороший ключ* 'такой, который хорошо открывает', *хороший арбуз* 'спелый'), с другой стороны, прилагательные изначально частной оценки могут выражать общую оценку, ср. рус. *паршивый, отвратительный, гадкий, скверный* и т.п. Эти оценки для характеристики человека неспецифичны, они могут относиться к любому объекту. Если же такие общие оценки применяются к человеку, то они тоже означают вполне определенный набор признаков. Ср. *хороший человек* и *хороший отец* — это совершенно разные понятия, включающие разные признаки.

Среди прилагательных, относящихся к человеку, необходимо различать «объективные» характеристики (ср. *красивый, веселый, злой* и т.п.) и «субъективные» определения, характеризующие не столько объект восприятия, сколько воспринимающее лицо и его реакцию на объект восприятия (ср. *дорогой, милый, приятный, отвратительный, противный, мерзкий*); формальным показателем этого различия служит допустимость конструкций типа *противный (противен) мне, отвратителен мне, приятный (приятен) мне, дорогой (дорог) мне*⁷ и т. д. при недопустимости подобных конструкций для «объективных» характеристик (**весел мне, *скупой мне, *злой мне* и т. д.). Эти типы имеют и разные семантические свойства.

2. Каждое из перечисленных выше 16 парных понятий, являющихся заглавным словом («входом») словарной статьи, нуждается в строгой дефиниции: пока мы не знаем, что подразумевается под понятием ХОРОШИЙ, МИЛЫЙ, СИЛЬНЫЙ и т. д., мы не можем с уверенностью идентифицировать с ним значений анализируемых лексем; из-за многозначности соответствующих слов в конкретных языках, реальные словарные толкования могут существенно исказить картину.

3. В работе реконструируются три уровня значений для каждой из исследуемых праславянских лексем: этимологическое (индоевропейское), структурное, опирающееся на континуанты (и дополнительно — инновационное). Очевидно, что реальный путь должен быть обратным: сначала должна анализироваться вся лексика, засвидетельствованная во всех славянских языках и диалектах, и выделены основные значения и лишь на этой основе могут делаться заключения об эвентуальном праславянском значении, которое затем сопоставляется с формально и семантическими сходными лексемами других групп индоевропейских языков, на основе чего могут делаться заключения о возможном индоевропейском значении.

Для того, чтобы выводы о праславянском и индоевропейском значении были надежными, прежде всего должен быть надежным и репрезентативным материал отдельных славянских идиомов (языков и диалектов). Но, к сожалению, в работе не только не приводится исходный материал (скорее всего по соображениям объема), но даже, как правило, не даются иллюстрации к выделяемым значениям лексем. Между тем во многих случаях

наличие искомого значения совершенно неочевидно и нуждается в подтверждении⁸. Ведь мы хорошо знаем, как подчас произвольны и далеки от точности дефиниции толковых и особенно диалектных словарей; если же на них строятся далеко идущие заключения о праславянском значении лексем, то надежность таких заключений сомнительна. Например, в статье BRZYDKI заключение о наличии значения 'некрасивый, безобразный' у прилагательного *gnusьnъ, делается на основе русского диалектного *гнусный*, которое приводится в рубрике инноваций (с. 149), и это вообще единственный в статье пример, подтверждающий искомое значение у данной адъективной лексемы. Однако обращение к «Словарю русских народных говоров» обнаруживает, что существует всего лишь одна фиксация слова, относящаяся к концу XIX в. и иллюстрируемая одним тобольским примером: «*Не гнусна из себя* — не дурна собой» (СРНГ 6: 251). Этого примера явно недостаточно для того, чтобы приписать рус. *гнусный* значение 'некрасивый', тем более что в других русских диалектах это прилагательное многократно фиксируется в значениях 'прищавый' или 'гнусавый' и т.п., т. е. выражает более частное значение, чем 'некрасивый, безобразный'. То же можно сказать о слове *dělnъ — значение 'красивый' ему приписывается (статья ŁADNY, с. 147) на основании единственного примера из Зауралья, трактуемого очень приблизительно или даже произвольно (СРНГ 7: 347), между тем соответствующие семантические переходы включаются в общий корпус наряду с массовыми и надежными переходами.

4. Принятое в книге нестандартное понимание этимологического значения слова может ввести в заблуждение, поскольку автор имеет в виду индоевропейское значение не самого прилагательного, а его производящей именной или глагольной основы. Например, для *ladьnъ, как и для упомянутого выше *gnusьnъ, этимологическое значение объявляется неясным, хотя его производность от *ladь, *laditi несомненна. Это же относится и к *něžnъ, *grožnъ, *tažnъ, *snažnъ и др.

5. Было бы полезно рассмотреть выделенные семантические переходы отдельно для разных уровней значений и разных стадий семантической деривации: переходы от индоевропейского значения к праславянскому, от праславянского к значениям в отдельных языках, от последних — к инновационным. В исследованном материале эти типы переходов представлены неодинаково. Однако первый тип переходов (от индоевропейского) нелегко проследить из-за отсутствия во многих случаях надежной этимологии исследуемых слов. Второй тип (от праславянского) восстанавливается гораздо надежнее.

Оценивая исследование М. Якубович в целом, следует отметить его безусловную эвристическую ценность — оно проясняет многие трудные вопросы семантической реконструкции, но также хорошо демонстрирует все трудности и опасности, встающие на пути создателя словаря семантических переходов, если он опирается главным образом на этимологические источники. В то же время полученные ею результаты наводят на мысль о явной преждевременности постановки такой задачи в объеме всего сла-

вянского лексикона. В особенности показательно в этом смысле отчетливо проявившееся на исследованном в работе материале отсутствие прямой семантической преемственности между праславянским значением и индоевропейским, заставляющее предполагать утраченными существенные звенья семантической эволюции. По-видимому, на сегодняшнем уровне изученности славянской лексики следовало бы ограничиться праславянскими рамками, причем предпочесть обратный путь — не от индоевропейского, а от засвидетельствованных данных славянских языков и диалектов, и только после этого заняться праславянской реконструкцией и затем индоевропейской этимологией. Ближайшей задачей на этом пути было бы составление идеографического словаря синонимов в масштабе всей Славии (например, по образцу словаря Бака), а затем на его основе словаря славянских семантических переходов (от праславянского к отдельным славянским языкам), которые вполне надежно подтверждаются богатыми лексическими материалами славянских источников. По возможности в словаре славянских семантических переходов следовало бы приводить и параллели из других языков.

Примечания

¹ Эти два издания в данном отношении различны: московский словарь вообще отказывается от какой бы то ни было систематизации значений толкуемого слова и реконструкции праславянского значения, в то время как краковский словарь группирует засвидетельствованные значения по семантическому признаку и предлагает дефиницию реконструированной праславянской лексемы.

² Примерами таких работ могут служить монография словенской исследовательницы А. Шивиц-Дулар, посвященная гнезду **god-* (Šivic-Dular 1999) и работа украинского лексиколога Т. А. Черныш (Черниш 2003).

³ Единственно, что почти не попало в сферу ее внимания, это некоторые направления современной теоретической семантики, разрабатывающие проблематику лексической многозначности и в особенности — регулярной многозначности, которая по существу также имеет дело с семантической деривацией и семантическими параллелями и может пролить свет на характер и закономерности развития «серийных» значений в диахронии или хотя бы «навести на след» таких значений (ср. Апресян 1974, Падучева 2004, Кустова 2004, Зализняк 2006). Впрочем, в заключительной части монографии М. Якубович присоединяется к полемике вокруг понятия регулярной многозначности в работах Апресяна и его последователей, заявляя, что обнаруживаемая в ее работе «склонность некоторых групп прилагательных к расширению семантического спектра отличается от понятия регулярной многозначности» (с. 343). Могли бы быть полезными и работы по активно развивающейся в последнее время лексической типологии (ср., например, Глаголы движения в воде 2007).

⁴ Такая трактовка близка и автору рецензируемой книги, хотя говоря о причинах изменения значений, М. Якубович ссылается прежде всего на трудности внутриязыковых системных исследований, когда речь идет о праславянском языке: «В своей работе я делаю акцент на экстралингвистических причинах, т. е. не за-

висимых от системы. Я бы не отважилась анализировать систему праславянского языка. Слишком многое в нем остается и навсегда останется неизвестным» (с. 343). Там же вводится термин «развитие понятия» (*rozwój pojęciowy*): «Особенностью развития понятия является то, что некоторые понятия — независимо от того, каким способом они выражены в языке, могут развивать другие, предсказуемые значения. Это явление свойственно многим понятийным группам и носит надъязыковой характер» (с. 344).

⁵ Во второй, словарной части работы учитывается еще четвертый тип — «инновационное» значение, т. е. значение, развившееся в рамках одного из языков (диалектов) — наследников праславянского языка.

⁶ В той или иной степени «залоговую» — пассивную или амбивалентную — семантику сохраняют в современном языке не только некоторые типы отглагольных прилагательных (ср. рус. *варкий* 'такой, который хорошо варится', *колкий* 'такой, который легко колоть' и — *стойкий, дерзкий* с «активным» значением) и *popina actionis*, но и отглагольные существительные других типов, ср. *страдалец, торговец* с «активным» значением и *любимец, недоτροга* с «пассивным» значением (см. Толстая 2005).

⁷ Ср. у Пушкина: «И посещу поля пустые, / Леса, когда-то столь густые, / И берег, милый для меня».

⁸ Отсутствие дефиниций исходных понятий, так же как и примеров, подтверждающих соответствующее значение в отдельных языках, вызывает вопросы и сомнения в правомерности предлагаемой интерпретации. Так, в статье МИЛЫЙ неочевидно наличие соответствующего значения (какого именно?) у некоторых включенных в статью лексем (например, лексемы *něžьнь).

Литература и сокращения

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Глаголы движения в воде 2007 — *Глаголы движения в воде: лексическая типология* / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.

Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, М.; Л. (СПб.), 1965–. Вып. 1–.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // *Язык. Личность.* Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 162–168.

Трубачев 1964 — *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа // *Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической семантике индоевропейских языков.* М., 1964. С. 100–105.

Черниш 2003 — *Черниш Т. О.* Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні (Гніздовий підхід). Київ, 2003.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд /под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Вып. 1—.

Havlová 1965 — *Havlová E.* O potřebě slovníku sémantických změn // *Jazykovědné actuality*. 1965. N 4. S. 3–4.

Karlíková 2008 — *Karlíková H.* Úloha principu sémantických paralel v etymologickém výzkumu // *Slavia*. 2008. R. 77. Zeš. 1–3. S. 85–92.

Popowska-Taborska 1989 — *Popowska-Taborska H.* O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów // *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich / Red. H. Popowska-Taborska*. Warszawa, 1989. S. 19–26.

Rozwadowski 1903 — *Rozwadowski J.* Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania. Lwów, 1903.

SP — *Słownik prasłowiański*. Pod red. F. Ślawskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk, 1974—. T. 1—. [N. 8 — 2001]

Šivic-Dular 1999 — *Šivic-Dular A.* Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih. Ljubljana, 1999.

Wojtyła-Świerżowska 1992 — *Wojtyła-Świerżowska M.* Prasłowiańskie abstractum. Słowotwórstwo. Semantyka. I. Formacje tematyczne. Warszawa, 1992.

С. М. Толстая

Eva Havlová. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10)

Предлагаемая вниманию читающей публики монография, изданная брненским этимологическим отделением Института чешского языка Академии наук Чешской республики, является результатом многолетнего исследовательского труда выдающегося чешского этимолога Эвы Гавловой, вся творческая деятельность которой была связана с Брно, ученицы известного этимолога, слависта и индоевропеиста Вацлава Махека. К сожалению, автор не дождалась выхода в свет этой книги, окончательную подготовку которой к изданию осуществили коллеги по этимологическому отделению.

Монография состоит из вступительной заметки редакторов И. Янышковой и Х. Карликовой (с. 7), общего предисловия Яна Зейды (с. 11–14), основного корпуса историко-этимологического комментирования зоологической терминологии в общепринятом зоологическом классификационном порядке (с. 17–200), списков сокращений использованной литературы, упоминаемых языков и др. (с. 203–211), а также словарных индексов (словоуказателей) (с. 215–269), которые делают возможным целенаправленный поиск интересующих словарных статей.

Обобщение истории развития чешской зоологической терминологии с первой четверти XIX в. и донныне, пожалуй, окажется аналогичным истории терминологического творчества во всех европейских языках. Подавляющее большинство чешской зоологической терминологии (а именно,

наименования млекопитающих) имеет искусственную природу, введено в употребление выдающимися чешскими народными будителями и зоологами XIX в. в результате транслитерации и фонеморфологической адаптации научной латинской терминологии, сформировавшейся в последней трети четверти XVIII в. на базе как греко-римской зоологической терминологии, так и на базе колониальных адаптаций туземных названий экзотических видов животных. Наблюдается большое количество случаев переоформления латинских форм чешскими словообразовательными средствами, еще чаще встречается калькирование латинских и греко-латинских искусственных словообразований, нередко с оглядкой на немецкое терминологическое словообразование. В ряде случаев творцы терминологии использовали чешские устаревшие, диалектные, региональные, просторечные наименования животных. Некоторые, предложенные в XIX в., термины не удержались в языке, были заменены на более удачные, с точки зрения чешских зоологов и лексикографов зоологической терминологии XX в. Историко-этимологический комментарий Э. Гавловой в данных случаях, как правило, является безупречным.

Для нас наибольший интерес представляют словарные статьи, содержащие этимологию праславянской терминологии диких и домашних животных. Остановлюсь на некоторых проблемных праславянских этимологиях, обсуждаемых на страницах книги Э. Гавловой.

К принятой Э. Гавловой (с. 185) этимологии праслав. **baranъ* (ср. др.-инд. *ūraṇa* ‘ягнёнок, баран’, *ūrṇa* ‘шерсть’ и *ūrā* ‘овца’) (ЭССЯ 1, 155–158) можно добавить альтернативную этимологию (заимствование при вероятном тюркском или угорском посредстве из индоарийских диалектов) на базе др.-инд. *bharaṇa-* м., ж., ср. р. ‘несущий, поддерживающий’, ‘вынашивающая в утробе’, ‘приносящий, обеспечивающий, доставляющий, снабжающий’ (Monier-Williams 747), видимо, в знач. ‘доставляющий средства к жизни’, ‘движимое имущество в виде скота’ (?), семантика производящего глагола позволяет допустить и знач. ‘приносимое в жертву’. См. ниже **borvъ*

Этимология праслав. **bobrъ*, **bebrъ*, **bьbrъ* (с. 70) — пережиток и.-е. словообразования (редупликация корня, основа на *-u-*) с первичным значением ‘бурый’ представляется автору вполне обоснованной (ср. ЭССЯ 2, 145–146; 3, 159). Неудовлетворительна этимология лат. наименования бобра *castor* как заимствования др.-греч. *Κάστωρ*, ИС одного из Диоскуров. Совершенно ясно, что лат. *castor* отвлечено от гл. *castro*, *-avi*, *-atum*, *-are* ‘подчищать, подрубать, подрезывать (ветви, деревья)’, ‘обрубать, укорачивать’, собственно латинское словообразование мотивировано самым заметным способом жизнедеятельности бобров.

Этимология праслав. **borvъ* обсуждается на сс. 182–183, автор склоняется к мысли о производности этого слова посредством расширителя *-u-* от корня **bher-* ‘бить, резать’ (вслед за составителями Праславянского словаря (SP 1, 332), М. Сноем (Snoj², 55) и В. Орлом (Orel HgermEt 37)). Основанием для принятия данного этимологического решения являлось

предположение о родстве праслав. **borvъ* и прагерм. **barugaz*, с одной стороны, и предполагаемая первичная семантика ‘кастрированное животное’ – с другой. Недавно была вновь высказана идея о звукоподражательной природе корня (**bhor-* ‘издавать неясные звуки’) этого праслав. слова¹. Представляется сомнительным весь ход этимологизации этого слова: 1. праслав. **borvъ* и прагерм. **barug-az* или **barg-uz* или **barg-waz* могут оказаться совершенно неродственными (настораживает собственно прагерм. реконструкция, предполагаемое словообразование посредством сингулятивного суф. *-k-*, *-uk-* при возможности бытования корневого **bhorgh-*); 2. недооценивается этимологами и общая семантика славянских дочерних форм, где помимо значения ‘(не)кастрированный кабан или баран’ обильно представлено значение ‘голова мелкого рогатого скота (особенно при счете)’, ‘баран, овца, коза вообще’. Эти сомнения рождают надежду на поиск и обнаружение альтернативной этимологии. Прежде всего, обращу внимание этимологов на великопеленное палеобалканское целно-лексемное соответствие праслав. **borvъ* — название зверей неизвестной породы в области кочевников в Ливии *βόρρες* (Геродот кн. 4, гл. 192, строка 8). Предполагаемая форма ед. ч. им. п. *βόρρος*, род. п. *βόρρος* абсолютно соответствует раннепраслав. **boru-*, **boruo-*. Остается только пожалеть, что ни отец истории, ни эллинистические лексикографы не оставили нам никакого намека на конкретную семантику слова (обозначаемое), ни на природу его. А природа слова может оказаться звукоподражательной при корневом отождествлении *βόρρος* с др.-греч. *βορέας*, *βορέης*, *βορῆς*, *βορρᾶς* ‘воющий, ревуший (о северо-восточном ветре)’. Сюда же и архаичное наименование Геллеспонта (Дарданеллы) *Βορροσθένης* букв. ‘ревуший сильно’. При этой трактовке — первичное значение **borvъ* — ‘блеющий’ (?). Затем, следует обратить внимание на целый ряд индоарийских целно-лексемных параллелей праслав. **borvъ*, позволяющих прийти к совершенно иной семантике производящего корня (RJA I, 610; Machek² 65). Речь идет о др.-инд. *sū-bharva-* ж, м., ср. р. ‘eating or feeding well as a bull; едящий или питающийся хорошо, как бык; well nourished; хорошо упитанный’ (Monier-Williams 1243), соотносимом с глаг. *bhārvati*, *bharb(h)ati* ‘to chew, devour, eat; жевать, пожирать, есть’ (Ригведа), ‘to hurt, injure; повреждать, причинять повреждения’ (Monier-Williams 1243; Mayrhofer II, 252) и производном от глаг. корня *bhri-* с богатейшей семантикой, допускающей развитие значений как ‘движимое средство пропитания, т. е. скот’, ‘приносимое в жертву’, так и ‘кормящееся, питающееся, упитанное (о домашних животных)’ (Monier-Williams 764). К этой группе слов (*bharva-*, *bharvati*) примыкает, похоже, и др.-инд. *bharu-* м. р. ‘господин, хозяин’ и производное от него ИС *bharuka-* (Monier-Williams 748). Этимомом предположительно является и.-е. глаг. **bher-* ‘нести’. Ср. в словообразовательном и семантическом отношении др.-инд. *pāsu-* или *paśu-*, род. п. *paśvās*, др.-перс. *pasu-* ‘скот’ и др.-инд. *paśuka* ‘any small animal’, др.-перс. *pasuka-* ‘голова скота’ — прямая семантическая параллель для слав. словоупотребления (Monier-Williams 611–612). И, к слову, индоар. *bharuka-* идеально подходит на роль целно-лексемного заимствования в

прагерманский язык (*barugaz).

Праслав. *byvolъ (с. 179) предпочтительнее толковать как заимствование из позд. лат. *būbalus*, *buualus*, *bufalus* 'буйвол' (VIII в.) (ЭССЯ 3, 158–159).

Праслав. *čelověkъ (с. 64) трактуется согласно установившейся этимологии (ЭССЯ 4, 48–50). Автор повторила свое семантическое толкование 1966 г.

Праслав. **ďvchor'ъ* (с. 144) этимологизируется сообразно общепринятому толкованию (ЭССЯ 5, 177). Примечательно авторское отступление о контаминации чеш. диал. *tchoř*, *schoř* с йдиш. *sechore* и нем. арготизмом *Schore*, *Skore* (понятия воровского обихода).

Праслав. *gornostalъ (с. 143) ставит автора перед необходимостью поиска объяснения как путей заимствования н.-нем. *harmenestail-* в вост.-слав. *gornostajъ, так и нерегулярностей фонетической адаптации германизма в сев.-слав. языках (отчего *h-* → *g-*?). Остается без ответа и вопрос о соотношении germ. *harmenes-* и лит. *šarmūo*, *šermūo*, *šarmonys*, которое приводит к и.-е. **k'or-mn-* с невыясненной семантикой и первичной мотивацией номинации.

Праслав. *govędo (с. 175, 178), упоминается мельком, но было бы уместным привести здесь любопытную палеобалканскую глоссу *βόλινθος* 'горный тур, бизон', которая, похоже, имеет тот же словообразовательный суффикс *-indh-*, и явно относится к обсуждаемой лексико-семантической группе слов.

Праслав. **(j)agneъ* (с. 185) подчеркнуто сопоставляется автором с лат., кельт. и герм. формами. Уместно упомянуть также др.-греч. формы *αμνός*, *άγνος*. В результате, можно было бы поставить вопрос о древнем заимствовании из зап.-и.-е. диалектов или о сохранении палеобалканского лексического наследия.

Праслав. **(j)jelenъ* (с. 164) по-прежнему доставляет проблему реконструкции праформы (переоформление первичного *ely, род. п. **elene?*) и проблему этимона (и.-е. **el-* 'гнедой' или **el-* 'рог'?).

Праслав. **(j)ežъ* (с. 95) трактуется автором сообразно общепринятому толкованию.

Праслав. *kobyла (с. 151) при более ли менее понятном словообразовании остается загадочным в отношении этимона корневой части (**kob-* или **kom-*, *b ~ m?*). См. ниже *комоть.

Рассматривая производное ж. р. *коцька (с. 114), автор не усомнилась в правильности реконструкции формы. Можно, тем не менее, предложить иной архетип рус. *кошка* — позднепраслав. *kotъska, предположительно при позд.-лат. посредстве *cattisca (?), целно-лексемного заимствования из вандалск. диал. **kattisk-*, особенно с учетом существования реального берберо-лив. *kaddiska*.

Праслав. *комоть (с. 151) возводится автором в своей корневой части к корю **kom-*, **čem-*, **čьm-* / **xom-*, **skom-*, **ščem-*. Обращают на себя внимание словообразовательные различия др.-прус. *camnet*, праслав. *комоть,

этруск. ИС *Comenius, Cominius* и лат. *cabus, cabō, cabōnis*.

Праслав. **konь* (с. 151) автор возводит как бродячее культурное слово к какому-то ближе неизвестному языку-источнику, рассматривая его как гапологию (сокращение) **komonь*.

Праслав. **korva* (с. 176) в статье *tur* малоубедительно сопоставляется с др.-инд. глаг. *čárvaṭi*. Зд. обращает на себя внимание почти полное тождество др.-пруск. *curwis* ‘вол’ и второй части скифск. гидронима *Υπα-κύρις, Нура-cyris* ‘Кривой Рог’, лишний раз подтверждающее правильность представлений о мотивации и.-е. наименования крупного скота (наличие рогов).

Праслав. **kotę, *koťь* (с. 114) трактуются как результат переоформления и фонетической адаптации германизма **katt-*, в свою очередь заимствованного из кельт. *kattā, kattos*, позднего заимствования из поздне-лат. *catta, cata, gata, cattus, catus, gattus, gatus*², бродячего культурного слова, как будто бы позд.-егип. происхождения (первоисточник нубийск. *kadīs*?). Все это напоминает решение уравнения со многими неизвестными. Скорее всего, слово **koťь* было заимствованно напрямую из поздней латыни (*cat(t)us*).

Этимология праслав. **koza* (с. 182) представляется автору все еще не выясненной окончательно (ср. ЭССЯ 12, 19–21). Кажется перспективным продолжить рассмотрение праслав. **koza* в сравнении с др.-инд. *chāga-, chaga-, chāgā-* м. р. ‘he-goat; козёл’, прилаг. ‘coming from a goat or she-goat’, *chāgā* ж. р. ‘she goat; коза’ (Monier-Williams 405), которое толкуют как иносказательное наименование ‘limping; хромающий’, ср. др.-греч. *σκάζω* ‘хромать’. Вероятная и.-е. диал. праформа **kheg- / *khog-*. К слову, упомянем и скифо-фраг. **koz-* ‘коза’ (?), представленное в скиф. ИС *Κοζαῖος, Κοζαῖος...* (КБН № 839, с. 879) и фраг. ИС *Κοζας, Κοζει-, Κοζι-, Κοσι-, Κοσ-, Κοζαπέας, Κοζαπιγραμς, Κοζαρος, Κοζεικενθος, Κοζειλας, Κοζιβιθς, Κοζιθης, Κοζιστης*³, ср. также лит. *kōzas* ‘Gefängnis’ (Fraenkel I, 285). См. след.

Праслав. **kozьлє, *kozьль* (с. 182) автор склонна связывать с гот. *hakuls* ‘плащ’. Представляется более перспективным сравнение с палеобалканским материалом — фраг. ИС *Κοζειλας, Κοζιθης*⁴ и ср.-инд. *chagalā-* ж. р. ‘she-goat; коза’, *chāgala-* м. р. ‘he-goat; козёл’, ‘происходящий от козы, козла, козлиный’, *chagalaka-* м. р. ‘he-goat; козёл’ (Monier-Williams 404, 405).

Праслав. **krьťь* (с. 98) автор сопоставляет с лит. *kertūs* ‘землеройка *Sorex*’. Справедливо соотносили это слово и с праслав. глаг. **čersti, *čьrtō* и отглагол. сущ. *čьrtь* (ЭССЯ 4, 75–76, 164–166).

Праслав. **kuna, *kunica* (с. 140) толкуется автором в сопоставлении с др.-пруск. *sauna* и др.-инд. *çona* ‘алый, красный’, ‘багрянец’, ‘красный цвет, золотой цвет’. Это сопоставление побуждает предполагать не исконную природу праслав. слова, а заимствованную (из др.-пруск.?).

Праслав. диал. **kьnorzь* (с. 156), упоминается автором как полная форма для сокращений типа *кнур, кныр*. В недавние годы было предложено толковать это слово как уникальное архаичное приставочное отыменное производное (**kьn-* = и.-е. **kom-* ‘с’) от **orzь* ‘testiculus’⁵.

Праслав. **lasica, *lasьka* (с. 142) вызвали неслучайные затруднения

автора. Ее сомнение вызвала и реконструкция **laska*, нерегулярная в плане отражения стечения согласных *-sk-*. Обращу внимание этимологов на возможность заимствования этого зоонима из индоарийских диалектов в праслав. Речь идет о лексическом гнезде производных др.-инд. глаг. *las-*: отглаг. сущ. *lāsa-* м. р. ‘прыганье, подскакивание; act of jumping’, *lasa-* м. ж. ср. р. ‘играющий, двигающийся туда-сюда; playing, moving hither and thither’, *lasaka-*, *lāsaka-* ‘режвющийся, пляшущий’, ‘плясун, танцор’, *lāsika* ‘dancing, танцующий’. Ср. словообразование праслав. **lasica*, **lasъka* и др.-инд. *lāsika*, *lāsaka-*.

Рассматривая этимологию праслав. **lisa*, **lisica*, **lišь* (с. 129) автор справедливо обращает внимание на наиболее близкие в словообразовательном отношении индоиранские формы. Действительно, сопоставление праслав. **lišá* с др.-инд. словами *lopāsá* ‘jackal, fox or a similar animal; шакал, лиса или подобное животное’ (уже в Ригведе) (Monier-Williams 904), *laupāsá-* ‘kind of jackal; разновидность шакала’, *lopāsaka-* ‘female jackal, fox; самка шакала, лисица’, как будто бы производными от гл. *lup-* < и.-е. **lup-*, **ulp-* (Рокотпу I, 1179), побуждает задуматься о реконструкции праслав. праформы и причинах ее разрушения. Похоже, праслав. **lišá* < **l’upsá* < **l’upēsá* является результатом деградации и.-е. диал. **leupēcá* (ср. праиндоевр. **loupēcá*) < **leupēk’é* < **ulpēk’-* (ЭССЯ 15, 137–139). Мутация *li-* < *l’u-* известна и в других праслав. формах, выпадение гласного в предударном слоге *-ps-á* < *-pēs-á* также возможно. Раннепраслав. **l’upēsá* можно рассматривать как результат метатезы **ulpēcá*, которое сближает его с лат. *volpēs-ula* ‘лисица’, *vulpic-ulus*, с одной стороны, и с лит. *vilpišys* ‘дикая кошка’ — с другой. Остается без ответа вопрос, чем были вызваны такие впечатляющие мутации? Высокой частотой употребления слова? Аналогом этой деградации может послужить праслав. **lišь*, если реконструировать такую последовательность изменений: **lišь* < **l’upstь* < **leup-st-os*, производное от и.-е. корня **leup-* / **lep-* // **leub-* / **leubh-* ‘очищать от кожуры, облупливать’.

Праслав. **ljudyje* рассматривается в связи с чеш. *Lidé*, *Lidoopoviti* = *Hominidae* (с. 64), автор возводит это слово к и.-е. глаг. корню **leudh-*: **loudh-* ‘расти’. Впрочем, представляется перспективным поиск иных генетических связей для праслав. **ljudyje*, к примеру — с лит. *liáuti* ‘прекращать’, греч. *λύω* ‘развязывать, высвободить’, *ἐλεύθερος* ‘освобожденный, свободный’, восходящими к и.-е. **leu-* (ЭССЯ 15, 194–200).

Праслав. **lьvь*, **lьvica* (с. 118) автор склонна считать заимствованием из прагерм. **liuwaz*, восходящего через лат. *leō*, *-onis*, греч. *λέων* к др.-егип. *rw* [lawi], копт. *λαβοι* [lavi] ‘лев’ (ср. ЭССЯ 17, 105–107). В этой цепи заимствований заметны неисправные звенья (прагерм. форма не выводима из лат., др.-егип. слово *rw* отличается от семитск. *labbu*, *lābu*, *lābī*). Можно предложить совершенно иную, менее противоречивую схему: прагерм. **liuwaz* воспринято из раннего праслав. **ljivos*, которое восходит к и.-е. **læwjos* ‘ловец, облавный охотник’, соотносительному с глаг. **læu-*, **lau-*, **lāu-* ‘ловить, добывать’, ‘лов, облава’ (ЭССЯ 16, 111–113). Др.-греч. и лат.

слова являются суффиксальными производными (-*оли-*) от рефлекса вышеупомянутого и.-е. корня. Напомню, что львы обитали в средиземноморском поясе Европы еще во 2-й половине II тыс. до н. э. (Немейский лев, львы во Фракии и Иллирии, например). И.-е. формы в результате миграций нескольких племен попали на Ближний Восток, где дали продолжение в виде хетто-лув. *ḫalḫa-*, *ḫalḫi* 'лев' и тохарск. *lu* 'зверь', были заимствованы в егип. *rw* и семитские языки.

Праслав. слово **myšь* (с. 81) не получило авторского этимологического толкования (ср. ЭССЯ 21, 64–67).

Рассматривая этимологию праслав. **netopyрь* (с.110), автор обращает внимание на сильное идеологическое влияние (табуирование), на народно-этимологическое переосмысление, переоформление этого слова. Она предлагает усматривать в первой части словосложения с соединительным -*о-* вариант и.-е. **nekt-*, соотносимый с праслав. **nokt'ь* 'ночь' (ср. хетт. *neku*). Вторая часть **pirь*, **pyрь* восходит к и.-е. **per-* 'летать'. Реконструируется семантика 'летающий в ночи'. Толкование этого слова, которое понимается как сложение с участием отрицательно-усилительных элементов **ne to *pyрь* 'не то птица, не то зверь' (ЭССЯ 24, 143–145), не привлекло внимания автора. Можно, к тому же, предложить этимологию на основе глг. *топырить(ся)*, т. е. наращенного усилительным *то-* глг. *пырить* 'топорщить(перья)'. Вычленяемое сущ. *топырь* следует понимать как 'нечто топорщащее перья, топорщащееся, топырящееся'. Предложенное толкование *не-топырь* оказывается словообразовательно и семантически (мотивационно) тождественным *у-пырь*, только более эмоционально окрашенным. См. ниже *упырь*.

Предположительно праслав. **norьka*, **norьkь* (с. 144) представляются автору собственно славянскими производными от глг. **noriti* 'нырять, погружаться в воду'. Гораздо убедительнее другая этимология этих, преимущественно вост.-слав. слов, старых заимствований из финских языков (финно-угорск. *nörk* 'горностай, ласка'), претерпевших различные народно-этимологические переоформления и переосмысления.

Праслав. **olni*, **olnъjь* (с. 164) справедливо сопоставляется автором с лит. *álnis* 'олень', *álnė* 'самка оленя, лань', лтш. *ālnis* 'лось'.

Праслав. **olsь* (с. 160) автор склонна сблизить с рефлексам пражерм. **alg-*, которые признаются также источником лат. *alcēs*, позд.-греч. *άλκη*, что невероятно. Представляется более обоснованным мнение о независимом продолжении и.-е. **ǵk'* в отдельных и.-е. праязыках: пражерм **algō* из некоего палеобалкан. или кельто-иллир. **alkā*, откуда и лат. *alcēs*, и позд.-греч. *άλκη*; праслав. **olsь* 'лось' вместе с др.-инд. *ṛṣya-* 'антилопа-самец' восходят к вост.-и.-е. диал. **ǵios* < **ǵk'ios*, производному прилаг. на *-ios* от и.-е. сущ. м. р. **ǵk'os* или даже **ǵk'ēs* / **ǵk'ās*. Случай примечателен тем, что удается реконструировать не только фонологический состав, но и просодический контур слова. Ср. мало внятную реконструкцию приверженцев ларингальной гипотезы **H₁elk'-/*H₁olk'-i-* (с. 161). Корневая часть этого слова может оказаться нетождественной **(j)elenь*, **olni*, **olnъjь*.

Праслав. **osъlъ* (с. 152) возводится автором к поздне-прагерм. **asiluz*, представленному в готск. словосложении *asilu-qairnus* ‘ослиный жернов’. Прагерм. форму полагают адаптированным (или переоформленным) заимствованием лат. *asinus* ‘осёл’, восходящего вместе с др.-греч. *ὄνος* к ближе неизвестному ориентальному источнику, предположительно уже в нем должна была произойти метатеза (*ašnu*) в заимствованном шумер. *anšu* ‘осел’.

Праслав. **овьса* (с. 185) справедливо сопоставляется автором с др.-инд. *avikā* ‘овечка’ в семантическом и словообразовательном отношении. Еще одна исключительная праслав.-индоарийск. изоглосса.

Автор полагает, что прасл. **qipъrь*, **pyrъrь* (с. 105, 110) не имеет ни уверенной этимологии, ни ясной мотивации словотворчества. Не следует ли толковать это слово по аналогии с сущ. *удол*, *увоз*, *уток*, *онуча*? В данном случае приемная приставка **q-* (перед корнем на согласный), **on-* (перед корнем на гласный) употребляется при именах существительных (ср. **въ-* в приставочных глаголах). Следовательно, **pirъ* или **pyrъ* является именем существительным, но не с привычным в данной модели именем *-o-* вокализмом корня, а с продленным вокализмом в глаг. корнях **pъr-* или **pъrъ-*. Первый вариант — однокоренное праслав. гл. **pertî*, **pъrq* ‘парить, лететь’. Этот вариант чаще всего принимают за основу этимологии. Второй — редкое **pyrъ*, производящее для каузативного глаг. на *-iti* — **pyriti* (*se*) ‘топорщить(ся)’, ‘шетиниться’. Второй вариант представляется мне более подходящим, так как вновь приводит к семантике, аналогичной *не-топырь* (по глаг. *топыриться*), а главное дает корректную словообразовательную оппозицию: **q-pyrъrь* ~ ***въ-pъrq*, ***въ-pyriti*.

Праслав. **porsę*, **porsica*, **porsъсь* (с. 155) автор считает собственно слав. производными (*-ęte*, *-ica*, *-ъсь*) от рефлекса и.-е. **pork’-*, вероятно, регулярного производного имени от глаг. **perk’-*, **pъrk’-* ‘прыскать; быть пестрым’. Эта давняя догадка имеет семантическую поддержку в виде авест. *pərəsō* ‘подсвинок, поросёнок’ при др.-инд. *pṛṣa-*, *pṛṣata* ‘капля воды; пятно’, *pṛkṣá-* ‘пятнистый’, *pṛ’ṣat* ‘пятнистый; пятнистая газель’, *pṛ’ṣad-aṣva* ‘имеющий пегих лошадей’, *pṛiśni*, *pṛ’cni* ‘variegated, dappled, piebald, speckled, spotted (said esp. of cows, serpents, frogs); пёстрый, пятнистый; пёстрая корова; многообразный’ (сюда ли др.-греч. *περκυός* ‘тёмно-синий, черноватый’ и праслав. **plěsnъ?*), *pārṣata-*, *pṛiṣata-* ‘belonging to the spotted antelope, made of its skin; относящийся к пятнистому оленю’ (Monier-Williams 622; Кочергина 406)⁶. Впрочем, др.-инд. формы неоднозначны в отношении и.-е. архетипа **pъrk’ó-* или **pъrk’só-*. Широко распространенное и.-е. наименование поросёнка было мотивировано именно реалией дикой природы — поросята дикой свиньи имеют пёстрый вид, так как их спины покрыты яркими полосками.

О праслав. **pъlхъ*, **pъlхъ* речь заходит на с. 69–70, в статьях Plch, Plchoviti = Gliridae, Plšivka = Dryomys nitedula. Автор с сомнением относится к сближению праслав. форм с кельтскими и балтийскими языками. К перечисленным в статье славянским рефлексам этого праслав. слова добав-

лю примечательные греч. диал. заимствования: σπελεχός, σπελέχι ‘лесная мышь’ — из сербохорв. стар. *pelh* (Skok III, 69) и σπλήχος ‘большая мышь’ (Мессения) — греч. переоформление посредством паразитического *s-* ст.-болг. суш. *пльхъ, продолжения праслав. *рълхъ, ср. болг. *пльхъ* ‘sciur, крыса *Mus rattus*’. Можно было бы обратить внимание этимологов на природу праслав. -χ- в данном слове. В такой позиции -χ-, скорее всего, является рефлексом и.-е. -sk-/-ks-. Архетипом, таким образом, должен был быть и.-е. *pʃsko- / *pʃkso-, соотносительный с и.-е. же гл. *pelk’-, *polk’ ‘пестрить’, ‘быть пёстрым’, что приводит нас опять к др.-инд. *pṛkṣá-* ‘пятнистый’. Похоже, праславянским словом *рълхъ, *рълхъ именовали первоначально какого-то пёстрого или полосатого мелкого грызуна, а не крыс и мышей.

С сомнением относится автор и к этимологии праслав. *ръсь (с. 126). Ей представляются неубедительными все предложенные этимологии *пса:* и как звукоподражания (подзывание *пс!*), и как однокоренного прилаг. *пестрый*, и как субстантивации прилаг. однокоренного др.-инд. *píṣuna-* ‘зловетший, клеветущий; клеветник, сплетник; доносчик’, лит. *piktas* ‘злой’. Представляется более убедительной этимологией праслав. *ръсь и.е. корня *pk’-, *pek’- ‘шкура, мех, шерсть’, ‘теребить, вычёсывать шерсть’, особенно в паре с этимологией уменьшительной формы *песец* (см. ниже).

Не предлагается новой трактовки и вост.-слав. *ръсьсь (с. 129–130), деминутивной формы к *пес*. Остается неясным и первичное значение: ‘маленький пес’ или ‘маленькая шкурка, маленький мех’. Следовательно, ускользает и первичная мотивация словообразования.

Рассматривая соотношение прагерм. *skēp- ‘овца’ и праслав. *skopъ, *skopъсь ‘кастрированный баран; любое кастрированное животное’ (с. 185), автор усомнилась в обоснованности этого сопоставления в славистической литературе. Действительно, в истории сопоставления прагерм. *skēp- и праслав. *skopъ есть недоуменные места: долгота гласного в прагерм. и краткость в праслав.; глухой смычный согласный [p] равно в прагерм. и праслав.; нерегулярное стечение согласных в анлауте праслав. слово (ожидалось бы *x-*, а не *sk-*: *хомут* — но *оскомина* и *щелить*). Да и наблюдения над словообразованием праслав. слова заставляет задуматься над природой прагерм. слова: 1) праслав. *skopъ является сокращением приставочного *obskopъ, регулярного именного производного с *-o-* вокализмом корня от основы приставочного гл. *obšćepati ‘отрезать чем-л. острым’, праслав. *šćepati продолжает и.-е. гл. *skēp-/ *skēp-/ *skebh- // *skap-/ *skāp-/ *skabh- ‘обрабатывать острым инструментом’; 2) исконное отглагольное имя имело бы вид **хоръ (если из и.-е. *skap-) или **харъ (если из и.-е. *skāp-); 3) развитие семантики шло от ‘обработанный острым инструментом’ к ‘кастрированный’. Прагерм. *skēp- является нерегулярным продолжением и.-е. *skāp- (ожидалось бы *skāf-), а семантическое развитие: ‘обработанный острым инструментом’ → ‘остриженный, остригаемый’ → ‘овца’. Судя по всему, праславянское и прагерманское развитие внешней и внутренней формы слов было параллельным. Германцы не заимствовали слово у славян, а славяне — у германцев.

Этимология праслав. **slonъ* (с. 33) автору не ясна, предложенные этимологами прошлого толкования критикуются как плохо обоснованные. Во многом эта критика справедлива. Остается усматривать в праслав. **slonъ* производное с перегласовкой корня и окончанием -ъ от гипотетического корня ***sľeti*, ***sľnъ* (вариант **kľeti*, **kľnъ*), соотносительного с гл. **sloniti* (**kloniti*). Близкородственные формы: др.-инд. суш. *ślī-* 'elephant; слон', *ślī-pada-* 'morbid enlargement of the leg, swelled leg, elephantiasis; слоновья болезнь, распухание ног', глг. корень *śri-*, *śli-* 'to cause to lean or rest on, lay on or in; fix on, fasten to', 'to lean on, rest on, recline against; прислоняться к, склоняться на, покоиться на', *śaraṇa-* 'shelter, place of shelter or refuge or rest, hut, house, habitation, abode, lair of an animal; заслон, укрытие, убежище, лежка животного' (Monier-Williams 1098, 1104), сюда же лит. *šlajus*, *šlapis* 'слон', гл. *šlieti* 'прислонять', лат. *clino*, др.-греч. *κλίω*, *κλίωη* и т. п. Согласно давнему объяснению, слон назван так потому, что спит прислонившись к дереву. Обычно возражают, ссылаясь на книжный характер этого представления и забывая о том, что подобные идеи существуют и распространяются изустно от одного народа к другому задолго до появления всякой письменности и книжности.

Обозревая существующие этимологические толкования праслав. (?) **sormaxa* (с. 139), автор склоняется к принятию трактовки этого слова как исконного⁷. Следует заметить, что таковым это слово является только для восточнославянских языков, откуда оно попало в польский, словацкий, чешский, словенский и болгарский. Сравнение производящих основ вост.-слав. **sormaxa* и лит. *šarmūo*, *šermūo*, *šarmonys* приводит к и.-е. **k'ormn-* с неясной семантикой и первичной мотивацией номинации. М. б., было бы правильнее рассматривать балто-славянские формы как давние заимствования диал. аналогов др.-инд. *carma-*, *cārman* 'hide, skin, leather, parchment; кожа, шкура, пергамен'? Подобные диалектные варианты известны в древних языках Северного Причерноморья: сармато-аланск. **carmaka-* 'кожный, кожевенный' – эпиграф. ИС ΘΙΑΡΜΑΚΟΣ (Танаис), ср. осет. *carm*, мн. ч. *cærmittæ* 'кожа, шкура'. А словообразование **sormaxa* или **sormaka* в целом можно сопоставлять с др.-инд. *carmakhya-* 'form of leprosy' (Monier-Williams 390). См. **gornostalъ*.

Праслав. наименование дикого кота **stьbjь* (с. 114) не имеет уверенной этимологии, по мнению Э. Гавловой. Автор допускает малую вероятность словообразования на основе праслав. **stьblo*, **stьbьlъ* (< и.-е. *steib[h]j-*, **stib[h]j-* 'стебель, тростина') – **stьbjь*, в таком случае, имел значение 'тростниковый, прячущийся в стеблях'. Это толкование хорошо подходит для подвида *Felis chaus*, но не вполне — остальным подвидам дикого кота. Автору представляется предпочтительнее восстанавливать иное первичное значение 'зверь, лазающий по стеблям, ветвям' (Boryš 753). Впрочем, напомним примечательные цельно-лексемные соответствия — лит. *stibis* 'член', др.-прус. *stibinis* 'брусоч', др.-инд. *stibhi-*, *stibhi-* м. р., *stibhini* ж. р. 'clump, bunch, tuft; метёлка, кисть, пучок' (Monier-Williams 1258).

Праслав. **svinja* в знач. 'дикая свинья' (с.155) имеет общеславянский

статус и обильные и.-е. соответствия. Автор принимает за наиболее достоверную этимологию и.-е. архетипа **sū-s* по гл. **seu-*, **sū-* ‘зачинать, плодиться, родить’, реконструируя для свиньи первичное знач. ‘свиноматка’.

Проф. Э. Гавлова реконструирует праслав. форму **svinьсь* ‘борсук’ (с. 138), производную от общеслав. **svinja*. Представляется, что эта ареально ограниченное словообразование (сербо-лужицкие диалекты) не имеет праслав. статуса.

Этимология праслав. **sъrna* обсуждается дважды (с. 161, 176). Слово возводится к и.-е. диал. форме **k'ŕnā*, производному с суф. *-nā* от **k'ŕa-*, **k'ŕa-*, **k'ŕa-* ‘рог’.

Праслав. **ščenę* (с. 126) этимологизируется на основе и.-е. **(s)ken-* ‘зачинать, зачать’.

Этимология праслав. **telę*, **telьсь* (с. 177) не представляется автору выясненной до конца. Представляется более обоснованной этимология на базе и.-е. **tel-/tāl-*, **tlā-/tlē-/tlā-* ‘(вы, пере-) носить’. Палеобалканское словообразование греч. (τε)τλαίην, τλήθι, τλήμεναι, ἔτλαν, ἔτλην, ἐτάλασα, τλήναι ‘терпеть, выносить, переносить, претерпеть, дерзать, осмелиться, решиться’, (ἄ)τλατος, (ἄ)τλητος ‘(не)выносимый’, ἀτλητέω ‘не иметь терпения перенести что-л., быть нетерпеливым’, Ἄτλας, -αντος ‘титанид, Молодой месяц, Новолуние’, лат. *fero*, *(te)tuli*, *(i)lātum*, *ferre* ‘носить etc.’, с одной стороны, подозрительно напоминает праслав. **telę*, **telęte* (др.-греч. прич. τλάς, τλάντος), а с другой – выявляет какие-то древние идеологические ассоциации быка с месяцем новолуния (в др.-греч., др.-иран. традициях). Ср. др.-инд. глаг. *tṛī-*, *tāratī*, *tātāra* ‘пройти, достигнуть цели, конца, прожить определенный период’, ‘выполнить, совершить, претерпеть’ и проч.

Праслав. **turь* (с. 176) возводится автором к и.-е. архетипу неизвестного происхождения **tauros* ‘Bos primigenius, Bos taurus’. Вполне допустимо привлекать для этимологизации этого слова др.-инд. гл. *tu-*, *tauti*, *tavitā*, *totā*, *tūtāva*, *tūtōt* ‘to be strong’, ‘to injure’, ‘to make strong or efficient’, отглагол. имена *turá*, *tīvrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, особенно *tauram* ср. р. ‘name of a sacrifice or vow, modification of the full-moon sacrifice’ (Monier-Williams 449, 450–451, 456).

Праслав. **velьbŏdь* (с. 158) автор выводит из гот. *ulbandus* ‘слон; верблюд’, старого заимствования из лат. *elephantus* ‘слон’, в свою очередь восходящего к греч. Проф. Э. Гавлова справедливо отмечает, что в прагматическом смысле и славяне и германцы имели смутное представление об этих экзотических животных (верблюды, слон), что отразилось на истории внутренней формы слова.

Праслав. **veprь* (с. 156) и прочие и.-е. параллели автор считает бродячим культурным словом, известным в Месопотамии: аккад. *apparū* ‘щетиный поросёнок’, *ifr*, *ufr* ‘поросёнок, подсвинок’. Однако, больше вероятности того, что в аккадский это слово заимствовано из и.-е. диалектов мигрирующих этносов 2 тыс. до н. э. А этимологию следует искать в и.-е. языковом круге.

Этимология общеслав. **volъ* (с. 177) представляется автору недостовой. Нельзя ли связать это древнее слово с и.-е. корнем *yal-* ‘быть сильным’? Тогда бы стало яснее словосочетание *работать как вол*. Ср. лат. *valens, valentis* и праслав. **telę, *telęte*, др.-инд. *turá, tīvrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, *taura-* в качестве этимона праслав. **tourъ*.

Праслав. **vydra* (с. 136) рассматривается как наследие и.-е. древности, которое имеет почти обще-и.-е. происхождение – из **udrā* ‘водное животное’. Ср. словообразование др.-инд. *turá, tīvrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, *taura-*.

Праслав. **vľkъ* (с. 127) возводится автором к и.-е. **vľk^os*. Но проф. Э. Гавлова полагает невозможным обнаружить исконный этимон. Тем не менее, удовлетворительное толкование было предложено: и.-е. глаг. **vľk^o-, *velk^o-, *volk^o-* ‘влечь, волочить, тащить’. Мотивация наименования хищного зверя, думаю, ясна.

Праслав. **zobrъ* (с. 174) не представляется ясным автору в этимологическом смысле. Скорее всего, это производное с суф. *-rъ* (ср. **хytrъ, *bystrъ, *ръstrъ*) от корня **zob-*, по мнению одних, тождественного праслав. **zobъ* ‘зуб’, по мнению других — иного происхождения (др.-инд. *jabh- / jambh-* ‘opening the jaws wide, snapping at; широко открывать пасть’). Я бы обратил внимание этимологов на палеобалканские данные: прежде всего, фрак. глоссу *ζόμβρος* ‘бизон’ и фрак. ИС *Zóβρα, Zubra*, и скиф. ИС *Zoβη, Ζωβεις* (Ольвия, Пантикапей). Странного вида основа *hupa-*, известная в северо-причерноморской античной гидронимике (реки *Hupanis* ‘Извилистая’ и *Hupacyris* ‘Кривой Рог’), семантика которой связана с кривизной, искривленностью, витым рогом, также примыкает к вышеперечисленным формам. Этимоном этого корня предлагалось видеть и.-е. корень **gheubh-/ *ghubh-* ‘сгибать(ся), изгибать(ся), гнуть(ся)’. Если предположить, что перед нами инодиалектная рефлексия и.-е. корня (**zeub-*, назализация вторична, факкультативна, ареально ограничена), то заимствование в праславянском имело значение ‘рогатый, с витыми, изогнутыми рогами’. Что выглядило предпочтительным по сравнению с предлагавшейся первичной семантикой ‘зубастый зверь’. Наконец, никто не обратил внимания на возможность звукоподражательной природы наименования зубра. В основе может быть корень, соответствующий др.-инд. *hum-* ‘трубный звук, издаваемый слоном, громкое мычание быка’ (Monier-Williams 1301). В последнем случае, при словообразовании посредством суф. *-rъ* появился паразитический согласный *-b-* между ним и корнем **zum-/ *zoum-/ *zom-*.

Обсуждая праслав. **žerbę, *žerbъсь* (с. 151, 152), автор не уточнила и.-е. архетип, ограничившись только сопоставлением с греч. *βρέφος* ‘ново-рожденный; зародыш’. Между тем, праслав. форма является вариантом и.-е. основы **g^oelbh- (*g^oerbh-)* для обозначения детенышей животных. Ближайшие соответствия: др.-инд. *gārbha-* ‘материнская утроба’ и, особенно, авест. *garabiš* ‘детеныш животного’.

В целом монография организована согласно современной научной классификации млекопитающих. Жирным шрифтом выделены ныне принятые

чешские термины, обычным шрифтом — устаревшие либо не удержавшиеся в языке наименования. Все иллюстрации, которые использованы в книге, взяты из «Жизни животных» А. Э. Брема (две дюжины изображений, список иллюстраций на с. 270).

Проф. Э. Гавлова намеревалась издать монографию в 2009 г., символически в 160-ю годовщину со дня смерти Й. С. Пресла. Однако сделать это не удалось по причине того, что автор продолжала вносить изменения и дополнения в свой труд. Этим трудом высочайшей эрудиции Э. Гавлова поставила памятник не только гению народного будителя Й. С. Пресла, но и себе, как современнику и соучастнику чешского зоологического терминологического образования, а также дальнейшим поколениям этимологов и зоологов.

Примечания

¹ Маньков А. Е. К этимологии праслав. *borъ и прагерм. *barugaz // Этимология 2006–2008. М., 2010, 167–174.

² *Mediae Latinitatis Lexicon minus composuit J. F. Niermeyer in Universitate Amstelodamensi professor. Leiden: E. J. Brill, 1976, 158; Albert Blaise. Dictionnaire Latin — Français des auteurs du Moyen-Age. Lexicon Latinitatis Medii Aevi. Tynmholti MCMLXXV, 161; A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary. Ed. By T. Lewis, Ph.D. & Charles Short, LL. D. Oxford: Clarendon Press, 1958 (1879), 302.*

³ *Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2. Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976, 249.*

⁴ Там же.

⁵ *Кретов А. А. Балтийские и славянские продолжения и.-е. *org'-h-. Статья I: лит. isarza и праслав. *kъporzъ // Linguistica Baltica, 1994, № 3, 197–206.*

⁶ *Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1990, 406.*

⁷ *Трубачев О. Н. Из истории табуистических названий // Вопросы славянского языкознания 3 (1958), 120–124.*

Принятые сокращения

Monier-Williams — *Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.*

А. К. Шапошников

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(размышления над страницами сборника W. Mańczak.
Linguistique générale et linguistique Indo-Européenne)¹

Вышеупомянутый обобщающий сборник, в котором воспроизведены публикации разных лет, был любезно прислан мне автором, краковским романистом Витольдом Маньчаком. Предлагаемая вниманию читателей рецензия является, таким образом, обзором 50-летнего творчества польского лингвиста, исследовательский опыт которого, надеюсь, послужит хорошим уроком для многих из нас. Нужно много времени, чтобы осмыслить причудливую знаковую систему под названием язык, попытаться отделить истинное от ложного, правильное от ошибочного, достоверное от пустого...

Сборник статей написан на хорошем французском языке, что вызвало у меня приятное ощущение некой сопричастности проф. В. Маньчака к славной французской лингвистической школе.

В предисловии к изданию В. Маньчак обращает внимание читателей на то, что сборник его статей разных лет посвящен утверждению двух принципов общего и индоевропейского языкознания:

1. Суждение, подтвержденное данными статистики или эксперимента, может считаться истинным.

2. Невозможно представить, чтобы некое изменение, которое никогда не имело место в историческую эпоху, могло бы произойти в доисторическую эпоху языка.

Первый раздел книги «Общее языкознание» (с. 9–72) открывается сюжетом, посвященным фундаментальной проблеме лингвистики — критериям истинности. Сюжет этот был впервые опубликован в 1992 г.

По мнению В. Маньчака, фундаментальной проблемой современной лингвистики является отсутствие критериев истинности суждений в данной науке. Эта тема представляется автору своеобразным табу, а сам термин *критерий истинности*, как он полагает, вообще никогда не употреблялся лингвистами, в чем нельзя полностью согласиться с уважаемым профессором. Доказательству фундаментальных положений современного языкознания всегда уделялось много внимания, в наиболее развитых национальных традициях выработалась и устоялась специфическая терминология, были опубликованы и добротные труды на эту тему, к примеру, «Вероятностное обоснование в компаративистике» академика Б. А. Серебрянникова² или статьи по общему языкознанию Л. В. Щербы³, Э. А. Макаева⁴ и В. К. Журавлева⁵ в отечественной традиции. Судя по отсутствию ссылок на подобные издания, они не попали в поле зрения уважаемого автора. Поэтому у читателя этой книги в дальнейшем нередко возникает

невольное ощущение «изобретения велосипеда» или «открытия Америки». То и дело восклицаешь: «Да это же давно известно!»).

Далее В. Маньчак описывает систему оценки истинности тех или иных положений языкознания, сложившуюся в европейской лингвистике. Лингвистов не столько интересует верификация высказываемых положений, сколько то, высказаны ли эти положения «авторитетами», разделяются одним или несколькими авторитетными лингвистами. Если некое положение сформулировано известным авторитетным лингвистом и разделяется большинством, оно становится догмой. Существует и своеобразная иерархия лингвистических догматов, в основании — догматы, поддерживаемые неисчислимым количеством авторитетов на протяжении веков, на поверхности — догматы, выдвигаемые одним отдельным авторитетным лингвистом на протяжении нескольких лет. Эта система истинности суждений представляется проф. В. Маньчаку порочной, ненаучной, средневековой. И вот почему. С одной стороны, эта система вполне вписывается в общую систему традиционной «европейской» экспертной оценки, которая также базируется на мнении «авторитетных» лиц, имеющих «реноме», привлечение которых основано не на объективных принципах, а на основании неких расплывчатых представлений идеологического, партийного, классово-сословного, национально-конфессионального и т.п. характера (извечного деления на «своих» и «чужих»). С другой стороны, европейская наука, освободившись из тесных ориентальных форм идеологии, неизбежно вынесла из прошлого и ориентальный «средневековый» догматизм. Тут можно и согласиться с уважаемым автором. Но даже в этой гибридной системе верификации выдвигаемых положений языкознания имеется начало недогматической оценки истинности суждений. С одной стороны, с течением времени догмы, не отвечающие реальности, постепенно отбрасываются, уходят из жизни; быстро забываются, увы, и сами «авторитеты». С другой стороны, догматы должны разделяться большинством лингвистов, то есть критерием истинности догмы является все же некоторая, пусть и опосредованная, но все-таки «общественная» практика.

Именно о ней проф. В. Маньчак ведет подробно речь на с. 10–11. Он утверждает, что именно практика дает жизнь истинным теориям и приговаривает к смерти ложные. Поэтому практика является самым совершенным критерием истинности. Против этого едва ли кто теперь будет возражать. Остроумные примеры из области фармацевтики и архитектуры выдают в проф. В. Маньчаке многоопытного лектора. Однако полностью согласиться с утверждением автора на с. 11 о том, что «к несчастью, практика не играет никакой роли в лингвистике» никак нельзя.

Столь же нарочита история о том, как мнение, сформулированное несколькими дилетантами-гуманистами в 1435 г. во Флоренции, превратилось в многовековую догму. С тех пор это мнение было многократно пересмотрено, детализировано, и, в сущности, оставлено в анналах истории языкознания. История лингвистики нового времени представляет множество свидетельств отказа от некоторых лингвистических догматов, значитель-

ной корректировки многих положений языкознания именно под давлением реальностей жизни и общественной практики.

Далее В. Маньчак пишет: «Так как практика, к несчастью, не вносит коррективы в их мнения, лингвисты могут прибегнуть только к двум другим критериям истинности: статистике и, за редким исключением, к эксперименту...» (с. 11). И далее приводит некоторые примеры применения этих критериев истинности положений языкознания.

1 пример (с. 12–14) — проверка истинности 6 «законов аналогии», сформулированных Е. Куриловичем в 1949 г. и переформулированных В. Маньчаком в 1958, 1963 и 1978 гг., при помощи статистических данных. Из приведенных данных следует, что более соответствует лингвистической реальности закон аналогии № 4 в формулировке В. Маньчака. Остальные «законы аналогии» Куриловича либо ошибочны, либо сформулированы столь невнятно, что не подлежат верификации данными лингвистической статистики.

2 пример (с. 14) с опровержением гипотезы Й. Шмидта 1890-г. о существовании шестидесятеричной системы исчисления в и.-е. праязыке вполне убедителен. Правда, решить эту проблему можно и без привлечения данных о соотношении форм и частотности употребления числительных, пользуясь методиками этимологического анализа, внешней и внутренней реконструкции.

3 пример (с. 14–15) действительно показывает применимость аргументации, основанной на статистических данных частотности словоупотребления, в деле объяснения феномена предпочтения употребления форм наст. времени и индикатива во франц. кондиционалисе.

8 пример (с. 15) весьма показателен. Семантическая эволюция слов и изменение значения связаны как с частотностью их употребления, так и с размером языкового сообщества. При заимствовании слова чаще действует тенденция сужения значения в новом языковом обиходе, вызванная пониженной частотностью его употребления и не зависящая сильно от размеров языкового сообщества. Тут бы лучше выглядели примеры заимствований из небольших языков типа голландского в большой язык типа русского, но и примеры заимствований из французского в немецкий (примерно в два раза более емкий по числу носителей) также удовлетворительны.

11 пример (с. 16): утверждение слависта З. Голомба (1973) о том, что все праславянские слова на *x- начальное являются заимствованием из иранских языков, безусловно, ложное. Верифицировать его при помощи статистики германских заимствований на *x- в франц., румын., абсолютно бесполезно. Берусь утверждать, что решить эту проблему можно и без привлечения данных лингвистической статистики. Достаточно методов внутренней реконструкции и внешних сравнений. Праславянские архетипы на *x- почти все восходят к и.-е. прототипам на *s-, *sk-, *ks-. И даже такой очевидный иранизм (по мнению большинства) как *xata может оказаться продолжением собственно диал. и.-е. *skapta / *s-kōp-tō-, и не восходить к вост.-иран. *kata- (из и.-е. *kŋtō-). Число действительно заимствованных

слов на *x- незначительно, и это преимущественно старые германизмы типа *хуѣа. Даже такие формы как *хлѣбъ и *хѣлмъ нельзя с абсолютной уверенностью считать германизмами в праслав., так как для них можно предложить альтернативные этимологические решения с s-mobile: *sklaib- и *skulmn-.

Метод опоры на данные статистики заимствований в немецком языке не работает и в случае с иранскими заимствованиями в польском, так как никто не может точно предсказать, сколько заимствованных существительных, глаголов и прилагательных останется в дальнейшем потомке современного немецкого языка через 2000 лет. Количественное соотношение разных заимствованных частей речи может измениться самым кардинальным и причудливым образом. Так что вполне возможно, что сохранится больше глаголов, а не существительных.

Пример 12 (с. 16) также недостоверен. Чтобы ни следовало из статистического сопоставления частотности употребления числительных в разных современных языках, данные соотношения не в состоянии установить точно значение этрусского *ša*. Установить значение этого числительного можно только на основании внятного двуязычного контекста. Поэтому все «статистические» потуги напрасны.

Пример 13 (с. 16–17) применения эксперимента для установления истинности утверждения о том, что слова подразделяются на ударные и безударные, вызывает невольную иронию. Зачем вся эта возня с карточками и каламбурами в современных языках? И без того совершенно ясно, что в зависимости от просодической системы данного языка (силовой, музыкальной и т. д.), от интонационного контура синтагмы и проч. зависит правильная формулировка подобного положения. В др.-греч. языке с его музыкальным ударением даже многие артикли, предлоги, частицы (проклитики, энклитики) имели разные виды тонов и вписывались в общий контур синтагмы, меняя при этом свой тон. Другой случай — классическая латынь, в которой, видимо, было комбинированное музыкально-силовое ударение, многие нюансы которого теперь от нас ускользают (господствует мнение о силовой природе лат. ударения). В итал., франц., нем., польск., рус. и мн. др. все слова скорее подразделяются на слабоударные и сильноударные и также непременно вписываются в просодический контур синтагмы данного языка. Да еще, к тому же, фразовое ударение и т. д. Этот пример применения эксперимента как критерия истинности лингвистического суждения совершенно неудовлетворителен.

Второй сюжет книги посвящен нерегулярному фонетическому развитию слов, вызванному частотностью употребления (с. 19–27). В этом сюжете проф. В. Маньчак обстоятельно обосновывает свое любимое положение, согласно которому наряду с регулярным фонетическим развитием и развитием по аналогии, третьим фактором, определяющим изменение формы слова, является нерегулярное фонетическое развитие, вызванное частотностью употребления слов. Это обобщение автор настойчиво разрабатывал в ряде публикаций (1969, 1977, 1987, 2001).

Прежде всего, возражаю против такой исключительности: под действием частоты употребления слова претерпевают не только «нерегулярные», но и регулярные и аналогические фонетические изменения, и любые другие. Чем более употребительно слово, тем больше изменений фонетических, морфологических, просодических, семантических и т. д. оно претерпевает. Говоря языком образным, слова подобны монетам: наиболее употребительные монетки, проходя через сотни тысяч рук, стираются быстрее, чем редко вращающиеся в денежном обращении. Об этом писали многие авторитетные лингвисты прошлого, это всем известно.

Второе возражение касается самого лингвистического материала, на обработке которого проф. В. Маньчак строит свои рассуждения. Все примеры из английского и французского языков, приводимые В. Маньчаком, вовсе не относятся к нерегулярным или иррегулярным с точки зрения исторической фонетики и морфологии этих языков. Все они, за редким исключением, — результат именно регулярного фонетического развития. Просто все они претерпели большее количество разного рода регулярных, аналогических, просодических, семантических изменений, нежели другие, вероятно, в результате более частого употребления в речевом обиходе. Поэтому основной тезис уважаемого автора так и не получил обоснования на языковом материале.

По моему мнению, нерегулярные фонетические изменения произошли в таких праслав. словах как **dъska*, **syть*, **tisъ* и др. Ибо в результате регулярного фонетического развития ожидалось бы формы ***dъsk-* (ср. лат. *discus*, нем. *Tisch*), **satъ* (ср. лат. *satis*), ***tosъ* или ***tasъ* (ср. лат. *taxus*). Наверняка, подобные редкие случаи имеются и во франц. (*père ~ parrain*), и в англ., и в др. языках. И, они, похоже, вызваны какими-то иными причинами, так как указанные иррегулярные праслав. рефлексy и.-е. прототипов едва ли относятся к высокочастотной лексике.

Тут мы наталкиваемся на еще один подводный камень, о который разбивается корабль умозаключений проф. В. Маньчака. Камень диахронический. Ведь высокочастотное употребление какого-либо слова, имеющего признаки нерегулярного фонетического развития, в современном языке вовсе не гарантирует такую же высокую частоту его употребления в далеком прошлом. В древности это слово могло быть и на крайней периферии употребительности.

Некоторые положения В. Маньчака, высказанные попутно в этом сюжете, можно принять не как универсалии, а как фреквенталии языковых изменений.

В целом, для языков, прошедших этап креолизации, относительно верна формула: если некое слово стало слишком кратким в результате частотного употребления, оно замещается более длинным выражением (с. 20). То же справедливо и в отношении другого вывода: если какая-л. морфема, слово или группа слов оказались слишком длинными в условиях высокочастотного употребления, то они могут укоротиться... (там же).

В аргументации автора укажу на слабые места.

Аргумент 1 (с. 21). Подавляющее большинство слов, претерпевших нерегулярное фонетическое развитие (понимай, значительное фонетическое развитие) вследствие высокочастотного употребления, входят в тысячу наиболее употребительных слов данного языка. Статистические данные совр. франц. языка (86%) свидетельствуют в пользу этого положения. Но данные русского языка и родного автору польского языка будут свидетельствовать, скорее всего, против этого обобщения. Что уж говорить о древних языках: санскрите, др.-греч., латыни?!

Аргумент 2 (с. 21): из двух дублирующих форм, форма с нерегулярным фонетическим развитием (понимай, значительными фонетическими изменениями) более часто употребительная, нежели регулярная. Вывод сделан на материале все того же французского языка. Но аналогичный вывод может не подтвердиться на материале англ., исп., итал. языков, ареально близких французскому. Что уж говорить о немецком, польском или русском.

Аргумент 3 (с. 22) ничего принципиально нового не добавляет. Ясно, что формы презенса индикатива актива ед. ч. более употребительны, нежели другие, а следовательно, могут претерпеть значительные фонетические изменения в некоторых языках, но обязательно во всех.

Аргумент 4 (с. 22–24) преимущественно иллюстративный, на примерах англ. и франц. языков. Исчезновение глайда *w* в англ. числ. *two* можно достаточно убедительно объяснить артикуляционной ассимиляцией в позиционных условиях. Нет необходимости прибегать к частотности употребления слова в данном случае.

Аргумент 5 (с. 24–25) совершенно неубедителен. Все виды ассимиляции, диссимиляции, метатезы, эллипсиса, гиперкоррекции, экспрессивных и паразитических приставных звуков невозможно объединить в понятие иррегулярного фонетического развития вследствие высокочастотного употребления только на основании межъязыковых параллелизмов. Тут, скорее, можно было бы говорить о типичных, фреквентных, в редчайших случаях — универсальных видах уподобления, расподобления, перестановок, падежня, редукции, экспрессивных вставок звуков, т. е. использовать данные языковой типологии. Но и в этом случае, не стоит упускать из виду все особенное, частное, индивидуальное в исторической фонетике и морфологии конкретного языка. Фонетические изменения могут оказаться вполне регулярными в силу закономерностей данной исторической фонетики и не быть вызванными высокочастотным употреблением.

Аргумент 6 (с. 25) — иллюстративный на материале инфинитивов франц. языка, может быть верным только в отношении этого самого языка, и может оказаться сомнительным в отношении других языков.

Завершает этот сюжет предпринятая проф. В. Маньяком в ряде публикаций (1974, 1975, 1987) попытка этимологии романских глаголов типа франц. *aller*, прованс. *ana*, исп. *andar*, итал. *andare* и проч. в духе этимологии А. Потта 1852 г. Попытка, надо сказать, неубедительная, так как совершенно не учтен диахронический фактор. Удивительным образом проблема генезиса гл. *aller* решается без опоры на все засвидетельствованные формы

романского, ст.-франц., сред.-франц. языковых состояний. Автору даже не приходит в голову выяснить частотность употребления этого глагола (или других заменяющих его глаголов) в прошлом. Свой вердикт автор выносит только на основании высокой частотности употребления этого глагола в современном французском языке.

Положения этого сюжета повторяются и обильно иллюстрируются на материале «Введения» О. Семереньи (с. 90–97). Отмечу примеры «нерегулярного фонетического развития вследствие высокочастотного употребления» на с. 92—95, которые вызвали у меня сомнения: праслав. рефлекс *-ь* на месте финального *-т* или *-п* словоизменительных форм (причина — едва ли частотность употребления, а скорее, особенный регулярный переход просодического признака на уровень фонемы); превращение и.-е. **gh* в др.-инд. *h* считается вполне регулярным; сокращение долготы гласных, особенно в безударной позиции, столь же закономерно, сколь и редукция кратких гласных в аналогичной позиции; перебой *m/b* (с. 93) относится к фонологическим фреквенталиям в разных языковых семьях и связан часто встречающимися артикуляционными сдвигами (назализация губного, небного или заднеязычного смывного: *b ~ m, d ~ n, g ~ ŋ*). Поэтому нет никакой необходимости столь подробно аргументировать тезис о таком перебое в падежных окончаниях вследствие высокочастотного употребления, как это делается автором в специальном разделе «Происхождение окончаний на **-m-* в балтийский, славянских и германских языках» (с. 104—107).

В языковых примерах отмечу некоторые досадные ошибочные утверждения:

Во франц. *toi* — две, а не три фонемы, так как [*wa*] — восходящий дифтонг, рассматривающийся как одна фонема! Также и в нем. *auf* — две фонемы, а не три (с. 90): дифтонг *au* — одна фонема, к тому же рассматривается как долгий гласный. Может быть, автор имел в виду не фонемы, а графемы? Тогда все верно.

Франц. суф. *-ois* является регулярным (!) продолжением лат. суф. *-ensis*, а к германскому суф. *-isk-* никакого отношения не имеет.

Англ. *go* не является примером фонетического иррегулярного развития вследствие высокочастотного употребления (усечения), а восходит к и.-е. прототипу **ghā*. Совершенно регулярный рефлекс!

Следующий большой сюжет книги озаглавлен «Природа языкового родства» с. 28–58. В этом сюжете проф. В. Маньяк опровергает положение Лудольфа (XVII в.!) о том, что языковое родство определяется не по словарному запасу, а только по грамматике. Уважаемый автор противопоставляет этой устаревшей догме свое умозаключение: языковое родство доказывается на уровне корня слова и путем подсчета слов в параллельных текстах. Этому была посвящена большая публикация профессора в 1992 г. Может быть, это актуально для польской лингвистики, но в отечественной традиции это уже давно пройденный этап сравнительно-исторического языкознания. Позволю себе не согласиться с уважаемым автором и в целом и в частности, отвергнуть его итоговое умозаключение о предпочтитель-

ном методе установления истинного языкового родства (см. с. 41).

По моему глубокому убеждению, языковое родство констатируется наиболее достоверно и точно на основании комплекса регулярных соответствий на фонетическом, морфологическом, лексическом уровне сопоставляемых языков. Только такой комплекс регулярных соответствий является необходимым и достаточным условием для констатации языкового родства. Всякое однобокое обоснование языкового родства, будь то на уровне только фонетики, или на уровне грамматики, или на уровне корня, неизбежно приводит к ошибочным, а в лучшем случае, к относительно истинным, приблизительным определениям.

Именно на таких однобоких, конечно, необходимых, но недостаточных, основаниях и сделаны «парадоксальные» выводы проф. В. Маньчака о родстве некоторых языков на с. 28–35.

Во-первых, методически совершенно неприемлемо доказательство языкового родства на основании сопоставления небольших параллельных отрывков текстов, к тому же переводных, к тому же из области тоталитарной, унифицирующей религиозной традиции. Эти сравниваемые отрывки из Евангелий крайне неподходящий материал для доказательства языкового родства, как и разноязычные переводы древнееврейских молитв, некогда использованные в подобных целях. Это слишком специфические тексты, в них слишком много искусственного, волюнтаристского, нарочитого, универсально-безличного. Вопреки мнению уважаемого автора, лучше уж использовать словари, чем параллельные отрывки косноязычных и невнятных переводных религиозных текстов в деле сопоставления лексики сравниваемых языков.

Во-вторых, современный этап компаративистики предполагает большую убедительность целно-лексемных, а не корневых сопоставлений. Вероятностная обоснованность целно-лексемного сравнения (всего комплекса корней, аффиксов, инфиксов, флексий сопоставляемых слов) намного выше, чем корневого. Это в последние двадцать лет вполне осознано лингвистическим сообществом и вошло в практику не только сравнительно-сопоставительных, но и этимологических, и даже ономастических исследований. Поэтому столь настойчиво проводимая линия автора на реанимацию корневых сопоставлений едва ли встретит сочувствие в среде компаративистов и этимологов.

В третьих, методика сравнения и сопоставления лексики из словарей без учета языковой конвергенции, описанная проф. В. Маньчаком на с. 39–40, очевидно порочна и неприменима в деле доказательства языкового родства. Неучет лексических проникновений, заимствований из других языков в рассматриваемом языке неизбежно приведет к ошибочным или парадоксальным заключениям о языковом родстве. Проф. В. Маньчак не заметил, что подобная методическая неловкость затрагивает и столь любезную его сердцу корневую систему языка. Если не учтены лексические заимствования в словаре сравниваемых языков, то и корневые сопоставления приведут к неизбежно ошибочным выводам.

Кроме того, совершенно ускользнула от автора сама проблема соотносительности явлений языкового родства и языковой конвергенции. Применима ли к языкам типа пиджин или креол методика исключительно корневых или даже лексико-семантических сопоставлений? Думаю, нет. В данном случае применима только методика комплексного сопоставления всех, доступных наблюдению, уровней языка. Вывод о языковом родстве может, в таком случае, базироваться на данных фонологического и морфемного уровней языка, если лексико-семантический уровень представлен преимущественно заимствованной лексикой, а малый и большой синтаксис претерпели революционные изменения. Могут быть случаи, когда вывод о языковом родстве вообще невозможен (когда фонетика неузнаваема, лексика целиком заимствованная, а синтаксис перестроен совершенно).

Я склонен отчасти согласиться с несколько утилитарным, но, в сущности, верным определением объекта лингвистики проф. В. Маньчака на с. 43: «В действительности, лингвистика имеет вполне конкретный объект исследования, как и прочие точные науки: он состоит из (разнообразных) письменных и устных текстов». Ибо лингвисты действительно развивают свои теории и гипотезы на базе разного вида текстов. Абсолютно беспредметные лингвистические спекуляции обречены на забвение.

На с. 43 читаем: «Очевидно, что, к примеру, старославянский более индоевропейский язык, чем хеттский, в котором обильно представлены слова неиндоевропейского происхождения»; или: «Очевидно, что немецкий язык более германский, нежели английский, в котором представлено больше заимствованных слов из французского, нежели в немецком». При опоре на сопоставление всего комплекса разноуровневых фактов языковых систем сравниваемых языков, в том числе морфем и слов первой тысячи, подобные заключения не будут звучать столь категорично. Хеттский окажется столь же индоевропейским, сколь и старославянский, а английский столь же германским, сколь и немецкий.

Из обсуждаемого сюжета напрашиваются некоторые выводы, которые могут оказаться полезными и для читателей. А именно:

1) В деле констатации языкового родства двух или более языков необходимым и достаточным условием является комплексное сопоставление всех доступных наблюдению уровней языковой системы (фонологического, морфологического, лексико-семантического, иногда даже фразеологического). Пальма первенства традиционно отдается морфемным сопоставлениям.

2) При сопоставлении фактов лексико-семантического уровня языков необходимым и достаточным будет сравнение, по меньшей мере, первой тысячи наиболее употребительных слов, так как среди них будет неизбежно преобладать «исконная, унаследованная», а не заимствованная лексика. Т. е. следует использовать частотные и этимологические словари. Именно эта методика применима к креолам в деле определения их языкового родства.

Следующий сюжет книги озаглавлен «Подтверждается ли деление слов на ударные и безударные?» (с. 48–51). Уважаемый автор еще раз утверждает

ет, что традиционное деление слов на не несущие ударения (прежде всего артикли, местоимения, предлоги и союзы) и на несущие ударение (другие части речи) ложное, потому что оно опровергается омонимичными словосочетаниями типа *à voir — avoir*. О схоластическом характере этой дискуссии уже сказано достаточно.

В сюжете «Природа супплетивизма» (с. 51–58) проф. В. Маньчак утверждает, что супплетивизм представляет собой частный случай общего закона, применимого ко всем областям языка. А именно: «Часто употребительные языковые элементы, как правило, суть более дифференцированные, чем менее употребительные языковые элементы». Это положение он иллюстрирует примерами из романских языков: глухие согласные более употребительны и дифференцированы, нежели звонкие; свистящие более употребительны и дифференцированы, нежели шипящие; чистые гласные более употребительны, нежели назализованные; дентальные согласные — более употребительные и дифференцированные, чем велярные и лабиальные; строчные буквы более употребительны и дифференцированы, чем заглавные; индикатив более употребителен и дифференцирован (имеет 6 временных парадигм), чем субъюнктив (4 парадигмы) или императив (2 парадигмы); презенс более употребителен и дифференцирован, чем имперфект или футурум; формы единственного числа более многочисленны и дифференцированные, чем множественного или двойственного; формы 3 лица — чем остальные, актив — чем пассив и т. д. Так называемые «неправильные» глаголы 1-й тысячи наиболее употребительных слов франц. (и англ.) языка имеют больше дифференцированных форм, нежели второй-шестой тысяч.

Из области словообразования: наиболее употребительные термины родства, обращений и домашних животных чаще имеют супплетивные формы м. и ж. р. Менее употребительные — чаще образуют формы ж. р. при помощи суффиксов, а малоупотребительные — вообще не образуют отдельных форм ж. р.

Из области синтаксиса (?): личные местоимения более употребительны и дифференцированы (имеют много супплетивных форм), нежели существительные (сомнительное наблюдение).

Все эти обобщения основаны преимущественно на материале романских языков. Я сильно сомневаюсь в их универсальной природе.

Но против основного тезиса В. Маньчака (супплетивизм вызван высокой частотностью употребления языковой единицы) можно выдвинуть несколько антитезисов. В частности, некогда предлагалось иное решение проблемы и.-е. супплетивизма (а также шумерского супплетивизма): унаследованные архаичные «исконные» супплетивные языковые формы — наследие конвергенции древних диалектов праязыкового состояния, например, родоплеменных говоров или так называемых «языка жен» и «языка мужей». Образно говоря, диахрония против синхронии...

В следующем сюжете «Существуют ли пустоты (языковой системы)?» (с. 59–62) проф. В. Маньчак опровергает расхожее мнение о том, что суще-

стует универсальная тенденция заполнения пустующих мест фонетической системы, на материале славянских языков. На основе синхронического исследования списков звуков в разных славянских языках, он приходит к выводу, что характерной чертой (всех!) фонологических систем является асимметрия, а не симметрия. Уважаемый автор склонен распространять это обобщение и на другие уровни языковой системы и формулирует следующий закон (!): «Языковые элементы более частотного употребления, как правило, более дифференцированы (формально), нежели менее употребительные» (с. 62).

Следующий сюжет книги «Языковая периферия не более архаична, чем языковой центр» (с. 63 и след.) посвящен теме, которая несколько раз затрагивалась и О. Н. Трубачевым («О центре и периферии языкового ареала»). В. Маньчак усомнился в «общем мнении», что периферийные идиомы языкового ареала демонстрируют более архаичный характер, нежели идиомы языкового центра, и решил проверить его на более широком языковом материале. При этом, как и обычно, вне его внимания оказались важные языковые уровни (фонологический, морфологический). К моему сожалению, его выводы целиком основаны исключительно на лексико-семантическом уровне сравниваемых языков. Сравнив количество слов классического латинского, сохранившихся в 4 романских языках, уважаемый автор определил, что в итальянском больше всего архаизмов (380), поэтому к нему неприложим термин языкового центра. А историческая языковая периферия, представленная испанским (324 архаизма), французским (260) и румынским (182) не отвечает требованиям, предъявляемым к языковой периферии.

Я готов принять справедливую критику В. Маньчака в отношении спекулятивных обобщений М. Бартоли, сделанных на основании всего нескольких языковых примеров. Но методику сопоставления параллельных отрывков переводных религиозных текстов принять всерьез никак невозможно. Тогда уж лучше опереться на материалы этимологических словарей, что проф. Маньчак и сделал в 1991 г. Ему удалось установить, что этимологических эквивалентов насчитывается 7498 в итальянском, 7114 в испанском и 3564 в румынском. Это свидетельство не опровергает мнения о сохранении большего количества лексических архаизмов на языковой периферии, как полагает проф. Маньчак (см. ниже). Если можно было бы сюда же присовокупить результаты сопоставления на предмет архаичности фонологических, морфологических, фразеологических уровней языковых систем романских языков, то это опровержение было бы не столь категоричным. Для меня совершенно ясно, что словозменительная и словообразовательная системы испанского языка действительно архаичнее итальянского, сохраняют множество пережитков (особенно в глагольной системе) латинского языкового состояния.

В целом, на данный момент, не могу признать общепринятое положение о языковом центре и периферии убедительно опровергнутым во всех совокупных трудах В. Маньчака на эту тему. Его однобокая аргументация

может быть и необходима, но явно недостаточна. Кому-то придется проделывать большую работу по сравнению всех доступных наблюдению уровней языковых систем романских языков, чтобы добиться большей ясности в вопросе центра (нескольких центров?) языковых инноваций и архаизирующей периферии романского языкового ареала.

Между тем, проф. В. Маньчак, признав «норму» М. Бартоли ложной, пришел к простому выводу: «В действительности, хронология играет решающую роль в процессе (распространения инноваций) и сохранения архаизмов: области, колонизованные или ассимилированные в языковом отношении раньше, являются более консервативными, нежели области, колонизованные и ассимилированные позднее» (с. 67). Поэтому испанский, французский и румынский являют больше примеров языковых инноваций, чем итальянский, так как Испания, Галлия и Дакия были завоеваны, колонизованы и ассимилированы позднее Италии (-200, -50 и +100 соответственно). А нижненемецкий более архаичен, чем шведский потому, что германизация распространялась с юга на север. Литературный польский более консервативен, нежели кашубские диалекты, потому что славянизация прибалтийских побережий произошла позднее, чем бассейн верхней и средней Вислы. На этом простом выводе проф. Маньчак и окончил свой сюжет о языковом центре и периферии.

Однако его обобщение также не отвечает реальности. Рассмотрев этимологические данные разных романских языков, обнаруживаем явные противоречия.

Так, оказывается, в каталонском сохраняется этимологических пережитков меньше (6985), чем в испанском (кастильском) (7114) и португальском (7159). При этом хорошо известно, что Испания Тарраконенсис была завоевана и колонизована римлянами много раньше Лузитании. В данном случае дальняя языковая периферия (португальский) оказалась более консервативна, чем периферия ближняя (каталонский) безотносительно времени своего возникновения.

Далее, провансальский сохранил 6560 латинских этимонов, меньше, чем французский, — 6871 (существенная разница — более 300 единиц!), при этом хорошо известно, что Провинция (Галлия Тогата) была завоевана и колонизована римлянами в 125 г. до н. э., а Галлия Барбата и Бельгика едва после 58 до н. э. Вновь дальняя языковая периферия оказалась более консервативной, нежели близкая, и вновь вопреки хронологическому фактору!

Еще парадоксальнее данные сардинского языка (5333 этимонов), развитие которого началось еще в 237 г. до н. э., почти одновременно с возникновением италийских провинциальных говоров, предков итальянского (7498 этимонов), и намного раньше остальных романских. Сардинский оказывается менее консервативным, чем каталонский (развивается с 226 г. до н. э.), провансальский (125 г. до н. э.), французский (58 г. до н. э.) и даже ретороманский (15 г. до н. э. — 6318 этимонов). Вновь хронология уступает каким-то другим факторам языкового развития.

Обобщение В. Маньчака удовлетворительно подходит только для румынского (едва после 100 г. н. э.), в котором меньше архаизмов и больше инноваций, чем в языках, начавших свое развитие раньше. Его дальняя периферийность при этом явно противоречит принципу сохранения архаизмов на периферии языкового ареала. Но в данном случае, как, собственно говоря, и в случае с французским языком, совершенно оставлен без внимания фактор креолизации языков.

Итак, прихожу к выводу, что время распространения языка на новых территориях не является исключительно определяющим фактором в процессе сохранения архаизмов и появления инноваций в новых дочерних языковых ареалах. Закономерность В. Маньчака необоснованна и не может служить «констатацией, очень важной для этногенетических исследований» (с. 67). По моему мнению, как уважаемый польский лингвист, так и многие другие романисты поныне не осознали сущностного факта: центром языковых инноваций романского ареала является только гражданская община Рима, а не вся территория Италии, которая относится к языковой периферии наряду с Францией, Испанией, Португалией, Тиролем, Далмацией и Румынией. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что итальянский оказывается в одном ряду с консервативным португальским и кастильским (крайняя западная периферия романского ареала!). В общем, остается справедливым наблюдение: на языковой периферии действует тенденция сохранения архаичных форм. Сколь бы консервативным ни оказался итальянский язык в отношении этимологически исконного словарного состава, это не делает его ближе, родственнее подлинному центру языковой инновации, чем другие романские языки. Соотношение архаизмов и инноваций всех уровней языковой системы любого романского языка определяется не временем завоевания и колонизации (романизации) ареала, а качественными и количественными характеристиками языковых субстратов, характером языковой ситуации, обстоятельствами языковой гибридизации (креолизации), обстоятельствами и продолжительностью билингвизма и т.п.

В следующем сюжете «Природа имен собственных» (с. 68–71) проф. Маньчак усомнился в истинности определения, унаследованного от стоиков: «Имена собственные имеют индивидуализирующий характер, в то время как апеллятивы обозначают классы феноменов». Это определение, согласно автору, противоречит реальности: имена типа *Жан, Дюран, Парижанин, Эльзасец, Француз* или *Европеец* обозначают не одного индивида, а множество индивидов, иногда миллионы. Призрачна и «индивидуализирующая» функция географических наименований. Множество топонимов повторяются (ср. греч. *Инах, Нуса, Херсонес, Понт, Боспор, Александрия, Селевкия* и т. д., лат. *Августа Колония*, тюрк. *Карадаг*). В. Манчак критически смотрит на 10 других определений сущности имен собственных в их отличии от имен нарицательных и приходит к выводу, что «наилучшим решением этой проблемы было бы признать, что отличие имен собственных и нарицательных состоит в том, что апеллятивы, в принципе,

переводимы с одного языка на другой, в то время как имена собственные, принципиально, непереводаемы» (с. 69). Это сомнительное определение уважаемый автор иллюстрирует выборками непереводаемых на польский имен собственных из статьи в «Фигаро» за 09.04.2004. При этом по ходу дела выясняется, что некоторые (около 4%) этнонимы, топонимы, хоронимы все-таки имеют нормативные переводные эквиваленты в польском (с. 70).

Сразу же замечу, что националистическая практика некоторых прибалтийских стран свидетельствует против данного определения. Имена собственные, отчества, фамилии, национальности не только переводимы, но переводятся в обязательном порядке на язык титульной нации. Против этого определения свидетельствуют также многочисленные примеры осознанного калькирования в разных языках наиболее устойчивых географических названий данного региона. В качестве примера приведу лишь незначительную толику топонимических калек из Северного Причерноморья разных эпох и языков: скиф. или индо-иран. Ναύαρς (<*Nav-var-) — греч. Νεάπολις; индоар. *Coreto Maeotis* — греч. Τάφραи — слав. *Перекопъ*; индоар. *Тукавдитаи* — слав. *Копыль*; индоар. Σιττάκη — тюрк. *Köprüli (Kupnuli)* — слав. *Мостовская*; скиф. *Possidima* — индоар. *Asada, Asandi* — тюрк. *Егер-оба, Экимчек* — болг. *Седлото*; скиф. *Hypacyris* — слав. *Krivъjъ-rogъ или *Търгать-rogъ; греч. ἀλοπέριον — лат. *Salitis* — тюрк. *Тузлук*; тюрк. *Сюрюк-кая* — болг. *Шилестата карана*; греч. Πόρος — тюрк. *Бугаз* и т. п.

Итак, признак непереводаемости имен собственных с языка на язык, весьма условен, и совершенно не характеризует сущность собственных имен. Вопрос остается открытым...

Второй большой раздел книги проф. В. Маньчака, озаглавленный «Индоевропейское языкознание», открывается сюжетом «Критика теории ларингалов» (с. 73–81).

Теоретическими источниками ларингальной теории (я бы применял термин гипотеза) В. Маньчак полагает: 1) гипотезу о сонантических коэффициентах Ф. де Соссюра, 2) гипотезу семитолога Мёллера о преимущественном родстве семитских и индоевропейских языков и подмене сонантических коэффициентов ларингалами (некими гортанными звуками-шумами) 3) гипотезу Е. Куриловича о сохранении в хеттском рефлексов ларингалов (с. 74–75).

Развенчивая опыт объяснения морфологических чередований гласных де Соссюра, уважаемый автор пишет: «Когда мы располагаем только дескриптивными данными единственного языка, очень трудно или даже невозможно обнаружить причину морфологического чередования (иными словами, возможности методики, которая называется теперь «внутренняя реконструкция», очень ограничены)» (с. 73). Это положение автор иллюстрирует возможностями толкования чередований в парадигме именного склонения современного польского языка (с. 73–74). Каждому чередованию он находит объяснение без применения сонантических коэффициентов. Пример не вполне корректный, так как объясняются чередования

согласных, преимущественно позиционного происхождения (разного рода палатализации и депалатализации), а не гласных.

Проф. В. Маньяк совершенно убежден в ошибочности попытки Ф. де Соссюра объяснить аналогичные морфологические чередования (гласных) с помощью сонантических коэффициентов (с. 74). Цитируя критическую оценку ларингальной теории в публикации Семереньи (1990 г.), автор приходит к выводу, что «сонантические коэффициенты (нигде) не существовали, кроме как в воображении Ф. де Соссюра» (с. 74). Дальше этого утверждения автор не пошел. Я бы отметил, все же, продуктивную перспективу этого опыта Ф. де Соссюра. Ведь от его сонантических коэффициентов рукой подать до очень удобного обозначения разного рода просодических признаков гласных в духе Л. Г. Герценберга⁶. Поэтому вполне пригодны обозначения типа $a^1 - a^2 - a^3 - a^4$ или $e^1 - e^2 - e^3 - e^4$ и т. п. для фонем, давших разные варианты в результате перехода просодических признаков на уровень гласного звука. К моему сожалению, европейская лингвистика не пошла в этом направлении, а загнала себя в тупик («ларингальной теории»). И das Glassperlespiel продолжится уже более полувека.

Для критики концепции Мёллера проф. В. Маньяк прибегнул к цитате из публикации Е. Ляроша (1986, 134): «(Ларингалы) — группа согласных, встречающаяся исключительно в первобытной системе семитских языков, которой они обязаны своим своеобразием... Первое злоупотребление — перенос термина (*ларингал* — А. Ш.) в и.-е. фонологию, которая его не знала, и в которой ему не место. Второе злоупотребление, более тяжелое и отягощенное последствиями, состояло в объявлении ларингалами еще и других фонем, к примеру, сонантов в реконструкции Ф. де Соссюра».

Сам проф. В. Маньяк не прокомментировал эти высказывания. Поэтому я вынужден переформулировать антитезис Ляроша тезису Мёллера: «Перенос группы фонем из семитской фонологии в индоевропейскую методологически ошибочен и совершенно необоснован».

Попытка опровержения самой основы подобного отождествления семитских гортанных призывков и неких гипотетических сонантических коэффициентов Ф. де Соссюра проф. В. Маньяка также выглядит весьма неловкой. Он опровергает гипотезу Мёллера на том основании, что «расстояние между первобытным обиталищем индоевропейцев и семитов столь огромно, что родство этих языков исключается». Ведь прапродина индоевропейцев по В. Маньяку (публикация 1992 г.) — бассейн Одера и Вислы (sic!). Об этом подробнее см. ниже.

Если для постулирования генетического родства и.-е. и семито-хамитских языков действительно нет никаких оснований, то длительные периоды языкового схождения этих языковых семей в ближневосточном ареале хорошо известны. Причем, именно там обособилась не только хетто-лувийская, но и индоиранская, армянская, и, возможно, тохарская группы языков. Некие новые гортанные призывки могли появиться в и.-е. языках ближневосточного ареала из семитских в результате языковой конвергенции, языковой «индукции» (к прим. хетто-лувийская фонетика). Из Ориента с

обратными миграциями и.-е. родов и племен (минойцы, кадмейцы, данайцы, финейды) языковое новшество могло попасть в Эгеиду и повлиять на формирование западных и.-е. языков типа греческого, латинского, кельтских, германских. И происходило это в весьма раннее время, по данным истории — с XVIII в. до н. э. Но утверждать, что это новшество затронуло весь ранний индоевропейский языковой ареал было бы опрометчиво.

Итак, подводя итог критики гипотезы Мёллера, можно утверждать, что отождествление группы гортанных фонем семито-хамитской фонологии с группой сонантических коэффициентов и.-е. фонологии Ф. де Соссюра на основании как генетического языкового родства, так и языкового схождения семито-хамитской и и.-е. семей методологически ошибочно.

Критике третьего теоретического компонента ларингальной гипотезы проф. В. Маньчак посвятил больше места в данном сюжете. Прежде всего, он опровергает вывод Е. Куриловича, сделанный на примере 24 хеттских слов, на основании более обширного анализа хеттской лексики (420 слов) в публикации Тишлера (1980 г.). Результаты этого анализа неутешительны для сторонников ларингальной гипотезы. Слова, начинавшиеся на и.-е. краткий гласный **e-* имеют 100% рефлексов на *e-* в хеттской лексике, слова на краткий **o-* имеют 60% рефлексов на *ha-* и 40% на *a-*; слова на и.-е. краткий **a-* дают 53% рефлексов на *ha-*, 34% на *a-* и 12% рефлексов на *he-*. Т. е. нет никаких следов ларингала перед рефлексами и.-е. краткого **e-*, нет их и в 40% случаев перед рефлексами и.-е. **o-* и в 34% случаев перед рефлексами и.-е. **a-*! Отсутствуют следы ларингалов в 78% рефлексов и.-е. долгого **ē*, 75% долгих **ō* и **ā* (см. с. 75). Опираясь на принцип статистического аргумента можно придти к умозаключению, что большая часть рефлексов и.-е. гласных в хеттском языке не свидетельствуют в пользу наличия в нем унаследованного гортанного призвучья перед гласными и после них в и.-е. языке. Скорее всего, как вариация тембра хеттских гласных, так и появление в некоторых случаях приставного (паразитического) *h-* перед начальным кратким гласным или вставного *-h-* после долгого гласного вызвано особенностями перехода и.-е. просодических признаков на уровень вокализма и консонантизма в процессе формирования хетто-лувийского языкового типа. В самом и.-е. языке никаких ларингалов не было. Е. Курилович сделал поспешный и слабо обоснованный вывод, повлекший за собой череду ошибочных продолжений.

Опровергнув, как ему казалось, все три источника ларингальной гипотезы, В. Маньчак нашел еще один аргумент против и.-е. ларингалов. Вот его суть. Анализ рефлексов и.-е. слов или корней, начинающихся с **d-*, в немецком языке показывает, что регулярных соответствий (и.-е. **d-* → нем. **z-*) 98%. Статистический аргумент в пользу очень вероятного существования и.-е. фонемы **d-*, регулярно отражаемой в 98% современных рефлексах. Отсюда В. Маньчак делает вытекающий вывод: раз в хетт. рефлексах и.-е. кратких и долгих гласных заметно преобладают чистые гласные (без *h-*, *-h-*), то и и.-е. архетипы были также чистые гласные (без ларингалов). Хотелось бы, чтобы аргументация такого статистического вида получила

поддержку на большем языковом материале.

Следующий шаг в опровержении истинности теории ларингалов — опровержение истинности концепции и.-е. биконсонантного корня (типа CVC) Э. Бенвениста. Проф. В. Маньчак буквально пишет следующее: «В реальности, асимметрия преобладает в языке над симметрией» (публикация 1969 г.); и «Язык, в котором все корни имели бы одинаковую длину столь же маловероятен, как язык, в котором все слова имели бы одинаковое число фонем» (с. 77). Насколько вероятно обоснованы эти положения, трудно сказать...

Критике подверглось и слабое место ларингальной гипотезы, а именно неясность в отношении количества ларингальных фонем в и.-е. праязыке. В разных публикациях на этот предмет было высказано немало противоречащих друг другу мнений. Реконструируется от одного до дюжины ларингалов (публикация Бомхарда 1992 г.). Таких разногласий нет в отношении других согласных фонем. Потому подозрительна сама возможность существования большой группы ларингальных фонем в и.-е. праязыке. Причудливые реконструкции качеств ларингалов (публикация Борецкого 1975 г.) также вызывают обоснованные сомнения в реальности этого явления.

В. Маньчак склонен разделить мнение старой лингвистики о том, что в праязыке было только 2 фрикативных фонемы: *s и *h, при чем последняя была сродни густому придыханию, которое имело тенденцию к исчезновению в исторических греческой и романской группах.

Уважаемый автор разделяет мнение А. Камменхубер (публикация 1969 г.) о том, что хеттский язык есть такое же частное и особенное продолжение и.-е. праязыка, как и другие дочерние языки, и не является вовсе первобытным видом этого праязыка. Далее он иллюстрирует это мнение неудачной аналогией с положением болгарского языка среди прочих славянских. Это несправедливо как в отношении степени развития аналитизма, так и в отношении степени сохранности лексического состава.

По моему разумению, хетто-лувийская группа (напомню, что она распадается на хетто-лидийскую и лувийско-ликийскую подгруппы, к ней относят еще палайский, карийский, сидетский, писидийский и проч. анатолийские языки) является не только архаизирующей (сохранение пережитков примитивной и.-е. глагольной и именной систем), но и инновационной. Появление целого ряда языковых инноваций в хетто-лувийских справедливо связывали с чувствительным влиянием хаттского субстрата, хурритского и семитского адстратов, т. е. с фактором языковой конвергенции.

А в случае с предполагаемыми рефлексами гипотетических ларингалов я усматриваю результат как внутреннего развития фонетического уровня хетто-лувийской группы (переход унаследованных и.-е. просодических признаков на уровень вокализма и консонантизма), так и внешнего воздействия инородного языкового субстрата.

Но на этом уважаемый автор остановился и перешел к другому казусу (критика глоттальной гипотезы Гамкрелидзе — Иванова), который не имеет прямого отношения к проблеме ларингалов, и будет обсуждаться ниже.

Следующий сюжет «Еще один аргумент против теории ларингалов» (с. 82–85) примыкает к предыдущему и вполне мог быть инкорпорирован в него. Этот дополнительный аргумент состоит в статистическом анализе соотношения рефлексов предполагаемых ларингалов в виде других согласных и в виде гласных. Методика В. Маньчака состоит в следующем: на материале издания Бикса 1995 г. выходит, что ларигальные согласные намного чаще превращались в гласные (46 случаев), чем в согласные (4 случая). На материале романских и славянских языков проступает совершенно иная картина. В подавляющем большинстве случаев (49 и 50 случаев соответственно) согласные превратились в другие согласные, случаи превращения каких-л. согласных в гласные единичны (1 случай: франц. развитие группы *-ellus* в *-eau*). Вывод таков: в истории реальных языков «в большинстве случаев согласные превращаются в другие согласные» (с. 85). Однако обобщающий вывод самого проф. В. Маньчака нелогичен. Статистический аргумент свидетельствует не о том, что ларингалы не существовали в действительности, а лишь о том, что они не были согласными звуками. Простейший силлогизм: большинство ларингалов превратилось в гласные, большинство согласных превращаются не в гласные, а в согласные звуки. Следовательно, ларингалы не относятся к согласным звукам.

Следующий сюжет второго раздела посвящен апофонии *e/o* в греческом языке (с. 86–89). В. Маньчак в этом сюжете опровергает умозаключение Е. Куриловича (1956 г.) о том, «что и.-е. апофония *e/o* имеет почти исключительно аналогическое происхождение, а не фонетическое». Уважаемый автор пишет: «В действительности, аналогическая эволюция (языка) состоит в большинстве случаев в устранении чередований, в то время как случаи введения чередований этим путем более или менее спорадичны. В свете этих фактов невозможно предположить, чтобы апофония *e/o*, которая свойственна подавляющему большинству корней, суффиксов и окончаний, была почти исключительно аналогического происхождения... Все значительные чередования, появившиеся в историческую эпоху (романских языков) имеют фонетическую природу, поэтому можно утверждать абсолютно уверенно, что и апофония *e/o* также имеет (фонетическое) происхождение». Так как мнение Х. Гюнтерта (1916), который предлагал объяснять феномен апофонии влиянием акцентуации, не показалось автору сколько-нибудь убедительным, В. Манчак предложил в 1960 г. новое решение проблемы и выдвинул два следующих правила:

1. Сначала и.-е. **e* превращается в **o* перед гласными заднего ряда (**a*, **o*, **u*).
2. Затем, заударное **e* превращается в **o* перед носовыми или плавными согласными (**m*, **n*, **r*, **l*).

Эти правила он вывел на основе анализа лексики текста одной из песен «Илиады». Однако, из приведенной на с. 88 таблицы следует, что эти правила в отношении *e*-вокализма подтверждаются в 361 случае и опровергаются в 98 случаях, а относительно *o*-вокализма соответственно в 66 и 52 случаях. Если придерживаться принципа статистической верификации истинности

суждения, то такие данные не могут служить убедительным подтверждением выдвинутых правил (слишком много исключений из правил!). Это отметил и уважаемый автор, допустив ниже по тексту возможность воздействия аналогии (с. 89) и акцентуации (с. 87). Он утверждает также, что «не следует недооценивать важность того фактора, который мы именуем иррегулярным фонетическим развитием, вызванным высокой частотностью употребления...». Сомневаюсь, чтобы эти слабо обоснованные соображения «внесли вклад в совершенствование сравнительно-исторического метода». Внятного ответа на вопрос о причинах и.-е. апофонии я в этом сюжете не обрел.

Логическим продолжением этого сюжета является следующий, озаглавленный «Первичное окончание первого лица ед. ч. тематических глаголов: *ō или *omi?» (с. 98–103). В нем уважаемый автор на основе анализа самых разных исторических изменений в системе глаголов и.-е. языков, вызванных, по его мнению, высокой частотностью словоупотребления, а также согласно двум правилам возникновения апофонии *e/o*, пришел к закономерному выводу, что первичным является форма окончания *-omi*. Затем это первичное окончание вследствие высокой частотности употребления сначала претерпело редукцию и падение конечного гласного *-i*, а затем оказавшийся в абсолютном исходе слова носовой согласный вызвал назализацию предшествовавшего гласного (результат предшествовавшей апофонии *e/o*). Еще позже носовой гласный в абсолютном исходе слова утратил назализацию. Таким образом и получились окончания типа праслав. *-ǫ*, греч. *-ω* и лат. *-ō*.

Не могу признать это объяснение убедительным, исходя из главного принципа самого проф. В. Маньчака: высокая частотность употребления — есть причина «иррегулярных» фонетических изменений. Если данные значительные изменения затронули окончания тематических глаголов, то почему не затронули столь же высоко употребительные (если не более!) окончания атематических глаголов, к прим., греч. гл. на *-ιυ-μι*? Что помешало редукции и падению конечного *-i*, назализации предшествовавшего гласного и ее последующей утрате?

Подобному объяснению этого феномена со времен Франца Боппа было противопоставлено немало остроумных (и не очень) альтернативных решений проблемы. Мне ближе и понятнее всего объяснение появления в и.-е. двух серий глагольных окончаний (тематических и атематических глаголов) в результате диалектной конвергенции. Иными словами, в период зарождения и.-е. праязыка произошла креолизация неких двух говоров, каждый из которых привнес в новорожденную языковую систему свой вклад, в том числе в систему глаголов.

Отложив следующий сюжет «Прародина готов» (с. 108—118) до предстоящего обсуждения темы происхождения и прародины и.-е. языков, обратимся сначала к двум сюжетам, затрагивающим проблемы и.-е. консонантизма: «Ограничение правила Вернера до интервокальной позиции и происхождение конечного *-s* в германских» и «Приложим ли закон Вернера

к позиции исхода слова?» (с. 118–129), дополненным частью сюжета о ларингалах, посвященной критике «глоттальной теории» (с. 79–81). Начну с последнего.

В. Маньчак относит «глоттальную теорию» Гамкрелидзе — Иванова к таким же «призракам научных пещер» как и «ларингальную теорию» (с. 79). Источником этой ошибочной гипотезы В. Маньчак считает публикацию Р. Якобсона 1957 г., в которой тот усомнился в правильности реконструкции и.-е. консонантизма, утверждая, что «ни в одном языке к паре [t] – [d] не присовокуплена звонкая придыхательная [dh] без того чтобы не имелось еще и ее глухая пара [th]». Уже в 1973 г. Бласт обратил внимание лингвистического сообщества на факт существования реальных языков с серией согласных типа t – d – dh. Это, к примеру, один из австронезийских языков на о-ве Борнео — келабит. Однако, это сообщение не вызвало никакого интереса ученого сообщества и не привело к поиску других подобных языков, в то время как «глоттальная теория» Гамкрелидзе и Иванова, проистекшая из спекулятивного умозаключения Р. Якобсона, была встречена с небывалым энтузиазмом. «В то время как, в реальности, глоттальная теория столь же неправдоподобна, как и ларингальная теория» (с. 79). Реинтерпретация реконструкции и.-е. консонантизма, по мнению автора, основана на небесспорном типологическом умозаключении и на переносе в и.-е. фонологию терминов кавказской фонологии. Кроме того, такая реинтерпретация и.-е. консонантизма превращает историю языков в антитезу их доистории.

Для опровержения этой ошибочной концепции В. Маньчак пользуется статистической методикой. Его подсчеты показывают, что оглушение и озвончение согласных в исторически засвидетельствованных языках в сравнении с реконструкцией и.-е. консонантизма Мейе имели место в 24% случаев, а с реинтерпретацией Гамкрелидзе — Иванова — в 33%. В другом сюжете (с. 122–123) эта статистика дается в более внятном виде. Как следует из таблиц, при сопоставлении традиционной реконструкции и.-е. консонантизма с исторически засвидетельствованными системами согласных, есть дочерние языки, в которых перебоев согласных по звонкости-глухости не было (санскрит, авест., ст.-слав., лит.) и есть языки, в которых было от 1 (ирл.) до 6 (хетт., гот.) и даже 8 (тохар.) перебоев. При сравнении реинтерпретированного и.-е. консонантизма с историческими, выходит, что все языки претерпели от 2 до 8 перебоев по глухости-звонкости: меньше всех армянский (0.5!), затем хетт. и гот. (2), затем тохар., санскр., авест., ст.-слав., лит. (по 4), ирл. (5), лат. (6.5) и греч. (8). В этом уважаемый автор усматривает весомый аргумент. Мне этот аргумент не представляется столь убедительным. Все это в пределах статистического допущения: каждый четвертый или третий дочерний язык претерпел перебой согласных, или все без исключения — что из того? Что это дает в деле верификации правильности реконструкции доисторического консонантизма? Желательно, чтобы реконструкция первобытного консонантизма непротиворечиво объясняла последующие фонетические изменения в дочерних языках. Насколько мне известно, и традиционная трехрядная, и глоттальная трехрядная и старая

четырёхрядная реконструкции и.-е. консонантизма не удовлетворяют этому благу пожеланию. Поэтому принимаю рассмотренный статистический аргумент В. Маньчака за полезный, но явно недостаточный.

Второй антитезис В. Маньчака можно вкратце представить так. Эталонные для глоттальной теории германские и армянский языки уже претерпели и продолжают претерпевать перебои согласных в исторический период. Согласно догмату уважаемого автора (с. 81), языковая история является продолжением доистории. Следовательно, прагерманский и праармянский претерпевали перебои согласных и в доисторический период своего развития. Следовательно, их консонантизм не тождествен первичному и.-е., в то время как в языках, в которых наблюдается преемственность консонантизма (как в индоиранской, балтийской и славянской группах), доисторический консонантизм практически тождествен первичному и.-е. Это умозаключение представляется мне весьма спекулятивным и не слишком-то убедительным (реальность может оказаться сложнее!). Оно требует верификации на базе всей совокупности известных нам языковых материалов и.-е. семьи с желательным подтверждением данными языковой типологии.

Теперь уместно рассмотреть проблему «правила Вернера» в германских языках. По мнению уважаемого автора, это сугубо частный случай не может претендовать на звание универсального закона, поэтому всюду используется термин «правило». Ну что же, это право автора...

В своем первоначальном виде правило Вернера касалось озвончения герм. фрикативных согласных в интервокальной позиции и в исходе слов за исключением случаев, когда они следовали за этимологически ударным гласным (с. 118). К месту вспомнить выражение В. Маньчака на с. 87: «акцентуация также повинна в чередованиях...», т. е. вновь сталкиваемся с просодией как субъектом фонетических изменений. После критического разбора публикаций по этому вопросу В. Маньчак приходит к выводу, что 1) правило Вернера применимо только к интервокальной позиции и 2) конечное и.-е. *-s* осталось без изменений в прагерманском, существовало в историческую эпоху в готском языке, исчезло в западногерманских и претерпело озвончение и ротацизм в скандинавских языках (с. 120). А в целом, все факты, упомянутые Йесперсеном, не имеют никакого отношения к правилу Вернера, а объясняются в большинстве случаев «иррегулярным фонетическим развитием вследствие частотного употребления» (с. 121). У меня вызывает недоумение пример англ. форм типа *son's, sons, sons'* или *comes* как иррегулярного озвончения конечного *-s*. По моему мнению, это простейшая ассимиляция (уподобление двух соседних звуков по звонкости), вызванная тенденцией экономии артикуляционных усилий. Есть, наверняка, и разумное объяснение отсутствию такого озвончения в случае *hence, once*. Частотность употребления тут ни при чем. В. Маньчак заключает первый сюжет о правиле Вернера такими положениями:

«По моему мнению, следует ограничить действие правила Вернера только интервокальной позицией и признать, что конечное *-s* сохранялось во всех словах в прагерманском и готском и в односложных словах в других

герм. языках... 1) В германском, который должен быть определен более как центральный, нежели западный, конечная фонема *-s* пала в многосложных словах. 2) В скандинавском, конечное *-s* превратилось в *-z*, а затем в *-r* в многосложных словах».

Второй сюжет этой тематической группы «Применимо ли правило Вернера к исходу слова?» (с. 124–128) является ответом В. Маньчака на критику Сеиичи Сузуки (публикация 1994 г.). Как критические пассажи Сузуки, так и ответная аргументация В. Маньчака ничего принципиально нового не добавляют. Упомяну лишь здравое суждение японского германиста о том, что оглушение конечного *-s* в готском не нуждается в столь далеко идущем объяснении, так как это явление можно рассматривать как один из видов оглушения фрикативных в исходе слова (с. 125).

В завершении нашего обзора обратимся к циклу сюжетов о происхождении нескольких и.-е. языков и групп языков, а также об и.-е. прародине. Начну с сюжета «Происхождение романских языков» (с. 130–135), наиболее близкого узкой специализации В. Маньчака — романо-германской филологии. Уважаемый автор почему-то полагает, что ветхая концепция изначального билингвизма в древнем Риме по сей день разделяется почти всеми романистами. Развенчанию этого устаревшего представления В. Маньчак посвятил много публикаций. Это выглядит несколько нелепо, так как в отечественной романистике едва ли кто всерьез полагает, что в Риме изначально бытовало два языка: классическая латынь (синтетический язык) и вульгарная латынь (аналитический язык), а источником итальянского и других романских языков является именно этот аналитический язык римского простонародья. Столь наивное и нереальное представление давно ушло в прошлое. Современная ареальная лингвистика и языковая типология не оставляют места таким примитивным концепциям языковой ситуации. Любые попытки «модернизации» такого примитива (Вянянен 1977; Маррэ-Калл 1994) бессмысленны.

Этому бесспорно ошибочному мнению В. Маньчак противопоставил концепцию Ейсенхардта (1880), Мюллера — Тэйлора (1932), согласно которой романские языки происходят от классической латыни, являются результатом развития единого языка Древнего Рима (с. 131, 134–135). К сожалению, развернутая аргументация концепции происхождения романских языков разбросана по нескольким сюжетам книги В. Маньчака, нередко фрагментарным и энigmatичным. На обзоре и оценке этой аргументации я уже останавливался выше. Стоит добавить несколько слов о публикации В. Маньчака 1991 г. (с. 142), в которой он предложил классификацию романских языков на основе анализа лексических соответствий в параллельных (увы, переводных!) текстах. В результате анализа уважаемый автор пришел к выводу, что существует прямая связь между временем римского завоевания определенной территории и количеством регулярных лексических соответствий появившегося на этой территории романского языка с другими романскими. Представляется приемлемым как сам принцип статистического учета лексических соответствий, так и значительные объ-

емы рассмотренной этимологической лексики (от 3,5 до 7,5 тыс. слов). Но методику сопоставления параллельных религиозных текстов, игнорирование сопоставления других уровней языковой системы, кроме лексико-семантического уровня, трудно отнести к достоинствам данного сюжета. Главное же, что ускользнуло, почему-то от внимания проф. В. Маньчака, — это сами статистические данные, явно противоречащие его же концепции. Повторюсь: оказалось, что рано завоеванные провинции (к прим., Сардиния, Провинция, Испания Тарраконенсис) стали родиной более продвинутых и менее архаизирующих романских языков, а завоеванные иногда столетиями позже (Лузитания, Астурия) стали родиной более архаичных и консервативных идиом. К тому же, относительно поздно завоеванные Галлия Барбата и Реция стали родиной романских языков более консервативных в отношении лексико-семантического уровня своей языковой системы, чем завоеванная столетиями позже Дакия. При том, что революционные перестройки, к примеру, фонеморфологического уровня франц. и румын. языков в чем-то весьма схожи и во многом аналогичны. К тому же, для В. Маньчака так и осталась не проясненным вопрос центра инновация романского языкового ареала. Ведь итальянский язык, потомок языка метрополии, оказался самым консервативным в отношении этимологической лексики, что контрастирует с большей инновационностью ближайшей языковой периферии и меньшей инновационностью дальней периферии (не считая Галлию и Дакию), с одной стороны (это противоречит широко распространенному представлению о большей архаичности периферии), а с другой — ставит под вопрос принцип зарождения инноваций в центре языкового ареала. Справедливее и сам итальянский отнести к явной языковой периферии.

Если исходить из принципа соотнесенности хронологии и статистики лексико-семантических уровней романских языков по В. Маньчаку, выходит, что территории появления португальского и кастильского языков были завоеваны много раньше территорий каталонского, провансальского и даже сардинского. Это противоречит бесспорным историческим фактам.

Кроме того, исследования В. Маньчака в области романского лингвогенеза несколько не прояснили картину соотношения языкового центра и языковой периферии: вопреки общему мнению, исторический центр романского распространения оказывается в высшей степени консервативным. Не говорю уж о том, что в данной серии публикаций В. Маньчак совершенно игнорирует факторы языковой конвергенции, гибридизацию языков. А именно они могли бы многое прояснить в деле истолкования французского, ретороманского и восточно-романского лингвогенеза.

Что остается после обзора сюжетов о происхождении романских языков В. Маньчака? Не ясен центр (или несколько центров?) языковых инноваций, не срабатывает хронологический фактор (не все раннее по времени оказывается более консервативным в отношении лексики), игнорируется фактор языковой конвергенции. Так что, пользуясь методиками проф. В. Маньчака, даже на примере хорошо исторически освещенной романской группы

языков, нам не удастся определить ни источника ее происхождения, ни центра распространения, ни причин специфической аномалии некоторых ее членов.

Пользуясь таким несовершенным методологическим инструментарием, В. Маньчак попытался решить проблемы славянского лингвогенеза и центра славянского распространения еще в своей книге 1981 г. (обобщающая публикация 2004 г.⁷). Вновь статистика лексико-семантического уровня покоится на подсчетах слов в параллельных переводных текстах религиозного характера, что само по себе недостоверно.

Обозрев статистические данные регулярных соответствий лексико-семантических уровней славянских языков, представленных уважаемым автором на с. 143, отмечаем их количественную ровность: во всех славянских языках сохраняется около 3000 этимонов (по данным ЭССЯ, это количество больше в десять раз с учетом приставочных производных). Согласно логике В. Маньчака, из данной таблицы следует, что принятые группировки славянских языков не адекватны: в.-луж. и н.-луж. оказываются в разном языковом окружении, русско-белорусская пара далеко отстоит от украинского, оказывающегося в окружении словенского и нижнелужицкого с болгарским! Из такой статистики проистекают многие «парадоксальные» умозаключения В. Маньчака. Например, на с. 28–29 автор приходит к выводу, что украинский ближе к польскому, чем к русскому (а это противоречит его же собственной статистике — по сохранности этимологической лексики украинский далеко отстоит от польского (с. 143)). Статистическая картина сохранности этимонов выходит очень расплывчатая и в отношении «инновационного» центра и «консервативной» периферии. Как и в случае с романскими языками, следуя логике В. Маньчака, наиболее консервативный в отношении сохранности этимологической лексики язык признается центральным и древнейшим в группе (это, конечно же, польский!). Тогда из какого центра распространялись инновации, откуда шло славянское распространение? Видимо, из болгарского, самого новаторского! Вновь игнорируются данные сопоставления других уровней языковой системы, факторы языковой конвергенции и многое другое.

Мне представляется возможным извлечь следующие выводы из данного сюжета на основе аналогии с более понятным романским ареалом. 1. Центр славянского ареала, похоже, находился вне территории распространения современных славянских языков и уже давно прекратил свою инновационную трансдукцию. 2. Все современные славянские языки, включая «самый древний» польский, являются языковой периферией. 3. Степень сохранности этимологически исконной славянской лексики в современных языках зависит не от времени их обособления от метрополии, а от качественных и количественных характеристик субстратов, обстоятельств языковой гибридизации, обстоятельств и продолжительности билингвизма, эволюции языковой ситуации.

Столь же недостоверны статистические данные лексических соответствий славянских языков с другими и.-е., подробно изложенные уважа-

мым автором в сюжете «Прародина славян» (с. 136–141). Так как в немецком языке на 20 этимологических соответствий больше с польским, чем с литовским (sic!), сделан вывод, что славяне всегда обитали между германцами и балтами (с. 139), на большем количестве соответствий польского с литовским, чем с немецким, сделан вывод, что славяне были ближе к балтам и отделялись от германцев некими иноязычными венетами; 9% количественное превосходство польских соответствий с итальянским над литовскими, дает право говорить о том, что славянские территориально были ближе к романским, чем балтийские; польский оказывается ближе ирландскому, чем литовский; родство польского с прусским большее, чем с литовским на 40 этимонов (с. 140), следовательно, славян от литовцев всегда отделяли пруссы. Из всего этого схоластического начетничества следует закономерный вывод: польский язык всегда находился на территории современной Польши, а он самый консервативный в группе, следовательно «не остается другой возможности, кроме как поместить первобытную прародину славян в бассейны Одера и Вислы» (с. 141). Итак, уважаемый лингвист доказал наконец истинность спекулятивных догадок польских автохтонистов.

Столь же недостоверно доказательство южно-германского происхождения готского языка по данным статистики лексических соответствий в параллельных отрывках религиозных текстов, представленное в сюжете «Прародина готы» (с. 108–117). На простеньком сопоставлении лексических соответствий между готским и другими германскими языками зиждется концепция бóльшего родства первого с верхненемецким, чем с нижненемецким или скандинавскими (с. 110). Как всегда, проигнорированы (даже настойчиво отвергаются на с. 112) свидетельства всех других уровней языковой системы, кроме лексико-семантического, которые, к слову, вопиют даже из самих авторских таблиц (с. 110, 115) и бросают вызов авторским выводам. Анализ конвергентных процессов и межъязыковых контактов, как и обычно, подменен начетнической статистикой лексических соответствий (надеюсь, на уровне этимонов!) с другими европейскими языками. Отсюда последовал банальный вывод о том, что индоевропеизация германского языкового ареала происходила с юга (с. 117), и не столь банальный вывод о том, что готский язык происходит из ареала верхненемецких диалектов. При том, что мне вовсе не чужда мысль о близком схождении готских и верхненемецких диалектов, принять саму аргументацию В. Маньчака я не могу принципиально.

Тут мы достигли сюжета «Прародина индоевропейцев» (с. 142–148), который требует детального обзора. В. Маньчак начал изложение с перечисления «удачно» разрешенных вопросов романского и славянского лингвонеза по мотивам публикаций 1991 и 1981 гг. Выше я уже подробно рассмотрел его методики и постулаты. Далее автор сообщает о том, что подобным образом он препарировал «фрагменты Евангелий на албанском, немецком, армянском, греческом, хинди, ирландском, итальянском, литовском и польском», воспользовавшись «современными (sic!) текстами

для того, чтобы между ними не было хронологических различий» (с. 143). Результаты сведены им в таблицу на с. 144. На основании этих статистических данных он сделал следующие умозаключения (с. 145):

Так как польский язык представляет самое большое число (3337) лексических соответствий с другими языками, он может быть отождествлен с первобытной прародиной и.-е., тождественной с прародиной славян, т. е. — с бассейном Одера и Вислы.

Литовский, немецкий, итальянский, ирландский и албанский по количеству этимонов тяготеют в первую очередь к польскому, в то время как греческий, армянский и хинди — к итальянскому. Поэтому первая группа языков происходит из бассейнов Одера и Вислы, а другие «...и.-е. племена, которые установились в Италии, Греции, Армении и Индии, вышли из одного и того же региона, расположенного на Балканском п-ове» (с. 145)

Прародина индоевропейцев находилась не в Азии, а в Европе, что соотносимо с фактом, что Европа поныне на 97% индоевропейская, в то время как в Азии индоевропейцы всегда оставались в меньшинстве.

Гипотеза и.-е. прародины на Армянском нагорье Гамкрелидзе и Иванова (публикация 1984 г.) недостоверна потому, что армянский язык занимает предпоследнее место по количеству этимологических соответствий с другими языками (1903 ед.), имеет в лексическом составе большое количество иноязычных заимствований, на каждом шагу являет заметное влияние субстрата, а глоттализация согласных в нем вызвана влиянием кавказских языков. Недостоверна и гипотеза о миграции и.-е. племен из Закавказья вокруг Каспийского моря в Европу (с. 145—146).

В дальнейших статистических сравнениях обращу внимание читателей на брошенное мимоходом замечание В. Маньчака о том, что литовский имеет больше лексических соответствий с армянским, нежели с греческим (что удивляет, но не заставляет уважаемого автора остановиться и задуматься) (с. 146). Он с удовольствием констатирует факт, что армянский являет почти равное количество лексических соответствий с греческим и с итальянским (по 302 и 306 единиц соответственно). Это наблюдение позволяет ему заявить, что предки этих народов, прежде чем поселились в Италии, Греции и Армении, соседствовали некогда на Балканском п-ове. Если бы проф. В. Маньчак припомнил античные этно-генеалогические предания этих народов, то его выкладки не были бы столь сухи. Ведь согласно стойкой традиции, родоначальники армян прибыли вместе с аргонавтами из Фессалии, родоначальник всех греков до одноименного катаклизма обитал в Ахайе Фтиотиде (к югу от Фессалии), а предки римлян были поселены Дием сначала на о-ве Самофракия, а затем, после Девкалионова катаклизма, переселились в Геллеспонт и Троаду. Обо всем этом можно прочитать, но не в Евангелиях...

Далее проф. В. Маньчак сверил лексические данные армянского, греческого, немецкого, итальянского, литовского и русского параллельных отрывков евангелических текстов с этимологическими словарями этих языков. И выяснил, что в русском языке 16 слов неиндоевропейского или

неясного происхождения, в литовском — 35, в итальянском — 54, в немецком — 71, в новогреческом — 169, в армянском — 173. Вместо того, чтобы усомниться в методологической безупречности избранных для лексического анализа текстов (ведь Евангелия, несмотря на эллинистическое койне, являясь плодом западно-семитского лингво-культурного круга, изобилуют чуждыми лексическими, синтаксическими, фразеологическими и проч. вкраплениями), уважаемый автор пришел к выводу: «... армянский, на котором говорят в регионе, где Гамкрелидзе и Иванов помещают прародину индоевропейцев, является наименее индоевропейским, в то время как другие языки, которые выросли на иноязычных субстратах, сохраняют больше слов... индоевропейского происхождения» (с. 147). Это весьма сомнительное наблюдение В. Маньяк полагает весомым аргументом против гипотезы Гамкрелидзе и Иванова. По моему разумению, это вообще не аргумент, даже если полученная статистика сколько-нибудь достоверна. Ведь центр и.-е. инноваций уже давно неактуален, в нем теперь может находиться не только сильно разрушенный и.-е. язык-потомок, но и вообще, неиндоевропейский язык. Если припомнить гипотезу среднедунайской прародины индоевропейцев И. М. Дьяконова, то обнаруживаем, что предполагаемый языковой центр уже около тысячи лет захвачен угорским этносом и языком, а нам дана в ощущениях лишь языковая периферия. Другой пример — древний языковой центр инноваций тюркских языков уже 800 лет находится во владении монгольских этноязыковых групп. Мы можем наблюдать лишь тюркскую языковую периферию...

Еще неприятнее настоятельное внедрение в сознание читателя навязчивой идеи такого вида: «польский — это язык, который предьявляет наибольшее количество слов, имеющих этимологические эквиваленты в других языках» (с. 147). Напомню, сделан он на основе совершенно недопустимой методики. А если проверить его на базе частотных и этимологических словарей, в объеме хотя бы 1–2 тысяч наиболее употребительных слов каждого языка? Какой язык окажется на перекрестке этимологических изоглосс? М. б., испанский, немецкий, хинди, русский?

В качестве аналогии и иллюстрации к своей концепции висло-одерской прародины всех индоевропейцев В. Маньяк приводит пример угасания антропологических признаков в тюркских языковых сообществах по мере удаления от исторически более ли менее определенной прародины. Автор подводит нас к мысли, что по мере удаления от Восточной Европы удельный вес генетических потомков и.-е. выходцев из бассейна Вислы в восточном направлении сходит на нет по мере наибольшего удаления от предполагаемого центра индоевропеизации. Опирается он на весьма устаревшие антропологические данные (с. 147–148). Автору не известно, что в современной Индии ныне обитает около 200 млн. мужчин, имеющих восточно-европейский гаплотип Y-хромосомы, что, например, в России сейчас проживает около 50–60 млн. мужчин восточно-европейского гаплотипа, а в Польше — только 18–19. Так что и эта аргументация (пусть в качестве иллюстрации) В. Маньяка не срабатывает в пользу его Висло-Одерской

прародины индоевропейцев. В итоге рассмотрения этого сюжета, вновь прихожу к печальному выводу: здесь мы не обрели действительно глубокой и сущностной критики ложных гипотез и.-е. прародины, авторская же гипотеза покоится на совершенно недостоверных и необидительных доказательствах.

Венчает книгу сюжет «Балто-славянская общность, существовала ли она?» (с. 149–152). Уважаемый автор полагает, что правильно ответить на этот вопрос можно, используя такое положение: «приняв к сведению, что польский представляет наибольшее число слов, имеющих этимологические эквиваленты в других и.-е. языках, можно прийти к умозаключению, что и.-е. прародина идентична прародине славянской, т. е. — в бассейне Одера и Вислы» (с. 149). Отсюда якобы ясно и непротиворечиво проистекает ответ на поставленный вопрос. Этот ответ, конечно, негативный. «Различие между балтами и славянами состоит в том, что славяне суть потомки той части и.-е. населения, которое осталось в первичной прародине, в то время как балты суть потомки той части и.-е. населения (вместе с предками германцев, италиков, кельтов и т. д.), которая покинула первичную прародину и поселилась на территории, первично занятой неиндоевропейским населением. Свидетельством в пользу этой концепции является факт большей консервативности славянской лексики, нежели балтийской». Далее, как и обычно, приводится статистика, полученная крайне сомнительной методикой. Но даже в этой недостоверной статистике сам автор не обратил внимания на некоторые вопиющие факты, например, на почти равное количество этимологических соответствий хинди с польским и литовским (по 287 и 283 единиц соответственно), или на примерно равное количество таких соответствий хинди, греческого, албанского и армянского с польским, на близкие цифровые значения для количества лексических соответствий армянского с польским и литовским (253 и 231). Другой компаративист быстро припомнил бы еще и фонеморфологические соответствия между этой группой и.-е. языков. Но В. Маньчак обходит эти явления молчанием и вдруг прибегает к несвойственной ему детальной аргументации положений на основе не лексики, а морфологии, синтаксиса и прочих уровней языковой системы (с. 149–150), что в целом — большой прогресс. Хотя надобности в этом нет. Не первый век уже известно, что в балтийских языках ощущается значительное влияние финно-угорского субстрата. Это ясно. Предлагаемая автором аналогия на материале германских языков, показывающая, что в нидерландском и шведском больше слов негерманского происхождения, чем в немецком или готском, ничего нового не добавляет к давно и всем известным фактам: в прусском влияние финно-угорского субстрата меньше ощутимо, чем в литовском, а в последнем — меньше чем в латышском. Но это вовсе не доказательство предположения о миграции балтийских племен из бассейна Вислы в восточную Прибалтику, как думает В. Маньчак, а лишь показатель разных языковых ситуаций в трех ареалах распространения балтийских языков безотносительно хронологии их возникновения.

Столь же недостоверна и дальнейшая аргументация на с. 151. Разная степень влияния финского субстрата в трех ареалах объяснима различиями в качественных и количественных характеристиках этого субстрата. Большая или меньшая степень консерватизма периферийных языковых ареалов, как уже неоднократно говорилось, не зависит напрямую от времени и последовательности заселения их, а от многих других факторов языковой дивергенции, конвергенции, гибридизации и т. д. Большое количество лексических соответствий прусского с польским вполне достаточно объяснять их тесным соседством и разнообразными межъязыковыми и культурными контактами. Уважаемый автор даже не задумывается над тем, что, в сущности, балты в его концепции и не удалились очень-то сильно от прародины и славяно-польского континуитета, и донныне пребывают в рамках 30 градуса восточной долготы, т. е. все в той же Восточной Европе. Следовательно, балты должны были быть намного ближе в языковом отношении к славянам, нежели это наблюдается в реальности. Сомнительно и утверждение об исключительной архаичности литовской фонетики среди всех прочих языков (с. 151), и о том, что архаичный характер языка определяется по словарному составу, а не по фонетике, чье развитие иногда причудливо. И аналогия с сербохорватским языком, в фonomорфологическом отношении самом консервативным среди славянских (по мнению В. Маньчака) весьма сомнительна. При этом уважаемый автор или сознательно замалчивает, или пребывает в неведении о факте наличия во Фракии и Вифинии компактных ареалов античной ономастики явно балтийского вида. Это сотни цельно-лексемных соответствий фракийского с балтийскими и праславянским. Проигнорированы и богатые данные палеобалканской и скифской топонимии, имеющие наиболее вероятные цельно-лексемные соответствия в балтийских языках. Прежде он не преминул упомянуть 30 финских гидронимов с территории Литвы и сотни субстратных гидронимов с территории Латвии, но обошел в целом не столь уж затруднительную для его концепции балтийского распространения на северо-восток древнюю гидронимию и топонимию балтийского вида между Днестром и бассейном Волги. О сопоставлении праславянского лексического фонда с балтийским даже речи нет.

Подводя итог знакомства с этим сюжетом книги В. Маньчака, с сожалением констатирую, что никаких новых, сколько-нибудь убедительных аргументов, опровергающих древнее генетическое родство славянских и балтийских языков, в этой книге не обнаруживается.

Завершает книгу библиография (с. 153–162), в которой не найдешь многих фундаментальных трудов по заявленным тематикам, а также фундаментальных этимологических и исторических словарей, совершенно необходимых в изысканиях такого рода.

Обозрев результаты полувекового кропотливого труда краковского лингвиста совершенно необходимо извлечь несколько поучительных выводов из его опыта.

Только то лингвистическое суждение может считаться истинным, ко-

торое подтверждается общественной практикой и опытом, достоверными данными статистики или лингвистического эксперимента. Но методика подсчета межъязыковых лексических соответствий в отрывках параллельных переводных текстов какой угодно религиозной традиции ошибочна и порочна. Ее результаты недостоверны. К тому же, их не следует применять механистически, начетнически и без должного осмысления. Исключительно корневые соответствия недостаточно убедительны и информативны. Необходимым и достаточным представляется межъязыковое сопоставление наиболее употребительной лексики (хотя бы 1–2 тыс., лучше 5 тыс. слов), получаемой из частотных и этимологических словарей. Наибольшую доказательность имеют целно-лексемные сопоставления, в которых можно сравнивать рефлексy корней, аффиксов, инфиксов, флексий, просодию и т.п.

В лингвогенетических исследованиях, выяснении языкового родства, происхождения языков методика механистического подсчета межъязыковых соответствий исключительно лексического состава порочна и недостоверна. Необходимым и достаточным можно признать только комплексное всеобъемлющее сопоставление всех доступных наблюдению и оперированию уровней языковой системы (фонологического, фономорфологического, морфологического, лексико-семантического, в редких случаях — фразеологического, синтаксического и т.п.).

В изыскании первичной прародины и промежуточных прародин данной языковой семьи методика механистического подсчета количества межъязыковых лексических соответствий ничего не дает. В изысканиях такого рода необходимым и достаточным условием является комплексное изучение показаний лексико-семантического уровня языка в соотношении их с внеязыковыми реалиями, изучение всех видов лексических проникновений и заимствований для выявления контактных зон взаимовлияния языков, изучение древнейшей ономастики интересующего ареала, изучение традиционной этногенеалогии по данным мифологии, истории и проч.

Пользуюсь случаем в заключение еще раз выразить Витольду Маньчаку свою искреннюю благодарность за его целеустремленность в поиске истины, в поиске ответов на сложные вопросы общего и сравнительно-исторического языкознания, за критический настрой и стремление всякое положение испытывать на достоверность. Труды его жизни не остались незамеченными, они заставляют думать и искать новые поколения лингвистов.

Примечания

¹ Witold Mańczak. Linguistique générale et linguistique Indo-Européenne. Kraków, 2008.

² Серебренников Б. А. Вероятностное обоснование в компаративистике. М., 1974; Он же. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973; Он же. Общее языкознание. Формы существования, функции, история

языка. М., 1970; *Он же*. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983; *Он же*. Почему трудно верить сторонникам неостратической теории? // ВЯ, 1983, № 3, 26–37.

³ *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931, № 1, 113–129; *Он же*. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л., 1958.

⁴ *Макаев Э. А.* Ларингальная теория // Труды АН ГрузССР, 1957; *Он же*. Давление системы и иерархия языковых единиц // ВЯ, 1962; *Он же*. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.–Л., 1964; *Он же*. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.

⁵ *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

⁶ *Герценберг Л. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981; *Он же*. Проблемы акцентологической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989, 29–47; *Он же*. О следах индоевропейской просодики в латинском // ВЯ, 1982, № 3, 68–77.

⁷ *Witold Mańczak.* Przedhistoryczne migracje słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Kraków, Polska Academia umiejętności, 2004.

А. К. Шапошников

Указатель статей и рецензий

В предлагаемый указатель вошли статьи и рецензии, опубликованные в ежегоднике «Этимология» с 1986 по 2010 год. Указатель сохраняет разделы «Этимологии»: 1. Статьи; 2. Критико-библиографический отдел.

Указатель статей расположен в алфавитном порядке фамилий авторов; указатель рецензий — в алфавитном порядке фамилий авторов рецензируемых изданий. При этом авторы рецензий названы в скобках после названий рецензируемых изданий курсивом.

Слово «Этимология» сокращено — Э. Далее следует год, который входит в название ежегодника. После этого в скобках дан год выхода его в свет. Следующие цифры означают страницы.

Указатель статей и рецензий, опубликованных в томах «Этимологии» за 1963–1983 гг., см. в томе «Этимология. 1983». М., 1985.

1. Статьи

Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари. — Э. 1984 (1986), 7–27.

Аникин А. Е. Некоторые теоретические аспекты этимологизации омонимов в связи с реконструкцией праславянского лексического фонда. — Э. 1984 (1986), 27–33.

Аникин А. Е. О лингвогеографическом аспекте этимологического исследования лексики русских сибирских говоров. — Э. 1985 (1988), 71–77.

Аникин А. Е. К этимологии рус. *меть, имтáть*. — Э. 1991–1993 (1994), 100–102.

Аникин А. Е. Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки (1–7). — Э. 1997–1999 (2000), 6–12.

Аникин А. Е. Славянская лексика на неславянском фоне (8–20). — Э. 2000–2002 (2003), 109–116.

Аникин А. Е. Восточнославянские этимологии (*авдóтка, кирстóк, литвá, сéленки, хит, шпíра, шóрка*). — Э. 2003–2005 (2006), 7–12.

Антропов Н. П. На долгом пути к Я (к 30-летию начала публикации «Этимологического словаря белорусского языка»). — Э. 2006–2008 (2010), 24–36.

Белетич М. К изучению праслав. **verg-* / **verz-*. — Э. 2000–2002 (2003), 28–38.

Белетич М. Из фольклорно-мифологической лексики (*блаза* и *блазна*). — Э. 2003–2005 (2006), 12–22.

Березович Е. Л. К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул ('типун тебе на язык!'). — Э. 2000–2002 (2003), 165–177.

Брозович Д. Об этимологии сербохорватской лексики *таца* 'пятно'. — Э. 1985 (1988), 52–53.

Бушаков В. А. К этимологии термина *тарпан*. — Э. 1988–1990 (1992), 168–169.

Варбот Ж. Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях. — Э. 1984 (1986), 33–40.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XIII (*bariti se и *baruxati, *barušiti; *kyrkati; **str'apa* и **str'piti*, **str'pati*). — Э. 1985 (1988), 21–27.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XIV (*čьlxati и *кьlpati, *кьltati; *(*x*)*rapati*, *(*x̄*)*rapnŋti* и *(*x*)*rapъ*; *ruta и *rutina; **pist(v)ati (se)*, **-iti (se)*; **posъkalъ (/l'ъ)*; *piskati II; **plojъta (/ъba)*). — Э. 1986–1987 (1988), 55–63.

Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. I (праслав. *skorъjъ, **porкъ(jъ)*). — Э. 1988–1990 (1992), 44–49.

Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. II (прилагательные с корнем **въ/brk-*; рус. *сверкать*). — Э. 1991–1993 (1994), 53–57.

Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III. — Э. 1994–1996 (1998), 35–46.

Варбот Ж. Ж. К этимологии праславянского названия июня. — Э. 1997–1999 (2000), 12–16.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XV (**ręg(a)ti se*; **ръrg(a)ti*; *galiti и *želъ, **želti; *piskati). — Э. 2000–2002 (2003), 23–28.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XVI (*rysŋti, *kręžiti / *kręžati, *obrěхъ, *skočiti / *ščekati). — Э. 2003–2005 (2006), 22–25.

Варбот Ж. Ж. Нерегулярные изменения в славянских языках и славянская этимология. I. Морфологическое переразложение (рус. *тузить*, *тальяка*); II. Нерегулярное фонетическое изменение и морфологическое переразложение как причина образования новой лексики (праслав. *draziti, укр. *дратувати*); III. Смещение образований разных этимологических гнезд (рус. *-стревать*); IV. Резимологизация (народная этимология) в истории слов (слав. *kleveta*; рус. *вожжа*); V. Дополнения к проблеме факультативной дифтонгизации этимологического у в русских говорах). — Э. 2006–2008 (2010), 37–51.

Васильев В. Л. Дериваты редких и архаических типов от *бор*, *береза*. — Э. 2006–2008 (2010), 52–64.

Витчак К. Т. О первоначальных венетах. — Э. 1986–1987 (1988), 107–

114.

Витчак К. Т. Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним *Fresiti* у Баварского географа и его локализация. — Э. 1988–1990 (1992), 28–36.

Витчак К. Т. Из исследований праславянской религии. 1: новгородское Ръгль и ведийское *Rudra*. — Э. 1991–1993 (1994), 23–31.

Влаич-Попович Я. К реконструкции третьего праславянского омонима *kosa 'aggregatio erosionis fluminis; promontorium'. — Э. 2000–2002 (2003), 52–61.

Влаич-Попович Я. С.-хорв. диал. бор, борина 'долина': реликт или инновация? — Э. 2003–2005 (2007), 26–35.

Гавлова Е. К истолкованию славянских омонимов *obza*. — Э. 2000–2002 (2003), 8–15.

Гиндин Л. А. Проблема лексикографии в словаре Гесихия и этимология. — Э. 1984 (1986), 40–43.

Горячева Т. В. К изучению славянской метеорологической терминологии. — Э. 1984 (1986), 43–49.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (ушинка, закопурдиться, почевщина, речики, твить, шорега, сярбятня, задонеть, нахортыши, *ryrgati). — Э. 1985 (1988), 62–71.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (запартки, слав. **xreb-*, хмалá, слав. *ridati, балавотка, ст.-рус. *прихрадалыи*). — Э. 1986–1987 (1988), 153–159.

Горячева Т. В. К семантике и этимологии славянских метеорологических и астрономических терминов. — Э. 1988–1990 (1992), 36–44.

Горячева Т. В. Этимологические заметки по восточнославянской метеорологической лексике (*orztorgъ, рус. *обырять*, рус. *сулит*, рус. *забрындеветь*, рус. *принуть*, укр. *спорициту*). — Э. 1991–1993 (1994), 65–74.

Горячева Т. В. К этимологии и семантике восточнославянских метеорологических и астрономических терминов (*luna, праслав. *čirь, рус. *церь*, укр. диал. *зацїрвило*). — Э. 1994–1996 (1998), 27–35.

Горячева Т. В. К этимологии выражения «Из-за чего сыр-бор загорелся?» — Э. 1997–1999 (2000), 16–29.

Горячева Т. В. К семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов (заморозить верхушку, бочка арестантов). — Э. 2000–2002 (2003), 147–164.

Горячева Т. В. Восточнославянские этимологии (рус. *бим*, блр. *галялэць*; рус. *закру́мный*; блр. *во́гяры*; праслав. *хута / *хуть, рус. *поси́ститься*). — Э. 2003–2005 (2006), 37–48.

Горячева Т. В. Друг *ситный* на фоне лексико-семантического поля пищи. — Э. 2006–2008 (2010), 65–81.

Греппин Дж. Несколько замечаний о лексических связях армянского с дагестанскими языками. — Э. 1991–1993 (1994), 159–164.

Гуриев Т. А. К этимологии древнего топонима *Ансати* // *Афсати*. — Э. 1085 (1988), 132–134.

Дадашев М. П. О некоторых словообразовательных этимологических изоглоссах западноиранских и европейских языков. — Э. 1984 (1986), 49–54.

Дегтярев В. И. Слав. *męso — *męsa. — Э. 1988–1990 (1992), 99–108.

Дегтярев В. И. Семантическая реконструкция грамматической категории числа в праславянском языке. — Э. 1994–1996 (1998), 106–116.

Димитрова-Тодорова Л. Болгарское *ствол* и его производные в диалектных названиях растения болиголов (*Conium maculatum*). — Э. 2003–2005 (2006), 49–50.

Добродомов И. Г. К этимологии мордовского названия березы. — Э. 1985 (1988), 165–172.

Добродомов И. Г. К истории глагола *транжирить*. — Э. 1986–1987 (1989), 194–200.

Добродомов И. Г. *Кулугур*. — Э. 1997–1999 (2000), 30–39.

Добродомов И. Г. Еще раз об этимологии *олух*. — Э. 2000–2002 (2003), 120–126.

Добродомов И. Г. И еще раз к этимологии рус. *рамень(е)*. — Э. 2003–2005 (2006), 51–73.

Добродомов И. Г. Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях. — Э. 2006–2008 (2010), 82–100.

Дронова Л. П. Прекрасный *красный*. — Э. 2003–2005 (2006), 73–86.

Дронова Л. П. Сладко-соленый вопрос. — Э. 2006–2008 (2010), 101–106.

Дуриданов И. Пеласгские топонимы на территории древней Фракии. — Э. 1997–1999 (2000), 39–44.

Ефимова В. С. О значении наречий *вельми*, *много* и *сѣло* в языке старославянских рукописей. — Э. 1986–1987 (1989), 115–121.

Ефимова А. К. К этимологии рус. *костёр* ‘горящая куча дров’. — Э. 2006–2008 (2010), 107–112.

Жаримбетов А. Некоторые вопросы этимологии и истории тюркских элементов в русских названиях растений. — Э. 1984 (1986), 54–59.

Журавлев А. Ф. Рус. *двужильный*. — Э. 1985 (1988), 78–81.

Журавлев А. Ф. Слав. *jьskra. Рус. *искрометный*. — Э. 1986–1987 (1989), 79–83.

Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков». — Э. 1988–1990 (1992), 77–88.

Журавлев А. Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (Из наблюдений над мифологизмом А. Н. Афанасьева). — Э. 1997–1999 (2000), 45–59.

Журавлев А. Ф. К этимологии рус. *олух*. — Э. 2000–2002 (2003), 117–119.

Журавлев А. Ф. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (*slavo-ossetica*). Статья 2. — Э. 2003–2005 (2006), 86–108.

Журавлев А. Ф. Интуиция этимолога. — Э. 2006–2008 (2010), 3–23.

Журавлев В. К. Принцип иерархичности звуковых изменений в этимологии. — Э. 1984 (1986), 60–66.

Иванов Вяч. Вс. О соотношении этимологии и реконструкции текста. —

- Э. 1984 (1986), 66–70.
 К 75-летию О. Н. Трубачева. — Э. 2003–2005 (2006), 3–6.
Калашиников А. А. К этимологии др.-рус. *вяжа*. — Э. 1988–1990 (1992), 126–127.
Калашиников А. А. Из истории славянских синонимов. — Э. 1991–1993 (1994), 79–88.
Калашиников А. А. Польские этимологии. I (*pusto* и *puślisko, sczyby*). — Э. 1994–1996 (1998), 69–72.
Калашиников А. А. Польские этимологии. II (*tmienić się, trot* и *troty*). — Э. 1997–1999 (2000), 59–62.
Калашиников А. А. Польские этимологии. III (*dzięgwa, zazga*). — Э. 2000–2002 (2003), 77–80.
Калашиников А. А. Заметки на полях 26 выпуска «Этимологического словаря славянских языков». — Э. 2006–2008 (2010), 112–114.
Калужская И. А. Две балканские этимологии (к вопросу о палеобалканских истоках румыно-албанских лексических параллелей). — Э. 1997–1999 (2000), 62–70.
Калыгин В. П. Этнонимика и теонимика древних кельтов. — Э. 2000–2002 (2003), 222–233.
Карлюнас С. К выражению противопоставления ‘раннее’ — ‘позднее (время дня)’ (соотв. ‘утро’ — ‘вечер’) в балтийских и некоторых других и.-е. языках. — Э. 1984 (1986), 71–78.
Клепикова Г. П. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях. — Э. 1984 (1986), 79–84.
Климов Г. А. Опыт стратификации картвельских индоевропеизмов. — Э. 1984 (1986), 85–89.
Климов Г. А. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков. III. — Э. 1985 (1988), 151–165.
Климов Г. А. Индоевропейское **g^heb(h)u-* ‘жаба’ ~ картвельское *žvabu-*. — Э. 1986–1987 (1989), 227–229.
Климов Г. А. Индоевропейское **syomb(h)o* ~ картвельское **сump-*. — Э. 1988–1990 (1992), 157–159.
Климов Г. А. Картвельское **usx(o)-* ‘бык (жертвенный)’ ~ индоевропейское **uks-on-*. — Э. 1991–1993 (1994), 154–158.
Климов Г. А. О дагестанских арменизмах. — Э. 1991–1993 (1994), 164–165.
Климов Г. А. О кавказских обозначениях невестки. — Э. 1994–1996 (1998), 181–186.
Козлова Р. М. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики и проблема структуры праславянского слова. — Э. 1984 (1986), 89–95.
Коломиец В. Т. Названия дорог в индоевропейских языках. — Э. 1984 (1986), 95–102.
Кноблех Й. Индоевропейская и трансиндоевропейская этимология. — Э. 1985 (1988), 126–131.

Кравчук Р. В. К праславянским *nomina qualitatis*. Диалектные зоны праславянского с различной валентностью формантов *-ostь*, *-ьstvъ* (*-ьstvъje*) относительно разных типов производящих основ. — Э. 1984 (1986), 102–107.

Кретов А. А. *Медвежата, верблюжата, цыплята и свинья*: славянские этимологии. — Э. 1994–1996 (1998), 95–100.

Кретов А. А. О вторичности значения ‘дерево’ в и.-е. праязыке. — Э. 1997–1999 (2000), 70–76.

Кретов А. А. *Гордый*: славянские этимологии. — Э. 2006–2008 (2010), 115–134.

Куркина Л. В. К реконструкции состава праславянского лексического фонда словенского языка. — Э. 1984 (1986), 107–115.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**=smegnŋti / *smegnŋti, *marati, *o(b)roka*). — Э. 1985 (1988), 10–16.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (словен. *opésniti*, словен. *sténj*, слов. **madež*). — Э. 1986–1987 (1989), 71–78.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**skovorda, *pačьkati*). — Э. 1988–1990 (1992), 57–62.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (ю.-слав. **trapь*, слов. *sěpati, *pelestь*). — Э. 1991–1993 (1994), 32–45.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (словеню *str̄sniti se*, чеш., словац. *paratiti*). — Э. 1994–1996 (1998), 46–57.

Куркина Л. В. Еще раз к рус. *рамень*. — Э. 1997–1999 (2000), 77–87.

Куркина Л. В. К этимологии словенских лексических диалектизмов (*kù-jaunk, plen, pomuliti se, pričēn, *pristren, ubrusiti se, zberzdà:n*). — Э. 2000–2002 (2003), 64–77.

Куркина Л. В. Этимологические заметки по славянской лексике (слав. **=šelpati*, слов. *šaljь*, рус. диал. *почевать*). — Э. 2003–2005 (2006), 108–117.

Куркина Л. В. Комментарии к IV тому «Этимологического словаря словенского языка» Ф. Безлая. — Э. 2006–2008 (2010), 136–166.

Лаучюте Ю. А. Роль экстралингвистических факторов в этимологизации географической терминологии. — Э. 1984 (1986), 115–119.

Лома А. Праслав. **xalŋga* < др.-греч. *φάλαγγ*- и скифский переход *f > x*. — Э. 1997–1999 (2000), 87–96.

Лома А. К этимологии кавказского названия плуга. — Э. 2000–2002 (2003), 233–238.

Лома А. Одна славяно-иранская изоглосса в области словосложения ст.-слав. *врѣтъпъ* : н.-перс. *girdāb*. — Э. 2003–2005 (2006), 117–123.

Лукинова Т. Б. Лексика славянского язычества. — Э. 1984 (1986), 119–124.

Мажюлис В. И.-е. **ghei-* ‘светить, сверкать’. — Э. 1984 (1986), 124–128.

Малахова Т. А. Ст.-прованс. *lauzengiers*: к истокам и этимологии термина. — Э. 1985 (1988), 138–146.

Маньков А. Е. Германские этимологии: др.-исл. *brǫð* ‘битва’ и *bedr* ‘постель’. — Э. 2003–2005 (2006), 123–131.

Маньков А. Е. К этимологии праслав. **borvь* и прагерм. **barugaz*. —

Э. 2006–2008 (2010), 167–174.

Мароевич Р. К реконструкции праславянской системы поссесивных категорий и поссесивных производных. — Э. 1986–1987 (1989), 121–139.

Мароевич Р. Заметки по историческому словообразованию. — Э. 1994–1996 (1998), 100–105.

Мароевич Р. Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка. — Э. 1997–1999 (2000), 96–102.

Мартынов В. В. Славянские протезы и этимологическая эвристика. — Э. 1984 (1986), 128–132.

Мартынов В. В. Славянские анаграммы. — Э. 1997–1999 (2000), 102–106.

Мартынов В. В. О кельто-славянских этноязыковых контактах. — Э. 2003–2005 (2006), 132–135.

Матвеев А. К. К интерпретации одной условной топонимической системы. — Э. 1984 (1986), 132–136.

Матвеев А. К. Название с основой *коне-* в топонимии Русского Севера. — Э. 1988–1990 (1992), 114–119.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в говорах русского Севера. I. — Э. 1994–1996 (1998), 125–134.

Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII. — Э. 1997–1999 (2000), 106–115.

Матвеев А. К. Субстратные топонимы с дериватом *-конда* в Поважье. — Э. 2000–2002 (2003), 126–134.

Матвеев А. К. Мерянские ойконимы с топоформантом *-(V)дам* и проблема каритивных топонимов. — Э. 2003–2005 (2006), 136–142.

Матвеев А. К. *Кучкас* и *Мучкас*. — Э. 2006–2008 (2010), 175–180.

Мельничук А. С. О сущности беглого *s-*. — Э. 1984 (1986), 137–146.

Меркулова В. А. О дополнениях к словникам праславянских словарей. — Э. 1984 (1986), 146–150.

Меркулова В. А. К проблеме потенциального тюркизма. — Э. 1985 (1988), 81–86.

Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV. — Э. 1986–1987 (1989), 140–152.

Меркулова В. А. К этимологии праслав. **čirь*. — Э. 1988–1990 (1992), 63–65.

Минлос Ф. Р. Этимология рус. *ктырь*. — Э. 2006–2008 (2010), 181–182.

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *пилик*. — Э. 2003–2005 (2006), 142–152.

Младенова О. Из болгарской диалектной лексики. I. — Э. 1986–1987 (1989), 85–90.

Младенова О. Из болгарской диалектной лексики. III (8. *скорѣц*; 9. *всрап*; 10. *наицѹвам*; 11. *штѣкам*; 12. *штрѹне*). — Э. 1988–1990 (1992), 49–51.

Младенова О. Из болгарской диалектной лексики. IV. (13. *синѹцѹ*; 14. *палам*; 15. *стрѣми*). — Э. 1991–1993 (1994), 62–65.

Младенова О. М. Рус. *ходя*. — Э. 2006–2008 (2010), 183–191.

Мошинский Л. Современные лингвистические методы реконструкции праславянских верований. — Э. 1994–1996 (1998), 9–20.

Мошинский Л. Готские этимологии Копитара 1836 г. в сопоставлении с взглядами современных этимологов. — Э. 1997–1999 (2000), 115–123.

Мурьянов М. Ф. Новое о ст.-слав. *тризна*. — Э. 1985 (1988), 54–56.

Мурзаев Э. М. Откуда пошел *Крым*? — Э. 1991–1993 (1994), 89–100.

Невская Л. Г. К семантике пестрого в балто-славянском. — Э. 1984 (1986), 150–156.

Немец И. Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода. — Э. 1984 (1986), 156–162.

Немец И. К нейтрализации междометных образований. — Э. 1997–1999 (2000), 123–128.

Никонов В. А. Наименования стран света. — Э. 1984 (1986), 162–167.

Никонов В. А. Драгоценные свидетели. — Э. 1988–1990 (1992), 109–114.

Никончук Н. В. Эндемическая лексика Полесья. — Э. 1984 (1986), 167–171.

Одинцов Г. Ф. Основные линии семантического развития названий оружия в русском языке. — Э. 1984 (1986), 171–175.

Одинцов Г. Ф. Из истории слов с обобщённым значением ‘оружие’ в русском языке. — Э. 1985 (1988), 110–126.

Одинцов Г. Ф. К истории старорусских названий фитильного ружья. — Э. 1986–1987 (1989), 171–177.

Одинцов Г. Ф. К истории слова *сабля* в русском языке. — Э. 1986–1987 (1989), 177–193.

Ондруш Ш. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев. — Э. 1984 (1986), 176–181.

Орел В. Э. Лексика неславянских языков Балкан как источник праславянской реконструкции. Славянские заимствования в албанский и восточнороманский. — Э. 1984 (1986), 181–186.

Орел В. Э. О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев. — Э. 1985 (1988), 27–38.

Орел В. Э. Балканские этимологии. 113–115. — Э. 1986–1987 (1989), 220–226.

Орел В. Э. Двадцатилетие «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1–21, 1974–1994). — Э. 1994–1996 (1998), 3–9.

Орел В. Э. Праславянские и восточнославянские этимологии. — Э. 1994–1996 (1998), 64–69.

Орел В. Э. На полях албанского этимологического словаря. — Э. 1997–1999 (2000), 129–137.

Орел В. Из древнебалканских и циркумпонтийских этимологий. — Э. 2003–2005 (2006), 152–161.

Осипова М. А. К этимологии рус. *мормыш*, *мормышка*. — Э. 1986–1987 (1989), 164–171.

Осипова М. А. Слав. **търха*, **търша* < слав. **търс-*. — Э. 1988–1990 (1992), 65–70.

Осипова М. А. Укр. шуляк 'капуста, не выросшая в кочан; початок кукурузы' и др. < слав. *šul-. — Э. 1991–1993 (1994), 75–79.

Островский Б. Сохранились ли в белорусских диалектах окрестностей Могилева существительные среднего и мужского рода основ на *i-? — Э. 2000–2002 (2003), 194–199.

Островский Б. Праслав. *svęť (семантический анализ некоторых славянских лексем). — Э. 2003–2005 (2006), 162–173.

Отин Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов. — Э. 1984 (1986), 186–191.

Откупщиков Ю. В. Диалектный материал и этимология. — Э. 1984 (1986), 191–197.

От редактора. — Э. 1984 (1986), 3–5.

Павлова Е. С. Имена существительные с суффиксом -ol- в истории русского языка. — Э. 1991–1993 (1994), 102–125.

Павлова Е. С. Рус. диал. гомылька. — Э. 1988–1990 (1992), 120–126.

Пеньковский А. Б. Себе на уме. — Э. 2000–2002 (2003), 177–187.

Петлева И. П. О важности учета в этимологии редких лингвистических явлений формального характера. — Э. 1984 (1986), 198–201.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV (блр. диал. пугі, укр. диал. опугаться; блр. диал. посиртухи; рус. диал. охрёмка). — Э. 1985 (1988), 17–20.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV (укр. диал. переяйка, блр. диал. шымородьде, слав. *tъrdati; с.-хорв. диал. врбети се, врбѣћ, чеш. vrbač; блр. диал. скрэгаць; рус. мешкать и др.). — Э. 1986–1987 (1989), 64–71.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII. — Э. 1988–1990 (1992), 52–57.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVIII. — Э. 1991–1993 (1994), 57–62.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XIX (к этимологии слав. *stъrvo). — Э. 1994–1996 (1998), 57–64.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XX (рус. диал. корснѣй, корсамъ; болг. диал. ошчер; рус. диал. оцать). — Э. 1997–1999 (2000), 137–142.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XXI (праслав. *roskolъ; *sokolъ). — Э. 2000–2002 (2003), 16–23.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XXIII. — Э. 2003–2005 (2006), 173–177.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XXIV. — Э. 2006–2008 (2010), 192–195.

Поповска-Таборска Х. О Пясте-стужице и пестуне. — Э. 1997–1999 (2000), 143–146.

Поповска-Таборска Х. Загадочный северо-западнославянский диалектизм zgłō, źgłō, źdźgłō, źdźgłō, gzłō, giezłō 'рубашка'. — Э. 2003–2005 (2006), 178–180.

Пятаева Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- 'брат, взять' в истории русского языка. — Э. 1994—1996 (1998), 140—147.

Рачева М. Лексика сборника «Видрица» в историко-этимологическом аспекте. — Э. 1988—1990 (1992), 70—77.

Рачева М. К историко-этимологическому изучению названия *вампира* в болгарском и сербохорватском языке. — Э. 1994—1997 (1998), 84—95.

Рачева М. Еще раз «О зеленом коне». — Э. 2000—2002 (2003), 80—109.

Рачева М. К продолжениям праславянской основы *ton- < *topn- и *ton- / *ten- / *tin- в болгарском языке. — Э. 2003—2005 (2006), 180—196.

Рачева М. О продолжениях праслав. *trap: *trop- и *torp- в болгарском языке. — Э. 2006—2008 (2010), 196—215.

Родионова И. В. К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров). — Э. 2003—2005 (2006), 197—209.

Русек Е. Болг., серб. *тишма*, хорв. *tišma*, блр. *ціжма*, польск. *ciżba* 'gedränge'. — Э. 2000—2002 (2003), 40—52.

Сараджева Л. А. Этимологические заметки (арм. *tak'ur* 'чистый', арм. *erkir* 'земля'). — Э. 1988—1990 (1992), 153—157.

Сараджева Л. А. К этимологии арм. *erkin* 'небо'. — Э. 1994—1996 (1998), 165—169.

Седов В. В. Русы VIII—IX вв. — Э. 1997—1999 (2000), 146—152.

Седов В. В. О расселении славян на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона. — Э. 2003—2005 (2006), 210—220.

Славский Ф. Праслав. *rokojъ. История и этимология. — Э. 1997—1999 (2000), 153—157.

Смирнова О. А. К этимологии эпического этнонима *нарт*. — Э. 1994—1996 (1998), 177—180.

Сной М. Этимологические мелочи. 6—7. — Э. 2003—2005 (2006), 220—222.

Страхов А. Б. Письменная фиксация и этимология. — Э. 1997—1999 (2000), 158—164.

Страхова О. Б. Из истории церковнославянской окказиональной лексики конца XVII в. — Э. 1985 (1988), 57—62.

Субботина В. Н. Об этимологии диал. арханг. *ворить*, *варать* (К проблеме взаимодействия заимствованной и исконной лексики). — Э. 2000—2002 (2003), 143—146.

Субботина В. Н. К этимологии некоторых русских диалектных лексем с омонимичными корнями праслав. **ver-*. — Э. 2003—2005 (2006), 223—227.

Сырочкин В. В. Этимологические заметки. — Э. 1991—1993 (1994), 45—52.

Сырочкин В. В. Этимологические заметки. II. — Э. 1994—1996 (1998), 75—84.

Сырочкин В. В. Этимологические заметки. III. — Э. 2000—2002 (2003), 38—39.

Сятковский Я. О польск. *pieski* 'виски' и подобных основах в других славянских языках. — Э. 2006—2008 (2010), 216—219.

- Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркских *tarqan* ~ *tarخان*. — Э. 1988–1990 (1992), 169–180.
- Татаринцев Б. И.* Тюркский титул *bujla* (к вопросу об этимологии). — Э. 1991–1993 (1994), 166–171.
- Татаринцев Б. И.* Верна ли распространенная этимология? (Происхождение гидронима Иртыш). — Э. 1994–1996 (1998), 170–176.
- Теодоридис Д.* Что еще означало ст.-греч. πηγάδι? — Э. 1985 (1988), 134–137.
- Тестелец Я. Г.* Об одном типе редуцированных основ в картвельских языках. — Э. 1988–1990 (1992), 160–163.
- Теуш О. А.* К этимологии рус. диал. *рада*. — Э. 2000–2002 (2003), 135–143.
- Теуш О. А.* Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера. — Э. 2003–2005 (2006), 228–239.
- Ткаченко О. Б.* Проблемы и принципы реконструкции лексики дославянских субстратных языков. Источники и критерии (на материале мерянского языка). — Э. 1984 (1986), 202–205.
- Тодоров Т.* Относительно происхождения болгарского орнитонима *синигер* ‘птица *Parus*’. — Э. 2003–2005 (2006), 139–243.
- Толстая С. М.* *Играть* и *гулять*: семантический параллелизм. — Э. 1997–1999 (2000), 164–171.
- Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии. — Э. 1984 (1986), 205–211.
- Топоров В. Н.* К происхождению *Сандуй*. — Э. 1985 (1988), 86–110.
- Топоров В. Н.* Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития. — Э. 1986–1987 (1989), 3–50.
- Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии IV (1). И.-е. **eg'h-om* (**He-g'h-om*): **men-*. 1. Sg. Pron. pers. — Э. 1988–1990 (1992), 128–153.
- Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии V (1). — Э. 1991–1993 (1994), 126–154.
- Топоров В. Н.* К этимологии др.-инд. *kram-* ‘шагать, ступать’. — Э. 1994–1996 (1998), 147–165.
- Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии VI (1–2). — Э. 1997–1999 (2000), 172–185.
- Топоров В. Н.* К семидесятилетию О. Н. Трубачева. — Э. 1997–1999 (2000), 3–5.
- В. Н. Топоров (1928–2005)* — Э. 2003–2005 (2006), 334–335.
- Топурия Г. В.* К этимологии топонима *Хиналуг*. — Э. 1985 (1988), 146–151.
- Трубачев О. Н.* Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1–13. — Э. 1985 (1988), 3–10.
- Трубачев О. Н.* Germanika и Pseudogermanika в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологические комментарии. — Э. 1986–1987 (1989), 50–55.
- Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. VII. — Э. 1988–1990

(1992), 3–12.

Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема. — Э. 1988–1990 (1992), 12–27.

Трубачев О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода. — Э. 1991–1993 (1994), 3–23.

Трубачев О. Н. Продолжение диалога. — Э. 1994–1996 (1998), 20–26.

Трубачев О. Н. К этимологии названия Швейцарии (*Helvetii, Helvetia ~ Schwyz, Schweiz*). — Э. 2000–2002 (2003), 5–8.

Удольф Ю. Славяно-германские связи в северно-немецких топонимах. — Э. 1997–1999 (2000), 185–191.

Фридман В. А. Кавказское заимствование в цыганском. — Э. 1986–1987 (1989), 229–231.

Фурлан М. Слав. *šętati и *šemetati, *šemetati и т. д. — Э. 2003–2005 (2006), 243–255.

Фурлан М. Еще раз о праславянском *govę м.р., вин. п. *govęnъ ‘bos’. — Э. 2006–2008 (2010), 220–226.

Херей-Шуманьска К. Славянское *gonositi (*se*). — Э. 2000–2002 (2003), 62–64.

Хонти Л. Заметка по этимологии русского числительного *девятьсто*. — Э. 1986–1987 (1989), 159–164.

Хэмп Э. Этимологические заметки. — Э. 1985 (1988), 49–52.

Хэмп Э. П. Заметки по поводу Этимологического словаря славянских языков, вып. 12. — Э. 1986–1987 (1989), 83–86.

Хэмп Э. П. И.-е. **ment-* ‘мешать, перемешивать, взбалтывать’. — Э. 1994–1996 (1998), 169–170.

Хэмп Э. П. Читая «Этимологический словарь славянских языков». Вып. 17, 18. — Э. 1994–1996 (1998), 73–74.

Цыхун Г. А. К реконструкции праславянской метафоры. — Э. 1984 (1986), 211–216.

Чайкина Ю. И. Опыт исторического регионального словаря славянских фамилий. — Э. 1986–1987 (1989), 200–212.

Чирикба В. А. К этимологии двух абхазских слов (в связи с параллелями в славянском). — Э. 1988–1990 (1992), 163–167.

Чумакова Ю. П. Лексика диалекта как источник реконструкции праславянского словаря. — Э. 1984 (1986), 216–224.

Чурмаева Н. В. Лексикографические заметки. — Э. 1994–1996 (1998), 116–125.

Шальтяните А. П. О семантической структуре словообразовательно-этимологических гнезд глаголов с этимологическим значением ‘драть’ в русском языке. — Э. 1986–1987 (1989), 212–220.

Шапошников А. К. Этимологические наблюдения. — Э. 1997–1999 (2000), 192–200.

Шапошников А. К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе. — Э. 2000–2002 (2003), 199–221.

Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Север-

ного Причерноморья. — Э. 2003–2005 (2006), 255–322.

Шапошников А. К. Языковые реликты хеттского облика в Северном Причерноморье. — Э. 2006–2008 (2010), 227–252.

Шимундич М. Семантика старых хорватских личных имен из Шибеника и его окрестностей. — Э. 1986–1987 (1989), 90–107.

Шмид В. Меднопассивные причастия настоящего времени в балтийских, славянских и албанском языке. — Э. 1997–1999 (2000), 200–209.

Штейнгольд А. В. Заметки по этимологии одного русского фитонима (толокнянка). — Э. 1994–1996 (1998), 135–140.

Шустер-Шевц Х. Древнейший слой славянских социально-экономических и общественно-институциональных терминов и их судьба в серболужицком языке. — Э. 1984 (1986), 224–239.

Шустер-Шевц Х. Славянские протезы в случаях зияния и их значение для славянской этимологии и исторической грамматики. — Э. 1988–1990 (1992), 88–99.

Шустер-Шевц Х. К аблаутным отношениям в.-луж. *slónco* ‘солнце’ и н.-луж. *sluńco* / диал. *sluńco* то же, а также в.-луж. *plokać* ‘стирать (белье)’ и н.-луж. *pałkaś*, диал. *połkaś* / *pełkaś* то же. — Э. 1997–1999 (2000), 209–212.

Шустер-Шевц Г. Правомерно ли разделение праслав. *krinica / *krynica ‘колодец, источник’ и **krin(ica)*, **kryn(ьka)* ‘сосуд’. — Э. 2003–2005 (2006), 323–327.

Шустер-Шевц Г. О славянских названиях рубашки (‘*camis(i)a, indisium*’). Лингвокультурно-историческое исследование. — Э. 2006–2008 (2010), 253–261.

Эдельман Д. И. Еще раз о кавказском названии плуга. — Э. 2003–2005 (2006), 327–333.

Эйхлер Э. О крайней западной периферии праславянского языка и раннего западнославянского. — Э. 1997–1999 (2000), 212–215.

Эккерт Р. Разыскания в области исторической семасиологии русского языка (установление и обоснование семантического развития слова на примере вост.-слав. диал. *волога*). — Э. 1984 (1986), 239–245.

Эккерт Р. Именные средства выражения в славянских и балтийских языках (*Nomina agentis* вместо *verbum finitum*). — Э. 1997–1999 (2000), 216–224.

Якобссон Г. Эвристический подход к третьей палатализации задненебных в славянских языках. — Э. 1984 (1986), 245–252.

Якубович М. Физиологические мотивации в названиях эмоций. — Э. 2000–2002 (2003), 187–193.

Янышкова И. Названия бересклета в славянских языках. Э. 1985 (1988), 39–49.

2. Критико-библиографический отдел

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.

(И. Г. Добродомов). — Э. 2006—2008 (2010), 262—276.

Bezljaj Fr. Zbrani jezikoslovni spisi. T I-II. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2003 (Л. В. Куркина). — Э. 2003—2005 (2006), 336—338.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III. Ljubljana, 1995. (Л. В. Куркина). — Э. 1994—1996 (1998), 194—209.

Blažek V. Numerals. Comparative-Etymological Analysis of Numeral Systems and their Implications. Brno, 1999 (Е. Гавлова). — Э. 2000—2002 (2003), 251—254.

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. Warszawa, 1994 (Ж. Ж. Варбот). — Э. 1994—1996 (1998), 189—194.

Večerka Radoslav a kolektiv: Adolf Erhart, Eva Havlová, Ilona Janyšková, Helena Karliková. Uvedení do etymologie. K pramenům slov. Nakladatelství Lidové Noviny, 2006. (Ж. Ж. Варбот). — Э. 2006—2008 (2010), 298—305.

Witczak K. Indoeuropejskie nazwy zbóż. Łódź, 2003 (Л. В. Куркина). — Э. 2003—2005 (2006), 368—371.

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Bergündet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 5/6, 7/8. Heidelberg, 1989 (А. Е. Аникин). — Э. 1991—1993 (1994), 179—185.

Георгиев В. И. et al. Български етимологичен речник. София, 1986, Т. III: *крес — минго* (В. Э. Орел). — Э. 1986—1987 (2000), 232—235.

Historický slovník slovenského jazyka. I. A-J. SAV. Bratislava, 1991 (Л. Н. Смирнов). — Э. 1991—1993 (1994), 174—179.

Ғрда́ ма́насә. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., Наука, 2005 (А. К. Шапошников). — Э. 2006—2008 (2010), 312—334.

Huld M. E. Basic Albanian Etymologies. Columbus (Ohio), 1984 (В. Э. Орел). — Э. 1985 (1988), 179—182.

Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Изд. Томского университета, 2006 (Ж. Ж. Варбот). — Э. 2006—2008 (2010), 305—312.

Етимолошки речник српског језика / Оснивач академик Павле Ивић. Израдили Марга Белетић, Јасна Влајић-Поповић, Александар Лома и Снежана Петровић. Уредио Александар Лома. Св. 1—2. Београд, 2003—2005. (В. П. Гудков). — Э. 2006—2008 (2010), 285—288.

Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М. 1983 (Томас Д. Хедден). — Э. 1986—1987 (1989), 235—239.

Климов Г. А. Древнейшие индоевропейизмы картвельских языков. М., 1994 (Х. Фенрих). — Э. 1994—1996 (1998), 213—215.

Лиукконен Кари. Восточнославянские отглагольные существительные на -m-. Том I. Существительные на *-m/ *-mal *-mo. Хельсинки, 1987 (= Slavica Helsingiensia, 5) (Ж. Ж. Варбот). — Э. 1988—1990 (1992), 193—197.

Лукінова Т. Б. Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ, «Наукова думка», 2000 (В. А. Дыбо). — Э. 2000—2002 (2003), 246—251.

Маслова В. А. Истоки праславянской фонологии. Учеб. Пособие.

М., 2004 (А. К. Шапошников). — Э. 2003–2005 (2006), 371–381.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983 (Р. Мароевич). — Э. 1985 (1988), 183–186.

Orel Vladimir. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000 (И. А. Калужская). — Э. 2000–200 (2003), 255–259.

Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston. 2003 (А. Б. Дыбо). — Э. 2003–2005 (2006), 348–361.

Orel V. Russian Etymological Dictionary. Book 1: А-Й; Book 2: К-О. Octavia&Co. Press, 2007 (А. Ф. Журавлев). — Э. 2006–2008 (2010), 276–285.

Письмо в редакцию: К этимологиям названий металлов (Вяч. Вс. Иванов). — Э. 1986–1987 (1989), 239–240.

Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. В. etc., 1984, v. 1 (А), 2 (Е-Ј) (Вяч. Вс. Иванов). — Э. 1985 (1988), 173–179.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I, II. М., 2000–2003 (А. В. Дыбо). — Э. 2003–2005 (2006), 338–348.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. III: f-h. М., 2007 (А. В. Дыбо). — Э. 2006–2008 (2010), 288–298.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lfg. 1. Budapest, 1986 (Е. А. Хелимский). — Э. 1986–1987 (1989), 240–245.

Slawisticzne studia językoznawcze. Profesorowi Doktorowi Franciszkowi Sławskiemu w 70. rocznicę urodzenia i 50-lecia pracy naukowej w dowód głębokiego szacunku i uznania przyjaciele, koledzy i uczniowie. Wrocław etc., WPAN, 1987 (Л. В. Куркина). — Э. 1988–1990 (1992), 185–193.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994 (А. М. Молдован). — Э. 1994–1996 (1998), 209–213.

Studia etymologica Brunensia. 1. Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: “Euroslavica”, 2000 (А. Е. Аникин). — Э. 2000–2002 (2003), 239–246.

Указатель трудов Олега Николаевича Трубочева за 1992–1999 гг. (Составил А. А. Калашников). — Э. 1997–1999 (2000), 225–230.

Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982 (Т. А. Гуриев). — Э. 1985 (1988), 186–188.

Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987 (А. Ф. Журавлев). — Э. 1988–1990 (1992), 181–185.

Szymański T. Ze studiów nad słownictwem słowiańskim. Kraków, 2003 (Л. В. Куркина). — Э. 2003–2005 (2006), 361–367.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského. 1 (А-благъ), (благъ-дѣло). Hl. red. E. Havlová. Academia, ČSAV, Praha, 1989–1990 (Л. В. Куркина). — Э. 1991–1993 (1994), 172–174.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 3, 4, 5. Hl. red. E. Havlová. Academia, ČSAV, Praha, 1991–1995 (Л. В. Куркина). — Э. 1994–1996 (1998), 187–189.

Составила Т. М. Скрипова

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абаев *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
- Абаев ОЯФ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.–Л., 1949.
- Акчим. словарь Словарь говора д. Акчим Пермской обл. (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–5. Пермь, 1984–2003—.
- Алтайский словарь Словарь русских говоров Алтая / Ред.: И. А. Воробьева, А. И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
- Аникин. Балто-слав. *Аникин А. Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Вып. 1. Новосибирск, 1998.
- Аникин РЭС *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–5— . М., 2007–2011—
- Аникин ЭСРусДСиб *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Арханг. словарь Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–14— . М., 1980–2012—.
- Байкоў — Некраш. *Байкоў М., Некрашэвіч Е.* Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск, 1925.
- БАС Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1–7— . М., 2004–2007— .
- БД Българска диалектологија. Т. I–X. София, 1962–1981.
- БЕР Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–7— . София, 1962–2010—.
- Берштейн² *Берштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1975.
- Блр.-рус. Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

- Брян. Словарь   Словарь брянских говоров / Ред.: В. И. Чагишева, В. А. Козырев. Вып. 1–5– . Л., 1976–1988– .
- БСЖ   *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТР   *Андрейчин Л. и др.* Български тълковен речник. София, 1955.
- Бялькевіч   *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1980.
- Варшавский словарь   *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. 1–8. W–wa, 1900–1927 (= 1952–1953)
- Васнецов   Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Вершинин. словарь   Вершининский словарь / Авторы-составители: В. Г. Арьянова, Т. Б. Банкова, О. И. Блинова и др., главный ред. О. И. Блинова. Т. 1–2– . Томск, 1998–1999– .
- Вологодский словарь   Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–10– . Вологда, 1983–2005– .
- Воронежский словарь   Словарь воронежских говоров / Науч. Ред. Г. Ф. Ковалев. Вып. 1–. Воронеж, 2004–.
- Вук 1818   *Вук Стефановић Караџић.* Српски рјечник. Београд, 1818
- Вук   *Вук Стефановић Караџић.* Српски рјечник. Изд. 3. Београд, 1898
- Гамкрелизе—Иванов. ИЕ   *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-этимологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Гарэцкі   *Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак. Выд. 3. Менск, 1895.
- Геров   *Геров Н.* Рѣчникъ на българский языкъ съ тълкувание рѣчи-ты на български и на русски. Ч. I–V. Пловдив, 1895–1904 (= София, 1975–1978); ч. VI (= Панчевъ Г. Допълнение на българския рѣчникъ от Н. Геровъ). Пловдив, 1908 (= София, 1978).
- Гордеев. Этим. сл. мар. яз.   *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1–2 . Йошкар-Ола, 1979–1983.
- Горяев   *Горяев Н.* Этимологический словарь русского языка / Изд. 2. Тифлис, 1896.

- Гринченко *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- ДА Диалектен архив при Института за български език при БАН.
- Даль² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882 (= 1955).
- Даль³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
- Деулинский словарь Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969.
- Добровольский *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Донск. словарь Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
- Доп. к Опыту Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. С-Пб., 1858.
- Елистратов. Арго *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.
- Егоров *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- ЕРСЈ
ЕСУМ
Этимолошки речник српског језика. Београд, 2003-
Етимологічний словник української мови
/ Ред. кол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід,
В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Скляренко,
О. Б. Ткаченко и др. Т.1–5– . К., 1982–2006– .
- Желеховский—Нед. *Желеховский Е., Недільский С.* Малорусско-німецкий словарь. I–II. Львів, 1886.
- Живковић. Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
- Жуковский *Жуковский В. А.* Материалы для изучения перс. наречий. Ч. I. СПб., 1888; ч. II. ПБ., 1922, ч. III. Пг., 1922.
- Иркут. словарь Иркутский областной словарь / Ред.-сост. Н. А. Бобряков Т. I–III. Иркутск, 1973–1979.

Караџић	Караџић Вук Стеф. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Београд, 1898.
Картотека СРНГ	Картотека Словаря русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН, СПб.
Карт. Сл. Рус. Севера	Картотека Словаря говоров Русского Севера / г. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. М. Горького, кафедра общего и русского языкознания.
Конески	Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Съст. Т. Димитровски, Бл. Корубин, Тр. Стаматоски. Под ред. на Бл. Конески. Књ. I–III. Скопје, 1961–1966.
Красноярский словарь	Словарь говоров южных районов Красноярского края / 2-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.
Куликовский	Куликовский Г. Словарь областного олонцкого наречия. СПб., 1898.
ЛАБНГ	Лексичны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Пад рэд. М. В. Бірылы, Ю. Ф. Мацкевіч і інш. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
Лексика Полесья	Лексика Полесья: материалы для полесского диалектного словаря/ Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1968
Лисенко	Лисенко П. С. Словник поліських говорів. К., 1974.
ЛК ТЭ	Лексическая картотека Топонимической УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания)
Лютикова	Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
Лыткин-Гуляев	Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
МАС	Словарь русского языка. В 4 т./ Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984. Т.3, 115.
Матер. Магилёўшч.	Абабурка М. В., Бузук М. П., Лайшук А. С., Якубовіч Т. І. Материалы да абласнога слоўніка Магилёўшчыны. Магилёў, 2005
Младенов	Младенов С. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.

- Младенов БТР *Младенов С.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1927–1951.
- Мордов. словарь *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост.: Э. С. Большакова, Н. П. Кудряшова, П. В. Михалева и др. А–Г, Д–И, К–Л, М–Н–Саранск, 1978–1986–.*
- Народная лексика
Новг. словарь *Народная лексика. Мінск, 1977.
Клевова А. В., Никитин А. В., Петрова Л. Я., Строгова В. П.* Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Новосиб. словарь *Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова Новосибирск, 1979.*
- Носович *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Ожегов — Шведова *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992
- ОЛА *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.*
- Онышкевич *Онышкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1. А–Н; ч. 2. О–Я. Київ, 1984.
- Опыт *Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.*
- ОС *Огледна свеска. / Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ. Београд, 1998 (Библиотека ЈФ н.с. 15)*
- Орловский словарь *Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Научный редактор Т. В. Бахвалова. Вып. 1–12–. Ярославль; Орел, 1989–2001–.*
- Перм. словарь *Словарь пермских говоров / Сост.: Бажутина Г. В., Борисова А. Н., Подюков И. А., Прокошева К. Н., Федорова Л. В. Шляхова С. С., Мисюра Е. К., Соловьева О. Е. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.*
- Подвысоцкий *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полн. Сл. сибир. *Полный словарь сибирского говора. Вып. 1–4. Томск, 1992–1995.*

- Преображенский *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М., 1910–1914. Окончание / Труды ИРЯ. Т. I. М., 1949.
- Приамур. словарь Словарь русских говоров Приамурья / Составители: Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. М., 1983.
- Прибайк. словарь Словарь русских говоров Прибайкалья / Отв. ред. Кашевская Ю. И. Вып. 1–. Иркутск, 1986–.
- Псков. словарь Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Вып. 1–19–. Л., 1967–2007–.
- Радлов *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911 (=репринтное издание — М., 1963).
- Расторгуев *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
- РРОДД *Илчев С. и др.* Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.
- РБЕ Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. С., 1954–1959.
- РСА Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Књ. I–XV. Београд, 1959–1996–.
- СБНУ Сборник за народни умотворения и народопис. Т. I–II. София, 1889–1963
- Селигер Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–3–. СПб., 2003–2007–.
- СДЗБ Српски дијалектолошки зборник. Београд.
- СДРЯ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. 1–5), И. С. Улуканов (т. 6), В. Б. Крысько (т. 7–8). Т. 1–8— . М., 1988–2008—.
- Сл. донск. казачества Большой толковый словарь донского казачества / Ред. колл.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.
- Сл. Низ. Печоры Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–. СПб., 2003–.

- Словарь Башкирии Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З. П. Здобновой. Вып. 1. Уфа, 1992— .
- Словарь Карелии Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Словарь Оби Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби / Под ред. В. В. Палагиной. Т. I–III. Томск, 1962–1965. Дополнение / Под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной. Томск, 1975–1976.
- Словарь Прииртышья Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Т. 1–3, 1992–1993; Дополнения — 1. Томск, 1998— .
- Словарь Сибири Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. Н. Федорова. Т. 1–3— . Новосибирск, 1999–2002— .
- Словн. ст.-укр. мови XIV–XV ст. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред.: Д. Г. Гринчишин, Л. Л. Гумецька, И. М. Керницький. Т. I–II. К., 1977–1978.
- Словн. укр. мови Слоўн. Брэст. Словник української мови. Т. 1–11. К., 1970–1980. Диялектны слоўнік Брэстчыны / Сост. М. М. Аляхновіч и др. Ред. Г. М. Малажай и Ф. Д. Климчук. Мінск, 1989
- Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук, Ф. Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск, 1978–1986.
- Сл. Русского Севера = СГРС Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл-корр. РАН А. К. Матвеева. Т. I–V— . Екатеринбург, 2001–2011— .
- СлРЯ XI–XVII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–28—). М., 1975–2008— .
- СлРЯ XVIII в. Словарь русского языка XVIII в. / Авторы-сост.: А. А. Алексеев, Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова и др. Вып. 1–17— . Л., 1984–2007— .
- Сл. Сред. Урала Словарь русских говоров Среднего Урала/ Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

- Сл. Сред. Урала. Доп. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- Сл. старообрядцев
Забайкалья Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
- Сл. яиц. каз. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В четырех томах. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.
- Смоленск. словарь *Иванова А. И.* Словарь смоленских говоров. Вып. 1–6. Смоленск, 1974–1993.
- Соликам. словарь Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
- СППП Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
- Срезневский *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903 (= 1958, 1989).
- СРНГ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–44—). Л., 1966–2011—.
- ССРЛЯ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1956.
- ССРЛЯ² Словарь современного русского литературного языка.: В 20 т. / Гл. ред. Горбачевич К. С. Т. 1–6. М.; 1991–1994.
- Станић. Ускочки
речник *Станић М.* Ускочки речник. Књ. I–II. Београд, 1990–1991.
- Стијовић. Из лексике
Васојевића *Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗБ. Расправе и грађа. Књ. XXXVI. Београд, 1990.
- Ст.-слав. словарь Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, В. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Сцяшкови́ч *Сцяшкови́ч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
- Сцяшкови́ч. Слоўн. *Сцяшкови́ч Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- Тимофеев *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

- Ткаченко *Ткаченко П.* Кубанский говор / Опыт авторского словаря. М., 1998.
- Толстой² *Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2. М., 1958.
- Толстой⁴ *Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 4. М., 1970.
- Топоров. Прус. яз. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А–L. М., 1975–1990.
- Трофимович *Верхне-лужицко-русский словарь / Сост. К. К. Трофимович, под ред. Ф. Михалка и П. Фёлькея. М.–Бауцен, 1974.*
- Тураўскі слоўнік *Тураўскі слоўнік / Складальнікі: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін, П. А. Міхайлаў, Г. М. Трухан. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.*
- Ушаков *Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935.*
- Фасмер *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (= М., 1986–1987; 1996).
- Федотов *Федотов.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Чебоксары, 1996.
- Черных *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
- Чукалов³ *Чукалов С. К.* Болгарско-русский словарь. Изд. 3. София, 1960.
- Шагиров *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
- Шанский *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Шапошников *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Шаталава *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
- Шведова *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.*

- Эдельман—Расторгуева *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I—III. М., 2000—2007; *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. IV— . М., 2011—
- Элиасов *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭСБМ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (Т. 1–8), Г. А. Цыхун (Т. 9–13). Т. 1–13— . Мінск, 1978–2010— .*
- ЭСРЯ *Этимологический словарь русского языка / Гл. ред.: Н. М. Шанский, А. Ф. Журавлев. Вып. 1–10— . М., 1963–2007— .*
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (Вып. 32—). Вып. 1–37— . М., 1974–2011— .*
- ЭСТЯ *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. I—III. М., 1974–1980. [Севортян Э. В., Левитская Л. С.]. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межeturкские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" — . М., 1989— .
- Янкова *Янкова Т. С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
- Яросл. словарь *Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г. Г. Мельниченко, Л. Е. Кругликова, Е. М. Секретова. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.*
- Яшкін *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
- Яшкін. Слоўн. *Яшкін І. Я.* Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 2005.

- Bańkowski *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa, 2000.
- Bartholomae *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
- Bartoš *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
- Berneker *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1908–1913.
- Bezljaj *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.
- Böhtlingk — Roth *Böhtlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch . SPb., 1855–1875.
- Boryś *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 2005.
- Brückner *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (=1957, 1970, 2005).
- Buck *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949 (=1965, 1971).
- Derksen *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden-Boston, 2008
- Doroszewski *Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. I–XI. W-wa, 1958–1969.*
- Ernout — Meillet⁴ *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: 4ème éd. T. I–II Paris, 1959–1960.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlova, A. Erhart. Seš. 1–15— . Praha, 1989–2010— .*
- EtymDictAlt *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, 2003.
- EtymWbAhd *Lloyd A. L., Springer O.* Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. I– . Göttingen; Zürich, 1988– .
- Falk–Torp *Falk H. S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. 2. Auflage. Oslo, Bergen, 1960.
- Feist *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprachen. Leiden, 1939.

- Fick⁴ *Fick A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3. Teil: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit / Unter Mitwirkung von H. Falk gänzlich umgearbeitet von A. Torp. 4. Aufl. Göttingen–Ruprecht, 1909.
- Fraenkel *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, Göttingen, 1955–1965.
- Friedrich *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Lieferung I. Heidelberg, 1955.
- Frisk *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1954–1972.
- Gebauer *Gebauer J.* Slovník staročeský. D. I–II. Pr., 1903–1916.
- Gluhak *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.
- Gutsmann *Gutsmann O.* Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschen windischen Stammwörter, und einigen vorzüglichern Wörter. Klagenfurt, 1789.
- Hadžić. Rožajski rječnik *Hadžić I.* Rožajski rječnik (građa za diferencijalni rječnik rožajskog kraja). Rožaje, 2003.
- HDZb *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Zagreb.
- Hesyh. *Hesyhius Alexandrinus.* Lexicon. Ed. Minor., hgb. M. Schmidt. Jena, 1867.
- Histor. Sloven. *Historický slovník slovenského jazyka / Ved. Red. M. Majtan.* I–V–. Bratislava, 1991–2000–.
- Holub–Kopečný *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1952.
- Hraste–Šimunović *Čakavisch-deutsches Lexikon / Von M. Hraste und P. Šimunović.* Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Teil 1–2. Köln–Wien, 1979.
- Jakubaš *Jakubaš F.* Hornjoserbsko–němski słownik. Budyšin, 1954.
- Jungmann *Jungmann J.* Slovník česko–německý. D. I–V. Pr., 1835–1839.
- Kálal *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1924.
- Karłowicz *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T.I–VI. Kraków, 1990–1911.
- Kluge²⁰ *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. Red. W. Mitzka. Berlin, 1967.

- Kluge²¹ *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränderte Aufl. Berlin–New York, 1975.
- Kluge²³ *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeiten von E. Seebold. 23. erweiterte Aufl. Berlin; New York, 1995.
- Kopečný *Kopečný Fr.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
- Kott *Kott F.* Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- Kott. Dod. K Bart. *Kott F. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 8).
- Kucała *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Lehmann. Goth. Etym. *Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3rd ed. of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden, 1986
- Lex. Indogerm. Verb. *Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzel und ihre Primärstambildungen / Unter Leitung von H. Retz und der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von M. Kümmel, T. Lehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden, 1998.*
- Linde¹ *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. W-wa, 1807–1814.
- Linde² *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. Lwów, 1854–1860.
- LKŽ *Lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčikonis (t. I–II), red. Kol. J. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak red. (t. III–X). T. I–X. Vilnius, 1941–1976.*
- Lokotsch *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.
- Lorentz. Pomor. *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. B. I–V. B., 1968–1983.
- Lorentz. Sl. Wb. *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. T. I–II. St.Petersburg, 1908, 1912.
- Machek¹ *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.

- Machek² *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968 (=1971).
- Mallory–Adams *Mallory J. P., Adams D. Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London–Chicago, 1997.
- Mayrhofer *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. B. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.
- Mayrhofer. Altindoar. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. B. I–II–. Heidelberg, 1986–1996–.
- Mažiulis *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. 1–4. Vilnius, 1988–1997.
- Miklosich *Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Mikl. LP *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865
- Muka *Muka E.* Słownik dolnoserbškeje rěcy a jeje narěcow. Bd. I. SPb., 1911–1915. Bd. II–III. Pr., 1926–1928.
- Mühlenbach–Endzelin *Mühlenbach K.* Lettisch-Deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. I–IV. Riga, 1923–1925.
- Onions *The Oxford Dictionary of English Etymology.* Edited by C. T. Onions with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. Oxford, 1966.
- Orel AED *Orel Vladimir.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden etc., 1998.
- Orel HgermEt *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden–Boston, 2003.
- Pfeifer. EtymWbDeutsch *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin, unter der Leitung von W. Pfeifer. 2 Aufl. Berlin, 1993.*
- Pfuhl *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Pleteršnik *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895 (=1974).
- Pokorny *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.
- Polański *Polański K.* Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław-W-wa–Kr. 1962–1994.

- PSJČ Příruční slovník jazyka českého. Díl. I–VIII. Praha, 1935–1957.
- Räsänen *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.
- Rejzek *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice, 2001.
- RJA Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Sv. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Rus. Geogr. Namenbuch Russisches geographisches Namenbuch / Hrsg. von M. Vasmer. Bd. I–X. Wiesbaden, 1962–1980.
- Sadnik–Aitzetmüller *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Vgl. Wb. Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963–1973. L. 1–6.
- Sadnik — Aitzetmüller, *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- Schrader–Nehring. Real. *Schrader O.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl., herausgearb. N. Nehring. Bd. I–II. Berlin–Leipzig, 1917–1928.
- Schuster-Šewc *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. B. I–IV (L. 1–24). Bautzen. 1978–1989.
- Schütz *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
- Sedat Alp *Sedat Alp.* Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. Türk tarih kurumu başimevi. Ankara, 1991.
- SEK *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–6. Warszawa, 1994–2010.
- SJS Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 2006.
- Škaljić *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.
- SKES *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–II. Helsinki, 1958–1978.
- Skok *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sł. polszcz. XVI w. Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław, 1966.
- Sł. stpol. Słownik staropolski / Pod red. S. Urbańczyka. T. I–XI. Warszawa, 1953–2002.

- Sławski *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.
- Sławski. Zarys. *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1–3. Wr. etc., 1974–1979.
- Słown. stpol. nazw osobowych *Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taczyckiego.* T. I–VII. Wrocław etc., 1965–1985.
- Smoczyński *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007
- Snoj² *Snoj Marko.* Slovenski etimološki slovar. Druga, pregledana izdaja. Ljubljana, 2003.
- SP *Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego.* T. I–VIII–. Wr. etc., 1974–2001–.
- SSJ *Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar.* D. I–VI. Br., 1959–1968.
- SSKJ *Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. I–V.* Ljubljana, 1970–1991.
- Stang *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo–Bergen–Tromsø, 1966.
- Sychta *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław etc. 1967–1976.
- Torp *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Kristiania, 1919.
- Trautmann *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Vaillant. Gramm. comparée *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris–Lyon, 1950–1977.
- Vasmer *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
- Vries. Altnord. *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.
- Vries. Nederl. etym. *Vries J. de.* Nederlands etymologisch woordenboek. Leiden, 1963.
- Walde² *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
- Walde — Hofmann *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
- Walde — Pokorny *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch des indogermanischen Sprachen. B. I–II. Berlin–Leipzig, 1928–1932.

Журналы

БЕ	Български език
ВО	Вопросы ономастики
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания
ВЯ	Вопросы языкознания
ИИБЕз	Известия на Института за български език. Т. I-. София, 1952-
ЈФ	Јужнословенски филолог
ОИЯ	Основы иранского языкознания
РФВ	Русский Филологический Вестник
СБНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
AfsIPh	Archiv für slavische Philologie
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
FUF	Finnisch-ugrische Forschungen
IF	Indogermanische Forschungen
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LSFU	Lexica Societatis Fenno-Ugricae
MSFOu	Mémoire de la Société Finno-ougrienne. Somalis-ugrilaisen Seuran Toimituksia
RO	Rocznik orientalistyczny
SEB	Studia etymologica Brunensia
SEC	Studia etymologica Cracovensia
SOr	Slavia Orientalis
SPAV	Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
ZfS(l)	Zeitschrift für Slawistik. Berlin.
ZfSIPh	Zeitschrift für slawische Philologie. Leipzig — Heidelberg.

Языки и диалекты

абазинск.	– абазинский	бацб.	– бацбийский
абж.	– абжуйский	башкир.	– башкирский
абхаз.	– абхазский	бзыб.	– бзыбский
авар.	– аварский	беслен.	– бесленский
авест.	– авестийский	блр.	– белорусский
агулукск.	– агульский	болг.	– болгарский
адыг.	– адыгский	ботл.	– ботлихский
адыгейск.	– адыгейский	брет.	– бретонский
азерб.	– азербайджанский	брян.	– брянский
алан.	– аланский	будух.	– будухский
алб.	– албанский	булг.	– болгарский
алт.	– алтайский	бундахишн.	– язык Будахишна
амазон.	– амазонский	в.-вычег.	– верхневыхегодский диалект коми
амур.	– амурский	в.-луж.	– верхнелужицкий
анатол.	– анатолийские	в.-нем.	– верхненемецкий
англ.	– английский	в.-сысол.	– верхнесыольский диалект коми
англосакс.	– англосаксонский	вавил.	– вавилоский
андийск.	– андийский	валаш.	– валашский
араб.	– арабский	валл.	– валлийский
арам.	– арамейский	валлон.	– валлонский
арийск.	– арийский	вахан.	– ваханский
арм.	– армянский	вед.	– ведийский
арум.	– арумынский	вейнах.	– вейнахский/вейнах- ские
арханг.	– архангельский	венг.	– венгерский
арчин.	– арчинский	венет.	– венетский
астур.	– астурийский	вепс.	– вепсский
афг.	– афганский	влад.	– владимирский
атт.	– аттический	вогул.	– вогульский
ахвах.	– ахвахский	вод.	– водский
бавар.	– баварский	волж.-фин.	– волжско-финский
багв.	– багвалинский	волог.	– вологодский
бакс.	– баксанский	ворон.	– воронежский
бактр.	– бактрийский	вост.-герц.	– восточно-герцего- винские
балкар.	– балкарский	вост.-кавк.	– восточно-кавказский
балт.	– балтийский		
балто-слав.	– балто-славянский		
бартанг.	– бартангский		
батум.	– батумский		

вост.-казах.	— восточно-казахский	др.-прус.	— древне-пруссский
вост.-ром.	— восточно-романский	др.-рус.	— древнерусский
вост.-слав.	— восточнославянский	др.-сакс.	— древнесаксонский
вост.-чеш.	— восточночешский	др.-сев.	— древне-северный
вым.	— вымский диалект коми	др.-словен.	— древне-словенский
вят.	— вятский	др.-тюрк.	— древнетюркский
г.-алт.	— горноалтайский	др.-фриз.	— древне-фризский
гагауз.	— гагаузский	др.-чув.	— древне-чувашский
галис.	— галисийский	др.-швед.	— древне-шведский
галл.	— галльский	енис.	— енисейский
герм.	— германский	забайк.	— забайкальский
гол.	— голандский	занск.	— занский
горьк.	— горьковский	зап.-морав.	— западно-моравский
гот.	— готский	заурал.	— зауральский
греч.	— греческий	зильск.	— зильский
гродн.	— гродненский	зор.	— зороастрийский
груз.	— грузинский	и.-е.	— индоевропейский
гунзиб.	— гунзибский	иван.-воз-	— иваново-вознесен-
дак.	— дакийский	нес.	ский
дарг.	— даргинский	ижем.	— ижемский диалект коми
дигор.	— дигорский	ильмен.	— ильменский
долг.	— долганский	инар.	— инарский
донск.	— донской	ингуш.	— ингушский
доперм.	— допермский	индоар.	— индоарийский
дор.	— дорийский	индо-иран.	— индоиранский
др.-англ.	— древнеанглийский	ион.	— ионийский
др.-в.-нем.	— древневерхненемец- кий	иран.	— иранский
др.-венг.	— древне-венгерский	ираноа-	— ирано-арийский
др.-греч.	— древнегреческий	рийск.	
др.-инд.	— древнеиндийский	иркут.	— иркутский
др.-иран.	— древнеиранский	ирл.	— ирландский
др.-ирл.	— древне-ирландский	ирон.	— иронский
др.-исл.	— древнеисландский	исл.	— исландский
др.-лид.	— древне-лидийский	исп.	— испанский
др.-новг.	— древненовгородский	италийск.	— италийский
др.-норв.	— древненорвежский	итал.	— итальянский
др.-перс.	— древнеперсидский	ишкаш.	— ишкашимский
др.-польск.	— древнепольский	йид.	— йидига
		кабард.	— кабардинский

казан.	– казанский	куйбыш.	– куйбышевский
казах.	– казахский	кум.	– кумыкский,
кайк.	– кайкавский	курган.	– курганский
калин.	– калининский	курд.	– курдский
калм.	– калмыцкий	курс.	– курский
калуж.	– калужский	кумык.	– кумыкский
камч.	– камчатский	кушан.	– кушанский
кар.	– карийский	кыпч.	– кыпчакский
караим.	– караимский	лазск.	– лазский
карач.-бал-	– карачаево-балкар-	лакск.	– лакский
кар.	ский	ламбард.	– ламбардский
карахан.-	– караханидско-уйгур-	лат.	– латинский
уйг.	ский	лезг.	– лезгинский
каргоп.	– каргопольский	леск.	– лескский
карел.	– карельский	лет.	– летский говор коми
карел.-ливв-	– карельско-ливвий-	ливв.	– ливвиковский
	ский	ливск.	– ливский
картв.	– картвельский	лит.	– литовский
крх.-уйг.	– карахан-уйгурский?	лтш.	– латышский
камасин.	– камасинский	луз.	– лузский говор коми
каталон.	– каталонский	луз.-лет.	– лузско-летский диа-
кафир.	– кафирский		лект коми
кашгар.	– кашгарский	люд.	– людииковский
кашуб.	– кашубский	ляш.	– ляшский
кашуб.-сло-	– кашубско-словин-	малоаз.	– малоазийский
вин.	ский	макед.	– македонский
кельт.	– кельтский	маних.	– манихейский
кемер.	– кемеровский	манс.	– мансийский
кильд.	– кильдинский	мар.	– марийский
кимр.	– кимрский	мегр.	– мегрельский
кипр.	– кипriotский	меот.	– меотский
кирг.	– киргизский	миз.	– мизийский
киров.	– Кировский	микен.	– микенский
ккалп.	– каракалпакский	мин.	– минойский
кольск.	– кольский	мл.-авест.	– младо-авестийский
коми-зыр.	– коми-зырянский	монг.	– монгольский
костр.	– костромской	морав.	– моравский
краснояр.	– Красноярский	морд.	– мордовский
крит.-мик.	– крито-микенский	моск.	– московский
кубан.	– кубанский	мунджан.	– мунджанский

н.-вычег.	– миженвычегодский диалект коми	перс.	– персидский
н.-греч.	– новогреческий	пехл.	– пехлевийский
н.-луж.	– нижнелужицкий	печор.	– печорский диалект коми
н.-нем.	– нижненемецкий	поволжск.	– поволжский
н.-перс.	– новоперсидский	полаб.	– полабский
нар.-лат.	– народно-латинский	половец.	– половецкий
нем.	– немецкий	польск.	– польский
ненец.	– ненецкий	пра-и.-е.	– праиндоевропейский
непальск.	– непальский	прагерм.	– прагерманский
нидерл.	– нидерландский	праиндо-	– праиндо-иранский
нижегор.	– нижегородский	иран.	
нижнемака-	– нижнемакарьевский	праиран.	– праиранский
рьев.		пракартв.	– пракартвельский
нов.-в.-нем.	– нововерхненемецкий	праперм.	– прапермский
нов.-перс.	– новоперсидский	праслав.	– Праславянский
новг.	– новгородский	пратунг-	– пратунгусомань-
новоисл.	– ново-исландский	маньж.	– жчурский
новорж.	– новоржевский	пратюрк.	– пратюркский
новорос.	– новороссийский	праудм.	– прAUDмуртский
новосиб.	– новосибирский	праурал.	– прAуральский
н.-уйгур.	– новоуйгурский	праяп.	– праяпонский
ног.	– ногайский	прекмур.	– прекмурский
норв.	– норвежский	приамур.	– приамурский
о.-иран.	– обще-иранский	приангар.	– приангарский
о.-тюрк.	– общетюркский	прибалт.	– прибалтийский
обоян.	– обоянский	присыктыв.-	– присыктывкарский
общеперм.	– общепермский		диалект коми
огуз.	– огузский	прованс.	– провансальский
олон.	– олонецкий	прус.	– прусский
онеж.	– онежский	псков.	– псковский
оренб.	– оренбургский	родоп.	– родопский
орл.	– орловский	роксан.	– роксанский
орхон.	– орхонский	рост.	– ростовский
осет.	– осетинский	рум.	– румынский
османо-тур.	– османо-турецкий	рус.	– русский
осташ.	– осташковский	рус.-цслав.	– русско-
патс.	– диалект Патсйоки		– церковнославянский
пенз.	– пензенский	рутул.	– рутульский
перм.	– пермский	рушан.	– рушанский

ряз.	– рязанский	ср.-в.-нем.	– средневерхненемец- кий
с.-хорв.	– сербохорватский	ср.-ирл.	– среднеирландский
саам.	– саамский	ср.-н.-нем.	– средненижненемец- кий
сак.	– сакский	ср.-нидерл.	– средненидерланд- ский
самар.	– самарский	ср.-перс.	– среднеперсидский
санскр.	– санскрит	ср.-сысол.	– среднесыольский диалект коми
сарат.	– саратовский	ст.-блр.	– старобелорусский
сарм.	– сарматский	ст.-болг.	– староболгарский
сарм.-алан.	– сармато-аланское языковое состояние	ст.-кыпч.	– старокыпчакский
сарык.	– сарыкольский	ст.-лит.	– старолитовский
сахалин.	– сахалинский	ст.-луж.	– старолужицкий
сван.	– сванский	ст.-осет.	– староосетинский
свердл.	– свердловский	ст.-перс.	– староперсидский
сев.-вост.	– северо-восточный	ст.-польск.	– старопольский
сев.-двинск.	– северодвинский	ст.-прованс.	– старопровансальский
сев.-кавк.	– северокавказский	ст.-рус.	– старорусский
сев.-рус.	– севернорусский	ст.-рус.- цслав.	– старорусско-церков- нославянский
север.	– северный	ст.-слав.	– старославянский
селькуп.	– селькупский	ст.-укр.	– староукраинский
сем.-хам.	– семито-хамитский	ст.-франц.	– старофранцузский
серб.	– сербский	ст.-фриг.	– старофригийский
серб.-цслав.	– сербско-церковно- славянский	ст.-чеш.	– старочешский
сиб.	– сибирский	сугд.	– сугдайский
силез.	– силезский	табас.	– табасаранский
симб.	– симбирский	тавр.-гот.	– таврический готский
сирийск.	– сирийский	тадж.	– таджикский
сканд.	– скандинавский	талыш.	– талышский
скиф.	– скифский	тамб.	– тамбовский
слав.	– славянский	татар.	– татарский
словац.	– словацкий	татск.	– татский
словен.	– словенский	твер.	– тверской
словин.	– словинский	терск.	– терский
смол.	– смоленский	тихв.	– тихвинский
согд.	– согдийский	тобол.	– тобольский
сонгел.	– сонгельский	толмин.	– толминский
ср.-англ.	– среднеанглийский		
ср.-болг.	– среднеболгарский		

том.	– томский	хорезм.	– хорезмийский
тофалар.	– тофаларский	хот.	– хотанский
тох.	– тохарский	хотано-сак.	– хотано-сакский
тувин.	– тувинский	хуф.	– хуфский
тул.	– тульский	цахур.	– цахурский
тунг.-маньчж.	– тунгусо-маньчжурский	цез.	– цезский
тур.	– Турецкий	ц.-слав.	– церковнославянский
туран.	– Туранский	цыган.	– цыганский
туркм.	– туркменский	чагат.	– чагатайский
туров.	– туровский	чакав.	– чакавский
тюмен.	– тюменский	чам.	– чамалинский
тюрк.	– тюркский	черепов.	– череповецкий
убых.	– убыхский	черк.	– черкесский
удинск.	– удинский	черниг.	– черниговский
удм.	– удмуртский	черноврш.	– черновршский
удор.	– удорский диалект коми	черногор.	– черногорский
узб.	– узбекский	чечен.	– чеченский
уйгур.	– уйгурский	чечен.-инг.	– чечено-ингушский
укр.	– украинский	чеш.	– чешский
умбр.	– умбрский	чираг.	– чирагский
урал.	– уральский	чуваш.	– чувашский
урарт.	– урартский	шапсуг.	– шапсугский
уфим.	– уфимский	швед.	– шведский
фар.	– фарерский	шорск.	– шорский
фесс.	– фессалийский	шотл.	– шотландский
фин.	– финский	шток.	– штокавский
фин.-угор.	– финно-угорский	шугн.	– шугнанский
фрак.	– фракийский	эвенк.	– эвенкийский
франц.	– французский	эст.	– эстонский
фриг.	– фригийский	ю.-вост.	– южновосточный
фриз.	– фризский	ю.-слав.	– южнославянский
хабар.	– хабаровский	южн.	– южный
хазар.	– хазарский	ягноб.	– ягнобский
хант.	– хантыйский	язг.	– язгулямский
хатт.	– хаттский	язьв.	– коми-язьвинский диалект коми
хетт.	– хеттский	якут.	– якутский
хетто-лув.	– хетто-лувийские	яросл.	– ярославский
хорв.	– хорватский	ясск.	– ясский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

М. Белетич (Белград). Дополнение к исследованию терминологии родства в сербском языке (<i>чукундед</i>).....	3
Е. Л. Березович . « <i>Рай</i> идет в этом <i>Райке</i> ...»: к образу рая в русской языковой традиции	18
П. Вальчакова (Брно). Названия шелка в славянских языках	35
Ж. Ж. Варбот . Славянские дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям (в.-луж. <i>čowpać</i> , кашуб. <i>zědřec sq, zejac</i> , чеш. <i>pachořit' sa</i> и словац. <i>pachoric še</i> , рус. <i>хотцы</i>)	40
В. Л. Васильев . Полногласные топонимические отражения праслав. * <i>bolg-</i>	45
И. В. Васильева . Праслав. * <i>pěstь</i> , рус. <i>нест</i> и польск. <i>Piast</i>	56
Т. В. Горячева . Этимологические заметки по русской и славянской лексике	63
Х. Дейкова (София). Об этимологизации группы глаголов румынского происхождения в одном болгарском говоре (дополнение к "Болгарскому этимологическому словарю").....	78
И. Г. Добродомов . Из историко-этимологических разысканий о новых словах	90
Л. П. Дронова . <i>Досуг</i> и <i>досужий</i> : семантическая ретроспектива	128
А. Ф. Журавлев . Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 3	135
Л. Кралик (Братислава). Словацкие этимологии: к вопросу о рефлексах праслав. * <i>ękati</i> , * <i>libati</i>	173
Л. В. Куркина . Заметки по этимологии славянских слов	178
А. Лома (Белград). К проблеме раннеславянских иранизмов	189
Ю. М. Муратов . 'Неправильное поведение' как одна из мотиваций в лексико-семантическом поле 'присвоение чужого (силой или тайно)' в русском языке ..	202
С. А. Мызников . О некоторых новых и спорных прибалтийско-финских этимологиях	209
И. П. Петлева . О русских диалектных лексемах с префиксами <i>ла-</i> , <i>ле-</i> , <i>ло-</i> , <i>ли-</i> , <i>лу-</i>	217

М. Рачева (София). К проблематике т. н. нерегулярных изменений на примере этимологии болг. диал. <i>пѣлъкам</i> ‘неумело работать’, <i>пѣлтя</i> ‘заикаться’, <i>пелтисвам</i> ‘шепелявить’ и <i>пѣлям</i> ‘жевать, мять во рту’ (о беззубом грудном ребенке).....	222
М. Сной (Любляна). О словенской фамилии <i>Bezljaj</i>	229
Д. С. Соломеина, О. А. Теуш . Семантические коррективы к этимологии праслав. <i>*sъja</i>	234
А. М. Ушакевич (Минск). <i>Жыццё-біццё</i> : к семантической истории компонентов ЛСГ <i>жыць</i> ‘vivere’ и <i>жыць</i> ‘habitare’ (на материале белорусского языка).....	239
Т. В. Шалаева . Праслав. <i>*plutъkjъ</i>	249
А. К. Шапошников (Коктебель). Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье	252
И. Янышкова (Брно). О некоторых славянских названиях деревьев	309

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А. Е. Аникин . Русский этимологический словарь. Вып. 2 (б — <i>бдынь</i>). М., 2008. Вып. 3 (<i>бе</i> — <i>болдыхать</i>). М., 2009. (И. Г. Добродомов).....	320
М. Jakubowicz . Drogi słów na przestrzeni wieków, Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s. (С. М. Толстая)	335
Eva Havlová . České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha, 2010 (А. К. Шапошников)	346
Некоторые актуальные проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания (размышления над страницами сборника <i>W. Mańczak</i> . Linguistique générale et linguistique Indo-Européenne) (А. К. Шапошников).....	358
Указатель статей и рецензий «Этимология» 1984— 2006–2008	390
Принятые сокращения	405

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ЭТИМОЛОГИЯ 2009–2011

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж. Ж. Варбот

Формат 60x90/₁₆. Печать офсетная.
Объем 25,11 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN – 978-5-98604-343-2

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

